

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2021 № 3 (21)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 3 (21). 2021

Published since 2016

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2021. № 3 (21)

Издается с 2016 г.

Редакция

Главный редактор

Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Елена Валерьевна Глухова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Владислав Александрович Резвый (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Зоя Сергеевна Закружная (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Виктория Юрьевна Попова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.А. Богомолов* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лоцилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строчанов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *П.М. Лавринец* (Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Са' Foscari, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна – Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тименчик* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская 25 а

Тел: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

Сайт: <http://litfact.ru/>

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

The journal is registered in The Federal Service for
Supervision of Communications, Information Technology,
and Mass Media.
Registration Certificate ПИ № ФС77-67296,
September 30, 2016

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Elena V. Gluhova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia), Vladislav A. Rezvy (A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), Zoya S. Zakruzhnaya (A.M. Gorky
Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Victoria Yu. Popova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany /
St. Petersburg, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of
the of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Nikolay A. Bogomolov* (Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute
of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg,
Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of
Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic
Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA,
USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia),
Mikhail V. Stroganov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Scienc-
es, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great
Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky*
(Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Pavel M. Lavrinets* (Vilnius University,
Vilnius, Lithuania), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatinin*
(University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi*
(University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3,
Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel),
Lazar S. Fleishman (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schrub* (Milan Univer-
sity, Milan, Italy)

Address: Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia

Phone: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

www.litfact.ru

© 2020. IWL RAS

Содержание

Литературный факт 2021. № 3 (21)

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

<i>К.М. Азадовский.</i> «Настоящая моя жизнь — в одиночестве...». Из дневника Марии Пожаровой.....	8
<i>А.В. Лавров.</i> «С Брюсовым на равной ноге». Письма М.Ф. Ликиардопуло к В.Я. Брюсову <i>Подготовка текста И.П. Якир, А.В. Лаврова</i>	48
<i>М.М. Павлова.</i> Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья вторая <i>Приложение. Л.Я. Гуревич. Письмо Я.Г. Гуревичу. Публикация А.Л. Соболева</i>	108

БИОГРАФИКА

<i>А.Ю. Балакин.</i> Гончаров — секретарь адмирала Е.В. Путятина (новые материалы) .	155
<i>В.Н. Терехина.</i> <u>Н.В. Котрелев</u> . «...выдано товарищу В.В. МАЯКОВСКОМУ...»: Неизвестное письмо А.В. Луначарского Ф.Э. Дзержинскому	185

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

<i>И.А. Виноградов.</i> «Девтеро-гоголевское»: Н.В. Гоголь, О.М. Сомов и история двух статей в «Северной пчеле».....	196
<i>Т.М. Двигяткина, С.Н. Морозов.</i> Проза И. А. Бунина 1917–1920 гг. К вопросу об основном тексте	220
<i>М.С. Макеев.</i> Вопросы некрасовской текстологии.....	228

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

<i>С.А. Фомичев.</i> Тип беспокойного человека в русской литературе	246
<i>М.В. Строганов.</i> Из истории «Северного вестника». Комментарий к комментарию	261
<i>Е.Р. Обатнина.</i> К истории русской зарубежной печати: идейный вектор журнала «Ухват» — неявное и очевидное.....	278
<i>А.В. Бакунцев.</i> «“Жизнь Арсеньева”, конечно, — прежде всего поэзия»: Г.В. Адамович о романе И.А. Бунина (1929–1952)	304
<i>Р.Д. Тименчик.</i> Записные книжки Ахматовой: к немецкой речи	326

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

<i>Манфред Шруба.</i> Журнал «Русские записки» (Париж; Шанхай, 1937–1939): Роспись содержания.....	352
---	-----

Contents

Literary Fact 2021, no 3 (21)

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

<i>Konstantin Azadovsky</i> : “My Real Life Is in Solitude...”: From the Diary of Maria Pozharova	8
<i>Alexander Lavrov</i> : “As Bryusov’s Equal”: M.F. Likiardopulo’s Letters to V.Ya. Bryusov.....	48
<i>Margarita Pavlova</i> . From Lyubov Gurevich’s Memoirs about the Journal “Severny Vestnik”. Part Two Appendix: Lyubov Gurevich. A letter to Yakov Gurevich. <i>Alexander Sobolev’s publication</i>	108

BIOGRAFICA

<i>Alexei Balakin</i> . Goncharov as the Secretary of Admiral E.V. Putyatin (New Materials)	155
<i>Vera Terekhina</i> , <u>Nikolai Kotrelev</u> : “...Given to Comrade V.V. Mayakovsky”: An Unknown Letter by Lunacharsky to Dzerzhinsky	185

TEXTOLOGY ISSUES

<i>Igor Vinogradov</i> : “Deutero-Gogol’s”: N.V. Gogol, O.M. Somov and the History of Two Articles in “Northern Bee”	196
<i>Tatyana Dvinyatina</i> , <i>Sergey Morozov</i> . I.A. Bunin’s Prose of 1917–1920. On the Copy Texts Issue	220
<i>Mikhail Makeev</i> . Textual Studies of Nekrasov’s Poetry	228

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

<i>Sergey Fomichev</i> : “Restless Man” in Russian Literature.....	246
<i>Mikhail Stroganov</i> : From the History of the Journal “Severny Vestnik”. Commentary to the Commentary	261
<i>Elena Obatnina</i> . To the History of the Russian Foreign Press: “Ukhvat” Magazine.....	278
<i>Anton Bakuntsev</i> : “The Life of Arsenyev, of Course, Is Primarily Poetry”: Georgy Adamovich on Ivan Bunin’s Novel, 1929–1952	304
<i>Roman Timenchik</i> . From the Name Index to Akhmatova’s Notebooks: To German	326

BIBLIOGRAPHY

<i>Manfred Schrubá</i> . The Journal ‘Russian Annals’ (Paris; Shanghai, 1937–1939): Table of Contents	352
--	-----

МЕМОУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2021. № 3 (21)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (21), 2021

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-8-47>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Настоящая моя жизнь — в одиночестве...» Из дневника Марии Пожаровой

© 2021, К.М. Азадовский

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Публикация посвящена поэтессе Марии Пожаровой, в начале XX в. активно публиковавшейся в столичной печати, в 1910-е гг. участвовавшей в собраниях ряда литературных обществ и кружков Петербурга / Петрограда. В советские годы в печати появлялись лишь ее «детские» стихи — «для младшего возраста», изданию которых помогали К. Чуковский и особенно С. Маршак. Публикуемые фрагменты из дневника Пожаровой (за 1909–1916 гг.) фиксируют ее встречи и беседы с З. Гиппиус, Н. Гумилевым, С. Есениным, поэтессой М. Моравской, прозаиком и литературным критиком Н.Н. Вентцелем и другими писателями. Подробно рассказывается о вечерах «Кружка Случевского», о столичном литературном быте предреволюционных лет. Во вступительной статье также дана характеристика тяжелых жизненных условий М. Пожаровой, ее маргинального существования в литературе в 1930–1950-е гг. Текст дневника М. Пожаровой сопровождается историко-литературным комментарием.

Ключевые слова: М. Пожарова, литературная жизнь России 1910-х гг., литературные общества и объединения, биографика, дневники писателя, архивные публикации.

Информация об авторе: Константин Маркович Азадовский — кандидат филологических наук, член Германской Академии языка и литературы (Дармштадт); г. Санкт-Петербург, Россия. Researcher ID: U-4876-2019. E-mail: azadovski@mail.ru

Для цитирования: *Азадовский К.М.* «Настоящая моя жизнь — в одиночестве». Из дневника Марии Пожаровой // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 8–47. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-8-47>

Имя писательницы Марии Андреевны Пожаровой (1884–1959) не принадлежит к числу широко известных; тем не менее, в русской детской литературе XX в. оно занимает видное и достойное место. Стихи и проза Пожаровой публиковались в периодике, хотя и с перерывами, на протяжении полувека: первая ее публикация относится к 1904 г., а в 1910 г. появляется ее первый сборник¹. Присутствие Пожаровой в русской поэзии и столичной литературной жизни становится ощутимым накануне 1917 г. Ее детские стихи печатаются (или переиздаются) и в советское время (небольшие сборники выходили в 1924, 1927, 1928, 1929, 1930, 1946, 1947, 1950, 1953, 1956 гг.); писательницу поддерживали и высоко ценили Ольга Форш, Корней Чуковский и Самуил Маршак². Затем, начиная с 1960-х гг., наступает забвение, не преодоленное и поныне. Даже в последние десятилетия, отмеченные повышенным вниманием к «малым» именам эпохи русского модернизма, исследователи как бы не замечают Пожарову; ее попросту «проглядели»³.

Попытка вернуть Пожарову в историко-литературный контекст была предпринята Евгенией Оскаровна Путиловой (урожд. Костелянец; 1923–2018), историком литературы, изучавшей «детское» творчество русских поэтов. Составленные ею антологические сборники⁴ открыли читателям множество новых имен (или же представили знакомых авторов в новом ракурсе) и воссоздали многовековой путь русской детской поэзии, начиная от народных прибауток и «дразнилок» до стихов современных поэтов. Уделяя особое внимание «женской поэзии» начала XX в. и вовлекая в круг своих исследований таких авторов, как Г. Галина, М. Моравская, П. Соловьева, А. Чарская и др., Евгения Оскаровна не могла, разумеется, пройти мимо Марии Пожаровой, о которой она написала

¹ *Пожарова М.* Среди детей, игрушек и зверьков. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1910. 30 с.

² Почти во всех (весьма немногочисленных) статьях и заметках, посвященных Марии Пожаровой, приводятся четыре строки Маршака: «Когда твой отец и мать / Впервые начали читать, / Они в своем журнале / Пожарову читали» — первая строфа его стихотворения памяти Пожаровой (см.: *Маршак С.* Вместо вступления // Костер. 1959. № 8. С. 28; предисловие к посмертной публикации стихов Пожаровой).

³ Характерные примеры: антологии «Русская поэзия Серебряного века. 1890–1917» (М., 1993) и «Сто одна поэтесса Серебряного века» (сост. и биогр. статьи М.Л. Гаспарова, О.Б. Кушлиной и Т.Л. Никольской. СПб., 2000). Пожарова отсутствует в обоих сборниках.

⁴ Оркестр. Сборник стихотворений для детей. М.: Детская литература, 1983. 228 с.; Русская поэзия детям. Л.: Сов. писатель, 1989. 765 с. (Библиотека поэта. Большая серия); Русская поэзия детям: в 2 т. СПб.: Академический проект, 1997 (Новая библиотека поэта. Большая серия); Четыре века русской поэзии детям: в 3 т. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», 2013.

несколько био-библиографических справок и две статьи [12; 13]⁵. Таким образом в ее поле зрения попали и дневники Пожаровой, хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, куда в 1957 и 1961 гг. поступила большая часть личного архива писательницы. Первый дневник — за 1902–1903 гг. — посвящен итальянскому путешествию Пожаровой⁶. Второй, сохранившийся чудом, охватывает 1906–1954 гг. Посылая мне летом 2013 г. сделанную по ее заказу копию пожаровского дневника, Евгения Оскаровна сообщила подробности его архивной судьбы:

Когда я увидела снова воочию «Дневник» Пожаровой, я снова вспомнила всю мою историю, с ним связанную, еще при жизни Б<ориса> Н<иколаевича>⁷. Архива <Пожаровой> не было в каталогах Рукописного отдела, его не могли найти. И вот почему. Когда сотрудники увидели последнюю страницу⁸, где автор просил «сжечь этот дневник», они пошли к В.Г. Базанову (тогда директор)⁹. Он полистал «Дневник» и увидел страницы переписки с Миролюбовым¹⁰. Сказал, что это ему понадобится. И они положили все на полку (это подлинный рассказ). По моей настоятельной просьбе сотрудники искали архив несколько часов и поили меня чаем. Конечно, теперь он зафиксирован. Тогда я в первый раз рассказала о «Дневнике» Лаврову¹¹ и показала страницы тебе. Я переписала множество страниц и стала бы заниматься Пожаровой дальше, но меня увлекла идея трехтомника...¹²

Действительно, согласно авторской воле, этот дневник подлежал уничтожению. На первой его странице имеется запись, датированная сентябрем 1949 г.:

⁵ К этому следует добавить ее комментарий к стихам Пожаровой в трехтомнике «Четыре века русской поэзии детям» (Т. 1. С. 747–748).

⁶ Фрагменты этого дневника приводятся в кн.: [16, с. 58–59, 62–63, 80–81].

⁷ Б.Н. Путилов (1919–1997), фольклорист. Муж Е.О. Путиловой.

⁸ На самом деле — первую (см. ниже).

⁹ Василий Григорьевич Базанов (1911–1981), фольклорист, историк литературы; член-корреспондент АН СССР. Возглавлял Пушкинский Дом в 1965–1975 гг.

¹⁰ Виктор Сергеевич Миролюбов (1860–1939), журналист, издатель. Редактировал «Журнал для всех» (1895–1906) и «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» (1914–1918), покровительствовал начинающим авторам, в том числе — Марии Пожаровой.

¹¹ Александр Васильевич Лавров (род. в 1949 г.), историк русской литературы; действительный член РАН.

¹² Электронное письмо от 16 июня 2013 г. «Трехтомник» — антология «Четыре века русской поэзии детям» (см. примеч. 7).

Записи в моих тетрадках (первая — в клеенчатой обложке¹³) я всегда вела только *для себя самой*, с твердым намерением впоследствии *сжечь их*. Теперь, когда я так слаба здоровьем, казалось бы, пришло время уничтожить эти тетради. Но я колеблюсь, не могу решиться, потому что эти наивные страницы говорят о прошлом, о юности. Да, здесь много наивности, пожалуй, даже непростительной. Записи небрежные, восторженность тона временами переходит в какую-то высокопарность. Конечно, меня возмущает, *как* это написано, и не мешало бы бросить тетрадку в огонь. Успею ли я это сделать перед смертью? Здесь нет ничего, имеющего общественный интерес¹⁴.

О существовании дневника Пожаровой мне стало известно в нулевые годы. Зная, что я изучаю поэтов Серебряного века (Клюева, Есенина и др.), Евгения Оскаровна показала мне страницы, где упоминаются их имена, и обратила мое внимание на пассаж, посвященный Гумилеву. В наших беседах тех лет мы не раз возвращались к вопросу о публикации дневниковых записей, а также «взрослых» стихов Пожаровой. А в 2013 г., когда я прочитал дневник полностью, мы задумались о совместной работе. Возникла мысль издать весь дневник в виде отдельной книги, в которую вошли бы не только описания встреч с именитыми литераторами, но и другие содержательные записи (периода ленинградской блокады и др.). Евгения Оскаровна настойчиво пыталась приобщить меня к этой работе¹⁵.

Шли годы. Пребывая в плену неумолимых обязательств и дел, ни один из нас так и не нашел времени, чтобы вплотную заняться дневником Пожаровой. И сложилось так, что мне приходится взяться за этот труд в одиночку.

Наиболее любопытны в публикуемых ниже дневниковых записях Пожаровой описанные ею литературные вечера в Петербурге–Петрограде в 1912–1916 гг. и в первую очередь — вечера Кружка

¹³ Имеется в виду упомянутый выше дневник итальянского путешествия.

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 218. Л. 1. При дальнейшем цитировании листы указываются в тексте в скобках.

¹⁵ «На сегодняшний день я не представляю себе, какой может быть книга, какое место займут собственно ее <Пожаровой> стихи и проч., — писала мне Евгения Оскаровна в цитированном выше письме. — Тебе не просто будет это придумать. А, может быть, просто: сначала “Дневник”, а потом стихи. Но ведь о стихах надо написать! Соотнести с временем? Уверена, что тебе будет интересно это сделать».

поэтов и поэтесс, носившего имя К.К. Случевского (далее — Кружок Случевского или Кружок) и продолжавшего — после смерти поэта в 1904 г. — его известные «Пятницы». Объединявший десятки поэтов, весьма различных по дарованию и взглядам, Кружок Случевского был заметным явлением в литературной жизни дореволюционного Петербурга; он прекратил свое существование в ноябре 1917 г.¹⁶

К сожалению, до настоящего времени отсутствует обстоятельное (монографическое) исследование, позволяющее восстановить — на основании сохранившихся повесток, писем, альбомов и других архивных и печатных источников — хронику собраний Кружка (с 1904 г., т. е. после смерти Случевского, по 1917 г. было проведено 82 вечера; общий список участников, число которых постоянно увеличивалось, насчитывал к тому времени приблизительно 70 человек)¹⁷. Эта непростая задача усугубляется тем обстоятельством, что многие участники Кружка или его гости оказались после 1917 г. «не у дел»: эмигрировали, прекратили писать, лишились возможности публиковаться, не говоря уже о судьбе тех, кто был расстрелян, сослан, подвергался преследованиям.

С этой точки зрения, любые сведения о собраниях Кружка Случевского, впервые появляющиеся в печати, обладают несомненной историко-литературной ценностью.

Мария Пожарова впервые посетила собрание Кружка 15 декабря 1912 г., состоявшееся в квартире М.Г. Кильштет, куда ее пригласил Н.Н. Вентцель (1855–1920), весьма известный в свое время поэт, прозаик и драматург, автор детских книг, а с 1908 г. — председатель Кружка Случевского (в марте 1913 г. его сменил в этой должности И.И. Ясинский). Это был для Пожаровой, державшейся в стороне от шумных писательских сборищ, едва ли не первый «выход в свет». Ее подробное и живое описание этого вечера — ценное мемуарное свидетельство, особенно если учесть, что далеко не все из собраний Кружка получили в литературе столь колоритное освещение.

Через несколько дней, прочитав в «Новом времени» обзорную статью Вентцеля о русской детской литературе за 1912 г.¹⁸, Пожарова отправила ему благодарственное письмо:

¹⁶ Последнее (82-е) заседание Кружка состоялось 4 ноября 1917 г. у баронессы С.И. Таубе (см.: РГАЛИ. Ф. 512. Оп. 2. Ед. хр. За. Л. 43; альбом с автографами членов Кружка).

¹⁷ Наиболее полная библиография, посвященная Кружку Случевского, — в кн.: [18, с. 216–217]. К этому списку можно добавить воспоминания баронессы С.И. Таубе-Аничковой в кн.: [4, с. 15–104].

¹⁸ Ю — нь Н. Детская литература перед Рождеством // Новое время. 1912. № 13210. 19 декабря. С. 5–6. (Н. Юрьин — один из псевдонимов Н.Н. Вентцеля.)

Глубокоуважаемый Николай Николаевич!

Прочла Ваш чуткий, интересный разбор детских книг этого года. Благодарю Вас за добрые слова о моих песенках для малюток¹⁹. Я обязана Вам огромным удовольствием — тем, что побывала на собрании кружка Случевского. Этот вечер оставил на меня <так!> большое впечатление, тем более что мне никогда не приходилось бывать среди литераторов.

Сердечно поздравляю Вас с наступающими праздниками и желаю всего светлого и радостного.

Искренно уважающая Вас

М. Пожарова²⁰.

Побывав на вечере у М.Г. Кильштет, Пожарова начинает посещать собрания Кружка поэтов и поэтесс. Дневник фиксирует ее присутствие на заседаниях 26 января 1913 г. (у Н.Н. Вентцеля) и 22 марта 1914 г. (у него же). 19 ноября 1915 г. на юбилейном вечере Кружка у В.П. Авенариуса (50-е заседание) Пожарова проходит «баллотировку» (ее рекомендуют Н.Н. Вентцель и А.А. Измайлов)²¹, а 8 мая 1916 г. на собрании у И.И. Ясинского становится полноправным «случевцем». Альбомы Кружка и ряд других документов свидетельствуют также о ее присутствии на вечерах 22 января 1917 г. (у И.И. Ясинского) и 11 февраля 1917 г. (у баронессы С.И. Таубе). А 15 апреля 1917 г. на заседании Временного комитета уполномоченных «Союза деятелей искусств», проходившем в квартире Ф. Сологуба, Пожарова выступает (совместно с Ясинским) как делегат от Кружка Случевского²².

Расширяя наше представление о том, как и в какой атмосфере протекали собрания петербургских «поэтов и поэтесс», дневник Пожаровой сообщает любопытные сведения о некоторых его участниках, с которыми ей довелось познакомиться (среди них — Н. Гумилев, В. Кривич, Б. Садовской, Д. Цензор). Особенно содержательна долгая беседа Пожаровой с Гумилевым, провожавшим ее ночью 23 марта 1914 г. (после вечера у Н.Н. Вентцеля) с Васильевского

¹⁹ Н. Вентцель упомянул в своей статье «...печатавшиеся в “Роднике”, “Тропинке” и “Задушевном Слове” милые песенки г-жи Пожаровой, проникнутые любовью к природе и обнаруживающие в авторе понимание круга детских интересов» (Там же. С. 5).

²⁰ РГАЛИ. Ф. 121. Оп. 1. Ед. хр. 22.

²¹ См. письмо Пожаровой к Н.Н. Вентцелю от 14 мая 1916 г. (РГАЛИ. Ф. 1868. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 17). В архивной описи эта единица хранения обозначена как «письма к неустановленному лицу».

²² См. письмо Пожаровой к И.И. Ясинскому от 12 апреля 1917 г. (ОР РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 1126. Л. 13).

острова на Петербургскую сторону; в монологе поэта отчетливо и по-новому вырисовывается его личность.

Не менее интересны, хотя и не столь насыщены подробностями, те страницы дневника Пожаровой, на которых сообщается о ее встречах с З.Н. Гиппиус; о визитах к поэтессе Поликсене Соловьевой (Allegro), издательнице детского журнала «Тропинка»; о собраниях в редакции петербургского «Ежемесячного журнала»²³; о посещении одного из вечеров в петербургском клубе «Медный всадник»²⁴; о «Вечере поэтесс», состоявшемся 31 марта 1916 г. в концертном зале Тенишевского училища; о ее знакомстве с такими примечательными фигурами литературной жизни Петрограда в 1915–1916 гг., как поэтессы Мария Моравская и Елена Галати, художник и теоретик русского авангарда Николай Кульбин и малоизвестный поэт-футурист Николай Черкасов.

Отличительная особенность дневниковых записей Пожаровой — их фрагментарность и даже неполнота. Сосредоточенная на том, что вызывало у нее живой интерес, писательница опускает подчас существенные детали, касающиеся тех событий, участницей которых она оказалась. Так, подробно рассказав о собрании у М.Г. Кильштет (Кильштедт), она ни словом не упомянула о Бунине, письмо которого в адрес Кружка было оглашено на том вечере²⁵. А в записи, посвященной «Вечеру поэтесс» в Тенишевском училище, не сказано о выступлении Анны Ахматовой (хотя Пожарова видела в ней большого поэта и относилась к ней с восхищением).

В истории русской литературы XX в. Пожарова осталась (и до сих пор остается) автором стихов «для детей». Между тем она сама

²³ Именно на страницах миролюбовского «Журнала для всех» состоялось первое печатное выступление Пожаровой — стихотворный цикл, навеянный ее итальянским путешествием, под общим названием «Сонеты к фрескам Микельанджело», состоящий из двух частей: «Сивилла Дельфийская» и «Сивилла Кумская» (1904. № 5. С. 260).

²⁴ Общество «Медный Всадник», объединявшее писателей, живописцев и композиторов, развернуло свою деятельность зимой–весной 1916 г.; учредительное собрание состоялось в первые дни февраля 1916 г.; первый вечер — 13 февраля (см.: Биржевые ведомости. Веч. вып. 1916. № 13567, 5 февраля. С. 3). К началу 1917 г. общество прекратило свое существование (см.: [18, с. 115–116]). К приведенному в данном издании библиографическому списку следует добавить главку из воспоминаний В.И. Мозалева: [9, с. 78–80].

Виктор Иванович Мозалевский (1889–1970), поэт, прозаик, переводчик; мемуарист.

²⁵ Писатель благодарил «случевцев» за поздравление к его юбилею (25-летие литературной деятельности).

считала это занятие не главным и всегда стремилась к «серьезной» поэзии. «Летом написала 50 стихотворений... для детей, — сообщала Пожарова Миролубову 10 февраля 1915 г. — А хотелось бы писать для взрослых»²⁶. Впрочем, даже в ее стихах, предназначенных для детских журналов, звучат порой отнюдь не детские интонации. «Некоторые из присланных Вами стихотворений годились бы, мне кажется, для взрослого журнала»²⁷, — писала ей 6 декабря 1907 г. Поликсена Соловьева, издававшая (вместе с Н.И. Манасеиной) журнал «Тропинка», в котором публиковалась и Пожарова.

Сотрудничество в детских журналах приносило Пожаровой в 1910-е гг. известный доход, однако жестокая зависимость от заработка тяготила писательницу. «Чувствую необходимость устроиться постоянной сотрудницей в каком-нибудь маленьком, но приличном журнале *для взрослых*, — делится она своими планами с В.С. Миролубовым в письме от 16 мая 1913 г., — а то я вынуждена (кроме работы в “Ниве”) растрачиваться на “Задушевное слово”, “Светлячок” и т. п. Хотя часто я пишу детские стихи с большой любовью, но еще чаще приходится работать “потому что надо” и подгонять стихи к случаю — осенние, летние, рождественские и т. п. Это тяжело»²⁸.

Писать «настоящие», «взрослые» стихи Пожарову побуждало ее особое мироотношение: повышенная впечатлительность, чувство причастности к живой природе, серьезное, не допускающее «стилизации» понимание искусства и поэтического слова, настоятельная потребность говорить «о главном»: «Мне кажется, — писала Пожарова Н.Н. Вентцелю 18 декабря 1915 г. — что в стихах следует говорить о самых интимных, острых, мучительных переживаниях, что стихи должны быть похожи на исповедь, на молитву. Только тогда выйдут стихи настоящие — быть может, не вполне совершенные с художественной стороны, но живые, волнующие стихи “о самом близком”, а не деланная искусственная красота. В стихах человек должен стоять с обнаженной душой.

Но следует ли выносить людям все свое “самое близкое”? Да, я стою за эту беспощадную искренность»²⁹.

Именно такой «беспощадной искренностью» отличается цикл стихотворений, написанных на смерть матери (конец 1915 г.), глубоко и болезненно пережитую Пожаровой, — о нем не раз упо-

²⁶ ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 932. Л. 22.

²⁷ ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 184. Л. 1.

²⁸ ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 932. Л. 12.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 1868. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 12 об., 15.

минается в публикуемых выдержках ее дневника. «В стихах этих душа рыдала, — признается Пожарова (запись сделана в декабре 1915 г.); — каждое стихотворение писала со слезами, потрясенная, — и многие люди, которым довелось мне читать эти стихи, слушая их, плакали. (Видела я слезы в глазах у П.С. Соловьевой, плакал В.С. Мироллюбов...)»³⁰.

Пожарова не преувеличивает. Ее «взрослые» стихи (во всяком случае, лучшие) действительно способны произвести впечатление. «Вы сильно чувствуете и оттого трогаете», — писала ей Е.А. Галати 21 декабря 1915 г.³¹ Не случайно, что в редакциях известных русских журналов той поры («Журнал для всех», «Весы», «Аполлон», «Ежемесячный журнал», «Русская мысль») «взрослые» стихи Пожаровой встречали, как правило, одобрение и сочувствие. Тем не менее в дореволюционную эпоху ее поэзия не получила того признания, какого, безусловно, заслуживала. Этому отчасти способствовала и сама писательница, чуждавшаяся современных ей литературных объединений и групп (Кружок Случевского — едва ли не единственное исключение), предпочитавшая держаться особняком, «на отдалении»³². В этом сказывались, должно быть, личные ее качества: застенчивость, робость, критическое отношение к себе, неуверенность в своих силах. Можно допустить и психологический аспект. Обладавшая тонким литературным вкусом, Пожарова безошибочно чувствовала поэтическую силу и значимость выдающихся современных поэтов, однако знакомство с их творчеством как бы «подавляло» ее и заставляло усомниться в собственном даровании (случай нередкий в истории литературы).

«Вы думали, что я когда-ниб<удь> делала попытку собрать в книгу мои стихи для взрослых, — рассказывает она в одном из писем 1930-х гг. — Это мне и в голову не приходило, — я печатала стихи в больших толстых журналах, но в мое время выходили книги стихов таких замечательных поэтов, как Блок, Гумилев, Ахматова, Брюсов, Марина Цветаева, Вяч. Иванов, Кузьмин <так!> и другие, я восхищалась ими и даже боялась подумать о книге моих стихов.

³⁰ ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 218. Л. 70 об.

³¹ Там же. Ед. хр. 144. Л. 2.

³² Ср. помету Пожаровой на адресованном ей письме П.С. Соловьевой от 4 марта 1911 г.: «П.С. Соловьева накануне много бранила меня за то, что я не прихожу к ней по средам, когда собираются литераторы, и чуждаюсь людей, “близких мне по духу”» (ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 184. Л. 3). См. ниже признание Пожаровой в дневниковой записи (май 1916 г.): «Не тянет меня к людям. *Может быть, это мой грех, но, вернее, это моя судьба*».

А после революции мои стихи периода символистов и акмеистов были бы не ко времени, неприемлемы»³³.

Публикуемые фрагменты дневника Пожаровой охватывают исключительно дореволюционный период. Как сложилась ее дальнейшая жизнь?

Тяжелые испытания начались для Пожаровой уже вскоре после прихода большевиков к власти; оставаясь в Петрограде, она пережила все те бедствия, что выпали на долю его жителей: разруху, эпидемию, голод, красный террор... «С 1917 г. — записывает она в своем дневнике 15 апреля 1921 г. — жизнь, материально и нравственно, так неопишимо трудна, что вряд ли возможно будет перенести подобную жизнь еще долгие годы. <...> Мозг мой истощен и быстро утомляется, тело замучено домашней работой. Я плохо питаюсь. Этих условий изменить нельзя, с ними надо примириться и принять все так, как оно есть.

Голод, холод. В один месяц тратишь больше нервной энергии на жизненную борьбу, чем раньше в год или два года. Но все же я хочу, чтобы дух мой восторжествовал над темным и удушающим ужасом жизни» (л. 106–106 об.)

В 1920 г. в Петрограде у издателя З.И. Гржебина Пожарова знакомится с М. Горьким, который, по ее словам, отнесся к ней «с большой добротой»: «Ему понравились мои стихи для детей. Понравились многие мои стихи для взрослых» (л. 107 об.). Подтверждением этому могут служить два стихотворения Пожаровой в первом номере журнала «Красная новь»³⁴, иницированного, как известно, Горьким³⁵.

В 1920-е гг. Пожарова широко публикуется в советской периодике; выходят в свет книги ее детских (но только детских!) стихов, иллюстрированные замечательными советскими графиками. О своих публикациях той поры она сообщает в дневнике:

После Октябрьского переворота были изданы три мои книжки Государственным издательством. Первая книжка вышла в 1924 г.;

³³ ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 184. Л. 181. Письмо к мужу одной из сестер М. Пожаровой.

³⁴ Красная новь. 1921. № 1. С. 41–42 (стихотворения «Голодный» и «Деду»).

³⁵ Пожарова приводит также слова А.С. Родэ (бывшего владельца известного петроградского ресторана) о том, что Горький считал ее «талантливой» и хвалил ее стихи (ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 218. Л. 107 об.). В 1920 г. Родэ был управляющим Дома ученых на Дворцовой набережной и часто встречался с М. Горьким.

в ней собрано 115 стихотворений³⁶. Замечательны иллюстрации нашего знаменитого графика С. Чехонина. Многие его рисунки поражают тонкостью, изяществом, виртуозностью исполнения; некоторые поражают какой-то особенной ажурной, узорной прелестью, свойственной мастерству Чехонина. <...> Вместе с ним над рисунками к «Солнечным зайчикам» работал Евгений Белуха, про которого Чехонин говорил: «Я — первый график в России, а Белуха — второй». <...> В 1928 г. Государственное издательство выпустило мою книжку «Веник», а в 1930 г. — «Городок» с рисунками Конашевича.

В 1927 г. издательство «Радуга» (издатель Лев Моисеевич Клячко³⁷) напечатало мои книжки: «Детский сад летом», «Под парусом» и «В саду». В 1928 г. в «Радуге» вышла книжка «В избе», в 1930 г. — «Наша мостовая». «Радуга» собиралась также издать мою книжку «Наш дом». Эта книга прошла через ГУС (Государственный ученый совет), была разрешена к печати, рисунки в красках к ней были готовы. Но «Радуга» ликвидировала дела и перепродала портфель другому издательству. Я тяжело заболела, и судьба книги осталась мне неизвестной.

В 1928 г. издательство «Рабочей газеты» (Москва) издало две моих книжки: «На улице» и «Кто с чем идет».

В конце 1927 г. я начала помещать стихи в журнале «Мурзилка». В этом журнале особенно много моих стихов было напечатано в 1928 (двадцать восьмом) году: в каждом номере по стихотворению, а то и по два. Много моих стихов было напечатано в «Мурзилке» в 1929 г. и в 1930 г. Всего в «Мурзилке», который выходил не еженедельно, а ежемесячно, было помещено 35 моих стихотворений. Несколько стихов я поместила в журнале «Искорка». Маленькие книжки выходили тиражом в 30, 40 тысяч (л. 109 об.).

Тяжелое заболевание, о котором упоминает Пожарова, — костный туберкулез, радикально изменивший всю ее жизнь. «После того как я тяжело заболела, — сообщает Пожарова, — я *умышленно перестала читать стихи, запретила* себе всякую мысль о стихах, мне было страшно взглянуть на стихотворную строку. Я старалась вытравить невытравимое» (л. 115 об.). Ограниченная пространством своей небольшой комнаты, подолгу прикованная к постели, Пожарова была

³⁶ Имеется в виду: *Пожарова М.* Солнечные зайчики. Рисунки С. Чехонина и Е. Белухи. Л.: [Гос. изд-во], 1924. 150 с.

³⁷ Лев Моисеевич Клячко (1873–1933), литератор, журналист, издатель. Учредитель, владелец и редактор издательства «Радуга» (1923–1930), основной специализацией которого стала детская литература (в «Радуге» сотрудничали, среди прочих, К. Чуковский и С. Маршак, а также лучшие советские иллюстраторы).

М. Пожарова, 1900-е гг. Литературный музей ИРЛИ
 M. Pozharova, 1900s. Pushkin House. Literary
 Museum

вынуждена вести ежедневную борьбу за выживание. Недуг усугублялся безденежьем и тяготами советского быта:

До 1939 г. мне никогда не приходилось жить в коммунальной квартире. — После смерти сестры въехала женщина, которая иногда по три месяца не ночевала в квартире, и я жила в великом одиночестве и в великих мечтах, но крайне мучилась тем, что огромные свирепые крысы, ничуть не боясь меня, сидели у меня на комод и на постели (л. 115 об.).

Тяжело больную Пожарову, прикованную к инвалидному креслу, часто навещал во второй половине 1930-х гг. В.С. Миролубов, ее первый редактор. Его внимание было для нее живительной моральной поддержкой, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка³⁸.

Тягчайшим испытанием для Пожаровой оказалась Блокада, которую она пережила в осажденном городе — от первого до последнего дня. Этому трагическому времени посвящено несколько ретроспективных записей в ее дневнике. Привожу отрывок:

В 1941 г, в течение долгого периода, ежедневно по 2–3 раза в сутки завывала сирена, гремели зенитки, пылало небо, и совсем

³⁸ ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 218; Ф. 185. Ед. хр. 933..

близко от меня происходили воздушные бои. Громадный пятиэтажный дом, в котором я живу, сотрясаясь до основания, во всех окнах были выбиты стекла; деревянные сараи сгорели от зажигательных бомб; но дом уцелел. А вокруг много домов было разрушено. В ноябре в садик близ моего окна упала небольшая бомба, и в комнату ворвались глыбы земли, комья снега, лед, куски расщепленных деревьев и кустов. Меня ударило взрывной волной и, хотя я была далеко от окна, мои плечи и голова были покрыты землей и мерзлым снегом. Я была совсем мокрая от снега. Все стекла в моем громаднейшем окне были выбиты. После этого почти три недели я ночевала в бомбоубежище. Я спала там в пальто и шляпе, *сидя* на маленьком табурете. Ежедневно происходили яростные бомбежки. Люди в то время не раздевались *месяцами*. Наконец мое окно заколотили папкой и фанерой. Я топила железную времянку. По комнате ходил ветер от окна. В сильные морозы у меня в ведре и в кастрюлях замерзала вода. Замерзли чернила. Градусник показывал 3–4° ниже нуля (по Реам<юру>). Четыре градуса мороза в комнате! А зима стояла лютая. Смертное оцепенение охватывало меня. На мне было 16 предметов одежды и ватник; а сверху я была закутана в ватное одеяло. Холод парализовал меня. Я коченела и по несколько раз в день почти теряла сознание. Жизнь превращалась в бред. Жизнь протекала в вечном мраке (л. 113).

Выдержать тяготы блокадного времени Пожаровой помог ленинградский Литфонд. Она смогла выстоять и сохранить себя нравственно. Но единоборство с болезнью и бытом продолжалось и после войны. «Я живу в дикой непрерывной физической пытке», — записывает Пожарова в 1948 г. (л. 134). И спустя несколько лет: «Весь мой *видимый мир* ограничен комнатой в 15 метров. Это тюрьма. <...> Неужели я буду жить еще несколько лет и уже никогда не побываю *в лесу*? Не увижу сады, Эрмитаж, Неву?» (л. 168 об.–169).

Среди тех, кто поддерживал ее после войны, были К. Чуковский и С. Маршак. «Корней Иванович написал мне так сердечно, с такой добротой, что я заплакала радостными слезами и плакала долго, и слезы облегчили меня и смягчили мою окаменелую от пережитых испытаний и мучений душу», — записывает она 28 мая 1944 г. (л. 117 об.). «...Многие стихи из Вашего сборника, — писал ей 16 мая 1946 г. Самуил Маршак, — очень взволновали меня. Последние стихи — “взрослые” — прекрасные стихи большой поэтической высоты, сосредоточенности, силы.

Сохранить в жестоких испытаниях, в тяжелой Вашей болезни такую силу души, такую крепость таланта — дело не простое. Это почти подвиг. Я горячо надеюсь, что нам удастся после некоторых усилий выпустить Вашу книгу»³⁹.

Речь в этом письме идет о сборнике избранных стихов Пожаровой, которые она надеялась выпустить в послевоенную пору. Маршак энергично содействовал ей в этом, рекомендовал ее стихи и «Детгизу», и «Советскому писателю», пытался заинтересовать ее судьбой и О.Д. Форш, и влиятельного тогда Н.С. Тихонова, — все это явствует из его писем. «Советую Вам предложить “Советскому Писателю”, — пишет он Пожаровой 26 июля 1946 г., — широкий выбор стихов для детей, отметив то, что Вы считаете лучшим и необходимым. То же проделать и со стихами для взрослых.

Кроме того, Вы можете, если это нужно, сказать “Советскому Писателю”, что я готов принять участие в выборе стихов. Только бы это не задержало издания...»⁴⁰.

Однако издание в «Советском писателю» не состоялось⁴¹. Не увенчались успехом и другие попытки Пожаровой напечатать сборник своих «лирических» стихотворений (этим словом Маршак определил однажды ее стихи для взрослых⁴²). В Ленинграде вышли лишь брошюры для детей «Загадки» (1946), «Ручеек» (1947; под ред. С. Маршака); в 1950-е гг. ей удавалось (хотя и неоднократно) выпустить небольшие сборники «для младшего возраста» и «дошкольников». А спустя 20 лет после смерти увидело свет посмертное издание стихов Пожаровой, опять-таки «для дошкольного возраста»⁴³. Ни одного сборника «взрослых» стихов Пожаровой не появилось до настоящего времени.

М. Пожарова, 1927 г. Литературный музей ИРЛИ

M. Pozharova, 1927. Pushkin House. Literary Museum

³⁹ ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 165. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Л. 8–8 об.

⁴¹ На письме к ней С.Я. Маршака от 20 декабря 1946 г. Пожарова сделала (уже в 1950-е гг.) следующее пояснение: «“Советский писатель” собирался издать мою книгу и списался со мной, но вышло постановление о журналах “Звезда” и “Ленинград” — и, разумеется, выпустить книгу оказалось невозможным» (Там же. Л. 10 об.).

⁴² Письмо от 20 декабря 1946 г. // Там же. Л. 9 об.

⁴³ Пожарова М. Колодец. М.: Малыш, 1979. 6 с.

Публикуемые ниже записи находятся в тетради, обозначенной в архивной описи как «Дневник М.А. Пожаровой с автобиографией и кратким перечнем ее произведений. 1906, июнь 21 — 1954 г.» (РО ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 218). Правда, «дневником» эту рукопись можно назвать лишь условно. Пожарова годами не раскрывала свою тетрадь; записи делались произвольно, от случая к случаю. Некоторые записи представляют собой черновики писем (видимо, не отправленных), разговор с воображаемым собеседником... Порой она копировала и подлинные письма (как собственные, так и письма к ней). В целом же, дневниковые записи Пожаровой — важнейший и основной источник для ее биографии.

Явные ошибки в рукописном тексте исправлены без оговорок. Учтена и авторская правка — в тех местах, где ее удалось расшифровать.

Общеизвестные имена не комментируются.

М. Пожарова

Из дневника

<1909>

Пятница, 13 ноября. Была у З.Н. Мережковской. Она говорила со мной 1 ½ ч<аса>, была очень добра и приветлива и сказала, что у меня *настоящие способности*. Она очень строга как критик; «Я нетерпимая! — сказала она. — Но это только относительно бездарностей. Вы, без сомнения, одарены и должны идти вперед. Надо бывать с людьми, надо познакомиться с Вяч<еславом> Ивановым. Приходите ко мне и пришлите мне Ваши стихи». Она много говорила про поэзию, расспрашивала меня о моих отношениях к миру, к людям и к Богу. Я видела также Д. Мережковского.

28 ноября. З.Н. Гиппиус разобрала мои стихи и написала мне удивительно доброе письмо. «Для меня нет сомнения, — говорит она, — что у Вас большие способности к стихам и внешние, и *внутренние*» (последнее слово она сама подчеркнула). Далее она говорит о струнах моей души, которые «не натянуты», надо испробовать все, чтобы *затемнить* эту беспощадную ясность¹.

«Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь, но если уже все хвалить, то и дважды два пять — премилая иногда вещица», — говорит Достоевский². И я хочу еще побороться с этим дважды два четыре, которое теснит меня, как узкое кольцо, и кричит, что «оно — все», а я от себя, не могу ничего.

1910 г. Петербург

15 сентября 1910. Прошло 9 месяцев... Боже, как бежит время! Но мне кажется, я не ушла вперед, как обещала, и не убила свою слабость. Не пора ли примириться с собою и не надеяться на выработку недостающих мне душевных качеств? Трудно человеку не желать и не надеяться.

Запишу мелкие события недавнего прошлого. Я познакомилась с Еленой Лудвиг, кот<орая> живет в Варшаве и Лодзи. Она написала мне три письма. В «Ниве» было напечатано мое стих<отворение> «Небесная колокольня» с двумя ангелами Melozzo <так!> da Forli³. Одна дама приезжала ко мне с просьбой написать ей стихотворение ко дню золотой свадьбы ее отца — чужая незнакомая дама. Вольф⁴

посоветовал ей обратиться ко мне. Я согласилась и получила 8 р. гонорара. — Забавный случай!

Журнал «Аполлон» (издает С. Маковский) принял мои стихи «Лесные качели». Это была для меня огромная радость, целый триумф. (Октябрь⁵: в сентябрьской книжке «Аполлона» эти стихи были напечатаны.⁶) «Русская Мысль», «Новый Журнал для Всех», «Родник», «Всходы», «Зад<ушевное> Слово» также приняли множество моих стихотворений. В «Зад<ушевном> Слове» был помещен (на первой стран<ице>) мой собственный рисунок — надо сознаться, очень неумелый! — к ст<ихотворению> «Фея снов»⁷. «Родник», «Всходы» и «Зад<ушевное> Слово» напечатали мои сказки (в прозе)⁸.

Лето мы прожили в Перкярви⁹. <...> В «Зад<ушевном> Слове» вторично был помещен мой портрет¹⁰. Всего мой портрет был напечатан трижды: два раза в «З<адушевном> С<лове>» и в книге «Сказки русских писателей»¹¹.

<1912>. Петербург

В пятницу <правильно: субботу> 23 ноября 1912 вернулась из Финляндии в Петербург. До 19 дек<абря> побывала в «Ниве» (приняты все стихи и рассказ «Бессонница»¹²), в «Тропинке» (к сожалению, этот журнал прекращает свое существование; в последнем № идут стихи Бальмонта, Блока и дру<гих>, а также мои)¹³, в «З<адушевном> Слове», во «Всходах» и в «Заветах». «Заветы» — новый толстый журнал. К участию в нем меня привлек Миролубов¹⁴.

Познакомилась с критиком и литератором Ник<олоам> Ник<олаевичем> Вентцелем¹⁵. Седовласый старик, полный жизни и бодрости. Очень симпатичная личность. Принял во мне большое участие. Он хвалит мои стихи и находит в них «подкупающую свежесть»¹⁶. Через него я попала на собрание Кружка Случевского. На вечерах, основанных в память Случевского, собирается тесный кружок литераторов (посторонние не допускаются), и каждый присутствующий *обязан* прочесть три своих стихотворения. Н.Н. Вентцель написал мне премилое письмо, в котором передал приглашение поэтессы и писательницы Мар<ии> Григ<орьевны> Веселковой-Кильштедт¹⁷ приехать на очередное собрание в ее квартире¹⁸. Кружок Случевского собирается раз в месяц попеременно у главных членов Кружка: в квартире Кильштедт, Вентцеля, Фидлера¹⁹ и др<угих>. Членами Кружка состоят Фидлер, Авенариус²⁰, Гумилев, Мазуркевич²¹, Зоя Бухарова²², Кривич²³, Дм<итрий> Цензор²⁴ и мн<огие> другие (кажется, и Ф. Сологуб). Я набралась храбрости и поехала на собрание. Опишу подробно этот вечер. Вышла из дому

в 10 ½ вечера, вернулась в 4 ч<аса> ночи. [На мои сношения с людьми я смотрю не как на «настоящую жизнь», а как на временное поверхностное развлечение, не затрагивающее моей души. Настоящая моя жизнь — в одиночестве и в тесном общении с природой.]²⁵

Итак, в большой богато убранной квартире Веселковой-Кильштедт²⁶. На этот раз поэты не забрались на мансарду: они сошлись в гостиной с золоченой мебелью. Хозяйка вышла ко мне в переднюю. «Я думала, вы дама средних лет, — сказала она мне, — и вдруг вижу девочку! Вы девочка, совсем девочка — это удивительно».

Она повела меня в комнаты и познакомила со всеми присутствующими. Н.Н. Вентцель подсел ко мне и спросил, принесла ли я мои стихи и прочту ли их вслух. Я принесла «Сивиллу Дельфийскую»²⁷, «Тучки»²⁸ и «Вереск»²⁹, но читать сама отказалась и просила его прочесть за меня. Во время нашего разговора ко мне подошли три поэта: один пожилой и двое лет 35–40. «Мой альбом уже давно ждет Вашего автографа, будьте добры написать мне несколько слов!» — сказал первый, и остальные, с любезными улыбками, повторили эту же просьбу. Меня повели в кабинет. Смущенная, я вписывала по очереди в их альбомы четверостишия из моих стихов, напечатанных в «Весах» и «Русской Мысли»³⁰. Воображаю, что за каракули я начертила! Теперь расскажу про более интересную часть вечера. Все расселись вдоль стен самой большой комнаты (я видела залу, гостиную, кабинет и столовую) и стали декламировать свои стихи — каждый поэт прочел по три стихотворения. Я сидела рядом с дочерью знаменитого Случевского³¹; она также пишет стихи. Молодая, хорошенькая, веселая и очень бойкая. С другой стороны рядом со мной сидел мастистый Авенариус, автор «Отроческих и юношеских годов жизни Пушкина»³², которыми я так увлекалась в детстве. Что за чудесный старик с длинной, белой, как снег, бородой! Недалеко от меня сидели также Мазуркевич, Дмитрий Цензор и какой-то молодой поэт, крайний декадент, фамилию которого я не запомнила³³. Всего присутствующих было человек 20³⁴. — Чтение стихов сопровождалось обменом мнений, критическими замечаниями и возражениями. Мои «Тучи» понравились. Их нашли свежими, образными. Авенариус посоветовал мне заменить у старикашки колпак шапкой³⁵: «От слова “колпак” веет немецким духом». Читал Кривич: по его словам, он — один из основателей «Аполлона»³⁶, автор изысканной книги «Цветотравы»³⁷. (Я лично ее не читала.) Во время чтения в зале появился огромный ньюфаундленд и величаво разлегся на ковре.

Поздно, я буду продолжать завтра.

(31 дек<абря>). Ночь с 31 дек<абря> на 1 января 1913.

<начало января 1913>

Только сегодня собралась продолжать описание вечера в Кружке Случевского. Чтение стихов затянулось почти до двух часов ночи. Затем отправились ужинать. Сначала холодная и горячая закуска (паштеты, диковинная яичница и т. п.) в гостиной, после — большой ужин в столовой. Громадный стол уставлен винами, фруктами, закусками. Разносят дымящиеся блюда; дичь, заливное (вот так дымящееся блюдо!), еще какое-то мясное трупное яство с каштанами на приправу. Наконец, пломбир — его кладу себе на тарелку и я, вегетарианка. Ем бананы. Мое вегетарианство возбуждает разговоры, это мне неприятно.

Разносят кофе в миниатюрных чашечках. За ужином со мною много говорили Н.Н. Вентцель и Дмитрий Цензор. Еще раньше Цензор подошел ко мне и сказал: «Вообразите, как странно: я только что спросил у хозяйки дома: “Пожарова у вас не бывает?” — “Тише, да вот она здесь сидит!” — ответила Мария Григорьевна...»

Он говорил мне, что помнит мое «выступление», мои первые стихи и продекламировал наизусть отрывки из двух моих стихотворений (это безгранично меня удивило). Говорил, что меня хвалили серьезные поэты и что слог у меня безукоризненно выработан (увы, далеко, далеко мне до этого!). Рассказывал, будто бы в редакциях меня считали каким-то воздушным существом, не от мира сего (конечно, вследствие моей застенчивости).

«Вы не похожи на других женщин, — говорил он. — Какие нервные у вас глаза. И вы свободу любите, никогда о замужестве не думаете». Вот это правда, угадал. Он хотел проводить меня до дому, и Вентцель также хотел меня проводить, но случилось так, что я дала согласие на ту же просьбу изломанному самонадеянному эстету Кривичу. Мне до сих пор жаль, что я не пошла с Цензором. В передней Цензор сказал мне: «Как бы нам поскорее увидеться, где бы встретиться? Я должен скорее опять вас увидеть». — «Мы увидимся на следующем собрании», — ответила я. «Как, через месяц? Это слишком долгий срок! Нельзя ли переговорить с вами по телефону?» — «Я не приглашаю вас к себе по семейным обстоятельствам», — сказала я. Он смутился. Я повторила, что мы, вероятно, встретимся в январе.

Кривич на улице всю дорогу (я захотела пройти пешком, видя, что и ему этого очень хочется) экспансивно и экзальтированно декламировал мне стихи. Это женатый господин в соболях, помешанный на своих предках и постоянно упоминающий о своем «родовом клочке». И в стихах у него часто фигурируют предки и родовые пор-

треты. Женат, а любит поухаживать³⁸. «Скоро мы подойдем к вашему дому... Ах, как мне это тяжело!» — вздыхал он. Какие вам прочесть стихи: резкие или такие, такие...», и он тяжело описывал рукою волнообразную линию в воздухе. «И те, и другие», — ответила я, довольная, что могу не разговаривать с ним, а слушать декламацию. Он уговаривал меня баллотироваться в члены Кружка. На вечере многие другие также уговаривали меня баллотироваться³⁹. Ах, пора спать, опять поздно. Господи, дай мне исцеление от моей бессонницы, она совершенно измучила меня. <...>

Среда 16-го <января>. День больших волнений. Несмотря на слабость и нездоровье, я поехала к Поликсене Сергеевне Соловьевой. У нее сидели: В. Каррик⁴⁰, Н.И. Манасеина⁴¹ и мать Блока, пожилая дама, удивительно хорошо знакомая со всеми новейшими течениями в литературе⁴². Говорили обо всяких премудростях. Я очень смущалась. Узнала, что мои стихи уже напечатаны в «Галченке»⁴³. В. Каррик показывал свои интересные карикатуры. Когда он ушел, Поликсена Сергеевна сказала, что она хочет обратиться со сборником моих стихов к одному московскому издателю. Это решится в феврале. Взволнованная, вернулась я домой.

26-го <января>. Во второй раз была на собрании Кружка Случевского. Квартира Николая Николаевича Вентцеля. Собралось более 30 человек поэтов и поэтесс. Из талантливых — Гумилев, Анна Ахматова (стильная, изящная, манерная), Коковцев⁴⁴, Кондратьев⁴⁵ и др. Я набралась храбрости и сама прочитала влух мои стихи: «Синие Острова»⁴⁶ и «Елочные гости»⁴⁷.

Неприятно было то, что Бурнакин (критик из «Нового Времени», заменивший теперь Буренина)⁴⁸ аплодировал мне после «Елочных гостей» и даже вскочил с места с криком «Браво!»⁴⁹

<1914>

19 марта. Слушала «Парсифаль»⁵⁰. Хорошо. На днях была у В.С. Миролубова, он ласков со мной. Встретила у него поэтессу Моравскую⁵¹. Она певучим тонким голоском продекламировала свое стихотворение. Мне она показалась умной и немного деланной, — минутами она старалась быть наивной.

30 марта. <...> За эти десять дней крупное событие: наконец-то я собралась с духом и пошла к «писателям» на собрание кружка

Случевского. Я встретила Н.Н. Вентцеля на «Весенней выставке»⁵², и он сказал мне, что соберутся у него на квартире 22 марта⁵³. В этот день я страшно волновалась и лежала в кровати. Приехала к 11 часам. Было довольно много народа, между прочими — Гумилев, Цензор, Случевская, Коковцов, Опочинин⁵⁴ и Веселкова. Когда наступила моя очередь читать стихи, я прочла две вещи: «Бессонная ночь»⁵⁵ и «Лесное сердце»⁵⁶. Меня очень смущало присутствие Гумилева. Перед ужином я хотела уйти, но хозяйка насильно, под руку, притащила меня к столу. Я надеялась, что буду сидеть рядом с какой-то пожилой дамой, но вдруг соседом моим оказался... Гумилев! Первый из «настоящих» поэтов, с которым мне пришлось говорить. (Впрочем, ошибаюсь: я ведь была у З. Гиппиус.) Итак, «настоящий» поэт вступил со мной в разговор, и мы говорили, говорили без умолку весь ужин, а затем он попросил разрешения проводить меня домой. Я с большим внутренним удовольствием согласилась. Я не захотела ехать на извозчике, и мы дошли пешком до самого моего дома с 16<-й> линии В<асильевского> О<строва>. Я вернулась домой в 4 ½ ч<аса> ночи.

У Гумилева характерное лицо с несколько странным выражением глаз. В голосе его чувствуется, что-то манерное, он привык быть «особенным», изысканным, рафинированным. Говорит очень сложными, туманными фразами, любит парадоксы. Я часто не понимала его. Привык слегка позировать и декламирует стихи приподнятым голосом. Но, несмотря на все это «внешнее», в нем, думается мне, есть много милого, почти детского, детски забавного. Напр<имер>, узнав, что я вегетарианка, он, бедный, из внимания ко мне тоже не ел ничего за ужином, боясь оскорбить меня трупоедением. Сперва я удивлялась этому, потом нашла это милым. Он клал себе на тарелку только то, что брала я: грибы, салат, пломбир. До мясных блюд, дичи и омаров он не коснулся. Говорили мы не переставая. Я часто давала толчок разговору, упомянув, напр<имер>, про Беноццо Гоццоли⁵⁷, про Т. Готье, про Блока и Белого, заговорив про свободу воли и т. п. А затем мне оставалось слушать его парадоксальные, но очень занимательные суждения. Говорит он красивыми, изысканными словами, и во время разговора с ним часто чувствуется, что это «настоящий» поэт. (Я написала глупость в последней фразе: настоящая поэзия, конечно, не в красивости и не в изысканности; словом, я хочу сказать, что, помимо всего этого, в нем чувствуется настоящий хороший поэт.) <...>

Гумилев обратил большое внимание на форму моих длинных, характерно утончающихся в конце пальцев с миндалевидными ногтями. Он сказал, что ему никогда еще не приходилось видеть такой руки. «...Самые утомленные люди — это подростки, — сказал

он. — ...Синева, глубокая синева, как у Беато Анджелико... — Он на мгновение поднял перед моим лицом десертную тарелочку: — Вот так чувство мучительной жалости заслонило от вас все остальное в мире»... Африка: он уже 4 раза путешествовал в пустынях Сахары⁵⁸. Рассказывал про свои странствия с караваном и про опасности, кот<орым> он подвергался. Рассказывал про миражи и про видение каравана мертвецов. Гумилеву действительно явился этот призрачный караван, — его рассказ звучал очень искренно. «...Черные должны быть идолопоклонниками. “Красиво” когда черный молится золотому идолу». Гумилев старался совратить в идолопоклонство абиссинцев-христиан, но ему «удалось» только одного из них перевести в магометанство. (!)... Развивал передо мною теорию акмеизма. Кстати, это словцо, для обозначения новейшего течения в поэзии, им же самим придумано... Вспоминал одобрительно про мои стихи, напечатанные в «Аполлоне»⁵⁹. Удивлялся, что меня нигде не видно, и предложил присылать мне повестки на литературные собрания. Я поблагодарила, но просила теперь не присылать и в конце концов договорилась с ним так, что я напишу ему мой адрес, когда мне захочется побывать в этих обществах. «...Я не могу никуда ходить. Я боюсь людей, не могу говорить с ними», — сказала я. «Однако мы говорим с вами весь вечер!» — возразил он. И убежденным голосом добавил: «Всеми признано, что я очень “трудный” собеседник». Не помню, как он дальше выразился, но он намекнул, что всем в литературном мире известно, что говорить с ним — мудреная, сложная штука, что он часто сбивает с толку собеседника своими парадоксами и утонченной мудростью речей своих. — Не чувствуется ли что-то детское в Гумилеве?.. Потом я расспрашивала его про Брюсова, Белого, Бальмонта как людей, и он рассказал много интересного. <...>

<1915>

22 марта. <...> Я забросила дневник, а между тем за последние месяцы в моей духовной жизни произошло много событий, и главное из них — знакомство с Моравской, о котором впоследствии напишу подробнее. Пока еще у меня не составилось о ней определенного мнения. И потому — только факты. Моравская однажды приснилась мне. На другой день или через два дня после этого сна я неожиданно встречаюсь с ней у Миролубова (кажется, в четверг 11 февраля). Она пригласила меня к себе на следующий понедельник. У нее я встретилась с поэтом Вяткиным (с женою, очень милая, молоденькая, называется «Капелька»⁶⁰).

М. Пожарова, Г. Вяткин с женой Капитолиной в гостях у М. Моравской (16 февраля 1915 г.).
Литературный музей ИРЛИ

M. Pozharova, G. Vyatkin with his wife Kapitolina visiting M. Moravskaya (February 16, 1915).
Pushkin House. Literary Museum

Вечер провела я хорошо, мне нравилось, что вокруг меня талантливая интересная молодежь. Моравская была приветливой хозяйкой. Живет она с одним молодым человеком, который мне показался симпатичным. Зовут его Франц Густавович Эртнер, и живут они вместе уже 6 лет⁶¹.

Через несколько дней после этого мне удалось познакомиться с Агнесой Эдуардовной Линдеман⁶². Я поехала к ней просить ее написать Сытину запрос по поводу «Бубенчиков»⁶³, которые он бессовестно долго задерживал в типографии. Линдеман была очень мила со мною. Я пригласила ее к себе. И вот, наконец, пришел торжественный для меня день, когда я должна была принимать моих гостей. <...>

Этот вечер прошел удачно. Моравская была тонка, изыскана и великолепно читала свои стихи. Большую эстетическую радость принесла слушателям своим чтением. И она, и Франц Густавович во

время разговора в гостиной небрежно играли с красивыми четками из Смирны, которые они принесли с собой. Это перебирание четок вносило нотку оригинальности в их манеру держать себя. Вообще они оба молоды, изящны, но слегка изломаны, и у Моравской (про «Франика» этого не скажу) рассчитанная искренность минутами сочетается с манерностью. Иногда Моравская умеет быть ребенком, иногда она — зрелая, опытная женщина. *«Искушенная, изощренно хитрая»*, — сказал про нее Миролюбов. Но я не раз видела в ней существо высокого горения духа, и в ней несомненно пылает огонь Божий. Натура ей дана сильная, смелая, жадная в жизни, быть может, немного хищная. Но в своей любви к искусству она бывает трогательна. Мне кажется, она любит поэзию всецело и самозабвенно как истинная служительница ее. Франик — полная ей противоположность во всем том, что касается материалистического тяготения к земным благам и смелости порыва и захвата. Он — пассивная натура, она — активная, и твердой рукою управляет им. Франик меланхоличен, добр, *старается* быть эстетом. В нем много привлекательного как в человеке, и внешность у него изящная: высокий, с тонким правильным профилем — «претендент на польский престол», как, смеясь, говорил про него Вяткин. Линдеман — девушка из хорошей семьи (отец ее занимал большой пост⁶⁴), очень восторженная и скромная. Она умна, знает себе цену, держится просто и с достоинством. <...>

— Расскажу теперь, как я побывала в гостях у Сергея Городецкого, у Миролюбова и у Моравской на собрании поэтов.

У Городецкого я была, чтобы переговорить относительно издательства «Грядущий день» (закрылось на время войны)⁶⁵. Он сделал мне дорогой подарок: дал книжку с автографом: «Милому поэту Марии Андреевне Пожаровой с дружеским приветом автор». Показал свою дочурку Наю и свою приемную дочку⁶⁶, познакомил меня с женой⁶⁷. Говорил со мной очень ласково, просто, был чрезвычайно привлекателен. Миролюбов метко сказал про него: он «нежный». Т. е. слащавой нежности — ни следа, в глазах же мгновеньями задорное веянье; но и своя какая-то интимная *белокурая нежность* в нем есть. И сочетается она с деловитостью, с умением делать расчеты, заниматься цифрами. А вместе с тем и поэтическая безалаберность в нем есть...

К Миролюбову я ездила с «Бубенчиками». Он сердечно разговаривал со мной, и я провела у него три часа, потому что он не отпускал меня. Мы говорили про стихи и про поэтов. Говорили про войну. Редкий человек, большое сердце. Очень понравилась мне дама, которая работает у него в конторе. Зовут ее Вера Леонидовна⁶⁸. <...>

<1916>

31 марта. Читала стихи в Тенишевском зале на «Вечере поэтесс»⁶⁹.

За два дня до вечера была у Н. Кульбина, футуриста⁷⁰. Очень интересный разговор. Когда будет время, опишу непременно. Он считает себя «реалистом». Мои стихи так понравились ему, что он хочет говорить о них в своей лекции. Не отпускал меня, поил чаем, говорил со мной 3 часа. Маньяк, энтузиаст. Обстановка его квартиры очень оригинальна: футуристические картины, диковинные надписи по стенам, всяческие замысловато-таинственные предметы на полках и столах.

Я пришла к нему как к врачу за рецептом для возбуждения сил перед выступлением в Тениш<евском> зале. Он развернулся передо мной как человек, заслуживающий внимательного изучения. На прощание он подарил мне футуристические брошюры и две фигурки из прозрачного светящегося розового сахара (мышка и зайченки). Фигурки эти, завернутые в вату и хранившиеся в особом стеклянном сосуде, являются символом поэзии особого уклона. Об этом расскажу после. <...>

<Май 1916> Зимой приходилось мне иметь дело с литераторами, но впечатление от моих сношений с ними я вынесла довольно тусклое и в общем отрицательное. Не тянет меня к людям. *Может быть, это мой грех, но, вернее, это моя судьба.* — Моравская читала две лекции: в Тенишевском зале и в зале Петровского училища⁷¹. Оба раза слушателей было очень много. Первая лекция «Женщины о себе» была о женщине и о женском творчестве⁷²; вторая называлась «Волнующая поэзия»⁷³. В обеих лекциях она упомянула про мои стихи и даже выразительно прочла два моих стихотворения, написанные на смерть мамы⁷⁴. Во второй лекции она долго и с большими похвалами разбирала мое стихотворение «У гроба»⁷⁵.

Стихи на смерть мамы были напечатаны в «Русской Мысли»⁷⁶ и в «Ежемесячном журнале»⁷⁷. Миролюбов просил меня бывать у него на вечерних собраниях литераторов. Я ездила к нему два раза⁷⁸. За большим столом сидели тесным кружком наши знаменитые бытовики и поэты с торжественно-углубленным видом и великие долгие прения за стаканами чая. Они словно священнодействовали. Кто-ниб<удь> из них читал свое беллетристическое произведение, а затем каждый, по очереди, высказывался по поводу прочитанного. Некоторые говорили очень долго и нудно. Наиболее талантливые ограничивались двумя-тремя меткими и подчас очень хлесткими

фразами. Кого из них могу я сейчас припомнить? Алексея Ремизова. И Клюева, Чапыгина, молодого Сергея Есенина, Замятина, Вяткина, Шульговского...⁷⁹ Ал<ексей> Ремизов напоминает нежить лесную, какое-то славное всклокоченное чудище. От него Русью пахнет и стариной, и старообрядчеством, и кикиморой⁸⁰. Есенин, в длинных золотых кудрях, смахивал с первого взгляда на красную девицу, а потом напомнил мне какую-то призрачную нестеровскую фигуру⁸¹. Одет он был так же, как и Клюев, — «крестьянином». Говорят, они часто выступали на эстраде в нарядах «оперных пейзаж» — цветные рубахи с поясами. Когда я во второй раз увидела Есенина в литературном клубе «Медный всадник» — обстриженным и в пиджачке — я почти не узнала его. Эта метаморфоза произошла потому, что бедного юнца взяли в солдаты⁸². Жив ли он теперь?⁸³ И Клюев, и Есенин говорят с нарочито крестьянским выговором. И поэтому, когда они начинают рассуждать о Ш. Бодлэре⁸⁴ или об Оск<ар> Уайльде⁸⁵, выходит сплошное «нарушение их стиля». Среди этих мужчин я была единственной женщиной и сидела, как на иголках, с моей робостью и застенчивостью. Оба раза меня заставили читать стихи. На этих вечерах Миролубов явился мне в несколько ином свете, чем я привыкла его видеть. Он был каким-то генералом от литературы.

Есенин сказал мне наизусть первые шесть строк из моего стих<отворения> «Заря и туман», напечатанного в «Ежем<есячном> журнале» в июне 1915 г.⁸⁶ Есенин сидел рядом со мною. Разговаривал со мною о стихах и об Оскаре Уайльде.

— Побывала я и в Клубе Слуцкого. Собрание проходило на квартире у Авенариуса⁸⁷. Были Гумилев, Борис Садовской, Мария Левберг, Екат<ерина> Галати⁸⁸, Коковцев и многие другие. Я читала стихи на смерть мамы⁸⁹. Из присутствующих назову еще Курдюмова, старика Быкова⁹⁰, Бор<ис> Богомолова⁹¹.

В конце года я совершенно неожиданно получила от Уманова-Каплуновского извещение, что меня избрали *членом* Клуба Слуцкого⁹². — На этом вечере я познакомилась с Борисом Садовским, известным критиком поэтом, пушкинистом. У него и физиономия стильная: напоминает эпоху Грибоедова. В профиль он сильно смахивает на Пушкина. Когда мы с ним встретились во второй раз на маленьком вечере у Екат<ерины> Галати⁹³, хозяйка сказала ему, что он похож на «Пушкина в гробу», — Садовской в это время сидел, полулежа, на диване. Это было метко сказано, но больно задело нервного поэта. Садовской колоссально женонюбив. Он и за мной принялся ухаживать и прислал мне книгу своих стихов «Полдень»⁹⁴

с прекрасным автографом: «Марии Андреевне Пожаровой на снисходительную память». Но вместе с книгой прислал и довольно милое письмо с предложением побывать у него в гостях. Я ответила как следует. Он прислал второе письмо с длиннейшими объяснениями и извинениями, написанное вполне корректным тоном, хотя и не без горячности⁹⁵. Когда я впоследствии опять встречалась с Б. Садовским, он всякий раз учтиво говорил про меня: «Я боюсь ее!» — и держал себя мило, внимательно, очень прилично. Встречались мы еще раза три. Екат<ерина> Галати была у меня, и я была у нее вечером. Мы вместе читали стихи в Тениш<евском> зале. Устроительница «Вечера поэтесс» Ек<атерина> Бунге⁹⁶ пригласила Галати участвовать на этом вечере благодаря мне. Я много говорила Бунге про Галати и просила поставить ее имя в программу. Галати замужем за присяжным поверенным М. Косвен<ом>. Оба они симпатичны своей энергичной молодостью. Галати — натура талантливая, смелая в обществе, веселая, безусловно правдивая. Она пойдет вперед быстрыми шагами. Она умеет поддерживать разговор, метко шутить, парировать удары. Словом, у нее есть все качества, которыми я не обладаю.

Она повела меня в клуб «Медный Всадник». Съезд был к 12-ти час<ам> ночи. Я видела множество эстетов с мистическими физиономиями. Все силятся изобразить на лице нечто значительное. Поэтессы раскрашены и в париках. Тут же много актрис; между прочим, была Л. Яворская, княгиня Барятинская⁹⁷, и она держала себя более естественно, чем все остальные дамы. Был композитор Прокофьев⁹⁸ — в будущем сезоне пойдет на Мариинской сцене его опера «Игрок», которую очень хвалят⁹⁹. Были поэты и писатели: Садовской, Рославлев, стилизатор Ауслендер (красивый еврей), неизбежный Дм<итрий> Цензор, Есенин, Модзалевский <так!>¹⁰⁰, Лариса Рейснер и мн<огие> другие, сейчас не могу припомнить. Общий характер клуба «Медный Всадник» таков: на первом плане эстетство, и все стараются изобразить собою «золотую молодежь от литературы». Общество «фешенебельное», как выразился бы Иг<орь> Северянин¹⁰¹.

Особенно запомнилась мне не декламация поэтов, а два попугая в столовой за ужином; один из них, взбудораженный шумом большого общества в столь поздний час, неистово вопил: «Здравствуй, попочка! Здравствуй, попочка! Здравствуй!»¹⁰² Не только дамы, но и многие из мужчин были напудрены, так сказать, изящно подмалеваны. В воздухе носилась натянутость. Это была богема, не знаю зачем сияющая казаться золотой молодежью. И ведь всё люди

талантливые! Если взглядеться поглубже, лица похожи на *маски*: все свое, истинное, они схоронили глубоко в душе, а здесь «эстетствуют». И подмечаешь в них что-то измученное. В конце концов, все эти люди гораздо интереснее и значительнее в своих книгах, чем в обществе. Это естественно: все лучшее поэт отдает творчеству, а в общество несет только свою усталость. Так оно и должно быть в сущности...

— Рассказать ли про «Вечер поэтесс» в Тенишевском зале? Конечно, мне было жутко читать первый раз в жизни перед публикой. Зал (аудитория) громадный, народу было много. Я читала очень громко, кажется, слишком громко для зала с такой хорошей акустикой.

Вот рецензия из «Петр<оградских> Вестн<остей>»: «...Что общего между скорбными стонами разбитой детской души, выявленными потрясающе-реальными образами Марии Пожаровой (“Памяти матери”), и пламенными гражданскими мотивами Ларисы Рейснер? Но оба эти автора нашли полный сочувственный отклик в душе слушателей, ибо творчество обоих озарено высшим светом бессмертных человеческих ценностей...» (!)¹⁰³

Стихи я читала плохо. Одеты была в черное газовое платье с маленькой бледно-оранжевой отделкой газовой отделкой. Юбка модная, короткая. Прическа низкая, щеки слегка подрумянены. Галати сделала комплимент моей внешности, второй комплимент сделала мне Н. Грушко¹⁰⁴, которая нашла, что на вид мне меньше 20 лет и что глаза у меня — «удивительно ясные». Я, может быть, и на самом деле была хорошенькой от возбуждения, но читала плохо. Мне снисходительно аплодировали, и пришлось во второй раз выйти и поклониться. В общем успех средний. Но я не для эстрады, не для людей; теперь сама удивляюсь, что набралась смелости читать стихи публично. — На этом вечере слышал меня какой-то футурист Н. Черкасов¹⁰⁵, кот<орый> после этого прислал мне несколько писем (одно длиннейшее!)¹⁰⁶, свою фотографию, две книги своих стихов и, наконец, явился к нам сам, хотя я в моем ответе на его письмо всячески отбояривалась, деликатным образом, от его посещения. Футурист, офицер. Его стихотворные способности весьма сомнительны (но есть в одной из его книг строки, которые очень запомнились мне: «Севера холодные могилы — Душные безмерностью леса, — Где потерянные маевают силы — Безразличные междуцвеют голоса»¹⁰⁷).

Комментарии

¹ Приводим это письмо полностью:

Я очень рада, Марья Андреевна, если вы действительно хоть что-нибудь из моих слов услышали. Я их говорила очень искренно и уклон вашей души я понимаю, потому что в жизни приходилось и мне подходить близко к краю милой вам сейчас пропасти — нежной пропасти небытия.

Ваши стихи я все внимательно прочла и посылаю их вам с беглыми заметками на полях. Скажу Вам точно, что думаю: для меня нет сомнения, у вас большие способности к стихам, и внешние, и *внутренние*, а если в стихах нет нужной силы, резкости, движения, покоряющего железа, если они многословны подчас, расплывчаты, зыбки и туманнообразны, то причина лежит в вас самой, в сегодняшнем «образе» вашей души. Струны ее *не натянуты*. А ведь душа — та же скрипка. Если *волей* мы не можем переменить струны — то натянуть их упруго — мы можем. И звук меняется. Разве нет?

Стихи, которые вы мне прислали, нравятся мне местами больше принесенных вами. Впрочем, я многое отметила больше внешнее, а о внутреннем говорю здесь.

Последние дни я совсем нездорова и никого не вижу. Когда поправлюсь и когда захотите еще раз повидать меня (не испугаетесь, что буду бранить ваше «безволие»), — напишите; сговоримся.

А пока до свидания, и будьте здоровы.

З. Гиппиус

(ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 115; письмо от 23 ноября 1909 г.)

² «Записки из подполья» ([5, т. 5, с. 119]).

³ Нива. 1910. № 16, 17 апреля. С. 308 (пасхальный номер). На той же странице — «Музицирующие ангелы» Мелоццо да Форли (Ватиканская пинакотека).

⁴ Маврикий Осипович Вольф (1825–1883), русский издатель, книготорговец, просветитель. Издавал ежедневный иллюстрированный журнал «Задушевное слово» в двух выпусках (для детей младшего и старшего возраста), где регулярно публиковалась Пожарова.

⁵ Уточнение, сделанное Пожаровой.

⁶ Раздел «Литературный альманах» в сентябрьской книжке «Аполлона» за 1910 г. (№ 10) открывался стихами Черубины де Габриак (Е. Дмитриевой), С. Мстиславской, С. Дубновой и М. Пожаровой (стихотворение «Лесные качели»).

⁷ Рисунок Пожаровой к стихотворению «Фея снов» («Легкая тучка скользит...») был опубликован в «Задушевном слове», предназначенном для детей младшего возраста (1910. № 46, 12 сентября. С. 721–722). Другой ее рисунок — к стихотворению «Белые тучки» («О зыбки тучки, о лебеди нежные...») — помещен на первой странице «Задушевного слова» (для детей старшего возраста) в номере от 15 августа 1910 г. (№ 42. С. 658).

⁸ Имеются в виду: «Жемчужная башня» (Родник. 1910. № 1. С. 80–104); «Царевна-Дремляна» (Всходы. 1909. № 12. С. 881–891); «Воскресшее сердце. (Средневековая легенда)» (Задушевное слово. 1910. № 25. С. 397–400).

⁹ Перкиярви (с 1948 г. — Кирилловское) — поселок на Карельском перешейке (ныне — Рошинский район Ленинградской области).

¹⁰ Начиная с № 7 от 13 декабря 1909 г. журнал «Задушевное слово» (для старшего возраста) открыл на своих страницах «Галерею портретов сотрудников и сотрудниц “Задушевного Слова”» (под общим заглавием «Задушевные друзья читающего юношества»). Портрет Пожаровой был помещен в № 13 от 24 января 1910 г. (с. 203). Каждый портрет сопровождался пояснительным текстом. О Пожаровой сказано:

«Пожарова, одна из самых молодых сотрудниц “Задушевного Слова”, принадлежит к числу тех сотрудниц, которые были когда-то только читательницами его,

а затем, сохраняя привязанность и дружбу к “старому товарищу-собеседнику”, стали с сами помогать ему своим талантом. И вот, помещая свои произведения на столбцах больших серьезных журналов, М.А. Пожарова решила примкнуть также и к поэтам “Задушевного Слова” — стала работать в качестве автора многочисленных стихотворений для того журнала, который она с увлечением читала в детстве» (с. 202).

Другой портрет Пожаровой в «Задушевном слове» за 1910 г. не обнаружен.

¹¹ См.: Сказки современных русских писателей (для среднего возраста). Собрала Клавдия Лукашевич. М.: Тип. изд-ва И.Д. Сытина, 1910. Т. 1. Портрет Пожаровой, завершающий ее «Весеннюю сказку», опубликован на с. 134.

¹² Рассказ Пожаровой «Бессонница» был опубликован в «Ниве» (1913. № 38, 21 сентября. С. 749–751). Стихотворение под тем же названием («Бессонная ночь шепотливо тянется...») — в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» (1914. № 3. С. 4).

¹³ Журнал «Тропинка» прекратился в декабре 1912 г. В последнем номере помещены стихотворения: К. Бальмонта («Комарики-Макарики»), А. Блока («Лесная тишина») и М. Пожаровой («Елочные гости»).

¹⁴ В.С. Миролюбов входил, наряду с М. Горьким и Ивановым-Разумником, в редакцию «Заветов». Во второй книжке этого журнала за 1913 г. напечатано стихотворение Пожаровой «Зовешь ты, ветер, ветер...» (с. 10). Ср. дневниковую запись от 18 апреля 1913 г.: «В редакции “Заветов”. Пошла навестить Миролюбова. Он принял меня очень сердечно. Сразу узнал. Я его не узнала бы. Изменился за 6 лет, поседел, но в общем поздорвел» (ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 218. Л. 56).

¹⁵ Николай Николаевич Вентцель (псевд. Бенедикт; 1855/1856–1920), поэт, прозаик, драматург, критик; автор нескольких детских книг. Постоянный сотрудник газеты «Новое время». С 1910 по 1912 гг. — председатель кружка «Вечера Случевского».

¹⁶ См. с. 12–13 наст. изд.

¹⁷ М.Г. Веселкова-Кильштет (Кильштедт; 1861–1931), поэтесса, прозаик.

¹⁸ Речь идет о вечере 15 декабря 1912 г.

¹⁹ Федор Федорович Фидлер (1859–1917), переводчик (русских авторов на немецкий язык); коллекционер. Председатель кружка «Вечера Случевского» в 1904–1908 гг.

²⁰ Василий (Вильгельм) Петрович Авенариус (1839–1923), писатель, прозаик (немец по происхождению). Автор популярных биографических повестей, составитель фольклорных сборников.

²¹ Владимир Александрович Мазуркевич (1871–1942), поэт, прозаик, драматург.

²² Зоя Дмитриевна Бухарова (в замужестве Казина; 1876 или 1877 – после 1928), поэтесса; литературный и театральный критик.

²³ Валентин Кривич (наст. имя и фамилия — Валентин Иннокентьевич Анненский; 1880–1936), поэт. Сын И.Ф. Анненского; автор мемуаров об отце.

²⁴ Дмитрий Михайлович Цензор (1877–1947), поэт, прозаик.

²⁵ Эти две фразы выделены угловыми скобками в оригинале.

²⁶ Квартира Веселковой-Кильштет находилась по адресу: Церковная ул. (ныне — ул. Блохина), д. 23.

²⁷ Сонет «Сивилла Дельфийская» («Воздушен блеск кудрей у гибкого плеча...») впервые опубликован в «Журнале для всех» (1904. № 5. С. 260) в составе цикла «Сонеты к фрескам Микельанджело», состоящего из двух стихотворений (второе — сонет «Сивилла Кумская»).

²⁸ Стихотворение «Тучи» («В серых тучах ходит-бродит серый старичок...») было опубликовано в журнале «Тропинка» (1908. № 20, 15 октября. С. 777–778).

²⁹ «Вереск (Символ одиночества)» — последнее стихотворение трехчастного цикла «Лесные песни» (Русская мысль. 1909. № 6. С. 1–3).

³⁰ В один из альбомов, принадлежавший, видимо, В.В. Уманову-Каплуновскому, Пожарова вписала последнюю строфу стихотворения «На камне» («В мерцанье последних рубинов...»), опубликованного в журнале «Весы» (1909. № 7. С. 13–14):

Я сердце, уставшее рано,
Несу в голубые сады,
Омыв его пеной тумана
И блеском вечерней звезды.

(РГАЛИ. Ф. 512. Оп. 2. Ед. хр. За. Л. 15 об.)

³¹ Александра Константиновна Случевская (Случевская-Коростовец; 1890–1976), поэтесса, мемуаристка. Дочь К.К. Случевского. Умерла в Англии.

³² Имеется в виду: *Авенариус В.П.* Отроческие годы Пушкина. Биографическая повесть. СПб., 1886 (впоследствии неоднократно переиздавалась). Первая публикация — в журнале «Родник» (1885).

³³ Видимо, Всеволод Валерьянович Курдюмов (1892–1956).

³⁴ В анонимной заметке, озаглавленной «Вечер поэзии», говорилось: «На вечере Случевского, состоявшемся у М.Г. Кильштет-Веселковой 15 декабря, собралось почему-то довольно ограниченное число поэтов и поэтесс (Вентцель, Бенедикт <так!>, Авенариус, Уманов-Каплуновский, Случевская, Соколов, Дмитрий Цензор, Валентин Кривич-Анненский, Пожарова, Курдюмов, Мазуркевич, Хвостов и др.)» (Известия книжных магазинов Т-ва М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1913. № 1 (январь). С. 6). Николай Борисович Хвостов (1849–1924) — поэт, переводчик.

³⁵ Имеются в виду две заключительные строки стихотворения «Тучи»: «В серых тучах пробегает серый старичок / Над землею отряхает мокрый колпачок» (Тропинка. 1908. № 20, 15 октября. С. 778).

³⁶ Причислять себя к «основателям» журнала В. Кривич не имел оснований, хотя и публиковался в «Аполлоне» в 1909 г.

³⁷ *Кривич В.* Цветотравы. М.: Изд. В. Португалова, 1912. Книга посвящена памяти И.Ф. Анненского.

³⁸ Женой В. Кривича в 1905–1915 гг. была Н.В. фон Штейн (1885–1975), сестра поэта-переводчика и мемуариста С. фон Штейна; с 1916 г. — жена П.В. Хмара-Борщевского, пасынка Иннокентия Анненского. (Ей посвящено несколько стихотворений Гумилева.)

³⁹ Подробно описав собрание поэтов и поэтесс в квартире М.Г. Кильштет, Пожарова не упомянула о том, что на этом вечере было оглашено письмо И.А. Бунина к Уманову-Каплуновскому — благодарность Кружку за приветствие, отправленное писателю в связи с 25-летним юбилеем его литературной деятельности. В этом письме (до настоящего времени не публиковавшемся) Бунин, находившийся в то время на Капри, сообщал, что был «долго и тяжело болен» (см.: [Б.п.] «Вечер поэзии» // Известия книжных магазинов Т-ва М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1913. № 1 (январь). С. 5).

⁴⁰ Валерий Вильямович Каррик (1869–1943), детский писатель, художник-карикатурист. Умер в Норвегии.

⁴¹ Манасейна (Манассейна; 1869–1930), детская писательница. Издавала и редактировала (совместно с П.С. Соловьевой) журнал «Тропинка».

⁴² Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух (1860–1923), литератор, переводчица; мать Блока, приятельница П.С. Соловьевой. Ср. в воспоминаниях М.А. Бековой:

«В эту зиму <имеется в виду зима 1911/1912 г.> она <А.А. Кублицкая-Пиоттух> очень сошлась с Поликановой Серг. Соловьевой, сестрой философа. Они сидели каждую неделю на ее средах, где собирались с трех часов сотрудники издаваемого ею вместе с Н.И. Манасейной детского журнала “Тропинка” и кое-кто из друзей и знакомых. Квартира была скромная, угощение тоже. Пили чай с вареньем и пря-

никами и проводили время в самой непринужденной беседе. Обаятельность хозяйки, ее открытый характер, детская веселость и живой ум сообщали этим сборищам оттенок милой интимности, простоты и самого приятного оживления. Большинство посетителей “Тропинки” были дамы, но ничего “дамского” не было в атмосфере этих веселых и милых сборищ. Разговоры были женские, а не дамские: ни сплетен, ни пересудов, ни пошлости, ни мелочных и личных счетов тут не было. Говорили о литературе, о политике, о событиях дня, об искусстве, и все выходило интересно и симпатично. Ал. Андр. очень любила бывать в “Тропинке”. Она положительно там отдыхала» [1, с. 324].

⁴³ Еженедельный детский журнал (СПб., 1911–1913). В № 1 за 1913 г. (с. 5) напечатано стихотворение Пожаровой «Праздник у феи кукол...» («Словно дятел долгоносый...»). В течение 1913 г. стихи Пожаровой публиковались в «Галченке» неоднократно.

⁴⁴ Дмитрий Иванович Коковцев (1887–1918), поэт, публицист.

⁴⁵ Александр Алексеевич Кондратьев (1876–1967), поэт, прозаик. Умер в США.

⁴⁶ Опубликовано: Нива. 1912. № 35, 1 сентября. С. 693.

⁴⁷ Опубликовано: Тропинка. 1912. № 12. С. 839. Перепечатано в бесплатном приложении к журналу «Проталинка»: Цветник. Сборник стихотворений современных поэтов. М.: Проталинка, 1915. 39 с.

⁴⁸ Анатолий Андреевич Бурнакин (? – 1932), журналист, критик, поэт. С 1919 г. — в эмиграции. Умер в Белграде. О его участии в «Новом времени» и «премущественной связи» с В.П. Бурениным см. статью Д.М. Магомедовой [14, т. 1, с. 370].

⁴⁹ В альбоме Кружка оставили свои подписи (помимо лиц, упомянутых Пожаровой): В. Авенариус, Т. Берхман, В. Грибовский, Ф. Зарин, В. Лебедев, М. Веселкова-Кильштет, Е. Минеева, В. Опочинин, А. Радченко, В. Уманов-Каплуновский, И. Соколов, Д. Цензор; подпись Бурнакина отсутствует; одна подпись неразборчива (РГАЛИ. Ф. 512. Оп. 2. Ед. хр. За. Л. 16).

⁵⁰ Известная опера Рихарда Вагнера (1882). Пожарова присутствовала на одном из спектаклей Музыкального драматического театра (первое представление — 24 февраля 1914 г.).

⁵¹ Мария (Мария Магдалина Франческа) Людвиговна Моравская (1889–1947), поэтесса, переводчица, прозаик, публицист. Умерла в США.

См. о ней: [10], статью Р.Д. Тименчика в: [14, т. 4, с. 124–126].

⁵² Имеется в виду ежегодная Весенняя выставка в залах Академии художеств (учреждена в 1897 г.). Выставка открывалась в первую неделю Великого поста, (в 1914 г. — со 2 по 8 марта), и продолжалась не менее шести недель.

⁵³ На этом собрании члены Кружка чествовали Н.Н. Вентцеля в связи с 25-летием его литературной деятельности.

⁵⁴ Владимир Петрович Опочинин (1878 – не ранее 1939), поэт, прозаик, драматург; журналист.

⁵⁵ Стихотворение Пожаровой «Бессонная ночь» («Бессонная ночь шепотливо тянется...») опубликовано в «Ежемесячном журнале» (1914. № 3. С. 4).

⁵⁶ Стихотворение «Лесное сердце» («Говори о веках, что проходят стопой бестревожной...») опубликовано в журнале «Весы» (1909. № 7. С. 13–14).

⁵⁷ Беноццо Гоццоли (наст. имя Беноццо ди Лезе ди Сандро; 1420–1497), итальянский художник эпохи Кватроченто (флорентийская школа). Предположительно ученик Фра Беато Анджелико, которому посвящено известное стихотворение Гумилева (1912).

⁵⁸ Гумилев совершил четыре путешествия в Африку: в 1908, 1909, 1910 и 1913 гг.

⁵⁹ См. примеч. 6.

⁶⁰ Капитолина Васильевна Вяткина (урожд. Юрганова; 1892–1973), этнограф, многолетний сотрудник Института этнографии АН СССР; жена Г.А. Вяткина с 1915 по 1922 г. В близком кругу именовалась «Капелькой».

⁶¹ Ф.Г. Эртнеру посвящен сборник Моравской «На пристани» (СПб., 1914). В автобиографическом письме к С.А. Венгеру (1915) Моравская писала, что Эртнер «удерживал ее от преждевременных незрелых выступлений в печати, помог преодолеть символизм и выявить свою поэтическую личность»; основной текст этого письма опубликован в статье В.В. Попова [10, с. 182–183].

⁶² Агнесса Эдуардовна Линдеман (1880–1942), акварелист, иллюстратор, вышивальщица. В начале 1923 г. уехала в Германию, жила в г. Гота, где и умерла. В дневнике Пожаровой имеется более ранняя запись (между 19 и 22 марта 1914 г.): «Линдеман написала мне, что ее картины к моей книге вернулись с московской выставки Союза и скоро будут печататься. Пора, давно пора! Она пишет, что хотела бы узнать мое мнение о картинах» (л. 65 об.). Упоминается XI выставка Союза русских художников, на которой демонстрировались работы А. Линдеман, в том числе пять иллюстраций «к изданию И.Д. Сытина библиотеки “Тропинка”» (Каталог XI выставки Союза русских художников Москва 1913–1914 г. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1913. С. 14). На той же выставке Союза русских художников в Петербурге, где также участвовала А. Линдеман, иллюстрации, выполненные ею для сытинского издания, отсутствовали (см.: Каталог XI выставки Союза русских художников. С.-Петербург 1914. СПб.: Тип. т-ва «Екатеринг. печ. дело», [1914]. С. 13–14).

⁶³ Сборник детских стихотворений Пожаровой, изданных И.Д. Сытиным в Москве в 1915 г. (с иллюстрациями А. Линдеман). «Бубенчики» — сквозной мотив в поэзии Пожаровой, передающий в ее понимании наивно-чистую мелодию детства. Ср.: «А за плетнем издалека / Звучит бубенчик тонко-тонко, / И так бесхитростно легка / Несется песенка ребенка» (из стихотворения «В зеленом уголке» («Как пахнет розой и вербеной...») // Задушевное слово (для детей старшего возраста). 1916. № 38, 17 июля. С. 601).

В своих дневниковых записях Пожарова сообщает, что около 1920 г. она «продала второе издание “Бубенчиков” Гржебину за 45 тысяч. Книга разрослась вдвойне, дополненная новыми стихотворениями. Художественную часть взял на себя Александр Бенуа. Я получила автографы от него и от Максима Горького» (ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 218. Л. 137). Упоминается издатель З.И. Гржебин (1877–1929; умер во Франции); Второе издание «Бубенчиков» не состоялось.

⁶⁴ Эдуард Эдуардович Линдеман (1842–1897), астроном, с 1896 г. — ученый секретарь и хранитель библиотеки Пулковской обсерватории.

⁶⁵ Петербургское издательство «Грядущий день», возникшее в конце 1900-х гг., отличалось высоким уровнем книжной культуры; его художественным руководителем был М.В. Добужинский; в 1915 г. волилось в издательство «Огни», возглавляемое Е.А. Ляцким.

⁶⁶ Упоминаются: Рогнеда (Ная) Сергеевна Городецкая (1908–1999), дочь С.М. и А.А. Городецких; Ия (1906 – ?), побочная дочь С.М. Городецкого.

⁶⁷ Анна Алексеевна Городецкая (урожд. Козельская; 1889–1945), актриса; жена С.М. Городецкого; в литературном кругу звалась «Нимфой».

⁶⁸ В.Л. Говорова, заведующая конторой «Ежемесячного журнала».

⁶⁹ Лекция-вечер «Поэтессы — маленьким беженцам» состоялась в концертном зале Тенишевского училища 31 марта 1916 г. В списке выступавших, наряду с Пожаровой, значились: А. Аренс, Е. Бунге, Г. Галина, И. Гриневская, Н. Грушко, Л. Жибуртович, Т. Кладо, М. Левберг, М. Моравская, Л. Рейснер, Тэффи, А. Чумаченко и М. Шререр, а также артисты Н. Ковалевская и М. Прохорова (см.: Петроградские ведомости. 1916. № 72, 31 марта (13 апреля). С. 3; раздел «Хроника»); однако Моравская, Тэффи, Чумаченко и Шререр на вечере отсутствовали (см.: З. В.<с>ухарова>. Вечер поэтесс // Петроградские ведомости. 1916. № 75, 3 (16) апреля. С. 2). Вступительное слово произнес профессор-юрист, социолог и публицист В.Н. Сперан-

ский (1877–1957). Весь чистый сбор был направлен на нужды малолетних беженцев, жертв военного времени (сирот, детей, потерявших родителей, и т. д.).

В конце вечера выступила Анна Ахматова, прочитавшая стихотворение «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...». См. в газетном отчете: «Анну Ахматову уговорили выступить с эстрады, хотя она и не значилась в программе. И г-жа Ахматова также угадала, что надо слушательно в конце вечера, и рассказала нам о простой жизни, где должны быть свои радости...» ([Б.п.] Вечер поэтов // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1916. № 15479, 2 апреля. С. 3).

⁷⁰ Николай Иванович Кульбин (1868–1917), художник, музыкант, теоретик и пропагандист русского авангарда; издатель. В архиве Пожаровой сохранилась обращенная к ней записка Кульбина с почтовым штемпелем «8.5.16 г.»: «Приходите Очень рад работать с Вами. Ваш НК» (ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 147). Внизу — пояснение (рукой Пожаровой): «Он был мне нужен как доктор. Кульбин — знаменитый футурист» (Там же).

⁷¹ Имеется в виду Петровское торгово-коммерческое училище Купеческого общества на Фонтанке 62.

⁷² Точная дата этой лекции не установлена. См. иронический отклик: *Садовой Б.* Золушка совсем не думает // Журнал журналов. 1915. № 34. С. 5; обыгрывается название сборника стихов Моравской «Золушка думает» (Пг., 1915). В то время Моравская часто называла себя «Золушкой». Так, 30 мая 1915 г. она подарила Пожаровой отклик своего рассказа «Плакаты» (Вестник Европы. 1915. № 5. С. 105–116) с подписью «От Золушки — Моравской» (ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 211).

⁷³ Лекция состоялась 4 декабря 1915 г. под председательством А.М. Калмыковой. После лекции предполагались «прения», участниками которых в газетном объявлении названы, в частности, А.А. Гизетти, Л.Н. Клейнборг, Е.А. Ляцкий, А.И. Тиняков (Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. № 15248, 3 (16) декабря. С. 1).

Статья Моравской под названием «Волнующая поэзия» была ранее опубликована в «Новом журнале для всех» (1915. № 8. С. 39–41; о Пожаровой, как и других поэтах, в печатном варианте не упоминается).

27 февраля 1916 г. в зале Петровского училища Моравская прочитала еще одну лекцию («Господство любви») в пользу лазарета при Технологическом институте (см.: Биржевые ведомости. Веч. вып. 1916. № 15401, 23 февраля. С. 1).

⁷⁴ Ольга Михайловна Пожарова умерла 24 октября 1915 г.

⁷⁵ См. примеч. 73.

⁷⁶ См.: *Пожарова М.* Памяти матери. 1. Обреченная. 2. Перед панихидой. 3. Кладбище // Русская мысль. 1916. № 4. С. 29–31.

⁷⁷ *Пожарова М.* Мама («В комнату солнце скользнуло...»); «Положи мне на сердце руку...»; У гроба. (Памяти матери) // Ежемесячный журнал. 1916. № 1. С. 98.

⁷⁸ Сохранилась записка Миролюбова к Пожаровой от 7 марта 1916 г., в которой он приглашает ее на «чтение» в среду, т. е. 8 марта 1916 г. (ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 168. Л. 9).

⁷⁹ Николай Николаевич Шульговский (1880–1934), поэт; автор работ по стихосложению.

⁸⁰ Возможно, Пожарова посетила редакцию «Ежемесячного журнала» 14 октября 1915 г.; Ремизов читал в тот вечер свой рассказ «Чайничек». См. запись об этом вечере в дневнике Б.А. Лазаревского (ИРЛИ. Ф. 145. Ед. хр. 10. Л. 17).

⁸¹ Т. е. один из образов религиозной живописи М.В. Нестерова.

⁸² Это свидетельство Пожаровой («в пиджачке») расходится с воспоминаниями В.И. Мозалевского, который сообщает, что Есенин, читавший стихи в клубе «Медный всадник», носил «светлую с воротником, украшенным вышивкой, кофеворотку» [9, с. 80]. Ср. в воспоминаниях Л. Рубанова (впервые: Мосты. (Мюнхен). 1966. № 12): «...Городецкий привел с собой на этот вечер белокурого юношу

в странной курточке, без галстука, что противоречило общему тону собрания» [3, с. 469].

⁸³ Есенин был призван в марте 1916 г. В апреле–июне 1916 г. он дважды выезжал на фронт в составе поезда № 143 императрицы Александры Федоровны.

⁸⁴ Клюев знал стихи Бодлера (в русском переводе Вяч. Иванова и П. Якубовича). 12 марта 1909 г. он писал Блоку, что «поражен, почти пришиблен царственностью стихов из Бодлера — Вячеслава Иванова» [7, с. 185]. О знакомстве Клюева с русскими переводами Бодлера см. также: [17, с. 169–170].

Толчком к разговору поэтов о Бодлере послужило, возможно, то обстоятельство, что как раз в 1916 г. Пожарова перевела его знаменитое стихотворение «Гимн красоте» (см.: Огонек. 1917. № 23. С. 355). Первоначально она собиралась поместить его в утреннем выпуске «Биржевых новостей» и обращалась по этому поводу к И.И. Ясинскому (ОР РНБ. Ф. 901. Ед. хр. 1126. Л. 1–2; письмо от 10 сентября 1916 г.), но — безуспешно.

⁸⁵ Оскар Уайльд как символ европейского эстетизма привлекал и Клюева, и Есенина, рывидшихся в крестьянскую одежду («дэндизм» наизнанку) и сознательно эпатировавших «буржуазную» городскую публику. Хорошо понимая театральнo-игровой характер этой стилизации «под народ», Есенин в «Ключах Марии» (1918) назовет Клюева «Уайльдом в лаптях»: «Уайльд в лаптях для нас столь же приятен, как и Уайльд с цветком в петлице и лакированных башмаках» [6, т. 5, с. 185]. См. также: [2, с. 246].

Внутренний разлад Есенина в последние годы жизни, отразившийся в поэме «Черный человек», и трагический финал поэта нередко соотносятся с историей главного героя в романе Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1891).

⁸⁶ Ежемесячный журнал. 1915. № 6. С. 5 (стихотворение озаглавлено «Туман»). Там же на с. 4 — три стихотворения Есенина: «Сыплет черемуха снегом...», «Троица» (Троицно утро, утренний канон...) и «Девичник» («Я надену красное монисто...»).

Первые шесть строк стихотворения «Туман»:

Заря наклонилась к вечерней реке,
Словно русая девушка в красном платке.
Цветные одежды полощет в волнах,
И мелькают извивы пунцовых рубак,
Передников желтых с голубой бахромой,
Полотенец, расшитых узорной каймой.

⁸⁷ Имеется в виду юбилейное (50-е) собрание Кружка у В.П. Авенариуса, состоявшееся 19 декабря 1915 г. На этот вечер Пожарова смогла попасть благодаря Н.Н. Вентцелю. «Очень хотелось бы мне побывать на одном из собраний Кружка Случевского (в декабре или еще лучше в январе)», — писала ему Пожарова 11 декабря 1915 г. (РГАЛИ. Ф. 1868. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 10). Н.Н. Вентцель информировал Пожарову о предстоящем собрании и пригласил ее в качестве гостя. «Сердечно благодарю Вас за письмо — отвечает Пожарова 18 декабря 1915 г. — С радостью воспользуюсь Вашим любезным указанием и поеду на вечер Случевского...» (Там же. Л. 12).

⁸⁸ Екатерина Александровна Галати (Косвен-Галати; 1890–1935), поэтесса, переводчица; жена историка, этнографа и кавказоведа М.О. Косвена (1885–1967). См.: [15].

⁸⁹ См. примеч. 76 и 77.

⁹⁰ Имеется в виду П.В. Быков (1844–1930), поэт, переводчик, критик, историк, литературы, переводчик.

⁹¹ Борис Дмитриевич Богомолов (1886–1920), поэт, прозаик. На собрании у В.П. Авенариуса был рекомендован в члены Кружка (В.П. Лебедевым и В.В. Умановым-Каплуновским). Избран 8 мая 1916 г. (ср. следующ. примеч.).

⁹² Пожарова была рекомендована в члены Кружка Случевского на собрании 19 декабря 1915 г. у В.П. Авенариуса, а избрана на 51-м (77-м) собрании 8 мая 1916 г. (у И.И. Ясинского) — последнем в сезоне 1915/1916 г. «Военное время заметно отразилось на деятельности кружка поэтов в Петрограде, носящего название “Вечеров Случевского”, — читаем в журнальной заметке, — истекший сезон не был богат поэтическими собраниями. После трех вечеров у И.И. Ясинского, В.П. Лебедева и В.П. Авенариуса состоялся значительный перерыв. Последнее собрание (8 мая) состоялось у председателя кружка И.И. Ясинского. В число новых членов избраны: Борис Богомолов, Мария Левберг, М. Пожарова, Борис Садовской и Зинаида Ц.» (Известия Вольфа. 1916. № 6. С. 80). Среди названных далее 17 участников этого вечера фамилия Пожаровой отсутствует.

⁹³ Знакомство Пожаровой с Галати состоялось 19 декабря 1915 г. Через день Галати писала своей новой знакомой:

Милая Мария Андреевна!

Когда будете посылать мне свою «детскую» книгу, если это не затруднит Вас, пришлите мне хоть одно из своих стихотворений, прочитанных Вами на вечере Случевского.

Я хочу их почувствовать еще раз, мне нужно их иметь у себя.

Мне нравится, что в Ваших вещах говорит душа, а не нервы, измученные, издерганные тоской и чувственностью нервы, как у почти всех теперешних поэтов, и мужчин, и женщин.

Вам есть, что сказать, и потому все, что Вы говорите, ценно. Вы сильно чувствуете и от того трогаете. У большинства же пишущих не вдохновение, а просто — *grititus scribendi* — «писательский зуд».

Прошу Вас писать как можно больше, стараться похитить у жизни как можно больше минут для творчества.

Надеюсь еще когда-нибудь увидеть Вас и поговорить с Вами.

Жду Ваших стихов и крепко жму Вашу руку

Ек. Галати

(ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 144. Л. 1–2; письмо от 21 декабря 1915 г.; «детская книга» — вероятно, сборник «Бубенчики», см. примеч. 63).

⁹⁴ Садовской Б. Полдень. Собрание стихов. 1905–1914. Пг.: Лукоморье, 1915.

⁹⁵ В архиве Пожаровой в ИРЛИ письма Б.А. Садовского отсутствуют.

⁹⁶ Екатерина Николаевна Бунге (1874–1933), поэтесса, переводчица. Умерла в Германии.

⁹⁷ Лидия Борисовна Яворская (в замужестве — княгиня Бяратинская; 1871–1921), актриса. Умерла в Лондоне.

⁹⁸ Композитор С.С. Прокофьев входил в правление «Медного Всадника» и принимал участие почти во всех его вечерах весной 1916 г.; см.: [11, т. 2].

⁹⁹ Опера Прокофьева «Игрок» (по повести Достоевского), написанная в течение 1916 г., намечалась к постановке в Маринском театре и была даже утверждена в репертуаре 1917 г., однако премьеры — в силу разных причин — неоднократно переносилась; постановка не осуществилась. Впоследствии композитор переделал оперу, и в этой новой редакции она получила сценическое воплощение (премьера состоялась в апреле 1929 г. в Брюсселе).

¹⁰⁰ Имеется в виду В.И. Мозалевский.

¹⁰¹ Намек на стихотворение Игоря Северянина «Клуб дам» (1912): «О фешенебельные темы! От вас тоска моя развеется!» и т. д.

¹⁰² Судя по записи Пожаровой, она посетила вечер «Медного Всадника», состоявшийся около 10 марта 1916 г. в квартире профессора В.В. Святловского (1871–1927), экономиста и историка, автора двух стихотворных сборников, совершившего в 1907 г. этнографическую поездку в Австралию и на острова Океании, откуда он вывез богатую коллекцию предметов народного быта и искусства, переданную им

в Музей антропологии и этнографии. Его квартира представляла собой «нечто в роде не то музея, не то даже храма, воздвигнутого Наполеону I» (*Боцяновский В.* О «Медном Всаднике» // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1916. № 15439, 13 марта. С. 4).

¹⁰³ *З.Б.<ухарова>*. Вечер поэтесс // Петроградские ведомости. 1916. № 74, 2 апреля. С. 2. Цитата неточна.

¹⁰⁴ Наталья Васильевна Грушко (1891–1974), поэтесса, драматург, прозаик.

¹⁰⁵ Николай Александрович Черкасов (1888 – после 1924), поэт, футурист, автор нескольких стихотворных сборников, изданных в Петрограде в 1914–1917 гг. Входил в 1917 г. в общество «Мировые футуристы»; см.: [8, с. 20]. Присутствовал в качестве гостя 11 февраля 1917 г. на 52-м (78-м) собрании Кружка Случевского у И.И. Ясинского, куда его, по-видимому, пригласила Пожарова (см.: РГАЛИ. Ф. 512. Оп. 2. Ед. хр. За. Л. 40).

¹⁰⁶ Сохранилось лишь одно («длиннейшее»?) письмо Н. Черкасова — видимо, ответ на письмо Пожаровой, в котором она делилась с адресатом своими размышлениями: «Но все же путь Ваш в искусстве — футуристический — представляется мне скользким путем. Я полагаю, что и неологизмами пользоваться следует умело, остроумно <...> Нередко в стихах футуристов встречаются неожиданные смелые обороты, которые своей необычностью не отталкивают, а привлекают. В футуризме нет простоты, а без простоты нет величия. И при всем своем стремлении к широте футуризм мелочен и немощен» (приводится по черновым наброскам в дневнике Пожаровой (л. 73); дата черновика — 3 апреля 1916 г.).

Возражая Пожаровой, Черкасов писал (приводится основная часть письма):

Глубокоуважаемая Мария Андреевна!

Очень признателен Вам за Ваше любезное и откровенное письмо. Я очень ценю эту правдивость в высказанных мнениях. Да, я и хочу работать над собой, устранить банальности, пошлости, ходячие фразы. Но Вы не всегда правы, думая, что я подражаю тому или иному автору. Начнем с Блока. Вовсе — если так сказать — не Блок открыл Прекрасную Даму. Да и к чему делать это его привилегией <так!>? Когда я посвятил стихи Прекрасной Даме, я, возможно, думал совершенно не о Блоковской Даме — да и не в поле тут дело — и о Блоке в то время совершенно забыл, не думал. Также не думал я подражать и Игорю Северянину, тем более что не считая для себя совершенно возможным быть в числе его поклонников или хотя бы подражателей.

Да, я находился под футуристическими влияниями — но какой же Северянин футурист? Северянина я ставлю на одну доску с m-me Вербицкими. «Экстравагантностей» Игоря Северянина у меня нет — а «помпезности» — не его. От слова «солист» («Соловьиное утро») отымите его оперный привкус, возьмите слово как простое производное от “Solo” — а слова ведь все надо брать в их чистом виде независимо от местных вкусов — и, мне кажется, оно не будет казаться грубым. Смелость образа далека от грубости.

В сонете я сознаю свою слабость — этот сонет — юношеский опыт. В большинстве остальных определений Вы совершенно правы или хотя бы отчасти правы. К сожалению, сборник я поторопился выпустить под давлением внешних причин.

Я военный (в мирное вр<емя> — студент политехник) и могу бояться, чтобы материал не пропал.

Мне хотелось бы вести с Вами переписку, тем более что Ваши ценные замечания, показывающие большой опыт, точность и вкус, — были бы мне очень нужны — и, почему знать, в своих последующих вещах я бы уже — быть может, избавился бы от значительного количества своих грехов и слабостей. <...>

Буду ждать Ваших поэтических советов. Напишите мне что-либо о поэзии вообще, о положении поэта, о задачах стиха, о метрике, о рифме, о новых теориях стихосложения, о банальностях, о хорошем вкусе, о творчестве, о теме и т. д. Буду весьма признателен, если Вы и дальше пойдете мне навстречу.

(ИРЛИ. Ф. 376. Ед. хр. 199. Письмо от 4 мая 1916 г.)

¹⁰⁷ Первая строфа стихотворения «Гибель» (*Черкасов Н.* В ряды. Поэма и поэзы. СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1914. С. 44). В печатном тексте — маявеют.

Литература

1. *Бекетова М.А.* Воспоминания об Александре Блоке / сост. В.П. Енишерлова и С.С. Лесневского. М.: Правда, 1990. 672 с.
2. *Вольпин Н.* Свидание с другом // Как жил Есенин. Мемуарная проза. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1991. С. 220–353.
3. Воспоминания о Серебряном веке / сост., автор предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1993. 561 с.
4. *Даманская А.* На экране моей памяти / А. Даманская. Вечера поэтов в годы бедствий / С. Таубе-Аничкова; публ. О.Р. Демидовой. СПб.: Мирь, 2006. 520 с.
5. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
6. *Есенин С.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1977–1979.
7. *Клюев Н.* Письма к Александру Блоку 1907–1915 / публ., вводная ст. и коммент. К.М. Азадовского. М.: Прогресс-Плеяда, 2003. 366 с.
8. *Крусанов А.В.* Русский авангард, 1907–1932: исторический обзор: в 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. Кн. 1. 808 с.
9. *Мозалевский В.И.* Тропинки, пути, встречи (окончание) / подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 71–108. DOI: 10.22455/2541-8297-2019-13-71-108
10. *Попов В.В.* Мария Людвиговна Моравская. (Попытка портрета) // Русская литература. 1998. № 3. С. 181–217.
11. *Прокофьев С.* Дневник. 1907–1933: в 3 т. М.: Классика-XXI, 2017.
12. *Путилова Е.О.* Мария Пожарова // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая советская энциклопедия [и др.], 2007. Т. 5. С. 18–19. (В соавторстве с С.М. Гучковым).
13. *Путилова Е.О.* Мария Пожарова // Литературный Санкт-Петербург. XX век: Энциклопедический словарь: в 3 т. СПб.: Береста, 2015. Т. 3: П–Я. С. 67–69.
14. Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая советская энциклопедия [и др.], 1992–2019. Т. 1–6.
15. *Соболев А.Л.* Екатерина Галати // *Соболев А.Л.* Летейская библиотека I. Биографические очерки. М.: Трутень, 2013. С. 58–78.
16. *Соболев А., Тименчик Р.* Венеция в русской поэзии. Опыт антологии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 1104 с.
17. *Субботин С.И.* Николай Клюев — читатель Л. Трефолева и П. Якубовича. Об истоках раннего клюевского творчества // Николай Клюев. Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997. С. 163–182.
18. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 448 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

“My Real Life Is in Solitude...”: From the Diary of Maria Pozharova

© 2021. Konstantin M. Azadovsky

St. Petersburg, Russia

Abstract: The publication is dedicated to the poetess Maria Pozharova, who actively published in the Russian press at the beginning of the 20th century, and participated in the meetings of a number of St. Petersburg / Petrograd literary societies and circles in the 1910s. In the Soviet years, only her “children’s” poems appeared in print — “for a younger age”, the publication of which was assisted by K. Chukovsky and especially S. Marshak. The published excerpts from Pozharova’s diary (for 1909–1916) record her meetings and conversations with Z. Gippius, N. Gumilev, S. Yesenin, the poetess M. Moravskaya, prose-writer and literary critic N.N. Wentzel and other writers, contain detailed descriptions of the evenings of “Sluchevsky’s Circle”, the literary life of the capital in the pre-revolutionary years. The introductory article also describes M. Pozharova’s difficult living conditions and marginal existence in the literature of the 1930–1950s. The text of M. Pozharova’s diary is accompanied by a historical and literary commentary.

Keywords: M. Pozharova, the literary life of Russia in the 1910s, literary societies and associations, biography, the writer’s diaries, archival publications.

Information about the author: Konstantin M. Azadovsky — PhD in Philology, German Academy of Language and Literature, (Darmstadt, Germany). St. Petersburg, Russia. Researcher ID: U-4876-2019. E-mail: azadovski@mail.ru

For citation: Azadovsky, K.M. ““My Real Life Is in Solitude...”: From the Diary of Maria Pozharova’.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 8–47. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-8-47>

References

1. Beketova, M.A. *Vospominaniia ob Aleksandre Bloke* [*Memoirs of Alexander Blok*], comp. by V.P. Enisherlov, and S.S. Lesnevsky. Moscow, Pravda Publ., 1990. 672 p. (In Russ.)
2. Vol’pin, N. “Svidanie s drugom” [“Meeting with a Friend”]. *Kak zhil Esenin. Memuarnaia proza* [*How Esenin Lived. Memoir Prose*]. Cheliabinsk, Iuzhno-Ural’skoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1991, pp. 220–353. (In Russ.)
3. *Vospominaniia o Serebrianiom veke* [*Memoirs of the Silver Age*], comp, intro., and comm. by V. Kreid. Moscow, Respublika Publ., 1993. 561 p. (In Russ.)
4. Damanskaia, A. *Na ekrane moei pamiati* [*On the Screen of My Memory*]. Taube-Nichkova, S. *Vechera poetov v gody bedstvii* [*Evenings of Poets in the Years of Disasters*], publ. by O.R. Demidova. St. Petersburg, Mir" Publ., 2006. 520 p. (In Russ.)

5. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Esenin, S. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1977–1979. (In Russ.)
7. Kliuev, N. *Pis'ma k Aleksandru Bloku 1907–1915* [Letters to Alexander Blok 1907–1915], publ., intro., and comm. by K.M. Azadovsky. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2003. 366 p. (In Russ.)
8. Krusanov, A.V. *Russkii avangard, 1907–1932: istoricheskii obzor: v 3 t.* [Russian Avant-garde, 1907–1932: Historical Review: in 3 vols.], vol. 2, book 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 808 p. (In Russ.)
9. Mozalevskii, V.I. “Tropinki, puti, vstrechi (okonchanie)” [“Paths, Ways, Encounters (end of publication)”], text prep. and comm. by A.L. Sobolev. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (13), 2019, pp. 71–108. DOI: 10.22455/2541-8297-2019-13-71-108 (In Russ.)
10. Popov, V.V. “Mariia Liudvigovna Moravskaia. (Popytka portreta)” [“Maria Ludvigovna Moravskaya. (Attempt of a Portrait)”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 1998, pp. 181–217. (In Russ.)
11. Prokof'ev, S. *Dnevnik. 1907–1933: v 3 t.* [Diary. 1907–1933: in 3 vols.]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2017. (In Russ.)
12. Putilova, E.O. (Guchkov, S.M., co-author) “Mariia Pozharova” [“Maria Pozharova”]. *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers 1800–1917. Biographical Dictionary], vol. 5. Moscow, Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 18–19. (In Russ.)
13. Putilova, E.O. “Mariia Pozharova” [“Maria Pozharova”]. *Literaturnyi Sankt-Peterburg. XX vek: Entsiklopedicheskii slovar': v 3 t.* [Literary St. Petersburg. 20th Century: Encyclopedic Dictionary: in 3 vols.], vol. 3. St. Petersburg, Beresta Publ., 2015, pp. 67–69. (In Russ.)
14. *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers 1800–1917. Biographical Dictionary], vol. 1–6. Moscow, Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia Publ., 1992–2019. (In Russ.)
15. Sobolev, A.L. “Ekaterina Galati” [“Ekaterina Galati”]. Sobolev, A.L. *Leteiskaia biblioteka I. Biograficheskie ocherki* [Lethaean Library I. Biographical Essays]. Moscow, Truten' Publ., 2013, pp. 58–78. (In Russ.)
16. Sobolev, A., Timenchik, R. *Venetsiia v russkoi poezii. Opyt antologii* [Venice in Russian Poetry. Attempt of an Anthology]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 1104 p. (In Russ.)
17. Subbotin, S.I. “Nikolai Kliuev — chitatel' L. Trefoleva i P. Iakubovicha. Ob istokakh rannego kluevskogo tvorchestva” [“Nikolai Klyuev as a Reader of L. Trefolev and P. Yakubovich. On the Origins of Klyuev's Early Works”]. *Nikolai Kliuev. Issledovaniia i materialy* [Nikolai Klyuev. Studies and Materials]. Moscow, Nasledie Publ., 1997, pp. 163–182. (In Russ.)
18. Schrub, M. *Literaturnye ob"edineniia Moskv i Peterburga 1890–1917 godov. Slovar'* [Literary Associations of Moscow and St. Petersburg in 1890–1917]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 448 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.05.2021
Одобрена после рецензирования: 30.07.2021
Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 29.05.2021
Approved after reviewing: 30.07.2021
Date of publication: 25.09.2021

«С Брюсовым на равной ноге»: Письма М.Ф. Ликиардопуло к В.Я. Брюсову

© 2021, А.В. Лавров

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Подготовка текста И.П. Якир и А.В. Лаврова

Аннотация: Публикация посвящена месту Михаила Ликиардопуло в литературной жизни 1900–1910-х гг. и его отношениям с Валерием Брюсовым. Активный журналист, переводчик новой английской прозы (Оскар Уайльд, Герберт Уэллс), Ликиардопуло с 1906 г. работал секретарем журнала символистов «Весь» (1904–1909), фактическим редактором которого был Брюсов. Существенная часть писем Ликиардопуло, извещавшего корреспондента «о событиях политических и литературных», посвящена литературной злобе дня и дает возможность воспринять закулисную сторону событий и явлений, отражавшихся на страницах столичных журналов и газет. В 1917 г. он отбыл на дипломатическую службу за границу; последнее из публикуемых писем (1923) отправлено им из Англии, где Ликиардопуло и скончался в 1925 г. Публикуемые тексты снабжены обстоятельным историко-литературным комментарием.

Ключевые слова: переписка писателей, М. Ликиардопуло, В. Брюсов, литература модернизма, журнал «Весь», издания символистов, периодическая печать, архивные материалы.

Информация об авторе: Александр Васильевич Лавров — доктор филологических наук, академик РАН, главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. Author ID SCOPUS: 56735870700. E-mail: pavlova.lavrov@gmail.com.

Для цитирования: Лавров А.В. «С Брюсовым на равной ноге»: Письма М.Ф. Ликиардопуло к В.Я. Брюсову // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 48–107. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-48-107>

«Весной 1904 года в “Весы” приходил по вторникам смуглый высокий юноша <...>, темноглазый, красивый, с южным профилем. В синей куртке и студенческих “диагоналевых” брюках, он мягко и вкрадчиво становился у книжного стола. Передаст Брюсову какие-то листочки, поговорит с ним вполголоса и опять к столу. Юноша был скромнен до того, что даже сесть не решался. Никто в “Весых” не слышал его голоса. Это был Михаил Федорович Ликиардопуло.

Кто он и откуда, неизвестно. Сам Ликиардопуло рассказывал, что предок его Рикардо, родом итальянец, переселился в Грецию из Генуи и стал называться Рикардопуло, а дети его — Ликиардопуло. В нашем “греке” выгодно соединились положительные черты обеих культур. Меркантильную практичность эллина сдерживал артистический темперамент потомка Тасса» [47, с. 25–26].

К этой колоритной зарисовке Бориса Садовского можно добавить совсем немного более или менее точных документальных свидетельств. Родился М.Ф. Ликиардопуло 9 марта 1883 г. в Неаполе в семье греческого коммерсанта, в России поселился вместе с родительской семьей в 1894 г.; сначала учился в Неаполе, среднее образование получил в Ростове-на-Дону, затем поступил в Московское высшее техническое училище, которое не закончил¹.

Первый известный нам документ за подписью Ликиардопуло относится к 1902 г. — это письмо к В.Я. Брюсову из Ростова-на-Дону, сопроводительное к переводу некоего текста с итальянского языка, сделанному, видимо, по просьбе адресата или во исполнение его пожелания. Где, когда и при каких обстоятельствах недоучившийся студент, прибывший из провинции, познакомился с овеванным двусмысленной славой и уже входящим в силу начинающим «декадентским» мэтром, остается неустановленным; но уже в начале 1904 г., когда в Москве начал издаваться «декадентский» ежемесячник «Весы», которому суждено было стать главным печатным органом русского символизма, Ликиардопуло стал регулярно появляться в его редакции и, по наблюдению Садовского, постоянно оказывался вблизи Брюсова, неформального руководителя журнала (официальным редактором-издателем состоял С.А. Поляков).

С первого года издания «Весов» Ликиардопуло — скромный, но постоянный участник общего дела, регулярно вносящий свою лепту в одну, но единолично за ним закрепленную тематическую рубрику: современная новогреческая литература (отклики на книжные новинки, хроника литературной жизни). Неотъемлемой частью куль-

¹ См. справку о нем И.И. Долгова и Н.Н. Лавровой: [45, с. 595].

турной программы «Весов» было знакомство российских читателей с новейшими явлениями европейской литературно-художественной жизни, и «греческие» корреспонденции и рецензии Ликиардопуло — одна из конкретных форм воплощения этой общей установки, не лишенная к тому же известной доли экзотизма: о литературной продукции современных эллинов в России первого десятилетия XX в. почти ничего не знали.

В кратких, как правило, «весовских» заметках Ликиардопуло знакомит читателя с содержанием новых книг Г. Ксенопулоса, М. Малакасиса, К. Паламаса и других авторов (его личные вкусы и оценки гармонируют с эстетическими предпочтениями «Весов» и акцентируют внимание на новейших, модернистских веяниях), рассказывает о восприятии в Греции русской классической и современной литературы; параллельно переводит на новогреческий прозу Ф. Сологуба и Брюсова². Однако почти одновременно у начинающего критика и переводчика проявляется и усиливается еще одна сфера культурных тяготений — современная английская литература и ее самый выразительный для адепта модернизма и эстетизма представитель, Оскар Уайльд. Создатель Дориана Грея был для российских представителей «нового» искусства одним из самых почитаемых кумиров, и в деле ознакомления отечественного читателя с его творчеством в первые десятилетия XX в. Ликиардопуло, безусловно, сыграл наиболее активную, главенствующую роль³.

Впервые Ликиардопуло заявил о себе как о компетентном знатоке произведений Уайльда на страницах «Весов». Он подверг сокрушительной критике первые отдельные издания «Портрета Дориана Грея» на русском языке. Перевод, вышедший в издательстве В.М. Саблина (М., 1905) и подписанный криптонимом С.З. (предположительно — С.Г. Займовский), он расценил как «опыт извращения» Уайльда: «Редко приходится наталкиваться на пример более бесцеремонной расправы с художественным произведением. Гениальный роман Уайльда извращен г. С.З. до неузнаваемости. Начать с того, что перевод сделан не с английского подлинника, а, по-видимому, с перевода же. Целый ряд встречающихся у г. С.З. галлицизмов, нелепых искажений, вставных французских слов и фраз <...> заставляют предполагать, что он перевел с французского текста. <...> От блестящего, острого стиля Уайльда и следа не осталось, от его, сверка-

² Выполненный Ликиардопуло перевод рассказа Брюсова «Мраморная головка» (Παυαδῆναια. 1906. № 147) указан в: Библиография Валерия Брюсова. 1889–1912. Составлена кн-вом «Скорпион». М.: Скорпион, 1913. С. 41.

³ См.: [38, с. 101–110; 23].

ющих тысячами лучей, как драгоценные камни, афоризмов остались лишь жалкие осколки и стеклянные стразы»⁴. Столь же суровым был приговор, вынесенный Ликиардопуло переводам А.Р. Минцловой — «Портрету Дориана Грея» и «Замыслам» (оба — М.: Гриф, 1906): роман был переведен с неполного, первоначального варианта 1890 г. («избрав неудовлетворительный английский текст, издательство окончательно исказило его небрежным, неряшливым переводом»); «перевод “Intentions” из рук вон плох» — «тяжеловесная, неуклюжая проза»⁵. Три тома собрания сочинений Уайльда, предпринятого издательством В.М. Саблина, приводят критика к однозначному общему выводу об этом начинании: «безграмотный перевод не с подлинника, а с переводов, искажения смысла, искажения стиля»⁶. Свои оценки Ликиардопуло подкрепляет многочисленными наглядными примерами — цитатами в оригинале, в адекватном переводе и в том виде, в каком оригинал транслировался русскому читателю; примерами многочисленными, но не исчерпывающими проделанную критиком скрупулезную работу; в рецензии на том I «саблинского» издания он замечает: «...на 350 страницах нами отмечено до 600 исковерканных, обезображенных предложений и оборотов»⁷. Предпринятые Ликиардопуло разборы «русского Уайльда» являли собою конкретный, наглядный образчик общеэстетических установок «Весов» на приобщение к современной западноевропейской культуре в ее наиболее совершенных воплощениях, предполагавшее и нетерпимое отношение к антикультурным, по сути, попыткам ее освоения.

В 1907 г. Ликиардопуло впервые побывал в Англии, где наладил знакомства с литераторами из окружения Уайльда, в том числе с его ближайшим другом и душеприказчиком Робертом Россом; получил право авторизации своих переводов произведений Уайльда и возможность печатать переводы его текстов, не издававшихся ранее на языке оригинала, с рукописи. В результате в «Весках» были напечатаны в переводе Ликиардопуло с рукописей Уайльда «Флорентийская трагедия» (1907. № 1; перевод совместно с А.А. Курсинским), три неизданных отрывка из «De Profundis» с предисловием Росса (1908. № 3) и «La Sainte Courtisane, или Женщина, увешанная драгоценностями» (1908. № 11). Также Ликиардопуло опубликовал в «Весках» свои переводы «Сфинкса без загадки» Уайльда (1906. № 3/4) и его заметки под заглавием «Американские впечатления» (1906. № 12).

⁴ Весы. 1905. № 1. С. 60–61. Подпись: Эллин.

⁵ Весы. 1906. № 8. С. 66.

⁶ Весы. 1906. № 10. С. 58.

⁷ Весы. 1906. № 5. С. 73.

Всего Ликиардопуло перевел более двадцати произведений Уайльда, значительная часть которых была выпущена в свет отдельными изданиями в массовой серии «Универсальная библиотека» московского издательства «Польза»: «Саломея» (1908; одно переиздание)⁸, «Веер леди Уиндермер» (1908; два переиздания), «Идеальный муж» (1909; два переиздания), «De Profundis. Epistola: in carcere et vinculis» (1909; четыре переиздания), «Портрет Дориана Грея» (1909; четыре переиздания), «Женщина, о которой говорить не стоит» (1910; одно переиздание), «Как важно быть серьезным» (1910; два переиздания), ««Счастливый принц” и другие сказки» (1910; пять переизданий), «Дом из гранатовых яблок. Сказки» (1910; три переиздания), ««Преступление лорда Артура Сэвила” и другие рассказы» (1913; два переиздания). Под редакцией Ликиардопуло были подготовлены заключительные тома 7 и 8 (1909) избранных им «саблинского» собрания сочинений, в которых были помещены его предисловие и переводы большинства вошедших в них сочинений Уайльда. Активно участвовал Ликиардопуло как переводчик и в четырехтомном Полном собрании сочинений Уайльда под редакцией К.И. Чуковского, изданном как приложение к журналу «Нива» на 1912 г. (СПб.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс). Кроме того, Ликиардопуло подготовил для издательства «Скорпион» перевод книги Артура Рэнсома «Оскар Уайльд. Критическое исследование» (1912), который не вышел в свет, скорее всего, вследствие финансовых неурядиц периода войны и революции⁹.

Безусловно, Брюсов не мог не оценить по достоинству деятельную, энергичную натуру молодого греко-итальянца, прикипевшего к московским символистам, и не упустил возможности использовать его старания и дарования во благо общему делу — «Весам». На протяжении первого года издания журнала Брюсов выполнял всю редакционную работу практически в одиночестве, в 1905 г. ему помогала свояченица Б.М. Рунт в функции секретаря, но не особенно успешно. Необходимость для журнала в ответственном и организованном секретаре, способном систематически и аккуратно вести делопроизводство, назрела, и наиболее подходящей кандидатурой на эту роль

⁸ Трагедия «Саломея» в переводе Ликиардопуло готовилась к постановке в Театре В.Ф. Коммиссаржевской под названием «Царевна» (переделка для русской сцены Н.И. Бутковской, режиссер Н.Н. Евреинов, художник Н.К. Калмаков, композитор В.Г. Каратыгин). Генеральная репетиция состоялась 27 октября 1908 г., после чего спектакль был запрещен и снят с репертуара театра (см.: [21, с. 103–106; 33, кн. 3, с. 336–337]).

⁹ См.: [38, с. 104–105].

оказался Ликиардопуло¹⁰. С середины марта 1906 г. он официально утвердился в этой должности¹¹. Борис Садовской в своем мемуарном очерке о «Весках» расценивает эту перемену в статусе Ликиардопуло как событие, обозначившее существенные перемены во внутренней жизни «Весов». Вспоминая о своем появлении в редакции журнала в начале 1906 г. после четырехмесячного отсутствия, Садовской изображает не менее выразительную мизансцену, чем та, которая приведена в начале этой заметки: «...я нашего “грека” не узнал. Говорливый, бойкий, с уверенными манерами, он распоряжался в редакции, как дома. То и дело разговаривал громко по телефону, спорил с Поляковым <...>. Модный костюм, пробор, как у Дориана Грея. Он собирает большую библиотеку, ex-libris ему делает Василий Милиоти. С Брюсовым Ликиардопуло теперь на равной ноге.

— Скоро он меня отсюда вот этак.

И Брюсов сделал выразительный жест ногой. <...> Минюта Брюсова, он начал вести дело непосредственно с Поляковым: издателю энергичный секретарь сумел понравиться» [47, с. 27].

Разумеется, Садовской дает утрированную картину, да и приводимые им слова Брюсова не следует воспринимать как отражение реального положения дел, но в этом мемуарном шарже оказались метко уловленными те новые черты, которые были привнесены в редакционный быт «Весов» и его внутреннюю субординацию после приобщения Ликиардопуло к кругу руководителей журнала. В унисон с Садовским Андрей Белый иронически подчеркивает в мемуарах, что Ликиардопуло «так умел представить, где нужно, себя ответственным лидером, сшив для этого сногшибательный фрак, что и в прессе, и в Художественном театре вообразили: он и есть “весовская” линия (был же он только техник редакции)» [7, с. 246]. Со временем активная роль Ликиардопуло в управлении журналом становится всё более заметной, а в 1909 г. — в последний год издания «Весов», когда Брюсов отказался от единоличного руководства, — Ликиардопуло становится фактически главным лицом, обеспечивающим редакционно-издательский процесс.

Описывая в воспоминаниях вечерние приемы в редакции основанного в 1906 г. модернистского журнала «Золотое Руно», Б. Садовской сообщает: «Иногда Тастевен и секретарь “Весов” Ликиардопуло, с перьями за ухом, исполняли под пианино “танец секретарей”» [48, с. 154]. Такие забавы могли происходить только

¹⁰ См.: [3, с. 282].

¹¹ Письмо к Ф. Сологубу за подписью «Михаил Ликиардопуло, секр<етарь> ред<акции> “Весов”» датировано 13 марта 1906 г. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 410).

до начала идейно-тактического противостояния двух московских символистских ежемесячников — «Весов» и «Золотого Руна», — окончательно определившегося к середине 1907 г., когда секретарь «Руна» Г.Э. Тастевен стал деятельным организатором литературно-полемиической борьбы и ее участником (статьи под псевдонимом Эмпирик), а Ликиардопуло — не менее активным его оппонентом со стороны «Весов».

История внутрисимволистского фракционного противостояния, развернувшегося с особой остротой в 1907–1908 гг., в ходе которого «Весы» во главе с Брюсовым, встав на защиту традиционного индивидуалистического символизма, боролись с «мистико-анархической», «петербургской», антииндивидуалистической группировкой (Г. Чулков, Вяч. Иванов и др.), нашедшей себе опору в «Золотом Руне», освещена во множестве исследовательских работ и публикаций и потому не нуждается здесь в дополнительном развернутом изложении. Достаточно отметить, что в ходе этой «семейной полемики», приобретающей порой ожесточенные формы, Ликиардопуло всецело отстаивал генеральную идейно-эстетическую линию, намеченную Брюсовым, и руководствовался ею в своих повседневных практических действиях с целью привлечения к «весовской» группировке возможно большего числа именитых сторонников. Насколько активным и целеустремленным мог представлять Ликиардопуло в этом амплуа, напористым и дипломатичным одновременно, можно судить по его письмам к М.А. Кузмину [30], предваряющим демарш «весовцев» в августе 1907 г. — демонстративный широковещательный выход из состава сотрудников «Золотого Руна». Существенная часть писем Ликиардопуло к Брюсову также посвящена литературной злобе дня и дает возможность воспринять закулисную сторону событий и явлений, разворачивавшихся на «театре военных действий» — на страницах столичных журналов и газет.

Организаторскую работу Ликиардопуло продолжил непосредственно после закрытия «Весов» в начале 1910 г., когда еще допечатывались последние номера журнала за 1909 г.: с апреля 1910 г. он стал секретарем дирекции Московского Художественного театра и исполнял эту должность до 15 июня 1917 г.¹² Вместе с тем он по-прежнему выступал как переводчик. Объектом особого его пристрастия, вслед за Уайльдом, оказался Герберт Уэллс. Судя по семнадцати письмам Ликиардопуло к Уэллсу и его жене, он «стал не просто его переводчиком, а как бы литературным агентом писателя.

¹² См. комментарии Р.Л. Щербакова: [47, с. 51].

Он договаривался с журналами и издательствами, следил за ходом публикации, улаживал денежные дела и т. д.» [26, с. 73]. Ликиардопуло перевел на русский язык четыре романа Уэллса, которые были опубликованы в петербургских журналах: «Брак» (Современник. 1912. № 7–11), «Освобожденный мир» (Заветы. 1914. № 1–7), «Чудесное посещение» (Современник. 1915. № 1–5), «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна» (Летопись. 1916. № 7–12); кроме романа «Брак», эти переводы печатались также отдельными изданиями¹³. Среди переведенных Ликиардопуло англоязычных авторов также — Джек Лондон (повести «Зов предков» и «Алая чума», выпущенные в серии «Универсальная библиотека» в 1913 и 1916 г., несколько рассказов), Роберт Луис Стивенсон («Странная история д-ра Джекиля и м-ра Хайда»; «Маркам» — 1916), Обри Бердслей (новелла «История Венеры и Тангейзера» впервые напечатана в № 1 «Весов» за 1908 г. без имени переводчика; в переводе Ликиардопуло в 1912 г. издательством «Скорпион» был выпущен сборник «Обри Бердслей», включающий ту же новеллу, «Застольную болтовню. Избранные места из писем» и монографии о Бердслее Роберта Росса и Артура Симонса).

Однако наибольшую, хотя и кратковременную, известность Ликиардопуло получил как журналист. Выдавая себя за коммерсанта, греческого подданного, он сумел в конце 1915 г. проникнуть в Германию и Австро-Венгрию (не без осложнений: заметил слежку за собой в Вене, а на обратном пути в Румынии на некоторое время был арестован) и описать свои путевые впечатления в серии очерков. Андрей Белый вспоминает, что тогда Ликиардопуло «на весь мир прогремел: поездкою по Германии (во время войны)» [7, с. 246]; о том же писал и К.Г. Локс: «...Ликиардопуло <...> во время войны пробрался в Германию, а потом потрясал всех своими статьями на тему “у немцев в тылу”» [36, с. 144]. Очерки Ликиардопуло печатались параллельно в московском «Утре России» («В стане врагов. Описание поездки корреспондента “Утра России” по Германии и Австро-Венгрии») и петербургской «Речи» («Во вражеских странах. (От нашего специального корреспондента)») с 1 января по 11 февраля 1916 г. В редакционном сообщении, предпосланном публикации очерков, говорилось: «Отрывочные часто непроверенные и односторонние сведения, попадающие к нам из Австро-Венгрии

¹³ Известно также о переводе романа Уэллса «Анна-Вероника» (1909), который Ликиардопуло предлагал для публикации в «Русское богатство» (в письме к А.Г. Горнфельду от 23 ноября 1909 г. // РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 375); его перевод в «Русское богатство» не был принят и, видимо, остался неопубликованным (возможно, и незавершенным). В переводе З.В. (З.А. Венгеровой) роман «Анна-Вероника» был напечатан в «Вестнике Европы» (1910. № 1–5).

и Германии, дали редакции “Утра России” повод послать в эти страны специального корреспондента, который мог бы на месте согласно обдуманному плану все осмотреть и проверить. Исполнить столь рискованное поручение взялся М.Ф. Ликиардопуло, хорошо известный литературной Москве по своим английским переводным работам, давний сотрудник “Утра России” <...> Предлагаемые ниже очерки являются первой попыткой в России осветить положение воюющих с нами держав непосредственным наблюдением беспристрастного знатока западной жизни»¹⁴. Очерки Ликиардопуло были опубликованы в шестнадцати номерах обеих газет.

Большевистского переворота ему увидеть воочию не довелось. В мае 1917 г. Ликиардопуло как корреспондент «Утра России» отправился в Стокгольм, где год спустя поступил на греческую дипломатическую службу; до 1920 г. работал при греческих миссиях в Стокгольме и Лондоне. Последние годы жизни Ликиардопуло провел в полюбившейся ему Англии, где и скончался — в Брайтоне 17 ноября 1925 г.

Машинописные копии писем М.Ф. Ликиардопуло к В.Я. Брюсову (РГБ) были выполнены Ириной Петровной Якир (1948–1999) с целью подготовки их публикации в томе «Литературного наследства» «Валерий Брюсов и его корреспонденты» [34], которая в этом издании не состоялась.

Основной корпус писем Ликиардопуло к Брюсову печатается по автографам, хранящимся в фонде В.Я. Брюсова в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки: РГБ. Ф. 386. Карт. 92. Ед. хр. 22 (письма 1902–1908 гг.), 23 (письма 1909–1923 гг.). Письмо от 2 октября 1909 г. печатается по автографу, хранящемуся в фонде Брюсова в Отделе рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН: ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 93.

Письма Брюсова к Ликиардопуло не сохранились, за исключением одного (видимо, неотправленного, от 25 мая 1910 г.), содержащего технические вопросы, связанные с печатанием 2-го издания книги Брюсова «Земная ось» (РГБ. Ф. 386. Карт. 71. Ед. хр. 50); оно в нашу публикацию не включено.

Текст писем подготовлен совместно с И.П. Якир.

¹⁴ Утро России. 1916. № 1, 1 янв.

1

Москва. 1 июня 1902.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Присылаю перевод. Вышло больше, чем я предполагал. В некоторых сомнительных для меня местах я в скобках приписал или итальянские фразы или двойные выражения. На случай если могу Вам быть чем-либо полезен, присылаю свой ростовский адрес.

К Вашим услугам

Мих. Ликиардопуло.

Ростов-на-Дону. Б. Садовая № 51.

Михаилу Феодоровичу Ликиардопуло.

2

Москва. 2 фев<раля> 1904.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Доставляю Вам некролог Ройдиса¹. При всем моем старании не удалось заключить его в 10 строках, вышло немного больше. Там есть название одной из книг Ройдиса на греческом языке, если его нельзя набрать, то будьте так добры вычеркнуть его и оставить приписанный рядом с ним русский перевод².

Для театральной Хроники: в средних числах января театр Метерлинка посетил Афины и дал несколько представлений, прошедших с сравнительно небольшим успехом³.

Ваш Мих. Ликиардопуло.

¹ Эммануил Ройдис (Ροῦῖδης; 1836–1904) — греческий прозаик, журналист.

² Приводим текст некролога, опубликованный в «Весях» (1904. № 2. С. 81) в рубрике «Хроника» без авторской подписи:

7 января в Афинах скончался от болезни сердца Эммануил Ройдис, один из крупнейших представителей молодой греческой литературы и публицистики, образованнейший филолог. Ройдис родился в 1834 г. на острове Хиосе. Первоначальное образование получил он на острове Сири, в тогдашнем центре греческого просвещения, затем учился в Италии: в Ливорно и Риме. Свою литературную деятельность начал он в 60-х годах, рассказами и статьями в различных журналах и газетах. Широкой, даже всевропейской известности достиг он уже своей исторической повестью-хроникой «Папесса Иоанна», переведенной почти на все европейские языки, попавшей в знаменитый «Index» и поведшей к церковному отлучению автора. Наиболее же ценными являются произведения Ройдиса, написанные им в позднейший период своей деятельности: таковы его критические статьи, книга «Идолы», по вопросу о современном греческом языке, и переводы иностранных авторов.

³ Это сообщение появилось в «Весях» в рубрике «Хроника»: «В средних числах января (н. ст.) театр Метерлинка посетил Афины и дал несколько представлений. Успех был сравнительно небольшой» (1904. № 2. С. 84).

3

<Москва. Февраль — июнь? 1904 г.>

Малый Харитоньевский, д. Котова, кв. 13.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Исполняю Вашу просьбу и посылаю Вам стихотворение Малакаса¹. Думаю, что не трудно его прочесть, хотя местами, как Вы увидите, слова употребляются не в том виде, как они пишутся по правилам грамматики, а как они произносятся.

Так, н<a>пр<имер>, в 3-м стихе 3-ей строфы есть слово «кк», это не что иное как измененное «ка̂».

В следующем стихе «πούνε» — сокращенное «ποῦ εἶνε» и т. д.²

Искренне уважающий Вас

Мих. Ликиардопуло.

¹ К письму приложен список стихотворения «Νηκυῖοὶ στὸ φῶς» (РГБ. Ф. 386. Карт. 92. Ед. хр. 22. Л. 5–6). Милтиадис Малакасис (Μαλακάσης; 1869–1943) — греческий поэт. В «Весех» помещена рецензия Ликиардопуло на его сборник «Часы» («Ὠρὲς Ποιήματα»). Αθήναι, 1903), включающий оригинальные стихотворения (в том числе отправленные Брюсову) и переводы из Ж. Мореаса, П. Верлена, А. де Виньи, В. Гюго, Г. Гейне, Г. Ибсена, Дж. Китса и др.; в ней указывается на принадлежность Малакасиса к маленькой группе «талантливейших современных молодых поэтов»: «истинный поэт, талантливый и глубокий»; «Изящный звучный стих, мелодично-гибкие размеры, язык свежий, очищенный от лишней громоздкости, — вот внешние достоинства» (1904. № 2. С. 64–65. Подпись: М. Л-о).

² Стихи 3–4 строфы III:

Ὅλοι ἀνίδεοι κτ ἄθῳοι

Πούνε μὲν παρηγορία.

4

Ростов на Дону. 22 июня 1904.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Вместе с этим послал в редакцию «Весов» рецензию на «Отклики» Михайловского¹ и коротенькую заметку о «Παναθηναία» для журнального отдела², а также и объявление.

В настоящее время приблизительно готовлюсь к отъезду³, хотя, вероятно, выеду не раньше 4–5 июля — пароход запоздал. Ввиду того, что, может быть, мне придется быть на Корфу, мне бы очень хотелось увидиться там с Мережковскими⁴, т<ак> ч<то>, если это Вас не затруднит, был бы Вам очень благодарен за сообщение их адреса. Согласно обещанию пришло письмо для «Весов» из Афин, причем думаю, что можно будет, кроме чисто злободневных литературных и театральных вопросов, упомянуть и о последних новостях в области археологических изысканий и т. п.⁵

Пароход наш, кажется, будет брать груз для Алжира и Испании, т<ак> ч<то>, может быть, я и туда попаду, хотя не особенно прельщает почти трехнедельное пребывание на море.

Здесь я страшно разленился, почти ничего не делаю, да и жара нестерпима.

Посылаю несколько печатных адресов и прошу выслать в Ростов июньскую и июльскую книжки «Весов». Если они меня здесь не застанут, то домашние вышлют их в Афины.

Адрес мой афинский, на случай если будет он Вам нужен, следующее: Bureau de la Revue “Panathènaïa”

35, Rue Aristotes
pour M. Lykiardopoulos.

Остаюсь к Вашим услугам

Мих. Ликиардопуло.

¹ «Отклики» (Т. I–II. СПб.: Изд. редакции журнала «Русское Богатство», 1904) — собрание статей Николая Константиновича Михайловского (1842–1904). Вместо отзыва Ликиардопуло «Весы» поместили рецензию Бориса Садовского на это издание (1904. № 11. С. 61–63).

² Краткую обзорную заметку об афинском литературном журнале «Панафинеа» («Παναθηναϊα», № 88–96) с сообщениями об опубликованных в нем материалах памяти Чехова, статье о «Жизни Василия Фивейского» Л. Андреева, переводе «Бедных людей» Достоевского Ликиардопуло опубликовал (без подписи) в рубрике «В журналах» (Весы. 1904. № 10. С. 79).

³ Речь идет о поездке в Грецию.

⁴ Корфу (Керкира) — остров в группе Ионических островов, принадлежавший Греции. Вероятно, до Ликиардопуло дошли известия о намерении Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865–1941) и Зинаиды Николаевны Гиппиус (1869–1945) побывать там в ходе летнего заграничного путешествия, но в июне — июле 1904 г. они посетили только Австрию.

⁵ Означенная корреспонденция Ликиардопуло в «Весях» не появилась, были напечатаны (без подписи) только краткие информационные заметки о новейших событиях в греческой культуре в № 11 (С. 69–70) и № 12 (С. 74–75) за 1904 г.

Афины. 12 августа 1904.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Здесь такая лень обуюла, что никак не соберусь послать Вам что-нибудь для «Весов» — думаю это сделать на днях, т<ак> к<ак> еду на неделю на остров «Сирос», где будет довольно скучно и, следовательно, можно будет кое-что написать. Сейчас наткнулся на № старого не выходящего более журнала «Τέχνη» (искусство) за 1898 г.¹, в котором есть небольшая заметка о Фед<оре> Соллогубе. Может быть, пригодится для Хроники «Весов». Журнал этот пишет

о рассказе «Тени» и о повести «Тяжелые сны»² в довольно восторженном тоне, говоря о Соллогубе как о выдающемся поэте, «чи стихи, полные мистицизма и трогательной простоты, поют славу невидимому, но везде и всегда сущему Богу»³.

Здесь весь кружок «Панадии» просит сообщить ему, когда будет в Афинах Мережковский (если он будет) и где он теперь⁴. Не сможете ли Вы это сделать, написав прямо в «Панад<ии>» на имя редактора? Все будет Вам крайне благодарны.

Остаюсь к Вашим услугам

Мих. Ликиардопуло.

P. S. Малакасис просит передать Вам свою признательность за перевод его стихотворения⁵. Будьте так добры распорядиться, чтобы выслали мне в Ростов июньскую и июльскую книжки «Весов», которых я не получил.

¹ Журнал «Техни» («Искусство») издавался в Афинах в 1898–1899 гг.; редактор — К. Хадзопулос (1869–1920), поэт-символист. В издании этого журнала вышел в свет первый стихотворный сборник М. Малакасиса «Осколки» («Συντρίσματα», 1899).

² Рассказ Федора Сологуба (1863–1927) «Тени» (позднейшее заглавие — «Свет и тени») впервые опубликован в журнале «Северный Вестник» в 1894 г. (№ 12), роман «Тяжелые сны» — там же в 1895 г. (№ 7–12; отд. изд. — СПб., 1896).

³ Ср. сообщение о той же заметке (и, в частности, о рассказе «Тени») в письме Ликиардопуло к Соллогубу от 24 февраля 1906 г.: «Посылаю Вам при сем стихотворенье греческого поэта М. Малакасиса (в переводе Валерия Брюсова), навеянное, как мне рассказывал в прошлом году в Афинах сам автор, Вашим одноименным рассказом, пересказ которого был помещен в 1899 г. в прекратившем ныне свое существование греческом журнале “Н Τέχνη” (Искусство)» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 410).

⁴ См. примеч. 4 к п. 4.

⁵ Приводим этот перевод Брюсова, опубликованный в журнале И.И. Ясинского «Беседа» (1904. Сентябрь. Стб. 865) в подборке, включающей также два оригинальных стихотворения поэта:

III. Тени

Из М. Малакасиса. С ново-греческого

Каждый вечер, дверь замкнувши,
Одинок перед стеной,
Я качаю свет, и тени
Тихо ходят предо мной.

Ходят, движутся, мелькают,
Эти вместе, те одни.
Так красивы! все красивы!
Так правдивы все они!

Это юноши и девы,
Тени женщин и мужчин...
Шепчут, шепчут заклинанья...
Вот я в мире не один.

Каждый вечер, дверь замкнувши,
Одинок перед стеной,

Я качаю свет, и люди
Тихо ходят предо мной.

Этот перевод Брюсова впоследствии не переиздавался. Сборник М. Малакаписа «Часы» («Ωρες») был прислан Брюсову автором и сохранился в архиве поэта (РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. 1613); на обложке — дарительная надпись по-французски: «Au Poete Valery Brussov cordial souvenir. M. Malakassis» («Поэту Валерию Брюсову сердечное приношение»).

6

<Москва. 18 ноября 1904 г.>

Валерий Яковлевич!

Если в «указателе» будет просто перечень фамилий авторов, чьи книги были разобраны в «Весах»¹, то нужно будет ставить именные падежи, если же будут перечислены заглавия (полные) книг, то тогда нужно оставить родит<ельный>.

Привожу оба:

Μ. Μαλακάσης

Μ. Μαλακάση

Γρ. Ξερόπουλος

Γρ. Ξενοπούλου

Κωστής Παλαμᾶς

Κωστή Παλαμᾶ

Παυλος Νιρβάνας²

Может быть, удобнее всего будет послать W. Morfill парочку отпечатанных наклеек с моим адресом?³ Я их рассылаю всем моим заграничным корреспондентам, — это устраняет всякие недоразумения при переводе адреса на русский язык на почте. Прилагаю и квитанцию телеграммы.

М. Ликиардопуло⁴.

В сегодняшнем «Русском Слове» есть письмо Пшибышевского к Саблину по поводу «инцидента». Обратите внимание⁵.

¹ Подразумевается «Указатель разобранных книг», входящий в библиографический «Указатель к журналу “Весы” 1904 года» в № 12 за 1904 г.

² В печатном «Указателе» в № 12 отдано предпочтение второму варианту.

³ Уильям Ричард Морфилл (1834–1909) — профессор русской литературы и славянских языков Оксфордского университета; активный участник лондонского литературно-критического журнала «The Athenaeum», в котором, через его посредство, К.Д. Бальмонт и Брюсов помещали ежегодные обзоры новинок русской литературы; автор корреспонденций о новейшей английской литературе, печатавшихся в «Весах». Состоял в активной переписке с Брюсовым (см.: [24]). См.: Грот К. Профессор В.Р. Морфилл английский славист // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. Ч. 27. № 5. Отд. IV. С. 35–50.

⁴ Последующий текст — карандашная приписка на обратной стороне конверта.

⁵ Станислав Пшибышевский (Przybyszewski; 1868–1927) — польский прозаик, драматург, эссеист. Собрание его сочинений выходило в издательстве «Скорпион» в 1904–1906 гг. в переводах М.Н. Семенова, Е.Н. Троповского, С.А. Полякова и др. Приводим «письмо в редакцию», о котором сообщает Ликиардопуло (Русское Слово. 1904. № 321, 18 ноября. С. 3).

Просим вас дать место в вашей уважаемой газете следующему сообщению.

В начале ноября появился в продаже II том предпринятого г. В. Саблинным издания сочинений Станислава Пшибышевского, заключающий в себе перевод его романа «Сыны земли», причем на книге было помечено: «Издание В. Саблина, с разрешения автора». Между тем, в апреле этого года книгоиздательством «Скорпион» было приобретено у г. Троповского (переводчика романа и доверенного г. Пшибышевского) право на единственное разрешенное автором русское издание «Сынов земли», с позволением выпустить его в свет до появления польского оригинала. За разъяснением такого недоразумения мы обратились к самому г. Пшибышевскому и получили от него в ответ письмо, помеченное: «Одесса, 11-го ноября 1904 г.», из которого приводим следующие выдержки: «Я поражен тем, что какой-то московский издатель объявил о полном собрании моих сочинений. Единственно, кто был у меня, это г. Высоцкий, которому я предоставил право издания моих поэм, исключительно поэм. Больше никому я не предоставлял права печатать какой бы то ни было комплект моих сочинений. Отдельное право на издание “Сынов земли” получил от меня г. Троповский, и, конечно, больше этого права я никому уже не давал. Поэтому всякие такие заявления ложны... Имя г. Саблина было мне совершенно неизвестно до последнего времени. В настоящее время я разрешаю издать мои драмы в единственно одобренном мною для общего издания переводе Ал. Вознесенского*, и всякое другое издание сочту разбоем на большой дороге, которого — я надеюсь — никто из честных издателей себе не позволит. Авторское право — святое право у всего культурного человечества... Всё изложенное можно изложить публично. Ст. Пшибышевский». Полагаем, что данное письмо достаточно разъясняет вопрос.

Книгоиздательство «Скорпион».

7

Москва 5 VII <19>06.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Большое спасибо за Ваше письмо. А то немного жутко стало, не получая почти три недели от Вас вестей¹. Начинаю отвечать на вопросы: «Весы» № 6 вышли только вчера: бумага пришла лишь в конце прошлой недели. № 7 почти весь набран — остались мелочи по библиографии и хронике. Все мы здоровы и целы, Таврический дворец и Петербург², и Петергоф и Москва пока еще на земле, не взлетали еще, но что-то опять начинают «стрелять». Стреляли в Петергофе и убили «по ошибке» вместо Трепова какого-то безобидного генерала³, стреляли в Севастополе и убили на этот раз, как уверяют, виноватого адм<ирала> Чухнина⁴. Кабинет уходит по три раза в день

* Право это приобретено к-вом «Скорпион».

в отставку, но всё еще сидит. Социал-демократы грызутся с кадетами в Думе, а Дума всё еще «говорит». В Москве бастуют булочники, сидим без хлеба, а в 9 ч<асов> вечера со всякими таинственными предосторожностями хоронили вчера в Кремле «останки» В<еликого> К<нязя> Сергия⁵. Вот все наши политические новости. В «Весакх» всё по-старому. В «Руне», насколько мог выспросить у Курсинско-го⁶, дело идет к разладу. Французов «рассчитали»⁷, Тастевен будет секретарем вместо Курс<инского>⁸, подписной платы не понижают, подписчики не возобновляют, т<ак> ч<то> всё равно; не будет «Саввы» Л. Андреева, но зато будет его же рассказ «Лазарь»⁹. № 5 вышел странно жидким и внешне и внутренне. «Руном» недовольны и сотрудники и публика. С. Кречетов громит Т<оварища> Германа и что-то болтает о «самоубийственно направленных остриях»¹⁰. Прилагаю отдельно копию заметки. Может быть, из «острия» выйдет «горестная замета»?¹¹ Было письмо от Сологуба¹² — он предлагает такого рода комбинацию: когда мы посвятим его стихам №, воспользоваться готовым набором и напечатать на его счет тоненький сборничек его стихов, кот<орый> составит 7-ую книгу (5-ая — «Родина», 6-ая — «Змий»¹³) и кот<орый> он обязуется выпустить месяцев через 6 по выходе № «Весов»¹⁴. С.А.¹⁵ ничего не может ему ответить, пока не будет получено Ваше мнение о приемлемости предложения и вообще Ваши предположения о №, посв<ященном> Сологубу. Книги Блока и Иванова не начали еще печатать¹⁶. Да я и не знаю, получена ли рукопись Иванова. Он с Чулковым в кн<игоиздательст>ве «Факелы» только что выпустил книгу о «Мистическом Анархизме», кот<орую> я Вам посылаю вместе с «Весами». В ней на обложке упомянуто о книге Иван<ова> «Сог Argens», печатающейся в «Скорпионе»¹⁷.

Из писем на Ваше имя есть открытка от М-ль Graaf с благодарностью за разрешение перевода «Земли»¹⁸, открытка от Юргиса¹⁹, спрашивающего Ваш адрес, кот<орый> я ему сегодня сообщу; есть письмо от Пяста, кот<орое> прилагаю²⁰, т<ак> к<ак>, думаю, Вам захочется бедному юноше ответить.

Гриф²¹ ежедневно справляется о Вашем адресе — теперь на основании Вашей приписки к письму сообщу ему.

Как только Вас<илий> Ив<анович>²² доставит корректуры, пришлю Вам свою рецензию о «Портр<ете> Дор<иана> Грея»; Intentions оставляю на след<ующий> №²³.

Рецензия о Верхарне была на днях в «Изв<естиях> Кн<ижных> Маг<азинов> Вольфа», крайне бесцветная²⁴.

Был у нас вчера Воротников, принес рассказ для «Весов»²⁵ и предлагает «Скорпиону» издать его перевод «Сна в летний вечер»

Д'Аннунцио, только что появивш<егося> на итальянском языке²⁶. Кстати, С. Соловьев тоже предлагает «Скорпиону» издать сборник его стихов, а Курсинский — издать его драму «Метеоры»²⁷. Что Вы скажете? Подписчики на «Весы» хотя и в редких дозах, но все же прибывают, т<ак> ч<то> теперь мы совсем близки к 400.

Письмо вышло ужасно бессвязным, и Вам, наверное, трудно и скучно будет его читать, но я «вспоминал» и записывал. Если не надоел Вам, буду изредка писать о «событиях» политических и литературных, а Вы тоже нас не забывайте и не держите нас по несколько недель в неведении: живы ли Вы, где обретаетесь и т. д.

Всегда Ваш Мих. Ликиардопуло.

P.S. Только что было отправил Вам письмо, но распечатал его, чтобы сообщить Вам сенсационное известие: звонил в «Руно», чтобы исполнить обещание, данное Грифу, — сообщить Ваш адрес, и получил ответ: «С.А. Соколова у нас нет, и он больше в нашей редакции “не существует и больше *они* у нас не служат”». Не выдержал, вызвал Курсинского к телефону и узнал, что Гриф вчера прислал письмо, в котором он заявляет о своем выходе из редакции и из числа сотрудников «З<олотого> Р<уна>»²⁸. Вот Вам и «бомба».

P.P.S.S. Еще одна приписка. Василию удалось узнать на почтамте точную цифру подписчиков «Руна».

Иногородних	217	} из них бóльшая часть 1/2 годовые.
Городских	168	

Почтовая бумага издательства «Скорпион» и журнала «Весы».

¹ Брюсов выехал из Москвы в Швецию в середине июня ст. ст. 1906 г.; 23 июня он писал С.А. Венгеру из Стокгольма: «Я таки не выдержал жары и бежал из Москвы» ([35, с. 311]; публ. Н.Л. Степанова).

² В Таврическом дворце в Петербурге в это время проходили бурные заседания Государственной Думы 1-го созыва (открывшейся 27 апреля 1906 г.); стенографические отчеты о них публиковались в ряде газет Петербурга и Москвы.

³ Дмитрий Федорович Трепов (1855–1906) — петербургский генерал-губернатор, с апреля 1905 г. — товарищ министра внутренних дел, организатор вооруженного подавления декабрьского восстания в Москве в 1905 г. Генерал-майор Сергей Владимирович Козлов был убит 2 июля 1906 г. революционером Васильевым (впоследствии казненным). Ср. газетное сообщение: «Вчера в Петергофе, в Нижнем саду, убит на глазах публики генерал-майор Козлов. <...> Убийца внезапно трижды выстрелил из “браунинга” в грудь и голову и, убив его наповал, бросился бежать, отстреливаясь. Задержанный публикой, убийца отправлен в тюрьму, где на предложенные вопросы отвечал, что убил кого надо»; «Преступник <...> заявил, что он принадлежит к партии социалистов-революционеров <...> у него найдена карточка генерала Д.Ф. Трепова. Фамилию свою преступник до сих пор не открывает» (Русское слово. 1906. № 170, 4 июля. С. 3).

⁴ Григорий Павлович Чухнин (1848–1906) — вице-адмирал; с 1904 г. главный командир Черноморского флота, руководил подавлением революционного движения на флоте (3 марта 1906 г. утвердил смертный приговор лейтенанту П.П. Шмидту

и его соратникам). Ср. хроникальные свидетельства: «*Севастополь*, 28 VI. Сегодня утром адмирал Чухнин прогуливался по саду в своей летней резиденции “Голландия”. Неожиданно из куста раздался выстрел из винтовки. Адмирал ранен в правую сторону груди» (Покушение на адмирала Чухнина // Русское слово. 1906. № 166, 29 июня. С. 2); «Стрелявший был одет в матросскую форму, с большой черной бордой. Адьютант адмирала бросился в погоню за неизвестным, стреляя из револьвера. Неизвестный, бросив винтовку, на бегу отстреливался из револьвера и скрылся. Адмирал был смертельно ранен двумя пулями <...>»; «*Севастополь*, 29 VI. Адмирал Чухнин ночью скончался в морском госпитале. *Париж*, 29 VI — 12 VII <...> тотчас после первого неудачного покушения адмирал получил от боевой организации следующее извещение: “Приговор над убийцей Шмидта по независящим обстоятельствам отсрочен, но будет приведен и исполнен после”» (Там же. № 167, 30 июня. С. 2). Чухнина застрелил матрос Черноморского флота, член партии социалистов-революционеров Яков Степанович Акимов (см.: *Акимов Я.С.* Как я убил усмирителя Черноморского флота Чухнина // *Каторга и ссылка*. 1925. № 5. С. 150–155).

⁵ Великий князь Сергей Александрович (1857–1905), пятый сын Александра II, с 1891 г. московский генерал-губернатор и с 1896 г. командующий войсками Московского военного округа, был убит эсером И.П. Каляевым в Кремле взрывом бомбы 4 февраля 1905 г. Церемония перезахоронения была проведена без предварительного оповещения. Ср. заметку в рубрике «Московские вести»: «4-го июля, в 9 ч. вечера, совершенно перенесение останков Великого князя Сергея Александровича в храм-усыпальницу, сооруженную под Чудовым монастырем. В 7 ч. вечера у останков князя, в Андреевской церкви, было совершенно всеобщее бдение. <...> В 8-м часу все наружные монастырские входы были закрыты, из церкви были удалены все богомольцы. Полиция не допускала никого на Царскую площадь. Здесь были расставлены городовые с винтовками» (Русское слово. 1906. № 172, 6 июля. С. 3).

⁶ Александр Антонович Курсинский (1873–1919) — поэт, переводчик, журналист; в 1890-е гг. состоял в дружеских отношениях с Брюсовым, который содействовал его приобщению к редакции московского модернистского журнала «Золотое Руно», начатого изданием с января 1906 г. (издатель Н.П. Рябушинский). См. вступительную статью А.А. Козловского и Р.Л. Щербаква к переписке Брюсова с Курсинским: [34, кн. 1, с. 272–273].

⁷ Весь текст «Золотого Руна» печатался с № 1 за 1906 г. с параллельным французским переводом; для перевода стихотворных произведений был приглашен молодой французский поэт Александр Мерсеро (псевдоним — Эсмер-Вальдор), за перевод всего корпуса прозаических текстов отвечал московский француз Генрих Тастевен. Со второго полугодия 1906 г. владелец «Золотого Руна» Рябушинский отказался от публикации французского текста, нарушив тем самым контракт с Мерсеро, заключенный на 2 года, и отказавшись выплачивать неустойку (которую последний позднее всё же получил). Подробнее см.: [9, с. 342–343].

⁸ Генрих (Анри-Мари-Эдмунд) Эдмундович Тастевен (1880–1915) — критик, журналист. Выполняя секретарские обязанности в «Золотом Руно» с 1906 г. с весны 1907 г. фактически сосредоточил в своих руках управление журналом.

⁹ Пьеса Л.Н. Андреева в 4-х действиях «Савва (Ignis sanat)» вышла в свет отдельным изданием (Stuttgart: J. H. W. Dietz Nachfolger, 1906) и в «Сборнике товарищества “Знание” за 1906 г.» (Кн. 11. СПб., 1906). Известно, что Андреев колебался в вопросе, где публиковать драму, однако о его предположении относительно «Золотого Руна» ничего не известно (одним из рассматривавшихся вариантов была публикация в петербургском символистском альманахе «Факелы»). См. комментарий Н.А. Казаковой и М.В. Козьменко: [4, т. 5, с. 651–652]. «Лазарь» — рассказ Андреева «Елеазар», опубликованный в «Золотом Руно» (1906. № 11/12. С. 59–67).

¹⁰ Сергей Кречетов (наст. имя Сергей Алексеевич Соколов; 1878–1936) — поэт, критик, руководитель символистского издательства «Гриф» и редактор журнала «Перевал»; в первой половине 1906 г. заведовал литературно-критическим отделом «Золотого Руна». В заметке «Золотому Руно», подписанной псевдонимом «Товарищ

Герман» (которым ранее в полемических целях воспользовалась на страницах «Весов» З.Н. Гиппиус, обвинявшая «Золотое Руно» в безвкусице и бескультуре), Брюсов вслед за Гиппиус подверг журнал Рябушинского иронической критике (Весы. 1906. № 5. С. 88). На появление этой заметки Соколов-Кречетов откликнулся протестом по адресу «Весов», оставшимся неопубликованным; текст сохранился в архиве Брюсова (РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 17); в нем, в частности, говорилось: «Рядом с упреками нас в “некультурности” новая выходка “Весов” является самоубийственно направленным острием» [29, с. 465].

¹¹ «Горестные заметы» (формула из последней строки вступления к «Евгению Онегину»: «И сердца горестных замет») — рубрика в заключительной части содержания «Весов» (впервые — в № 3/4 за 1906 г.), в которой фиксировались разного рода языковые, смысловые, цитатные погрешности, обнаруженные в текущей печати. Отмеченная фраза С. Кречетова в этот реестр не попала (его открытое письмо «Весам» осталось неопубликованным), но в очередную подборку «замет» вошло замечание по поводу строки из его стихотворения «Победителям»: «Что-то сумрак прочтут?» — вызвавшей вопрос: «Где подлежащее?» (Весы. 1906. № 12. С. 80).

¹² Это письмо не выявлено.

¹³ Имеются в виду книги Федора Сологуба «Родине. Стихи. Книга пятая» (СПб., 1906), «Змий. Стихи. Книга шестая» (СПб., 1907).

¹⁴ Подразумевается «Литургия Мне. Мистерия», завершенная 5 февраля 1906 г. и впервые опубликованная в «Вессах» (1907. № 2. С. 8–26); выпущена в свет отдельным изданием под контролем Ликиардопуло в апреле 1907 г. (последний сообщил Сологубу в недатированном письме: «При встрече с Вами в Москве Вы, мне помнится, выразили желание напечатать у нас поэму “Литургия Мне”. “Весы” согласны ее напечатать на условиях, выработанных для “сплошных” стихотворений и циклов, т. е. не построчно, а по-листо (75 р. за лист)» // РГАЛИ. Ф. 482. Оп. 2. Ед. хр. 23). Подробнее см. комментарии Т.В. Мисникевич в кн.: *Сологуб Ф.* Полное собрание стихотворений и поэм: в 3 т. СПб., 2014. Т. 2, кн. 2. С. 644–646.

¹⁵ Сергей Александрович Поляков (1874–1943) — предприниматель, издатель, переводчик; руководитель московского символистского издательства «Скорпион» (1899–1916) и официальный редактор «Весов».

¹⁶ Книга Александра Блока «Нечаянная Радость. Второй сборник стихов» (М.: Скорпион, 1907) вышла в свет в декабре 1906 г. Книга Вячеслава Иванова «Сог Ardens», представленная тогда в первоначальном варианте, вышла в свет в издательстве «Скорпион» в двух частях в 1911–1912 гг.

¹⁷ Георгий Иванович Чулков (1879–1939) — прозаик, поэт, критик, историк литературы; теоретик «мистического анархизма». Имеется в виду кн.: *Чулков Георгий.* О мистическом анархизме / со вступ. ст. Вячеслава Иванова «О неприятии мира». СПб.: Факелы, 1906. На последней странице (С. 82) помещен библиографический перечень авторских изданий Чулкова и Иванова; в нем значится: «Сог Ardens. Третья книга лирики. М.: Кн-тво “Скорпион”, 1906 г.».

¹⁸ «Земля (Трагедия из будущих времен в 5 действиях и 9 картинах)» В. Брюсова впервые опубликована в альманахе IV издательства «Скорпион» «Северные цветы ассирийские» (М., 1905. С. 149–196). Перевод ее на голландский язык, выполненный Анни де Грааф (Annie de Graaf), опубликован в журнале «Ешгора» (1908. № 1–3). Открытка от А. де Грааф с благодарностью за разрешение перевода «Земли» была получена в редакции «Весов», согласно почтовому штемпелю, 24 июня 1906 г. (ст. ст.); с просьбой о разрешении этого перевода она обратилась к Брюсову 10/23 июня (РГБ. Ф. 386. Карт. 83. Ед. хр. 46). А. де Грааф выслала Брюсову свой опубликованный перевод «Земли» из Гааги 22 февраля / 6 марта 1908 г. (Там же).

¹⁹ Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873–1944) — поэт, переводчик; ближайший сотрудник издательства «Скорпион».

²⁰ Владимир Алексеевич Пяст (наст. фам. Пестовский; 1886–1940) — поэт, переводчик, стиховед. Речь идет о его недатированном письме из Мюнхена, полученном

в Москве 31 мая 1906 г., — сухом официальном обращении, подразумевавшем протест в связи с использованием Брюсовым в своих стихах рифм, якобы заимствованных им у Пяста (РГБ. Ф. 386. Карт. 99. Ед. хр. 49):

Милостивый Государь Валерий Яковлевич.

Покорнейше прошу приостановить печатание моих стихотворений в *Весах*, если таковое начато.

Примите уверения в совершенном почтении.

В. Пестовский.

«Вл. Пяст» — псевдоним, под которым имел честь просить Вас напечатать присланные произведения. Рифмы все от первой до последней позволяю Вам присвоить себе. Потому что дело не в рифмах.

Еще: решился Ваше воровство предать гласности.

Брюсов откликнулся на этот демарш скорее всего с недоумением, о чем можно судить по следующему письму Пяста к нему из Мюнхена от 11 июля 1906 г. с пометой «*Psychiatrische Klinik*»: «Из адреса моего <...> Вы можете видеть, что “минута хандры”, угаданная Вами, у меня протянулась на шесть недель. Другими словами, я схватил здесь нервную горячку. <...> Ваше второе, открытое, письмо прочел на днях — с краской стыда. Не могу вполне припомнить содержание своего письма (оно было мною написано в бреду, и донести его до почтового ящика мне не было силы). Знаю только, что никаких причин не имею и не имел не печатать стихотворение “До сих пор!” в *Весах*. Приношу свои искренние извинения, присоединяюсь к Вашему любезному предложению считать письмо *не бывшим* <...>» (Там же). Три стихотворения В. Пяста, в том числе и упомянутое «До сих пор» («Ночь бледнеет знакомой кудесницею...»), были опубликованы в «*Весах*» (1906. № 10. С. 11–16).

²¹ Прозвище С.А. Соколова (Кречетова) — по названию руководимого им издательства.

²² Артельщик «Весов» Курников; см.: [34, кн. 2, с. 91]. В указателе имен к этому изданию даются другие варианты отчества Курникова: Василий Андрианович (или Ардальонович), в комментариях Р.Л. Щербакова к мемуарному очерку Бориса Садовского «“Весы” (Воспоминания сотрудника)» он значится как «Василий Адрианович Курников, сын владельца трактира на 2-й Ямской улице» [47, с. 40].

²³ Произведения Оскара Уайльда — роман «Портрет Дориана Грея» («*The Picture of Dorian Gray*», 1891) и книга статей и эссе «Замыслы» («*Intentions*», 1891). Оба русских перевода, выполненные А.Р. Минцловой и выпущенные издательством «Гриф» в 1906 г., рассмотрены в рецензии Ликиардопуло: *Весы*. 1906. № 8. С. 64–66.

²⁴ Имеется в виду краткая анонимная заметка о книге бельгийского поэта и драматурга Эмиля Верхарна (Verhaeren; 1855–1916) «Стихи о современности» в переводе Валерия Брюсова (М.: Скорпион, 1906); в ней были приведены цитаты из предисловия Брюсова к книге и дана краткая оценка его труда: «Русский переводчик с любовью отнесся к оригинальному поэту и старался возможно верно передать его, обыкновенному смертному кажущиеся... невозможными, декадентские стихи» (Известия книжных магазинов т-ва М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1906. № 22, 15 июня. Стб. 173).

²⁵ Антоний Павлович Воротников (1857–1937) — драматург, прозаик, переводчик, журналист, режиссер, антрепренер. В «*Весах*» ни одно из его произведений напечатано не было.

²⁶ Габриэле Д’Аннунцио (D’Annunzio; 1863–1938) — итальянский поэт, прозаик, драматург. Сообщение о новоизданном его произведении под указанным заглавием наверняка ошибочно. Скорее всего, подразумевается одноактная пьеса Д’Аннунцио десятилетней давности «Сон на осеннем закате» («*Sogno di un tramonto d’autunno*»).

²⁷ Сергей Михайлович Соловьев (1885–1942) — поэт, прозаик, переводчик, религиозный публицист. Его сборник «Цветы и ладан. Первая книга стихов» (М., 1907)

не был принят к публикации издательством «Скорпион», опечатан в типографии т-ва А.И. Мамонтова тиражом 500 экз., видимо, на средства автора. Упомянутая драма Курсинского, вероятно, осталась неопубликованной.

²⁸ Письмо-меморандум Соколова к Рябушинскому от 4 июля 1906 г., в котором он объявлял о своем уходе с поста заведующего литературно-критическим отделом «Золотого Руна» и подвергал резкой критике всю редакционную политику и практику владельца журнала, было разослано автором в машинописных копиях ряду ближайших сотрудников «Весов» и «Золотого Руна»; приведено в полном объеме в: [10, с. 42–46]; в комментариях Н.А. Богомолова зафиксированы шесть копий этого документа, находящихся в архивных фондах [10, с. 523].

8

Москва. 10. VII. <19>06.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Пишу несколько строк под общим удручающим впечатлением, которое царит повсюду. Как Вы наверное уже знаете, Думу разогнали¹, арестовывают газеты и т. д. Дума заседает под председательством того же Муромцева² в составе всех имевшихся налицо в Петербурге депутатов — в Выборге. Что-то вроде учредительного собрания³. Здесь приготавливают войска и т. п. Рента — 69–68. Прибавления к газетам выходят по 3–4 раза в день. Даже «Русские Ведомости» на старости лет заволновались и пишут о том, что «жребий брошен», что «скоро взойдет ясное солнце» и т. д.⁴ В общем настроение — отвратительное. Не знаешь, что будет через день, через час. Новые выборы еще не назначены, но созыв Новой Думы предположен к 20-му февраля 1907 г. Петербург на положении чрезвычайной охраны.

Цель моего письма — известить о желании некоего г. Йенсена из Стокгольма перевести Вашу книгу. Его письмо прилагаю⁵.

Пока всего хорошего, но сказать «до свидания» не решаюсь.

Ваш всегда Мих. Ликиардопуло.

Почтовая бумага издательства «Скорпион» и журнала «Весь».

¹ 9 июля 1906 г. был обнародован высочайший манифест Николая II, объявлявший о роспуске Государственной Думы, о назначении созыва новой Государственной Думы на 20 февраля 1907 г. и призывавший «всех благомыслящих русских людей объединиться для поддержания законной власти и восстановления мира в нашем дорогом отечестве» (Русское слово. 1906. № 176, 11 июля. С. 1).

² Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910) — юрист, публицист, земский деятель; профессор Московского университета в 1877–1884 гг., член ЦК Конституционно-демократической партии, председатель I Государственной Думы.

³ Ср. сообщение «К роспуску Государственной Думы» (10 июля): «С 9-ти час. утра депутаты стали собираться в “кадетском” клубе; прибыли представители всех партий <...> Решено сперва отправиться в Выборг, а в случае если там нельзя будет собраться, отправиться в Гельсингфорс, если же и здесь не удастся, то в Стокгольм.

Поезда финляндской дороги в 2 ч. 40 м., в 4 ч. 30 м. и в 7 ч. были переполнены депутатами. Выехало до 300 человек. Вместе с ними выехала также масса журналистов» (Русское слово. 1906. № 176, 11 июля. С. 1). 10/23 июля в Выборге группой депутатов Государственной Думы было составлено и подписано обращение «Народу от народных представителей» (Выборгское воззвание), призывавшее россиян к гражданскому неповиновению (в том числе к отказу от уплаты налогов и от службы в армии).

⁴ Имеется в виду редакционная передовая статья (без подписи) «Москва, 11 июля», начинающаяся словами: «Жребий брошен... Дума распущена... Отлетела одна из великих надежд, которую Россия жила последние месяцы... Закрыт прямой путь к обновлению государственного строя, к умиротворению измученной невзгодами, истрадавшей страны...» — и заканчивающаяся утверждением: «Настоящее тревожно, будущее темно, ночь надвигается... Но солнце взойдет над родиной, все-таки взойдет!» (Русские ведомости. 1906. № 176, 11 июля. С. 1).

⁵ Альфред Антон Йенсен (Jensen; 1859–1921) — шведский историк литературы, критик, переводчик. 5/18 июля 1906 г. он писал Брюсову из Стокгольма (передаем без коррективов русский оригинал): «Только теперь я читал в “Северных Цветах” Ваше удивительное произведение “Земля”, которое мне *очень* понравится. По моему мнению, это одно из самых значительных дел, вышедших в последнее время в России. Мне хотелось писать этюд об этом в шведском журнале «Ord och Bild» (“Слово и образ”), и надеюсь, что Вы это охотно позволите. Вы можете быть уверены в том, что моя работа и переводы будут верны и довольно хороши, хотя я не очень хорошо пишу по-русский, датский консул Thor Lange, Вам известен (не правда ли?), может ручаться в этом» (РГБ. Ф. 386. Карг. 87. Ед. хр. 20). Брюсов ответил Йенсену 31 июля (н. ст.) 1906 г. из Стокгольма: «Ваше письмо довелось мне прочесть в Вашем родном городе, в Стокгольме, так как весь июль я провел в Швеции. Я давно люблю Швецию, поскольку мог узнать ее, читая ее писателей в переводах, и в настоящее время изучаю шведский язык, надеясь читать их в подлиннике. Вот почему Ваше предложение — написать этюд о моей поэзии в шведском журнале — мне вдвойне, тройне дорого» ([53, р. 75]; исправлено по электрофотокопии с автографа: РГБ. Ф. 386. Карг. 143. Ед. хр. 7). А. Йенсен опубликовал переводы стихотворений Брюсова «To Sweden» и «On Lake Mälaren» («На Мэларе») (Stockholms Dagblad. 1906. 11 November), биографические сведения о нем и его фотопортрет (Ord och Bild. 1906. P. 617 et seq.).

9

<Берлин. 13/26 сентября 1906 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич.

Несколько строк, чтобы сообщить Вам мой адрес и дать знать, что я благополучно доехал¹. Отыскал Шика² и «пользуюсь» им. Был на «Сецессионе» — много интересного³. Есть еще несколько выставок, из которых одна у P. Cassirer⁴ а с многими Манэ и Монэ⁴. Побываю в театрах, ставятся интересные вещи Ведекинда, Shaw⁵, Уайльда и т.д. Напишите, что делается в «Скорпионе». Дня через два напишу подробно, когда немного освоюсь. Адрес: Friedrichstrasse 190. Privat-Hotel.

Ваш М. Ликиардопуло.

¹ Ср. сообщение в письме Брюсова к А.А. Блоку от 9 сентября 1906 г.: «М.Ф. Ликиардопуло уехал на несколько недель в Берлин <...>» ([33, кн. 1, с. 497]; публ. Ю.П. Благоволиной).

² Максимилиан Яковлевич Шик (1884–1968) — поэт, переводчик, критик; немецкий корреспондент «Весов». См.: [1]. Позднее, согласно свидетельству Б. Садовского, между Ликиардопуло и Шиком установилась «тесная дружба» [47, с. 35].

³ Сецессион (нем. Sezession) — название объединений художников в Мюнхене (1892), Вене (1897), Берлине (1899), выступавших как провозвестники и приверженцы стиля модерн. Выставка берлинского «Сецессиона» в 1906 г. была закрыта 7 октября (н. ст.). Подробно освещена в корреспонденции: *Шик Максимилиан*. Берлинские художественные выставки в 1906 году. I. Сецессион // *Весы*. 1907. № 1. С. 97–105.

⁴ Пауль Кассирер (1871–1926) — берлинский книгоиздатель и галерист; представлял, в частности, работы французских живописцев Эдуарда Мане (Manet; 1832–1883) и Клода Моне (Monet; 1840–1926). М. Шик писал о нем: «Кассирер — член распорядительного комитета “Сецессиона”, и его салон служит как бы дополнением “Сецессиона”. Кассирер особенно покровительствует импрессионистам, но и другие выдающиеся художники находят у него приют. Интересуется Кассирер и русским искусством: так, он устроил уже в своем салоне выставки Константина Сомова и В. Борисова-Мусатова» (*Schick Maximilian*). Берлинские художественные выставки в 1906 году. II // *Весы*. 1907. № 2. С. 103).

⁵ Франк Ведекинд (Wedekind; 1864–1918) — немецкий драматург, поэт, прозаик. Джордж Бернард Шоу (1856–1950) — английский драматург, прозаик, публицист. Премьера его пьесы «Человек и сверхчеловек» («Man and Superman», «Mensch und Übermensch», 1903) состоялась в берлинском Малом театре (Kleines Theater) 24 сентября 1906 г.

10

14/27 IX 1906 г.

Berlin W. 8.

Friedrichstrasse 190. Privat Hotel.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Вчера послал Вам открытку с своим адресом, сегодня постараюсь поставить Вас немного au courant* того, что сейчас делается и имеется в худ<ожественном> мире Берлина. Первым делом, конечно, выставки. Кроме Сецессиона, для меня (как новость в своем роде) очень интересен — целый ряд мелких. У *Paul Cassirer* — ряд вещей — Е. Manet и Сl. Monet¹ из коллекции Faure², вещи некоего Schwarz (очень напоминающего нашего Пастернака)³, эскиз Родена для памятника V. Hugo⁴, у *Fritz Gurlitt*: небольшая выставка М. Клингера⁵ — картины, скульптуры, рисунки и офорты, несколько вещей Густава Курбэ (Courbet)⁶, одна вещь Уистлера⁷ и, что крайне интересно, — выставка эскизов и макетов Карла Вальсера декораций и костюмов для Берлинской Комической оперы⁸. Среди них много очень интересных вещей. Вчера я смотрел в этой же Ком<ической> опере «Сказки Гофмана», поставл<енные> по этим рисункам. По-

* В курс (*франц.*).

становка очень эффектная. Разыскиваю Вальсера для того, чтобы достать что-нибудь для «Весов», но не могу добиться толком, здесь он или в отъезде. Шика я потерял из виду — он куда-то исчез и вот уже 3-ий день не является ни ко мне, ни даже домой к себе. Он безнадёжен, кажется. Еще у Ed. Schultze — выставки Пастернака, Axel Gallen и др.⁹, кот<орые> я пока не смотрел. Из остальных выставок — Begas-Ausstellung и выставка Grosse Berliner Kunstausstellung, кот<орые> я тоже еще не смотрел¹⁰.

Завтра буду у Фидуца¹¹, и, думаю, у него будет легче добыть кое-какие сведения о разных лицах и вещах, кот<орые> могут быть интересными для «Весов».

Шик говорит, что пишет статью о Сецессионе и др<угих> выставках, но на него положиться трудно. Если он не напишет, попробую я. По крайней мере о маленьких выставках. Только что вышла новая вещь Ведекинда (вещь-то старая, но Вед<екинд> ее переделал, и теперь она будет поставлена в «Kleines Theater») — Ящик Пандоры, о которой, помните, как-то упоминалось в «Весах»¹².

Здесь «Весь» хорошо, очевидно, известны в лит<ературно>-худ<ожественных> кругах, т<ак> к<ак> моя корреспондентская карточка сразу открывает мне доступ на все выставки.

А теперь о Вас? Как поживаете? Что делается в «Скорпионе»? Каково настроение?

Может быть, напишете несколько слов. Буду очень рад. Уеду отсюда, должно быть, числа 24–25 нашего стиля.

Искренне Ваш Мих. Ликиардопуло.

P.S. Маленькая просьба. Не затруднит Вас напомнить С.А.¹³, чтобы он выслал, как было обещано, деньги мне сюда, с таким расчетом, чтобы я их мог получить числа 22–23-го.

P.S. Walser'a отыскал, увижусь с ним в субботу.

М. Л.

Автограф на именном бланке: М.Ф. Ликиардопуло. Малый Харитоньевский пер., д. Котова, кв. 16.

¹ См. примеч. 2, 3 к п. 9.

² Жан Багист Фор (1830–1914) — французский певец, один из первых коллекционеров работ импрессионистов.

³ Леонид Осипович Пастернак (1862–1945) — живописец, рисовальщик. Художник Шварц в подробнейшем обзоре выставки берлинского «Сецессиона» (1906), подготовленном М. Шиком (см. примеч. 2 к п. 9), не упоминается. Скорее всего, Ликиардопуло неправильно указал фамилию, подразумевая другого участника выставки, немецкого гравера, мастера литографии и офорта Германа Штрука (Struck; 1876–1944). Л.О. Пастернак познакомился с ним во время своего пребывания в Германии в 1906 г. и дружески сблизился на долгие годы (см. предисловие Е.Б. Пастернака и Ел.В. Пастернак в кн.: [39, с. 27; ук. имен]).

⁴ Памятник Виктору Гюго (1890) работы французского скульптора Огюста Родена (Rodin; 1840–1917) установлен в Музее Родена (Париж).

⁵ Фриц (Фридрих Луи Мориц Антон) Гурлитт (1854–1893) — немецкий лекционер изобразительных искусств, основатель и руководитель галереи в 1880 г. (после его смерти и до 1907 г. галереей заведовал Карл Штейнбарт); пропагандировал творчество немецкого живописца, графика и скульптора Макса Клингера (Klinger; 1857–1920). М. Шик отмечал в обзоре «Берлинские художественные выставки в 1906 году»: «Салон Гурлитта (Fritz Gurlitt) открыт только истинному искусству, старому и новому. Этот салон существует уже больше 25 лет и его главные заслуги состоят в том, что он *первый* ознакомил публику с творчеством Макса Клингера, устроив выставку офортов тогда еще никому не известного юного художника» (Весы. 1907. № 2. С. 105).

⁶ Гюстав Курбе (1819–1877) — французский живописец.

⁷ Джеймс Уистлер (Whistler; 1834–1903) — американский живописец; близок по творческой манере французским импрессионистам.

⁸ «Komische Oper» — берлинский частный оперный театр (построен в 1905 г.). Карл Вальзер (Walser; 1877–1943) — швейцарский художник. М. Шик писал о нем в цитированном выше обзоре: «*Карл Вальзер*, этот грациознейший воссоздатель отошедших эпох, выставил богатейшую коллекцию декоративных эскизов и костюмных этюдов для пьес, поставленных по его наброскам. <...> В них во всех дышит это изысканное, утонченное изящество художника, которое привлекло к нему так быстро всеобщее внимание» (Весы. 1907. № 2. С. 106).

⁹ Имеется в виду дюссельдорфская Галерея Эдуарда Шульте (Schulte), руководимая в это время сыновьями Э. Шульте Германом Шульте (1850–1940) и Эдуардом Шульте-младшим (1856–1936). В сентябре 1906 г. в этой галерее состоялась большая совместная выставка Леонида Пастернака и финского живописца и графика Аксели Вальдемара Галлен-Каллела (Gallen-Kallela; 1865–1931).

¹⁰ Выставка Бегаса (Рейнгольд Бегас; 1831–1911) — немецкий скульптор и живописец, мастер монументального «кайзеровского» стиля) и Большая берлинская художественная выставка.

¹¹ Фидус (Fidus; наст. имя Гуго Рейнгольд Карл Иоганн Хеппенер; 1868–1948) — немецкий художник, иллюстратор и издатель; знакомый К.Д. Бальмонта, оформивший его сборник «Будем как Солнце. Книга Символов» (М.: Скорпион, 1903); см. предварительные эскизы обложки: [34, кн. 1, с. 56, 58, 60].

¹² «Ящик Пандоры» («Die Büchse der Pandora», 1902) — вторая часть драматической дилогии Ф. Ведекинда «Лулу». Вторая редакция пьесы относится к 1905 г. О постановке «Ящика Пандоры» в нюрнбергском Интимном театре (Intimes Theater, 1 февраля 1904 г.) сообщалось в № 3 «Весов» за 1904 г. (С. 75).

¹³ С.А. Поляков; по всей вероятности, он финансировал поездку Ликиардопуло как корреспондента «Весов» в Берлин.

11

Berlin. 22 IX / 5 X 1906.

Friedrichstrasse 190. Privat Hotel. W. 8.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Наконец удалось добиться от Шика обратно рукопись его рецензии о Ведекинде, которую он все собирался дополнить несколькими строками по поводу вышедшей на днях новой книги Вед<екинда> «Die Büchse der Pandora»¹. Но, как видите, он ничего не прибавил².

Везу в Москву 2 оригинальных рисунка Вальзера для «Весов»³. О нем здесь очень много говорят, и он в художественных кругах очень «в ходу». Так же как и Кристоф⁴. Везу еще разные книги и пр. Устроил обмен изданиями для «Весов» с «Kunst und Künstler»⁵. Получил заказ для изданий «Скорпиона» и постоянный сбыт для 5–10 ежемес<ячных> №№ «Весов». Подробности при встрече. Был на всех выставках, в музеях, в театрах. Интересного очень, очень много. Думаю выехать в понедельник 25-го наш<его> ст<илия> обратно, если только к тому времени получу от С.А.⁶ обещанных денег, которых все еще нет. И от Вас ни строчки. Впрочем, знаю, Вы так не любите писать.

Пока до свидания.

Ваш преданный Мих. Ликиардопуло.

P.S. Если мне еще не выслали деньги, похлопочите, чтобы их выслали (75 рубл<ей>), а то могу очутиться в крайне печальном положении. Буду крайне Вам признателен.

Автограф на именном бланке: Michel Lykiardopoulos. Maly Kharitonesky, dom Kotova, № 16.

¹ Имеется в виду новая авторская редакция пьесы «Ящик Пандоры» (см. примеч. 12 к п. 10).

² Эта рецензия М. Шика была опубликована в № 10 «Весов» за 1906 г. (С. 56–58). В ней рассматривались книги Ведекинда «Времена года» (Die vier Jahreszeiten. Verlag Alb. Langen. München, 1905), «Фейерверк» (Feuerwerk. Verlag Alb. Langen. München, 1906), «Танец смерти» (Totentanz. Verlag Alb. Langen. München, 1906).

³ Иллюстрации, заставки и концовки работы Карла Вальзера представлены в № 10 «Весов» за 1906 г.

⁴ Франц Кристоф (Christophe; 1875–1946) — немецкий рисовальщик, иллюстратор.

⁵ «Kunst und Künstler» — ежемес<ячный> иллюстрированный журнал изобразительного искусства, выходивший в Берлине в издательстве Бруно Кассирера с 1902 по 1933 г., с 1907 г. под руководством художественного критика и публициста Карла Шеффлера.

⁶ С.А. Поляков.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Спасибо за Ваше письмо и за вести о себе и «Скорпионе». В воскресенье¹ выезжаю обратно в Москву, т<ак> ч<то> скоро увидимся и расскажу Вам все подробно. Рисунки Крымова в конверте, в ящике шкапчика, где рукописи «приняты»². Рецензии со мной — одну я Вам выслал вчера³, другая у Шика, и никак не могу ее добиться

обратно⁴. Молодых журналов сейчас больше в Германии нет, так по крайней мере уверяет Шик. С «Kunst und Künstler» устроил обмен⁵. «Blätter für die Kunst» постараюсь достать⁶. Только что смотрел «Erdgeist» Ведекинда, «пролог» читал сам автор⁷. Деньги получил только сегодня вечером. Оказывается, вместо 190⁸ в телеграмме оказалось 19, и два дня меня не могли разыскать.

До свидания.

Ваш Мих. Ликиардопуло.

Открытка.

¹ 24 сентября / 7 октября.

² Николай Петрович Крымов (1884–1958) — живописец-пейзажист, театральный художник, педагог. Неизвестное нам письмо Брюсова к Ликиардопуло, видимо, содержало вопрос относительно местонахождения его работ в редакционных помещениях «Весов».

³ Ликиардопуло, видимо, имеет в виду свою рецензию: Оскар Уайльд. Полное собрание сочинений. Т. III (Стихотворения в прозе. Сказки. De Profundis. Саломея). М.: Изд. В.М. Саблина, 1906 // Весы. 1906. № 10. С. 58–59.

⁴ См. примеч. 2 к п. 11.

⁵ См. примеч. 5 к п. 11.

⁶ «Blätter für die Kunst» («Листок за искусство») — литературный журнал, основанный в 1892 г. Стефаном Георге (издатель Карл Август Кляйн), издавался до 1919 г.; элитарное издание, ориентированное на узкий круг эстетических единомышленников.

⁷ Драма «Дух земли» (1895), первая часть дилогии Ведекинда «Лулу». В прологе к ней выступает с монологом Укротитель хищных зверей, формулирующий идейно-эстетические установки автора. В репертуарной сводке берлинских театров за указанный день («Berliner Tageblatt») постановка этой драмы Ведекинда не значится; вероятно, спектакль состоялся на частной сцене без официального оповещения.

⁸ Номер дома, в котором Ликиардопуло проживал в Берлине.

13

<Лондон. Около 14/27 сентября 1907 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич.

Как видите — добрался. Только и могу сейчас сказать, что «ах»!
Сообщаю адрес: Michael Lykiardopulos.

41, Upper Bedford Place; Russell Square.

London W<estern> C<entral>.

Всем привет. Напишите новости.

Ваш Мих. Ликиардопуло.

Видовая открытка: «The Houses of Parliament, River Front, London». Датируется по почтовому штемпелю получения: Москва. 18.IX.1907. Почтовый штемпель отправления неразборчив.

14

<Около 19 сентября / 2 октября 1907 г.>

41, Upper Bedford Place.

Russell Square. London. W<estern> C<entral>.

Дорогой Валерий Яковлевич.

Вот я уже здесь освоился и с каждым днем прихожу все в больший восторг от Лондона. Вот город с собственной физиономией. Во всем сказывается не «цивилизация» и «прогресс» разных Берлинов, Парижов и др., а настоящая «Культура»¹. Устроился очень удачно в английском пансионе, где живут исключительно англичане и американцы. И это куда интереснее и удобнее гостиницы. В общем чувствую себя как дома. Уже успел осмотреть почти все, побывал в разных театрах и у разных людей. Познакомился с Лордом Дугласом и Р. Россом². Оба обещали свое сотрудничество «Весам»³. Выставок здесь сейчас никаких нет, но зато театральный сезон в полном разгаре. Только что выдержал около 30 постановок «A woman of no importance» Уайльда⁴, в конце октября будет поставлена Флорентинская Трагедия⁵. Жаль, что не застану уже.

Что делается в Москве? Как идут дела? Что с «Руном»?

Вы, конечно, мне не написали. Думаю выехать обратно числа 28–29 сент<ября> ст<арого> ст<илия>. В Берлине останавливался на день, но ничего интересного там не было.

Привет Иоанне Матвеевне и Вам от Нины Ивановны и меня⁶.

Ваш Мих. Ликиардопуло.

Датируется по почтовому штемпелю получения: Москва. 22.IX.1907. Почтовый штемпель отправления неразборчив.

¹ Ср. суждения Ликиардопуло в письме к Ф. Сологубу, отправленном не ранее середины ноября 1907 г.: «Я очень доволен своей поездкой в Лондон, еще ни один город не производил на меня такого сильного впечатления. Таких самобытных городов, городов с физиономией, а не маской, можно встретить только где-нибудь в глубине Малой Азии или в тех краях» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 410).

² Лорд Альфред Брюс Дуглас (Douglas; 1870–1945) — английский поэт; возлюбленный О. Уайльда (с весны 1891 г.). Роберт Болдуин Росс (Ross; 1869–1918) — английский литературный критик и искусствовед; интимный друг Уайльда с 1886 г.

³ Ни тот, ни другой в «Весам» не печатались, однако одним из итогов английской поездки Ликиардопуло было предоставление ему для публикации неизданных сочинений Уайльда и права авторизации выполненных им переводов.

⁴ Комедия «Женщина, не стоящая внимания» была впервые поставлена в лондонском театре Хаймаркет в 1893 г. (режиссер — Бирбом Три), возобновлена в Королевском театре в 1907 г.

⁵ «Флорентинская трагедия» («The Florentine Tragedy») Уайльда, рукопись которой была утрачена в 1895 г., после смерти автора обнаружилась в его бумагах в виде набросков. Недостающие фрагменты дополнил по указаниям друзей Уайль-

да, знакомившихся ранее с полным текстом пьесы, поэт Томас Стердж Мор, и в этом реконструированном виде она была впервые поставлена в лондонском Литературном клубе 18 июня 1906 г. «Флорентинская трагедия» была опубликована в «Весах» (1907. № 1. С. 17–38) в переводе с рукописи, сделанном М. Ликиардопуло и А. Курсинским, и с предисловием Ликиардопуло.

⁶ Иоанна Матвеевна Брюсова (урожд. Рунт; 1876–1965) — жена Брюсова; переводчица с французского. Нина Ивановна — лицо неустановленное; видимо, жена или подруга Ликиардопуло.

15

<Москва>. 8/21. VIII. <19>08.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите, что не написал Вам в Римини¹, но не успели Вы уехать, как ко мне неожиданно приехали и на некоторое время выбили из колеи.

Письма Ваши и корректуры получил. Жду с нетерпением Елены².

У нас все идет по-прежнему, новостей никаких. Люди мало-малу начинают съезжаться, появляются разные сотрудники в «Скорпионе», идут дожди — одним словом, начинается сезон.

Тут было Вам 2 письма из Германии от Вебера (издателя) и еще другого немца³. Я их вскрыл, чтобы передать Вам содержание: Вебер пишет, что он хочет издать «Огненного Ангела», и спрашивает разрешение; перевод будет того немца, кот<орый> пишет второе письмо⁴. Имя его мало известно. Вебер в своем письме называет Гюнтера прямо жуликом, но пишет, что «он еще очень молод и, может быть, с годами исправится»⁵. В<ебер> спрашивает, давали ли Вы Гюнтеру *исключительное* право на перевод «О<гненного> А<нгела>»;⁶ кроме того, он хочет прислать Вам корректуры «Земли», но просит изменить титул так, чтобы из заглавия видно было, что речь идет о «кончине мира»⁷. Адрес Вебера: Hans von Weber Verlag. München, Adalbertstrasse 76. Ему бы надо ответить. Шик говорит, что он получил от издательства Мюллера⁸ ответ, что за отсутствием самого издателя ничего определенного ему сказать не могут. Может быть, Вы предложите Веберу издать перевод Шика⁹ «Франческа» все еще не выходит, а Пантеон никаких признаков жизни не подает¹⁰. Был в «Скорп<ионе>» Н.А. Попов, искал несколько экзempl<яров> «Франчески»¹¹, направил его в С<анкт>-П<етер>б<ург>. Вот, кажется, все.

Не успел я получить Вашего письма с вокзала¹², как позвонили по телефону и спросили, правда ли, что Вы на даче; я сказал, что, насколько мне известно, это так, потом в тот же день и на следую-

щий звонили и спрашивали, не приехали ли Вы¹³. С тех пор никаких сведений не имею, но раз ничего не слышно, очевидно, все более или менее благополучно.

Как вам ездится? Было что-нибудь интереснее, ведь Вы Вену и Италию хорошо знаете.

Дня через два-три напишу уже в S<aint>-J<ean>-de-Luz.¹⁴

Присылайте поскорее Елену.

Да! «Образование»¹⁵ хочет попросить у Вас стихов и вообще деятельного сотрудничества. Там секретарем Ивинский¹⁶, он уже писал мне, приглашал, и говорил о Вас. В газетах заметки, что «Руно» прекращается, июнь все еще не выпускали.

Вот, кажется, все. Привет Иоанне Матвеевне.

Ваш Мих. Ликиардопуло.

¹ 25 июля / 7 августа 1908 г. Брюсов вместе с женой отправился в длительное заграничное путешествие — через Вену в Италию (Венеция — Анкона — Римини — Равенна — Рим — Неаполь) и далее во Францию. См.: [11, с. 139–140]. Ср. сообщение в письме Брюсова к Вяч. Иванову из Анконы от 3/16 августа 1908 г.: «Пишу тебе из края Франчески, только что вернувшись из Римини» [32, с. 511].

² Речь идет о пьесе Эмиля Верхарна «Елена Спартанская» («Hélène de Sparte»), законченной автором в июне 1908 г. и предложенной им Брюсову для русского перевода в письме от 11/24 июня 1908 г.; Брюсов выразил желание перевести драму, и Верхарн в июле отправил ему ее текст (см. в публикации Т.Г. Динесман: [32, с. 574–576]). Отправляясь за границу, Брюсов обещал в непродолжительном времени представить перевод для помещения в «Весах». «Елена Спартанская. Трагедия в 4 действиях» в переводе с рукописи Брюсова была опубликована в пяти номерах «Весов» (1908. № 8. С. 39–46; № 9. С. 20–29; № 10. С. 24–37; № 11. С. 32–44; № 12. С. 22–35), затем вышла в свет отдельным изданием (М.: Скорпион, 1909).

³ Имеются в виду Ганс фон Вебер (Weber; 1872–1924), книгоиздатель, и Рейнгольд фон Вальтер (Walter; 1882–1965), поэт, переводчик русских авторов на немецкий язык. См.: [2, с. 320; 33, кн. 5, с. 305–308; 42]. Письма Г. фон Вебера к Брюсову не обнаружены; сохранился недатированный черновик письма Брюсова к Веберу, в котором он сообщал, что «Огненный Ангел» еще не полностью опубликован по-русски, и выражал благодарность за желание издать его в немецком переводе — будь то перевод И. фон Гюнтера или кого-либо другого (РГБ. Ф. 386. Карг. 143. Ед. хр. 3).

⁴ Роман Брюсова «Огненный Ангел. Повесть XVI века» был опубликован в «Весах» в 1907 (№ 1–3, 5–12) и 1908 г. (№ 2, 3, 5–8), вышел в свет отдельным изданием в двух частях (М.: Скорпион, 1908): ч. 1 — в конце января 1908 г., ч. 2 — в середине ноября 1908 г.

⁵ Иоганнес (Ганс) фон Гюнтер (Guenther; 1886–1973) — немецкий поэт, переводчик русских авторов на немецкий язык; общался с Брюсовым в Москве в апреле 1906 г.; см.: [52, S. 128–129; 33, кн. 5, с. 346–347; 20, с. 130–132].

⁶ «Огненного Ангела» Гюнтер не переводил. В его переводе вышли рассказы из сборника «Земная ось» (М.: Скорпион, 1907) под заглавием «Республика Южного Креста»: *Brjūssoff Valerius. Die Republik des Südkreuzes. Novellen / Autorisierte Übersetzung von Hans von Guenther. Verlag bei Hans von Weber. München, 1906.*

⁷ Драма «Земля» в немецком переводе Гюнтера была издана под заглавием «Гибель земли»: *Brjūssoff Valerius. Erduntergang: Tragödie künftiger Zeiten in 5 Handlungen und 9 Szenen / Autorisierte Übersetzung von Hans von Guenther. Verlag von Hans von Weber. München, 1909.*

⁸ Мюнхенское книгоиздательство, возглавляемое Георгом Мюллером (Müller; 1877–1917).

⁹ В издательстве Вебера «Гиперион» «Огненный Ангел» был издан в переводе Р. фон Вальтера: *Brijssoff Valerius. Der feurige Engel: Erzählung aus dem Sechszehnten Jahrhunderts.* Hyperion-Verlag Hans von Weber. München, 1910. В письме к Брюсову от 7 июня 1909 г. из Мюнхена Р. фон Вальтер сообщал, что скоро заканчивает перевод «Огненного Ангела», и задавал конкретные вопросы по тексту романа (РГБ. Ф. 386. Карт. 79. Ед. хр. 27).

¹⁰ «Пантеон» — петербургское издательство, существовавшее в 1907–1912 гг. под руководством З.И. Гржебина (его исчерпывающая характеристика дана в монографии: [19]). Речь идет об издании: *Д'Аннунцио Габриэле.* Франческа да Римини: Трагедия в 5 действиях / пер. с итальянского размерами подлинника Валерия Брюсова и Вячеслава Иванова. СПб.: Пантеон, <1908>. Книга вышла в свет в последнюю декаду августа 1908 г.

¹¹ Николай Александрович Попов (1871–1949) — режиссер, актер, драматург; ученик и последователь К.С. Станиславского; режиссер Малого театра в Москве в 1907–1910 гг., где была поставлена «Франческа да Римини» Д'Аннунцио в переводе Брюсова и Вяч. Иванова (режиссер А.П. Ленский).

¹² Подразумевается неизвестное нам письмо Брюсова, отосланное с Брестского вокзала в Москве непосредственно перед отъездом за границу.

¹³ Правомерно предположить, что эти звонки в редакцию «Весов» исходили от Н.И. Петровской, по получении ею неизвестного нам письма Брюсова (последний упоминает о нем в открытке, отправленной Петровской 25 июля 1908 г. перед отъездом в заграничное путешествие: «Прости, если мое суровое письмо Тебе показалось слишком беспощадным. Я писал его в испуге и в отчаянии, так как мне казалось, что нет выхода. Прости мне все жестокие слова» [12, с. 316]).

¹⁴ Сен-Жан-де-Люс — город на юге Франции близ испанской границы, на берегу Бискайского залива. Брюсов жил там во второй половине сентября — начале октября (н. ст.) 1908 г.

¹⁵ «Образование» — петербургский ежемесячный литературно-педагогический журнал, издававшийся с 1892 г. и редактировавшийся в 1896–1907 гг. А.Я. Стругорским. В 1907–1908 гг. руководство журнала постоянно менялось, при этом среди сотрудников литературного отдела появились писатели-модернисты. См.: [22].

¹⁶ Борис Иванович Ивинский (псевдоним — Б. Борский; 1881 — после 1917) — журналист, прозаик.

16

<Москва. 11/24 августа 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Все нет драмы, а уже 11-ое число¹. Случилась следующая оказия. В последнем «Руне» очередная бранная статья против «Весов» подписана Городецким². В ней есть такие перлы.

««Весы» — ежемесячник иск<усств> и лит<ературы> — сами рекомендуются. Насчет искусств — это, положим, не очень еще приросло, но литература, казалось бы, — свое дело. Отчего бы там не быть критике. Журнал культурный, в подписчик<ах> считает 2 папуасов и 1 эскимоску³, сотрудничают в нем, кроме «своих», 2 Ренэ, один Гиль, два Гурмона и еще всякие лорды и греки⁴. А по-

смотришь в русский критический отдел — не критика, а политика». Дальше идут цитаты, есть выходки против Вас. Цитата из статьи Эллиса и примечание... чего Вы думаете? Конечно Брюсова, но чего..... «Земной Оси!»⁵ Еще цитата... «Вы думаете, речь идет о Фаусте, Заратустре? Нет, только о трех книжечках, собранных в томе I «Пут<ей> и Переп<утий>»⁶. «Июльский № “Весов” принес нов<ый> критический шедевр: Бальмонт не умен, а все-таки он Бальмонт»... Новорожденный критик предупреждает: «не знаю, что, но напишу», но редактор, напечатавший эту циничную глупость... справедливо может быть заподозрен в оркестровке музыкального фона для основной (не критика — а политика) мелодии “Весов”».⁷

Посоветовавшись с С.А.⁸, я написал Городецкому письмо, в котором сообщил ему, что «Весы», не желая ставить его в неловкое положение — работать в одном органе с сотрудниками, кот<орые> не имели счастья родиться его компатриотами, и под редакторством «редактора, печатающего циничные глупости» и неоднократно печатавшего произведения того же Городецкого как в отделе беллет<ристическом>, так и в критич<еском>⁹, — принуждены отказаться от напечатания цикла его стихов и от дальнейшего его сотрудничества. Думаю, что и Вы одобрите эту меру. Ведь черт с ним, в конце концов. Пора эту компанию посадить на место. Блок в «Образовании», разбирая «Монастырь» Верхарна в переводе Эллиса, ругает на чем свет стоит «Весы», Эллиса и Белого¹⁰. Стихи пускаю Сережины в этом №¹¹, а вот для сентября не знаю, что пустить?

Приехал Юргис¹² — пьет, вот и все. Да и все пьют. Даже что-то уж очень. Белый был и уехал в Петербург к Мережковским¹³. Вот, кажется, все новости. Ни о чем другом не слышно. Коммис<саржевская> ставит в Москве «Франческу» в переводе Коржухиной¹⁴. Приезжает она числа 20-го¹⁵. Где Вы сейчас находитесь? Что-то давно нет от Вас известий. А главное, присылайте скорее «Елену» и напишите насчет стихов. Привет Иоанне Матвеевне.

Ваш Мих. Ликиардопуло.

Почтовая бумага издательства «Скорпион» и журнала «Весы».

¹ Имеется в виду трагедия Верхарна «Елена Спартанская» (см. примеч. 2 к п. 15), 1-е действие которой предполагалось поместить в № 8 «Весов» за 1908 г.

² Имеется в виду статья поэта, прозаика и критика Сергея Митрофановича Городецкого (1884–1967) «Глухое время» (Золотое Руно. 1908. № 6. С. 69–70). Далее приводятся (с неточностями) цитаты из нее. Появление статьи было сочувственно отмечено в обзоре содержания июньского номера «Золотого Руна» в «Литературной хронике» газеты «Голос Москвы»: «Из полемических заметок — зло, но красиво написано “Глухое время” С. Городецкого. В ней находим краткую, но чрезвычайно меткую характеристику “Весов”» — далее приводится фрагмент, цитируемый здесь Ликиардопуло (1908. № 185, 10 августа. С. 5).

³ Насмешливый отклик на помещенный в № 12 «Весов» за 1906 г. «Список лиц и учреждений, получавших журнал “Весы” в 1906 г.» (С. 88–97).

⁴ Подразумеваются французские корреспонденты «Весов», поэты и критики Рене Гиль (Ghil; 1862–1925), Рене Аркос (Arcos; 1881–1959), Жан де Гурмон (Goumont; 1877–1928), Реми де Гурмон (1858–1915), Вильям Ричард Морфилл и Лики-ардопуло.

⁵ «Земная ось: Рассказы и драматические сцены (1901–1906)» (М.: Скорпион, 1907) — книга Брюсова, вышедшая в свет в декабре 1906 г. В «Глухом времени» Городецкий иронически обыгрывает сопоставление в статье Эллиса «Наши эпигоны» прозы Чехова «с беспощадно-образным, утонченно-выразительным и всегда достигающим символических обобщений классически-строгим языком Брюсовской “Земной оси”» (Весы. 1908. № 2. С. 64).

⁶ Том I трехтомного собрания стихотворений Брюсова «Пути и перепутья» (М.: Скорпион, 1908–1909), вышедший в свет в декабре 1907 г., включает разделы: «Юношеские стихотворения», «Это — я», «Третья стража» (1892–1901).

⁷ Цитируется статья Алексея Кирилова (псевдоним З.Н. Гиппиус) «Без царя (О “Царе-Голоде”»)», опубликованная не в июльском, а в июньском номере «Весов» (1908. № 6. С. 60). Фразы «не знаю что, но напишу», в ней нет; Городецкий перетолковывает следующие замечания критика: «... я не знаю, что написать о Леониде Андрееве. <...> На мою долю ничего не осталось, кроме собственного, скромного мнения <...>» (С. 57–58).

⁹ С. Городецкий печатался в «Весах» лишь дважды: в № 6 за 1906 г. было опубликовано его стихотворение «Симфония» («Отточили кремневый топор...», С. 1–5), в № 8 за 1907 г. — его статья «Тень прочтенной книги» (С. 59–64), отзыв о книге К. Бальмонта «Жар-Птица. Свирель славянина» (М.: Скорпион, 1907).

¹⁰ Рецензия А. Блока на книгу Эмиля Верхарна «Монастырь» (Пер. с франц. Эллиса. Предисловие Андрея Белого. М.: Польза, <1908>. «Универсальная библиотека», № 60) была опубликована в № 7 журнала «Образование» за 1908 г. (Отд. III. С. 74–76; см.: [8, т. 8, с. 165–167]); в ней остро критиковались Эллис за качество перевода и Андрей Белый, назвавший этот перевод «художественным»: «Г-на Эллиса мы знаем только одного: это — посредственный поэт и плохой переводчик, попавший почему-то в последний год в присяжные критики “Весов” <...> В переводе Эллиса есть ошибки, неточности, безвкусица, несовершенное знание грамматики и, наконец, выражения, которые смело можно рекомендовать почтовому ящику юмористического журнала» [8, т. 8, с. 166]. Ныне установлено, что Белый не написал, а только подписал предисловие к «Монастырю», изготовленное на самом деле самим Эллисом (см.: [16]).

¹¹ В № 8 «Весов» за 1908 г. был опубликован цикл из семи стихотворений Сергея Соловьева «Сельская цевница» (С. 7–16).

¹² Ю.К. Балтрушайтис.

¹³ После кратковременного пребывания в Москве во второй половине июля 1908 г. Андрей Белый в начале августа отправился в Петербург, после чего почти весь месяц провел на даче у Мережковских близ станции Суйда Варшавской ж. д.

¹⁴ См.: *Д’Аннунцио Габриэль*. Франческа да Римини / пер. с итал. Веры Корзухиной. СПб.: Изд. переводчицы, 1908. Как заключал компетентный автор, рецензировавший это издание (А.Я. Левинсон), «произведение Д’Аннунцио все еще ждет переводчика: «Не позволяя себе усомниться в знакомстве г-жи Корзухиной с языком оригинала, не могу не счесть его несколько поверхностным и ее словарь довольно ограниченным <...> Весь перевод испещрен нестерпимыми прозаизмами, неизвестно для чего уснащен итальянскими терминами <...>» (Современный мир. 1908. № 7. Отд. II. С. 133). Дополнительными сведениями о переводчице мы не располагаем. Трагедию Д’Аннунцио «Франческа да Римини» (1902) Вера Федоровна Коммиссаржевская (1864–1910) предполагала к постановке в своем театре в переводе Брюсова (с осени 1907 г. она была связана с ним близкими отношениями), ко-

торый осуществлялся в соавторстве с Вяч. Ивановым. Узнав о решении Брюсова предоставить переведенную драму для постановки в Малый театр, Коммиссаржевская выразила ему свое негодование (см. ее письмо к Брюсову из Германии, июнь 1908 г.: [13, с. 173–174]) и, видимо, после этого приняла решение в пользу перевода Корзухиной. Однако в конечном счете предпочтение было отдано переводу Брюсова и Иванова (см. п. 18).

¹⁵ Коммиссаржевская, возвратившаяся из-за границы в Петербург в конце июля 1908 г., основную часть августа провела в репетициях спектаклей, предназначенных для гастролей ее театра в Москве (20–27 августа — репетиции «Франчески да Римини»); выехала с труппой в Москву 28 августа. См.: [46, с. 406–409].

17

<Москва. 27 августа / 9 сентября 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Получил все Ваши письма и рукопись «Елены», кот<орая> уже набрана¹.

Писать надо Вам о многом, но как-то не сразу вспомнишь. Историю с Городецким в Петербурге стараются использовать против нас помещением разных заметок в газетах;² на одну из них пришлось ответить печатно в «Руси» и «Ран<нем> Утре»³. Мне пишет Белый, что в Пет<ербурге> готовится большой поход против нас⁴. Пусть. Шемшурин выпустил гнусность — книгу «Валерий Брюсов и русский язык»⁵. В продажу не пустил, но разослал по редакциям газет. С трудом достал для Вас экземпляр.

Вышла Франческа большим томом в 1 р. 50 к.⁶ В Пантеоне и в Шиповнике⁷ дела совсем дрянь. Никому ни копейки не платят. Антик очень просит дать для «Пользы» Франческу⁸, может, допереведете места Иванова?⁹

У нас все по-прежнему. Сегодня уезжает Ник<олай> Петр<ович>¹⁰. Как только сообщит из Парижа адрес, сообщу Вам. От Брокгауза прислали Вам 120 руб<лей>¹¹.

Франческу ставят в Малом 1-го¹². Пойду посмотреть и напишу Вам. Одновременно идет и у Коммиссаржевской¹³.

Как нам быть со стихами?¹⁴

Мы с Сер<геем> Ал<ександровичем>¹⁵ решили просить Соллогуба прислать¹⁶. Это будет и известный тактический шаг по отношению к остальным петербуржцам. Очевидно, придется выставить (или сами уйдут) еще Блока, Калошина¹⁷ и пр<очую> мелочь. Да и лучше, по крайней мере у нас чище будет. Простите, что пишу так отрывочно, но понемногу вспоминаешь всякие дела.

Как Вам ездится? Довольны?

Посылаю вырезки из газет и выходной лист «Ангела»¹⁸. На днях пришло переверстаный лист? Да, где статья Эллиса о Чуковском? Сдали ли Вы ее в типографию или нет?¹⁹

О себе лично не пишу — что писать? Все то же, и с каждым днем все хуже. Даже и думать не хочется. На днях напишу Вам еще. Привет Иоанне Матвеевне.

Ваш Мих. Ликиардопуло.

P.S. Напишите директивы по поводу инцидента с Петерб<ургом>.

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 27. 8. 08. Почтовый штемпель получения: St. Jean de Luz. 13. 9. 08.

Автограф на именном бланке: М.Ф. Ликиардопуло. Неглинный проезд, уг. Сандуновского пер., д. Фирсановой, кв. 2.

Приложены вырезки из газет «Новая Русь» (1908. № 9, 24 августа — Письмо в редакцию М.Ф. Ликиардопуло).

¹ См. примеч. 2 к п. 15, примеч. 1 к п. 16.

² Подразумевается в первую очередь анонимная заметка в рубрике «Книги и писатели» петербургской газеты «Новая Русь» (1908. № 4, 19 августа. С. 5):

Возмущенная целым рядом выходов «Весов», значительная группа молодых писателей сплотилась в кружок «Антивалерианцев-брюсофобов». Некоторым отголоском настроений нового кружка является статья Сергея Городецкого в последнем, шестом номере «Золотого Руна». С. Городецкий упрекает «Весы» в пристрастии, с одной стороны, доходящем до чисто «китайского» угодничества, с другой, не знающем границ элементарного литературного приличия. За самое короткое время из списка сотрудников московского журнала ушел целый ряд имен: Е. Аничкин <так!>, С. Городецкий, А. Курсинский и др. При этих условиях серьезным конкурентом «Весов» выдвигается «Золотое Руно». «Весы» были сильны своей объективностью, своим беспристрастием, столь редким в наши дни, своим литературным аристократизмом и критической добросовестностью. Теперь карты раскрыты, самозабвенное обожание своих кружковых гениев и кумиров перешло всякие границы и то единственное, чем были сильны и влиятельны «Весы» — их авторитет, — склоняется к закату.

Тот же текст почти дословно был воспроизведен в московской газете «Раннее утро» (1908. № 228, 21 августа. С. 4. Рубрика «В мире литературы и искусства»), с другой неточностью в фамилии Е.В. Аничкова («Е. Аничкин»).

³ Приводим текст Письма в редакцию, помещенного в «Новой Руси» (1908. № 9, 24 августа. С. 5):

М.Г. В № 4 вашей уважаемой газеты в отделе «Книги и писатели» сообщается, что «из списка сотрудников “Весов” ушел целый ряд имен: Е. Аничкин <так!>, С. Городецкий, А. Курсинский и др.». Сообщение это совершенно не соответствует действительности. Никакой ряд сотрудников из «Весов» не уходил. Г.С. Городецкий не «ушел», а ему было *отказано* от сотрудничества в нашем журнале за допущенные им в статье, напечатанной в «Золотом Руно», издевательства над национальностями и личностью наших сотрудников. Е. Аничкина в списке сотрудников «Весов» нет, а есть г. Аничков, но последний никаких заявлений о своем выходе из журнала редакции не делал. Г. Курсинский правда «ушел», но по причинам чисто личного свойства.

Что же касается кружка «антивалерианцев-брюсофобов», то, если статья г. Городецкого является, как уверяет автор заметки в вашей газете, — «отголоском настроений кружка», — казалось, не мешало бы основателям его

прибавить к названию его еще несколько «фобов», хотя бы «грекофобов», «англофобов» и т. д.

Секретарь редакции «Весов»

Мих. Ликиардопуло.

Письмо в редакцию за подписью Ликиардопуло того же содержания, но составленное в более краткой форме, было напечатано и в «Раннем утре» (1908. № 229, 22 августа. С. 5). Городецкий направил в «Новую Русь» после появления там письма Ликиардопуло ответное «письмо в редакцию» (опубл.: Новая Русь. 1908. № 10, 25 августа. С. 4):

М.Г. Возмущенный тем, что в «Весах» не прекращаются неприличные выходки по адресу всех почти современных писателей (Л. Андреев, К. Бальмонт, А. Блок, В. Иванов, Б. Зайцев, А. Куприн, Г. Чулков), за исключением одного, который чрезмерно превозносится, я в своей статье «Глухое Время» обличил между прочим «Весы» в этом неподобающем критическому органу занятии, употребив следующие выражения <далее дается цитата о сотрудниках «Весов», приведенная Ликиардопуло в п. 16>. Так как «Весы» по существу ничего возразить не могли, и так как они привыкли, вместо возражения, стараться скомпрометировать противника в глазах общества, не стесняясь средствами, то для меня не было ничего удивительного в том, что мотивировкой «отказа», полученного мною от «Весов», явились «издевательства над национальностью сотрудников». В ответном моем письме эта передержка была отмечена.

Тем не менее, г. Ликиардопуло осмеливается повторить ее в печати, помещая письмо в редакцию «Новой Руси» № 9.

Сергей Городецкий

«Мой инцидент с “Весами” разросся и обострился, — сообщал Городецкий А. Блоку 4 сентября 1908 г. — Маленький повод потревожил большие причины, и началась “дифференциация”. Ликиардопуло письмами в редакцию повторил свою гнусность, что я издеваюсь над национальностями. Я один раз опровергнул» ([33, кн. 2, с. 34]; публикация В.П. Енишерлова).

⁴ Это письмо Белого из Петербурга, по-видимому, не сохранилось.

⁵ Андрей Акимович Шемшурин (1872–1937) — состоятельный московский литератор-дилетант; см. о нем в предисловии А.В. Лаврова к публикации писем В.В. Гофмана к А.А. Шемшурину [40, с. 233–239], а также работу А.Л. Соболева «А.А. Шемшурин. Биографические заметки о своих корреспондентах» [50, с. 373–416]. Книга Шемшурина «Стихи В. Брюсова и русский язык» (М., 1908) посвящена выявлению и описанию языковых недочетов и несообразностей, обнаруженных им в стихотворениях поэта.

⁶ См. примеч. 10 к п. 15.

⁷ Петербургское издательство «Шиповник», основанное в 1906 г. З.И. Гржебинным и С.Ю. Копельманом и получившее широкую известность главным образом благодаря начатым изданием в 1907 г. литературно-художественным альманахам. См.: [44].

⁸ Владимир Морицевич Антик (1882–1972) — основатель и владелец московского издательства «Польза», выпускавшего дешевую многотиражную книжную серию «Универсальная библиотека» (1906–1918). Издание в этой серии «Франчески да Римини» Д’Аннунцио в переводе Брюсова и Вяч. Иванова не состоялось.

⁹ Видимо, Ликиардопуло полагал, что в изданный «Пантеоном» перевод «Франчески да Римини» вошли не все фрагменты текста, которые были закреплены за Ивановым, — зная, что последний ранее запаздывал относительно назначенных жестких сроков представления перевода; так, Брюсов писал Иванову 21 июля 1908 г.: «Так как завтра или послезавтра я покидаю Москву на два месяца, то судьба издания “Франчески” остается в Твоих руках. Очень прошу не погубить это наше общее

дита. 20 августа трагедия уже идет на сцене Московского малого театра и к этому дню книжка уже должна быть в магазинах» [15, с. 357].

¹⁰ Н.П. Феофилактов (1878–1941) — художник-график, книжный иллюстратор и оформитель; основной художник журнала «Весы».

¹¹ Речь идет о гонораре (или части гонорара), причитавшемся Брюсову за статьи «Пушкин в Крыму» и «Гаврилада», опубликованные в кн.: *Пушкин. Сочинения*. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1908. Т. II. («Библиотека великих писателей»). Под ред. С. Венгерова).

¹² Премьера «Франчески да Римини» Г. Д'Аннунцио состоялась в Малом театре 1 сентября 1908 г. (в роли Франческа В.Н. Пашенная, в роли Паоло А.А. Остужев).

¹³ Премьера «Франчески да Римини» в театре Коммиссаржевской состоялась на московских гастролях в театре «Эрмитаж» 4 сентября 1908 г. (режиссер Н.Н. Евреинов, художник М.В. Добужинский; Франческа — Коммиссаржевская, Паоло — А.Л. Желябужский).

¹⁴ Подразумевается состав стихотворной рубрики в № 9 «Весов» за 1908 г.

¹⁵ С.А. Поляков.

¹⁶ Речь идет о недатированном письме Ликиардопуло к Сологубу (помета адреса на нем: «Отв<етил> 30 авг<уста> и 1 сент<ября>»): «Теперь еще раз обращаюсь к Вам с большой просьбой прислать мне для “Весов” как можно скорее (для сентябр<ьского> №) цикл стихов не особенно большой, не больше 100–120 стихов». Конкретная просьба сопровождалась и заверениями, обусловленными остротой внутрисимволистского фракционного противостояния: «Валерий Яковлевич в июле уехал за границу на 2–3 месяца, т<ак> ч<то> временно заведу “Весами” — я. И пока я до некоторой степени “у власти”, могу Вам поручиться, что никаких резкостей в “Весех” не допущу по отношению к нашим сотрудникам, да и вообще я намерен сократить полемику до минимума. Меня извещают, что Вы якобы примкнули к кружку “антибрюсовцев”, но я этому не хочу верить, и не верю. А в общем досадно и больно от всех этих дряг и неприятностей» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 410). В № 9 «Весов» за 1908 г. был опубликован цикл из восьми стихотворений Федора Сологуба «Моя Змея» (С. 7–12).

¹⁷ Подразумевается М.А. Волошин.

¹⁸ Имеется в виду верстка отдельного издания «Огненного Ангела» (ч. 2). См. примеч. 4 к п. 15.

¹⁹ Статья Эллиса о К.И. Чуковском в «Весех» не появилась; видимо, Брюсов не дал своей санкции на ее опубликование.

18

<Москва.> 9</22> сент<ября> <19>08.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Получил сегодня Ваше письмо и спешу ответить. Страшно виноват перед Вами, что давно не писал, но у меня, кроме хлопот с «Весами», Бальмонтом и Паном¹ — мои неурядицы, кот<орые> начинают принимать ужасающие размеры. Теперь «обе» в Москве, и Вы легко себе представляете, что из этого получается².

Но к делам.

«Франческа» в Малом с треском провалилась³. Я был на первом представлении — это было нечто ужасное, такой бездарности давно

не приходилось видеть. Постановка «роскошная» (в кавычках), декорации — слащавые, дешевые открытки, игра — один ужас, всё на завываниях и дешевом пафосе. Публика бежала с середины спектакля. На третьем представлении было всего 100 руб<лей> сбору, т<ак> ч<то> Вы очень прогадали, отдав пьесу Малому Театру — у Коммиссаржевской она прошла с большим успехом⁴. И действительно, Вера Феодоровна была настоящей Франческой, такой, какой может изобразить ее она одна. Постановка Евреинова⁵ очень интересная, обдуманная, тщательная. Крайне интересны декорации и костюмы Добужинского. «Фр<анческа>» выдержит у них, наверное, представлений 10–12. Но что, по-моему, крайне интересно у Коммис<саржевской> — это постановка «Пеллеаса» (новая режиссура Ф.Ф. Ком<миссаржевского>)⁶. В Крэговских тонах на сукнах⁷ декорации сведены до крайнего минимума. Впечатление сильное, был Мэтерлинковский тихий ужас, был темный, жуткий замок. В<ера> Ф<еодоровна> как всегда безукоризненно, зато антураж весь надо повесить. Пеллеас — Мгебров и Голо — Феона — чудовищны⁸. «Франч<еска>» идет у Ком<иссаржевской> якобы в переводе Корзухиной⁹, но почти целиком Ваш перевод.

Что касается моего письма в «Руси»¹⁰, то я с Вами не согласен, оно было необходимо, т<ак> к<ак> здесь черт знает что делалось и говорилось, и *письмо* возымело сейчас же известное действие. Кузмин прислал сочувствие¹¹, Сологуб поспешил отречься от какого-либо соприкосновения с «анти»¹², Ремизов же подошел ко мне в театре Ком<иссаржевской>¹³ и при Тастевене (кот<орый> сидел рядом) начал ругательски ругать «Руно» и Чулкова и Городецкого и вполне оправдывать наше исключение Городецкого. Приезжал Руквишников с женой¹⁴ в «Весы» и тоже с виноватыми лицами стали оправдывать Городецкого — он, мол, еще «мальчик».

Сергей Александрович¹⁵ почти не бывает в Москве, если же бывает — приезжает утром, вечером уезжает. Деньги я раздобуду и завтра-послезавтра вышлю по телеграфу. Думаю, что всю сумму, ведь это всего-навсего около 400 рублей.

«Весы» выходят завтра¹⁶, сегодня посылаю «Пана» и «Франч<еску>»¹⁷. А газеты — посылаю «Утро», она наиболее веселая.

Оттиски романа будут переверстаны к завтрашнему дню, я тогда же их Вам вышлю¹⁸.

Пришлите что-нибудь для «Весов» для отдела статей.

От Сологуба получил стихи довольно приличные, и они уже набраны и сверстаны для сентября¹⁹. Если есть какие-нибудь поручения в Москве — напишите, охотно исполню. Пишу, кажется, очень

неразборчиво, но спешу, чтобы к часу Василий²⁰ сдал на почту. Вам привет от бесчисленного количества людей.

Пока всего лучшего, пишите хоть открытками, чтобы знать, где Вы находитесь и здоровы ли. Привет Иоанне Матвеевне.

Сердечно Ваш Мих. Ликиардопуло.

Почтовая бумага издательства «Скорпион» и журнала «Весы».

Приложены газетные вырезки — отклики на постановку «Франчески да Римини» Д'Аннунцио в Малом театре и в театре «Эрмитаж» (группа Коммиссаржевской).

¹ Речь идет о печатании в издательстве «Скорпион» Полного собрания стихов К.Д. Бальмонта (Т. 2. Горящие здания. 3-е изд. — 1908; Т. 3. Будем как Солнце. 3-е изд. — 1908) и книги бельгийского поэта и драматурга Шарля Ван Лерберга (1861–1907) «Пан» (пер. С.А. Полякова. М., 1908).

² Указание «обе» недвусмысленно намекает на обстоятельства личной жизни. В данном случае о подразумеваемой ситуации нам ничего не известно.

³ См. примеч. 12 к п. 17. «Тяжелое впечатление» от постановки констатировал один из первых рецензентов: «Музыка, красочность, ритм — все было тщательно вытравлено и обесцвечено. <...> Усиленный разъезд публики начался после 3-го акта» («Малый театр» // Раннее утро. 1908. № 238, 2 сентября. С. 2). Театральный критик Э.М. Бескин утверждал, что постановщики преобразили классический сюжет в «натуралистическую драму»: «Из нежно-хрупкой пасторали любви умудрились создать грузную трагедию, где на фоне голубой Италии XIII века разыгрывались мещанские страсти» (Там же. № 239, 3 сентября. С. 4. Подпись: Э.Б.). Другой рецензент, И.Н. Игнатов, полагал, что главная причина неудачи заключалась в том, что Д'Аннунцио создал пьесу для чтения, непригодную для театра и зрителей: «...не получилось и XIII века. Декламировали, жестикулировали, кричали и рычали, как в ложно-классических пьесах, но не создали ни обстановки, ни типов, ни характеров» (И. Франческа да Римини в Малом театре // Русские ведомости. 1908. № 204, 3 сентября. С. 3–4).

⁴ См. примеч. 13 к п. 17. После премьеры «Франческа да Римини» прошла на московских гастролях театра Коммиссаржевской четыре раза (5, 6, 8, 10 сентября); 4 октября состоялась ее премьера в Петербурге (см.: [46, с. 411, 417]). Этот спектакль был принят более благосклонно, чем постановка на другой сцене: «Столь жестоко провалившаяся в Малом театре “Франческа да Римини” имела вчера шумный успех у В.Ф. Коммиссаржевской. Центр успеха, конечно, прежде всего в обаянии таланта самой г-жи Коммиссаржевской. <...> Артистку вызывали буквально без конца. Была устроена овация и режиссеру Н. Евреинову, сумевшему создать и верный фон, и правильный тон исполнения» («Театр “Эрмитаж”» // Раннее утро. 1908. № 241, 5 сентября. С. 4). Вместе с тем относительный успех был обязан, как подчеркивал другой анонимный обозреватель, «главным образом исполнению заглавной роли г-жой Коммиссаржевской. <...> Что касается постановки и игры остальных персонажей, то, пожалуй, и грешно было бы предъявлять к ним строгие требования, когда этих требований не выдерживает сама пьеса» (Русские ведомости. 1908. № 207, 6 сентября. С. 3).

⁵ Николай Николаевич Евреинов (1879–1953) — драматург, теоретик и историк театра, режиссер. В сезон 1908–1909 г. получил приглашение на должность режиссера в театр на Офицерской В.Ф. Коммиссаржевской вместо В.Э. Мейерхольда.

⁶ Сводный брат Коммиссаржевской, режиссер и театральный деятель Федор Федорович Коммиссаржевский (1882–1954) стал в 1908 г. в труппе театра одним из трех режиссеров (наряду с Евреиновым и А.П. Зоновым) после разрыва в ноябре 1907 г. руководительницы театра с В.Э. Мейерхольдом. Трагедия М. Метерлинка «Пелеас и Мелизанда» (1893) в переводе Брюсова была поставлена Мейерхольдом на сцене

театра Коммиссаржевской (преьера — 10 октября 1907 г.; художник В.И. Денисов) незадолго до этого разрыва. Коммиссаржевская исполнила роль Мелизанды. В новой редакции постановка была возобновлена на московских гастролях театра Коммиссаржевской — 2, 3, 11 сентября 1908 г. (см.: [46, с. 410, 411]).

⁷ Имеются в виду новации английского режиссера, художника и теоретика театра Генри Эдуарда Гордона Крэга (Craig; 1872–1966) в области декорационного оформления спектакля, сводившиеся в основном к замене традиционных рисованных декораций условным оформлением — комбинациями кубов и ширм в различных сочетаниях.

⁸ В ролях братьев Пеллеаса и Голо — актеры театра Коммиссаржевской Александр Амельевич Мгебров (1884–1966) и Алексей Николаевич Феона (1879–1949).

⁹ См. п. 16, примеч. 14.

¹⁰ См. примеч. 3 к п. 17.

¹¹ Это письмо М.А. Кузмина к Ликиардопуло, видимо, не сохранилось. Ср. дневниковую запись Кузмина от 16 сентября 1908 г. (подразумевающую, безусловно, предписание определенной линии поведения в обстоятельствах журнального противостояния): «Ауслендер мне передал корректуры, директивы Ликиардопуло <...>» [27, с. 71].

¹² Подразумевается: с «антивесовской» группой литераторов.

¹³ Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957) находился в Москве с 19 августа по 5 сентября 1908 г. (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 11).

¹⁴ Поэт, прозаик, драматург Иван Сергеевич Рукавишников (1877–1930) и его первая жена (до 1914 г.) Клавдия Владимировна Рукавишникова (урожд. Рейнберг).

¹⁵ С.А. Поляков.

¹⁶ Подразумевается № 8 (август) за 1908 г.

¹⁷ См выше, примеч. 1, а также примеч. 10 к п. 15.

¹⁸ Имеется в виду заключительный фрагмент «Огненного Ангела» («Глава XVI и последняя»), напечатанный в № 8 «Весов» за 1908 г. (С. 17–38).

¹⁹ См. п. 17, примеч. 16.

²⁰ См. примеч. 22 к п. 7.

19

<Москва. 12/25 сентября 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

И речи быть не может о каком-либо затруднении в исполнении Ваших просьб, Вы ведь знаете, как я искренно к Вам привязан, и быть Вам полезным для меня только радость.

Сообщаю последние новости. Подстрелился Н. Рябушинский, еще жив, но, говорят, умрет¹. Причина — безденежье, осталось у него только 10–12 тысяч годового дохода.

Сообщаю адреса, какие знаю:²

Бальмонт (сам уезжает на днях в Мюнхен) 60, Rue de la Tour³.

Гиль: Rue Lauriston 16 bis.⁴

Арко *нашел* 88 Boulevard de Port-Royal. «L'Abbayes» Créteil (Seine). France.

Ник<олай> Петр<ович> и Семенов⁵ еще адреса не сообщали, но Вы найдете их у M<onsieur> Roché⁶, 99 Boulevard Arago.

R. de Gourmont. 71, Rue des S'Pères Calvocoressi 164, Rue de Courcelles.

17-го чествуем 15-летие Коммиссаржевской⁷. Пошлите ей телеграмму по адресу: «Театр Эрмитаж».

18-го приезжает Мэтерлинк⁸.

Посылаю Вам «Весы» и книгу Шемшурин⁹.

Вышла новая книга Блока «Земля в снегу»¹⁰. О ней хочет написать Сережа Соловьев. Ругать не будет, но и не особенно хвалить. Отдать ему?¹¹

Вот, кажется, все. Пишите. Привет Иоанне Матвеевне.

Ваш Мих. Ликиардопуло.

P. S. Получили деньги? Посылаю 1000 фр. по телеграфу.

Датируется по почтовому штемпелю отправления.

¹ Сообщения об этом событии появились в печати 11 сентября: «...10 сентября в Москве пытался покончить жизнь самоубийством известный московский миллионер, издатель журнала “Золотое Руно” Н.П. Рябушинский. <...> Врачи надеются, что жизнь раненого будет спасена. Покушение на самоубийство произвело во всех кругах Москвы сенсацию. По поводу этого случая циркулируются всевозможные слухи» («Покушение на самоубийство Н.П. Рябушинского» // Речь. 1908. № 217. С. 3); «Московский богач и издатель одного художественного журнала, Н. П. Р., покушаясь на самоубийство, ранил себя в бок выстрелом из револьвера. <...> По словам швейцара, Н.П. был последнее время задумчив и даже, будто бы, сказал один раз: — Теперь остается одно: пустить пулю в лоб. <...> Говорят, между прочим, что его сильно угнетали неудачи по издательству. <...> Пуля застряла в левом легком» («Покушение Н. П. Р. на самоубийство» // Раннее утро. 1908. № 245. С. 3). Сводки о состоянии здоровья Рябушинского (поначалу вызывавшего серьезные опасения) появлялись затем в газетах в течение нескольких дней; наконец, 17 сентября было оповещено, что «здоровье Н.П. Рябушинского <...> поправляется» (Там же. 1908. № 250. С. 3); ср.: «Н.П. Рябушинский быстро поправляется. Врачи решили пули не извлекать. Как говорят, Н.П. твердо решил продолжать издание “Золотого Руна”» («Здоровье Н.П. Рябушинского» // Речь. 1908. № 233, 18 сентября. С. 3).

² В неизвестном нам письме Брюсов, обосновавшийся в Париже во второй половине сентября (н. ст.) 1909 г. на несколько недель, просил Ликиардопуло сообщить ему адреса ряда парижских знакомых, имевшиеся в редакции «Весов».

³ В Париже по указанному адресу К.Д. Бальмонт во время пребывания там Брюсова не объявился: прожив часть лета 1908 г. (с середины июля по 23 сентября н. ст.) в курортном городке Ла Боль (La Baule-Oeillets) в устье Луары, он отправился в Мюнхен, а затем переехал в Италию в конце октября (см. комментарий А.А. Нинова и Р.Л. Щербакова к публикации переписки Брюсова с Бальмонтом: [34, кн. 1, с. 197]).

⁴ См. примеч. 4 к п. 16. Рене Гиль был наиболее активным из французских корреспондентов «Весов», состоял с Брюсовым в постоянной переписке. См.: [43].

⁵ Н.П. Феофилактов и Михаил Николаевич Семенов (1873–1952) — литератор, издатель, переводчик; один из инициаторов издательства «Скорпион» и журнала «Весы».

⁶ Анри Пьер Роше (1879–1959) — французский журналист, драматург и сценарист; по аттестации М.Н. Семенова в мемуарах: «большой мой друг, молодой французский писатель Пьер Роше» [49, с. 248].

⁷ Чествование В.Ф. Коммиссаржевской в ознаменование 15-летия ее сценической деятельности прошло в московском театре «Эрмитаж» после представления «Дикарки» А.Н. Островского и Н.Я. Соловьева с нею в главной роли 17 сентября 1908 г. Подробное описание этой церемонии см.: [46, с. 412–414].

⁸ Приезд в Москву бельгийского поэта, драматурга, эссеиста Мориса Метерлинка (Maeterlinck; 1862–1949), ожидавшийся в связи с постановкой в Московском Художественном театре его (переведенной с рукописи) драматической феерии «Синяя Птица» (преьера — 30 сентября 1908 г.), тогда не состоялся. На генеральной репетиции спектакля публика (по инициативе С.И. Мамонтова) потребовала послать автору приветственную телеграмму: «В полном восторге от поэтического произведения, очарованные глубиной идеи и красотой спектакля, мы шлем вам, дорогой maître, от глубины души выражение нашего глубокого восхищения и благодарности за наслаждение, доставленное нам благодаря вашему гению. *Дирекция Художественного театра*» («Театр и музыка» // Русское слово. 1908. № 226, 30 сентября. С. 5); на нее был получен ответ, оглашенный во время премьерного представления «Синей Птицы»: «Мыслью и сердцем со всеми вами. Метерлинк» [14, с. 135]. 18 октября (н. ст.) Метерлинк отправил К.С. Станиславскому письмо с сожалениями, что не был вместе со всеми «в час первого сражения» за «Синюю Птицу» [14, с. 138].

⁹ См. примеч. 16 к п. 18, примеч. 5 к п. 17.

¹⁰ Имеется в виду кн.: *Блок Александр*. Земля в снегу: Третий сборник стихов. М.: Изд. журн. «Золотое Руно», 1908.

¹¹ Рецензия Сергея Соловьева на книгу «Земля в снегу» была помещена в № 10 «Весов» за 1908 г. (С. 87–91); в ней была дана умеренно критическая оценка нового сборника Блока и с похвалой отмечены «дорогие нам, забытые напевы» (С. 90) первой книги поэта «Стихи о Прекрасной Даме».

20

<Москва. Около 8/21 октября 1908 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич.

Страшно, страшно виноват перед Вами. Но совокупность целого ряда неприятных обстоятельств, личных и «деловых», так отвратительно подействовала на меня, что все не мог решиться написать Вам.

Серг<ей> Ал<ександрович> уехал за границу¹, как он уверяет, на месяц, но очевидно пробудет дольше. «Весы», по-видимому, он решил окончательно прекратить, т<ак> к<ак>, когда в «Речи» и «Утре» появились известия о слухах, что «Весы» прекращаются², и я их намерен был опровергнуть, — С.А. уговаривал (но не требовал), чтобы я не опровергал. Все-таки я их опроверг³, для чего даже пришлось в Москве обратиться к содействию генерал-губернаторской канцелярии, т<ак> к<ак> «Раннее Утро», несмотря на точную формулировку 139 статьи, 8 дней не печатало моего письма⁴. Все-таки нам необходимо позаботиться о продолжении «Весов» во что бы

то ни стало. Прекращаться сейчас нельзя. С.А. говорил мне, что он передает фирму⁵. Рябушинский выкинул штуку — он выздоровел, братья, чтобы немного рассеять слухи о денежных затруднениях⁶, потребовали, чтобы он сделал объявление о продолжении журнала⁷. И вот вышел № 7–9, с двумя очень неважными рассказами Ауслендера и Ф.Т. (Сологуба)⁸. №, к удивлению всех, не только хлопнули, но по распоряжению генерал-губернатора «Руно» прекращено навсегда и Рябушинский лишен права издавать когда-либо журнал⁸. В «Руне» опять брань по адресу Вас и «Весов» вообще⁹.

Как Вам понравились «Весы»?¹⁰ Присылайте, ради Бога, скорее материал для № 10, половина уже набрана.

Верхарну и французам гонорар послан¹¹.

Вчера должна была открыться Эстетика, но Пашуканнис забыл предупредить полицию, и запретили собрание¹². В Москве скука, а для меня еще хуже — ад какой-то. Никуда нельзя показываться и т. п.

150 р. переданы мною по назначению.

Фео¹³ уже в Москве — не выдержал Парижа. Вам, значит, надо выехать <?> числу к 20-му нашего октября. Приезжайте, тут есть серьезно о чем подумать и поговорить¹⁴.

Привет Иоанне Матвеевне. Еще раз простите мое невежливое поведение, но Вы сами знаете, как иногда бывает трудно писать и вообще что-нибудь делать.

Ваш всегда Мих. Ликиардопуло.

С.А. сделал нотариальные доверенности на мое имя на ведение дел «Скорпиона», т<ак> ч<то> с Вашим приездом можно выставить <?> Василия¹⁵.

Автограф на именной почтовой бумаге: Neglinny pr. Dom Firsanovoi, kv. 2. Moscow.

¹ С.А. Поляков выехал в Италию (Санта-Маргерита), где оставался до января 1909 г. включительно.

² Имеются в виду следующие сообщения: «Говорят о серьезной реорганизации журнала Н. Рябушинского “Золотое Руно”. Эта реорганизация находится будто бы в связи с выходом Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус и Д. Философова из состава редакции журнала “Образование”. Преобразована и расширена будет в “Золотом Руно” часть литературная и критическая. Говорят о слиянии редакций “Золотого Руна” и “Весов” и о прекращении последнего с 1909 года» (Речь. 1908. № 229, 25 сентября. С. 5); «В литературных кружках Москвы ходят слухи о прекращении с 1 января журнала “Весы”» (Раннее утро. 1908. № 259, 27 сентября. С. 4).

³ В «Речи» в рубрике «Литературная летопись» было напечатано: «Редакция журнала “Весы” просит нас сообщить, что заметка, помещенная в № 229 “Речи” о слиянии “Золотого Руна” с “Весами” и о прекращении последних с 1909 года, — лишена всякого основания. “Весы” будут выходить по-прежнему самостоятельно» (1908. № 233, 30 сентября. С. 4).

⁴ В этом Письме в редакцию (за подписью: Секретарь редакции «Весов» Мих. Ликиардопуло) заявлялось: «Приведенный в № 259 вашей газеты слух о прекращении “Весов” с 1 января 1909 г. *neveren*» (Раннее утро. 1908. № 264, 3 октября. С. 4). Отсылка к номеру статьи действовавшего Уголовного уложения у Ликиардопуло ошибочна.

⁵ Речь идет о начатом осенью 1908 г. обсуждении в редакции «Весов» дальнейшей судьбы журнала в связи с намерением Полякова снять с себя единоличную, в том числе и главным образом финансовую, ответственность за его издание. Оговаривая различные условия дальнейшего субсидирования журнала, Поляков, в частности, отмечал в письме к Брюсову от 10/23 ноября 1908 г.: «Я согласен остаться на первое время и, если это будет желательно, на весь год *номинальным* редактором-издателем для того, чтобы избежать хлопот об утверждении нового редактора и учреждении какого-то издательского “товарищества” или чего-либо подобного» ([34, кн. 2, с. 114]; publ. Н.В. Котрелева, Л.К. Кувановой и И.П. Якир). Подробно о внутриредакционных переговорах относительно условий дальнейшего издания «Весов» в конце 1908 – начале 1909 г. см. в статье К.М. Азадовского и Д.Е. Максимова «Брюсов и “Весы” (К истории издания)» [32, с. 300–307].

⁶ Н.П. Рябушинский принадлежал к семье московских предпринимателей; с 1901 г. товарищество возглавлял его старший брат Павел Павлович Рябушинский. Николай, как и его братья Дмитрий и Федор, получил свою долю наследства и предпринимательством не занимался; семейным бизнесом управляли, наряду с Павлом, другие братья — Сергей, Владимир, Степан и Михаил.

⁷ Имеется в виду следующее Письмо в редакцию:

М. г., г. редактор!

Не откажите дать место следующему опровержению. Все появившиеся за последнее время слухи, касающиеся журнала «Золотое Руно», *лишены всякого основания*. «Золотое Руно» будет издаваться по прежней программе и в будущем (1909) году; очередной номер журнала выйдет в последних числах сентября. Газеты, распространяющие тенденциозные слухи, будут привлекаемы к судебной ответственности.

Прошу другие газеты перепечатать.

Редактор-издатель «Золотого Руна»

Николай Рябушинский.

(Раннее утро. 1908. № 258, 26 сентября. С. 4). Письмо было опубликовано и в других московских газетах (см., например: Русские ведомости. 1908. № 223, 26 октября. С. 4). Еще ранее появились оповещения о предстоящем выходе очередного № 7/9 «Золотого Руна» 25 октября, о подписке на журнал на 1909 г. и о снижении подписной цены до 12 р.; также отмечалось: «...редакция просит доверять только сообщениям, исходящим непосредственно от нее» (Русское слово. 1908. № 215, 17 сентября. С. 1).

⁷ В указанном (утроенном) номере «Золотого Руна» были опубликованы рассказы прозаика, драматурга и критика Сергея Абрамовича Ауслендера (1886 или 1888–1937) «Купидонова повязка» (С. 72–78) и «День шестьдесят седьмой» Ф. Сологуба (С. 79–82. Подпись: Ф.Т.).

⁸ В действительности временный арест № 7/9 «Золотого Руна» за 1908 г. не повлек за собой прекращения журнала в административном порядке.

⁹ В № 7/9 «Золотого Руна» была помещена статья С. Городецкого «Аминь», резко критически оценивавшая идейно-эстетическую эволюцию «Весов» («Медленно, но верно, пророк стал превращаться в фокусника. Проповедуемое стало обращаться в навязываемое. <...> Со ступеньки на ступеньку святой вертеп стал просто вертепом», и т. д. — С. 107), а также содержались ответные выпады против «Весов» в связи с исключением Городецкого из состава сотрудников (см. п. 16, п. 17, примеч. 3). В рубрике «Вести отовсюду» напечатана анонимная инвектива: «Каждая

новая авантюра “Весов” заставляет думать, что журнал достиг предела литературного хулиганства и устыдится, наконец, своих “подвигов”, вспомнив о славном прошлом русского символизма. Но появляется новая книжка “Весов”, и вновь журнал вступает на скользкий путь инсинуаций. Последний “подвиг” журнала — обвинение Сергея Городецкого в “издевательствах” над “национальностями и личностью” сотрудников “Весов”, — обвинение, сформулированное в письме в редакцию газеты “Новая Русь”. Сергей Городецкий достаточно определился, как вольнолюбивый поэт, и никто, разумеется, не поверит, что он — “грекофоб” и реакционер. Характер же приемов, примененных “Весами” в литературной и идейной борьбе, достаточно выяснился. Магия “Весов” разоблачена. Ясно, что “Весы” в идейном отношении мертвое тело, около которого все молодое и сильное гибнет» (С. 124–125).

Следом за этим текстом в «Золотом Руне» было помещено Письмо в редакцию Городецкого (С. 125):

М. Г. г. редактор.

Посылая Вам статью «Глухое время», в которой предъявлены тяжкие, но справедливые обвинения «Весам», я не отказался предварительно от сотрудничества в этом органе во имя изначальной солидарности всей группы символистов.

Но подвергнувшись за свою статью остракизму (лживо мотивированному) — единственное, что не могло быть при наличии этой солидарности, — я принужден констатировать глубоко созревший раскол в этой группе и настоящим письмом прошу открыть страницы вашего журнала для окончательного отмежевания живого от мертвого и уничтожения доверия у слепых.

Примите и пр.

Сергей Городецкий.

СПб. 13 — VIII — 08.

¹⁰ Подразумевается № 8 за 1908 г.

¹¹ Речь идет о гонораре Э. Верхарну за публикацию в переводе с рукописи трагедии «Елена Спартанская» (см. примеч. 1 к п. 16) и, видимо, о гонораре Жану де Гурмону за статью «Французские романы и романисты. Письмо из Парижа» (Весы. 1908. № 7) и Рене Гилю за статью «Письма о французской поэзии. II. Стефан Малларме. Первые произведения» (Весы. 1908. № 8).

¹² Имеются в виду Общество Свободной Эстетики — литературно-художественное объединение, организованное при ближайшем участии Брюсова осенью 1906 г. (собрания проходили в помещении Московского Литературно-художественного кружка; см.: [51, с. 161–162]), и его секретарь Викентий Викентьевич Пашуканис (1879–1920), впоследствии сотрудник издательства «Мусагет» и владелец организованного на основе «Мусагета» издательства собственного имени; см.: [37].

¹³ Н.П. Феофилакт.

¹⁴ Намек на актуальную тему обсуждения дальнейших условий издания «Весов».

¹⁵ См. примеч. 22 к п. 7.

Дорогой Валерий Яковлевич.

Писал Вам дней 5–6 тому назад в Париж¹. Надеюсь, что получили. № 8 «Весов» конфискован, и С. А. привлекают по 1001 ст<атье> за стихи Сережи². Жду не дождусь «Елены». Все из-за нее стоит.³

Сообщаю новости — «Руно» не прекращено, а только конфисковано №№ 7–9.

Сегодня умер артист Ленский⁴, т<ак> ч<то> назначенные на завтра разные празднества по случаю X-летия «Худ<ожественного> Театра» отменяются. Остается только официальное чествование. От «Весов» Худ<ожественному> Театру будет адрес с подчеркиваемым безнадежности и никчемности десятилетней его деятельности. Все эти приятности будут напечатаны на пергаменте и заключены в кожаную папку и обойдется все 40 р.⁵ Так хотел С.А., который сейчас, кстати, во Флоренции. Когда же Вы вернете корректуры «Ангела»?⁶ Вас<илий> Ив<анович> вопиет и ругается.

Забыл Вас попросить достать мне, если возможно, экз<емпляр> «Синей Птицы» на французском или каком-либо другом языке, конечно, если таковые издания появились.

Жидовский перевод в «Шиповнике» ужасен⁷. Больше ни о чем не пишу, т<ак> к<ак> надеюсь, что скоро будете в Москве.

Привет Иоанне Матвеевне.

Ваш искренно Мих. Ликиардопуло.

Автограф на именной почтовой бумаге: Neglinny pr., dom Firsanovoi, kv. 2. Moscow.

Почтовые штемпели: Москва. 14. 7. 08; Bruxelles. 30. <7.> 08.

¹ Имеется в виду п. 20.

² Речь идет о цикле из семи стихотворений «Сельская цевница» Сергея Соловьева (1908. № 8. С. 7–16). Статья 1001 Уголовного уложения, согласно которой редактор-издатель журнала С.А. Поляков привлекался к судебной ответственности, налагалась за издание сочинений с целью «развращения нравов или явно противных нравственности и благопристойности». В данном случае судебного разбирательства удалось избежать.

³ Речь идет об очередной части перевода «Елены Спартанской» Верхарна, предназначавшейся для помещения в № 10 «Весов» за 1908 г. (С. 24–37).

⁴ Александр Павлович Ленский (наст. фам. Вервициотти; 1847–1908) — актер московского Малого театра с 1876 г., режиссер, педагог; скончался 13 октября. Некролог ему за подписью Ник. Попова был помещен в «Весах» (1908. № 10. С. 117).

⁵ Это событие было отмечено в «Весах» заметкой «Десятилетие Художественного театра» (1908. № 10. С. 117–118): «14-го октября текущего года Московский Художественный театр праздновал десятилетие своей деятельности. В этот день труппу и дирекцию театра торжественно чествовало несколько сот учреждений и частных лиц. В числе других приветствий представителями редакции “Весов” и “Скорпиона” гг. Андреем Белым и М. Ликиардопуло был поднесен адрес следующего содержания». В пространном поздравительном тексте, в частности, говорилось: «Дойдя до крайних пределов возможного реализма, в прекрасных постановках пьес Чехова, утончившего в своих драмах реальность до символа, Художественный Театр невольно соприкоснулся с Символизмом в Искусстве. <...> Хотя “Весы” неоднократно выступали как идейные противники методов Художественного Театра, однако мы всегда ценили и преклонялись перед энергией и беззаветной преданностью Искусству деятелей этого Театра. Мы твердо верим, что разными, быть может про-

тивоположными, путями, мы вместе стремимся, через Искусство, к одной общей цели, к Лучшему Будущему, к новым формам обновленной и свободной Жизни. И, искренне желая Московскому Художественному Театру успешной и многолетней деятельности, мы хотим надеяться, что в скором будущем пути наши сольются в единственный возможный путь Искусства — Символизм.

⁶ Имеются в виду корректуры части 2 отдельного издания «Огненного Ангела» (см. примеч. 4 к п. 15).

⁷ «Синяя Птица» Мориса Метерлинка, переведенная с рукописи З.А. Венгеровой и В.Л. Бинштоком, была опубликована в кн. 6 «Литературно-художественных альманахов издательства “Шиповник”» (СПб., 1908. С. 3–119), вышедшей в свет в октябре 1908 г.

22

<Москва. 23 августа / 5 сентября 1909 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич.

Пишу Вам несколько слов, чтобы немножко поставить Вас au courant* наших дел, если Вы еще не осведомлены кем-либо другим. Вернулся я в конце июля, все шло «более или менее» обычным порядком, пока не разыгралась история с Эллисом, ввергнувшая нас всех в уныние. Я послал Вам вырезки из газет¹. Конечно, для нас всех, знающих Эллиса, его «инцидент» не был поразительным, но дело страшно раздули. Теперь удалось кое-как его сгладить, и музей заявил, что Эллис вырезал страницы из двух книг только «по ошибке» — из двух наших изданий симфонии Белого². Мы его уговариваем, основываясь на решении Музея, привлечь газетчиков (особенно Шебуева) за клевету³. Не знаю, что выйдет, но наше положение здесь в течение 2–3 недель было ужасно. Каждого почти открыто называли вором, обобщая дело Эллиса и казус с Бальмонтом (Чуковский в «Речи» обличил Бальмонта в плагиате в статье о Уитмане, напечатанной в «Весах»)⁴. Настроение в общем отвратительное. С «Весами» печально. Прямо опустили руки.

«Ангел» выходит послезавтра⁵, экземпляры и «Весы» пришлю в Париж *poste restante*. Статью о Сецессионе и Гиля получили⁶.

Напишите несколько слов, я о Вас ничего почти не знаю с июня месяца⁷.

Ваш всегда Мих. Ликиардопуло.

Почтовая бумага издательства «Скорпион» и журнала «Весы».

Датируется по почтовому штемпелю отправления: Москва. 23. VIII. 1909. Почтовый штемпель получения: Paris. 8. <9.> 09.

¹ Эллис (наст. имя Лев Львович Кобылинский; 1879–1947) — поэт, переводчик, критик, религиозный публицист; ближайший сотрудник «Весов» в 1907–1909 г. и ав-

* В курс (франц.).

тор ряда помещенных в них резких полемических статей. В начале августа 1909 г. он был обвинен в порче книг из читального зала библиотеки Румянцевского музея, о чем было оповещено в ряде газет, после чего во множестве московских изданий появились обвинения и измышления в адрес «Герострата-декадента». Обстоятельства инцидента и реальную подоплеку его Эллис изложил в письме к Брюсову от 20 августа 1909 г. [40, с. 322–324]; см. также об этом в воспоминаниях Белого [6, с. 599–603, 951–954; 7, с. 286–292, 496–500]. Вся эта история освещена с привлечением широкого круга документальных источников в статье: [17].

² В библиотеке Румянцевского музея Эллис работал над книгой «Русские символы», в которой подробно рассматривалось творчество Белого; по оплошности он вырезал страницы из «симфонии» Белого (для включения их, как цитат, в текст готовящейся работы) не из двух собственных экземпляров (которые ему было дозволено приносить с собой), а из библиотечных; когда ему было указано на причиненный ущерб, он возместил его целыми экземплярами из редакции «Скорпиона», согласно его разъяснению в письме в редакцию «Русских Ведомостей», «через полчаса». Это письмо в редакцию, опубликованное 11 августа 1909 г., приведено в статье Е.А. Глуховской в полном объеме [17, с. 141].

³ Николай Георгиевич Шебуев (1874–1937) — прозаик, публицист, журналист. Речь идет о его статье «J'accuse! (Открытое письмо администрации Румянцевского музея)» (Столичная молва. 1909. № 71, 7 августа. С. 2), в которой Эллис аттестовался как «вор, дважды пойманный и дважды прощенный» и выдвигалось требование его «судить в окружном суде». См. текст Шебуева в полном объеме в статье: [18, с. 30–31].

⁴ В заметке из авторской рубрики «Литературные стружки» К. Чуковский рассмотрел статью К.Д. Бальмонта об американском поэте Уолте Уитмене (Whitman; 1819–1892) «Певец личности и жизни. Уольт Уитман» (Весы. 1904. № 7) в сопоставлении с книгой Джона Симондса об Уитмене (*Symonds J. A. Walt Whitman. London, 1893*). Приведя ряд параллельных цитатных примеров, Чуковский иронически заключал: «Целые фразы так и списаны с Бальмонта! Этот Симондс, оказывается, плагиатор! Странно, однако, что книжка Симондса вышла на *одиннадцать лет раньше*, чем Бальмонтova статья, и неопытный читатель, пожалуй, подумает, что плагиатор-то — Бальмонт. <...> Как жаль, что Бальмонт написал свою статью позже Симондса, иначе могло бы оказаться, что Симондс списал у Бальмонта! Нужно ли говорить, что Бальмонт нигде не единым словом о Симондсе не упоминает?» (Речь. 1909. № 210, 3 августа. С. 3).

⁵ Имеется в виду издание: *Брюсов Валерий*. Огненный Ангел. Повесть в XVI главах. 2-е изд., исправленное и дополненное примечаниями. М.: Скорпион, 1909.

⁶ Рецензии Рене Гиля на три новых французских поэтических сборника — «Зачарованный парк» Габриеля Воллана (Volland), «Как Суламифь» Ш.М. Савари (Savarit), «Зеркало» Габриеля Мурей (Mourey) — были напечатаны в № 10 «Весов» за 1908 г. (С. 110–114). Статья о Сецессионе в журнале не появилась.

⁷ В середине июля Брюсов выехал из Москвы в Ригу, затем в Берлин, Прагу, Швейцарию, в сентябре — первой половине октября 1909 г. жил в Париже.

Дорогой Валерий Яковлевич.

Не сердитесь и Вы на меня, за то, что не ответил на письма и не выслал расчета. Кассовые книги С.А. отвез к себе на дачу, и так<им> образом я не мог произвести точного расчета¹. Я ему говорил, что Вы просите произвести расчет и что Вам нужны будут деньги; т<ак>

ч<то> он на этот счет осведомлен и имеет Вас в виду. Сейчас его нет в Москве, но могу поручиться, что деньги Вы получите не позже 7-го. Если он придет завтра, то Вы их получите и раньше.

Дела наши в ужасном положении, никто не ходит, никто ничем не интересуется, никто палец о палец ударить не хочет — а мне, в конце концов, вся работа по «Весам» не по силам. №№ запаздывают потому, что никто ничего вовремя не приносит, все корректуры задерживаются, а если я начну сам корректировать и печатать — выйдет опять нарушение «конституции»². Все же кругом требуют, придираются, злятся. При таком положении дел, вряд ли и я выдержу, и тоже брошу все. Я понимаю Ваше недовольство мною, но поймите, что и у меня только человеческие силы и трудно исполнять одному работу 3 или 4 людей. И поэтому не сердитесь.

Ваш искренно

Мих. Ликиардопуло.

Почтовая бумага издательства «Скорпион» и журнала «Весы».

¹ Речь идет, по-видимому, о гонораре, который Брюсов ожидал получить у С.А. Полякова за 2-е издание «Огненного Ангела» (см. примеч. 5 к п. 22).

² Подразумеваются условия внутриредакционной деятельности «Весов», выработанные ближайшими сотрудниками (см. проект «Предполагаемая организация «Весов»», составленный Брюсовым в декабре 1905 г.: [32, с. 280–281]); ими был образован управляющий Комитет после отказа Брюсова с января 1909 г. от полномочий фактического руководителя журнала. В состав Комитета входили Поляков, Брюсов, Белый, Балтрушайтис, Ликиардопуло, С. Соловьев и Эллис, при этом Белый отвечал за теоретический, а Брюсов — за литературно-критический отдел «Весов». См.: [32, с. 305–306; 28, с. 130–131, 134].

24

<Москва. 28 апреля 1911 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич.

Посылаю Вам точное заглавие немецкого перевода «Из дневника женщины»¹:

V. Brjūssoff. Letzte Seite<n> <aus> dem Tagebuch einer Frau.
Издатели: F.E. Fehsenfeld. Freiburg i. B.<r>.

Появился перевод около 2 месяцев тому назад, т. е. в марте нов<ого> ст<илия>².

Искренно Ваш Мих. Ликиардопуло.

Автограф на именной почтовой бумаге: М.Ф. Ликиардопуло. Неглинный пр., дом Фирсановой, кв. 2.

Почтовые штемпели: Москва. 28. IV. 1911; Москва. 28. IV. 1911. Отправлено в редакцию журнала «Русская мысль».

¹ Имеется в виду повесть Брюсова «Последние страницы из дневника женщины», опубликованная в «Русской мысли» (1910. № 12. С. 3–51).

² На титульном листе упомянутой книги (Einzige autorisierte Übersetzung von Axel Lübbe) указан год издания: 1911.

25

28. Montague street. Russell Square. W<estern> C<entral>.
Лондон. 1/14. VII. 1911.

Дорогой Валерий Яковлевич.

Уж давно собирался Вам написать. Когда я был теперь в Брюсселе, на «Весеннем Салоне» был новый портрет Верхарна работы художника Albert Cels¹, быть может это Вам пригодится в иконографии для второго издания «Стихов о современности»².

Я в Лондоне уже 5 недель. Много интересных знакомств. Для «Русской Мысли» теперь есть у меня материал. Уэльс пишет новый роман «Брак», кот<орый> будет с осени (ноябрь — дек<абрь>) печататься в американском журнале, книгой же появится только осенью 1912³.

Веду здесь переговоры относительно гастролей Худ<ожественного> Театра будущей весной⁴. Если успею, пришлю Вам отсюда небольшую статью о лондонских театральные новинках, тут есть кое-что интересное, особенно новые пьесы Бернарда Шоу⁵.

Привет Иоанне Матвеевне.

Ваш искренно Мих. Ликиардопуло.

¹ Альберт Целс (1883–?) — бельгийский художник. Упомянутая художественная выставка (3-me Salon du printemps) проходила в Брюсселе в марте 1911 г.

² Имеется в виду кн.: *Верхарн Э.* Стихи о современности. В переводе Валерия Брюсова / Портрет Э. Верхарна и обложка книги работы Тео Ван-Риссельберга. М.: Скорпион, 1906. 128 с. Переиздание этого сборника не состоялось.

³ Роман Герберта Джорджа Уэллса (Wells; 1866–1946) «Брак» («Marriage», 1912) публиковался в журнале «The American Magazine» с ноября 1911 г. по октябрь 1912 г. Не получив положительного ответа от Брюсова, Ликиардопуло весной 1912 г. обратился с тем же предложением к Б.А. Садовскому, руководившему тогда непродолжительное время литературно-критическим отделом петербургского журнала «Современник»: «У меня есть новый роман Уэльса “Брак” (от “бракосочетанье”), не фантастический, из современной английской жизни. <...> Роман сейчас печатается в одном американском журнале и закончится к сентябрю. Можно начать его печатать по-русски теперь и закончить к декабрю» (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 85). «Брак» был напечатан в авторизованном переводе Ликиардопуло в «Современнике» (1912. № 7–12; заключительные фрагменты романа в № 12 — в переводе К.М. Жихаревой).

⁴ Эти гастроли не состоялись.

⁵ Ликиардопуло представил в «Русскую мысль» обзорную статью «Современный английский театр» (Русская мысль. 1911. № 11. Отд. III. С. 31–37). В нем упоминались новые пьесы Б. Шоу «Мезальянс» («Misalliance», 1910) и «Первая пьеса Фанни» («Fanny's first play», 1911); о постановке последней в новом «интимном театре» («The Little Theatre») сообщалось: «На афише вместо имени автора стоят три звездочки, хотя весь Лондон знает, что под ними подразумевается Шоу, и когда на сцене целый ряд действующих лиц, в которых каждый лондонец (хотя нет портретных гримов) узнает известных театральных критиков, поносит на чем свет стоит, довольно остроумно и метко, самого Бернарда Шоу, получается действительно эффект довольно пикантный. Во всяком случае это “Bernard Shaw at his best” (“Бернард Шоу в наилучшем виде”), как гласит на афише пьесы (строкой ниже анонимных трех звездочек) цитата из какой-то рецензии. Бернард Шоу, таким, каким он давно не был» (С. 36–37).

26

<Около 8/21 июля 1912 г.>

8. Montague street. Russell Square.
London. W<estern> C<entral>.

Дорогой Валерий Яковлевич.

Очень жалею, что не удалось повидаться перед отъездом¹. Как Ваше здоровье?

Я уже здесь около 3 недель. Много новых интересных знакомств. Только что прогостил три дня у Уэллса², много бываю с сыновьями Уайльда³, попал в 2–3 очень интересных здесь литературных кружка; много материала и впечатлений, часть которых надеюсь использовать для «Русской Мысли».

Понравился Вам рассказ «Чудо Стигмат» и какова его судьба?⁴ Получили ли Вы другой греческий рассказ от Н.А. Боженова⁵, которому я оставил его в «Скорпионе»?

Если нужны еще рассказы, напишите, пришлю отсюда, есть несколько вещей в рукописи.

Если Вас не затруднит, исполните, очень прошу Вас, следующую мою просьбу: я Рансому обещал дать перевод его рассказа (я с ним виделся и сговорился окончательно относительно корреспонденций для Русской Мысли)⁶, и мне хотелось бы, чтобы контора «Русской Мысли» прислала мне экземпляр по вышеуказанному лондонскому моему адресу. Стоимость книги и пересылку, если нужно, пусть вычтут из будущего моего гонорара.

Буду очень Вам признателен.

Привет Иоанне Матвеевне.

Нет ли каких-либо поручений в Лондоне?

Ваш всегда Мих. Ликиардопуло.

P. S. Фамилия моя по-английски пишется — M. Lykiardopulos.

Датируется по почтовому штемпелю получения: Москва. 12. 7. 12. Лондонский почтовый штемпель неразборчив.

¹ Подразумевается отъезд в Лондон из Москвы в середине июня ст. ст. 1912 г. Ср. сообщение в письме Ликиардопуло к В.Г. Черткову от 12 августа 1912 г.: «...я только вчера вернулся из Англии, где проводил лето» (РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 1896).

² Приезду Ликиардопуло в дом к Уэллсу предшествовали два его недатированных письма — к самому писателю (с выражением намерения написать о нем статью для «русского иллюстрированного еженедельника») и к его жене Марджори (с благодарностью за приглашение приехать); см.: [26, с. 74]. 7/20 сентября 1912 г. Ликиардопуло писал М. Уэллс из Москвы: «...часто вспоминаю об очаровательном дне, проведенном с Вами и г-ном Уэллсом в Вашем доме в Истон Лодж <...> поездка в Истон Лодж навсегда сохранится в моей памяти как один из лучших дней моей жизни» [26, с. 75].

³ Сыновья Оскара Уайльда — Сирил Холланд (Holland; 1885–1915; погиб во время Первой мировой войны) и Вивиан Холланд (1886–1967); их мать, Констанс Мэри Уайльд (в девичестве Ллойд; 1858–1898), в 1895 г. сменила фамилию на Холланд.

⁴ Рассказ английского журналиста, прозаика, издателя Фрэнка Харриса (Harris; 1856–1931), предложенный Ликиардопуло (в своем переводе) «Русской Мысли», не был принят к печати (в реестре поступивших в редакцию рукописей за август 1912 г. зафиксировано: «М. Ликиардопуло “Чудо стигмат” *Фр. Харриса* (с английского)» (возвр<ащено>)); «Выслано В.Я. Брюсову IX. 912» (ИРЛИ. Ф. 264. Ед. хр. 40. Л. 86). Весной 1912 г. Ликиардопуло предлагал напечатать тот же рассказ в «Современнике». «...На днях пришло очень интересный рассказ Франка Гарриса, — уведомлял он Б. Садовского в недатированном письме. — Тема его, правда, заимствована у Уайльда — это тема одного из тех рассказов, кот<орые> он рассказывал, но никогда не написал». Высылая Садовскому перевод этого рассказа, он отмечал в сопроводительном письме: «Рассказ *необычайно* интересный, а в цензурном отношении, я думаю, пройдет. <...> Гаррис интересный очень писатель, совсем еще не использованный в России. <...> У него есть еще несколько очень недурных вещей» (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 85). Этот перевод Ликиардопуло остался неопубликованным.

⁵ Неустановленное лицо; возможно, имеется в виду Николай Николаевич Баженов (1857–1928), психиатр и общественный деятель, заведующий Преображенской больницей, профессор Московского университета; участник заседаний Московского Литературно-художественного кружка.

⁶ Артур Мичелл Рансом (Ransome; 1884–1967) — английский журналист и прозаик; автор книги об О. Уайльде (1912). Как английский обозреватель и корреспондент в «Русской Мысли» не участвовал, однако в этом журнале был опубликован его рассказ «Маленькие серебряные змейки» в переводе Ликиардопуло (1912. № 6. Отд. I. С. 51–66). В Каталоге книгоиздательства «Скорпион» за 1912 г. анонсировалось издание: «*Артур Рансом* <так!>. Оскар Уайльд. Характеристика. Авторизованный перевод с рукописи М. Ликиардопуло. С предисловием для русского издания Роберта Росса и с неизданным портретом О. Уайльда. (Готовится)».

Лондон. 8 дек<абря> 1923 г.

Дорогой Валерий Яковлевич.

В московских газетах прочитал о предстоящем 14-го с<его> м<есяца> чествовании Вашем по поводу 50-летия со дня Вашего рождения¹. Позвольте и мне с чужбины, «с того берега»² присоединиться хотя бы этими несколькими строками к многочисленным

поздравлениям, кот<орые> Вы в этот день получите, и выразить Вам свое неизменное уважение и преклонение перед Вашим талантом.

Нужно ли повторять, что те годы, уже около 20 лет тому назад, которые я имел честь и удовольствие провести в сотрудничестве с Вами в «Весакх» и «Скорпионе», остались среди самых приятных и ярких в моей жизни, и я сегодня в чужих краях, оторванный навсегда от России, часто их вспоминаю с нежностью и любовью.

Простите мой ужасный почерк, дорогой Валерий Яковлевич, но теперь так редко приходится мне писать по-русски, что я почти научился. Всего, всего лучшего, дорогой Валерий Яковлевич, и чтобы 75-летие встретило Вас таким же бодрым, ярким и вечно-юным в Вашем творчестве. Каковы Вы и сегодня, судя по последним сборникам Ваших стихов, которые занимают почетное место в моей лондонской библиотеке русских книг.

О себе лишь два слова — я окончательно обангличился, в этом году принимаю английское подданство, работаю в английской консервативной газете³, служу в английском правительственном учреждении, устроился очень хорошо и собираюсь конец своих дней коротать в Англии.

За русской литературой слежу внимательно, получаю почти все выходящие в России книги по литературе и искусству, все журналы, т<ак> ч<то> в курсе всего.

Если когда-нибудь будет досуг и вспомните меня, напишите хоть несколько строк, буду очень рад и счастлив. Привет Иоанне Матвеевне.

Еще раз — поздравляю искренно и от души и желаю всего, всего лучшего.

Ваш Мих. Ликиардопуло.

Автограф на почтовой бумаге с адресом: 33, Marsham Street, Westminster, S. W. 1.

¹ 50 лет со дня рождения Брюсова исполнялось 1/13 декабря 1923 г. Торжественное юбилейное заседание состоялось в Российской Академии художественных наук 16 декабря под председательством А.В. Луначарского; юбилейное чествование прошло также 17 декабря в Государственном Большом театре (см.: Валерию Брюсову (1873–1923): Сборник, посвященный 50-летию со дня рождения поэта / под ред. П. Когана. М.: КУБС ВЛХИ им. Валерия Брюсова, 1924. 91 с.; [5, с. 596–608]). См. также ходатайство Луначарского (не удовлетворенное) о награждении Брюсова орденом Трудового Красного Знамени (13 декабря 1923 г.), направленное в Президиум ЦИК: [31, с. 262–263]; публ. Л.М. Хлебникова.

² «С того берега» — публицистическая книга А.И. Герцена (1853).

³ Обосновавшись на постоянное жительство в Лондоне в 1920 г., Ликиардопуло стал постоянным сотрудником «Morning Post».

Литература

1. *Азадовский К.М.* Максимилиан Шик и его письма из Германии (1903–1907) // Азадовский К.М. Сюжеты и судьбы: Немецко-русские отражения. М.: Литфакт, 2019. С. 140–167.
2. *Азадовский К.М.* Рильке и Россия: Статьи и публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 419 с.
3. *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 257–324.
4. *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2012. Т. 5. 796 с.
5. *Ашукин Н.С., Щербаков Р.Л.* Брюсов. М.: Молодая гвардия, 2006. 689 с.
6. *Белый А.* Начало века. Берлинская редакция (1923) / изд. подгот. А.В. Лавров. СПб.: Наука, 2014. 1063 с.
7. *Белый А.* Собр. соч.: [Т. 13] Между двух революций / под ред. А.В. Лаврова. М.: Дмитрий Сечин, 2018. 574 с.
8. *Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 2010. Т. 8. 602 с.
9. *Богомолов Н.А.* Вокруг «серебряного века»: статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 708 с.
10. *Богомолов Н.А.* От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 623 с.
11. *Брюсов В.* Дневники. 1891–1910 / пригот. к печ. И.М. Брюсова; примеч. Н.С. Ашукина. <М.>: М. и С. Сабашниковы, 1927. 211 с.
12. Валерий Брюсов — Нина Петровская. Переписка. 1904–1913 / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 771 с.
13. Вера Федоровна Комиссаржевская: Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы. Л.; М.: Искусство, 1964. 423 с.
14. *Виноградская И.* Жизнь и творчество К.С. Станиславского. Летопись. М.: Всерос. театр. о-во, 1971. Т. 2: 1906–1915. 511 с.
15. Вячеслав Иванов и Валерий Брюсов. Неизданная переписка / публ. А.Л. Соболева // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. II. СПб.: Пушкинский дом, 2016. С. 277–385.
16. *Глухова Е.* Андрей Белый и переводы Эллиса из Верхарна // Литературный факт. 2017. № 4. С. 208–224. DOI: 10.22455/2541-8297-2017-4-208-224
17. *Глуховская Е.А.* Инцидент с Эллисом в контексте русского символизма: к истории одного (около)литературного скандала // Русская литература. 2012. № 1. С. 137–148.
18. *Глуховская Е.* Сенсация и клевета. Газетные нападки на Эллиса летом 1909 года // Русский модернизм и его наследие. Коллективная монография в честь 70-летия Н.А. Богомолова / под ред. А.Ю. Сергеевой-Клятис, М.Ю. Эдельштейна. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 24–35.
19. *Голлербах Е.* Хлеб да соль. Из истории российского германофильства: Петербургское издательство «Пантеон» в преддверии Первой мировой войны. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2016. 512 с.
20. *Гюнтер И. фон.* Жизнь на восточном ветру. Между Петербургом и Мюнхеном / пер. с нем., предисл., коммент. Ю. Архипова. М.: Молодая гвардия, 2010. 488 с.

21. *Дьяконов (Ставрогин) А.* Александр Блок в Театре Комиссаржевской // О Комиссаржевской. Забытое и новое: Воспоминания. Статьи. Письма. М.: Всерос. театр. о-во, 1965. С. 81–116.
22. *Ермаков А.Ф.* «Образование» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Большевицкие и общедемократические издания. М.: Наука, 1984. С. 83–117.
23. *Ерофеев И.Ю.* Литературное наследие О. Уайльда в журнале «Весы» и роль М.Ф. Ликиардопуло в его освоении // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 2 (10). С. 200–203.
24. *Ильёв С.* Валерий Брюсов и Уильям Морфилл // В. Брюсов и литература конца XIX – XX века. Ставрополь: Ставропольская правда, 1979. С. 90–106.
25. Иоганнес фон Гюнтер и его «Воспоминания» / статья, публ., примеч. и пер. К.М. Аздовского // Литературное наследство. М.: Наука, 1993. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 5. С. 330–361.
26. *Ковалев Ю.В.* Русский переводчик Герберта Уэллса (Михаил Ликиардопуло) // Советские архивы. 1967. № 1. С. 73–80.
27. *Кузмин М.* Дневник 1908–1915 / предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 862 с.
28. *Лавров А.В., Максимов Д.Е.* «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1984. С. 65–136.
29. *Лавров А.В.* Русские символисты: Этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 631 с.
30. Ликиардопуло М.Ф. Письма М.А. Кузмину / публ., подгот. текста, предисл. и примеч. Н.А. Богомолова // De visu. 1993. № 5 (6). С. 5–11.
31. Литературное наследство. М.: Наука, 1970. Т. 82: А.В. Луначарский. Неизданные материалы. 672 с.
32. Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. 854 с.
33. Литературное наследство. М.: Наука, 1980–1993. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1–5.
34. Литературное наследство. М.: Наука, 1991–1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1–2.
35. Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. 488 с.
36. *Локс К.* Повесть об одном десятилетии (1907–1917) / публ. Е.В. Пастернак и К.М. Поливанова // Минувшее: Исторический альманах. 15. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 7–162.
37. *Николаев А.Р.* Викентий Пашуканис — «заведующий коммерческой частью» издательства «Мусагет» // Книгоиздательство «Мусагет». История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы. М.: РГГУ, 2014. С. 178–185.
38. *Павлова Т.В.* Оскар Уайльд в русской литературе (конец XIX – начало XX в.) // На рубеже XIX и XX веков. Из истории международных связей русской литературы: Сб. научных трудов. Л.: Наука, 1991. С. 77–128.
39. *Пастернак Л.* Заметки об искусстве. Переписка. М.: Азбуковник, 2013. 799 с.
40. Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 511 с.
41. Письма Р. Вальтера Блоку / публ. В.В. Дудкина // Литературное наследство. М.: Наука, 1993. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 5. С. 305–308.

42. *Поляков Ф.* Автографы символистского круга в архиве Рейнгольда фон Вальтера (I) // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 574–582.

43. Рене Гиль — Валерий Брюсов. Переписка. 1904–1915 / публ., вступ. ст. и коммент. Р. Дубровкина. СПб.: Акад. проект, 2005. 510 с.

44. *Ромайкина Ю.С.* Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник» (1907–1917): тип издания, интегрирующий контекст. Саратов: Саратовский источник, 2018. 243 с.

45. Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С.А. Венгерова: Аннотированный указатель: в 2 т. / под ред. В.А. Мыслякова. СПб.: Наука, 2001. Т. 1: А–Л. 639 с.

46. *Рыбакова Ю.П.* В.Ф. Комиссаржевская. Летопись жизни и творчества. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 1994. 520 с.

47. *Садовской Б.А.* «Весы» (Воспоминания сотрудника) / публ. Р.Л. Щербакова // Минувшее: Исторический альманах. 13. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 7–53.

48. *Садовской Б.* Записки (1881–1916) / публ. С.В. Шумихина // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. I. М.: ТРИТЭ, 1991. С. 106–183.

49. *Семенов М.Н.* Вакх и Сирены / сост., подгот. текста В.И. Кейдана. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 680 с.

50. *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. II. М.: Трутень, 2013. 441 с.

51. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: словарь. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 440 с.

52. *Guenther J. von.* Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München: Erinnerungen. München, 1969. 499 S.

53. *Nilsson N.Å.* Eight Letters from Valerij Brjusov to Alfred Jensen // Studia Slavica Gunnaro Gunnarsson sexagenario dedicata. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia. 1). Göteborg; Stockholm; Uppsala, 1960. P. 7–81.

Research Article and Publication of Archival Documents

“As Bryusov’s Equal”: M.F. Likiardopulo’s Letters to V.Ya. Bryusov

© 2021, Alexander V. Lavrov

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

Abstract: The publication is dedicated to Mikhail Likiardopulo’s place in the literary life of the 1900–1910s and his relationship with Valery Bryusov. An active journalist, translator of new English prose (Oscar Wilde, H.G. Wells), from 1906 Likiardopulo worked as a secretary of the Symbolist magazine “Vesy” (1904–1909), the actual editor of which was Bryusov. A significant part of Likiardopulo’s letters, informing the correspondent “about political and literary events”, is devoted to the literary spite of the day and makes it possible to perceive the behind-the-scenes

side of events and phenomena reflected on the pages of the capital's magazines and newspapers. In 1917 he left for the diplomatic service abroad; the last of the published letters (1923) was sent by him from England, where Likiardopulo died in 1925. The published texts are provided with a detailed historical and literary commentary.

Keywords: correspondence of writers, M. Likiardopulo, V. Bryusov, literature of modernism, magazine “Libra”, publications of the Symbolists, periodicals, archival materials.

Information about the author: Alexander V. Lavrov, DSc in Philology, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of Research, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia. Author ID SCOPUS: 56735870700. E-mail: pavlova.lavrov@gmail.com.

For citation: Lavrov, A.V. “As Bryusov’s Equal”: M.F. Likiardopulo’s Letters to V.Ya. Bryusov.” *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 3 (21), pp. 48–107. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-48-107>

References

1. Azadovskii, K.M. “Maksimilian Shik i ego pis'ma iz Germanii (1903–1907)” [“Maximilian Schick and His Letters from Germany (1903–1907)”]. Azadovskii, K.M. *Siuzhety i sud'by: Nemetsko-russkie otrazheniia* [Stories and Destinies: German-Russian Reflections]. Moscow, Litfakt Publ., 2019. pp. 140–167. (In Russ.)
2. Azadovskii K.M. *Ril'ke i Rossiia: Stat'i i publikatsii* [Rilke and Russia: Articles and Publications]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 419 p. (In Russ.)
3. Azadovskii, K.M., Maksimov, D.E. “Briusov i ‘Vesy’ (K istorii izdaniia)” [“Bryusov and ‘Vesy’ (On the Publication History)”]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 85: Valerii Briusov [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976. pp. 257–324. (In Russ.)
4. Andreev, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 t.* [Complete Works and Letters: in 23 vols.], vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 2012. 796 p. (In Russ.)
5. Ashukin, N.S., Shcherbakov, R.L. *Briusov* [Bryusov]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006. 689 p. (In Russ.)
6. Bely, A. *Nachalo veka. Berlinskaia redaktsiia (1923)* [Beginning of the Century. Berlin Version (1923)], prep. by A.V. Lavrov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. 1063 p. (In Russ.)
7. Bely, A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 13: Mezhdru dvukh revoliutsii [Between Two Revolutions], ed. by A.V. Lavrov. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2018. 574 p. (In Russ.)
8. Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols.], vol. 8. Moscow, Nauka Publ., 2010. 602 p. (In Russ.)
9. Bogomolov, N.A. *Vokrug “serebriianogo veka”: stat'i i materialy* [Around the “Silver Age”: Articles and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 708 p. (In Russ.)
10. Bogomolov, N.A. *Ot Pushkina do Kibirova: Stat'i o russkoi literature, preimushchestvenno o poezii* [From Pushkin to Kibirov: Articles on Russian Literature, Mainly Poetry]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 623 p. (In Russ.)
11. Briusov, V. *Dnevnik. 1891–1910* [Diaries. 1891–1910], prep. by I.M. Briusova, notes by N.S. Ashukin. Moscow, M. i S. Sabashnikovy Publ., 1927. 211 p. (In Russ.)

12. *Valerii Briusov — Nina Petrovskaiia. Perepiska. 1904–1913* [Valery Bryusov — Nina Petrovskaya. Correspondence. 1904–1913], introd., text prep. and comm. by N.A. Bogomolov and A.V. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 771 p. (In Russ.)

13. *Vera Fedorovna Komissarzhevskaiia: Pis'ma aktrisy. Vospominaniia o nei. Materialy* [Vera Fedorovna Komissarzhevskaya: Letters of an Actress. Memoirs of Her. Materials]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo Publ., 1964. 423 p. (In Russ.)

14. Vinogradskaiia, I. *Zhizn' i tvorchestvo K. S. Stanislavskogo. Letopis'* [Life and Work of K.S. Stanislavsky. Chronicle], vol. 2: 1906–1915. Moscow, Vserossiiskoe teatral'noe obshchestvo Publ., 1971. 511 p. (In Russ.)

15. “Viacheslav Ivanov i Valerii Briusov. Neizdannaiia perepiska” [“Vyacheslav Ivanov and Valery Bryusov. Unpublished Correspondence”], publ. by A.L. Sobolev. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Studies and Materials], issue 2. St. Petersburg, Pushkinskii dom Publ., 2016, pp. 277–385. (In Russ.)

16. Glukhova, E. “Andrei Bely i perevody Ellisa iz Verkharna” [“Andrei Bely and Ellis’s Translations from Verhaeren”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4, 2017, pp. 208–224. DOI: 10.22455/2541-8297-2017-4-208-224 (In Russ.)

17. Glukhovskaiia, E.A. “Intsident s Ellisom v kontekste russkogo simvolizma: k istorii odnogo (okolo)literaturnogo skandala” [“The Incident with Ellis in the Context of Russian Symbolism: On the History of a (Near)Literary Scandal”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2012, pp. 137–148. (In Russ.)

18. Glukhovskaiia, E. “Sensatsiia i kleveta. Gazetnye napadki na Ellisa letom 1909 goda” [“Sensation and Slander. Newspaper Attacks on Ellis in the Summer of 1909”]. *Russkii modernizm i ego nasledie. Kollektivnaia monografiia v chest' 70-letiiia N.A. Bogomolova* [Russian Modernism and Its Heritage. Collective Monograph to the 70th Anniversary of N.A. Bogomolov], ed. by A.Yu. Sergeeva-Kliatis, M.Yu. Edelstein. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 24–35. (In Russ.)

19. Gollerbakh, E. *Khleb da sol'. Iz istorii rossiiskogo germanofil'stva: Peterburgskoe izdatel'stvo “Panteon” v preddverii Pervoi mirovoi voiny* [Bread and Salt. From the History of Russian Germanophilism: St. Petersburg Publishing House “Pantheon” on the Eve of the First World War]. St. Petersburg, Izdatel'stvo im. N.I. Novikova Publ., 2016. 512 p. (In Russ.)

20. Guenther, J. von. *Zhizn' na vostochnom vetru. Mezhdou Peterburgom i Miunkhenom* [Life in the East Wind. Between St. Petersburg and Munich], trans. from German., introd., comm. by Yu. Arkhipov. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2010. 488 p. (In Russ.)

21. D'iakonov (Stavrogin), A. “Aleksandr Blok v Teatre Komissarzhevskoi” [“Alexander Blok in Komissarzhevskaya’s Theatre”]. *O Komissarzhevskoi. Zabytoe i novoe: Vospominaniia. Stat'i. Pis'ma* [About Komissarzhevskaya. Forgotten and New: Memoirs. Articles. Letters]. Moscow, Vserossiiskoe teatral'noe obshchestvo Publ., 1965, pp. 81–116. (In Russ.)

22. Ermakov, A.F. “‘Obrazovanie.’” [“‘Obrazovanie.’”]. *Russkaia literatura i zhurnalistika nachala XX veka. 1905–1917. Bol'shevistskie i obshchedemokraticheskie izdaniia* [Russian Literature and Journalism of the Early 20th Century. 1905–1917. Bolshevik and General Democratic Editions]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 83–117. (In Russ.)

23. Erofeev, I.Iu. “Literaturnoe nasledie O. Uai'l'da v zhurnale ‘Vesy’ i rol' M.F. Likiardopulo v ego osvoenii” [“O. Wilde’s Literary Heritage in the Journal ‘Vesy’ and M.F. Likiardopulo’s Role in Its Acquisition”]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniia*, no. 2 (10), 2012, pp. 200–203. (In Russ.)

24. Il'ev, S. “Valerii Briusov i Uuil'iam Morfill” [“Valery Bryusov and William Morfill”]. *V. Briusov i literatura kontsa XIX–XX veka* [V. Bryusov and Literature of the Late 19–20 Centuries]. Stavropol, Stavropol'skaia pravda Publ., 1979, pp. 90–106. (In Russ.)

25. “Iogannes fon Giunter i ego ‘Vospominaniia’.” [“Johannes von Guenther and his ‘Memoirs’.”], article, publ., notes and transl. by K.M. Azadovsky. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92: Aleksandr Blok. *Novye materialy i issledovaniia [Alexander Blok. New Materials and Studies]*, book 5. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 330–361. (In Russ.)
26. Kovalev, Iu. V. “Russkii perevodchik Gerberta Uellsa (Mikhail Likiardopulo)” [“Russian Translator of H.G. Wells (Mikhail Likiardopulo)”]. *Sovetskie arkhivy*, no. 1, 1967, pp. 73–80. (In Russ.)
27. Kuzmin, M. *Dnevnik 1908–1915 [Diary 1908–1915]*, introd., text prep. and comm. by N.A. Bogomolov and S.V. Shumikhin. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2005. 862 p. (In Russ.)
28. Lavrov, A.V., Maksimov, D.E. “‘Vesy’.” [“‘Vesy’.”]. *Russkaia literatura i zhurnalistika nachala XX veka. 1905–1917. Burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniia [Russian Literature and Journalism of the Early 20th Century. 1905–1917. Bourgeois Liberal and Modernist Editions]*. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 65–136. (In Russ.)
29. Lavrov, A.V. *Russkie simvolisty: Etiudy i razyskaniia [Russian Symbolists: Studies and Discoveries]*. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2007. 631 p. (In Russ.)
30. Likiardopulo, M.F. “Pis'ma M.A. Kuzminu” [“Letters to M.A. Kuzmin”], publ., text prep., introd. and notes by N.A. Bogomolov. *De visu*, no. 5 (6), 1993, pp. 5–11. (In Russ.)
31. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 82: A.V. Lunacharskii. *Neizdannye materialy [A.V. Lunacharsky. Unpublished Materials]*. Moscow, Nauka Publ., 1970. 672 p. (In Russ.)
32. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*. vol. 85: Valerii Briusov [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 854 p. (In Russ.)
33. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92: Aleksandr Blok. *Novye materialy i issledovaniia [Alexander Blok. New Materials and Studies]*, book 1–5. Moscow, Nauka Publ., 1980–1993. (In Russ.)
34. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 98: Valerii Briusov i ego korrespondenty [Valery Bryusov and His Correspondents], book 1–2. Moscow, Nauka Publ., 1991–1994. (In Russ.)
35. *Literaturnyi arkhiv. Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniia [Literary Archive. Materials on the History of Literature and Social Movement]*, vol. 1. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1938. 488 p. (In Russ.)
36. Loks, K. “Povest' ob odnom desiatiletii (1907–1917)” [“A Tale of a Decade (1907–1917)”], publ. by E.V. Pasternak and K.M. Polivanov. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh [The Past: Historical Almanac]*, issue 15. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1994, pp. 7–162. (In Russ.)
37. Nikolaev, A.R. “Vikentii Pashukanis — ‘zaveduiushchii kommercheskoi chast'iu’ izdatel'stva ‘Musaget’.” [“Vikentii Pashukanis, ‘Head of the Commercial Department’ of the Musaget Publishing House”]. *Knigoizdatel'stvo “Musaget”. Istoriia. Mify. Rezul'taty: Issledovaniia i materialy [Musaget Publishing House. History. Myths. Results: Studies and Materials]*. Moscow, RGGU Publ., 2014, pp. 178–185. (In Russ.)
38. Pavlova, T.V. “Oskar Uail'd v russkoi literature (konets XIX – nachalo XX v.)” [“Oscar Wilde in Russian Literature (Late 19th – Early 20th Century)”]. *Na rubezhe XIX i XX vekov. Iz istorii mezhdunarodnykh svyazei russkoi literatury: Sbornik nauchnykh trudov [At the Turn of the 20th Century. From the History of International Relations of Russian Literature: Collection of Scientific Papers]*. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 77–128. (In Russ.)
39. Pasternak L. *Zametki ob iskusstve. Perepiska [Notes on Art. Correspondence]*. Moscow, Azbukovnik Publ., 2013. 799 p. (In Russ.)
40. *Pisateli simvolistskogo kruga: Nove materialy [Writers of the Symbolist Circle: New Materials]*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 511 p. (In Russ.)

41. “Pis'ma R. Val'tera Bloku” [“R. Walter’s Letters to Blok”], publ. by V.V. Dudkin. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92: Aleksandr Blok. *Novye materialy i issledovaniia [Alexander Blok. New Materials and Studies]*, book 5. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 305–308. (In Russ.)

42. Poliakov, F. “Avtografy simvolistskogo kruga v arkhive Reingol'da fon Val'tera (I)” [“Autographs of the Symbolist Circle in Reinhold von Walter Collection (I)”]. *Na rubezhe dvukh stoletii: Sb. v chest' 60-letiiia A.V. Lavrova [At the Turn of the Century: A Collection to the 60th Anniversary of A.V. Lavrov]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 574–582. (In Russ.)

43. *Rene Gil' — Valerii Briusov. Peregiska. 1904–1915 [René Ghil — Valery Bryusov. Correspondence. 1904–1915]*, publ., introd. and comm. by R. Dubrovkin. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2005. 510 p. (In Russ.)

44. Romaikina, Iu.S. *Literaturno-khudozhestvennyi al'manakh izdatel'stva “Shipovnik” (1907–1917): tip izdaniia, integrirovushchii kontekst [Literary and Artistic Almanac of the Publishing House “Shipovnik” (1907–1917): Type of Edition, Integrating Context]*. Saratov, Saratovskii istochnik Publ., 2018. 243 p. (In Russ.)

45. Mysliakov, V.A., editor. *Russkaia intelligentsiia. Avtobiografii i biobibliograficheskie dokumenty v sobranii S.A. Vengerova: Annotirovannyi ukazatel': v 2 t. [Russian intelligentsia. Autobiographies and Biobibliographic Documents in S.A. Vengerov Collection: Annotated Index: in 2 vols.]*, vol. 1: A–L. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 639 p. (In Russ.)

46. Rybakova, Iu.P. V.F. *Komissarzhevskaiia. Letopis' zhizni i tvorchestva [Komissarzhevskaya. Chronicle of Life and Work]*. St. Petersburg, Rossiiskii institut istorii iskusstv Publ., 1994. 520 p. (In Russ.)

47. Sadovskoi, B.A. “Vesy' (Vospominaniia sotrudnika)” [“Vesy' (Memoirs of an Employee)”], publ. by R.L. Shcherbakov. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh [The Past: Historical Almanac]*, issue 13. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 7–53. (In Russ.)

48. Sadovskoi, B. “Zapiski (1881–1916)” [“Notes (1881–1916)”], publ. by S.V. Shumikhin. *Rossiiskii arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. [Russian Archives: History of the Fatherland in Evidence and Documents of the 18th–20th Centuries]*, issue I. Moscow, TRITE Publ., 1991, pp. 106–183. (In Russ.)

49. Semenov, M.N. *Vakhh i Sireny [Bacchus and the Sirens]*, comp., text prep. by V.I. Keidan. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 680 p. (In Russ.)

50. Sobolev, A.L. *Leteiskaia biblioteka [Lethan Library]*, vol. 2. Moscow, Truten' Publ., 2013. 441 p. (In Russ.)

51. Schrub, M. *Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: slovar' [Literary Associations of Moscow and St. Petersburg in 1890–1917: Dictionary]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 440 p. (In Russ.)

52. Guenther, J. von. *Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München: Erinnerungen*. München, 1969. 499 S. (In German)

53. Nilsson, N.Å. “Eight Letters from Valerij Brjusov to Alfred Jensen”. *Studia Slavica Gunnaro Gunnarsson sexagenario dedicata*. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia. 1). Göteborg, Stockholm, Uppsala, 1960, pp. 7–81. (In English)

Статья поступила в редакцию: 18.04.2021

Одобрена после рецензирования: 05.05.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 18.04.2021

Approved after reviewing: 05.05.2021

Date of publication: 25.09.2021

Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «Северный вестник» Статья вторая

© 2021, М.М. Павлова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Приложение: Л.Я. Гуревич. Письмо Я.Г. Гуревичу
Публикация А.Л. Соболева

Аннотация: Исключительное значение для раннего этапа русского символизма имел журнал «Северный вестник», вокруг которого в последние годы XIX в. группировались относительно молодые петербургские писатели — А. Волынский, Н. Минский, Д. Мережковский и З. Гиппиус, Ф. Сологуб. Данная статья продолжает начатую ранее публикацию новых материалов из архива издательницы (с 1891 г.) «Северного вестника», Любови Гуревич. Представлены два документа из фондов РГАЛИ и Рукописного отдела ИРЛИ РАН — «Милые воспоминания» и записка о реорганизации журнала (1897–1898). Они являются своеобразной фактографической основой и дополнением к ее очерку «Символизм 90-х гг. и журнал “Северный вестник”» (напечатан в статье первой: Литературный факт. 2021. № 1 (19)). Гуревич рассказывает о материальных, цензурных, организационных трудностях ведения журнала, о непростых отношениях в кружке его авторов и редакторов. В приложении помещено письмо 1891 г. Л.Я. Гуревич к отцу с признанием, что «больше всего на свете» ее влечет журналистика и литературная работа, и просьбой помочь деньгами, чтобы выкупить терпящий крах журнал и самой стать издательницей «Северного вестника». Вводимые в научный оборот документы позволяют расширить круг источников для изучения истории журналистики и раннего русского модернизма.

Ключевые слова: журнал «Северный вестник», Л.Я. Гуревич, русская литература рубежа XIX–XX вв., воспоминания писателей, архивные материалы.

Информация об авторе: Маргарита Михайловна Павлова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0500-6113>. E-mail: mmpavlova@gmail.com.

Для цитирования: Павлова М.М. Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья вторая // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 108–154. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-108-154>

Данная публикация является продолжением работы, начатой совместно с Н.А. Богомоловым. См.: [9].

«Милые воспоминания» (1898) принадлежат к обширному корпусу неизданных мемуарных и дневниковых текстов Л.Я. Гуревич 1880–1890-х гг.¹ (свое название тетрадь получила по золоченому оттиску на кожаном переплете: “Liebe Erinnerungen”). По содержанию и эмоциональному напряжению этот текст мало отличается от аналогичных, по большей части отрывочных, спонтанных мемуарных записей, рассыпанных в ее ранних дневниках и интимных письмах. Все они прямо или опосредованно соотносятся с центральным сюжетом ранней биографии автора — изданием «Северного вестника» (1891–1898), предпринятым совместно с А.Л. Волыньским, и уже по этой причине заслуживают внимания.

Особая ценность «Милых воспоминаний» видится в том, что они позволяют взглянуть на хорошо известные историкам литературы события с непривычного ракурса, изменить исследовательскую оптику, сложившуюся в классических трудах Д.Е. Максимова и П.В. Куприяновского, — в новом освещении представить фигуру Л.Я. Гуревич, долгое время остававшуюся в тени ее ближайших соратников.

Эстетические взгляды и литературные приоритеты юной, едва оперившейся издательницы «Северного вестника» (в год покупки журнала на паях ей было 23 года) складывались под влиянием ее старших друзей — Н.М. Минского² и А.Л. Волыньского, с которыми она познакомилась и сблизилась в 1887 г. в салоне А.А. Давыдовой. Именно Волыньский сформировал ее отношение к Н.К. Михайловскому и либерально-народнической критике, с одной стороны, с другой — интерес к новым течениям современной литературы и ее творцам (русским Modernen, как она их называла: [11]).

Став полноправной издательницей «Северного вестника», Гуревич предоставила журнал символистам, однако держалась с ними отстраненно и настороженно, по существу оставаясь их внутренним оппонентом в сфере художественных исканий, нередко осуждая за

¹ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 27–32.

² В конце 1880-х гг. Н.М. Минский ухаживал за Гуревич, добиваясь ее взаимности, его письма к ней: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 153.

неприемлемое или экстравагантное, с ее точки зрения, литературное и бытовое поведение. (По позднему меткому определению Волынского: «Она была в волне, но не была ее составной частью» [3, с. 249–250]³). Характеристики и портреты «декадентов» — Н. Минского, З. Гиппиус, Д. Мережковского, Ф. Сологуба, известные из писем Гуревич к Э.И. Мешингу (1898)⁴ и др., по сути нелюбимы — в духе А.М. Скабичевского («больные герои большой литературы»⁵).

В свете отмеченной особенности «Милые воспоминания» во многих отношениях текст неожиданный, саморазоблачающий. Гуревич раскрывается здесь как колоритная фигура *fin de siècle*, с характерными для декадентского сознания комплексами и настроениями — стремлением к болезни и смерти, смакованием собственных жертв и страданий и т. п. («...я постоянно говорила в дневниках о тоске, о тревоге, об отчаянии»; «Я очень болела в то время, проклинала свою судьбу, бросалась на пол от какого-то бессильного бешенства»; «...заботы о завтрашнем дне — сломили меня, собственно, еще в 1895 г. Я заболела опять, остро, мучительно» и т. д.). Увлечение Гуревич личностью Марии Башкирцевой — одной из предтеч русских декадентов, которой она посвятила свою первую литературную работу и затем печатала ее дневники на страницах «Северного вестника», в этой связи представляется фактом не случайным.

Мемуарные записи и ранние дневники Гуревич не оставляют сомнений, что, несмотря на респектабельный биографический «претекст» (отец — известный педагог, профессор, общественный деятель; интеллигентная высококультурная состоятельная семья), она была плоть от плоти своего века, человеком пограничного сознания («Я систематически изводила себя, приближая себя к смерти...»; «Всю мою жизнь смерть казалась мне божественным убежищем и весь вопрос сводился только к тому, каким путем лучше идти к ней»⁶). Возможно, еще и по этой причине ее «Северный вестник» стал пристанищем в сущности чрезвычайно близких ей по мироощущению русских *Modernene*.

Изложенная Гуревич в «Милых воспоминаниях» история завоевания журнала и его издания в чрезвычайных обстоятельствах

³ Впервые: Жизнь искусства. 1924. № 6 (930). С. 17–19.

⁴ Письма Л.Я. Гуревич к ее близкому другу Эдгару Ивановичу Мешингу (РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 55–63) готовятся нами к публикации.

⁵ Скабичевский А. Больные герои большой литературы // Новое слово. 1897. Январь. С. 156–157.

⁶ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 19 об. (запись датирована: 1889 г.); Л. 75 (запись датирована: Осень 1898 г.).

(долговая яма, постоянно грозящий суд, невыполнение финансовых обязательств, просроченные векселя, скандалы с обманутыми кредиторами, авторами и сотрудниками, которым хронически не выплачивались гонорары и жалованье, разрыв отношений с родными и близкими и т. п.), и в то же время настойчивое желание во что бы то ни стало любой ценой продолжать «Северный вестник», воспринимается под знаком болезни, маниакальной одержимости, *idée fixe* («Если я не спасу “Северный Вестник”, я застрелю себя, как собаку, из презрения к себе»⁷).

Объясняя финансовую катастрофу с журналом, она не отрицает, что была инфантильна и не подготовлена к взятой на себя миссии: «Это было фантастично и забавно, как я теперь вижу, п<отому> ч<то> мне было 24 года, я была до того не солидна на вид, что приходящие в редакцию люди хохотали над такой издательницей. И в векселях я понимала столько же, сколько Нора Ибсена. А через полгода меня уже потащили в третейский суд со скандалом на весь Спб., чтобы решить — оставить ли журнал за мною. По счастью, — решили, что я права и оставили. Мне было трудно все это, п<отому> ч<то> вся практическая сторона дела лежала на мне одной и у меня не было ни одного “советника”. Вольтинский — малое дитя во всех жизненных вопросах»⁸; «Я не понимаю теперь, почему мы не просили “взрослых” людей, к которым имели доступ, чтобы нам хоть помогли найти людей. Мы жаловались окружающим, но, право, никто не делал попытки в то время помочь нам именно в этом отношении»; об отце: «Не могу понять, каким образом допустил меня до этой детской глупости — написать один вексель на 15.000 руб.» и т. д.

Однако основной тон авторской рефлексии — сосредоточенность на своей жертвенности, мученичестве, которое оборачивается эстетизацией страдания. В очерке «Запоздалая друидесса» (1923) Вольтинский вспоминал: «Гуревич ощущалась патетической весталкой в хаосе начинающегося большого литературно-общественного движения. <...> Для меня было ясно с самого начала, что в ней созрела мученическая тенденция, в которой так нуждалась переходная база литературы» [3, с. 19]⁹.

⁷ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 65.

⁸ Письмо Э.И. Мешингу от 23 марта 1898 г.: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 55.

⁹ В первой статье этого цикла — «Амуретки и друидессы» — А. Вольтинский излагает оригинальную теорию женских типов, оперируя двумя терминами: 1) друидесса — производное от: друиды (жрецы у др. кельтов), у него — с акцентом на боевое предназначение и готовность к подвигу; 2) амуретка — от *франц.* amour, т. е. — жрица любви.

Она совершенно сознательно подчеркивает, что ради продолжения «Северного вестника» ей приходилось поступаться непреложными для нее ценностями — доверием отца, честью семьи, всем, что ей дорого, в том числе своей репутацией, совершая действия, никак не согласующиеся с общепринятыми представлениями о нравственности: «С первых же дней я стала искать и просить денег. Я была в безмерном ужасе от той уголовщины, на которую я попала. <...> Все знакомые, все родные, все ужасались на мои поступки. Когда я просила в долг, я про себя клялась, что застрелюсь, если окажусь бесчестной, если обману доверие. Эти клятвы и теперь тяготят надо мною... Когда я шла просить в долг, я перед тем не спала ночь и часто отчаянно плакала. Я шла на это, к<a>к на пытку. Пайщики распустили слухи, что я их обокрала. Это был скандал на весь город. <...> Когда, запутываясь в долгах, я перестала быть аккуратной в возврате денег, в уплате гонораров — а это началось уже в 1893 г., — половина моей изобретательности уходила на то, чтобы придумать способ объяснения с кредиторами и сотрудниками» и т. д.

Нельзя не отметить, что в «Милых воспоминаниях» Гуревич тактично обошла молчанием один из важных мотивов своего девиантного поведения, о котором подробно рассказывает в параллельных записях — дневниках 1887–1890-х гг.¹⁰ «Северный вестник» завоевывался ею не только для самоутверждения на издательском поприще, с целью эмансипации, но прежде всего для Волынского, занимавшего в ту пору все ее мысли и чувства («Жизнь моя вдали от него совсем не жизнь <...> душа моя прикипела к его душе и не умеет больше жить отдельно жизнью»; «Мне опять начинает казаться, что лучше все сказать его жене и порвать эту фальшь»; «Да, я люблю его *страстно, страстно*, и всю силу своей любви напрягла и употребляю на то, чтобы между нами не пробежало электрического тока» и т. д.¹¹).

В их взаимоотношениях, установившихся по обоюдному согласию, просматривается модель эротического поведения, которая стала знаковой в жизнетворческих установках символистов, а возможно, и предопределила их: девственный брак, отказ от прокреации, аскеза, сублимация эротического чувства в творческой деятельности. Эта тема, в частности, обсуждается в дневниках Гуревич и в ее переписке с Волынским¹².

¹⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 28, 32.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 37 (запись 3 окт. 1888).

¹² Письма А.Л. Волынского к Л.Я. Гуревич (1887–1898): РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 104–107. Письма Л.Я. Гуревич к А.Л. Волынскому (1887–1922): РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 2. Ед. хр. 4.

С самого начала журнал воспринимался ими как их общее детище, символ духовного единения. Всякий раз, когда из-за отсутствия средств будущее «Северного вестника» оказывалось под ударом, Гуревич впадала в отчаянье, готовилась покончить счеты с жизнью, потерять журнал означало для нее потерять Волынского.

В один из первых финансовых кризисов, который постиг их в конце 1892 г., она писала в дневнике: «Единственное утешение, которое есть в моей жизни, состоит в том, что я умру раньше моего друга и что моя смерть принесет мне то, чего не дает, уже не даст мне моя жизнь: слияние с этой дорогой, обожаемой мною душою, кот<орая> и теперь все кажется мне каким-то источником света божественной мудрости и радости. Прежде в самые тяжелые минуты, при всех ударах, я надеялась на то, что завоюю эту гордую душу силою своей упорной, бесконечной и светлой любви, своей преданности, своей готовностью переделывать себя, своей склонностью стремиться вон из этой грубой ужасной жизни. Так прошло много лет, во время которых я пережила все страдания женщины, все возможные удары судьбы. И я не изменила этому чувству. Но надежду на единение душ, веру в эту духовную любовь, соединяющую два существ на все времена — этого больше нет. Вместо жизненного исхода я жду только смерть, и мне кажется, что только эта спасительница — если она только придет уж не слишком скоро, если только я успею с честью выбраться и вывести на дорогу это дело, — только смерть моя примирит и сольет наши души, разлученные всем, что образуется жизнью и ее ужасными условиями. У меня не было бы и этого утешенья, если б я думала, что *моя* любовь не может быть бесплодной, что рано или поздно, именно тогда, когда я буду далеко от него, все, что отравило нашу дружбу, вся эта ужасная проза жизни, котор<ая> душит, и может быть совсем задушит меня — отойдет, когда, когда не будут чувствоваться мои недостатки, мои нелепости и останется только память о моей душе и моих больших страданиях. Все, что я пишу, могло бы быть названо сентиментальным, если бы мои душевные страдания не дошли до высшей степени, если бы я не чувствовала себя одинокою, униженною, пришибленною, если бы не накопилось в душе моей целое море горечи. <...>

Когда я задаю себе вопрос, не сделала ли я ошибки и в чем состояла моя ошибка, когда я боролась за это дело, кот<орое> с самого начала представляло все признаки ужасного кошмара, я могу сказать, что знаю за собой только одну ошибку: я твердо рассчитывала, что все это дело, во всех его сторонах, будет делаться совместно с моим дорогим другом, что я никогда не почувствую себя одинокой, —

и в этом я ошиблась. Именно в том, в чем я так ужасно, так мучительно ищу поддержки — просто дружеского разговора, ободрения, доброго слова, — именно в те часы, когда я падаю под бременем своего креста, теперь, в этом году, никто не протягивает мне руку. Мой друг... я не знаю, почему он так мало оказывает мне поддержки. Клянусь перед Богом, что не обвиняю его, говоря это, что напротив — всеми силами души стараюсь понять его или даже просто опровергнуть это в своих собственных глазах — в этом году, с осени я не ощущаю в нем никакой поддержки. Есть вещи, кот<орые> немилосердно режут мне и нервы и сердце и от кот<орых> оно *не хочет* освободиться. Есть минуты, когда всякая шутка является настоящим *нервным оскорблением*. Сегодня я говорила о нашем трагическом положении. Оно в самом деле бесконечно трагично, и я имею мало надежды на спасенье. *Только чудо могло бы* спасти нас: подъем подписки на две тысячи сразу. Все остальное есть продолжение этой же нестерпимой пытки с гибелью в конце. Вот цифры, в кот<орых> я себя не обманываю. Вот мои долги, из кот<орых> надо отдать из подписки это наступающего года. Тут все ясно <...>.

Все эти долги я должна отдать в течение декабря и января по условию, кроме того, что нужно платить по 5000 за декабрь, январ<скую> и февр<альскую> книжки, а этих денег в самом лучшем случае вовсе не будет. Следовательно — нужно чудо, чтобы спастись. Ведь это же так ясно и так ужасно. Я говорила это вслух, б<ыть> может с излишнею горячностью, п<отому> ч<то>, право, мне нечеловечески больно видеть какое-то полу детское отношение к нашему положению со стороны людей, вся жизнь которых зависит от существования этого журнала. Я говорила это со своей надоедливой манерой впасть в пафос... А.Л. вдруг засмеялся. Это оцарапало меня. Я спросила, почему он смеется. Он сказал: из контраста к моему трагизму... Я не поняла этого»¹³.

Подобных записей в дневниках Гуревич немало. Вместе с финансовыми проблемами она переживала постепенное отдаление Волынского (его романтическое увлечение З. Гиппиус в 1895–1897 гг.¹⁴, поездку вместе с Мережковскими в Италию в весной 1896 г.¹⁵). При этом авторитет Волынского оставался для нее непререкаемым, она сознавала, что издаваемый ею «Северный вестник» состоялся и при-

¹³ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 58–60 об.

¹⁴ См. об этом в интимном дневнике Гиппиус «Contes d'amour»: [4, т. 1, с. 51–60]; см. также: [14; 10].

¹⁵ Подробнее о совместном с Мережковскими путешествии в Италию в февраль–мае 1896 г. см.: [13, с. 193–194].

обрел «свое» лицо исключительно благодаря его руководству и их духовному союзу.

Попытка Гуревич реанимировать журнал в конце 1897 г. оказалась несостоятельной не только по причине накопившихся на журнале колоссальных долгов, но, главным образом, в связи с утратой интереса к изданию со стороны Волынского, справедливо полагавшего, что «Северный вестник» выполнил свою историческую миссию.

После его отдаления Гуревич совершенно потерялась, о чем свидетельствует составленный ею план реорганизации журнала. Если бы таковой осуществился (см. публикуемый текст ниже), то ее / их «Северный вестник» утратил бы свой единственный для своего времени облик, превратился в еще одну площадку, очевидно вторичную, для постоянных авторов «Мира Божьего» и «Русского богатства», которые в период подъема «Северного вестника» (1894–1896) постепенно были вытеснены из него или ушли сами.

Текст с условным названием «Милые воспоминания» печатается по автографу: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 33; орфография и пунктуация приведены к современной норме. Черновой автограф плана реорганизации «Северного вестника» (без заглавия и без окончания, датируется по содержанию 1897 г.) публикуется по автографу: ИРЛИ. № 20247.

Л.Я. Гуревич
«МИЛЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ»

Самые «милые», единственно милые мои воспоминания — это все, что связано с моим многострадальным издательством. Как это ни странно, как это ни мало понятно мне самой, но все, с кем мне приходилось быть искренней, знают, что никогда никакого воспоминание ни из детства, ни из ранней юности не было для меня милым, отрадным. Быть может, самый склад моей натуры обуславливал это. Я была серьезным и грустным ребенком, глубоко религиозным, с верою в свое будущее и с убеждением, что моя жизнь будет и должна быть тяжелой. Все мои дневники, которые я писала с 12 лет и которые писала как раз до начала моего издательства, все они проникнуты полным и глубоким убеждением, что я чем-то буду, что судьба моя будет необыкновенна, и непохожа на участь других людей и непременно тяжела. За последние годы, соприкасаясь случайно со старыми моими «документами» и проглядывая их, я бывала иногда поражена однообразием и упорством моих детских и юношеских настроений. Все внешнее было к<a>к следует, к<a>к у других. Жизнь была даже исключительно благоприятная, обеспеченная, беззаботная, даже одно время очень веселая. Меня любили и баловали все подружки. Бывало весело. Я шалила, танцевала, обращала на себя внимание молодых людей, кокетничала с ними, увлекалась детскою любовью, невинною и радостною, — и наряду с описанием вечеров, успехов, шалостей, попеременно с ними, я постоянно говорила в дневниках о тоске, о тревоге, об отчаянии. В одной тетради, писанной в VII классе гимназии, описав подробно вечер, в котором я плясала до 7 ч. утра, я заканчивала: «я танцевала всю ночь, но не нахожу себе места от тоски и тревоги: я не знаю, *чем* я буду...».

Я примеривалась мысленно ко всему — меня учили музыке, рисованию, в 13 лет я сочиняла глупые повести. Но все это не удовлетворяло меня в воображении. Я бросила музыку, рисование, перестала писать. Хотела быть анархисткой! — Но и это не удовлетворяло. И во всех дневниках одно и то же: тревога, тоска до болезни, искание *дела*. Я много училась и читала, на курсах я считалась одною из самых блестящих слушательниц, обещающих деятеля в научной области. Но никогда кабинетная наука меня не удовлетворяла¹. Я переходила от предмета к предмету и ничему не хотела всецело отдаться. Я писала в своих дневниках, что хочу дела, подвига, практического дела. Я была, в сущности, очень одинока в это время.

С домашними я никогда не была откровенна, а мой единственный друг того времени жил за границей. Я все металась и все к чему-то готовилась. Ясно мне было одно: что я ни в каком случае не выйду замуж, п<отому> ч<то> эта замужняя жизнь мне противна. Я осталась верна этому убеждению на всю жизнь моей юности, п<отому> ч<то> в 20 лет, когда единственный ч<е>л<ове>к, который был мне близок и дорог, из-за разлуки с которым я страдала до вечных слез и вечной бессонницы, просил меня быть его женою, я не поколебалась ответить, что скорее расстанусь с ним навсегда и разорву всякие сношения с ним, чем изменять своему убеждению, что эта участь не для меня и что мне предстоит одинокая жизнь, полная борьбы за мои верования и идеалы. Он стал удаляться от меня, говоря, что так ему тяжело. Я вытерпела это, страдала, плакала целый год, следила издали, к<a>к он портился и губил свою жизнь, — никогда я не поколебалась в своем решении, не обнадежила его ни одним словом. Он разорвал со мною всякие отношения, запутался и застрелился... Я знала, что была отдаленной, косвенной причиной его гибели, он и теперь иногда снится мне в тяжелом сне, но никогда я не пожалела о том, что отреклась от брака. Я осталась совершенно одинокой, мечтать о «деле», которого я все еще не находила. Уже в 18 лет в записках моих идет речь о журнале. «Вот дело, которое могло бы меня удовлетворить», — писала я. Но у меня не было тогда никаких непосредственных соприкосновений с журналистикой, даже непосредственных впечатлений от журналистики, и никаких знакомых из литературного мира.

В 20 лет я написала свою первую статью о Башкирцевой, отнесла ее в «Вестн<ик> Евр<опы>», — мне отказали, хотя я и теперь считаю, что это было несправедливо. Редакция этого журнала, канцелярский, формальный тон разговора возмутили мою душу. Потом я напечатала статью в другом журнале², менее «почтенном» и притом — не без содействия папы³. Эта невинная протекция была мне в высшей степени тягостна, к<a>к если бы в ней было что-нибудь дурное. — В то же время я попала в круг Давыдовых, где собиралось большинство радикальных выдающихся журналистов, в том числе Евреинова⁴, редактор «Северного Вестника». Речь постоянно шла о покупке или основании журнала, строились разные комбинации. Я молчала, все слушала и видела. Оттуда, из личных наблюдений, еще непосредственных, бескорыстных и невинных, вынесла я глупое отвращение к компании Михайловского и к нему самому, с его цинизмом, нравственной распущенностью и нагло-самоуверенным обращением с людьми и особ<енно> с женщинами, которые ему

поклонялись. В то время шло предположение купить у Евреиновой «Сев<ерный> В<естник>» с тем, чтобы Михайловский был редактором, а Флексер секретарем. Я этой комбинации не сочувствовала, понимая, что они — разные люди, по всему умственному и нравственному складу. Да и Флексер неохотно шел на эту комбинацию⁵. Тогда же я составила себе план — получить у дяди Н.И.И<льина>⁶ 25.000 и купить журнал у Евреиновой. Но в тот год — я была еще на курсах — об этом не могло быть и речи.

Ясно помню, к<a>к я проводила раз Флексера в редакцию «Сев<ерного> В<естника>», куда он нес статью, и ожидая его в швейцарской — это было на Конюшенной⁷ — ходила взад и вперед и твердила, что «Сев<ерный> В<естник>» будет мой — когда-нибудь, но непременно будет.

Прошел год. Я кончила курсы, переводила Спинозу, слушала Лезгафта <так!>⁸ и была невыразимо несчастна. Слухи о продаже журнала затихли — Евреинова раздумала было его продавать. Я хотела в тот год уехать за границу — учиться в Университете, получить ученую степень и после возвращения основать свой журнал. Но на мои робкие просьбы и заявления о желании ехать за границу мне дали понять дома, что это с моей стороны эгоистично, что это требует денег и т. п. Я не настаивала — меня это почему-то оскорбило, м<ожет> б<ыть>, просто потому, что жизнь дома, без определенной цели, была нестерпима моему темпераменту. Я очень болела в то время, проклинала свою судьбу, бросалась на пол от какого-то бессильного бешенства. Я совершенно замкнулась от своих, даже Спинозу переводила втайне. Когда перевод был готов, я сказала об этом папе, и он вместо того, чтобы обрадоваться, к<a>к я ожидала, сказал, что это безумие, что книга не пройдет цензуру и что вообще это не мое дело, что я должна писать критические статьи. Это меня еще более оскорбило и замкнуло, п<отому> ч<то> я видела в этом полное непонимание меня и даже нежелание понять, п<отому> ч<то> я думала на своем веку, кажется, о всем, о всех родах писательской деятельности, кроме критической, к которой не чувствовала ни малейшей склонности. Однако печатание Спинозы удалось устроить⁹. Он благополучно прошел цензуру и прекрасно пошел в продаже, вопреки предсказанию папы, что очень утвердило меня в мысли — не велика ей цена, этой мысли! — что взрослые и солидные люди, занятые своим делом, ровно ничего не понимают в делах, которые их не касаются, и что я понимаю свои дела гораздо лучше.

Весною этого года — мне было тогда 23 г. — «Сев<ерный> В<естник>», в котором писал Ф<лексер>, стали опять продавать.

К Ф<лексеру> пришел Глинский¹⁰, сказал, что предположено составить компанию на паях, и просил его принять литературное участие в деле и содействовать покупке журнала у Евр<еиновой>, которая соглашалась продать его только в известные ей руки. Боже мой, к<а>к я зажглась при мысли, что другие купят журнал, а я останусь не при чем. Я умоляла Ф<лексера> немедленно устроить так, чтобы я была в компании. Он указывал на то, что у меня и денег-то никаких нет в руках, а через короткое время сказ<ал>, что дело не налаживается, что предполагаемые пайщики — бедняки, и никто еще не сказал наверное, что может дать хоть 5.000. Я как раз в это время очень серьезно заболела, спрыгнув на ходу с конки, слегла, и мне было велено лежать три недели неподвижно на спине под страхами серьезных бед. Я писала, лежа в постели, постоянные письма Ф<лексеру>¹¹, утверждая, что за 5000 ручаюсь чем угодно (я тогда уже решила выпросить их у папы в виде «моей доли» из будущего), и чтобы он сказал, что первый пай уже обеспечен. Позднее некоторые пайщики говорили мне, что они действ<ительно> сплотились вокруг этого первого пая. Фл<ексер> не скрывал от меня, что пайщики не производят на него хорошего впечатления. Но я говорила одно: «Только бы не упустить этого дела, только бы прицепиться к нему. Мы завладеем им».

Папа дал мне 5000, хотя пайщицкая комбинация не особ<енно> нравилась ему. Но я писала ему в отчаянном письме: «Мимо меня проезжает чудесная колесница, она, м<ожет> б<ыть>, никогда более мимо меня на проедет. Дай мне только ухватиться за колесо ее, и я ручаюсь тебе, что через три года буду на вершине ее»¹². Все это было более романтично, чем доказательно, но это было именно так. Я записываю, к<а>к это было. Меня можно осудить. Это был неукротимый импульс. В конце апреля 1890 г. «Сев<ерный> В<естник>» с 2200 подписч<иками> был куплен¹³ — когда я была еще больна. К<а>к только я познакомилась с Глинским и с пайщиками, я поняла, что это люди незначительные, люди без убеждений, шаткие. Самая их порядочность — некоторых из них, по крайней мере, — была мне подозрительна, особ<енно> Глинского. Я на первом же собрании пылко доказывала им, при Глинском, что ему нельзя доверять неограниченной власти, но они — по большинству голосов — сделали это.

Глинский, к<а>к только сделался редактором, стал пьянствовать, прогнал от себя жену, взял другую — из сотрудниц — и разогнал пайщиков от дела своего полностью. Вся редак<ционная> работа лежала на Фл<ексере>, я тоже работала — над рукописями, но в редакции

бывала не часто. Деньги, составленные из паев, ушли очень скоро. Часть их Глинский захватил себе и прокутил. В феврале журнал уже запутался в долгах. Хозяйственный контроль вели выборные пайщики, к которым присоединился прис<ажный> повер<енный> Бубнов, представитель паев г-жи Глинской¹⁴, разошедшейся с мужем. Не подлежит сомнению, что Бубнов, ч<е>л<ове>к очень порядочный, зрелый, — напр<имер>, он уже и тогда был в Совете присяжн<ых> повер<енных>. Он тоже участвовал в ревизионной комиссии, и вообще мне не представлялось возможным, чтобы пайщики и с этой стороны были глупыми ребятами. Была составлена смета — насколько помнится, в 67.000, и было вычислено, что для доведения года до конца¹⁵ нужно 15.000, — начиная с конца апреля. Расчет был ложен: дело в том, что в первый год с переменной фирмы подписка вырастала во второй половине года с большею силою, чем это нормально при обычных условиях. Но была и другая грубая ошибка — ревизионная комиссия, торжественно скрепившая своими подписями книги и смету, не ведала, что творила...

В марте я испросила у дяди Н<иколая> И<вановича> 15.000, о которых шла речь. В апреле пайщики окончательно признали Глинского негодным для дела (он в то время скандалезно страдал запоем) и выбрали меня издательницей. Это было 28 апреля 1891 г.¹⁶ Мне было 24 года.

Я живо помню все подробности этих дней. Я знала, что бросаюсь в море на челноке, — мне было жутко и радостно. Программа журнала — внутренний дух его, во многом отличный от других журналов, единственный в своем роде, в своем роде новый, по крайней мере, для России, с ее Михайловскими, с ее позитивистами, философский дух журнала — в этом была вся моя душа. Мне было жутко долгов, но я никогда не сомневалась, к<a>к и теперь не сомневаюсь, что этот дух восторжествует в России над плоским позитивизмом.

Я сказала папе о своем решении сделаться издательницей уже тогда, когда подписала условие — ночью, придя с собрания. Я была слишком уверена, что он не одобрит меня, к<a>к никогда не одобрял ни одного моего плана, исходящего из моей настоящей, скрытной души. Я не могла с ним советоваться. Мне казалось, что ему будет оскорбительным, если я поступлю по-своему уже после того, к<a>к он выскажет свое отрицательное мнение. Но когда я ему сказала о совершившемся факте, и он резко и возмущенно высказал свой протест, я поняла, что начинается то мое страдание, которого я с детства ждала для себя в жизни. Я всегда любила папу — болезненно нежно, до слез, с беспокойством и тоской. Это были страшные дни во

всех отношениях. Папа отказался дать мне паспорт — а мне нужно было переехать в редакцию, перевести на свое имя квартиру. Денег в редакции не было ни гроша — то, что обещал дядя, еще не было получено.

Кроме того, в первые же дни, работая над проверкою кассовых и других книг (я с утра уходила в пустую квартиру редакции, откуда Глинский уже вывез все вещи, но куда я еще не могла переехать — потому что у меня не было паспорта), я ясно увидела, что касса расхищена Глинским, что в книгах подчистки, что смета, скрепленная пайщиками, неверна, что 15.000 не хватит. С первых же дней я стала искать и просить денег. До приезда дяди я уже обратилась к барону Гинзбургу¹⁷, который раз давал деньги Глинскому, и взяла у него на месяц 2000. У Усовой¹⁸ взяла тоже на короткое время 3.000. У дяди выпросила не 15, а 20 тысяч. Из конторских книг выплыли новые ужасные сюрпризы: оказалось, что многое, проставленное в кассе как оплоченное так, было в действительности не оплочено. Недоплат было уже на 10.000. Я была в безмерном ужасе от той уголовщины, на которую я попала. Я чувствовала себя девочкой, да еще беспаспортной, я была моложе всех пайщиков, все приходившие в редакцию открыто изумлялись при виде новой издательницы. Все знакомые, все родные, все ужасались на мои поступки, — не было никого, кто не предсказывал мне, что я не дотяну года. Фирма, которая только переменялась, опять менялась — при скандальных обстоятельствах, о которых говорили в городе, даже писали из провинции.

Только через 2 недели я достала паспорт. Домой я не могла показаться. Папа избегал меня видеть. Ему было тяжело. И мне было тяжело.

Я тогда же сократила годовую смету на 4.000, отказала секретарю — взяла на себя всю его работу, сократила домашние расходы, назначила себе жалованье 60 р. в месяц. Альбов, назначенный редактором, получал 150 р. в месяц вместо 250, которые получал Глинский, кроме еще 250, которые шли ему на «разные расходы». Живо помню еще, как я поразила пайщиков, заявив, что никому не дам ни копейки аванса — у Глинского была масса авансов, и у Евреиной тоже. Отказ от секретаря тоже поразил их. Я считала все свои поступки очень деловитыми — по сравнению с тем, что делалось до меня и что делали пайщики.

Помню еще сцену с пайщиком Лозинским, членом редакционного комитета, который, увидев, что я пишу сама все редакционные письма, стал утверждать, что женская подпись компрометирует журнал¹⁹. Я дала ему написать какое-то письмо и уличила его в без-

грамотности — он всегда был безграмотен в смысле стиля. После этого он уже не мешал мне, а, напротив, стал приносить мне букеты.

Летом — не понимаю, как это могло случиться, — меня оставили одну полной хозяйкой редакции во всех отношениях. Уехал Альбов, кот<орый>, впрочем, никогда ничего не делал, кроме чтения беллетрист<ических> рукописей²⁰, уехал Фл<ексер> — ему предстоял развод с женою²¹, даже Лозинский был на даче и приезжал раз в неделю. Я жила одна в городе без одного знакомого. Лето было жаркое, душное, до того пыльное, что в июле у меня сделался сильнейший бронхит от пыли. Я работала дни и ночи, писала письма во все концы России, приглашала сотрудников, выясняла им дело, читала рукописи, корректуры, проверяла книги и писала ежемесячные отчеты. Они, должно быть, и теперь сохраняются в архиве. Они были точны. Кроме меня, в редакции был только конторщик — да и то временами пропадающий вследствие запоя. Я была одна за работой, и хотя я знала, что осенью, с сентября денег не будет, но я уже хлопотала — просила маму выделить мне 5.000 из имения, заложив его, что она и сделала. При всех этих условиях я чувствовала себя счастливой, как никогда.

К концу лета у меня уже начались неприятности с пайщиками, особ<енно> с Лозинским. Теперь я хорошо понимаю, что он просто рассердился на меня за то, что я пренебрежительно отнеслась к его ухаживанью. М<ожет> б<ыть>, его подзадоривали другие пайщики, упрекавшие его за то, что он не играет в редакции никакой роли. Осенью, в сентябре, мы катались на лодке с ним и с Кауфманом²² и он, провожая меня, говорил, что дальше не может терпеть такого порядка, что все делается в редакции по моей воле, а его слова не в счет. Я гов<орила> ему: «Так Вы оспаривайте, Вам дана власть», — а он глупо отвечал: «Да из этого все равно ничего не выходит. Я что-нибудь говорю, а делается все по-Вашему».

Потом мы еще «выясняли отношения» с Кауфманом и Свешниковым²³ и выяснили, что взгляды наши на ведение журнала, на его программу — совершенно различные. Выяснив это, мы совершенно разошлись, т. е. они окончательно устранились от дел.

Осенью жилось очень трудно. Я доставала деньги в долг — еще от Н<иколая> И<вановича>²⁴, от Усовой, от Пистолькорса²⁵, от Гинзбурга. Первый год поглотил 48.000, кроме того, что было вложено моего и кроме 5000 из декабрьской подписки. Долги были наполовину — краткосрочные, до подписки. Они меня терзали. Когда я просила в долг, я про себя клялась, что застрелюсь, если окажусь бесчестной, если обману доверие. Эти клятвы и теперь тяготят надо

мною... Когда я шла просить в долг, я перед тем не спала ночь и часто отчаянно плакала. Я шла на это, как на пытку.

В ноябре, когда я поехала в Москву доставать деньги, всего на 3 дня, пайщики в мое отсутствие сделали общее собрание, а затем — попытку продать журнал, хотя на нем было моих *векселей* на 38.000, кроме долгов без векселей. Бубнов пришел предупредить меня об этом. Началась история с пайщиками, окончившаяся третьей-ским судом, во время самой подписки, в декабре, с начала до конца месяца. Пайщики распустили слухи, что я их обокрала. Это был скандал на весь город.

История суда подробно описана, со всеми документами, в моей докладной записке суду, огромном документе, листа в 4 печатных...²⁶ Спасович²⁷ стоял за меня. Пайщиков удалили из журнала. Меня оставили единственной собственницей журнала²⁸.

Я думала — подписка упадет ото всех этих скандалов. Но она поднялась, хотя всего на 125 членов.

Но уже в январе, в конце, у меня исходили на краткосрочные обязательства все деньги. А в марте, 15-го, мне нужно было обернуться с векселем в В.К.Б.²⁹ в 15.000 р. Не могу понять, каким образом папа допустил меня до этой детской глупости — написать один вексель на 15.000 руб. Он знал, что я это делаю и потом многократно, обидно бранил меня за это, но в то время ничего не сказал. Когда стал подходить срок этого злополучного векселя, я была в состоянии какого-то оцепенения от ужаса. Я собирала деньги со всех сторон — для оборота. Тогда же я взяла впервые 3000 р. у В.А.Чайкиной³⁰ — тоже для оборота. Но даже мысленно я не могла собрать всей нужной суммы: по моим расчетам, не хватало около 1500 р. С папой у нас в эту зиму были страшно тяжелые отношения. Он предпочитал совсем не видеть меня. Перед знаменитым 15 марта я пошла к Кони³¹, как и тогда, когда просила его посредничества для выдачи паспорта, и просила его объяснить папе грозивший мне скандал.

Кони помирил меня с папой³², и папа дал мне для оборота недостающие деньги... С тех пор он и стал втягиваться в дело.

По совершении оборота с В.К. Банком я опять осталась без денег — в ужасе перед грозящим разорением. Я поехала в Москву — и Боже мой, чего только я там не продельвала, чтобы достать денег. К скольким купцам я ездила, у скольких просила — всячески: лично, письменно, через знакомых. Один — Коншин³³, помнится, меня чуть не выгнал. Это была гадкая сцена. В заключение дело устроилось только с дядей. Он дал еще денег, но при этом так бранил меня, так унижительно трактовал меня, что мне хотелось повеситься от стыда и униженья...

Но в те периоды, когда удавалось обеспечить журнал займом на 2–3 м<еся>ца, я была очень счастлива. Мне казалось, что все-таки я иду вперед. Литераторы, с кот<орыми> приходилось иметь общение, обходились со мной как-то бережно-почтительно. В 1892 г. я познакомилась с Толстым, и он тогда же сказ<ал> мне, что «Сев<ерный> В<естник>» его любимый журнал, что я должна всячески держаться и что он будет мне помогать. И он действ<ительно> помогал³⁴.

В 1893 г. подписка дала большой прирост. Надежды оживляли — и сейчас же начинало казаться, что я не просуществую с журналом и м<еся>ца. Опять вся подписка ушла на долги. Весною я опять ездила в Москву и достала 10.000 через Евреину от Плотицына <так!>³⁵. Он обещал доставить эти деньги к началу мая, и в ожидании этих денег я уже задерживала гонорары, влезала в оборотные долги. Помню, в день, когда привезли из Москвы деньги вместе с заемными письмами, кот<орые> я должна была подписать и засвидетельствовать у нотариуса, я взяла для этой цели из конторы и кассы все, что было, и — по игре случая — то, что было копейка в копейку, включая и медь, совпало с тем, что было нужно уплатить нотариусу.

Я забыла еще сказать, что несколько ранее, в феврале 1893 г., я слегла от переутомления, от нечеловеческого напряжения сил, от тревоги и несколько дней лежала в своей маленькой комнате, которая была отдана потом Сергею и где был ужасно скверный воздух. В тот год у меня жила m-me Carré³⁶. Ей я отдала единственную хорошую комнату, не занятую редакцией и конторой. Жить с ней было мне очень тяжело, п<отому> ч<то> она мешала мне работать, и я должна была постоянно бороться с ее разговорчивостью. Право, мне было очень тяжело, так тяжело, что у меня вечно болели руки, ноги, спина, точно мне вытягивали жилы. Когда, запутываясь в долгах, я перестала быть аккуратной в возврате денег, в уплате гонораров — а это началось уже в 1893 г., — половина моей изобретательности уходила на то, чтобы придумать способ объяснения с кредиторами и сотрудниками. Я думаю, за эти 7 лет я написала не менее 2000 писем, единственное назначение которых было — просьба об отсрочке или извинение в неаккуратности. В конторских делах мне уже пришел тогда на помощь Гриша³⁷. Но и он был неопытен. Конторщик, рекомендованный Кричевским³⁸, служившим уже в банке, был непроходимо глуп и до того неопытен, что писал в кассу к<a>к выданное и то, что причиталось. Это было, конечно, очень комично — и очень тяжело. Меня съедала мысль, что я уже не справляюсь со всеми своими обязанностями, что многие письма остаются неотвеченными. Мы решили взять секретаря. Потом Гриша настоял на том, что надо

взять управляющего конторою. Взяли Вольтке³⁹ за 75 р. в месяц, но он оказался небрежным к нашим интересам и недобросовестным. Он даже не позаботился о том, чтобы найти лучшего конторщика.

Я не понимаю теперь, почему мы не просили «взрослых» людей, к которым имели доступ, чтобы нам хоть помогли найти людей. Мы жаловались окружающим, но, право, никто не делал попытки в то время помочь нам именно в этом отношении. Ах, как много было глупого, смешного, и истинно трагического в то же время было всегда <так!> в этом деле! Теперь, теперь пришел опыт, большая практичность, умственная зрелость во многих делах. Теперь!..

Были ужасные дни и бесчисленные ночи без сна. Был труд огромный, упорный, тяжелый — и любимый. Были униженья и обиды без меры, были минуты упоительного восторга над работою. Никому нельзя объяснить, передать, какое глубокое вдохновение может заключаться в самой простой, будничной работе. Какая прелесть заключается для меня в пакете свежих, пахнущих краскою корректур, приносимых из типографии, в ворохах писем и рукописей, собирающихся со всех концов России. Какое радостное чувство при победах над цензурою — они были многочисленные до назначения Соловьева⁴⁰. Пойти, убедить, победить, говорить прямо и дерзко, как не говорят с начальством, и видеть, что они теряются от прямодушия — какая молодая бодрость была в этом! Просидишь две-три ночи без сна и видишь выпущенную в срок книжку, свежую, влажную! Перебирать вороха газет, следить за тем, что делается на свете... Быть в простых дружеских отношениях с разными людьми — с сотрудниками, наборщиками, цензорами, даже с прикащиками <так!> в книжных магазинах — как мне это бывало легко, радостно, к<a>к я чувствовала себя на месте. И я знала, что «Сев<ерный> В<естник>» делает *свое* дело, настоящее, глубокое, что он медленно, медленно, но уже пробивает дорогу тому, что придет. Как я люблю все это, к<a>к все это заполняло мою жизнь. Боже, к<a>к мало понимают люди! Они могут понять, что можно любить одного человека, определенного человека и никого более, и не понимают, не хотят понять — слишком часто выказывают непонимание — того, что можно любить определенное дело, именно такое, а не другое дело. Были страшные дни и ночи, кризисы, сомнения в завтрашнем дне, от которых кровь стыла в жилах. Давил стыд перед кредиторами, сотрудниками, тяжкая меланхолия — особая меланхолия, меланхолия ч<елове>ка, сознающего себя виноватым перед людьми, застилала свет. Выходили омерзительные, позорные сцены из-за денег, терзало сознание, что слишком многое упускается, что делаются непоправи-

мые ошибки, болело сердце, смертельной болью, уходили силы физические, долгие годы сплошной бессонницы сосали кровь — и при всем этом, несмотря на все это, никогда, ни разу, ни даже теперь, когда жизнь и долги мои опрокинули меня наземь, — никогда я не раскаивалась, никогда не сказала себе, что взялась не за свое дело. Перед Богом и совестью своею — знаю, что взялась именно за свое дело, хотя и взялась за него неподготовленная, м<ожет> б<ыть>, слишком рано, и притом в невозможных условиях, которые с самого начала пророчили гибель.

Эти накопляющиеся векселя⁴¹, все растущие в числе, эти непрерывные заботы о завтрашнем дне — сломили меня, собственно, еще в 1895 г. Я заболела опять, остро, мучительно.

Поездка за границу была крайне неудачна — мне каждый день присылали письма и телеграммы⁴². Я вернулась, не отдохнув, а год был страшный. Нужно было заплатить, переписать, отсрочить — если не ошибаюсь, 95 векселей. Я знала, уже наверное знала, что не справлюсь. Я не справилась бы и в 1894 г., если бы не случилось чудо: в декабре м<еся>це пришло письмо от Розалион-Сошальской⁴³, подписчицы журнала, кот<орая> писала, что слухи о нищете журнала, о грозящей ему гибели достигли ее захолустного Купянска⁴⁴, что получив старый долг в 10.000, единственное, что она имеет, она счастлива дать в журнал эти деньги без всяких условий и оговорок. Я поехала в Харьков, остановилась там всего на 5–6 часов, увидела впервые эту своеобразную, простоватую на вид старую хохлушку, которая вошла в мой номер с своими ценными бумагами (в ситцевом мешочке) в руках, приняла их с изумленной благодарностью и в тот же вечер ехала назад, в Спб.

1895 г., эти 95 векселей, ужас непрерывный, возрастающий перед неизбежностью гибели, сломили меня. В тот год я была почти мертва для журнала. Редакц<ионную> работу исполнял один Фл<ексер>, который много раз говорил, что у нас нет более редакции, что со мной нельзя ни о чем говорить, что я какая-то ненормальная. Я стала прятаться от людей — всюду мерещились мне кредиторы, неоплоченные сотрудники. Я потеряла свою бодрость и живость. Я стала мнительна. Всюду слышались и чудились мне упреки. Я не надеялась довести до конца 1896 г., мне казалось, что январская книга последняя. В декабре в этом именно настроении я предложила Фл<ексеру> написать совместную заметку, в которой открыто высказать отличие «Сев<ерного> В<естника>» от других журналов⁴⁵, все то, что не удалось достаточно ярко и определенно, явно для всех провести в журнале. Я понимала, что это не будет «тактично», что

это взбесит врагов, навлечет упреки. Мне было уже все равно: я ниоткуда не видела спасенья.

Что меня еще нестерпимо терзало, так это необходимость скрывать от всех свои настоящие мысли о положении дел, даже лгать. Никогда я никому не хотела признаться, что чувствую себя на волосок от гибели. М^{ожет} б^{ыть}, были и надежды в глубине души, минутами, и вера в какое-то чудо. Я знала, что журнал велся за последнее время хуже прежнего, я видела, что подписка как будто опускается... как будто. Я боялась поверить своим глазам.

В начале 1896 г. выяснилось, что В.А. Ч^{ацкий} хочет помочь делу. Но я еще не видела, к^ак все это сложится. И я знала, что нужно мне страшно много, что никаких денег не хватит, п^{отому} ч^{то} все съедят векселя и недоплоченные гонорары. В феврале 1896 г. произошел пресловутый случай с плевком⁴⁶. Я знала, что я не виновата, что виноват только М^{ин}ский, которому я поручила рукопись и корректуру при отъезде в Москву. Эта история сама по себе дала мне даже много высоких настроений. Но я видела, что это производит скандал, что газеты бросают грязью в самое мое дело, видела впечатление многих знакомых — растерявшихся и как будто стыдящихся меня, видела мучения братьев, которых удерживала от дуэли... И знала, что эта история будет вредна, очень вредна, что многие скажут: «Вот к^ак ведет журнал женщина». Виновата была не женщина — все равно я редактор. В это время поступили большие деньги от В^{асилия} А^{ндреевича}, переделывалась смета. Денег все не хватало даже на сотрудников. Получались ужасающие письма от них. Папа совсем влез в это дело — мне стало еще тяжелее, п^{отому} ч^{то} к горю и стыду моему никогда я не видела, чтобы его совет был полезен, деловит, а его нервность, горячность, волнения по поводу неоплоченных гонораров лишали меня последнего самообладания. Сокращение сметы, которому я в принципе глубоко сочувствовала, горько каясь, что не сделала этого раньше, было произведено на практике очень круто.

Сотрудники охотно шли на понижение гонорара, но с тем условием, чтобы им платили аккуратно, а этого-то и нельзя было исполнить. Платили все время очень неаккуратно, векселя только платились аккуратно. Вот когда нужно было, необходимо было произвести революцию, — так или иначе рассчитаться с кредиторами, п^{отому} ч^{то} ведь это в конце концов было неизбежно. Я тогда и говорила об этом с пониманием <?> с папой, но это было ему противно. И он все время страшно волновался. Помню, после одного разговора с ним в редакции, по поводу неоплоченных гонораров, под

влиянием его волнения, выразившегося в гневе, я убежала к себе в комнату и как сумасшедшая разрыдалась. Мне казалось, что так вести дело все равно невозможно, потому что я теряю силы, которых и без того нужно слишком много. Я работала за многих — писала роман⁴⁷, провинциальную печать, читала корректуры, высчитывала строки в рукописях, сокращала, сокращала без конца, чтобы влезть в смету. Первые месяцы было не только трудно, но почти невозможно: оставались обязательства на принятых и даже начатых печатанием вещах дорогих, — были очень тяжелые разговоры с авторами. И главное — эти векселя, векселя и неоплоченные гонорары. В последнюю минуту жизни моей я еще буду терзаться этими неоплоченными гонорарами. И с этого же лета началось, с воцарением Соловьева, из-за глупой злостной сплетни, переданной ему о моем отношении к нему, — началось неистовое, нелепое гонение цензуры. Смена цензоров, скандалы с авторами, которые не допускали, чтобы статьи печатались в изуродованном виде. Вечная, непрерывная беготня в цензуру, ловля цензоров на дому, издевательства Соловьева, безмерная тупость и наглость Энгельгардта — до корректуры, брошенной мне в лицо, до его кулаков у моего лица, когда он принял меня пьяный⁴⁸. Началось запаздыванье книжек, бессчетные мои письма к Энгельгардту с мольбами не задерживать корректур, бессчетные жалобы. Не было сил находить беллетристики — никто, кроме «декадентов» — будь они прокляты! — и писать не хотел, нужно было вымалывать статьи, потому что все боялись, что получится бессмыслица. И бессмыслиц было много.

Я, наконец, до того потеряла голову, что приняла безумный совет Льдова⁴⁹ понизить цену. Этого я никогда себе не прощу. При явном упадке журнала, при общих слухах о его безденежье и бесчисленных поводах и причинах для этих слухов — это вырывало у меня последние деньги. Я спохватилась, когда было уже поздно. Я видела, как быстро падает подписка, как все разрушается в цензуре, как накапливаются векселя на 1897 год, как умножается число неоплоченных сотрудников. В бреду отчаяния я диктовала свой роман⁵⁰, читала корректуру, уже не участвуя в чтении рукописей, прячась по субботам от людей, теряя последних знакомых. Безденежье глодало дело. Векселя, векселя... — без расчета получить откуда-нибудь деньги. Я сказала себе, что если не освобожу журнал от цензуры и не прекратится эта пытка, смерть настанет немедленно.

Я сделала громадное усилие мысли и воли, выработала и подготовила все ходы к министру. С головокружительной быстротой дали мне эту бесцензурность, столь долго желанную⁵¹. Соловьев сразу

изменил тон, цензора стали заискивающе улыбаться и пожимать руки... У меня и залога не было! Сколько я мучилась и терзалась, чтобы вымудрить этот несчастный залог, у скольких людей просила, бегала, ездила, писала...

План улучшений журнала был мне ясен⁵². Ах, как он мне болезненно ясен, — как все в нем ясно, ярко, очевидно для моего умственного взора: так же, как лица из моего романа. И кое-что было даже сделано в этом отношении, кое-что — одна сотая из намеченного, и при том за самое последнее время, когда уже поздно. Провинциальные письма, которым я придаю большое значение, уже стали обильно скапливаться в ящиках. Научная хроника — дешевая и разнообразная, уже принесена впервые... когда ее и печатать уже негде!

Но как изобразить отчаянную, бешеную борьбу с погibelью в течение 1897 г.! К смете я уже привыкла и приучила других, нужно было улучшать дело изнутри, <так!> вкладывать в него душу, изобретательность, разнообразить, просевать <?>, рассылать повсюду письма, видеть людей... Но дни и ночи я думала о деньгах, собирала грошики, десятки рублей, 20 р., даже 10 руб. Никогда не знала, что будет завтра, чем будет заплочено. Продавала старые книги, газеты, старый журнал, продала словарь редакционный, крайне необходимый для дела. В течение лета я каждый день, без преувеличения, каждый день ходила по городу: не осталось ни одного букиниста, которому я не предлагала бы за более выгодную цену еще одного оставшегося в редакции энциклопедического словаря, который принадлежит Фл<ексеру> и стоит 250 р. и за котор<ый> давали не более 70 р. Не осталось ни одного банка, ни одной банкирской конторы, куда бы я ни ходила с попытками учесть векселя Геренштейна⁵³. На 800 р. не приняли нигде — и, действ<ительно>, нельзя было принять. Я раздробила 800 р. на три части, ходила всюду с этими маленькими векселями, принимая то наивный, то горделиво-тревожный вид, чтобы не скомпрометировать дело унижением нищеты. 5 раз я была в Общ<естве> Вз<аимного> Кр<едита>, прежде чем мне учли вексель в 240 р. И с двумя другими, такими же мелкими, было то же. Я обошла все банки Спб., учла ничего не стоящий вексель Т-ра⁵⁴, вексель нищего Льдова⁵⁵. Продавала свои старые платья татарам. Не оставила ни одного, ни единого знакомого, самого нищего, в Спб., у которого не сделала бы временного займа хоть в 10 р., хоть в 3 р., и, конечно, все это с разными выдумками, с тысячью хитростей, благовидных объяснений, с комедиантством, от которой <так!> мне самой было тошно. Сарра требовала с меня денег, угрожая судом, пока наконец не привела этого в исполнение⁵⁶. 10, 15 раз, м<ожет>

б<ыть>, больше, ходила я к ее адвокату. С.И.И.⁵⁷ грозил протестом или судом за неуплату % в 245 р. — у него скопилось за лето более 10 моих писем, с объяснениями, просьбами об отсрочке. У меня мозг разрывался от вечного напряжения в одном и том же направлении. Я дурела от голоду, от настоящего голоду, п<отому> ч<то> того, что я зарабатывала переводами, не хватало на мою жизнь, а брать себе лишнее, когда сотрудники не получали, не было сил. Да и еда не шла в горло. Были 2 дня в июне, когда я ничего не брала в рот, [п<отому> ч<то> уже желудок не принимал пищи⁵⁸.] Прислуги летом у меня не было. Я три м<еся>ца, пока наши были в деревне, обедала двумя яйцами или полубутылкой простокваши, да и это ела насильно, п<отому> ч<то> желудок не принимал пищи. Дворник ежедневно приходил требовать денег за квартиру, хозяин на Троицкой⁵⁹ угрожал мировым судом. Я сбежала, буквально сбежала — стараясь быть незамеченной швейцаром и дворником — на новую квартиру, не заплатив денег ни старому, ни новому хозяину. Вещи перевезли на деньги, вырученные с продажи старых книг. Я спустила все, что брали, даже дорогие мне книги. Весь август денег требовали за обе квартиры, и я не платила... Господи Боже Мой, что я пережила, когда Арефьев⁶⁰ написал мне, что его гонят с квартиры, что он не может дольше ждать гонорар, когда он писал мне об этом без упреков, в прежнем восторженном тоне говоря обо мне и робко моля позаботиться о нем... Что я пережила, когда он написал наконец, что его уже выгнали из квартиры, одинокого, на Берлинские улицы... Сколько я бегала, чтобы найти ему другую работу, которая оплачивалась бы аккуратно.

Разве можно было бы физически, нервно вынести все это, если бы я не находила отдыха, забвения в тех немногих часах ночной редакционной работы, — этой будничной для других, этой прозаической, но безмерно любимой и праздничной для меня работы. Только в этом был мой отдых, в одном только этом, п<отому> ч<то> какие-ниб<удь> три часа сна были отравлены ужасными кошмарами: векселя, векселя, суды, неоплаченные гонорары... Но редакционная работа, всякая, без исключения, без единого исключения, именно то, что других тяготит к<a>к какой-то черный труд, все это для меня только отдых, радость. Ее разнообразие, ее назначение — идти на свет, в публику, в умы, — ведь это то, что делало ее священной, вдохновляющей. Сколько можно было бы сделать, изобрести, прочесть на разных языках и передать сжато, ясно, ярко. Ловить в общении с людьми то, что волнует всех и говорить именно надо <об> этом — и в этой форме говорить свое, убежденное, последовательное. Прояснять ум, трогать сердца живым состраданием к людям, находить новые пути

для человеческих интересов, для мечтаний, животворящих и окрыляющих на борьбу — какое безмерно и ни с чем не сравнимое счастье, если бы только можно было ему отжаться. Находить способных людей, затиснутых жизнью в грязные ямы, ободрять их, приучать их писать литературно, ясно, любить стиль, быть точным в своих словах, мыслях и сообщениях — какое безмерное счастье.

И это дело гибнет, гибнет от голоду. Все мои ошибки, все мои недостатки падут на мою голову, чтобы придавить меня навсегда. Я научилась вести дело практично, когда уже поздно. Нет и не будет никаких утешений. Жизнь никогда не привлекала меня сама по себе, я ничего не люблю в ней. Она мертва, тускла и несносна без живого дела. Одинокое заключение не тяжелее того, что мне предстоит. Жизнь в комнатке, однообразная работа — какие-нибудь грошовые переводы, компиляции по заказу? В чужие журналы, где уже есть свои работники? В поиски за куском хлеба, в конкуренцию с другими нищими... Нет, не это страшно. Безмерно страшно то, что не будет, просто не будет этого дела «Северного Вестника», этого живого дела, которое могло бы, наверное могло бы, расцвести. Пока 2/3 сил, даже не все силы уходили на редакционную работу, дело шло в гору. Я была тогда моложе, менее образованна, знала меньше языков, поэтому и английскому языку я научилась всего год тому назад, понимая его важность для журнала, я тогда многого не понимала, со многим не сообразовалась, многого не принимала в расчет... И все-таки дело шло в гору.

Я погибну оттого, что не имела времени поддерживать нужные знакомства. Вот уже более году, как я хорошо понимаю, до чего это необходимо, — и не было физической возможности. Не было времени, не было ни одного не дырявого платья, в котором можно было бы показаться, не было духу, поэтому я ждала гибели и боролась с ней. Те, которые меня любили, сделали все, что могли: мой бедный папа⁶¹, Гриша, некоторые знакомые, некоторые родные. Другие меня не знают и не любят, другим я не стану растолковывать, объяснять, что нельзя упустить из рук этого дела. А людей, которым был бы нужен журнал, — где я их найду? Я никого не знаю. И я погибну оттого, что я никого не знаю.

Нет, я и теперь еще жду чуда. Неужели такая любовь к работе, и определенной работе, не нужна в мировой экономии сил? Неужели я не нужна людям? Ведь я люблю их, люблю людей через свое дело, люблю Бога в трудовом процессе, люблю дыхание его в неземных стремлениях, в невидимом и неуловимом, но несомненном тяготении всего к высшему свету, к истине. Неужели судьба допустит, чтобы

все усилия, вся любовь, все было напрасным?.. Я выздоровлю и буду бороться.

ЗАПИСКА Л.Я. ГУРЕВИЧ О РЕОРГАНИЗАЦИИ «СЕВЕРНОГО ВЕСТНИКА»

В конце 1891 г. «Северный Вестник» перешел в мои руки от компании на паях, официальной издательницей которой я состояла с мая того же года, — причем на журнале числилось уже до 50.000 долга в самой тяжелой форме краткосрочного и преимущественно банковского кредита с постоянным переучетом векселей и неотложною уплатою %. Подписка, более чем на треть, не окупала установленной при прежнем издательстве и поддававшейся лишь медленным сокращениям сметы. В первый год подписка дала лишь небольшой прирост, долг же мой, в виду неимения у меня личных средств, значительно увеличился. В последующие года однако было достигнуто значительно увеличение подписки и сокращения сметы. Однако долговые операции, в виду стечения неблагоприятных условий, до такой степени отвлекали силы от редакционной деятельности и бременили смету процентами, что осуществить намеченные в журнале и обещанные подписчикам улучшения и реформы не представлялось возможности. За все время моего издательства в виду постоянной необходимости переучитывать векселя и погашать долги, не имея текущего счета, а при таких условиях и оплата гонорара не могла производиться с надлежащею аккуратностью. Однако до 1897 г. подписка журнала была такова, что могла вполне поправить окончательно выработанную и проверенную практикой смету журнала. Конец 1896 г. и первая половина 1897 г. были настолько исключительно неблагоприятны в цензурном отношении (исключены были 20 печ<атных> листов текста из разных мест, в том числе из беллетристич<еских> произведений к крайнему неудовольствию гг. авторов, систематическое задержание книжек журнала и т. п.), что подписка сразу значительно понизилась. Исходатайствованное мною в мае 1897 г. право бесцензурного издания журнала хотя и внесло заметное облегчение в ведение дел, но уже не могло поднять подписки этого года и поправить сразу расшатавшиеся денежные дела. Все эти обстоятельства вынудили меня, в текущем году, к откровенному объяснению со всеми главнейшими моими кредиторами, которые и изъявили согласие на погашение долга незначительною частью его.

Имея, в настоящее время, в виду реорганизовать издательскую сторону [передав право издания компании на паях] дела посредством паевого товарищества, капитал которого обеспечил бы существование журнала в ближайшее время и все необходимые в нем улучшения и реформы, я предполагаю в то же время, что члены товарищества образуют из своих представителей редакционный совет, который внесет свои указания в разработку намеченной журнальной программы.

Применительно к общей схеме журнала «литературно-научного и политического» пункты предполагаемых в журнале улучшений намечены в нижеследующем виде:

1) В критических статьях к теме, как русской, так и иностранной литературы должно быть внесено больше разнообразия. Должны быть привлечены новые сотрудники, следящие за новой иностранной литературой. Обзорение русских журналов должно быть дополнено обзорением журналов иностранных. Отдел библиографии должен быть веден более систематично и захватывать также выдающиеся новости иностранных книжных рынков.

Отдел беллетристики, при наличности денежных средств легко может быть улучшен привлечением литературных сил, для которых вопрос гонорара представляет вопрос далеко не второстепенной важности. Из прежних постоянных сотрудников журнала в беллетристическом отделе нужно указать, как на желательных, на следующих: П. Боборыкин, П. Гнедич, М. Горький, В. Каренин <В.Д. Комарова>, Е. Леткова, В. Микулич, Вас. Немир<ович>-Данч<енко>, Вл. Нем<ирович>-Данч<енко>, С. Смирнов, А. Шеллер, О. Шапир, И. Ясинский, А. Эргель.

2) Отдел научный был почти совсем не разработан в журнале до последнего времени, лишен какой-либо систематичности и определенности в задачах. Между тем не подлежит сомнению, что в обществе существует и постоянно возрастает умственный спрос на работы общественно-научного характера, пополняющие знания, и при известном систематическом ведении дел удовлетворяющих потребность в самообразовании. Размер разнообразия в небольших очерках по вопросам естествознания (в его новых отношениях и теоретических приобретениях), философии, психологии и обществоведении, постоянная хроника научных новостей и наконец расширение и систематизация отдела научной библиографии — будут несомненным нововведением в журнале по отношению к прежней программе журнала в этой области.

3) В вопросах внутренней и иностранной политики журнал будет по-прежнему держаться общегуманных прогрессивных начал,

чуждых всякого шовинизма [во всех его проявлениях]. При этом в вопросах внутренней политики должен быть заново организован и систематически разработан отдел земский — так чтобы в течение года журнал давал сжатую, но полную картину деятельности земств — их успешных начинаний, а также и препятствий, встречаемых ими со стороны других <органов?> общей и местной жизни.

Точно также желательно организовать и поставить на систематических началах отдел народного образования — во всех его видах, причем — в течение года — составлялась бы более или менее полная, хотя и сжатая, картина его общих и местных нужд.

В отделе иностранной политики [желательно систематизировать и улучшить иностранные корреспонденции (письма из-за границы), давая читателям материал не только и бытовые].

В существующем в журнале издавна областном отделе желательно систематизировать обозрение жизни русских окраин с выяснением этнографических, бытовых и культурных особенностей их, требующих уважительного и бережного отношения к ним со стороны центра. Особое место в обозрении окраин должна занимать Сибирь, с прежними и вновь намечающимися чертами ее жизни.

В отделе иностранной политики должны быть систематически организованы и улучшены письма из-за границы, знакомящие читателей с западными культурными движениями в широком смысле этого слова. В политическом обозрении или в виде постоянных небольших заметок, желательны систематические указания на все европейские движения в пользу разоружения и вообще все течения мысли, постепенно подкапывающиеся под господствующий повсюду милитаризм.

Все эти улучшения и нововведения не должны занимать лишнего, против прежнего, количества листов в журнале и увеличивать смету, но лишь вытеснять случайные материалы (балласт), постоянно проникающие в журнал, лишенные строго обдуманной организации.

Полная смета журнала исчисляется мною при прежнем количестве листов в 40.000 ежегодно, т. е. позволяет журналу окупаться при 3.500 платных подписчиках.

Состав книжек.

Вследствие чрезмерного израсходования времени и сил на борьбу с материальными невзгодами [а в первое полугодие и с цензурными условиями] редакционная сторона дела велась неудовлетворительно [многие начатые уже задачи исполнялись непоследовательно и неудовлетворительно], что повлекло неудовольствие подписчиков,

о котором приходилось слышать, и которые <так!> находили отголоски в печати, особ<енно> провинциальной. К недостаткам журнала, вызывавшим нарекания, нужно отнести следующие:

В I отд<еле>.

1) Незначительность популярно-научных статей, на кот<орые> есть большой спрос, что выражается сильным спросом на попул<ярно>-научные книги и журн<ал> «Мир Божий», кот<орый> состоит преимущественно из такого рода статей. Пополнение и развитие научного отдела представлялось особ<енно> затруднительным в виду необходимости привлечения новых сотрудников при невозможности аккуратно платить гонорар.

2) Недоведение до конца данного редакцией обещания представить полную программу по самообразованию. Причины те же, что и в предыдущем случае.

3) Довольно слабый выбор переводной беллетристики — вследствие невозможности затрачивать нужное количество времени на отыскание выдающихся вещей в иностранных журналах. Также — стилистические недостатки переводов — вследствие невозможности отдавать достаточное количество времени редакционным поправкам и <подыскать?> более новых современных переводчиков. (Многочисленные жалобы на плохие переводы).

Во II отделе.

4) Отд<ел> Провинц<иальной> печ<ати>, оч<ень> любимый пров<инциальной> публикой, велся разными лицами с большою непоследовательностью, с пропусками в несколько месяцев, с упущением жгучих для провинции тем, затрагиваемых другими изданиями.

5) Отд<ел> «На окраинах» и «Областной отд<ел>» велся также не систематически с упущением наиболее жгучих тем, отмеченных всею провинц<иальною> печатью.

6) Внутр<еннее> обозрение вызывало много критических нареканий со стороны разных лиц и велось, действ<ительно>, слабо, сотрудником, не имеющим достаточной подготовки по юридич<еским> вопросам, и при том писалось наскоро, в последние дни месяца, по его собств<енному> заявлению, вследствие того, что неаккуратность в выплате гонорара ставила его в необходимость набирать много случайной работы из других ред<акций>.

7) Отдел Крит<ики> и библиографии страдал несистематичностью: для многих выдающихся, всех интересующих книг не давалось никакого отзыва за недостатком подходящих сотрудников и вследствие того, что постоянные ред<акционные> работники, не будучи уверены в получении гонорара, писали для журнала только в конце

месяца наскоро о книгах, более легких для отзыва. Многие ничтожные книги, не заслуживающие <нрзб.> вызывали пространственные отзывы. Для упорядочения этого отдела предлагаю <обрыв текста>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО Л.Я. Гуревич к Я.Г. ГУРЕВИЧУ¹

Публикация А.Л. Соболева

Дорогой мой Папа, я должна написать тебе сегодня о деле, от которого буквально зависит вся моя жизнь, все мое будущее. Я должна была бы написать тебе об этом 1 ½ недели тому назад, но я заболела именно в том моменте <sic>, когда должна была быть здоровой, чтоб говорить с тобой. От тебя одного зависит теперь для меня вся судьба, счастье, полное душевное удовлетворение, полный расцвет умственных и душевных сил, полное удовлетворение своей жизнью, забота о своем здоровье и само здоровье. Я еще никогда не переживала такой полной зависимости от чье-либо да или нет. Я была невероятно послушной и терпеливой в болезни, чтоб скорее выздороветь и говорить с тобой; теперь это письмо, напрягающее все мои душевные и нервные силы — первое, что я делаю и ожидание ответа будет поистине ужасным.

Ты много раз говорил мне, что недоволен моей келейной жизнью, моим затворничеством и индифферентизмом ко всему окружающему. Правда, разумеется это правда — ты был прав за меня. Я почувствовала это со всей силой, со всей страстью в этом году. Я поняла, что жила в своем углу, — только от отчаяния, что некуда по-настоящему приложить всех своих разнообразных душевных и нервных сил: я не могу жить, как другие барышни, потому что у меня другой склад натуры и ума; потому что у меня непокорная, сильная и страстная натура, которая уложится только в рамки широкого, сильного, общественного дела: эту деятельную натуру я унаследовала от тебя. Все занятия и всякая жизнь другого рода хороши для меня, как упражнение или как монастырь. Эти два года — это был настоящий монастырь, настоящее безрадостное затворничество. Но в течении этой зимы я заметила, как молодой послушник, что не создана для монастыря. Литература, журналистика, общественная

¹ Текст публикуется по автографу: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 77.

жизнь во всех ее проявлениях стала меня волновать больше всего на свете. Все, что касалось журналов, даже газет, даже фельетоны и полемика — все это волновало меня как нечто родное, все это влекло меня к себе как стихия, для которой я создана. Я почувствовала себя журналистом, я поняла, что из меня может выработаться самый серьезный, убежденный и горячий деятель на журнальном поприще. Но некоторым натурам и особенно женщине бывает так трудно найти себя. В чем именно моя сила? Мои способности? Я еще сама наверное не знала. Я поняла только, что мне надо прорваться в какой-нибудь журнал; начать работать понемногу, сначала статейки библиографического, критического характера, маленькие повести — я сама не знаю. Мне необходимо учиться писать в журнале, где ко мне относились бы не свысока, где мне не надо было бы унижаться, как я унизилась раз в Вестнике Европы. Я не способна к унижению и никогда не забываю его, — это дурная черта, создавшая уже многих неудачников даже из людей очень даровитых. Для развития способностей нужны условия; один из сотни людей, способных к литературе, принимает в ней участие, а люди сравнительно недаровитые выписываются и занимают в журналах почетные места благодаря благоприятному стечению обстоятельств. Женщине еще в двадцать раз труднее выработать из себя литератора... Во мне все задатки, чтобы сделаться с одной стороны настоящим литератором, а с другой — несчастнейшим неудачником, тяготящимся своей жизнью и думающим только о том, как бы отвязаться от нее. Надо сказать правду — до сих пор я не любила жизнь.

С этого года я стала серьезно думать о том, чтобы переехать на эти рельсы: начать писать в журнале, непременно литературном, потому что только неспециальная литература есть мое призвание. Для меня оставался открытым только один журнал: Северный Вестник. (Вестник Европы слишком солиден и слишком хорошо обставлен солидными силами, чтобы иметь терпение разбираться в опытах начинающих писателей; меня оттуда уже раз отогнали: вообще это не то, что мне нужно. Я хочу быть постоянной сотрудницей, тогда только я выпишусь и найду себя. Русская мысль тоже гоняется за именами и тоже имеет постоянных сотрудников по тем отделам, где мне нужно и хочется начать.) Оставался Сев. Вестник, на который я возложила все свои надежды, о котором мечтала страстно всю зиму, к которому просто привязалась душевно как привязываются к чему-нибудь живому, близкому. Я уже задумала для него много ма-

леньких работ, пригодных только для журнала, в котором постоянно участвуешь.

В феврале, т. е. с тех пор, как Евреинова расплатилась со старыми долгами, положение Сев<ерного> В<естника> пошатнулось. С тех пор я решительно потеряла всякий покой. Умиранье этого журнала отзывалось в моей душе как агония знакомого и даже близкого человека. Я не могла без слез брать в руки и даже видеть обертки этого журнала. Я столько плакала о его судьбе, сколько не плакала о смерти знакомых. Это мож<ет> б<ыть> глупо, но это — привязчивость страстной женщины, сосредоточившаяся на предмете хотя неодушевленном, но более живом, чем многие одушевленные существа. Все мои мечты, все мои стремленья сводятся к тому, чтобы быть участницей журнала, чтобы отзываться живым словом на все, что волнует мою душу в окружающем мире. И я могу, я чувствую, что я могу...

Одно время Евреинова просила в долг 15 тысяч под обеспечение журнала, предлагая сделать меня за это соиздательницей. Я умоляла Маму ради Христа достать эти 15 т. Мне думалось, что ведь это не невозможно: достают же люди с именем, с кредитом большие деньги. Сколько великих дел делалось в кредит. На доверии к еще не вполне заявленным способностям ч<е>л<ове>ка основывались великие успехи... Я пережила тогда дни самого невероятного напряжения, надежд и отчаяния. Соиздательство — пустое дело, но я так верю в свои силы, так ощущаю их, что уверена была достигнуть очень многого, имея это малое. Только бы зацепиться, одним пальцем зацепиться за колесо этой колесницы, проносящейся мимо меня — для того, чтоб м<ожет> б<ыть> никогда больше не появляться на моем горизонте — и я уверена, что с тем жаром, с той страстью, кот<орая> пылает в моей душе, я взобралась бы в конце концов на самый верх этой колесницы. Я развернулась бы и возродилась бы, я проявила бы такие качества которых м<ожет> б<ыть> никто даже не подозревает во мне, кроме меня самой... Но ты тогда сказал Маме, что пятнадцати тысяч ни в каком случае не можешь достать. Ни в каком случае? — ну что же делать!... Надо было отказаться от прекрасной промелькнувшей надежды, надо было оторвать ее от своей души. Но Мама прибавила тогда одно слово, которое запало в мою душу: «Папа сказ<ал>, что этой суммы решительно неоткуда взять; пять тысяч он еще мог бы как-нибудь достать, но ведь пять тысяч не спасли бы тебя».

Мне казалось иногда потом, что если бы ты знал, какое это имеет для меня значение, в какой мере это обеспечило бы мое счастье на

всю мою жизнь и в какой мере я переродилась бы, получив доступ в журнале, то не отказался бы сделать все, чтобы достать даже 15 тысяч. Я так глубоко верю в то, что ты ничего не пожалел бы для настоящего счастья своих детей...

С тех пор прошло около 2-х месяцев. Северный вестник совсем умирал. Его уже мог купить всякий желающий. Его уже хотели купить люди, кот<орые> должны были окончательно погубить его. Я думала с глубокой болью в душе за русское общество: неужели не найдется никого, кто бы захотел взять в руки и поднять на высоту молодой чистый журнал, уже окупающий свои расходы?

Две недели тому назад, когда я уже совсем расхварывалась, возник проект, от которого затрепетало все мое существо. Нашлось несколько молодых еще людей из высшей интеллигенции, молодых профессоров, ученых и писателей, соединенных университетским товариществом, кот<орые> решили собрать по грошам все что может стоить С<еверный> В<естник> — приобретение его в полную собственность и хорошее, широкое ведение его до будущего подписного года. Все было аккуратно и предусмотрительно взвешено и рассчитано. Но денег — немного, совсем немного — не хватало для хорошей постановки дела. Им предлагали паи люди со средствами, но они не хотели пускать в свой интеллигентный товарищеский круг лиц мало-мальски неподходящего уровня. Пайщики, дающие каждый по 5 тысяч, составили договор, по которому каждый имеет голос в делах чисто редакторских. Евреинова остается номинально... Узнав об всем этом за день до болезни, я просила спросить на всякий случай приняли ли бы меня? Аким Львович, товарищ по университету этих людей, спрашивал обо мне по моей убедительной просьбе и вероятно говорил что-то в мою пользу. Я хотела тогда же поговорить с тобой, но в тот же день заболела, не успев повидаться с тобой. Но я была до такой невероятной степени охвачена этим делом, этим проектом, что на другой день еще встала с постели на минутку, притворившись здоровой и призвав Акима Львовича — парламентаря, чтоб узнать ответ. Он сказал мне, что дело вообще шатко, п<отому> ч<то> недостает верных паев и что я должна скорее дать ответ, относительно того, на сколько я уверена, что достану свои 5 тысяч? От этого зависело все мое дело и до некоторой степени все дело. Я чувствовала, что окончательно разболеюсь и уже не в состоянии буду написать тебе даже две строчки, а тем более — вести с тобой такой серьезный разговор, мне было очень худо; я вообще не могла больше продолжать этого разговора, и подумав одну минуту, взвесив все безмерное счастье, которое от-

кывалось для меня этим случаем, и вспомнив все те случаи, когда ты говорил о своей готовности отдать все для счастья своих детей, я сказала в совершенно категорической форме: «Скажите от меня, что я ручаюсь за этот пай. Я готова поклясться, что мой отец не откажет мне в этом».

Это было последнее, что я сказала перед болезнью. Несколько дней потом я совсем не могла говорить и что-либо узнать об этом деле. Я заболела в это время совершенно случайно: в жизни бывают такие странные стечения случайностей, которые в художественном произведении показались бы неестественными. Я сказала за тебя свое необходимое решительное слово п<тому> ч<то> разболелась и чувствовала, что не должна упускать ни минуты, что через два часа не буду в состоянии как следует соображать и взвешивать. Мне показалось, что для тебя не оскорбительно будет если в такую минуту я решительно скажу, что безусловно уверена в твоей любви ко мне и в твоём желании счастья для меня. Потом я была больна, — серьезнее, чем ты думаешь: тебе не говорили, чтоб не беспокоить тебя. В болезни я все думала о том, как все будет хорошо, когда я буду пайщицей Северного Вестника и буду писать много и со всей страстью своей нелепой натуры. Эти мечты поддерживали во мне жизнерадостное настроение, я чувствовала себя способной совсем переродиться, стать живой, веселой, здоровой. У меня будет счастье и радость в жизни, и настоящая молодость, которой я почти не знаю. Я была терпеливой и послушной во время болезни, чтобы скорее выздороветь и сказать тебе о том, что я сделала без твоего ведома — на этот раз совершенно невольно. И к этому письму я должна бы готовиться постом и молитвой, и я пишу его кровью своего сердца.

Вчера я встала и сейчас же потребовала известий. Оказалось, что именно вчера подавалось уже прошение о перемене издательства и условие с Евреиновой устно только что было заключено. Мое решительное слово пошло делать свое дело: пайщики дают свои деньги уже в начале будущей недели, и если мой пай не будет представлен своевременно, мое серьезное решительное слово навлечет такой позор на мою голову, что мне кажется — я просто не переживу этого.

Я была в такой невероятной степени взволнована этим известием и необходимостью неотложного разговора с тобой об этом, что вчера не могла даже решиться на это письмо, сил совсем не было. Сегодня я пишу его, собрав все свои душевные и нервные силы. От твоего «да» или «нет» зависит вся моя жизнь. Не сердись, что я говорю тебе об всем этом только теперь: болезнь и то обстоятельство, что я так редко вижу тебя, виною тому, что я говорю тебе об этом теперь, когда

мое положение уже совершенно безвыходно как положение запутавшегося вконец должника.

Достать так скоро 5 тысяч трудно даже для человека с таким кредитом, как ты <sic>. Я знаю это, умоляю о прощении — но что же мне делать? Быть может, Пистоль-Корсы дадут, они живут на ренту.

Я еще решительно никому не говорила и не писала о том положении, в каком я нахожусь. Маме я напишу только тогда, когда получу твой ответ: зачем напрасно тревожить и мучить ее из-за меня. В болезни я тоже ничего ей не говорила обо всем этом. Я была очень слаба, мне было очень трудно долго говорить о чем-либо и я боялась волноваться...

Папочка мой дорогой, сделай для меня это невероятно-огромное одолжение! Дай мне это счастье на всю жизнь. Дай мне радость, душевное удовлетворение и молодость. Я буду здоровая: ты двадцать раз спрашивал меня, что меня мучит, всегда предполагая что-нибудь личное; а меня мучит просто сознание того, что моя молодость, мои силы, мои способности не находят себе применения и что я не могу найти себя. Теперь я нашла себя, теперь я знаю, что мне нужно и так ярко и жгуче сознаю, что буду беспредельно счастлива, когда буду писать в волю и без униженья.

Весь этот год прошел у меня в самых пламенных мечтах о журнале, и теперь это счастье так невозможно близко — сейчас, сейчас я схвачусь за него руками. А с другой стороны — такой ужасный позор, если бы ты не мог исполнить моей просьбы. Папочка мой дорогой, это моя последняя серьезная просьба в жизни, и благодарность моя за нее превзойдет всякие пределы. Я сделаю тебе сотни уступок во всех отношениях. Я обещаю тебе честным словом вести такую правильную жизнь, какую никто не ведет в нашей семье, и никто среди окружающих.

Мне будет для чего беречь свою жизнь и свое здоровье. Хочешь ты, чтоб я одевалась красиво и была приличным общественным человеком — я и это сделаю для тебя. Я не могу придумать, какое из доказательств моей беспредельной благодарности я предложу тебе. У меня такие чудные планы на счет этого журнала, столько мыслей относительно того, что может и должен быть журнал, я убеждена, что все это нужно со временем провести и осуществить. Положение интеллигентной девушки, вроде меня, ужасно тяжело; трудно себе представить, как много фальшивого и грустного в жизни женщины моего поколения. Кто не переживал этого, тот этого не поймет; художественные произведения еще не касались моего поколения. Для

натур не совсем обыкновенных, не шаблонных жизнь еще в двадцать раз труднее. Для меня жизнь без напряженного любимого дела — не жизнь, а прозябание. Мне не нужны никакие блага, которых жаждут другие, мне нужна только возможность пройти <sic> в журнал и окрепнуть в этой атмосфере. Тогда я сумею сделать многое-многое. Мое будущее представляется мне лучезарным при этих условиях. Но только помоги мне на этот раз, простив, что я в критическую минуту сказала за тебя свое слово. Я умоляю тебя на коленях, как никогда никого ни о чем не буду умолять. Не упрекай меня; будучи невольной виноватой, я так ужасно боюсь твоих упреков, как если бы сделала худое безнравственное дело. Я тебе сказала в этом письме все, что копилось в моей душе давно и все, что я пережила за эти две недели болезни. Что бы ты ни говорил мне теперь в упрек или в возражение, мне больше нечего будет сказать, и мне кажется, я умру от стыда и отчаяния, если мое слово, сказанное в серьезнейшую минуту лучшим представителям интеллигентной молодежи, окажется ложным.

Письмо это по своей неожиданности будет для тебя настоящим ударом. Ты занят теперь, теперь тебе некогда — все это я знаю. Но если бы я выходила замуж — ты нашел бы день, чтобы устроить мое счастье. А это для меня будет день такой же выдающийся, как день свадьбы для других. Эти 5 тысяч — то же, что мое приданое. Я никогда не пожелаю ничего другого, мне не нужно никаких благ, кроме этого. Если ты сделаешь это для меня, ты раз на всю жизнь обеспечишь мое счастье, мое положение, мое здоровье. Подари мне один день твоей жизни и эти 5 тысяч, — и через несколько дней ты совсем не узнаешь меня и ты будешь доволен мной. Папочка мой дорогой, последний раз умоляю тебя со слезами ради всего, что есть в мире святого: прости меня и подари мне эти 5 тысяч и мое счастье.

Твоя Люба.

¹ Позднее Л.Я. Гуревич вспоминала об этом времени: «Осенью 1884 г. я поступила на словесное отделение Бестужевских курсов. <...> работала я много, главным образом по истории, интерес к которой привил мне отец; билась над философскими вопросами, слушала физику и химию у Боргмана, Бутлерова и Менделеева, не умея направить любознательность по определенному руслу, — словом, металась и мучилась так, что физически и нервно совсем расшаталась, и у меня стал было развиваться туберкулез. После я уже никогда не была вполне здоровой» [6, с. 237].

² Имеются в виду публикации Л.Я. Гуревич, посвященные художнице Марии Константиновне Башкирцевой (1858–1884), — «Памяти М. Башкирцевой» (Новости и Биржевая газета. 1-е изд. 1887, 11 июля), «М.К. Башкирцева (Биографическо-психологический этюд)» (Русское богатство. 1888. № 2. С. 73–122). Гуревич перевела и опубликовала полученный от родственников художницы ее дневник (Северный вестник [далее: СВ]. 1892. № 1–12), впоследствии неоднократно переиздававшийся.

³ Яков Григорьевич Гуревич (1841–1906) — историк, педагог, благотворитель; с 1883 г. директор учебного заведения, получившего его имя — Гимназия и Реальное училище Гуревича; с 1890 г. редактор журнала «Русская школа».

⁴ О салоне А.А. Давыдовой и покупке журнала у А.И. Евреиновой см.: [9].

⁵ Об этой комбинации Гуревич рассказывала в недатированном письме Гинскому (приводим текст по черновику из архива Гуревич: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 43):

«Многоуважаемый Борис Борисович,

Аким Львович Ф. рассказал мне вчера о новой тактике г. Михайловского, который, по-видимому, не может помириться с мыслью о том, что новые свежие веяния выдвигают новых деятелей и что старые авторитеты рискуют оказаться заслоненными в глазах молодого поколения. Признаюсь, новые выкладки г. Михайловского против Флексера просто изумляют меня своей наглостью: ибо как назвать иначе клевету, которую можно изболтано беспристрастными свидетелями и которая изображает молодого писателя похваляющимся небывалым союзом с такой персоной, как г. Михайловский? Я надеюсь, что люди, знающие А.Л. Флексера не нуждаются ни в каких свидетельских показаниях для того, чтобы понять надлежащим образом какую роль играет он во всей этой истории. Зная его отвращение ко всякой лжи и интригам, я признаться могу только удивляться его долготерпению по отношению к г. Михайловскому. Он имеет полную возможность открыто изболтано М^{ихайловского} и т^{аким} образом пресечь всякий источник глупых двусмысленных пересудов на свой счет. Я могла бы в этом быть одним из свидетелей, потому что очень часто бывала в доме А.А. Давыдовой и все стадии отношений Флексера и Михайловского развертывались на моих глазах. Помню, как нельзя лучше, и всю историю из-за покупки «Северного Вестника». Разговоры Давыдовой и Флексера по поводу совместного участия Флексера и Михайловского в будущем «Северном Вестнике» происходили в моем присутствии. Сама Давыдова рассказывала мне самым детальным образом весь проект, по которому Флексер должен был бы назначен секретарем и жить при редакции. Затем, помню слова Давыдовой — о том переполохе, который произвела в кругу старых либералов статья Флексера по поводу Козлова. С этих пор г. Михайловский и К^{озлов} стали, по-видимому, опасаться Флексера, как литературного соперника, которого можно изболтано, пожалуй, пойти дальше их в искании правды и доискивании тех корней ее, которые не привлекли внимания людей прежних поколений нашего общества. Я не умею понять иначе тех опасений за слишком «метафизическое направление» Флексера, которые высказывались в моем присутствии и которые всегда казались мне весьма смешными и жалкими. Однако и после «истории с Михайловским» переговоры о покупке Северного Вестника не порвались, и Флексер, по-видимому, был нужным человеком для Михайловского и его партии, поэтому на него же хотели возложить поручение привлечь к делу одного денежного человека в Харькове (помню все детали этого дела и фамилию Фролов). Для этой цели Флексер должен был ехать в декабре в Харьков, где заодно мог похлопотать и о деле Успенского. Но Фролов отказался от этого, не желая портить подписки Северного Вестника разговорами о переходе его в новые руки. В феврале после окончательного разговора Флексера с Михайловским я слышала от Давыдовой, что Михайловский не может простить Флексеру того, что он отказался ехать в Харьков по делу о покупке Северного Вестника. [Вот то, что я знаю об отношении обрыв текста].

В письме упоминается заметка Вольнского «Проф. Козлов о Толстом» (СВ. 1891. № 1. С. 158–161), помещенная в номере сразу после его же статьи «Талант и «искра Божия» — о романе Михайловского «Карьера Оладушкина»» (Там же. С. 150–157), которую Михайловский счел оскорбительной.

⁶ Николай Иванович Ильин (1837–1907) — дядя Л.Я. Гуревич по матери, инженер-полковник, совладелец «Общества Московско-Рязанской железной дороги», был человеком состоятельным, в 1890-х гг. приобрел усадьбу Быково у И.В. Воронцова-Дашкова.

⁷ Главная контора «Северного вестника» в 1890 г. находилась на Большой Конюшенной, д. 8.

⁸ Петр Францевич Лесгафт (1837–1909) — биолог, анатом, антрополог, врач; общественный деятель; приват-доцент С.-Петербургского университета; организатор Высших научных курсов подготовки воспитательниц и руководительниц физического образования; после закрытия в 1905 г. (по причине неблагонадежности Лесгафта) курсы были преобразованы им в Высшую вольную школу.

⁹ Первая книга Л.Я. Гуревич «Переписка Спинозы» (СПб., 1891) — перевод с латинского, выполненный под руководством и при участии Волинского.

¹⁰ Борис Борисович Глинский (1860–1925) — журналист, публицист, мемуарист; товарищ Волинского по университету; «Северный вестник» был куплен в 1890 г. у А.М. Евреиновой тремя пайщиками (Глинским, Волинским и Гуревич), Глинский в 1890–1891 гг. — редактор «Северного вестника», в 1891 г. вышел из журнала вследствие несогласия с гегемонией Волинского в формировании редакционного «портфеля»; постоянный сотрудник журнала «Исторический вестник», с 1913 г. его редактор.

¹¹ Письма Л.Я. Гуревич (1887–1922) содержатся в архиве А.Л. Волинского: РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 2. Ед. хр. 4.

¹² Письма Л.Я. Гуревич к отцу (1884–1905), Я.Г. Гуревичу: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 3. Ед. хр. 77, 78. Упомянутое письмо см.: Приложение.

¹³ Обстоятельства покупки журнала на паях изложены Гуревич в записке «Переход “Северного Вестника” под издательскую фирму Глинского и заключение пайщицкого договора», см.: [7, с. 333–334]. Воодушевленная достигнутым, Гуревич писала пафосные письма Глинскому, в архиве сохранились два черновика, приводим текст в извлечениях:

«Милостивый Государь Борис Борисович,

Я просила А.Л. Ф<лексера> открыть мне возможность послужить по мере моих сил делу, которое возбуждает во мне самое глубокое и горячее сочувствие. Я бесконечно рада, что другие усилия убежденных людей восторжествовали над всеми препятствиями, и очень счастлива сознанием, что могу на деле присоединиться к свежему и смелому течению, пробившемуся среди пустынной равнины общественной жизни. Верю глубоко в прекрасное будущ<ее> нашего журнала. Деньги, которые должны поступить в общую кассу, с моей стороны могут быть доставлены Вам сегодня же. Так как я не здорова, Вы не откажетесь быть может зайти ко мне вместе с А<кимом> Л<ьвовичем> завтра в четыре часа или в воскрес<енье> 10 ½ утра. Но по этому поводу я должна еще высказать Вам одно соображение, которое, надеюсь, не смутит моих будущих товарищей. Не имея никаких других расчетов, кроме возможности быть полезной журналу, я хотела вручить свой пай в полное распоряжение А.Л. Ф<лексеру>, как человеку и деятелю, пользующемуся моим безусловным уважением и доверием и хорошо знакомому остальным пайщикам.

Мне лично соверш<енно> безразлично, будет ли записан мой пай на мое имя или на его имя, и я поступила бы так, как это показалось бы удобнее Вам и Вашим товарищам. Но сам Аким Львов. Ф<лексер> решительно настаивает на том, чтобы пай был записан на мое имя, а ему был передан только голос при совещаниях. Я сделала оговорку относительно этого пункта в самом договоре, поставив имя А.Л. Ф<лексера> рядом со своим. Если бы это было нужно, я могу присоединить к этому особую доверенность. Вообще дело не станет за какой угодно формальностью, п<отому> ч<то> я достаточно знаю А.Л. Флексера и могу сказать с полной уверенностью, что между мною и им никогда не мож<ет> возникнуть никаких принципиальных разногласий в делах журнала.

Затем позвольте сказ<ать> Вам еще неск<олько> слов по поводу нашего завтр<ашнего> разговора. Зайдя ко мне, Вы, вероятно, застанете и моего отца. Я считаю нужным предупредить Вас на всякий случай, что получая от него деньги на мой пай, я окажусь, б<ыть> м<ожет>, не вполне солидарной с ним по некоторым вопросам... Отцы и дети! Вы не должны ни малейшим обр<азом> смущ<аться> этим, п<отому> ч<то> Вам предстоит иметь дело только со мной и А<кимом> Л<ьвовичем>. Деньги поступают в мое

полное распоряжение. Но я должна просить Вас, однако, иметь в виду все мною высказанное при нашем завтрашнем свидании и не касаться подробностей нашего дела, которые могли бы послужить предметом разговора между людьми, связанными живым общим интересом» (РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 43).

¹⁴ Александр Александрович Бубнов — присяжный поверенный Санкт-Петербургской палаты; его письма (5) к Л.Я. Гуревич (1891–1892) о результатах переговоров с Анной Александровной Глинской см.: ИРЛИ. № 19825.

¹⁵ Далее две страницы чистые (Л. 10–10 об.).

¹⁶ «Договор между пайщиками журнала “Северный вестник” от 2-го апреля 1891 года на передачу журнала в собственность Л.Я. Гуревич» опублик.: [7, с. 323–327].

¹⁷ Барон Гораций Осипович Гинцбург (1833–1909) — владелец одного из самых могущественных в Петербурге в 1860–1880-е гг. банкирских домов «И.Е. Гинцбург», купец второй гильдии, меценат, благотворитель, общественный деятель; см.: [1, с. 51–98].

¹⁸ Усова — неустановленное лицо, вероятно, родственница Л.Е. Усова, см. примеч. 41.

¹⁹ Михаил Александрович Лозино-Лозинский (Любич-Ярмолович; 1865–1921) — юрист; в 1914–1917 гг. пермский губернатор, см.: Энциклопедия Пермской области <http://www.perm1.ru/perm/wTQHDKcXic/info.html>.

Приводим ультимативное письмо Лозино-Лозинского в редакционный комитет журнала от 9 апреля 1892 г. (ИРЛИ. № 19978), которое как нельзя лучше характеризует автора и редакционную атмосферу:

«В редакционный комитет Северного вестник для представления Общему Собранию пайщиков.

Принимая во внимание

1) что по договору Л.Я. Гуревич принадлежат права издательства, а редакционные обязанности возложены на редакционный комитет, которого я состою членом, —

2) что без моего участия и ведома Л.Я. Гуревич приняла на себя данное ей ответственным редактором М.Н. Альбовым полномочие вести редакционную переписку, т. е. представлять перед третьими лицами редакцию журнала, —

3) что ни М.Н. Альбов, без согласия членов редакционного комитета, такого полномочия Л.Я. Гуревич не имел права давать, ни Л.Я. Гуревич, в силу своих обязательств перед пайщиками, по договору, не имела права принимать, —

4) что несмотря на мои словесные представления, Л.Я. Гуревич не отказалась от своего желания вести от своего имени редакционную переписку по всякого рода письмам сотрудников и

5) что такими действиями издательницы договор пайщиков, а в частности, права мои, как члена редакционного комитета, я признаю нарушенными:

Я нижеподписавшийся имею честь просить общее собрание пайщиков Северного вестника об освобождении меня от обязанностей члена редакционного комитета.

Михаил Лозинский».

История взаимоотношений с Лозинским и его притязаний на место секретаря журнала изложены Гуревич в «Объяснении...»: [7, с. 357–358].

²⁰ М.Н. Альбов с 1894 г. большую часть года проводил в Полтаве в семье доктора Е.В. Святловского, периодически посылая Гуревич и Волынскому рекомендации по содержанию портфеля беллетристического отдела, в 1897–1901 гг. постоянно жил в Полтаве.

²¹ Об этом эпизоде биографии Волынского известно немного. На одном из его писем (не датировано) Гуревич сверху сделала помету: «1892» и примечание на отдельном листе: «А.Л. Волынский разводился в это время со своей женой, Т. Угер» (РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 43). От брака с Темой Угер у него родился сын, который умер в младенчестве, и дочь Мэри (Мэри Акимовна, в замужестве Зеликина; 1887–1953).

²² Александр Аркадьевич Кауфман (1864–1919) — экономист, юрист, автор работ по вопросам землепользования и землевладения Сибири, аграрным и переселенческим проблемам. В автобиографии, посланной С.А. Венгерову, Кауфман вспоминал (от третьего лица) о своей курьезной причастности к журналу в период «двоевластия»: «К тому же приблизительно времени относится участие К<ауфмана> в одной литературной комбинации — в коллективном издательстве “Северного вестника”. Эпизод этот, активные роли в котором играли, с одной стороны, Б.Б. Глинский, с другой — А.Л. Волинский и Л.Я. Гуревич, по отношению к К<ауфману>, как и к некоторым другим “пайщикам” этого печального предприятия, носил почти комический характер: в дело К<ауфман> вошел почти исключительно из “товарищества” с Глинским, без ясного понимания общественно-политических задач такого дела, как журнал, без всякой осведомленности в журнальной технике, и дело очень скоро кончилось распадением данной комбинации и потерей пая» (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 1747. Л. 10).

²³ Митрофан Иванович Свешников; в архиве Л.Я. Гуревич содержатся пять его писем 1891 г.: ИРЛИ. № 20076.

²⁴ Имеется в виду Н.И. Ильин, см. примеч. 5.

²⁵ Возможно, меценат Август фон Пистолькорс, жена которого Эмилия Натали Пистолькорс (урожд. Гарднер) была приемной дочерью барона А.Л. Штиглица, одного из крупнейших российских финансистов, и унаследовала все его гигантское по тем временам состояние; подробнее см.: [1, с. 31]. Пистолькорсы принадлежали к старинной дворянской семье, владевшей домами в Павловске.

²⁶ Имеются в виду документы — «Объяснение издательницы “Северного Вестника” Л.Я. Гуревич по делу о неправильных притязаниях, предъявленных к ней пайщиками: А. Глинской, М. Свешниковым, М. Лозинским, А. Кауфманом и С. Крассовским на общем пайщицком собрании 5 декабря 1891 года» и «Приговор третейского суда»; опубли.: [7, с. 330–390].

²⁷ Владимир Данилович Спасович (1829–1906) — правовед, адвокат, публицист, историк польской культуры и общественной жизни; выступал защитником Гуревич в третейском суде с пайщиками.

²⁸ Имеется в виду документ, датированный 22 декабря 1891 г.: «Соглашения издательницы журнала “Северный Вестник” Л.Я. Гуревич с бывшими пайщиками журнала: Глинской Анной Александровной, Любич-Ярмолович-Лозино-Лозинским Михаилом Александровичем, Кауфманом Александром Аркадьевичем, Свешниковым Митрофаном Ивановичем»: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 232.

²⁹ Банк Общества Взаимного кредита.

³⁰ Василий Андреевич Чацкий — инженер, служил в Обществе распространения коммерческих знаний (Весь Петербург на 1897 г. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд-е А.С. Суворина); по-видимому, друг семьи Гуревич, сохранились письма (71) Л.Я. Гуревич к Чацкину за 1896–1898 гг., которые позволяют проследить историю их деловых отношений в период издания журнала: ИРЛИ. № 19888.

³¹ Анатолий Федорович Кони (1844–1927) — юрист, литератор, мемуарист, общественный деятель. Очевидно, речь идет о состоявшемся в марте 1878 г. суде над Верой Засулич, 31 марта судом присяжных под председательством А.Ф. Кони ей был вынесен оправдательный приговор.

³² 12 июня 1892 г. А.Ф. Кони, находившийся на лечении в Кисловодске, отвечал на письмо Гуревич: «Благодарю Вас за все доброе, что в нем высказано — и за известие о том, что Ваши отношения с Я<ковом> Г<ригорьевичем> стали лучше. Вам столько приходилось тревожиться и выстрадывать на тернистом поприще журналистики, что нельзя не радоваться, что личный элемент для порешения душевного равновесия устранился» (ИРЛИ. № 19946. Л. 5).

³³ Возможно, Николай Николаевич Коншин (1833–1918) — купец первой гильдии, промышленник, основатель торгового дома «Николай Коншин и сыновья» и «Товари-

щества мануфактур Н.Н. Коншина в г. Серпухов», общественный деятель, благотворитель.

³⁴ Подробно см.: [9, с. 22]; см. также: [2].

³⁵ В архиве Гуревич сохранилась нотариально заверенная копия долгового обязательства на имя потомственного почетного гражданина Петра Емельяновича Платицина на сумму 3.000 рублей серебром без процентов: ИРЛИ. № 20242. Л. 22.

³⁶ Сергей — вероятно, родственник Гуревич по материнской линии. См. о нем в письмах Сарры де Бувэ (Sarra de Beauvais) — парижской знакомой Гуревич (из круга О.Н. Смирновой, возможно, ее доверенное лицо). 6 сентября / 24 августа 1892 г. она писала из Парижа: «Теперь радуюсь за Сережу, что он увидит своих, рада и за них, но тяжело мне без меры — Сохрани его и помилуй Господь, от всякой беды» (ИРЛИ. № 20217. Л. 10).

³⁷ Григорий Яковлевич Гуревич-Ильин (1870–1947) — младший брат Л.Я. Гуревич, в 1894 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, в 1900 г. — Военно-медицинскую академию; впоследствии врач-терапевт, профессор, автор трудов по медицине.

³⁸ Возможно, Борис Наумович Кричевский (1866–1919) — публицист, З.Н. Гиппиус характеризовала его: «будущий оппонент Дм<итрия>, соц. демократ, еврей, буд-то бы философ» [5, с. 168].

³⁹ Григорий Самойлович Вольтке (псевд.: Л. Владимиров, Г. Самойлович; 1864–?) по окончании в 1885 г. со степенью кандидата естественного отделения физико-математического факультета Новороссийского университета продолжил образование на юридическом факультете Петербургского университета, в 1889 г. получил степень кандидата права; с 1890 г. — присяжный поверенный Санкт-Петербургской Судебной палаты. Печатался с 1887 г. (газ. «Одесские новости», «Новости» (СПб.), журнал «Восход», сборники «Нивы», «Северный вестник», «Север», «Русская школа», «Журнал Юридического общества» и др.; позднее в «Речи», журн. «Нива», «Еврейский мир», «Современный мир», «Право» и др.). Сведения взяты из автобиографии Вольтке: ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 942.

⁴⁰ Михаил Петрович Соловьев (1841–1901) возглавлял Главное управление по делам печати МВД в 1896–1901 гг.; в годы его управления были приостановлены многие органы печати.

⁴¹ В архиве Л.Я. Гуревич сохранились пачки векселей, полученных от Н.И. Ильина, С.А. Розалион-Сошальской, П.Е. Платицина, Л.Л. Мейера; И.Е. Мандельштама, А.П. Субботина, Л.Е. Усова: ИРЛИ. № 20242; РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 229.

⁴² В письме к Э.И. Мешингу от 20 августа 1898 г. Гуревич вспоминала об этой поездке (она отправилась в Наугейм): «Я решилась поехать за границу на деньги отца, хотя это было мне при тех условиях уже совершенно невыносимо, — я знала, что если не поправлю здоровья, то не спасу и журнала. В то же время нужно было решить вопрос о летней книжке. Я знала, что если прекращу журнал тогда же, за лето выйдет скандал, который помешает мне осенью вновь устроить дело. Я пошла на очень рискованную вещь (без большого риска ничего большого сделать нельзя): я знала, что летом будет полугодовая подписка, и на эту полугодовую подписку я решила издать книжку. Риск был очень серьезный: принимая при этих условиях полугодовую подписку, я *вновь обязуюсь* перед всеми подписчиками довести журнал до конца года, — иначе это прямое воровство, за которое меня вправе оскандалить, как самого легкомысленного человека, даже как безрассудного человека. Я пошла на этот риск. Шутявын выпустил мне двойную, июньско-июльскую книжку, которая к тому же, из-за смерти Коссовича, две недели валялась в цензуре и вышла только в августе. Нужно еще прибавить, что она рассылалась понемногу, пока приходили еще полугодовые деньги, и что часть ее осталась не разосланной... Все это вызвало бесчисленные разговоры и буквально сотни писем в редакцию. Затем — появились печатные нападки, о кот<орых>, впрочем, я скажу ниже и которые влияют таким образом, что деньги совсем не приходят и со дня на день может разразиться скандал со стороны подписчиков. Печатать дальнейших книжек я,

конечно, никак не могу: у меня больше не может быть никакого кредита, мои векселя ничего не стоят и не могут учитываться. Мой личный кредит уже совсем исчерпан, до дна, до последней капли. Взять что-либо у отца, хотя бы 25 рублей, *я не могу*» (РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 56).

⁴³ В архиве Гуревич сохранились 11 векселей вдовы коллежского асессора Софии Александровны Розалион-Социальной стоимостью 1000 рублей серебром: ИРЛИ. № 20242; а также 4 ее письма к Гуревич (1894–1895): РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 171.

⁴⁴ Городок Харьковской губернии; ныне крупный железнодорожный центр Украины.

⁴⁵ Имеется в виду заметка Гуревич и Волынского «Идеализм и буржуазность», напечатанная в январской книжке «Северного вестника» за 1896 г.; подробнее об этом см.: [9].

⁴⁶ Речь идет о происшествии в редакции «Северного вестника» 5 февраля 1896 г., имевшем громкий общественный резонанс — оскорблении, нанесенном Л.Я. Гуревич Николаем Николаевичем Шелгуновым, сыном видного революционера, литературного критика и публициста Н.В. Шелгунова. Г.Я. Гуревич (брат) намеревался вызвать Шелгунова на дуэль, но она категорически воспрепятствовала его намерению. 17 февраля 1896 г. Суворин записал в дневнике: «В “Северном Вестнике” печатает Тучкова-Огарева свои воспоминания. В февральской книжке, стр. 87–89, она рассказывает о Ш. (Шелгуновой), которая бросила мужа, сошлась с С.С. (Серно-Соловьевич), от которого родила сына, и этого сына отправила к мужу, потом и С.С. посадила в дом умалишенных. Шелгунова названа буквою Ш., Серно-Соловьевич — С.С., но в выноске — полной фамилией, а потом и титле, стр. 88, тоже полной фамилией. Сама Шелгунова умна, сын ее тоже умен. Он пошел к Л.Я. Гуревич, резко объяснился с ней и плюнул ей в лицо» [12, с. 205]. 2 марта в «Новом времени» (1896. № 7187. С. 3) было напечатано письмо Л. Гуревич с подробным рассказом о происшествии, получившим нежелательную огласку. Поступок Шелгунова-младшего был воспринят ею не с позиции собственной ошибки, нарушения этики, а исключительно в контексте литературной ситуации — в свете борьбы «модернистов» и либералов-народников. Подробно см.: [8]. В послании к Чацкину 23 февраля 1896 г. Гуревич писала: «Как я и думала, моя история попадет в газету. Это безымянное известие перейдет в другие места...

Дело не в том, что это говорят и рассказывают, но в том, что они мне рассказывают неправду, и этим подрывают мой авторитет перед всеми незнающими меня людьми, делая из меня *непорядочного человека*. <...> Если б я думала, что для журнала мое молчание будет полезно, я бы осталась неподвижной, — какой Вы меня видели до сих пор. Но я Вам скажу откровенно все, что думаю об этом по отношению к журналу. Толстой писал мне, что очень жалеет, что нельзя оглашать эту историю в ее целом. Его сочувствие всецело на моей стороне. Я уверена, что если я расскажу печатно в *Сев-ерном> В-естнике>* в коротких, твердых и правдивых словах историю и передам те основания, те принципы, по которым я считаю нелепым всякие дуэли, Толстой напишет по этому поводу сам где-нибудь в распространенном месте, и это раз навсегда удалит с моего поведения и с чести журнала всякое пятно и даже привлечет сочувствие. Неужели лучше, чтобы сотрудники, знакомые и мало знакомые, но полезные журналу люди, думали, что я замалчиваю этот вопрос как виноватая?..

Я убеждена глубоко, что лучшее и наиболее полезное, что я могу сделать — громко, просто и кратко рассказать, как было дело. <...> Никто не понимает моего молчания в том смысле, что я молчу, как *правый человек*, все думаю, что я виновата, т.е. что я сделала какую-то гадость в полемическом увлечении. <...> разве не полезно будет высказать правду так, чтобы люди поняли, что я — не подлая женщина и не трусиха, прячущая в норку свое оплеванное лицо» (ИРЛИ. № 19888. Л. 2–2 об.).

⁴⁷ Роман Л.Я. Гуревич «Плоскогорье» впервые печатался в «Северном вестнике» (1896. № 9 – № 12; 1897. № 1 – № 4), ранее в журнале был напечатан пролог к роману под заглавием «Разлука» (СВ. 1895. № 9); отд. изд.: СПб.: Тип. М. Меркушева, 1897.

⁴⁸ Владимир Александрович Энгельгардт (1862–1912), с 10 декабря 1892 г. числен к МВД и откомандирован в Петербург; с 18 марта 1896 г. исполняющий должность цензора, с 10 апреля 1899 г. утвержден в должности. В письме Чацкину от 13/14 де-

кабря 1896 г. Гуревич рассказывала: «Новый начальник по делам печати — самодур, ретроград и отчаянный юдофоб, из таких, которые не могут говорить и писать о национальных вопросах иначе как с пеной у рта, буквально сделал Северный Вестник мишенью для своих придиорок. То, что в журнале писал Толстой, тоже оказалось в его глазах преступлением огромной важности. В результате, кроме самых некультурных по форме “нагоняев”, кот<орые> выпали на мою долю при личных объяснениях с начальством, я получила цензора — взяточника (это знают и цинически-откровенно говорят об этом в цензурном комитете) и пьяницу, который буквально не ведает, что творит. Вылетают невиннейшие статьи — ежемесячно очень много набору пропадает даром. И при этом никаких законов, никаких правил, с которыми можно было бы сообразоваться: более резкие вещи иногда им же подписываются. Авторы буквально выходят из себя, и я провожу в полубесплодной борьбе невозможное количество времени, необходимого для других обязанностей по журналу. Все эти обстоятельства достачотны для того, чтобы журнал в общем понизился в тех достоинствах, которые раньше имел, и ожидать улучшения в приходах было бы более чем неосновательно» (ИРЛИ. № 19888. Л. 39 об.-40).

Любопытный портрет М.П. Соловьева (см. примеч. 40) оставил В.В. Розанов: «Как человек он был кристально чист душой и как главноуправляющий по делам печати и вместе отличный юрист, — он в первые же месяцы, собрав все литографированное и отпечатанное за границу, что вышло из-под пера Л.Н. Толстого, приступил к составлению обширного доклада на Высочайшее имя, с заключением, что или законы Российской империи должны исполняться, и тогда Толстой должен быть предан суду... — или... “Но, конечно, законы должны исполняться”. <...> Доклад остался без последствий <...> в силу глубокого уважения, какое к гению Толстого имел Государь Александр III. Но и далее тот же Соловьев впервые ввел знаменитое “назначение редакторов” в газеты и через это буквально терроризировал печать. <...> Текущую литературу, “прессу” он всеми силами презирал ранее своего цензорства, — просто как “мелочь сравнительно с Данте и Петраркой”... <...> Горемыкин назначил М.П. Соловьева — юрисконсульта при канцелярии военного министерства на эту должность, лично он его не знал, за него попросили Победоносцев и Серг. Алекс. Рачинский, которому Соловьев страстный любитель Византии и Средневековья показал свои миниатюры Данте и Петрарки. Через него (Рачинского) состоялось знакомство с Победоносцевым и он тут же “назначил” Соловьева на должность за его взгляды (он ненавидел толстовство и всю современную печать)» (В. Варварин. К.П. Победоносцев в его переписке // Русское слово. 1907. № 285. 12 (25) дек. С. 2).

⁴⁹ Константин Льдов (наст. имя Витольд-Константин Николаевич Розенблюм; 1862–1937) — поэт и переводчик.

⁵⁰ Роман «Плоскогорье» вызвал многочисленные отклики в прессе, преимущественно положительные (в рецензиях отмечались и недоработки). В ноябре 1913 г. в письме к А.Г. Горнфельду Л.Я. Гуревич вспоминала: «В 90-ых годах я написала и издала роман, который долго, мучительно вынашивала, но который не было возможности писать во время издания “Северного Вестника”. Но не было возможности и не написать его, вопреки всем обстоятельствам. Известно то, что бывает с ребенком, который развивается и рождается в противоестественных условиях: вышел урод. Я даже не написала этот роман, а продиктовала его стенографистке, и таковы были обстоятельства (“Северный Вестник” был накануне банкротства), что его пришлось пустить в печать без всякой обработки, с стенограммы. Этот урод мучил меня всю жизнь. Я чувствовала, что не стану в литературе сама собой, пока не исправлю сделанного. И недавно я стала работать над этой старой вещью» (ОР РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 503).

⁵¹ См.: Прошение Гуревич к министру внутренних дел о снятии с журнала предварительной цензуры (4 апреля 1897 г.): РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 2. Ед. хр. 315. Л. 88–91.

В письме к В.А. Чацкину от 22 мая 1897 г. Гуревич рассказывала: «...по совету председателя цензурного комитета, Коссовича (<примеч. внизу страницы:> который издавна ко мне мил и добр) стала изо всех сил хлопотать о снятии предварительной цензуры, чтобы можно было конкурировать с другими изданиями. <...> Опасности за-

крытия журнала я не предвижу, поэтому шесть лет бесед с цензорами дали опыт, да и живут же благополучно другие журналы, даже накопившие 2 предостережения. Добыть освобождения этого мне удалось лишь с великим трудом — путем непосредственного обращения к Министру Внутренних Дел, который был очень любезен и даже сильно повлиял на Главное Управление по делам печати, которое стало со мною очень любезно (объясняя сие добродушие Министра тем, что прежде свидания с ним подсылала к нему с разговорами обо мне разных знакомых, в том числе его дочь, с которой я познакомилась). Теперь бесцензурность получена, но вот тут-то все-таки есть “закавыка”, о которой я и говорила с Сергеем Матвеевичем. Дело в том, что от того времени, когда журнал преследовался не административным, а судебным порядком, остался неприятный, уже мертвый закон — о внесении издателем или за издателя кем-либо долга в 2.500 р. Я об этом заранее знала и говорила с делопроизводителем Главного Управления по делам печати — в том смысле, что нельзя ли от этого избавиться. Он объяснил, что избавиться нельзя, но что долг никогда ни для кого не представлял затруднения <...> и т. д. (ИРЛИ. № 19888. Л. 45–45 об.).

⁵² См. С. 133–134 наст. изд.

⁵³ Нафанаил Маркович Геренштейн (1855–?), автор брошюры «Народное образование» (СПб.: Тип. М. Меркушева, 1897), очевидно, знакомый отца Я.Г. Гуревича.

⁵⁴ Неустановленное лицо.

⁵⁵ Константин Льдов принимал горячее участие в журнальных заботах Гуревич, в рутинной конторской работе был фактически ее «правой рукой», вместе с нею просиживал в редакции до утра; сохранились его благодарные и влюбленные письма к ней, в которых он выражал восхищение ее самоотверженной преданностью журналу. Например, 13 апреля 1896 г. он писал ей: «Только что вернулся от Вас... Солнце так и сверкает. Раньше чем улечься, набрасываю несколько слов от полноты души. <...> пишу только затем, чтобы сказать Вам, что Вы — чудная и прелестная, и что я люблю Вас — и вовсе не как женщину... И даже, если надо сознаться вполне, “чуточку” даже и как женщину... Ведь это же все равно Вам, Вы не обижаетесь, что я люблю всякую красоту <...>» (ИРЛИ. № 19986. Л. 2–2 об.).

⁵⁶ Сарра де Буве. О произошедшем инциденте сведений не имеем.

⁵⁷ Предположительно (по инициалам), Сергей Иванович Ильин.

⁵⁸ Ср. запись в дневнике (осень 1898): «...последние 1 ½ года были особенно ужасны. А теперь еще ужаснее. Теперь, просто, буквально нечего есть, потому что Надя спрашивает: купить ли белого или черного хлеба на 4 копейки, которые у нее есть. Около 10 дней я не обедала и до того истощена, что в голове у меня вместо мозга какая-то холодная вода. Сегодня Аким Львович сказал, что наконец так невозможно, что должна я взять себе хоть 2 рубля из тех 200 руб., которые я достала таким отвратительным способом от Сергея» (Мне эти деньги отвратительны, — другим, может быть, ничего)» (РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 66).

⁵⁹ Троицкая улица с 1929 г. — ул. Рубинштейна) проходит от Невского проспекта до Звенигородского проспекта.

⁶⁰ Вероятно, Николай Васильевич Арефьев — немецкий корреспондент «Русского слова», «Голоса Москвы» и «России», автор книги «Русский путеводитель по Берлину» (Берлин, 1904). — Сообщено А.Л. Соболевым. В архиве Гуревич содержится папка с документами, относящимися к 1895 г., на приложенном к ним конверте рукой Гуревич: «Документы по вопросу о цензуре в Томске, данные Арефьевым на сохранение и пользование» (ИРЛИ. № 20245).

⁶¹ А.Ф. Кони, близко знавший Я.Г. Гуревича, 21 марта 1906 г. вскоре после его кончины писал Любови Яковлевне: «Я знал больше, чем многие, из его жизни и был не раз чтцом в его сердце, в котором ярко горела горячая, хотя подчас и ворчливая, но нежная и деликатная, трогательная по своим проявлениям любовь к Вам» (ИРЛИ. № 19946. Л. 16 об.–17).

Литература

1. *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. М.: РОССПЭН, 2006. 296 с.
2. *Богомолов Н.А.* В Ясной Поляне 125 лет тому назад // Русская литература. 2018. № 3. С. 170–180.
3. *Волинский А.Л.* Русские женщины / предисл., коммент., публ. А.Л. Евстигнеевой // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum, 1994. Вып. 17. С. 209–292.
4. *Гиппиус Зинаида.* Дневники: в 2 т. / вступ. ст. и сост. А.Н. Николукина. М.: Интелвак, 1999.
5. *Гиппиус-Мережковская З.Н.* Собрание сочинений. М.: Дмитрий Сечин, 2019. Т. 16 (дополнительный). Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь, его работа / предисл., подгот. текста и коммент. Р.А. Городницкого и А.И. Серкова. 592 с.
6. *Гуревич Л.Я.* История «Северного вестника» // Русская литература XX века. М.: Мир, 1914. Т. I. С. 235–264.
7. *Молоствов Н.Г.* Борец за идеализм (А.Л. Волинский). 2-е изд. СПб.: Тип. П. Сойкина, 1903. 396 с.
8. *Павлова М.* «Этот пресловутый плевок в лицо...»: Из истории журнала Северный вестник // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz / ed. by Catherine Ciepela and Lazar Fleishman. Stanford, 2014. P. 117–137. (Stanford Slavic Studies. Vol. 45)
9. *Павлова М.М., Богомолов Н.А.* Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 8–60. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-8-60>
10. Письма З.Н. Гиппиус к А.Л. Волинскому / публ. А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкаревой // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum, 1993. Вып. 12. С. 274–341.
11. Русские Modernen – Зинаида Гиппиус и Николай Минский. (Из писем Любви Гуревич к Эдгару Мешингу) / вступ. ст. и коммент. М.М. Павловой и С. Рабиновича; подгот. текста М.М. Павловой и К.В. Яковлевой // Русская литература. 2010. № 2. С. 100–125.
12. *Суворин А.С.* Дневник / расшифровка текста Н.А. Роскиной; подгот. изд. Д. Рейфила и О.Е. Макаровой. М.: Независимая газета, 1999. 670 с.
13. *Толстая Е.Д.* Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волинского. М.: Мосты культуры, 2013. 632 с.
14. *Rabinowitz S.J.* A “Fairy Tale of Love”? The Relationship of Zinaida Gippius and Akim Volynsky (Unpublished Materials) // Oxford Slavonic Papers. New series. 1991. Vol. XXIV. P. 121–144.

Research Article and Publication of Archival Documents

From Lyubov Gurevich's Memoirs about the Journal “Severny Vestnik”. Part Two

© 2021. Margarita M. Pavlova

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Appendix: Lyubov Gurevich. A letter to Yakov Gurevich
Alexander Sobolev's publication

Abstract: The journal “Severny Vestnik”, around which relatively young Petersburg writers — A. Volynsky, N. Minsky, D. Merezhkovsky and Z. Gippius, F. Sologub — were grouped in the last years of the 19th century, was of exceptional importance for the early stage of Russian Symbolism. The article continues the previously begun publication of new materials from the archive of the publisher (since 1891) of the “Severny Vestnik”, Lyubov Gurevich. Two documents from the funds of the RGALI and the Manuscript Division of the IRL RAS — “Lovely Memories” and a note on the reorganization of the journal (1897–1898) — are presented. They are a kind of factual basis and addition to her article “Symbolism of the 1890s and the journal ‘Severny Vestnik’” (presented in the first part of the publication: *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021). Gurevich tells about the financial, organizational and censorship difficulties of keeping the journal and about complicated relationships in the circle of its authors and editors. The appendix contains Gurevich’s letter dated 1891 to her father where she admits that she is attracted by journalism and literary work “more than anything else”, and asks for financial help to buy out the collapsing journal and become the publisher of “Severny Vestnik” herself. Documents introduced into scientific circulation allow expanding the range of sources for studying the history of journalism and early Russian modernism.

Keywords: “Severny Vestnik”, Lyubov Gurevich, Russian literature around the turn of the 20th century, writer’s memoirs, archival materials.

Information about the author: Margarita M. Pavlova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0500-6113>. E-mail: mmpavlova@gmail.com.

For citation: Pavlova, M.M “From Lyubov Gurevich’s Memoirs about the Journal ‘Severny Vestnik’. Part Two.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 108–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-108-154>

References

1. Anan'ich, B.V. *Bankirskie doma v Rossii 1860–1914 gg. Ocherki istorii chastnogo predprinimatel'stva* [Banking Houses in Russia in 1860–1914. Essays on the History of Private Entrepreneurship]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 296 p. (In Russ.)
2. Bogomolov, N.A. “V Iasnoi Poliane 125 let tomu nazad” [“In Yasnaya Polyana 125 Years Ago”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2018, pp. 170–180. (In Russ.)
3. Volynskii, A.L. “Russkie zhenshchiny” [“Russian Women”], introd., comm., publ. by A.L. Evstigneeva. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [The Past: Historical Almanac], issue 17. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., 1994, pp. 209–292. (In Russ.)
4. Gippius, Zinaida. *Dnevnik: v 2 t.* [Diaries: in 2 vols.], introd. and comp. by A.N. Nikoluiukin. Moscow, Intelvak Publ., 1999. (In Russ.)
5. Gippius-Merezhkovskaia, Z.N. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], vol. 16 (supplementary). On i my: Dmitrii Merezhkovskii. Ego Zhizn', ego Rabota [He and We: Dmitrii Merezhkovskii. His Life, his Work.], introd., text prep. and comm. by R.A. Gorodnitskii and A.I. Serkov. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2019. 592 p. (In Russ.)
6. Gurevich, L.Ia. “Istoriiia ‘Severnogo vestnika’.” [“History of ‘Severny Vestnik’.”]. *Russkaia literatura XX veka* [Russian Literature of the 20th Century], vol. I. Moscow, Mir Publ., 1914, pp. 235–264. (In Russ.)
7. Molostvov, N.G. *Borets za idealizm (A.L. Volynskii)* [Fighter for Idealism (A.L. Volynsky)]. 2nd ed. St. Petersburg, Tip. P. Soikina Publ., 1903. 396 p. (In Russ.)
8. Pavlova, M. “‘Etot preslovutyi plevok v litso...’: Iz istorii zhurnala Severnyi vestnik” [“‘This Notorious Spit in the Face...’: From the History of the Journal ‘Severny Vestnik’.”]. Ciepela, Catherine, and Lazar Fleishman, editors. *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*. Stanford, 2014, pp. 117–137. (Stanford Slavic Studies, vol. 45). (In Russ.)
9. Pavlova, M.M., Bogomolov, N.A. “Iz vospominanii L.Ia. Gurevich o zhurnale ‘Severnyi vestnik’. Stat'ia pervaia” [“From Lyubov Gurevich’s Memoirs About the Journal ‘Severny Vestnik’. Part One”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 8–60. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-8-60> (In Russ.)
10. “Pis'ma Z.N. Gippius k A.L. Volynskomu” [“Z.N. Gippius’ Letters to A.L. Volynsky”], publ. by A.L. Evstigneeva and N.K. Pushkareva. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [The past. Historical Almanac], issue 12. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., 1993, pp. 274–341. (In Russ.)
11. “Russkie Modernen – Zinaida Gippius i Nikolai Minskii. (Iz pisem Liubovi Gurevich k Edgaru Meshingu)” [“Russian Modernen — Zinaida Giipius and Nikolai Minsky (From Lyubov Gurevich’s Letters to Edgar Mesching)”], introd. and comm. by M.M. Pavlova and S. Rabinovich, text prep. by M.M. Pavlova and K.V. Iakovleva. *Russkaia literatura*, no. 2, 2010, pp. 100–125. (In Russ.)
12. Suvorin, A.S. *Dnevnik* [Diary], decrypting by N.A. Roskina; ed. prep. by D. Reifild and O.E. Makarova. Moscow, Nezavisimaia gazeta Publ., 1999. 670 p. (In Russ.)

13. Tolstaia, E.D. *Bednyi rytsar': Intellektual'noe stranstvie Akima Volynskogo* [*The Poor Knight: The Intellectual Journey of Akim Volynsky*]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2013. 632 p. (In Russ.)

14. Rabinowitz, S.J. "A 'Fairy Tale of Love'?: The Relationship of Zinaida Gippius and Akim Volynsky (Unpublished Materials)." *Oxford Slavonic Papers. New series*, vol. XXIV, 1991, pp. 121–144. (In English)

Статья поступила в редакцию: 15.12.2020

Одобрена после рецензирования: 25.02.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 15.12.2020

Approved after reviewing: 25.02.2021

Date of publication: 25.09.2021

БИОГРАФИКА

Литературный факт.
2021. № 3 (21)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (21), 2021

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-155-184>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Гончаров — секретарь адмирала Е.В. Путятина (новые материалы)

© 2021, А.Ю. Балакин

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье вводятся в научный оборот донесения и рапорты, послывавшиеся с борта фрегата «Паллада» во время кругосветного плавания 1852–1854 гг. Большая часть из них написана И.А. Гончаровым, который исполнял обязанности секретаря начальника экспедиции вице-адмирала Е.В. Путятина. В документах представлены новые данные о плавании русской эскадры, корабельных буднях и происшествиях, переговорах с японскими представителями. Корреспондируя с воспоминаниями и частными письмами Гончарова, служебные рапорты дополняют и уточняют наши знания об этой интересной странице жизни писателя, одновременно сообщая важный исторический материал по истории русского флота и дипломатии.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, фрегат «Паллада», биография писателя, служебные документы, архивные материалы, русско-японские отношения.

Информация об авторе: Алексей Юрьевич Балакин — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7194-5461>. E-mail: balakin@inbox.ru.

Для цитирования: Балакин А.Ю. Гончаров — секретарь адмирала Е.В. Путятина (новые материалы) // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 155–184. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-155-184>

В фондах Российского государственного архива Военно-морского флота в Санкт-Петербурге (далее — РГА ВМФ) хранится большое количество документов, связанных с кругосветной экспедицией группы кораблей под началом вице-адмирала Е.В. Путятина (1852–1855), посланной для переговоров с правительством Японии и установления русско-японских отношений¹. Эти материалы могут быть интересны не только историку флота или историку дипломатии, но и историку русской литературы, поскольку на флагманском корабле экспедиции, фрегате «Паллада» находился писатель И.А. Гончаров. Он был командирован в качестве секретаря адмирала; в его обязанности входило составлять рапорты и официальные письма, которые за подписью Путятина отправлялись в Петербург. По словам самого Гончарова, ему было поручено «вести всю корреспонденцию и излагать на бумагу переговоры с японцами» [5, т. 3, с. 36]. Кроме того, писатель вел некий «официальный журнал» экспедиции, который до нас не дошел и о котором известно только из его личных писем [5, т. 15, с. 122, 140, 161, 209].

Всего за время экспедиции в Петербург за подписью Путятина отправилось около трехсот официальных писем и донесений². Значительная часть их была написана Гончаровым, хотя, конечно, не все. В самом начале плавания он сообщал Языковым в письме от 8 (20) декабря 1852 г.: «Адмирал изредка поручает мне писать кое-какие бумаги, но в должность свою я порядком еще не вступил. Большую часть бумаг, и именно по морской части, пишет он сам с капитаном Посьетом, который взят по особым поручениям» [5, т. 15, с. 122]. Впрочем, упомянутые бумаги несложно выделить из общей массы документов: это донесения о финансовых делах по ремонту и оснащению фрегата в английских верфях. Развернутые же донесения о плавании и переговорах написаны, несомненно, самим Гончаровым. Впоследствии некоторые из них были использованы для официального «Отчета Морскому министерству о плавании эскадры генерал-адъютанта графа Е.В. Путятина в Японию и Китай», который также был составлен бывшим секретарем адмирала³.

¹ Экспедиция Путятина неоднократно изучалась; в первую очередь следует назвать следующие работы: [11; 12; 13, р. 308–344; 9, с. 143–165; 6, с. 109–129; 7, с. 398–412]. Новейшие исследования (в том числе и японские) указаны в кн.: [8, с. 15].

² Каждому официальному документу, отправленному с борта «Паллады», присваивался делопроизводственный номер; возможно, последний рапорт перед тем, как Гончаров покинул борт фрегата, был составлен 2 августа 1854 г. и имел № 291 (см. ниже, с. 182).

³ Опубли.: Морской сборник. 1856. № 1. Янв. Ч. III. С. 132–162; атрибутирован Гончарову в статье: [1]. Часть «Отчета...», посвященная плаванию «Паллады», перепечатана: [5, т. 3, с. 138–161].

Полностью рапорты и письма, отправлявшиеся с борта фрегата «Паллада», не были не только опубликованы, но даже описаны, хотя нет сомнения, что их учет необходим хотя бы для будущей Летописи жизни и творчества автора «Обломова». Из них по копиям Архива Внешней политики Российской империи Т.И. Орнатской было опубликовано семь писем к директору Азиатского департамента министерства иностранных дел Л.Г. Сенявину, два рапорта великому князю Константину Николаевичу, исполнявшему обязанности морского министра, а также документы, связанные с русско-японскими переговорами (см.: [5, т. 3, с. 87–138]). Фрагменты других донесений цитировались в работах как историков русско-японских отношений⁴, так и биографов и комментаторов Гончарова⁵.

К настоящему времени нами учтено свыше полусотни рапортов и донесений с борта «Паллады», хранящихся в РГА ВМФ. В основном это подлинники, переписанные штатными писарями фрегата⁶ и подписанные Путятиным, но некоторые бумаги написаны им лично. По большей части они адресованы в Морское министерство. В первые месяцы экспедиции — начальнику Главного морского штаба, светлейшему князю А.С. Меншикову, а с середины 1853 г. — великому князю Константину Николаевичу, который с этого времени фактически стал во главе русского флота, хотя официально не имел никакой должности в министерстве. Часть писем, сохранившихся в копиях, были посланы директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Л.Г. Сенявину.

Выявленные рапорты в основном хранятся в двух делах фонда Военно-походной по флоту канцелярии его императорского величества: «Об экспедиции фрегата “Паллада” для осмотра и описи наших колоний в Америке, и о покупке в Англии новой шкуны для сопровождения фрегату»⁷ и секретном приложении к нему, где сосредоточены дипломатические документы — «Об инструкциях, данных генерал-адъютанту Путятину при отправлении его в кругосветное плавание на фрегате “Паллада” по предмету установления политических и торговых связей России с Японией и проч.»⁸. И хотя на

⁴ См., например: [6, с. 109–124; 10, с. 301–305].

⁵ См.: [2, с. 46], а также примеч. Т.И. Орнатской: [5, т. 3, с. 411–412]. Ряд донесений был в последнее время процитирован и опубликован нами; см.: [3; 4].

⁶ Среди экипажа «Паллады» числилось четыре писаря: Федор Яковлев, Андрей Самохвалов, Алексей Коновалов и Василий Дорожкин (см.: РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2-2. № 5813. Л. 88 об.–89).

⁷ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75а. Содержание этой папки подробно проаннотировано в кн.: [12, С. 174–185].

первый взгляд процент выявленных документов невелик (полсотни из почти трехсот), развернутые донесения о плавании фрегата и ходе переговоров с японцами сохранились все. То, что до нас не дошло (или пока не выявлено) — это, по-видимому, приказы командирам судов, составлявших отряд экспедиции и копии известных нам бумаг, отправленных не Военно-походную канцелярию, а другие отделения Морского министерства. Таким образом, по этим документам можно составить полную и объективную картину экспедиции⁹.

Первые рапорты были посланы из Портсмута 31 октября (2 ноября) 1852 г. Гончаров впоследствии так вспоминал об обстоятельствах их создания: «Он [Путятин] сейчас же поручил мне написать несколько бумаг в Петербург, между прочим изложить кратко историю нашего плавания до Англии и вместе о том, как мы “приткнулись” к мели, и о необходимости ввести фрегат в Портсмутский док, отчасти для осмотра повреждения, а еще более для приспособления к фрегату тогда еще нового водоопреснительного парового аппарата. <...> Не помню, как я разделался с первым рапортом: вероятно, я написал его береговым, а адмирал украсил морским слогом — и бумага пошла» [5, т. 3, с. 36, 38]. Оба первые рапорта переписаны самим Путятыным.

Рапорт № 1:

Честь имею донести Вашей Светлости, что 30 октября / 11 ноября в 3 часа пополудни фрегат «Паллада» прибыл благополучно в Портсмут и бросил якорь на Спитгедском рейде.

При входе в Зунд, при туманной погоде, фрегат коснулся слегка мели у мыса Драго и вскоре, без больших усилий, снялся с оной и продолжал плавание в Гельсинор. Неисправность лоцманов была причиною этого происшествия, ибо несмотря на неоднократный вызов посредством пушечных выстрелов, ни один из лоцманов не явился для проводки фрегата.

К сему считаю долгом присовокупить, что, согласно желанию Его Высочества Великого Князя, мною были сделаны распоряжения о остановке водоопреснительного аппарата, не вводя фрегат в док, теперь же, по причине стояния на мели, я полагаю необходимым удостовериться, не повредилась ли медная обшивка, и исправить оную в доке. В предстоящем нам плавании один оторванный медный лист допустит морских червей добраться до деревянной обшивки

⁹ Донесения не комментируются; об упомянутых в них лицах и событиях см. в примечаниях к тексту «Фрегата “Паллады”»: [5, т. 3, с. 541–761].

и впоследствии может произвести сильную течь, и потому, не смотря на желание мое исполнить волю Его Высочества, я считаю неизбежным, в теперешних обстоятельствах, ввести фрегат в док¹⁰.

Рапорт № 2:

Вследствие высочайшего разрешения приобрести в Англии для Камчатской флотилии винтовое судно, приискана мною в Бристоле и куплена весьма хорошей постройки железная винтова<я>¹¹ шхуна “Fearless” с машиною в 40 сил. Она теперь находится в Портсмуте и согласно нового назначения в трюме ее устраиваются каюты для офицеров и команды, машина вновь перебирается и изготавливаются запасные вещи, необходимые для долгих плаваний. Шхуна была построена год тому назад для фруктовой торговли в Средиземном море и отличалась скоростью хода и хорошими морскими качествами. Ценность оной со всеми переделками и полным снабжением, я полагаю, немногим превзойдет 5.000 фун. стер., хотя, по неимению окончательных счетов, я еще не могу определить точной цифры. Во всяком случае из ассигнованных на сей предмет 8.000 ф. ст. останется не менее 2500 ф. ст., которые и причислятся к сумме на экстраординарные расходы экспедиции. Вместе с сим я имею честь ходатайствовать дозволение дать вновь приобретенной шхуне имя «Восток» и утвердить на ней командиром 19-го флотского экипажа лейтенанта Римского-Корсакова¹².

13 (25) ноября 1852 г. из Лондона Путятин послал письмо управляющему Министерством иностранных дел Л.Г. Сенявину (№ 6) о том, что задержка в Англии не позволяет фрегату заходить в Рио-де-Жанейро, что он направляется прямо к мысу Горн, и сообщил адреса, на которые следует отправлять корреспонденцию¹³. 24 ноября (6 декабря) 1852 г. было послано отношение (№ 10) к управляющему Министерством финансов П.Ф. Броку о денежных делах, связанных с покупкой шхуны «Восток»¹⁴.

«Паллада» задерживалась в Портсмуте еще дольше, чем предполагалось, и о причинах этой задержки 17 (29) декабря 1852 г. Меншикову отправляется рапорт (№ 15):

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 57–58.

¹¹ Винтовая — вставлено карандашом по полях.

¹² Там же. Л. 59–59 об.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 1. № 303. Л. 7–7 об. (копия).

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 74–75 (копия).

Пребывание фрегата «Паллада» в Англии, продолжающееся более, чем можно было предполагать, поставляет мне в обязанность донести до Вашей Светлости о причинах, удерживающих нас здесь до сего времени.

Бурное плавание, испытанное фрегатом при переходе из Кронштата <sic!> в Портсмут, расшевелило его корпус до такой степени, что при осмотре баргоута нашлось необходимым вновь его проконопатить. Когда же было к сему приступлено, то наружная обшивка во многих местах оказалась поврежденною гнилью. Эти недостатки повели к подробному осмотру всего корпуса, причем открыты были гнилые места в бимсах и по палубам. Конопачение и вырубка поврежденных мест вскоре будут окончены, и фрегат на днях приведется в совершенно благонадежное состояние для предстоящего ему долгого плавания. Справедливость требует, чтоб я засвидетельствовал пред Вашею Светлостью о необыкновенном внимании и готовности англинского <sic!> морского начальства удовлетворять все наши нужды, и нельзя не быть признательным за тщательность, с которою произведены все работы на фрегате. Посему я приемлю смелость просить о исходатайствовании, от Высочайшего имени, Портсмутскому главному корабельному инженеру г-ну Абетель (Abethell) соответственного его званию подарка, который, полагаю, должен быть не менее 1500 р. сер.

Означенные работы и установка водопреснительного аппарата, требующих более времени, нежели сначала предполагалось, были причиною, замедлившего наше отплытие. Остающиеся теперь подделки как на фрегате, так и шхуне «Восток» маловажны, и если ветер не воспрепятствует, оба судна могут отправиться на будущей неделе в море. Постоянно дующие западные ветры задержали более двух недель отправление из Портсмута транспорта «Двины», который едва ли и теперь успел выбраться из Англинского Канала, а потому мы недалеко бы подвинулись, если бы и готовы были ранее.

По совершенном изготовлении судов я буду иметь честь еще раз донести Вашей Светлости о наших действиях¹⁵.

1 (13) января 1853 г. отдается приказ (№ 30) командиру корвета «Оливуца» Н.Н. Назимову следовать после Гонолулу в Порт Ллойд на острова Бонинсима; этот документ в делах не сохранился, о нем упомянуто в рапорте Назимова Путятину, что вверенный ему корабль прибыл в Порт Ллойд 26 января 1854 г.¹⁶

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 70–80.

¹⁶ См.: РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 195–195 об.

В рапорте морскому министру от 3 (15) января 1853 г. (№ 33) Путятин докладывает об изменении первоначального маршрута:

Противные жестокие ветры, упорно продолжающие дуть более двух месяцев, не позволяют фрегату «Паллада» и шкуне «Восток», находящимся теперь в совершенной готовности, выйти в Английский канал, и я вынужденным нахожусь, по причине этого замедления, изменить первоначальное предположение о совершении предстоящего нам плавания вокруг мыса Горна. Если бы теперь я отправился сим путем, то прибыл бы в большие южные широты около весеннего равноденствия, времени самого неблагоприятного для обхода мыса Горна, между тем как идучи на Восток, те же ветры будут мне способствовать к скорейшему совершению перехода. Поэтому я решаюсь отправиться отсюда прямо на мыс Доброй Надежды и оттуда Зондским проливом войти в Китайское море, в котором с половины апреля начинает дуть постоянный SW мусон. Следующим местом пристанища для пополнения провизии и запасов на судах я полагаю избрать Маниллу, а оттуда отправлюсь к островам Бонин-Сима, лежащим на несколько дней пути от берегов, достижение которых поставлено в главную цель экспедиции. Вместе с сим я послал дубликат предписаний, один чрез С. Франциско в Гонолулу, а другой чрез Английское Правительство и Британского консула на Сандвичевых островах для доставления командующему корветом «Оливуццо» <sic!> и командиру компанейского судна, которое должно прибыть на Сандвичевы острова для следования со мною. В предписании этом я назначаю обоим судам местом рандеву острова Бонин-Сима, лежащие в широте N 27° и долготе W 142° с предположением, что оба судна прибудут туда около 1-го июля. Другая, хотя и не столь важная причина, побудившая меня переменить направление пути, происходит от того, что, по последним известиям, некоторые суда Американского отряда, предназначенного для известной Вашей Светлости цели, уже находятся в Ост-Индских морях и, следовательно, идучи вновь избранным путем, я скорее могу собрать сведения о времени и месте предприятий Американцев, и поэтому лучше сообразить собственные свои действия.

Если Вашей Светлости угодно будет что-либо приказать мне, то предписания, посланные в Англию ко времени почты, отправляющейся 2/14 февраля на мыс Доброй Надежды, застанут меня непременно в сем последнем месте. Пакеты должны быть адресованы: Messrs Thomson, Watson & Co Cape Town, Cape of good Hope¹⁷.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 138–139 об.

В тот же день в Петербург было отправлено еще несколько бумаг, до нас дошло две: рапорт морскому министру (№ 34) об окончательной сумме за шхуну «Восток» и ее снаряжение, которая составила 5380 фунтов, 2 шиллинга и 7 пенсов¹⁸, и письмо ему же (№ 38), также о денежных делах, связанных с ней же: Путятин спрашивал, имеет ли право российский вице-консул Вилькинсон требовать проценты за посредничество при покупке шхуны¹⁹. 5 (17) января 1853 г. со Спитгедского рейда был послан рапорт (№ 42) о покупке 4-х пушек для «Паллады», такого же числа палашей и опреснительного камбуза²⁰.

Наконец, 6 (18) января 1852 г. «Паллада» снялась с якоря и вышла в Английский канал. В этот день с ее борта отправилось несколько донесений об этом: рапорт начальнику Главного морского штаба (№ 43)²¹, донесение в Инспекторский департамент Морского министерства (№ 44)²² и всеподданнейшее донесение с приложением списка офицеров фрегата (№ 45)²³, а также письмо Меншикову без номера о денежных делах за ремонт «Паллады» в Портсмуте²⁴. Спустя почти две недели, 18 (30) января 1853 г. «Паллада» достигла острова Мадейра, где простояла всего день, но откуда Путятин послал морскому министру донесение (№ 48):

Выходя из Английского канала, я имел честь доносить Вашей Светлости, что с вверенными мне судами, фрегатом «Паллада» и шкуною «Восток», я направился на мыс Доброй Надежды. Спустя сутки, в продолжение которых фрегат буксировал шхуну, ветер, сделавшись попутным, скрепчал до такой степени, что не только на буксире, но и отдельно шхуна не могла держаться с фрегатом; почему я нашелся вынужденным продолжать плавание не задерживаясь шкуной. Но как при неблагоприятных обстоятельствах запасы шкуны, которые я первоначально полагал пополнить с фрегата,

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 91–91 об.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 134–135 об. В ответе говорилось, что имеет такое право, если не получает от России жалования (Там же. Л. 136–136 об.). В 1852 г. Г. Вилкинсон числился русским вице-консулом в Госпорте, городе в графстве Гэмпшир, к которому также относился и Портсмут (см.: Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1852. СПб., [б. г.]. Ч. 1. С. 135). Вероятно, о подобных рапортах Гончаров писал 8 (20) декабря 1852 г. М.А. и Е.А. Языковым: «Адмирал изредка поручает мне писать кое-какие бумаги, но в должность свою я порядком еще не вступил. Большую часть бумаг, и именно по морской части, пишет он сам с капитанов Посьетом, который взят по особым поручениям» [5, т. 15, с. 122].

²⁰ Там же. Л. 105–105 об.

²¹ РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2. № 5813. Л. 61.

²² Там же. Л. 57.

²³ Там же. Л. 140–140 об.

²⁴ Там же. Л. 132–133.

в тропиках могут оказаться недостаточными, то сигналом я назначил ей рандеву о. Мадера.

Прибыв сего числа после весьма удачного недельного перехода от мыса Лизарда к о-ву Мадера, я оставил нашему Вице-Консулу в Фунчале для передачи командиру шкуны предписание: пополнив истраченные ею запасы, немедленно продолжать плавание для соединения с фрегатом на мысе Доброй Надежды; а сам, продержавшись несколько часов под парусами, отправился с фрегатом в дальнейший путь²⁵.

Следующий (№ 49) рапорт морскому министру был отправлен уже с мыса Доброй Надежды:

От 18/30 января сего года, за № 48, я имел честь донести Вашей Светлости с о. Мадера, что после однодневной остановки с фрегатом «Паллада» на сем острове, на котором я оставил российскому Вице-Консулу для передачи командиру шкуны «Восток», по прибытия оной, предписания соединиться с фрегатом на мысе Доброй Надежды, я отправился в дальнейший путь.

Переход наш не сопровождался никакими особенными обстоятельствами, и 10-го сего марта фрегат благополучно прибыл в Сеймонсбей. Следуя через северный тропик, я признал более удобным пройти сквозь группу островов Зеленого мыса, так как в нынешнее время года в этой долготе северный пассад <sic!> дует свежее, нежели далее к западу, что и действительно оказалось справедливым. Пользуясь этим случаем, я остановился на 12 часов у острова Сант Яго в порто-Прайя, чтоб приобрести свежей провизии для команды и офицеров.

Плавание от мыса Лизарда до мыса Доброй Надежды могло бы почестся одним из удачайших во всех отношениях, если бы штители не задержали нас вблизи южного тропика около двух недель, но при всем этом переход совершен в 59 дней. Спустя четыре дня после нашего прихода благополучно прибыла в Сеймонсбей и шкуна «Восток», употребив на сей переход 63 дня.

Оба судна находились во все время пути и ныне находятся в надлежащей исправности, команда пользуется совершенным здоровьем и во все время перехода ни на том, ни на другом не произошло никаких неприятных случайностей.

Хотя ни фрегат, ни шкуна не потерпели повреждений, но необходимо нужно <sic!> фрегат снова выконопатить и вообще привести

²⁵ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 158–159.

суда в состоянии совершить как можно надежнее предстоящий им еще значительный переход. При сем долгом считаю довести до сведения Вашей Светлости, что как местное, так и здешнее морское начальство оказали нам полное внимание, и последнее изъявило готовность снабдить наши суда провизиею и всем нужным из запасов, заготовленных для английских военных судов, что при существующих возвышенных ценах на мысе Доброй Надежды весьма много сократит наши расходы.

Что касается до дальнейшего плавания, то я считаю более удобным избрать следующим местом остановки не Маниллу, как прежде предполагал, а Гонконг, в котором, как я известился здесь, можно запастись каменным углем, между тем как в Манилле его нет²⁶.

Спустя две недели, 8 (20) апреля 1853 г., Путятин докладывал в Петербург (№ 52), что готов сняться с якоря, и что на «Палладе» произошло печальное происшествие:

Честь имею донести Вашей светлости, что по изготовлении фрегата «Паллада» к дельнейшему плаванию, я теперь готов сняться с якоря и пробуду здесь не более двух суток, единственно затем, что с ожидаемым сюда с часу на час английским пароходом надеюсь получить бумаги из С. Петербурга.

Что касается до шкуны «Восток», то она снимется с якоря, не ожидая фрегата, и отправится в Гон-Конг, который, как я имел честь донести Вашей Светлости от 24-го минувшего марта за № 49, избран мною следующим местом остановки.

К сему долгом считаю присовокупить, что последнее время пребывания нашего в Сеймонсбей ознаменовалось печальным событием, о котором вместе с сим я представляю всеподданнейший рапорт Государю Императору²⁷. Принадлежавший к команде фрегата матрос 1-й статьи Максим Карманов, 30 минувшего марта самовольно отлучившись с посланной на берег вечером шлюбки, того числа не отыскан, а на другой день с рассветом тело его выброшено было приливом моря на берег. По медицинском освидетельствовании на нем не оказалось никаких признаков насильственной смерти, и потому безошибочно можно заключить, что Карманов, возвращаясь ночью, в темноте оступился с пристани и утонул²⁸.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 168–170.

²⁷ О смерти матроса Путятин доложил в тот же день императору (№ 53). — РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 176–176 об.

²⁸ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 174–175.

12 (24) апреля 1853 г. Путятин отправляет в Петербург шифрованную депешу (№ 59):

Шифрованную депешу Вашего превосходительства от 16-го февраля я имел честь получить. Постараюсь исполнить в точности все в ней изложенное. Отправляясь ныне в Гонконг, я вместе с сим посылаю наставление г-ну Бодиско в Гонолулоу о скорейшем соединении с фрегатом на острове Бонин-Сима, нашем общем рандеву, на котором надеюсь быть в июле. Сам я не могу решиться идти на Санд<в>ичевы острова из опасения разойтись в пути с сим чиновником. Притом для меня весьма важно не упустить в северном полушарии летнего времени, которым полагаю воспользоваться для посещения Японии, а к зиме идти к открытым для европейцев китайским портам, — так, чтобы в феврале будущего года прибыть опять в Кантон, где после плавания по бурным китайским и японским морям полагаю провести все время, нужное для приведения вверенных мне судов в надлежащее положение. Поэтому честь имею покорнейше просить адресовать депеши и письма в это последнее место. Если бы оные и не застали меня там, то, с помощью тамошнего английского начальства, я распоряжусь о доставлении их на фрегат в тех китайских портах, в которых придется быть, или, при случае, в самую Японию, чрез американские суда.

Я не сомневаюсь, что вступление в сношения с правительством Соединенных Штатов относительно цели нашей экспедиции будет содействовать успеху главного поверенного мне дела. Оба государства имеют одинакое намерение открыть торговые сношения с Япониею, хотя в нашем случае употребятся миролюбивые средства, а американцы, без сомнения, приступят к военным мерам. Если посланные с г. Бодиско депеши не изменят плана нашего плавания, то я из Кантона будущей весной полагал бы направиться к Сахалину, для осмотра берегов оного, а оттуда зайти в Камчатку, но в таком только случае, когда дела в Японии кончатся в сем году и не потребуют вторичного посещения оной²⁹.

Следующим пунктом остановки «Паллады» был Сингапур. Из посланных отсюда бумаг сохранилось два письма Л.Г. Сенявину и рапорт от 30 мая (11 июня) 1853 г. (№ 63), частично процитированный в «Отчете» [5, т. 3, с. 147–148]. Приведем заключительную часть рапорта, в которой есть переключки с «Фрегатом “Паллада”»:

²⁹ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75 а. Л. 182–184 (копия).

С мыса Доброй Надежды плавание наше было направлено, сколько ветры позволяли, по дуге великого круга, проведенной от этого мыса до пересечения параллели 30° с меридианом 105° , откуда мы пошли прямо на Север. Етим путем, хотя и не кратчайшим, советуют следовать многие из новейших мореплавателей, и опыт на деле оправдал их указания. На пути мы совершали иногда до 250 миль в сутки и переплыли до Зондского пролива 5700 миль в 34 дня. День Пасхи нам пришлось праздновать на меридиане С. Петербурга, так что это церковное торжество отзвывалось на обеих полушариях земли, в одно и то же время. Дальнейшее плавание от Анжера чрез рукав Гаспарского пролива, называемый Маклесфильд, сопровождалось тихими переменными ветрами, с которыми 22 мая / 3 июня мы вошли в Северное полушарие и 25 мая / 6 июня бросили якорь на Сингапурском рейде. Отсюда я буду спешить достигнуть Гонг-Конга, где пополнив все запасы, без потери времени направлюсь к островам Бонин-Сима, назначенным рандеву для судов отряда³⁰.

Первое письмо Сеньявину (№ 62):

Отправив курьером в Россию чрез линию ост-индских пароходов г. лейтенанта Бутакова, спешу известить Ваше превосходительство о причинах, побудивших меня на это отправление.

Перед отъездом моим из С. Петербурга я имел честь объяснить Вашему превосходительству, что фрегат «Паллада», прослужив более шести лет после его перестройки, избран для предстоявшего нам плавания единственно по недостатку новых фрегатов в Балтийском флоте. Отлично устроенный для пребывания генерал-адмирала, фрегат этот мог бы вполне соответствовать настоящему назначению, если б не оказалось в последнее время многих признаков гнилости в корпусе его. Еще в бытность в Портсмуте нашлось нужным весь фрегат выконопатить и переменить некоторые части обшивки, и то же пришлось опять повторить на мысе Доброй Надежды. Несмотря на такие частые и капитальные исправления, фрегат в первый крепкий ветер, случившийся на последнем нашем переходе, потек всеми палубами и стал давать движение в надводных частях корпуса, показывающее неблагонадежность его к долгому служению. При всем том, я не сомневаюсь, что буду в состоянии на этом фрегате

³⁰ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. №75. Л. 183 об.–184.

исполнить все данные мне поручения, но за тем возвращение на нем в Россию будет сопряжено с большим риском.

Дальнейшее плавание, в следующие полтора года, нам будет предстоять в морях, посещаемых ураганами, и в климатах самых разнообразных, что непременно будет способствовать окончательному разрушению судна. Соображая затруднения, которые бы представились в содержании, даже временном, излишних 400 человек в Камчатке, а тем более в каком-либо иностранном порте, если бы, по совершенной негодности фрегата, нам пришлось его покинуть, я счел необходимым уведомить о сем высшее морское начальство; вместе с тем я просил исходатайствовать Высочайшее разрешение на отправление, нынешнею же осенью, нового фрегата Диана нам на смену.

Затруднения, которые могут возникнуть в Министерстве финансов, относительно ассигнования новых сумм, я старался в сделанном мною представлении Его Высочеству генерал-адмиралу, сколько можно, отстранить, показав, на каком экономическом основании может быть произведена эта посылка. Предложение мое заключается в том, что вместо транспорта, ежегодно отсылаемого с грузом в Камчатку, отправить фрегат «Диана», укомплектовав его половинным числом нижних чинов и половиною артиллерию. При таком распоряжении, фрегат будет в состоянии поднять весь груз транспорта и доставить в Петропавловский порт, с незначительно прибавочною суммою против расходов, необходимых для посылки транспорта. Полагая, примерно, ассигновку в 50 т. р<ублей> серебр<ом> на годовое содержание транспорта, фрегат, взамен оного снаряженный, на основании мною предложенном, потребует вдобавок не более 25 т. р<ублей> с<еребром>.

Сверх всего изложенного, может случиться нужным продлить пребывание наших военных судов в здешних морях. Если при первом посещении Японии нам не удастся склонить тамошнее правительство на наши предложения, то можно будет сделать вторичную попытку. Успех переговоров много будет зависеть от изменения обстоятельств, в которые Япония будет поставлена вследствие действий американской эскадры, и я не хотел бы возвратиться в Россию, не испытав всех мирных средств, чтоб исполнить главное данное мне поручение.

Для лучшего объяснения всего изложенного я счел не лишним послать курьера, который, вероятно, в исходе июля достигнет С. Петербурга. Г<-ну> лейтенанту Бутакову поручено стараться, сколько от него будет зависеть, об отсылке фрегата «Диана» из Кронштата

до закрытия навигации. В противном случае, фрегат этот достигнет Камчатки не прежде 1855-го г., что, конечно, много стеснит нас и расстроит все наши предположения.

Проходя Зондским проливом, я остановился в местечке Анжер, лежащем в 60-ти милях к западу от Батавии, откуда полагал отправить курьера на голландском пароходе, состоящим в связи с английскими ост-индскими, но здесь узнал, что сообщение это не довольно правильно, и потому предпочел довести г. Бутакова на фрегате в Сингапор. Отсюда я буду спешить в Гон-Конг и потом к островам Бонин Сима, чтоб не упустить самого благоприятного времени для достижения Японии. Командор Перри, с двумя 9-и пушечными пароходами «Миссисипи» и «Сускеганна», двумя пушечными шлюпами «Плимут» и «Саратого» и двумя транспортами, уже отправился из Шангая к месту главных своих действий.³¹

Второе письмо Сенявину (№ 67):

Полагая, что Вашему превосходительству уже известны из газет успехи китайских инсургентов, принявших оружие в пользу выдаваемого ими потомка прежней Минской династии, с целью ниспровергнуть владычество Манжуров <sic>, я теперь не буду излагать хода этой борьбы, но поспешаю известить только о последних происшествиях, которые могут совершенно изменить положение Китая, особенно в отношении сношений его с иностранцами. Достигнув Гон-Конга, я постараюсь собрать более достоверные сведения и тогда не премину доставить Вашему превосходительству отчет о теперешних событиях, которые при дальнейших успехах инсургентов могут отозваться и на производимую нами сухопутную торговлю с Китаем.

Инсургенты, распространяясь от запада на восток, увеличивались постоянно в числе и имея теперь до 400 т. войска, заняли все провинции, лежащие по течению Янце-Кианга, до знаменитого города Су-джу, неподалеку от Шангая. В последнее время Нанкин, после непродолжительной осады, отворил им свои ворота, и Амой, один из пяти открытых портов, также взят без большого сопротивления. Кантон хотя еще находится в руках прежнего правительства, но с каждым днем здесь ожидают известий об его занятии инсургентами.

По овладении Нанкином, назначенным быть столицею нового правительства, как английский полномоченный Sir George Bonham, так и американский командор Перри решились на пароходах подняться к самому городу; но последний принужден был за мелково-

³¹ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75 а. Л. 185–188 об. (копия).

дием возвратиться, не достигнув цели. Английский полномоченный, дойдя до города под выстрелами с батарей, хотя сам не съезжал к инсургентам, но послал к ним офицеров и переводчиков, с уверением, что британское правительство в возникшей борьбе будет соблюдать строгий нейтралитет, и тем опроверг прокламации китайских властей, объявлявших о пособии европейцев к прекращению восстания.

В последнее время прежнее правительство купило несколько мелких английских судов и, вооружив их, вверило начальству англичан, что дало повод инсургентам думать о противодействии европейцев их намерениям; но объяснения, бывшие в Нанкине, убедили их в противном. Странный прием, сделанный посланным с парохода в Нанкин англичанам, показывает, что главные из инсургентов были приготовлены европейцами для нынешнего восстания. В числе их находятся несколько учеников известного Гуцлафа, которые выдают себя протестантами, ниспровергают все будистские храмы и идолов и прежде вступления в переговоры требовали от английского переводчика, чтоб он произнес все десять заповедей и тем подтвердил свой протестантизм.

После сих проделок, они объявили себя братьями и готовыми открыть свободное сношение с христианами, с условием не ввозить опиуму и крепких напитков, против чего ими приняты сильные меры, так что торговля опиумом находится в совершенном застое.

Войско их под Нанкином состояло из 80 т. челов., хорошо дисциплинированных, и при взятии Амоя первым делом их начальников было обеспечение европейцев от всех насилий и беспорядков.

Из всего видно, что британское и, без сомнения, все прочие европейские правительства, торгующие с Китаем, не замедлят признать новое правительство, коль скоро оно овладеет остальными портами и прочнее утвердит свое существование. В данных мне инструкциях относительно сношений с китайскими властями, нельзя было предвидеть нынешних обстоятельств, а потому я буду ожидать от Вашего превосходительства наставлений, как мне поступать для исполнения тех статей инструкции, которые касаются Китая³².

В тот же день Путятин отправил письмо (№ 69) новому управляющему Морским министерством великому князю Константину Николаевичу с просьбой отправить свою семью в Гонконг, где он мог бы с ней соединиться³³. В этом ему было отказано. Следующий рапорт

³² Там же. Л. 189–191 об.

³³ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 185–185 об.

из Гонконга от 24 июня (6 июля) 1853 г. (№ 72)³⁴ почти полностью процитирован в «Отчете» [5, т. 3, с. 148–149].

По прибытии в Нагасаки Путятин оправил рапорт от 21 августа (2 сентября) 1853 г. (№ 99), который впоследствии в отредактированном виде также вошел в «Отчет» [5, т. 3, с. 150–152]. Еще раньше, 19 (31) августа, было составлено несколько документов с пометой «Нагасакский рейд»: донесение императору (№ 102) о гибели матроса Яна Ларя³⁵, почти дословно использованное во «Всепоподданнейшем отчете» [5, т. 3, с. 175], рапорт (№ 103) о займе командиром корвета «Оливуцца», который «будучи отпущен из Петропавловского порта без всяких сумм на содержание корвета, <...> был вынужден произвести покупку запасов на Сандвичевых островах на заем, сделанный у шведско-норвежского консула в Гонолулу» в размере 16622 руб. 35 коп. серебром³⁶, и рапорт (№ 104) о том, что в Гонолулу был оставлен член экипажа «Оливуццы» лейтенант Полуэктов, «который, по свидетельству судового медика, не был в состоянии продолжать плавание»³⁷.

Следующий рапорт, от 21 августа (2 сентября) 1853 г. (№ 108), также касался «Оливуццы»: это было ходатайство о разрешении выдать подъемные офицерам корвета — командиру, капитан-лейтенанту Назимову 650 р. сер., «а прочим офицерам половинного количества пособия, которое выдано было офицерам фрегата “Паллада” при отправлении из Кронштадта, т. е. по полугодовому окладу жалованья, что составит сумму тысячу пятьсот рублей серебром»³⁸.

Спустя месяц после прибытия в Нагасаки, 20 сентября (2 октября) 1853 г. Путятин посылает в Петербург две депеши с рассказом о первом этапе переговоров: письмо Л.Г. Сенявину (№ 117)³⁹ и рапорт великому князю Константину Константиновичу (№ 118)⁴⁰; оба эти документа опубликованы в Полном собрании сочинений Гончарова [5, т. 3, с. 104–115]⁴¹.

³⁴ Там же. Л. 189–191.

³⁵ Там же. Л. 193–193 об.

³⁶ Там же. Л. 194–194 об.

³⁷ Там же. Л. 195–195 об.

³⁸ Там же. Л. 196–196 об.

³⁹ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75 а. Л. 206–210 об. (копия). К этому письму приложен комплекс документов о ходе первого этапа переговоров; см.: [3, с. 296–299].

⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75 а. Л. 199–205.

⁴¹ При публикации первого документа была допущена ошибка в делопроизводственном номере (указан № 114) и важная по смыслу опечатка: «своих правилах» вместо правильного «своих требованиях» [5, т. 3, с. 105, строка 28].

18 (30) ноября 1853 г. Путятин отправил донесение № 128 (не найдено в бумагах, см. ниже) о прибытии эскадры к устью реки Янцекянг, а 1 (13) декабря — рапорт (№ 131) об открытии и нанесении на карту трех камней в устье этой реки⁴². Немногим позднее, 4 (16) декабря было отправлено большое письмо Л.Г. Сенявину (№ 132) с отчетом о втором этапе переговоров⁴³, а на следующий день — рапорт (№ 137) в Морское министерство:

Рапортом от 18 / 30 ноября, № 128-й, я имел счастье доносить Вашему Императорскому Высочеству о прибытии вверенного мне отряда к устью реки Янцекянг и вместе с этим упомянул, что подробнейшее донесение будет отправлено на следующем почтовом пароходе, с курьером, для чего, согласно изъявленной воле Вашего Высочества мною избран г-н лейтенант Кроун.

Недостаток провизии и необходимые исправления на судах заставили меня решиться оставить на время Японию. Но когда нагасакские губернаторы заметили приготовления наши к снятию с якоря, то тотчас прислали уведомить, что из Иедо получено известие о назначении для переговоров со мною четырех уполномоченных. Это принудило меня изменить свой план и вместо того, чтоб идти на всю зиму в Маниллу, я отправился на короткое время в Шанхай, как в ближайший и удобнейший порт для переходов в обе стороны при северном муссоне. Но дабы вместе с этим соблюсти должное внимание к назначенным из Иедо лицам, я сообщил им чрез нагасакских губернаторов, что оставляю ненадолго Нагасаки для некоторых дел и вскоре опять прибуду в Японию за ответом на посланные в Иедо предложения.

Оставив Нагасаки, мы имели в ночь на 12-ое число свежий риф-марсельный ветер с порывами, при которых на шкуне «Восток» свернуло топ грот-мачты. Новая мачта, по дороговизне здесь ранготных дерев, составляется из остатка поврежденной и из запасной фор-стенги фрегата. Самая шхуна введена в док и окрашивается, вместе с тем исправляется втулка винтового вала, которая дала течь. На фрегате починивается шталь и делается новый шток якоря, вместо сломавшегося на нагасакском рейде.

Окончив возможное здесь снабжение судов отряда провизиею и другими запасами и обождав почту, которая должна прибыть на этой неделе, я направляюсь опять в Японию.

⁴² РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 201–201 об.

⁴³ Опул.: [3, с. 305–310].

Основываясь на опытности трехмесячного с японцами знакомства, я не полагаю, чтоб нам пришлось оставить Иедо ранее весны будущего года, после чего располагаю направиться для осмотра Сахалина и Татарского берега⁴⁴.

Во второй части рапорта докладывается о плавании шхуны «Восток», отправленной для исследования острова Сахалин и об открытии там ее командой залежей каменного угля, выходящих прямо на поверхность; в то время в той международной ситуации это открытие имело важнейшее стратегическое значение. Тем же числом датирован всеподданнейший рапорт (№ 139) о гибели на матроса шхуны «Восток» Петра Екимова, утонувшего при стягивании шхуны с мели, на которую она села у Сахалина⁴⁵.

21 января (2 февраля) 1854 г. из Нагасаки в Петербург была отправлена шифрованная депеша (№ 175) о продолжении переговоров с японцами⁴⁶. Тем же числом датировано письмо Путятина Сенявину (№ 178) с рассказом о том, как проходили переговоры, и ссылкой на то, что суть будет изложена в шифрованной депеше, приведенной выше⁴⁷.

Следующие сохранившиеся два коротких рапорта были отправлены уже из Манилы: 26 февраля (10 марта) (№ 192) — о снабжении судов во время второго посещения Нагасаки⁴⁸ и 27 февраля (11 марта) (№ 194) — о посещении Ликейских островов⁴⁹.

22 мая 1854 г. фрегат «Паллада» подошел к русским берегам и стал на якорь в Императорской гавани, откуда 25 мая (6 июня) был послан развернутый рапорт морскому министру (№ 224) о предыдущих трех месяцах плавания:

По отправлении мною с почтою из Манилы рапорта к Вашему Императорскому Высочеству от 27-го февраля № 194, я, вслед за тем, и именно 27-го того же месяца, со всеми четырьмя судами отряда покинул Манильский рейд и направился в Татарский пролив, во вновь открытую в N 49° 3' широте Императорскую бухту.

⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 202–205 об.

⁴⁵ Там же. Л. 206–207 об.

⁴⁶ Опувл.: [3, с. 310–312].

⁴⁷ Опувл.: [5, т. 3, с. 125–130]; копия также хранится в РГА ВМФ (Ф. 296. Оп. 1. № 75 а. Л. 233–259).

⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 211–211 об.

⁴⁹ Там же. Л. 212–213 об.

Трем из судов отряда предписано мною, транспорту «Князь Меншиков», идти в Шанхай, и забрав с почты бумаги на мое имя, соединиться с фрегатом «Паллада» на острове Гамильтон, лежащем близ корейского полуострова, на пути в наши владения; шкуне «Восток» зайти в порт Напакиан, на Ликейские острова, для осведомления о действиях в Японии отряда Перри, имеющего на сих островах склад каменного угля, и потом также следовать к Гамильтону; корвету Оливуца назначено отправиться прямо в Татарский пролив, чтобы осведомиться у капитана 1-го ранга Невельского о том, не имеется ли на счет его каких-либо распоряжений от высшего начальства, и если нет, то следовать в Камчатку.

Сомнительное состояние грот-и фок-мачт на фрегате «Паллада» и невозможность зайти, при нынешних обстоятельствах, для исправлений в Шанхай или Гон-Конг, заставили меня искать какого-либо малопосещаемого порта. Я избрал порт Пиоквинто на о. Камигуин, принадлежащем к группе островов Бабуян. Там скрепили мы обе мачты фишами и вулингами, вырубив для сего на месте потребные деревья, в изобилии покрывающие эту тропическую почву. Вместе с тем составлен, в десятидневное пребывание наше на сем острове, подробный план порта.

Соединясь в порте Гамильтон со шкуной «Восток» и транспортом «Князь Меншиков», я, для ускорения дел в Японии, отправился в Нагасаки, где передал губернатору письмо, для препровождения к полномочным в Иеддо, назначив им в сем письме срок свидания на о. Сахалине. В Нагасаки мы встретили праздник Пасхи и на третий день оной, запасшись провизией, пошли в Корейский пролив, за исключением шкуны «Восток», командиру которой я предписал, употребив крайнюю осторожность, идти к Шанхаю и войдя с судном в Янгтсекиянг, послать одного из офицеров на китайской лодке осведомиться у нашего агента, американского негоцианта г. Кенингама, о состоянии дел в Европе, так как привезенные транспортом ведомости не заключали в себе положительных известий о войне.

На транспорте «Князь Меншиков» я отправил вперед назначенную для фрегата провизию и кроме того несколько человек с офицером в Императорскую бухту, чтобы изготовить там на скорую руку какое-либо помещение для склада той провизии, а также устроить на берегу печь для печения сухарей, ибо, не имея времени дожидаться в Манилле изготовления сухарей, я должен был запастись вместо оных мукою.

Так как, судя по описаниям, нам предстояло в апреле месяце встретить в Татарском проливе льды и густые туманы, то я счел

небесполезным продлить плавание по Японскому морю, употребив это время для осмотра неисследованных берегов Корейского полуострова. Мысль эта приведена в исполнение с желаемым успехом. Благоприятные ветра дозволили нам осмотреть и снять весь восточный берег Кореи, начиная с юго-восточной его оконечности до пограничной с Манжурией реки Томан-Канг, и даже несколько десятков миль далее по Манжурскому берегу. Между прочим мы открыли в $N 39^{\circ} 19'$ широте обширную и прекрасную бухту, которую я назвал, в честь покойного адмирала Лазарева, его именем. Все карты и описи осмотренных нами мест я буду иметь счастье представить Вашему Императорскому Высочеству при первом удобном случае. Кроме гидрографического обследования берега Кореи я имел в виду, на случай могущих возникнуть по соседству России с этим государством сношений, предупредить об этом тамошние власти, что и исполнил, отправив к ним письмо, в котором просил принимать дружелюбно наши суда. Обо всем этом я ныне же подробно сообщаю в Министерство Иностранных дел. К сожалению, трехдневное пребывание наше в этой бухте заключилось хотя незначительным, но не совсем благоприятным происшествием. Корейцы, после частых посещений фрегата и дружеского и ласкового с обеих сторон обращения, кинулись толпой, без всякого повода, на приставший к берегу наш катер с офицерами и матросами, и хотели помешать ему удалиться. Наши люди должны были прибегнуть к силе, и когда, несмотря на это, толпа теснила их все более и более и кидала в них камнями, так что трое людей были оными ранены до крови, с катера принуждены были сделать четыре выстрела из ружей, заряженных, к счастью, дробью для охоты, что и остановило натиск. Я не мог добиться от старшин деревни, просивших потом извинения, что было причиною этого нападения, и приписываю оное грубому состоянию нравов, в котором еще находится низший класс народа.

После того мы заходили еще в одну бухту, в которой туман задержал нас целые сутки. Отдав на другое утро приказание сниматься с якоря, я, по причине тумана, должен был отменить оное. Вскоре погода прояснилась, и я, желая воспользоваться этим, снялся с якоря; но во время лавирования по заливу туман внезапно усилился до того, что закрыл ближайший берег, причем во время поворота, на 8 саженях глубины, фрегат дотронулся до подводного камня, но, не теряя хода, сошел с него. На первых порах оказалась течь до 1 дюйма в час, но дня через три прибыль воды пришла в прежнее состояние. Это показывает, что особых повреждений не последовало. При

первой теплой погоде мы осмотрим подробно его подводную часть посредством водолазного аппарата.

При входе в Татарский пролив 17 сего месяца в N 44° широты усмотрена была с фрегата возвращавшаяся из Шанхая шкуна «Восток», с которою я имел счастье получить предписание Вашего Императорского Высочества от 16 / 28 января дубликат, заключающее в себе Высочайшее повеление относительно соединения Русских судов в заливе де-Кастри. В то же время я узнал из газет об объявлении Франциею войны России.

При сем случае долгом считаю донести, что я еще в декабре прошедшего и в феврале нынешнего года отправил к командиру фрегата «Диана» на Сандвичевы острова предписания соединиться с фрегатом «Паллада» в Императорской бухте, которая, как я увидел из доставленной мне в прошедшем году капитаном 1-го ранга Невельским карты, оказывается превосходным портом относительно безопасности якорной стоянки, но всего более относительно выгод укрепления против неприятельских сил, что и заставило меня, при назначении randevу фрегату «Диана», предпочесть эту бухту заливу де-Кастри, который, по недостаточной глубине в местах, сколько-нибудь закрытых от волнения, и по каменистому грунту не представляет даже безопасной якорной стоянки для больших судов.

По приходе в Императорскую бухту 22 сего месяца, я застал здесь только транспорт «Князь Меншиков», а корвета «Оливуца» уже не нашел, но получил от командира оного донесение, что он отправился в Камчатку.

Исполняя предписание Вашего Императорского Высочества ожидать дальнейших распоряжений от г. генерал-губернатора Восточной Сибири, я немедленно отправляю шкуну «Восток» в залив де-Кастри, отстоящий всего на 150 миль от Императорской бухты, с рапортом к г. генерал-губернатору, испрашивая его приказаний относительно вверенного мне отряда судов. Между тем я воспользуюсь этим промежутком времени, чтобы изготовить сухарей, вытянуть и вытирывать <sic!> такелаж фрегата и вообще привести суда в готовность по первому вызову г. генерал-лейтенанта Муравьева следовать в залив де-Кастри⁵⁰.

Тем же числом датирован упомянутый рапорт Путятина генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву, который в те

⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 219–223; копия: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 437. Л. 3–8.

дни завершал экспедицию для исследования нижнего течения реки Амур (№ 227):

Вследствие полученного мною предписания от Его Императорского Высочества генерал-адмирала ожидать дальнейших распоряжений от Вашего Превосходительства, честь имею донести, что 22 сего месяца я, с фрегатом «Паллада» и шкуною «Восток», благополучно прибыл во вновь открытую бухту на Татарском берегу, под названием Императорской.

В оной я застал транспорт «Князь Меншиков», отправленный мною из Нагасаки вперед, для устройства на берегу какого-либо помещения под провизию, также печей для изготовления сухарей к продовольствию команд вверенного мне отряда, ибо, не имея времени ожидать в Маниле приготовления сухарей, я должен был взять запас муки. Что касается до корвета «Оливуца», то онный прибыл сюда в исходе апреля и после двухдневного пребывания отправился, как я узнал здесь, в Камчатку. Между тем Его Императорское Высочество генерал-адмирал изволил сообщить мне в своем предписании Высочайшее повеление идти с вверенными мне судами в залив де-Кастри.

Императорская бухта избрана была мною, для укрытия в оную с судами, еще в прошлом году, когда я узнал о предстоящем разрыве России с Англиею и Франциею. Доставленные мне карты как этой бухты, так и залива де-Кастри, ясно показывали, что первая, будучи отличным портом в морском отношении, в чем я убедился ныне лично, представляет чрезвычайно удобные пункты к постройке укреплений для надежной защиты даже от превосходных числом неприятельских сил. Залив же де Кастри открыт ветрам, имеет дурной грунт и потому не безопасен, особенно для больших военных судов.

Все это вынуждает меня остаться в Императорской бухте, куда я приказал явиться и фрегату «Диана» предписанием, посланным в декабре прошлого года на Сандвичевы острова.

Имея на фрегате «Паллада» провизии только до сентября месяца с. г., я покорнейше прошу Ваше Превосходительство дать мне знать, какие меры угодно будет Вам принять к снабжению судов отряда, если бы онный, по обстоятельствам, должен был оставаться здесь долее помянутого срока.

При сем прилагаются ведомости потребной для одного фрегата и шкуны провизии, а равно и аптекарских материалов для лазарета.

В случае прибытия сюда ожидаемых из России фрегатов «Диана», «Аврора» и корвета «Наварин», провизии и запасов потребуются слишком втрое противу означенного количества.

Ежели бы Ваше Превосходительство изволили одобрить мои распоряжения относительно избрания, для укрытия нашего отряда, здешней бухты, то провизия по мере доставления оной в залив де-Кастри могла бы быть привозима оттуда сюда морем на транспортах, равно как и на шкуне, особенно осенью, когда в здешних морях трудно ожидать появления неприятельских судов. «Иртыш» и «Николай», за два дня до моего сюда прибытия, отправились, как я узнал здесь, в залив Аниву по просьбе начальствующего тамошним военным постом майора Буссе, вследствие возникшего между нашими людьми и айносами недоразумения.

Не зная, какого рода приказания имеет г. Буссе, а также оба означенные судна от своего начальства по поводу нынешних обстоятельств, я, однако же, считаю нужным послать в Аниву транспорт «Князь Меншиков», с извещением о последовавшем разрыве России с Францией и об ожидаемом таковом же разрыве с Англиею, в том предположении, то, если г. Буссе и командиры обоих судов не имеют никаких приказаний начальства, то, может быть, они найдут благоразумнее удалиться с людьми из Анивы, куда, по всей вероятности, не замедлит появиться неприятель. Здесь, под нашим прикрытием, они были бы совершенно безопасны. Я с своей стороны полагаю необходимым снять хотя на время Анивский пост, потому что занятие его англичанами сильно повредит нам в глазах японцев, с которыми мы только что вступили в довольно успешные сношения. Снятие это тем естественнее казалось бы сделать теперь, что японское правительство объявило настойчиво свои права на всю южную оконечность Сахалина.

Далее имею честь представить на благоусмотрение Вашего Превосходительства следующие обстоятельства:

1. Хотя отпущенного на фрегат «Паллада» количества пороха и ядер истрачено доселе весьма немного, так что, в случае нападения неприятелей, и того, и другого на первых порах было бы достаточно <sic!>, но впоследствии, при продолжительности военных действий, понадобилось бы вновь значительное количество военных запасов, которые примерно исчислены в прилагаемой ведомости. Об отпуске и доставлении сюда, хотя к следующей зиме, всех этих запасов я покорнейше прошу Ваше Превосходительство приказать сделать благосклонное распоряжение.

2. Из числа отпущенных денег на содержание фрегата «Паллады» и шкуны «Восток» имеется в остатке теперь у меня до 12/т. фунтов стерлингов в кредитивах от лондонского бан-

кирского дома Беринга и К^о, вовсе бесполезных при теперешних обстоятельствах.

Покорнейше прося Ваше Превосходительство о распоряжении касательно присылки следующей на содержание обоих судов суммы, честь имею присовокупить, что офицеры и нижние чины отряда удовлетворены жалованьем только по 1-е января, а порционными по 18-е июня текущего года. Сверх того отпущено мною на содержание корвета «Оливуца» 26241 руб. 25 коп., не входивших в смету расходов по фрегату. Не считая расходов на провизию, если она будет доставляема сюда по распоряжению Вашего Превосходительства, потребная на удовлетворение всех за тем издержек по вверенному мне отряду, до 1-го мая 1855 года, сумма составит около ста тысяч рублей серебром, как Вы изволите усмотреть из прилагаемой ведомости⁵¹.

К этому же рапорту приложено несколько ведомостей, где перечислено, сколько денег и припасов необходимо для фрегата «Паллада» и шхуны «Восток»⁵².

Следующий делопроизводственный номер (№ 228) имеет рапорт морскому министру, датированный предыдущим днем, 24 мая (5 июня) 1854 г., о выдаче командиру корабля Российско-Американской компании «Князь Меншиков» для закупки провизии 1000 талеров (что равнялось 1330 руб. серебром), и что в счет этой суммы были взяты из груза транспорта подарки японцам на сумму 376 руб. 50 коп.⁵³.

13 (25) июня пишется рапорт в Морское министерство (№ 240) с перечислением распоряжений, которые Путятин отдал в ожидании распоряжений от Муравьева:

Время, проведенное нами здесь, было между тем не потеряно. Хотя мне неизвестны дальнейшие распоряжения высшего начальства, но, принимая однако же в соображение нынешние обстоятельства и имея через газеты сведения, что англичане и французы готовят против нас значительные соединенные силы в здешних морях, я не лишним счел принять предварительно все зависящие от меня меры, какие внушало благоразумие, чтобы поставить отряд в какую-нибудь

⁵¹ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 277–280 (писарская копия, заверенная Муравьевым).

⁵² Там же. Л. 281–284 об. (подлинники). Здесь же (Л. 285) находится копия с рапорта Путятин к Муравьеву от мая / июня (числа не проставлены, № 235), с просьбой о доставке на «Палладу» и «Восток» вещей, перечисленных в № 227.

⁵³ РГА ВМФ. Ф. 157. Оп. 1. № 855. Л. 366–366 об.

возможность защищаться против превосходных сил неприятеля. Зная, что ни одно из наших владений на берегах Восточного океана не представляет надежных укреплений, я в короткое время нашего пребывания в здешней бухте устроил на берегу две батареи, на которые могут быть поставлены орудия с одного борта фрегата. Я имел при этом в виду, что если таковое распоряжение не будет противуречить данным г. генерал-лейтенанту Муравьеву приказаниям и если он с своей стороны признает за нужное сосредоточить наши силы здесь и избрет Императорскую гавань, как более удобный для того пункт, нежели все прочие порта, то, по приходе фрегатов «Диана» и «Аврора», могли бы быть устроены здесь еще новые батареи, и тогда положение наше было бы обеспечено вполне против всяких неприятельских сил.

12-го сего июня прибыл обратно из залива Анивы транспорт «Князь Меншиков», который был послан мною туда с целию предупредить начальника тамошнего нашего военного поста, подполковника Буссе о предстоящих военных действиях. Г-н Буссе счел за лучшее снять на время пост и удалиться с командою и 3 орудиями сюда, пока не получит дальнейших приказаний от своего начальства. Вместе с транспортом прибыли, по моему предложению, в здешнюю гавань бывшие в заливе Анива транспорты «Иртыш», «Двина» и судно американской компании «Николай». Первым двум, а также и подполковнику Буссе, я предоставляю немедленно отправиться в залив де-Кастри и ожидать там приказаний г. генерал-губернатора, а судам американской компании предложил пока укрыться здесь в ожидании дальнейших известий из залива де-Кастри⁵⁴.

Наконец, Муравьев на шхуне «Восток» прибывает в Императорскую гавань⁵⁵. На следующий день был устроен салют в честь успешного окончания Амурской экспедиции и торжественный обед на «Палладе». Муравьев приказывает «Палладе» идти к устью Амура, куда фрегат отплывает 27 июня, а спустя два дня Путятин отправляет в Петербург рапорт (№ 260):

По совещании с г. генерал-лейтенантом Муравьевым, положено идти мне с фрегатом «Паллада» в Амурский лиман и, введя, буде

⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 224–223.

⁵⁵ Различные источники дают разные даты: капитан шхуны «Восток» В.А. Римский-Корсаков в своем дневнике называет 21 июня (см.: Морской сборник. 1896. № 9. С. 166), Путятин в цитируемом ниже рапорте — 22 июня.

возможно, фрегат в устье реки, стать там на якорь и снять часть артиллерии для береговых укреплений.

Если же бы сего сделать было нельзя, то я решаюсь, с одобрения г. генерал-губернатора, воротиться в здешний порт и приводить к окончанию как укрепления, так и все прочие начатые работы, как-то рубку леса и постройку временных казарм и магазинов для зимнего пребывания людей на этом берегу.

Впрочем, касательно сего последнего обстоятельства, т. е. пребывания на время зимы в Императорской гавани, между нами не решено ничего окончательно. <...> Поэтому, может быть, при вторичном свидании с г. генерал-губернатором, касательно зимовки фрегата, последует какое-либо другое решение, о котором я долгом сочту донести в свое время. <...>

В заключение осмеливаюсь представить милостивому вниманию Вашего Императорского Высочества следующие мои предположения и намерения касательно дальнейшего нашего пребывания в здешних местах.

По примерному расчету, фрегат «Диана» мог бы уже теперь прибыть в залив де-Кастри или в Императорскую гавань, но доселе он не прибыл; если он замедлит приходом еще месяц, то почти достоверно можно будет заключить, не предполагая даже несчастья от задержания его неприятелем, что он принужден был укрыться от превосходных неприятельских сил в какой-либо нейтральный порт, и, следовательно, во всяком случае, нынешним летом соединиться с нашим отрядом в Татарском проливе будет не в состоянии. Ежели за тем окажется возможным привести предложенную г. генерал-губернатором меру в исполнение, т. е. ввести фрегат «Палладу» в устье р. Амура, что обеспечит его вполне от нападений превосходным числом неприятельским сил, то я, не имея в своем распоряжении больших военных судов, не в состоянии буду оканчивать, при продолжении неприязненных отношений к Франции и Англии, возложенного на меня дела в Японии. Таким образом, дальнейшее мое пребывание, а равно и некоторых офицеров фрегата, в здешнем краю не будет уже соответствовать цели нашего сюда назначения. Поэтому, если обстоятельства расположатся так, как я имел счастье изложить, я полагал бы, с одобрения г. генерал-лейтенанта Муравьева, отправиться сухим путем через Сибирь в С. Петербург, и отправить также состоящих при мне гражданских и военных лиц и часть офицеров, оставив только необходимое число оных при команде фрегата, ибо они, при нынешних обстоятельствах, могут быть употреблены в других морях деятельнее и с большею пользою, чем здесь.

Все это должно быть приведено в исполнение не позже исхода августа сего года: далее сего срока почти нет возможности делать этот путь, по причине ранних льдов и прекращения плавания на Охотском море. Это раннее наступление зимних погод в здешних местах лишает меня возможности ожидать утверждения моего предположения из С. Петербурга⁵⁶.

2 (14) июля Путятин отправляет при очередном рапорте (№ 263) Морскому министру несколько карт, начерченные участниками экспедиции⁵⁷.

Почти весь июль продолжались попытки вести «Палладу» в устье Амура, но все они закончились неудачей. Позднее Гончаров так вспоминал об этом времени:

Мне хотелось домой, в свой обычный круг лиц, занятий и образа жизни. Я намекнул адмиралу о своем желании воротиться. Но он <...> заметил мне, что не совсем потерял надежду продолжать с Японией переговоры, несмотря на войну, и что, следовательно, и мои обязанности секретаря нельзя считать конченными. А того, что кончилось мое желание путешествовать, он не заметил, несмотря на мой глубокий вздох, которым я встретил его ответ. <...> Но потом, после нескольких разговоров с адмиралом об этом, он сам сжался. Я видимо стал скучать, да, может быть, он и сам сомневался, удастся ли ему идти в Японию, так как на первом плане теперь была у него обязанность не дипломата, а воина. И вот он неожиданно для меня, с свойственной ему добротой, однажды решил: «Бог с вами, поезжайте: я знаю, что здесь вам скучно будет теперь» [5, т. 2, с. 714].

Решение отправить Гончарова в Петербург Путятин принимает 13 июля, вместе с ним должен был отправиться адъютант великого князя Константина Николаевича, лейтенант Н.Н. Крюднер, о чем адмирал сообщал Муравьеву (№ 266)⁵⁸. Наконец в конце июля в Татарский пролив прибыл фрегат «Диана», который должен был заменить обветшавшую «Палладу», и 27 июля Путятин принимает решение остаться для завершения переговоров, но часть офицеров и чиновников, в том числе Гончарова, все же решает отправить в Петербург

⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 248–251. Цитировалось в статье: [4, с. 105].

⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 252–252 об.

⁵⁸ Этот рапорт опубл.: [4, с. 106–107]. Не может не вызывать удивление тот факт, что в подробном письме к Н.А. Майкову и его семье от 15 июля [5, т. 15, с. 214–219] Гончаров ничего не пишет о том, что решение о его возвращении уже принято.

сухим путем. Этим же днем и несколькими следующими датировано несколько рапортов — и в Петербург, и Муравьеву — о своих дальнейших действиях, в том числе и о том, кого он отправляет домой (№№ 275, 276, 277, 280, 283, 284)⁵⁹. Среди этих документов был один, который до нас не дошел, но о котором мы знаем со слов самого Гончарова: «...ни одну бумагу в качестве секретаря не писал так усердно, как предписание себе самому, от имени адмирала, “следовать до С.-Петербурга, и чтобы мне везде чинили свободный пропуск и оказываемо было в пути, со стороны начальствующих лиц, всякое содействие” и т. д.» [5, т. 2, с. 714].

Как известно, борт «Паллады» Гончаров покинул 4 августа [5, т. 3, с. 749], перейдя на шхуну «Восток», на которой начнется его долгий путь домой. Вероятно, последними документами, который пришлось ему составить как секретарю адмирала Путятина, было несколько рапортов от 2 августа, из которых нам известно два: о волнениях команды фрегата «Диана» и жесткости его капитана С.С. Лесовского (№ 286)⁶⁰ и о бомбе, изобретенной артиллерийским офицером «Паллады», подполковником К.И. Лосевым (№ 291)⁶¹.

Литература

1. *Алексеев А.Д.* И.А. Гончаров — автор официального «Отчета о плавании фрегата “Паллада”» // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: сб. статей к 90-летию Н.К. Пиксанова. Л.: Наука, 1969. С. 370–375.
2. *Алексеев А.Д.* Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 375 с.
3. *Балакин А.Ю.* И.А. Гончаров — участник переговоров с японцами (по материалам РГА ВМФ) // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 293–313. DOI: 10.22455/2541-8297-2019-14-293-313
4. *Балакин А.Ю.* «Я бережлив... от привычки к деньгам»: Финансовый аспект командировки И.А. Гончарова на фрегате «Паллада» // *Slavica Revalensia*. 2019. Vol. VI. С. 99–120.
5. *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997–.
6. *Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. М.: Наука, 1988. 381 с.
7. *Орнатская Т.И.* Примечания // *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 3. С. 398–444.
8. *Пустовойт Е.В.* Русские корабли на Рюкю в 1854 г. Владивосток: Русский остров, 2013. 160 с.

⁵⁹ Эти документы были нами перечислены и проаннотированы: [4]. Последние два ранее были опубл.: [5, т. 3, с. 137–138, 411–412] (с неточностями).

⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. 296. Оп. 1. № 75. Л. 292–294 об.

⁶¹ Там же. Л. 259–259 об.

9. *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М.: Знание, 1960. 302 с.

10. *Черевко К.Е.* Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века). М.: Институт русской цивилизации, 2010. 683 с.

11. *Энгельгардт Б.М.* «Фрегат Паллада» // Литературное наследство. М.: Журнално-газетное объединение, 1935. Т. 22–24. С. 309–343.

12. *Edgar F. Philipp* Franz Von Siebold and Russian Policy and Action on Opening Japan to the West in the Middle of the Nineteenth Century. München: IUDICIUM Verlag, 2005. 235 p.

13. *Lensen G.A.* Russia's Japan Expedition of 1852 to 1855. Gainesville: University of Florida Press, 1955. 208 p.

14. *Lensen G.A.* The Russian Push toward Japan: Russo-Japanese Relations, 1697–1875. New York: Princeton University Press, 1971. XV+553 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

Goncharov as the Secretary of Admiral E.V. Putyatin (New Materials)

© 2021. Alexei Yu. Balakin

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article introduces into scientific circulation the dispatches and reports sent from the board of the frigate “Pallada” during the circumnavigation of 1852–1854. Most of them were written by I.A. Goncharov, who acted as secretary to the head of the expedition, Vice-Admiral E.V. Putyatin. The documents provide new data on the sailing of the Russian squadron, ship everyday life and incidents, negotiations with Japanese representatives. Corresponding to Goncharov’s memoirs and private letters, the service reports supplement and clarify our knowledge about this interesting page in the writer's life, at the same time providing important historical material on the history of the Russian fleet and diplomacy.

Keywords: I.A. Goncharov, frigate “Pallada”, biography of the writer, official documents, archival materials, Russian-Japanese relations.

Information about the author: Alexei Yu. Balakin — PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7194-5461>. E-mail: balakin@inbox.ru.

For citation: Balakin, A.Yu. “Goncharov as the Secretary of Admiral E.V. Putyatin (New Materials).” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 155–184. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-155-184>

References

1. Alekseev, A.D. "I.A. Goncharov — avtor ofitsial'nogo 'Otcheta o plavanii fregata Pallada'." ["I.A. Goncharov as the Author of the Official 'Report on the Voyage of the Frigate Pallada'."]. *Ot "Slova o polku Igoreve" do "Tikhogo Dona": sbornik statei k 90-letiiu N.K. Piksanova* [From "The Tale of Igor's Campaign" to "And Quiet Flows the Don": a Collection of Articles for the 90th Anniversary of N.K. Piksanov]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, pp. 370–375. (In Russ.)
2. Alekseev, A.D. *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Goncharova* [Chronicle of I.A. Goncharov Life and Work]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1960. 375 p. (In Russ.)
3. Balakin, A.Iu. "I.A. Goncharov — uchastnik peregovorov s iapontsami (po materialam RGA VMF)" ["Ivan Goncharov as a Participant of Negotiations with the Japanese (Based on Materials from the Russian State Archive of the Navy)"]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (14), 2019, pp. 293–313. DOI: 10.22455/2541-8297-2019-14-293-313 (In Russ.)
4. Balakin, A.Iu. "Ia berezhliv... ot neprivyчки k den'gam': Finansovyi aspekt komandirovki I.A. Goncharova na fregate 'Pallada'." ["Ia Berezhliv Ot Neprivyчки K Den'gam': The Financial Aspect Of Ivan Goncharov's Expedition On The Frigate 'Pallada'."]. *Slavica Revalensia*, vol. VI, 2019, pp. 99–120. DOI: 10.22601/SR.2019.06.03 (In Russ.)
5. Goncharov, I.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997–. (In Russ.)
6. Kutakov, L.N. *Rossii i Iaponiia* [Russia and Japan]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 381 p. (In Russ.)
7. Ornatskaia, T.I. "Primechaniia" ["Notes"]. Goncharov, I.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols.], vol. 3. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, pp. 398–444. (In Russ.)
8. Pustovoit, E.V. *Russkie korabli na Riukiu v 1854 g.* [Russian Ships at Ryukyu in 1854]. Vladivostok, Russkii ostrov Publ., 2013. 160 p. (In Russ.)
9. Fainberg, E.Ia. *Russko-iaponskie otnosheniia v 1697–1875 gg.* [Russian-Japanese Relations in 1697–1875]. Moscow, Znanie Publ., 1960. 302 p. (In Russ.)
10. Cherevko, K.E. *Rossii na rubezhakh Iaponii, Kitaia i SShA (2-ia polovina XVII – nachalo XXI veka)* [Russia at the Borders of Japan, China and the USA (2nd Half of the 17th – Early 21st Century)]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2010. 683 p. (In Russ.)
11. Engel'gardt, B.M. "Fregat Pallada" ["Frigate Pallada"]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 22–24. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., 1935, pp. 309–343. (In Russ.)
12. Edgar, Franz. *Philipp Franz Von Siebold and Russian Policy and Action on Opening Japan to the West in the Middle of the Nineteenth Century*. München, IUDICIUM Verlag, 2005. 235 p. (In English)
13. Lensen, George Alexander. *Russia's Japan Expedition of 1852 to 1855*. Gainesville, University of Florida Press, 1955. 208 p. (In English)
14. Lensen, George Alexander. *The Russian Push toward Japan: Russo-Japanese Relations, 1697–1875*. New York, Princeton University Press, 1971. XV+553 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 29.10.2020
 Одобрена после рецензирования: 15.01.2021
 Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 29.10.2020
 Approved after reviewing: 15.01.2021
 Date of publication: 25.09.2021

«...выдано товарищу В.В. МАЯКОВСКОМУ...»
**Неизвестное письмо А.В. Луначарского
Ф.Э. Дзержинскому**

© 2021, В.Н. Терехина, Н.В. Котрелев

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Публикация Н.В. Котрелева; статья В.Н. Терехиной

Аннотация: В статье представлен исторический контекст публикуемого впервые документа из фондов ГАРФ — рекомендательного письма А.В. Луначарского о В.В. Маяковском, адресованного Ф.Э. Дзержинскому 13 апреля 1918 г. Содержание письма связано с произошедшим в ночь с 11 на 12 апреля разгромом Московской федерации анархистов, в результате которого в числе сотен арестованных оказались художники, писатели, артисты футуристических групп. В связи с этим Маяковский был рекомендован Дзержинскому как хорошо знающий «художников, поэтов и других деятелей искусств, так или иначе связанных с анархистскими группами», для их «скорейшей реабилитации и прекращения преследования». Делается вывод о необходимости углубленного рассмотрения анархистского периода в творческой биографии Маяковского. В этом контексте рекомендательное письмо Луначарского Дзержинскому является наиболее ранним официальным документом Маяковского советского периода.

Ключевые слова: В. Маяковский, анархизм, русский авангард, А. Луначарский, Ф. Дзержинский, К. Малевич.

Информация об авторах: Вера Николаевна Терехина — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8708-9914>. E-mail: veter_47@mail.ru.

Николай Всеволодович Котрелев (1941–2021) — старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

Для цитирования: Терехина В.Н., Котрелев Н.В. «...выдано товарищу В.В. Маяковскому...». Неизвестное письмо А.В. Луначарского Ф.Э. Дзержинскому // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 185–195. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-185-195>

Впервые публикуемое в настоящей статье рекомендательное письмо А.В. Луначарского к Ф.Э. Дзержинскому вносит существенные коррективы в понимание места и роли В.В. Маяковского в сложной социально-политической ситуации весны 1918 г. Содержание документа связано с произошедшим в ночь с 11 на 12 апреля разгромом большевиками Московской федерации анархистов, в результате которого среди сотен арестованных оказались художники, писатели, артисты футуристических групп. В сложившейся ситуации Маяковский был рекомендован Дзержинскому как доверенное лицо Наркомпроса для помощи в освобождении тех, кто, как подчеркивалось в письме, был связан с анархистскими группами «исключительно в сфере деятельности искусства».

Документ публикуется по машинописной копии: ГАРФ. Ф. 306. Оп. 2. Д. 307. Рукописные пометы черными чернилами (сделаны Д.И. Лещенко) переданы курсивом.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

г. Москва.

«13» апреля 1918 года

№ 668

Копия

В Чрезвычайную Комиссию по борьбе
с контрреволюцией и спекуляцией.
Тов. ДЗЕРЖИНСКОМУ

Уважаемый Товарищ,

настоящим удостоверяется, что товарищ В.В. МАЯКОВСКИЙ пользуется полным доверием Комиссариата Народного Просвещения и хорошо знает художников, поэтов и других деятелей искусств, так или иначе связанных с анархистскими группами. Прошу в целях избежания недоразумений считаться с его показаниями относительно участия таких лиц в анархистских предприятиях и группах.

Настоящее удостоверение выдано товарищу В.В. МАЯКОВСКОМУ в целях скорейшей реабилитации и прекращения преследования (в случае, если оно имело место) тех деятелей искусств, связь которых с анархистскими группами была исключительно в сфере деятельности искусства.

Народный Комиссар по Просвещению

(подписал А. Луначарский)

(иодп) Старший Секретарь Дм. Лещенко¹

¹ Иодп — исполняющий обязанности делопроизводителя. Лещенко Дмитрий Ильич (1876–1937) — член партии с 1900 г. В революционное движение вступил с конца

Почему выбор пал на Маяковского? Какое отношение он имел к анархистским идеям и деятельности анархистов в Москве? Эти вопросы связаны с недостаточно документированным периодом в биографии Маяковского — весной 1918 г. Это время его активного сопротивления политике огосударствления творческой сферы, созданию органов управления искусством. Вспомним, что после Февральской революции на собрании деятелей искусств в Михайловском театре 23 марта 1917 г. была принята резолюция об отделении искусства от государства, предложенная Маяковским: «Мой девиз и всех вообще — да здравствует политическая жизнь России и да здравствует свободное от политики искусство!» [4, с. 547].

Такая позиция стала естественным продолжением футуристического противостояния консервативным нормам и установлениям, традициям и «общественному вкусу». Как подчеркивает Н. Гурьянова, «черты эстетической анархии обнаруживают себя <...> в самой свободной неоднородности, органичной многомерности движения раннего русского авангарда» [3, с. 92]². Кроме того, в обстановке революционных манифестаций «эстетический анархизм» быстро приобретал черты «социал-анархизма».

15 марта вышел первый номер «Газеты футуристов» под редакцией В. Маяковского, Д. Бурлюка и В. Каменского. В газете были напечатаны стихотворения Маяковского — «Наш марш», «Революция (поэтохроника)», две коллективные декларации — «Декрет № 1 о демократизации искусства», «Манифест Летучей федерации футуристов»; «Открытое письмо рабочим» Маяковского и заметка «Братская могила». С наибольшей отчетливостью анархо-социалистические взгляды Маяковского проявились в призывах к «Революции Духа»: «Революция содержания — социализм-анархизм — немыслима без революции формы — футуризма» [7, т. 12, с. 9].

Обращаясь к рабочим, Маяковский призывал отказаться от «ветоши старого искусства» и «с жадностью рвать куски здорового молодого грубого искусства». В то же время он не декретировал конкретных проявлений творчества будущего: «Никому не дано знать, какими огромными солнцами будет освещена жизнь грядущего. Может быть, художники в стоцветные радуги превратят серую пыль городов, может быть, с кражей гор неумолчно будет звучать громовая музыка пре-

1890-х, подвергался арестам и административной ссылке. С ноября 1917 по 1920 г. — секретарь Государственной комиссии по просвещению, секретарь Наркомпроса РСФСР. В 1918 г. возглавил Петроградский кинокомитет, в декабре 1918 г. — Центральный кинокомитет в Москве, привлек к работе Маяковского. Сыграл роль профессора в одном из первых советских игровых фильмов «Уплотнение» (1918) по сценарию Луначарского. Сохранились фотографии, запечатлевшие Лещенко, Луначарского и Маяковского около Кинокомитета (1918).

² Более широко проблема поставлена в кн.: [12].

вращенных в флейты вулканов, может быть, волны океанов заставим перебирать сети протянутых из Европы в Америку струн. Одно для нас ясно — первая страница новейшей истории искусств открыта нами» [7, т. 12, с. 9].

В «Манифесте Летучей федерации футуристов» Маяковский заявлял о своих социальных требованиях более определенно: «...старый строй держался на трех китах. Рабство политическое, рабство социальное, рабство духовное. Февральская революция уничтожила рабство политическое. <...> Бомбу социальной революции бросил под капитал октябрь. <...> И только стоит неколебимый третий кит — *рабство Духа*. Требуем признать: I. Отделение искусства от государства. <...> II. Передачу всех материальных средств искусства: театров, капелл, выставочных помещений и зданий академии и художественных школ — в руки самих мастеров искусства. <...> III. Всеобщее художественное образование, ибо мы верим, что основы грядущего свободного искусства могут выйти только из недр демократической России, до сего времени лишь алкавшей хлеба искусства. IV. Немедленная, наряду с продовольственными, реквизиция всех под спудом лежащих эстетических запасов для справедливого и равномерного использования всей России» [10, с. 62–63].

В подтверждение необходимости практических шагов в той же «Газете футуристов» было напечатано объявление под заглавием «Дом искусства для всех»: «На Моховой (бывший ресторан “Петергоф”) открывается большой клуб нового типа. Идея — индивидуаль-анархизм творчества. Будут театр, студия художников, комната поэтов и т. п. Цель — приобщение граждан к горнилам современного искусства». Несмотря на то что проект не был осуществлен, в органе анархистов — журнале «Революционное Творчество» (1918. № 1–2. С. 140) — «Дом свободного искусства» числится среди «анархистических клубов», а «Газета футуристов» считается органом анархизма.

Издание «Газеты футуристов», несомненно, было ориентировано на полемику с левыми художниками, избравшими своей трибуной газету «Анархия». Маяковский летом 1917 г. был одним из организаторовлевой (Молодой) федерации в Профессиональном союзе художников-живописцев Москвы (сохранился его членский билет). В отличие от Петрограда, где после Октябрьской революции были созданы советские учреждения под эгидой Наркомпроса, в Москве сохранялось самоуправление художественных объединений³. Авангардное искусство во многом питалось духом анархизма: «Образ мышления Казимира

³ См. подробную информацию: [6, с. 53–57].

Малевича, Владимира Татлина, Василия Кандинского, Александра Родченко, Ольги Розановой, Варвары Степановой, Надежды Удальцовой и других представителей русского авангарда формировался под воздействием разных типов анархизма. В свою очередь, Малевич, Родченко, Розанова, Татлин, Удальцова оказали большое влияние на теорию и практику (пост)революционного анархизма. С сентября 1917 по июль 1918 года на страницах газеты «Анархия» выходили их манифесты и заявления» [1, с. 120]. После выхода «Газеты футуристов» со страниц газеты «Анархия» (1918. № 13) бывшие союзники полевой федерации художников протестовали против Летучей федерации футуристов, издающей собственные декреты. Родченко заявлял:

...есть еще более чем футуристы — Хлебников, Крученых, Розанова, Малевич, Татлин, Моргунов, Удальцова, Попова и др. Газета футуристов — это газета трех футуристов-диктаторов. Нелепы федерации, ассоциации, коллегии троих.

Большевики футуризма!

Государственники футуризма!

Троцкие футуризма!

Так издайте же второй номер, где подпишите мир с эстетизмом буржуазии.

Издайте декрет о расстрелах более крайних новаторов, «анархо-бунтарей», чем вы (Анархия. 1918. № 3).

Возникшая полемика с использованием крайне агрессивной лексики свидетельствует о том, что футуристы не смогли ограничиться только «эстетикой анархизма» и перешли к политическим обвинениям. Ситуация обострилась с перемещением правительства в Москву, конфликт большевиков и анархистов перерастал в жесткое противостояние. В пику создававшейся Красной армии Федерация анархических групп Москвы стала формировать собственные вооруженные отряды. Был брошен призыв: «К оружию!», и началось создание вольных боевых дружин.

Газета «Анархия» в № 15 от 10 марта 1918 г. извещала, что в эти отряды принимают далеко не каждого:

Приём боевиков в ЧЁРНУЮ ГВАРДИЮ производится по рекомендации или:

- 1) местных групп;
- 2) трёх членов Федерации;
- 3) фабрично-заводских комитетов;

4) районных советов,
ежедневно с 10 до 2 часов дня, в помещении дома «Анархия»,
М. Дмитровка, 6 (Анархия. 1918. № 15).

Обратим внимание на адрес: дом «Анархия» — здание Купеческого клуба, в котором сейчас работает театр «Ленком», — находился по прямой через Настасьинский переулок в пяти минутах от «Кафе поэтов», главной сценической площадки Маяковского, Бурлюка, Каменского (авторов «Манифеста Летучей федерации футуристов»). Судя по датам многочисленных инскриптов Маяковского, сделанных в «Кафе поэтов», его выступления продолжались с конца декабря 1917 г. до закрытия кафе 14 апреля 1918 г. Само оно находилось под защитой анархистов, которые составляли часть постоянных посетителей. Сохранилась любопытная справка, выданная Маяковскому Московской федерацией анархистов об отсутствии его «практической связи с футуристами»⁴. Документ датирован 22 марта 1918 г., т. е. был получен непосредственно после выхода «Газеты футуристов» и того резонанса, который получило выступление новых «индивидуал-анархистов» от искусства.

Однако для безопасности посетителей кафе в условиях обострения борьбы между большевиками и анархистами такой «охранной грамоты» оказалось недостаточно. Многие анархисты были арестованы в ночь с 11 на 12 апреля 1918 г. в ходе операции, руководство которой Ф.Э. Дзержинский возложил на коменданта Московского Кремля П.Д. Малькова и в которой участвовали латышские стрелки по командой Я.К. Берзина. Газета «Известия ВЦИК» от 13 апреля 1918 г. сообщала, что латышские стрелки окружили все здания, в которых располагались анархисты. Начался штурм, те, кто находился в «Доме Анархии» на Малой Дмитровке, оказали вооруженное сопротивление. Было задержано около четырехсот человек — не только «идейных анархистов», членов Черной гвардии, но и собиравшейся в анархистских коммунах молодежи, в том числе футуристов — художников, поэтов, связанных с Московской федерацией анархистских групп и газетой «Анархия». В этой ситуации К.С. Малевич обратился за помощью к председателю Левой федерации профсоюза художников-живописцев Москвы В.Е. Татлину. Сохранилось его недатированное письмо от апреля 1918 г.:

⁴ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 82.

Владимир Евграфович.

При арестах анархистов в Доме Морозова, что в В<в>еденском переулке на Покровке, были захвачены молодые художники Спасский⁵, Кузьмин⁶ и Сенькин⁷. Моргунов⁸ их знает, это люди прекрасной души.

Примите меры, дабы может быть кровь их не затемнила наше сознание. Примите поскорее меры, они кажется кричали Вам <...> Они ни в чем не повинны.

<...> Кроме них есть молодой поэт Петровский⁹. Узнайте и о его судьбе, он должен быть среди них.

Что же касается меня, то я готов. Пусть руками разорвут ворота на груди моей и возьмут сердце мое и снимут с алтаря мое свободное я.

Жму Вашу руку
К. Малевич.
<приписка Татлина:>
Добыто разрешение
Художники выпущены
Татлин¹⁰.

Кем добыто разрешение, кто содействовал освобождению задержанных? Публикуемое письмо Луначарского позволяет сделать обоснованное предположение о том, что это мог быть Маяковский.

⁵ Спасский Евгений Дмитриевич (1900–1985) — художник, реставратор, иконописец, поэт, мемуарист и педагог. Учился в Москве в художественной студии М. Леблана, свой путь в живописи начинал как авангардист и футурист. В 1918 г. после разгрома анархистов совместно с Давидом Бурлюком совершил «Большое Сибирское турне». В 1921–1922 гг. учился во ВХУТЕМАСе, работал художником в Союзе поэтов, познакомился с В. Хлебниковым, В. Маяковским, В. Каменским.

⁶ Кузьмин Николай Васильевич (1890–1987) — художник-график, иллюстратор, участник объединения «13»

⁷ Сенькин Сергей Яковлевич (1894–1963) — художник-авангардист, ученик Казимира Малевича, представитель конструктивизма, один из видных деятелей советского агитационного искусства.

⁸ Моргунов Алексей Алексеевич (1884–1935) — художник, участник авангардных выставок «Бубновый валет», «Мишень», «Союз молодежи». Недолгое время примыкал через А.М. Гана и А.М. Родченко к анархистам, к которым привлек и Малевича, опубликовал несколько статей в газете «Анархия». После разгрома анархистов поступил на государственную службу — в московскую Коллегию по делам искусств (весна 1918). Источник: Энциклопедия русского авангарда. URL: <http://rusavangard.ru/online/biographies/morgunov-aleksey-alekseevich/> (дата обращения: 15.05.2021).

⁹ Петровский Дмитрий Васильевич (1892–1955) — писатель и поэт, был участником Гражданской войны, командиром партизанского отряда на Украине. Примыкал к ЛЕФу, написал воспоминания о В. Хлебникове.

¹⁰ ОР ГТГ. Ф. 159. Ед. хр. 72. Л. 1. Опубл.: [8, с. 321].

Необходимо принять во внимание, что, хотя большевистское правительство переехало в Москву 3 марта 1918 г., Народный комиссариат просвещения еще год базировался в Петрограде. Встала задача обуздать стихийную, подверженную анархистским влияниям творческую жизнь новой столицы пролетарского государства. С этой целью именно 11 апреля нарком А.В. Луначарский на совещании в Моссовете предложил создать Московскую коллегию изобразительного искусства — по аналогии с работавшей в Петрограде. На первом заседании коллегии, которое состоялось 14 апреля, ее председателем был назначен Татлин. Вечером того же дня Луначарский выступил в «Кафе поэтов» на закрытии этой площадки близ разгромленного «Дома Анархии». Анализируя публикуемое письмо, мы приходим к выводу об активном участии Маяковского в освобождении задержанных. Поводом к таким срочным действиям могло быть обращение к Маяковскому коллеги по футуризму Татлина или, что не менее вероятно, просьба о помощи от Д.Д. Бурлюка. Бурлюк уехал из Москвы, по его словам, 1 или 2 апреля по старому стилю, или 14–15 апреля по новому, т. е. сразу после закрытия «Кафе поэтов» (по некоторым намекам, он также был задержан и просил Маяковского срочно помочь). Именно Маяковский мог прийти к Луначарскому с просьбой вмешаться в сложившуюся ситуацию. Нарком был знаком с Маяковским («футурист и с.<оциал>д.<емократ>») с июня 1917 г. по сотрудничеству в газете «Новая жизнь», встречам в «Привале комедиантов» [9, с. 571] и мог с полным доверием дать ему рекомендательное письмо. Маяковскому требовалось доказать, что связь арестованных с анархистскими группами была «исключительно в сфере деятельности искусства», как говорилось в письме Луначарского. Можно предположить, что ценой такого соглашения стало закрытие футуристического «Кафе поэтов».

До сих пор «эстетика анархизма» и, тем более, ее «опрокидывание в политику» в отношении творчества Маяковского не нашли адекватного отражения ни в «Хронике литературной деятельности В.В. Маяковского» [5], ни в сравнительно недавней книге «13-й апостол» Д. Быкова [2]. Бенгт Янгфельдт, первым републиковавший «Манифест Летучей федерации футуристов», пишет в главе о духовной революции: «Конец анархистского футуризма почти день в день совпал с ликвидацией анархизма политического, осуществленной ЧК 12 апреля. Эти события, которые, по всей вероятности, были взаимосвязанными, знаменовали собой окончание анархистского периода русской революции как в политике, так и в культуре» [11, с. 119]. Уточняя сказанное уважаемым славистом, необходимо более

широко рассмотреть анархистский период в творческой биографии Маяковского, поскольку лозунги автономии искусства и Революции Духа остаются актуальными для него вплоть до середины 1922 г. В этом контексте рекомендательное письмо Луначарского Дзержинскому оказывается наиболее ранним официальным документом Маяковского советского периода и чрезвычайно важным свидетельством участия Маяковского в сложных общественно-политических процессах весны 1918 г.

Литература

1. *Буренина-Петрова О.* Анархия и власть в искусстве (Варвара Степанова и Александр Родченко) // Сюзетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 120–137.
2. *Быков Д.* 13-й апостол. Маяковский. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2016. 832 с.
3. *Гурьянова Н.* Эстетика анархии в теории раннего русского авангарда // Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н.И. Харджиева / под ред. М.Б. Мейлаха и Д.В. Сарабьянова. М.: Языки русской культуры, 2003. 848 с.
4. *Динерштейн Е.А.* Маяковский в феврале-октябре 1917 г. // Литературное наследство. М.: Наука, 1958. Т. 65: Новое о Маяковском. С. 541–570.
5. *Катанян В.А.* Маяковский. Хроника жизни и деятельности. 5-е изд. / под ред. А.Е. Парниса. М.: Сов. писатель, 1985. 648 с.
6. *Крусанов А.В.* Русский авангард 1907–1932: Исторический обзор: в 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2, кн. 1. 815 с.
7. *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Гослитиздат, 1955–1961.
8. Неизвестные письма К.С. Малевича / публ. А.В. Крусанова // Маяковский продолжается. М.: Гос. музей В.В. Маяковского, 2009. Вып. 2. С. 319–324.
9. Первая встреча Луначарского с Маяковским в 1917 г. / публ. В.Д. Зельдовича // Литературное наследство. М.: Наука, 1958. Т. 65: Новое о Маяковском. С. 571–576.
10. Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В.Н. Терехина, А.П. Зименков. М.: Наследие, 1999. 480 с.
11. *Янгфельдт Б.* Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг. М.: КоЛибри, 2006. 640 с.
12. *Gurianova N.* The aesthetics of anarchy: art and ideology in the early Russian avant-garde. Berkeley: University of California Press, 2012. 355 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

“...Given to Comrade V.V. Mayakovsky”: An Unknown Letter by Lunacharsky to Dzerzhinsky

© 2021. Vera N. Terekhina, Nikolai V. Kotrelev

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Publication by N.V. Kotrelev. The article by V.N. Terekhina

Abstract: The article presents the historical context of the first-published document from the GARF foundations — A.V. Lunacharsky's letter of recommendation about V.V. Mayakovsky, addressed to F.E. Dzerzhinsky on April 13, 1918. In this regard, Mayakovsky was recommended to Dzerzhinsky as well-in knowledge of “artists, poets and other actors, in one way or another associated with anarchist groups”, for their “rehabilitation and termination of persecution”. The article establishes a link between the two events related to the published letter, namely, the release of the first and only issue of “Futurist Newspaper” on March 15 and the closing of “Cafe of Poets” on April 14, 1918. Based on the published letter, the article establishes a connection between the two events, namely, the release of the first and only issue of “Futurist Newspapers” on March 15 and the closing of “Cafe of Poets” on April 14, 1918. It concludes that there is a need for an in-depth examination of the anarchist period in Mayakovsky's creative biography. In this context, Lunacharsky's letter of recommendation to Dzerzhinsky is the earliest official document of Mayakovsky's soviet period.

Keywords: Mayakovsky, Anarchism, Lunacharsky, Dzerzhinsky, Malevich.

Information about the authors: Vera N. Terekhina — DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8708-9914>. E-mail: veter_47@mail.ru.

Nikolai V. Kotrelev (1941–2021) — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

For citation: Terekhina, V.N., Kotrelev, N.V. “...Given to Comrade V.V. Mayakovsky”: An Unknown Letter by Lunacharsky to Dzerzhinsky.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 185–195. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-185-195>

References

1. Burenina-Petrova, O. "Anarkhiia i vlast' v iskusstve (Varvara Stepanova i Aleksandr Rodchenko)" ["Anarchy and Power in the Art (Varvara Stepanova and Alexander Rodchenko)"]. *Siuzhetologii i siuzhetografiia*, no. 2, 2016, pp. 120–137. (In Russ.)
2. Bykov, D. *13-i apostol. Maiakovskii* [Thirteenth Apostol. Mayakovsky]. 2nd ed. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2016. 832 p. (In Russ.)
3. Gur'ianova, N. "Estetika anarkhii v teorii rannego russkogo avangarda" ["The aesthetics of Anarchy in Theory of Early Russian Avant-garde"]. Meilakha, M.B., and D.V. Sarab'ianova, editors. *Poeziia i zhivopis': Sbornik trudov pamiati N.I. Khardzhieva* [Poetry and Painting. Collected Papers in Memory of N.I. Khardzhiev]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2003. 848 p. (In Russ.)
4. Dinershtein, E.A. "Maiakovskii v fevrale-oktiabre 1917 g." ["Mayakovsky in February-March 1917"]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 65: Novoe o Maiakovskom [vol. 85: New about Mayakovsky]. Moscow, Nauka Publ., 1958, pp. 541–570. (In Russ.)
5. Katanian, V.A. *Maiakovskii. Khronika zhizni i deiatel'nosti* [Mayakovsky. Chronicles of his Life and Work], ed. by A.E. Parnisa. 5th ed. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1985. 648 p. (In Russ.)
6. Krusanov, A.V. *Russkii avangard 1907–1932: Istoricheskii obzor: v 3 t.* [Russian Avant-garde of 1907–1932: Historical essays: in 3 vols.], vol. 2, book 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 815 p. (In Russ.)
7. Maiakovsky, V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1955–1961. (In Russ.)
8. "Neizvestnye pis'ma K.S. Malevicha" ["The Unknown Letters of K.S. Malevich"], ed. A.V. Krusanov. *Maiakovsky prodolzhaets'a* [Maiakovsky Continued], vol. 2. Moscow, Gos. Musei V.V. Maiakovskogo Publ., 2009, pp. 319–324. (In Russ.)
9. "Pervaia vstrecha Lunacharskogo s Maiakovskim v 1917 g." ["First meeting of Lunacharsky and Mayakovsky in 1917"], publ. V.D. Zel'dovicha. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 65: Novoe o Maiakovskom [vol. 85: New about Mayakovsky]. Moscow, Nauka Publ., 1958, pp. 571–576. (In Russ.)
10. *Russkii futurizm: Teoriia. Praktika. Kritika. Vospominaniia* [Russian Futurism. Theory. Practice. Criticism. Memoirs], comp. V.N. Terekhina, A.P. Zimenkov. Moscow, Nasledie Publ., 1999. 480 p. (In Russ.)
11. Iangfel'dt, B. *Stavka — zhizn'. Vladimir Maiakovskii i ego krug* [I Bet my Life. Mayakovsky and his Surroundings]. Moscow, KoLibri Publ., 2006. 640 p. (In Russ.)
12. Gurianova, Nina. *The aesthetics of anarchy: art and ideology in the early Russian avant-garde*. Berkeley, University of California Press, 2012. 355 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 19.06.2021
 Одобрена после рецензирования: 10.07.2021
 Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 19.06.2021
 Approved after reviewing: 10.07.2021
 Date of publication: 25.09.2021

Литературный факт.
2021. № 3 (21)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (21), 2021

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-196-219>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Девтеро-гоголевское»: Н.В. Гоголь, О.М. Сомов и история двух статей в «Северной пчеле»

© 2021, И.А. Виноградов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В научный оборот вводится неизвестный факт «девторо-авторских» («второ-авторских») публикаций двух этнографических заметок Н.В. Гоголя из его рукописной «Книги всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1826–1830). Публикации появились в 1832 г., без имени автора, в трех номерах газеты Ф.В. Булгарина «Северная пчела». Доказывается, что статьи были напечатаны не самим Гоголем, а его земляком и приятелем литератором О.М. Сомовым, с которым писатель тогда не только общался, но и делился этнографическими материалами. Устанавливается, что содержание статей точно соответствует заметкам Гоголя в «Книге всякой всячины...» «О свадьбах Малороссиян» и «Малор<оссийские> предания, обычаи, обряды». Кроме статей из записной книги Гоголя, озаглавленных в газете «Наблюдения в Отечестве. Обряды при свадьбах у Малороссиян» и «Народные поверья. Русалки», выявляется еще несколько неизвестных, не учтенных библиографами публикаций Сомова в «Северной пчеле». В 1832 г. в газете были напечатаны две его повести: «Органист Томаш», «Плясуны на канате», а также перевод фрагмента из первой главы «Писем о демонологии и колдовстве» В. Скотта (1830), озаглавленный «История вольного духовидца». Отмечается возможное влияние «Органиста Томаша» на создание повести Гоголя «Тарас Бульба». Изучение журналистской деятельности Сомова как сотрудника «Северной пчелы» пополняет историю прижизненных публикаций текстов Гоголя и открывает новую страницу в общении двух писателей-земляков.

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, этнография, фольклор, авторское право, девтеро-авторство, плагиат.

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>. E-mail: info@imli.ru.

Для цитирования: Виноградов И.А. «Девтеро-гоголевское»: Н.В. Гоголь, О.М. Сомов и история двух статей в «Северной пчеле» // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 196–219. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-196-219>

Проблема «девторо», или «дейтеро»-текстов (от греч. *deuteros* — второй) существует давно. Понятие девтероканонических (вторично-канонических) источников широко используется в изучении Священного Писания. К примеру, рассматривается корпус так называемых девтеропаулинистских (девторо-Павловых) посланий, относительно авторства которых выражаются сомнения. В 1988 г. С.С. Аверинцев предложил применить это понятие («если позволительно узурпировать термин, привычный для библеистики») в теории литературы, назвав «девтороканоническими» тексты, вызывающие споры по поводу их принадлежности М.М. Бахтину — «статьи и книги, вышедшие под именами И.И. Канаева, П.Н. Медведева и В.Н. Волошинова» [1, с. 259]. Указанный термин, примененный к «проблеме нерешенной» и «не подлежащей решению» (С.С. Аверинцев), удачно характеризует, на наш взгляд, и описываемый далее случай с загадочным появлением в печати двух гоголевских текстов.

Речь пойдет о неизвестном — а отчасти даже и странном — факте прижизненной публикации двух ранних этнографических заметок Н.В. Гоголя. Летом 1832 г. в Петербурге в газете Ф.В. Булгарина «Северная пчела» появились, без имени автора, две статьи, в которых почти дословно были воспроизведены гоголевские заметки, находящиеся в его рукописной «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1826–1830). Первая статья была напечатана, с продолжением, в двух номерах газеты 1 и 2 июня: Наблюдения в Отечестве. Обряды при свадьбах у Малороссиян // Северная пчела. 1832. 1 июня. № 123 (цензурное разрешение 31 мая; цензор В. Семенов). С. 3–4; Наблюдения в Отечестве. Обряды при свадьбах у Малороссиян. (Окончание) // Северная пчела. 1832. 2 июня. № 124 (цензурное разрешение 1 июня; цензор В. Семенов). С. 4. Вторая анонимная статья появилась месяц спустя: Народные поверья. Русалки // Северная пчела. 1832. 7 июля. № 154 (цензурное разрешение 6 июля; цензор В. Семенов). С. 4.

Гоголевская заметка, использованная в первой анонимной статье, представляет собой находящуюся в «Книге всякой всячины...» выписку из письма к Гоголю матери от 4 июня 1829 г. Выписка озаглавлена самим писателем «О свадьбах Малороссиян (*Извлечение из Письма 4 мая*)» (в датировке Гоголь допустил невольную ошибку; на самом деле письмо было отправлено ему матерью 4 числа в июне; см.: [7, т. IX, с. 563]). В «Северной пчеле» текст Гоголя был воспроизведен почти дословно, расширен дополнениями, пояснениями, кое-где сокращен, один фрагмент был переставлен (см. ниже). Приведенная в газетной публикации народная песня «Светит мисяць у раю...» —

отсутствующая в заметке Гоголя «О свадьбах Малороссиян...», — была, как устанавливается, взята из другого места «Книги всякой всячины...» — из раздела «Малор<оссийские> предания, обычаи, обряды». Сопоставление текста Гоголя с публикацией «Северной пчелы» показывает полную зависимость газетной статьи от гоголевской «Книги всякой всячины...»

<p>Гоголь Н.В. Книга всякой всячины, или Подручная Энциклопедия (1826–1830) [7, т. IX, с. 563–567]</p>	<p>Северная пчела. 1832. 1 июня. № 123. С. 3–4</p>
<p>О свадьбах Малороссиян (Извлечение из Письма <матери> 4 мая <4 июня 1829 г.>)</p>	<p>Наблюдения в Отечестве. Обряды при свадьбах у Малороссиян</p>
<p>«Свадебные обряды начинаются тем, что молодая идет просить на коровай, говоря: “Прохав батько і мати і я прошу на хліб, на сіль і на коровай”. Сие делает и молодой, каждый розно по своим избам...</p>	<p>«<...> Накануне свадьбы жених, который с сего дня получает название <i>молодого</i>, и невеста — <i>молодая</i>, отправляются, каждый порознь просить <i>на хлеб соль и на каравай</i>, т. е. на свадьбу.</p>
<p>...для сего наряжаются женщины в чистых, тонких, по всему рукаву вышитых рубашках...</p>	<p>Девушки наряжаются в белые тонкие рубашки, узорно вышитые по всем швам рукава красными нитками или шелком... <...></p>
<p>...и когда все они соберутся, то учредитель порядка, называемый у них <i>дружко</i>, а иногда еще и <i>поддружий</i> (но до сего дело редко доходит) является и говорит сидящим здесь старостам: “Старосто, пане подстаросто, благослови коровай ліпить!” Повторивши сие 3 раза, получают ответ: “Боже благослови!” все 3 разы.</p>	<p>Когда все соберутся, то учредитель порядка, <i>дружко</i> (иногда избирается и <i>поддружий</i>, но до этого редко доходит дело) просит у сидящих на почетном месте старост благословения делать каравай.</p>
<p>Коровай делают на диже, а по ихнему на вики, положи на дно коровай несколько медных денег; при дележе его вся нижняя часть вместе с упомянутыми деньгами достается музыкантам. Вокруг коровай засветят 4 восковые свечи, прилепленных к диже, содят его без крышки в печь, а вико надевают на дижу. Берут 6 человек: 4 мужч<ин> и 2 женщины и, подымая дижу вверх, бьют ею в потолок 3 раза (причем за каждым разом должны целоваться навкрест), пропя: “Ой, піч</p>	<p>Каравай этот есть не что иное, как довольно огромный хлеб. <...> Делается он обыкновенно на крышке дижи; на дно его вмешивают несколько медных денег, которое при разрезывании вместе с деньгами достается музыкантам. Засветив вокруг него четыре восковые свечи, прилепленные к диже, садят его в печь, а дижу четыре мужчины и три женщины поднимают вверх и бьют ею три раза в потолок. (Все это сопровождается пением следующего:</p>

<p>стойть на сохах, а діжу носять на руках, пече ж наша, пече, спечімо коровай грече”.</p>	<p>Ой пичь стоит на сохах, А дижу носят на руках. Пече ж наша, пече! Спечимо коровай грече!)</p>
<p>После сего молодая отправляется просить дружек, заходит с ними к молодому, вьет ильце, состоящее из изрубленной верхушки вишни, погруженной в целый ржаной хлеб, привязывая на каждую веточку жито пучками, также ягоды калины, а иногда облепливают сии ветки фигурно тестом, обмалевывают его синею и красною краскою, утыкивают цветной бумагою, а у богатых ор<ехами>, вешают вызолоченные грецкие орехи. Оконча сие ильце, идут к молодой и у нее также свивают.</p>	<p>После сего <i>молодая</i> вместе с <i>дружками</i> (приближенными к ней молодыми девушками, составляющими ее свиту) отправляется к <i>молодому</i>, у которого вьет <i>ильце</i>, состоящее из отрубленной верхушки вишни, погруженной в целый ржаной хлеб. На каждую ветку оной навязывают пучками жито, ягоды калины и т. п., ветки облепливают тестом, обмалевывают красною и синею краскою и обвертывают фигурно вырезанною, цветною бумагою; а у богатых, или тех, которые позажиточнее других, вешают вызолоченные грецкие орехи. Оконча сие <i>ильце</i>, идут в дом к <i>молодой</i>, и у нее свивают такое же.</p>
<p>Потом дружко спрашивает старостов, ставши в сенях перед дверью хаты, махая крестообразно хусткой на дверях (состоящей из куска холстины тонкой, вышитой шелком), словами: староста на старостей, благослови молодую<ю> за стол вести. Он отвечает, как и выше сего сказано. После чего молодая берет за конец хустки, идет, и содят ее за стол. Подле нее усаживаются дружки и поют разные приличные тому песни. У молодого таким же образом содят его бояры и сей день оканчивается ужином.</p>	<p>После чего дружко, ставши в сенях перед дверью хаты, и размахивая крестообразно в дверях хусткою^(*), просит благословения у старост вести молодую за стол. — Получив его, молодая идет, держась за конец хустки, к столу, за который усаживают ее дружки, а сами помещаются около нее и поют во все продолжение вечера песни, коих утомительные звуки то выражают быстро преходящую радость, то навевают мгновенное уныние и ту невыразимую грусть, которою дышит почти вся Малороссийская музыка, не смотря на то, что предмет, ею выражаемый, не всегда бывает печальный. У молодого в доме таким же порядком усаживаются ее бояре, и день сей оканчивается богатым ужином.</p> <p>(*) Хусткою называют вообще носовой платок, но свадебная хустка состоит из тонкого куска полотна, на котором вышиты узоры красным шелком или нитками.</p>

<p>В воскресенье, т. е. на другой день, венчаются и расходятся молодые по своим домам и обедают каждый у себя, угощая. У молодого играет музыка.</p>	<p>На другой день, т. е. в Воскресенье (Малороссияне именно этот день выбирают для свадебного торжества), молодые венчаются в церкви, и расходятся по домам, угощая у себя гостей каждый особенно. Но пиршество у молодого, кажется, бывает несравненно веселее: целый день играет музыка, обыкновенно состоящая из двух, трех и даже из одного музыканта; за то уже в водке никогда не бывает недостатка, которою учредители порядка со всем усердием угощают собравшийся народ.</p>
<p>После обеда молодая с своими друзьями идет к молодому и там танцуют два часа и более...</p>	<p>К увеличению всеобщей веселости, после обеда присоединяется молодая с друзьями; тогда начинаются танцы, продолжающиеся до трех часов, в которых наперерыв каждый перед другим старается долее плясать, мало беспокоясь о том, хорошо ли или худо.</p>
<p>...возвращаясь домой, находит отца и мать сидящих вместе; у ног их расстилается кожих вверх шерстью, и молодая, поклонясь им по три раза, с благословением старост усаживается за стол, за которым лежит на лавке кожих сложенный или лыжник (ихнее одеяло, сотканное из шерсти, очень толсто наряденной), и на нем она должна сидеть до приходу молодого, для которого оставляется место. Дружки ей поют. В сие время молодого дружка ведет в церковь, скоро, не оглядываясь, или бежит молодой: должен целовать замок дверей церковных и возвращается таким же порядком домой, где его мать должна выпроводить к молодой и с ним свитилку, родственницу его, девку, которая держит в руках саблю и на ней прилеплены 2 восковые свечи (смеренные с молодых во весь рост), самые тоненькие, сплетенные вместе, свернутые в кружок и засвещенные. Кругом сабли васильки, калина, обернутые хусткою.</p>	<p>Возвращаясь домой, молодая находит отца и мать, сидящих вместе; перед ними лежит тулуп, обращенный вверх шерстью; она должна поклониться им три раза; после чего с благословением старост усаживается за стол. — Сожалее, что не могу теперь привести некоторых суеверных обыкновений, которые, хотя и не употребляются ныне, но во время <i>гетманщины</i> были почти повсеместны; упомяну только, что еще дружка должен весть <i>молодого</i> в церковь скоро, не оглядываясь ни в которую сторону. Молодой, поцеловавши замок дверей церковных, должен бежать таким же образом домой, откуда мать отправляет его к молодой в сопровождении <i>свитилки</i>, которой обязанность освещать путь. В сие звание выбирается обыкновенно девушка, родственница молодого. В руках держит она саблю, вокруг которой располагаются васильки, калина и еще какая-нибудь душистая трава; к сабле прилепляются две тоненькие зажженные восковые свечки, длиною сделанные во весь рост молодых, и переплетенные вместе.</p>

<p>Свашка, женщина из его же родных, отправляется с молодым, держа в наволочке подарки: отцу молодой — шапка, матери — чоботы, сестре — черевки и два аршина красной ленты, дядям — поясы и всем родственникам по I аршину ленты, присоединяя каждому из них пряник или шишку.</p>	<p>С ним отправляются бояре и <i>свашка</i> (женщина из его же родных), обязанность которой нести за молодым в полотняном мешке подарки. Думаю, читателям любопытно покажется распределение их: отцу молодой всегда почти назначается шапка, матери сапоги, сестре башмаки (черевки) и два аршина красной лены, дядям пояса, прочим же родственникам по одному аршину ленты, присовокупив к тому пряник или шишку.</p>
<p>Бояре и весь называемый ими поезд молодого отправляются к молодой, останавливаются у ворот и посылают дружка, который несет кувшин, наполненный брагой (род хлебного квасу) с овсом и покрытый шишкой; посланный, приходя к молодой, кланяется, говоря: кланяется сват сваси (т. е. отец молодой матери молодой), сваха сватови, молодой молодому, а бояри дружкам, после чего возвращается с тем кувшином назад и сие должен повторить еще два раза; за третьим разом придут уже два дружка и поддружий, тогда уже берут у них кувшин, дают им вымыть руки и вытереть рушниками, которые они один другому перевяжут через плеча и выходят к молодому; потом весь его поезд приступает к хате молодой...</p>	<p>Бояре и все, составляющие поезд <i>молодого</i>, останавливаются у ворот молодой и высылают <i>дружка</i>, который, неся в руке кувшин, наполненный <i>брагою</i> и овсом, и покрытый шишкой, отдает поклон от родителей молодого родителям невесты; но старики церемонятся и не принимают кувшин, а дружко возвращается назад. Это он должен повторить два раза, и уже за третьим только разом, когда присоединяется к нему еще один дружко и поддружий, берут у них кувшин, дают им вымыть руки и вытереть <i>ручниками</i>, которые они тот же час перевязывают друг другу через плечо. Вступивши во двор, поезд останавливается снова уже перед сенями...</p>
<p>...у дверей, пред сенями, останавливается, где стоит ослонь (деревянная скамейка) и на нем ведро браги. Мать молодой выезжает, сидя верхом на кочерге, в вывороченном кожухе, надетом на голову, и наверху шапка; в руках держит она подситок с овсом и орехами, разбегается и обсыпает молодого. Это значит: она пугает его; после дает ему тот самый кувшин с овсом и брагой, принесенной дружком, который молодой отдает своему боярину, а тот бросает через хату, и когда он на другой <стороне?> хаты остается цел (когда же разобьется — это хороший знак), тогда он берет его и, про сверля на дне дырочку, дает дружкам из него пить, придавливая донышко пальцем, а как возьмут дружки, то и обольются, тогда все поднимают смех над обманутыми¹.</p>	

¹ Настоящий фрагмент гоголевского описания воспроизведен в следующем номере «Северной пчелы» (см. ниже). Возможно, перестановка была продиктована тем, что объем газетной публикации был исчерпан, так что часть описания пришлось переносить в другой номер, в начало второй половины статьи.

<p>Это тогда, когда засядут за стол, а до того <появляется> сестра молодой с подситком, наполненным хустками, и говорит боярам, что молодая прислала им подарки, и каждому из них дает по хустке, хотя бы их и 50 было, только не руками, а подает на палке.</p>	<p>...к ним выходит сестра <i>молодой</i>, и раздаст каждому из бояр по хустке, хотя бы их числом было более пятидесяти, только не рукою, а на палке. (Окончание впрядь.)</p>
	<p>Северная пчела. 1832. 2 июня. № 124. С. 4</p>
	<p>Наблюдения в Отечестве. Обряды при свадьбах у Малороссиян. (Окончание)</p>
	<p>Здесь весьма странным, и вместе забавным образом, мать невесты пугает <i>молодого</i>. Она выезжает из дверей хаты верхом на кочерге, закутавшись в вывороченной на верх шерстью тулуп, и нахлобуча на все лице меховую шапку; в руках держит она решето, наполненное овсом и орехами, которыми, разбежавшись со всех ног, обсыпает молодого; после чего дает ему кувшин, принесенный дружком; он передает его боярину; а тот, ни мало не медля, должен перебросить его через избу, и если кувшин разобьется, то это хороший знак; если же нет, то, в отвращение могущего случиться несчастья, он, отошедши в сторону, тихонько просверливает на дне его дырочку, и дает из него пить дружкам. Натурально, что они, взяв его в свои руки, тотчас и оболъются, и простодушное общество изо всех сил смеется на обманутыми².</p>
<p>Потом молодой с боярами, приходит в хату, и когда приблизится к столу, то в углу подле молодой стоящий мальчик, брат ее, с дубиной, лет 5-ти или 6-ти, не допускает и не отдает сестры. Тут ему должен молодой давать деньги по грошу, он не соглашается, а дружки поют: “Братіку, не лякайся, братіку, постарайся, не продавай сестры за рублю, за чотирі, за 2 золотіі, братові гроші — слина, братові сестра мила”. Но когда молодой прибавит ему грош да даст притом шишку да рюмку водки, то он уступает сестру,</p>	<p>Вошедши в хату, молодой старается занять свое место за столом, в углу, под образами, возле <i>молодой</i>, обыкновенно называемое у Малороссиян <i>покутом</i>. Маленький брат, сидящий возле нее, не допускает его к тому. — Не должно, однако же, думать чтобы для этого именно требовалось родного брата ее. Напротив, если она не имеет его, то для этого избирается часто даже вовсе посторонний, имеющий от роду от 5 до 6 лет; мальчик этот, вооруженный дубиной, колотит ею изо</p>

² Соответствующий фрагмент описания находится в гоголевской «Книге всякой всячины...» выше.

<p>выходит вон, а молодой садится возле нее. Во всё продолжение сей церемонии молодая сидит, наклоня голову на шишку большую, называемую княжескою, перед нею лежащую, и когда молодой садится возле нее, то подымет ей голову, а дружки поют: “Татарин братик, татарин! продал жінку за таляр і калинову стрілочку і її русу косочку!” (Здесь следует несколько песен на этот случай).</p>	<p>всей мочи в потолок, и не соглашается на условия, предлагаемые молодым, который постепенно прибавляя по медной монете и поставив перед ним чарку водки, шишку или пряник, наконец успевает в своем намерении и садится на свое место.</p> <p>(Когда молодой просит малолетнего брата уступить ему сестру, тогда дружки поют:</p> <p>Братику! не лякайся! Братику, постарайся Не продай сестры за рубль, за четыре, За две золоты. Братови — гроши — слина, Братови — сестра мила.</p> <p>Когда ж брат уступит сестру, тогда поют следующее:</p> <p>Татарин братик, Татарин, Продав сестру за таляр, И калинову стрілочку И ее русу кисочку.)</p>
<p>Потом мать молодой частует дочь свою рукою, обвернутою платком, положила в рюмку гроша два медных; молодая горелку выливает, а гроши берет; прочих потчует просто. Потом свашка начинает раздавать подарки родным молодой и всё на палке, а не руками. После выводят молодых на двор, где они танцуют, когда хотят; потом дают им полдничать и опять с благословением старосты заводят за стол и начинают коровай делить. Дружко режет, а подружий подносит и раздает всем с пением песен.</p>	<p>В это время мать молодой подчивает дочь свою водкою, положила в рюмку две монеты, и держа ее рукою, обвернутою платком; молодая водку выливает, а деньги припрятывает. После сего выводят их на двор, где все время до самого вечера они проводят в танцах. Потом снова усаживают их за стол, и начинают делить коровай: дружко разрезывает, а подружий разносит всем. Все это сопровождается пением множества различных песен.</p> <p>(При разрезывании коровай поют:</p> <p>Світить місяць у раю Нашому короваю, Щоб було видненько Покраять його дрібненько.)³</p>

³ Эта свадебная песня, отсутствующая в выписке Гоголя «О свадьбах Малороссиян (Извлечение из Письма <матери> 4 мая <4 июня 1829 г.>)» находится в другом разделе той же «Книги всякой всячины...» — «Малор<оссийские> предания, обычаи, обряды»: «Разрезывая коровай, поют:

Світить місяць у раю
Нашому короваю
Щоб було видненько
Покраять його дрібненько
(М. Максимович)» (IX: 541).

Ссылка на М.А. Максимовича указывает книгу «Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем» (М., 1827). Куплет народной песни, выписанный Гоголем, находится здесь на с. 222.

<p>После ужина дружки оставляют молодую, изъявляя в песнях свое сожаление, и заступают их место женщины, которые с пеньем расплетают ей косу и подают очипок, который она бросает, и за третьим уже разом надевают ей на голову и выпроваждают ее к мужу.</p>	<p>После ужина дружки оставляют молодую, изъявляя в заунывных песнях свое сожаление; место же их занимают женщины, которые с пеньем расплетают ей косу, и подают <i>очипок</i>. Два раза бросает она его на землю, наконец за третьим разом насильно надевают ей на голову, и выпроваживают к <i>молодому</i>. — Одним только плачем и слезами выговаривает она прощание свое с беззаботностью и резвою веселостью девичьей жизни.</p>
<p>Когда она станет с образами, которыми ее благословили отец и мать на возу, то молодой вокруг воза объезжает на лошади, а она во всё это время кланяется ему на все стороны; потом он должен ее ударить раз батогом и ускакать прочь, на дороге он садится с нею на воз (но сие обыкновение не везде бывает; у нас его нет на свадьбах). Подъезжая к его двору, раскладывают огонь и через огонь перевозят молодых, заводят их за стол, дают им особо ужинать.</p>	<p>Старожилы помнят еще одно старинное обыкновение, незадолго почти совершенно исчезнувшее, так, что ныне вряд ли где можно его встретить: когда молодая отправлялась навсегда уже в жилище своего супруга и становилась на возу с образами, которыми ее благословили отец и мать, то молодой объезжал несколько раз вокруг воза на лошади. Во все это время она должна была ему раскланиваться во все стороны, покамест он, ударив ее раз плетью (батогом), не ускачет; в продолжение пути он, однако ж, ее настигает и садится уже вместе с нею на воз. — Ныне же существует обыкновение, на дворе у молодого раскладывать огонь, через который перевозят молодых. Приехавши к молодому, они ужинают одни.</p>
<p>Свашка идет раздевать молодую, а дружка — молодого. Через несколько времени молодые возвращаются в хату и молодая должна непременно запеть своей свекрове: “Не бійся, матінко, не бійся, в червоні чобітки обуйся, топчи вороги під ноги, щоб твої підківки бряжчали, щоб твої вороги мовчали”.</p>	<p>Свашка раздевает молодую, дружка молодого; через несколько времени они возвращаются в хату к родителям молодого... (Молодая, в доказательство своей непорочности, должна пропеть перед свекровью: Небійся, матинко, небійся! В червони чоботки обуйся! Топчи вороги Пид ноги, Щоб твои пидкивки бразчали, Щоб твои вороги мовчали)...</p>
<p>Тогда женщины начинают петь, бегать по улицам и за каждым куплетом песни кричать: “Гу!” три раза.</p>	<p>...тогда женщины с шумом, визгом и пением выбегают на улицу, и в продолжение всей ночи бывают слышны вакхические их песни.</p>

<p>Поутру идет молода в церковь, священник ее покрывает, прочтя молитву, намиткой или платком, и она целый день проходит в покрывале; идет кланяться господам. И в этот день всех бывших на свадьбе молодые потчевают горелкою, за что отдаривают их деньгами, холстом, курами, гусями, утками, свиньями, овцами, рогатым скотом, лошадыми, — каждый по состоянью своему, и дружок при каждом таком подарке должен прокричать голосами тех животных, наприм<ер>, когда подарит кто быка, он прокрикивает бее, когда овцу — мее, и том<у> подоб<ное>. Потом уже гуляют сколько угодно или сколько позволят их обстоятельства, наряжаются в разные костюмы, а более — цыганами, которых они чаще всех видят, играют ихние роли, из чего выходит у них род комедии».</p>	<p>По утрам идет молодая в церковь, где служитель алтаря, по прочтении молитв, покрывает ее <i>намиткою</i>^(*), которую она обязана не снимать в продолжение всего дня. Всех бывших на свадьбе молодая подчивает в этот день водкою; за что они отдаривают ее деньгами, холстом, курами, гусями, овцами, рогатым скотом, каждый по своему состоянию. При всяком таком подарке дружок должен прокричать голосом того животного, так например: если дают брана, то дружка горланит бе-е-е! если ягненка — ме-е-е! и т. п. В этот день уже разрушается всякой порядок. Веселость, усиленная порядочными приемами водки, одна только царствует, и Малороссиянин в разгульном веселье позабывает на мгновение все, его окружающее».</p> <p>(*) <i>Намитка</i>, которую носят замужние женщины в Малороссии, состоит из тонкого, жидкого, наподобие кисеи выделанного полотна; ею покрывают голову, опуская длинные концы на спину.</p>
---	--

В публикации, которая появилась в той же «Северной пчеле» месяц спустя, 7 июля 1832 г., — «Народные поверья. Русалки» (№ 154. С. 4), — была тоже использована «Книга всякой всячины, или подручная Энциклопедия» Гоголя. На этот раз из его рукописной «Книги...» был заимствован отрывок об украинских преданиях о русалках из заметки «Малор<оссийские> предания, обычаи, обряды», — из той, что уже частично привлекалась в первой публикации (в цитировании песни «Светит мисяць у раю...»; см. выше). Гоголевский текст был переработан в новой статье гораздо основательнее, однако тоже хорошо узнаваем.

<p>Гоголь Н.В. Книга всякой всячины, или Подручная Энциклопедия (1826–1830) [7, т. IX, с. 541–542]</p>	<p>Северная пчела. 1832. 7 июля. № 154. С. 4</p>
<p>Малор<оссийские> предания, обычаи, обряды</p>	<p>Народные поверья. Русалки</p>

«<...> *Троицкие* песни поют обыкновенно в продолжение *зеленой* недели, начиная с Духова дня... <...> Зеленая неделя называется еще *клевальной*, от деревьев, ставимых в домах, церк<вах> и на дворах (клевчанье или май). <...> По народному поверью русалки, живущие обыкновенно в Днепре, в сие время расходятся и бегают по лесам и бурьянам до Петрова дня, посеми и неделя называется русальной, а песни — русальными, русальями. <...>

О мавках, малороссийских русалках.
Это суть умершие, некрещенные дети.

«В Малороссии <...> девушки и женщины на зеленой неделе в Четверток (считая от Духова дня), как в *великий русальный день*, не работают... <...> Олицетворяются они (русалки. — *И.В.*) различно: в некоторых местах Малороссии называют их умершими, не получившими крещения детьми... <...>

Около Троицына дня оставляют оне свое постоянное жилище — русло вод, и рассыпаются по лесам <...> манят и завлекают людей, которых они, по общему мнению, щекотят до смерти. <...> И потому-то в *клевальную*^(*) Субботу вы никогда не увидите, чтобы девушка отставала от своих подруг... <...>

^(*)Клевальная Суббота получила от того свое название, что в этот день водится обычай дома утыкивать срубленными зелеными ветками, называемыми *клеваньем*. Такое клеванье ставят также посреди церкви в Зеленую неделю.

В сие время простолюдины так боятся их, что без зелени не ходят и в церковь; только полынь и чеснок предохраняют от них. Ежели же кто скажет: “Петрушка!”, то зачекотят на смерть. Вот как люди говорят, встретясь с ними:

Мавка (спрашивает) “З чим ідеш?” Челов<ек> (надо сказать) “З полинем”. — Мавка. “Мене мати родила, нехрещену положила, часник та полинь то погане зілля, а петрушка тоже моя душка. Полинь на той год прикинь”. А ежели кто-нибудь скажет, что идет с петрушкой, мавка в ответ: “Тут твоя і душка!”, и зачекочет на смерть».

В продолжение всей недели <...> странное смятение царствует в играх и занятиях поселян: без зелья в руках никто не смеет никуда выйти; даже в церкви не покидают его. Это зелье — чеснок и полынь, которых русалки терпеть не могут, <...> но Боже сохрани взять кому-нибудь в руки *петрушку* — растение, более всего любимое русалками: тогда они зачекотят до смерти. Для примера приведу слышанный мною от поселян-старожил разговор, какой должно иметь, встретившись с русалкою.

Русалка: *з чым идеш?*

Прохожий: *з полинем.*

Русалка: *Мене маты родыла, нехрещену положила. Часнок то, полынь то, погане зілля, а петрушка, тож моя душка. Полинь на той год прикинь.* Видя же непреклонность его, она убегает. — Когда же

	<p>разговор принимает другой вид, как, например, следующий: Русалка: <i>что у тебе?</i></p> <p>Прохожий: <i>петрушка.</i></p> <p>Русалка: <i>тут же твоя и душка —</i></p> <p>и тогда погибель неосторожного неизбежна.</p> <p>Русалки в Малороссии мало известны под сим именем, но называются <i>мавками</i>. Во многих хуторах Полтавской Губернии они и не слынут иначе, как только под именем <i>мавок</i>».</p>
--	---

Возникает вопрос, кто был автором двух публикаций в «Северной пчеле» — статей «Наблюдения в Отечестве. Обряды при свадьбах у Малороссиян» и «Народные поверья. Русалки»? Первое описание гоголевской «Книги всякой всячины, или подручной Энциклопедии» впервые сделал лишь в 1856 г. П.А. Кулиш. В его описании указанные заметки были отмечены только названиями: «Малороссийские предания, обычаи, обряды»; «О свадьбах Малороссиян» [11, с. 56–57]. Текст заметок, вместе с другими обширными цитатами из записной книги Гоголя, был напечатан в 1896 г. В.И. Шенроком [15, с. 881–883, 886–889]. Теперь выясняется, что несколько фрагментов из «Книги всякой всячины...» были обнародованы уже в 1832 г. (Опускаем в данном случае то обстоятельство, что материалы рукописной «Книги...» были широко использованы самим Гоголем в 1829–1831 гг. при создании повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки».)

Опубликовать в 1832 г. отдельные материалы «Книги всякой всячины...» мог, на первый взгляд, сам Гоголь. В то время его отношения с Ф.В. Булгариным — издателем «Северной пчелы» — еще не были столь неприязненными, какими стали впоследствии (по теме «Гоголь и Булгарин» см.: [13]). Так, в 1831 г. в газете Булгарина была напечатана благожелательная рецензия В.А. Ушакова на первую книжку «Вечеров на хуторе близ Диканьки»¹. И хотя сам Булгарин через два с лишним месяца отозвался о гоголевском издании кри-

¹ <Б.п.> Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая книжка, С. П. б. 1831, в тип<ографии> Деп<артамента> Народного Просвещения, в 12, 241 стр. (Сообщено) // Северная пчела. 1831. 29 сент. № 219. С. 1–3; В. Окончание разбора Повести: Вечера на хуторе близ Диканьки // Северная пчела. 1831. 30 сент. № 220. С. 1–3.

тически (прямо возражая Ушакову)², однако спустя еще три месяца, в 1832 г., в газете появилось извещение о продаже второй книжки гоголевского цикла, с похвальной анонимной рецензией на весь сборник — написанной, возможно, самим издателем газеты: «В сей книжке заключаются четыре Повести... <...> Они отличаются тою же живостью и замысловатостью рассказа, тем же милым, но не всегда непритворным простодушием, которые нравились читателю в первой книжке»³. (Позднее, в 1847 г., в рецензии на «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя Булгарин писал: «За несколько лет до смерти Пушкина появился на поприще Изящной Словесности Г<-н> Гоголь, с собранием рассказов, под заглавием: *Вечера на хуторе близ Диканьки*. Это бесспорно лучшее из всего, что написал Г<-н> Гоголь, и сочинению отдана была полная справедливость во всех журналах»⁴.)

Однако вероятность того, что в газету Булгарина отправил свои заметки сам Гоголь, все-таки невелика. Если во время появления в печати 1–2 июня 1832 г. первой публикации — «Наблюдения в Отечестве. Обряды при свадьбах у Малороссиян» — Гоголь еще был в Петербурге, то вторая статья — «Народные поверья. Русалки», напечатанная 7 июля 1832 г., — вышла в свет уже в его отсутствие. Около 27 июня 1832 г. Гоголь выехал на родину в Малороссию, где пробыл до самой осени [5, с. 171, 196]. Хотя статьи могли быть отданы в газету заблаговременно, однако вряд ли Гоголь, воспроизводя письмо матери, стал бы ради «украшения» текста прибегать к выражениям, содержащим сомнительные домыслы: «Старожилы помнят еще одно старинное обыкновение, незадолго почти совершенно исчезнувшее, так, что ныне вряд ли где можно его встретить...»; «Сожалею, что не могу теперь привести некоторых суеверных обыкновений, которые, хотя и не употребляются ныне, но во время гетманщины были почти повсеместны...» (см. выше). Совершенно не в «духе» Гоголя, его всегда оригинального стиля, и типично журналистский зачин газетной публикации: «...Я надеюсь *услужить* моим соотечественникам,

² Ф.Б. Петербургские записки. Письма из Петербурга в Москву. К В.А. Ушакову. (Окончание второго письма) // Северная пчела. 1831. 18 дек. № 288. С. 4.

³ Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Вторая книжка, С. П. б. 1832, в 12, 354 стр. // Северная пчела. 1832. 12 марта. № 59. С. 1. В современных работах о Гоголе и Булгарине настоящая публикация, к сожалению, не учтена (см.: [9; 13]). Впервые в научный оборот рецензия «Северной пчелы» 1832 г. на книгу Гоголя введена в 2017 г.: [5, с. 159].

⁴ Ф.Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. 11 янв. № 8. С. 29.

представив им точное описание свадебных обрядов»⁵. Кроме того, Гоголь о публикациях в «Северной пчеле» двух заметок из своей «Книги всякой всячины...» нигде не упоминает.

Можно предположить, что к напечатанию в газете анонимных статей был причастен не Гоголь, а один из его земляков и приятелей, литератор Орест Михайлович Сомов (1793–1833). С О.М. Сомовым Гоголь с начала 1830-х гг. не только общался, но и делился этнографическими материалами. (По-видимому, именно Сомова Гоголь дружески именует «Сомом» в письме к школьному приятелю А.С. Данилевскому от 2 мая 1831 г.: «На первый день мая по обыкновению шел снег, и даже твой Сом не показывался на улице» [7, т. X, с. 158].)

О богатом собрании Гоголя украинских песен, а также «побасенок, сказок и пр. и пр.» сообщал сам Сомов в недатированном письме (предположительно 9 декабря 1831 г.)⁶ к М.А. Максимовичу, в котором рассказывал: «...Читали ль вы Украинский Альманах? Там есть несколько Малороссийских песенъ. Я познакомил бы вас хоть заочно, если вы желаете того, с одним очень интересным земляком — Пасечником Паньком Рудым, издавшим “Вечера на хуторе”, т. е. Гоголем-Яновским, которому дуралей и литературный невежда и урод Полевой решился сказать: “вы, сударь, Москаль, да еще и горожанин”, и пр. и пр. (Имеется в виду отзыв о “Вечерах на хуторе близ Диканьки” Н.А. Полевого в сентябрьском номере “Московского Телеграфа” за 1831 г.⁷ — *И.В.*) Не правда ли, что Полевой совершенно оправдал басню Крылова: Осел и Соловей? Но в Литературных

⁵ Обряды при свадьбах у Малороссиан // Северная пчела. 1832. 1 июня. № 123. С. 3.

⁶ Сам М.А. Максимович позднее датировал послание 9 ноября 1831 г. («Вот что писал мне из Петербурга, от 9 Ноября 1831 года, О.М. Сомов...» — *Максимович М.А.* Критические замечания, относящиеся к истории Малороссии. IV. Об историческом романе г. Кулиша «Черная рада», 1857 г. (Письмо к Г.П. Галагану) <12 января 1858 г. Москва> // Русская беседа. 1858. Т. 1. Кн. 9. <Отд. 3>. С. 14). Однако в письме идет речь о полемической статье Сомова в защиту Гоголя против Н.А. Полевого, которая появилась в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» А.Ф. Воейкова 25 ноября 1831 г. — <*Сомов О.М.*> *Луговой, Никита.* Письмо к издателю Литературных Прибавлений, о Вечерах на хуторе близ Диканьки, о критике на них Г. Полевого и о прочем // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1831. 25 ноября. № 94. С. 737–739. Думается, Сомов писал Максимовичу уже после публикации этой статьи.

⁷ <*Полевой Н.А.*> Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Книжка первая. СПб. 1831. В т<ипографии> Деп<артамента> Народн<ого> Просв<ещения>. XXII в 241 стр. in-12 // Московский телеграф. 1841. Ч. 41. № 17. Сентябрь (цензурное разрешение 2 окт.). С. 91–95.

Прибавл<ениях> к Инвалиду некто Никита Луговой⁸ высказывает, под личиной похвалы, самые резкие истины Полевому и его сведения о Малороссии выводит на чистую воду. У Гоголя есть много Малороссийских песен, побасенок, сказок и пр. и пр., коих я еще ни от кого не слыхивал, и он не откажется поступиться песнями доброму своему земляку, которого заочно уважает. Он человек с отличными дарованиями и знает Малороссию, как пять пальцев; в ней воспитывался, а сюда приехал не более, как года три тому назад. В прошлогодних или лучше нынешних Цветах был его отрывок из романа; и в Газете моей было тоже несколько статей его⁹.

С большой вероятностью можно предположить, что в период сближения с Гоголем в конце 1830–1831 гг. — возможно, именно в ноябре – начале декабря 1831 г., незадолго до отправления письма к Максимовичу, — Сомов и переписал из гоголевской «Книги всякой всячины...» заметки, которые спустя полгода опубликовал в «Северной пчеле». Сделать это Сомову было тем проще, что он принимал участие не только в издании «Литературной газеты» (это издание прекратило свое существование еще в июле 1831 г.): с 1827 г. Сомов был штатным сотрудником «Северной пчелы» [10, с. 8].

С редакторским заглавием «Наблюдения в Отечестве» (т. е. в отдельной газетной рубрике) в «Северной пчеле» в 1832 г. печатались статьи разных авторов. Так, 3 и 11 июня 1832 г., в этой рубрике были напечатаны две статьи, принадлежавшие литератору-этнографу Николаю Семеновичу Щукину (1792–1883) — «На Лене 25-го Мая 1830 года» (№ 125) и «Якутский праздник Исэх» (№ 132). Вторая статья Н.С. Щукина была напечатана с примечанием: «См. № 115 Сев<ерной> Пчелы 1831 года. Там помещено описание сего праздника, составленное другим наблюдателем»¹⁰. В одном из предшествующих номеров, от 21 мая 1832 г., в том же разделе «Наблюдения в Отечестве» печаталась статья Николая Бушмакина «Нравы и увеселения

⁸ Псевдоним самого О.М. Сомова; имеется в виду упомянутая статья Сомова в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду».

⁹ Из писем О.М. Сомова к М.А. Максимовичу // Русский архив. 1908. № 10. С. 265–266. Упомянув об опубликованных произведениях Гоголя, О.М. Сомов имел в виду, во-первых, «Главу из исторического романа», напечатанную в альманахе «Северные Цветы на 1831 год» (вышел в свет 24 декабря 1830 г.); во-вторых, — отрывок «Учитель. (Из Малороссийской повести: Страшный кабан)» и статью «Несколько мыслей о преподавании детям Географии» в № 1 «Литературной газеты» от 1 января 1831 г.; в-третьих, — эссе «Женщина», напечатанное в № 4 «Литературной газеты» (номер вышел из печати в конце января 1831 г.); и, наконец, — второй отрывок «из малороссийской повести “Страшный кабан”» «Успех посольства» в № 17 «Литературной газеты» (издано 22 марта 1831 г.).

¹⁰ Имеется в виду публикация: А.Б. Сибирские нравы. Исых // Северная пчела. 1831. 25 мая. № 115. С. 3–4.

Финнов. (Отрывок из Записок из Финляндии)». В числе авторов рубрики «Наблюдения в Отечестве», очевидно, оказался и Сомов, который в 1832 г. продолжал активно сотрудничать в «Северной пчеле».

4 января 1832 г. Сомов писал Максимовичу из Петербурга: «Я посылаю Киреевскому отрывок из небольшого романа (Смерть Ивана Золотаренка)... <...> У меня есть целый Китайский роман, переведенный с Китайского: отрывок из него помещен в Сев<ерных> Цв<етах>¹¹. <...> ...Могу изд<ателя> “Европейца” ссудить отрывком из оногo»¹².

Современные исследователи полагают, что отрывок «Смерть Ивана Золотаренка» будто бы остался так и не опубликованным, что объяснялось запрещением журнала И.В. Киреевского «Европеец» («рукоп<ись> неизв<естна>»), отмечают исследователи) [10, с. 8]. Между тем публикация фрагмента повести, — только под другим названием и в другом издании, а именно, в «Северной пчеле», — все-таки состоялась. Случилось это совсем незадолго до того, как в газете появились статьи анонимного автора из гоголевской «Книги всякой всячины...». С названием «Отрывок из Малороссийской были: Органист Томаш. (Соч. Порфирия Байского)» начало повести Сомова было напечатано тогда, с продолжением, в трех номерах газеты¹³. Перемена названия «Смерть Ивана Золотаренка» на «Органист Томаш» связана с тем, что, согласно известному сочинению по украинской истории «История Русов»¹⁴ и «Истории Малой России» Д.Н. Бантыша-Каменского¹⁵, именно органист Томаш, «простосердечный фанатик», убил Ивана Золотаренку серебряной пулей по наущению католического ксендза, «ревностного поборника Унии,

¹¹ <Минцзяо чжунжень>. *** Отрывок из китайского романа: Хау-Цю-джуань, т. е. беспримерный брак. Перевод с Китайского // Северные Цветы на 1832 год. СПб.: В тип. Департамента Внешней Торговли, 1831. С. 86–109. Псевдоним автора романа — Минцзяо чжунжень — указан Б.Л. Рифгиным: [14, с. 344].

¹² Из писем О.М. Сомова к М.А. Максимовичу // Русский архив. 1908. № 10. С. 268.

¹³ <Сомов О.М.> Отрывок из Малороссийской были: Органист Томаш. (Соч. Порфирия Байского) // Северная пчела. 1832. 23 мая. № 116. С. 3–4; <Сомов О.М.> Отрывок из Малороссийской были: Органист Томаш. (Продолжение) // Северная пчела. 1832. 26 мая. № 119. С. 3–4; <Сомов О.М.> Отрывок из Малороссийской были: Органист Томаш. (Окончание) // Северная пчела. 1832. 27 мая. № 120. С. 3–4.

¹⁴ История Русов, или Малой России. Сочинение Георгия Кониского, Архиепископа Белорусского <авторство приписано>. М.: В Университ. тип., 1846. С. 128.

¹⁵ <Бантыш-Каменский Д.Н.> История Малой России. М.: В Тип. Семена Селивановского, 1830. Ч. 2. От присоединения сей страны к Российскому Государству до избрания в Гетманы Мазепы. <Пагинация 2>. С. 3.

заклятого врага Греко-Российского Православия и присяжного клеветы Иезуитов»¹⁶. Вполне вероятно, будущему создателю «Тараса Бульбы» (1834), использовавшему в своей работе те же источники [4, с. 417–419, 623–624], была известна эта публикация приятеля-земляка, где выведены иезуиты, замышляющие убийство казачьего гетмана.

К сожалению, не была также отмечена библиографами еще одна публикация Сомова в «Северной пчеле» тех же месяцев — «отрывок из повести» «Плясуны на канате», вышедшая за подписью самого Сомова¹⁷.

Кроме того, возможно, опять-таки Сомову принадлежит перевод, напечатанный в 1832 г. в «Северной пчеле» 21 июля, с подписью «О.», «История вольного духовидца. (Из Demonology and Witchcraft <Демонология и колдовство; англ.>, соч. В. Скотта)» (из первой главы «Писем о демонологии и колдовстве» В. Скотта; 1830)¹⁸.

В примечании к публикации «Органиста Томаша» в «Северной пчеле» 1832 г. Сомов сообщал: «Это эпизод из войны Богдана Хмельницкого с Поляками. В нем описывается смерть Наказного Гетмана войск малороссийских, Ивана Золотаренка. Полная повесть войдет в состав *Малороссийских Повестей и Сказок, собранных Порфирием Байским*, кои будут изданы осенью нынешнего года»¹⁹. Подписка на издание («Малороссийские Повести и Сказки, собранные *Порфирием Байским*. 4 Части. Спб., (12). Цена 20 руб.») была объявлена 18 июня 1832 г. в приложении к «Северной пчеле»²⁰. Здесь же, кстати, объявлялась подписка и на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: «Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. 2 части. Издание второе. Спб., (12). Цена 15 руб., с пересылкою 16 руб.»²¹. Издание «Малороссийских Повестей и Сказок...» Сомова, однако, не состоялось — 27 мая 1833 г. на сороковом году жизни писатель скончался.

¹⁶ <Сомов О.М.> Отрывок из Малороссийской были: Органист Томаш. (Соч. Порфирия Байского) // Северная пчела. 1832. 23 мая. № 116. С. 3.

¹⁷ Сомов О. Плясуны на канате. Отрывок из Повести // Северная пчела. 1832. 8 июня. № 129. С. 3–4.

¹⁸ О. История вольного духовидца. (Из Demonology and Witchcraft, соч. В. Скотта) // Северная пчела. 1832. 21 июля. № 166. С. 3–4.

¹⁹ <Сомов О.М.> Отрывок из Малороссийской были: Органист Томаш. (Соч. Порфирия Байского) // Северная пчела. 1832. 23 мая. № 116. С. 3.

²⁰ Объявление. В оном же магазине принимается подписка на следующие вновь выходящие книги // Северная пчела. 1832. 18 июня. № 138. Библиографическое прибавление к Северной пчеле. № 16. С. 5.

²¹ Там же.

Активное участие Сомова в «Северной пчеле» в 1832 г. служит еще одним существенным аргументом в пользу его авторства статей с гоголевскими материалами, озаглавленными в газете «Наблюдения в Отечестве. Обряды при свадьбах у Малороссиян» и «Народные поверья. Русалки».

Характерно, что к заимствованию у Гоголя Сомов прибегнул, по-видимому, еще в 1831 г. В то время, в самом конце 1830 г., Гоголь готовил для «Литературной газеты» статью о пушкинском «Борисе Годунове». Судя по всему, статья о поэме Пушкина создавалась Гоголем в период с 23 по 31 декабря 1830 г., без согласования с издателями «Литературной газеты». Написанная в период отсутствия А.С. Пушкина в Петербурге и сопровождаемая посвящением П.А. Плетневу, статья, вероятно, предназначалась для одного из первых номеров «Литературной газеты» 1831 г. — от 1 или от 6 января. Газета выходила тогда под совместной редакцией барона А.А. Дельвига и Сомова. (Сомов стал издателем газеты с 14 декабря 1830 г., когда Дельвиг был лишен права ее издания: [11, с. 133].) (С Дельвигом Гоголь, по-видимому, познакомился еще в сентябре-октябре 1830 г., когда передал ему в альманах «Северные Цветы на 1831 год» «Главу из исторического романа» [11, с. 123]. Знакомство с Сомовым состоялось определенно до 29 ноября 1830 г. [10, с. 81].)

Однако статья Гоголя «Борис Годунов. Поэма Пушкина» в «Литературной газете» так и не появилось. Случилось это, очевидно, потому, что ее «место» в издании было занято двумя аналогичными — тоже посвященными «Борису Годунову» — публикациями самого Дельвига²². Продолжение первой анонимной дельвиговской статьи о поэме Пушкина было обещано в следующем номере в «Литературной Газете», где оно вскоре и появилось²³. Статья в свою очередь сопровождалась обещанием «окончания в следующ^{ем} №», однако в связи с предсмертной болезнью Дельвига в третьем номере газеты (от 11 января) появилось сообщение: «Окончание библиографической статьи о Борисе Годунове помещено будет в след^{ующих} №№»²⁴. 14 января 1831 г. Дельвига не стало. Четвертый номер газеты, от 16 января, вышел спустя несколько дней (цензурное разрешение 24 января; корректурный лист номера газеты поступил в цензуру

²² <Дельвиг А.А., барон>. Изд<атель>. Борис Годунов. — С. П. б. в типогр. Департамента Народного Просвещения. 1831. (142 стран. в 8-ю д. л.) // Литературная газета. 1831. Т. III. 1 янв. № 1 (цензурное разрешение 31 дек. 1830 г.). С. 7–8.

²³ <Дельвиг А.А., барон>. Борис Годунов, и проч. (Продолжение) // Литературная газета. 1831. Т. III. 6 янв. № 2 (цензурное разрешение 5 янв.). С. 15–17.

²⁴ Окончание библиографической статьи... <редакционная заметка> // Литературная газета. 1831. Т. III. 11 янв. № 3. С. 26.

26 января; билет на выпуск в свет был выдан 27 января: [2, с. 907]). В этом номере был помещен некролог покойному, написанный Плетневым²⁵. Первым из произведений, посвященных памяти Дельвига, которые были напечатаны в этом же номере, стала статья Гоголя «Женщина»²⁶ (мемориальный характер статьи отмечен: [3, с. 68; 5, с. 89–90]).

Таким образом, в начале 1831 г. «место» в «Литературной газете» для статьи о пушкинском «Борисе Годунове» было занято двумя публикациями Дельвига. Вероятно, вследствие именно этого написанная тогда же одноименная статья Гоголя осталась невостребованной.

Ко времени публикации статей Дельвига о пушкинском «Борисе Годунове» Сомов уже приступил к редактированию «Литературной газеты». 24 декабря 1830 г. он, в частности, сообщал М.А. Максимовичу: «Литературная газета снова всплыла наверх под мою фирму, на что и разрешение формальное уже получил я за скрепою Никиты Бутырского, пресловутого ритора и цензора»²⁷.

В своей статье «Борис Годунов. Поэма Пушкина», приготовленной для «дельвиговско-сомовской» газеты, Гоголь, в частности, приводил следующую реплику, наглядно демонстрирующую живой интерес публики к новому произведению Пушкина: «И, конечно, чувствительно, — подхватил книгопродавец, кинув убийственный взгляд на истертую шинель, — если бы не чувствительно, то не разобрали бы 400 экземпляров в два часа» [2, т. 7, с. 69–70]. После того как статья Гоголя была отвергнута издателями «Литературной газеты», в краткой заметке, написанной предположительно самим Сомовым, появилось следующее сообщение: «*Бориса Годунова*, соч. А.С. Пушкина, в первое утро раскуплено было, по показаниям здешних книгопродавцев, до 400 экземпляров»²⁸. Можно предположить, что Сомов в этом случае просто воспользовался текстом статьи Гоголя.

Так же, вероятно, Сомов поступил и в 1832 г. — и, по-видимому, для того, чтобы избежать упрека в плагиате, не подписал тогда свои статьи с гоголевскими материалами, напечатанные в «Северной пчеле», — тогда как другие публикации в газете подписывал или хотя бы сопровождал своим псевдонимом. (Сходным образом, без имени,

²⁵ Плетнев П. Некрология // Литературная газета. 1831. [Т. III]. 16 янв. № 4. С. 31–32.

²⁶ Гоголь Н. Женщина // Литературная газета. 1831. [Т. III]. 16 янв. № 4. С. 27–29.

²⁷ Русский архив. 1908. № 10. С. 262–263.

²⁸ Смесь // Литературная газета. 1831. [Т. III]. № 1. 1 янв. С. 9.

Сомов, к примеру, напечатал ранее в альманахе «Северные Цветы на 1832 год» упомянутый отрывок романа «Хау-цю-джуань» («Беспримерный брак») (как отмечалось, еще один фрагмент этого романа он предлагал затем в «Европеец» Киреевского). Перевод романа не принадлежал Сомову, но был выполнен неизвестным автором — «кем-то из русских китаеведов» [14, с. 345].)

Возможно, публикации гоголевских текстов в коммерческой газете Булгарина — без ведома Гоголя или с его разрешения — были сделаны Сомовым во многом из-за материальных соображений, ради гонорара. На жизнь он зарабатывал «исключительно литературным трудом» [12, с. 8]. По словам Н.И. Греча, «честный и благородный» Сомов был человек «совершенно недостаточный» [8, с. 700]. Позднее, к концу жизни, обремененный семьей, Сомов остался «практически без средств к существованию» [10, с. 9]. Любая публикация, очевидно, была для него средством выйти из затруднительных обстоятельств.

Таким образом, статьи «Наблюдения в Отечестве. Обряды при свадьбах у Малороссиян» и «Народные поверья. Русалки», напечатанные в 1832 г. Сомовым в «Северной пчеле» без имени автора, следует признать, условно говоря, «девтеро-гоголевскими» (т. е. «второ-гоголевскими»). Изучение истории этих статей позволяет ввести в научный оборот еще две прижизненные публикации текстов Гоголя и приоткрывает новую страницу в общении двух писателей-земляков.

Литература

1. *Аверинцев С.* Михаил Бахтин: ретроспектива и перспектива. <Рец. на:> М.М. Бахтин. Литературно-критические статьи. Составление С.Г. Бочарова и В.В. Кожина. М. Изд-во «Художественная литература». 1986 // Дружба народов. 1988. № 3. С. 256–259.
2. *Бочаров С.Г., Дерюгина Л.В.* Женщина. <Комментарий> // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2009. Т. 3: Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя / тексты подгот. Л.В. Дерюгина; коммент. подгот. С.Г. Бочаров, Л.В. Дерюгина. С. 907–917.
3. *Виноградов И.А.* Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. 448 с.
4. *Виноградов И.А.* Комментарий // *Гоголь Н.В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / изд. подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 385–656.
5. *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2. 672 с.

6. *Виноградов И.А.* Н.В. Гоголь и цензура. Взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 864 с.
7. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.
8. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни / текст по рукописи под ред. и с коммент. Иванова-Разумника и Д.М. Пинеса. М.; Л.: Academia, 1930. 896 с.
9. *Дмитриева Е.В., Манн Ю.В., Рогов К.Ю.* Вечера на хуторе близ Диканьки. <Комментарий> // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наследие, 2001 (2 изд., стереотипное — М.: Наука; ИМЛИ РАН, 2003). Т. 1: <Ганц Кюхельгартен. Вечера на хуторе близ Диканьки. Юношеские произведения>. С. 589–850.
10. *Дроздов Н.А., Ларионова Е.О.* Сомов Орест Михайлович... // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь* / гл. ред. Б.Ф. Егоров. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Нестор-история, 2019. Т. 6. С. 7–10.
11. <*Кулиш П.А.*> *Николай М.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. В двух томах. С портретом Гоголя. СПб.: В тип. Александра Яковсона, 1856. Т. 1. 339 с.
12. *Петрунина Н.Н.* Орест Сомов и его проза // *Сомов О.М.* Были и небылицы. М.: Сов. Россия, 1984. С. 3–20.
13. *Рейтблат А.И.* Гоголь и Булгарин. К истории литературных взаимоотношений // *Рейтблат А.И.* Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 188–223.
14. *Рифтин Б.Л.* Отрывок из китайского романа «Хау-Цю-джуань», т. е. «Беспримерный брак». <Комментарий> // *Северные цветы на 1832 год* / изд. подгот. Л.Г. Фризман. М.: Наука, 1980. С. 344–349.
15. <*Шенрок В.И.*> Описание рукописей // *Сочинения Н.В. Гоголя: в 7 т. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком.* 10-е изд. СПб.: Изд-е А.Ф. Маркса, 1896. Т. 7. С. 827–947.

Research Article

“Deutero-Gogol’s”: N.V. Gogol, O.M. Somov and the History of Two Articles in “Northern Bee”

© 2021. Igor A. Vinogradov

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: An unknown fact of “deutero-author's” (“second-author's”) publications of two ethnographic notes by N.V. Gogol from his handwritten “Book of all sorts of things, or the handy Encyclopedia” (1826–1830) is introduced into scientific circulation. The publications appeared in 1832, anonymously, in three issues of F.V. Bulgarin’s newspaper “Northern Bee”. It is proved that the articles were published not by Gogol himself, but by his fellow countryman and friend, the writer O.M. Somov, with whom the writer then not only communicated, but also shared ethnographic materials. It is established that the content of the articles exactly corresponds to Gogol’s notes “On the Little Russian weddings” and “Little Russian legends, customs, rituals” in his “Book of all sorts of things...”. In addition to articles from Gogol's notebook, entitled “Observations in the Fatherland. Little Russians Wedding Ceremonies” and “Popular Beliefs. Mermaids” in the newspaper, several unknown publications by O.M. Somov in “Northern Bee” are revealed. In 1832, the newspaper published two of his stories: “Organist Tomasz”, “Dancers on the Rope”, as well as a translation of a fragment from “Letters on Demonology and Witchcraft” by W. Scott (1830), entitled “The Story of a Free Spirit-Seer”. The possible influence of “Organist Tomash” on the creation of Gogol's story “Taras Bulba” is noted. The study of Somov's journalistic activities as an employee of “Northern Bee” replenishes the history of the lifetime publications of Gogol's texts and opens a new page in the communication of two compatriot writers.

Keywords: Gogol, biography, creativity, ethnography, folklore, copyright, deutero authorship, plagiarism.

Information about the author: Igor A. Vinogradov, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>. E-mail: info@imli.ru.

For citation: Vinogradov, I.A. “Deutero-Gogol’s”: N.V. Gogol, O.M. Somov and the History of Two Articles in ‘Northern Bee’.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 196–219. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-196-219>

References

1. Averintsev, S. "Mikhail Bakhtin: retrospektiva i perspektiva. Retsenziia na: M.M. Bakhtin. Literaturno-kriticheskie stat'i. Sostavlenie S.G. Bocharova i V.V. Kozhinova. M. Izdatel'stvo 'Khudozhestvennaia literatura'. 1986" ["Mikhail Bakhtin: Retrospective and Perspective. Review of: M.M. Bakhtin. Literary and Critical Articles. Compiled by S.G. Bocharov and V.V. Kozhinov. Moscow. Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986"]. *Druzhba narodov*, no. 3, 1988, pp. 256–259. (In Russ.)
2. Bocharov, S.G., Deriugina, L.V. "Zhenshchina. Kommentarii" ["A Woman. Comment"]. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 t. [Complete Works and Letters: in 23 vols.]*, vol. 3: Arabeski. Raznye sochineniia N. Gogolia [Arabesques. Various Compositions by N. Gogol], text prep. by L.V. Deryugina, comm. by S.G. Bocharov, L.V. Deryugina. Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 907–917. (In Russ.)
3. Vinogradov, I.A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniia [Gogol as an Artist and Thinker: Christian Foundations of the Worldview]*. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)
4. Vinogradov, I.A. "Kommentarii" ["Commentary"]. Gogol', N.V. *Taras Bul'ba. Autografy; prizhiznennye izdaniia. Istoriko-literaturnyi i tekstologicheskii kommentarii [Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textual Commentary]*, prep. by I.A. Vinogradov. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 385–656. (In Russ.)
5. Vinogradov, I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolja (1809–1852). Nauchnoe izdanie: v 7 t. [Chronicle of N.V. Gogol's Life and Work (1809–1852). Scientific publication: in 7 vols.]*, vol. 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 672 p. (In Russ.)
6. Vinogradov, I.A. *N.V. Gogol' i tsenzura. Vzaimootnosheniia khudozhnika i vlasti kak kliuchevaia problema gogolevskogo nasledia [N.V. Gogol and Censorship. The Relationship Between Artist and Authorities as a Key Issue of Gogol's Heritage]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 864 p. (In Russ.)
7. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 t. (15 kn.) [Complete Works and Letters: in 17 vols. (15 books)]*. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009–2010. (In Russ.)
8. Grech, N.I. *Zapiski o moei zhizni [Notes on My Life]*, ed. and comm. by Ivanov-Razumnik and D.M. Pines. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1930. 896 p. (In Russ.)
9. Dmitrieva, E.V., Mann, Iu.V., Rogov, K.Iu. "Vechera na khutore bliz Dikan'ki. Kommentarii" ["Evenings on a Farm Near Dikanka. Comment"]. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 t. [Complete Works and Letters: in 23 vols.]*, vol. 1: Gants Kiukhel'garten. Vechera na khutore bliz Dikan'ki. Iunosheskie proizvedeniia [Hans Kuchelgarten. Evenings on a Farm Near Dikanka. Youth Works], text and comm. prep. by I.Yu. Vinnitsky, E.E. Dmitrieva, Yu.V. Mann, K.Yu. Rogov. Moscow, Nasledie Publ., 2001 (2nd ed., stereotyped — Moscow, Nauka Publ., IWL RAS Publ., 2003), pp. 589–850. (In Russ.)
10. Drozdov, N.A., Larionova, E.O. "Somov Orest Mikhailovich" ["Somov Orest Mikhaylovich"]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar' [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]*, vol. 6, editor-in-chief B.F. Egorov. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., St. Petersburg, Nestor-istoriia Publ., 2019, pp. 7–10. (In Russ.)
11. Kulish, P.A. *Zapiski o zhizni Nikolaia Vasil'evicha Gogolia, sostavlennnye iz vospominanii ego druzei i znakomykh i iz ego sobstvennykh pisem. V dvukh tomakh. Sportretom Gogolia [Notes on the Life of Nikolai Vasilyevich Gogol, Compiled from the Memoirs of His Friends and Acquaintances and from His Own Letters. In Two Volumes. With a Portrait of Gogol]*, vol. 1. St. Petersburg, V tipografii Aleksandra Iakobsona Publ., 1856. 339 p. (In Russ.)

12. Petrunina, N.N. “Orest Somov i ego proza” [“Orest Somov and His Prose”]. Somov, O.M. *Byli i nebylitsy [Facts and Fables]*, comp., introd. and notes by N.N. Petrunina. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1984, pp. 3–20. (In Russ.)

13. Reitblat, A.I. “Gogol' i Bulgarin. K istorii literaturnykh vzaimootnoshenii” [“Gogol and Bulgarin. On the History of Literary Relationships”]. Reitblat, A.I. *Faddei Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsultant sekretnoi politzii [Faddey Bulgarin: Ideologist, Journalist, Secret Police Consultant]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, pp. 188–223. (In Russ.)

14. Riftin, B.L. “Otryvok iz kitaiskogo romana ‘Khau-Tsiu-dzhuan’, to est’ ‘Besprimernyi brak’. Kommentarii” [“An Excerpt from the Chinese Novel ‘Hau-Qiu-Juan’, that is, ‘Unprecedented marriage’. Commentary”]. *Severnye tsvety na 1832 god [Northern Flowers for 1832]*, publ. by L.G. Frezman. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 344–349. (In Russ.)

15. Shenrok, V.I. “Opisanie rukopisei” [“Description of Manuscripts”]. *Sochineniia N.V. Gogolia: v 7 t. Tekst sveren s sobstvennoruchnymi rukopisiami avtora i pervonachal'nymi izdaniiami ego proizvedenii N. Tikhonravovym i V. Shenrokom. 10-e izd. [N.V. Gogol's Works: in 7 volumes. The Text is verified with the Author's Handwritten Manuscripts and Original Editions of His Works by N. Tikhonravov and V. Shenrok. 10th edition]*, vol. 7. St. Petersburg, Izdanie A.F. Marksa Publ., 1896, pp. 827–947. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.06.2021

Одобрена после рецензирования: 01.09.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 18.06.2021

Approved after reviewing: 01.09.2021

Date of publication: 25.09.2021

Проза И.А. Бунина 1917–1920 гг. К вопросу об основном тексте

© 2021, Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Это вторая статья в цикле работ, посвященных определению основного текста прозы И.А. Бунина. Исследования, проведенные после публикации первой статьи авторов «Проза И.А. Бунина. Выбор основного текста (к постановке вопроса)», позволили уточнить хронологические границы, внутри которых произведения писателя должны печататься согласно собственным и для каждой группы строго определенным принципам подачи текстов. Если при первом рассмотрении одной из таких границ предлагалось считать 1920 г. — год отъезда Бунина из России, то анализ конкретных текстологических историй рассказов Бунина 1917–1920-х гг. заставляет сдвинуть эту границу на 1917 г. Все написанные в эти годы рассказы и по своему образно-тематическому строю, и по печатной истории относятся уже к следующему, эмигрантскому периоду творчества писателя. Поэтому, как и другие произведения этого времени, они должны быть представлены в Полном собрании сочинений Бунина текстами последних прижизненных публикаций, а не последних публикаций в российских изданиях до 1920 г., как следует для произведений, написанных в предыдущие годы.

Ключевые слова: И.А. Бунин, архивные материалы, текстология, выбор основного текста, собрание сочинений.

Информация об авторах: Татьяна Михайловна Двинятина — доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9772-6910>. E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com.

Сергей Николаевич Морозов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4986-3291>. E-mail: morozov.sn@yandex.ru.

Для цитирования: *Двинятина Т.М., Морозов С.Н.* Проза И.А. Бунина 1917–1920 гг. К вопросу об основном тексте // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 220–227. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-220-227>

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17–18–01410–П «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»).

В этой статье мы возвращаемся к проблеме основного текста прозы И.А. Бунина, поднятой нами в предыдущей работе «Проза И.А. Бунина. Выбор основного текста (к постановке вопроса)» [1]. В преддверии масштабной подготовки Полного собрания сочинений писателя этот вопрос стоит особенно остро. Его решение должно определить не только конкретный выбор текста отдельных произведений, но и композицию целых томов и общую структуру издания.

В названной статье мы поделили всю художественную прозу писателя на четыре группы: «1) ранние произведения, которые были опубликованы только один-два раза или вообще не публиковались автором; 2) доэмигрантские произведения, которые Бунин неоднократно публиковал в России, а большую их часть значительно исправлял и вновь публиковал в эмиграции; 3) эмигрантские произведения, публиковавшиеся автором несколько раз с соответствующей правкой; 4) эмигрантские произведения, которые остались неопубликованными при жизни Бунина» [1, с. 71].

По отношению ко второй группе прозаических произведений предлагалось принять такое решение: «<...> для текстов, написанных в 1894–1919 гг. и переиздававшихся автором в эмиграции: основной текст для этих рассказов и повестей дается по последней доэмигрантской авторской публикации, а разночтения с более поздними эмигрантскими редакциями приводятся в соответствующем разделе» [1, с. 74].

Таким образом, если следовать этому решению, выбор основного текста для произведений, написанных в 1894–1919 гг. (80 произведений, печатавшихся в эмиграции в исправленном и сокращенном виде) должен был бы осуществляться по, прежде всего, биографическому признаку — по последнему изданию доэмигрантского периода. Для

произведений, написанных в эмиграции, основной текст определяется по последнему прижизненному изданию произведения.

Однако известно, что лучшее решение то, которое сочетает в себе и формальные, и содержательные критерии. Сейчас, проанализировав текстологические истории рассказов Бунина второй половины 1910-х гг., мы готовы уточнить положение, относящееся к произведениям этого времени, и обосновать иную границу, которая, ничуть не уступая во «внешнем» течении жизни, будет совпадать и с внутренним переломом в творчестве писателя.

Этот перелом, на наш взгляд, приходится на 1917 г. Его значение в истории литературы и судьбе Бунина не нуждается в пояснениях. В то же время, как показано в работе одного из авторов этой статьи, 1917 г. оказывается и точной границей в периодизации бунинского творчества [2].

Иными словами, мы предлагаем выбирать основной текст произведений, написанных в 1917 г. и позднее, уже по их последнему прижизненному изданию. Тем самым по классификации, данной в нашей предыдущей статье, [1, с. 71], художественная проза Бунина начиная с 1917 г. будет относиться к третьей группе произведений.

Чем обосновано это решение? Обратимся прежде всего к хронологии творчества писателя. Его самый плодотворный до-революционный период заканчивается в 1916 г.: в этот год создано 12 рассказов (по авторской датировке). В 1917–1919 гг. Бунин почти совсем отходит от творческой работы. Летом 1917 г. был написан рассказ «Брань» (первоначальное заглавие «Спор»), который впервые появился в печати только в парижской «Русской газете» (1924. 24 августа). В 1918 г. было написано два рассказа. Первый из них, «Зимний сон» (первоначальное заглавие «Изба в поле») впервые был напечатан после революции в московской газете «Раннее утро» (1918. 21/8 марта), а затем уже в Париже (Возрождение. 1926. 7 февраля). Второй рассказ, «Исход» (первоначальное заглавие «Конец») сначала был напечатан в киевском издании «Родная земля» (1918. № 1) и в петроградском сборнике «Скрижаль» (Пг., 1918), а в эмигрантских изданиях публиковался еще трижды. В 1919 г. был написан только один рассказ «Готами», который впервые вышел в одесской газете «Южное слово» (1920. 4/17 января) буквально за несколько дней до отъезда писателя из России, а в эмиграции был опубликован еще четыре раза.

Таким образом, все эти четыре рассказа, написанные в 1917–1919 гг., были созданы на грани или уже после главного революционного слома, вышли в белогвардейских и эмигрант-

ских изданиях (за исключением «Раннего утра», конечно), а их основные публикации состоялись в эмиграции. И создание, и публикации этих произведений принадлежат уже другой эпохе, поэтому целесообразнее их отнести к третьей группе произведений художественной прозы писателя. Значит, и выбор основного текста для этих рассказов должен осуществляться по последнему прижизненному печатному тексту.

Вместе с тем мы можем повторить наш предыдущий вывод, касающийся художественной прозы Бунина 1894–1916 гг. (76 произведений, которые неоднократно печатались автором в эмиграции в исправленном и сокращенном виде). При выборе основного текста для произведений данного периода следует остановиться на последней авторской публикации в российских изданиях до момента отъезда писателя из России. В основном это будет текст Полного собрания сочинений Бунина (Пг., 1915), а также текст сборников «Господин из Сан-Франциско» (М., 1916), «Храм Солнца» (Пг., 1917) и отдельные публикации в периодике и сборниках.

Стоит отдельно отметить, что во всех случаях при определении рубежа для выбора основного текста речь идет о рассказах, написанных до 1916 г. включительно. Появление их в печати могло состояться не сразу, поэтому для выбора основного текста могут рассматриваться и публикации 1917–1920 гг., вышедшие в России до эмиграции Бунина. Рассказы, созданные в 1916 г. и в этом же году напечатанные в периодике (например, «Старуха» и «Третьи петухи»), понятно, не вызывают вопросов. Однако рассказ «Третьи петухи» был напечатан Буниным еще раз в журнале «Объединение» (1918. № 1), публикация в котором и должна стать основным текстом для данного произведения. Рассказы того же года «Петлистые уши» (сб. «Слово». 1917. Сб. 7) и «Отто Штейн» (Русское слово. 1917. 1 апреля), напечатанные впервые в 1917 г., также должны оставаться во второй группе текстов. На наш взгляд, и написанные в 1916 г. рассказы «Сны Чанга» (альманах «Творчество». 1918. Кн. 2) и «Соотечественник» (сб. «Слово». 1918. Сб. 8), впервые появившиеся в печати в 1918 г., имеют основание оставаться во второй группе произведений. Во время революционных событий возможности опубликовать художественное произведение резко сократились, поэтому так поздно появлялись в печати рассказы 1916 г. Для них в качестве основного текста следует избрать последнюю авторскую публикацию, вышедшую в России: для рассказа «Петлистые уши» — в газете «Южное слово» (1919. 18/5 ноября); для рассказа «Отто Штейн» — в газете «Южное слово» (1920. 14/1 января); для рассказа

«Сны Чанга» — в альманахе «Объединение» (1919. № 1/2); для рассказа «Соотечественник» — в «Альманахе современной избранной литературы» (1919. Вып. 1).

Остается решить вопрос относительно двух рассказов: «Последняя весна» и «Последняя осень». Полагаем, что для выбора основного текста этих двух рассказов необходимо сделать исключение, требующее специального пояснения. Дело в том, что автографы этих рассказов не сохранились: мы можем обратиться только к поздней авторской датировке и объективным данным печатной истории. Согласно бунинским указаниям, оба рассказа были созданы в 1916 г., но на родине они напечатаны тогда не были. По всей видимости, Бунин просто не успел их опубликовать в России и увез с собой во Францию, где они впервые и появились в печати, причем довольно поздно — в 1930-х гг. Так, рассказ «Последняя весна» впервые был напечатан в парижской газете «Последние новости» (1931. 12 апреля), затем оба рассказа — и «Последняя весна», и «Последняя осень» — были включены Буниным в 10-й том его Собрания сочинений (Берлин, 1935), появление в котором стало для второго рассказа единственной авторской публикацией. Таким образом, при отсутствии более ранних, доэмигрантских публикаций основной текст для «Последней весны» и «Последней осени» должен быть взят из Собрания сочинений (т. 10. Берлин, 1935).

По отношению к этим двум сочинениям вновь возникает проблема датировки произведений Бунина. Исходя из столь долгой творческой истории названных рассказов, можно было бы поставить под сомнение правильность авторской датировки и предположить, что оба они могли быть написаны уже в эмиграции. Это сомнение подтверждается еще и тем, что в первой, газетной публикации рассказа «Последняя весна» Буниным под текстом поставлена дата: «1931 г.». Однако в Собрании сочинений писателя (т. 10. Берлин, 1935) в конце этого рассказа стоит другая дата: «1916 г.». Она же значится в этом томе и под текстом рассказа «Последняя осень». В авторском экземпляре тома с пометами Бунина¹ «1916 г.» был вписан под заглавием и того и другого рассказа. Позже Бунин вычеркнул эту дату, возможно, обратив внимание на то, что год уже напечатан под текстами, но рукописная помета, сделанная, очевидно, по памяти, скорее, подтверждает правильность ранней датировки. Неоспоримым доказательством в таких случаях могли бы стать автографы рассказов, но они, как уже было сказано, не сохранились, поэтому издателям

¹ Русский архив в Лидсе (РАЛ. MS 1066/10176).

приходится полагаться на совокупность косвенных свидетельств. Таким образом, тексты рассказов «Последняя весна» и «Последняя осень» в научном Полном собрании сочинений Бунина будут печататься с авторской датой «1916 г.» по тексту Собрания сочинений (т. 10. Берлин, 1935).

Наконец, еще одно уточнение должно быть сделано для произведений из сборника «Храм Солнца», вышедшего в Петрограде вскоре после Февральской революции. Для включенных в него рассказов основным остается текст этого издания. Во-первых, оно готовилось писателем еще с конца 1913 г., основная работа над книгой шла в 1914 г. и растянулась на столько лет по вине издательства «Жизнь и знание», выпустившего книгу только в апреле 1917 г. Во-вторых, вошедшие в нее рассказы были написаны Буниным еще раньше, в 1907–1912 гг. Впоследствии они могли перерабатываться: так, например, рассказ «Иудея», написанный в 1908 г., спустя много лет был разделен на три самостоятельных текста: «Иудея», «Камень», «Шеол» (в таком виде впервые опубликован в книге «Тень Птицы», изданной в Париже в 1931 г.). Однако в творческой истории Бунина преимущество остается за книгой 1917 г. и, значит, за теми текстами, которыми в ней представлены рассказы, ее составляющие.

Итак, определение границы в 1917 г. для выбора основного текста прозы Бунина перестает быть только биографическим и становится обоснованным творческой историей произведений. Рассказами, написанными до 1916 г. включительно закрывается дореволюционная эпоха и чрезвычайно значительный период творчества Бунина. Следующие рассказы и повести относятся к новой эпохе — эмигрантской, и для нее уже был определен свой принцип выбора текстов: в Полном собрании сочинений писателя они должны печататься по их последней прижизненной публикации.

Литература

1. Двинятина Т.М., Морозов С.Н. Проза И.А. Бунина. Выбор основного текста (к постановке вопроса) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 68–79. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-16-68-79

2. Морозов С.Н. Периодизация творчества И.А. Бунина // Метафизика И.А. Бунина: Межузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2018. Вып. 4. С. 7–13.

Research Article

I.A. Bunin's Prose of 1917–1920. On the Copy Texts Issue

© 2021. Tatyana M. Dvinyatina, Sergey N. Morozov

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The publication was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no 17–18–01410–П “Academic Bunin. Source studies, textual criticism, methodology”.

Abstract: This is the second article in a series of works devoted to the definition of copy texts of I. A. Bunin's prose. Research conducted after the publication of the article “Ivan Bunin's Prose Works. An Approach to the Choice of Copy Texts for a Critical Edition”, allowed us to clarify the chronological boundaries within which the writer's works should be printed according to their own and for each group strictly defined principles of text submission. If, at the first consideration, one of these boundaries was proposed to be considered 1920 — the year of Bunin's departure from Russia, later the analysis of specific textual stories of Bunin's stories of the 1917–1920's made it necessary to shift this border to 1917. All the stories written in these years, both in their figurative and thematic structure, and in their printed history, belong to the next, émigré period of the writer's work. Therefore, like other works of this time, they should be presented in Bunin's Complete Works with the texts of their last lifetime publications, and not the last Russian publications before 1920, as should be the case for works written in previous years.

Keywords: I.A. Bunin, archival materials, textual criticism, the choice of base text, a collection of essays.

Information about the authors: Tatyana M. Dvinyatina, DSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9772-6910>. E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com.

Sergey N. Morozov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4986-3291>. E-mail: morozov.sn@yandex.ru.

For citation: Dvinyatina, T.M., Morozov, S.N. “I.A. Bunin's Prose of 1917–1920. On the Copy Texts Issue.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 220–227. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-220-227>

References

1. Dviniatina, T.M., Morozov, S.N. “Proza I.A. Bunina. Vybor osnovnogo teksta (k postanovke voprosa)” [“Ivan Bunin’s Prose Works. An Approach to the Choice of Copy Texts for a Critical Edition”]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (16), 2020, pp. 68–79. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-16-68-79 (In Russ.)

2. Morozov, S.N. “Periodizatsiia tvorchestva I.A. Bunina” [“Periodization of I.A. Bunin’s Works”]. *Metafizika I.A. Bunina: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov [I.A. Bunin’s Metaphysics: Interuniversity Collection of Scientific Papers]*, issue 4. Voronezh, 2018, pp. 7–13. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 14.01.2021

Одобрена после рецензирования: 03.02.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 14.01.2021

Approved after reviewing: 03.02.2021

Date of publication: 25.09.2021

Вопросы некрасовской текстологии*

© 2021, М.С. Макеев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация: В статье обсуждаются некоторые сложные вопросы текстологии стихотворных текстов Н.А. Некрасова, которые автору приходилось решать в ходе подготовки нового трехтомного издания в серии «Библиотека поэта». Обсуждается статус так называемого «Посмертного издания» (1879) стихотворений Некрасова под редакцией С.И. Пономарева, использовавшего ныне утраченный экземпляр с авторскими пометами и правкой. Перед текстологом стоит задача отделить авторскую правку от конъектур Пономарева, к которым он (пусть и нечасто) прибегал. Авторитетные советские издания Некрасова мало учитывали варианты «Стихотворений» 1879 г., что порой было ошибочно, как демонстрируется в статье на примере отдельных чтений таких произведений, как «Влас», «Филантроп» и др.

Ключевые слова: текстология, Н. Некрасов, издание текстов русской классической литературы, авторская воля, научная работа редактора, русская поэзия XIX в.

Информация об авторе: Михаил Сергеевич Макеев — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5798-6892>. E-mail: mmakeev@icloud.com.

Для цитирования: Макеев М.С. Вопросы некрасовской текстологии // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 228–245. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-228-245>

* Из наблюдений, сделанных в ходе работы над новым научным изданием полного собрания стихотворений Н.А. Некрасова в серии «Новая библиотека поэта» [8].

В статье приняты следующие сокращения изданий Н.А. Некрасова:

ПП — Последние песни. Стихотворения Н. Некрасова. СПб.: Изд-е Ф. Викторовца, 1877.

ПСС — *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.

ПСС 1948–1953 — *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. М.: ГИХЛ, 1948–1953.

ПССт 1967 — *Некрасов Н.А.* Полн. собр. стихотворений: в 3 т. Л.: Сов. писатель, 1967 («Библиотека поэта». Большая сер. Изд. 2-е).

Рб — Н.А. Некрасов. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1877 (серия «Русская библиотека». Вып. 7).

Ст 1856 — Стихотворения Н. Некрасова. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1856.

Ст 1861 — Стихотворения Н. Некрасова. СПб.: В тип. Э. Праца, 1861. Ч. 1–2 (изд. 2).

Ст 1863 — Стихотворения Н. Некрасова. СПб.: В тип. К. Вульца, 1863. Ч. 1–2 (изд. 3).

Ст 1864 — Стихотворения Н. Некрасова. СПб.: Изд-е С.В. Звонарева, 1864. Ч. 1–2 (изд. 4); Ч. 3 (изд. 1).

Ст 1869–1873 — Стихотворения Н. Некрасова. СПб.: Изд-е С.В. Звонарева, 1869–1873. Ч. 1–2 (изд. 5); Ч. 3 (изд. 2); Ч. 4–5 (изд. 1).

Ст 1873–1874 — Стихотворения Н. Некрасова. СПб.: Тип. В.В. Праца, 1873–1874. Ч. 1–2 (изд. 6); Ч. 3 (изд. 3). Ч. 4–5 (изд. 2); Ч. 6 (изд. 1).

Ст 1879 — Стихотворения Н.А. Некрасова. Посмертное изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1879. Т. 1–4.

1

Центральный вопрос, с которым приходится иметь дело при подготовке научного издания Некрасова, — это вопрос выбора «наиболее авторитетного» издания, отражающего последнюю волю поэта. Нельзя не признать, что в советских научных изданиях Некрасова (которых только после войны вышло три: ПСС 1948–1953, ПССт 1968 и ПСС) он решается часто крайне неудовлетворительно. Последним прижизненным изданием стихотворений Некрасова является шестое (Ст 1873–1874), а также сборник «Последние песни» 1877 г. (ПП), в который вошли произведения, написанные после выхода Ст 1873–1874. Кроме того, еще при жизни поэта вышел некрасовский выпуск «Русской библиотеки» (Рб), издаваемой М.М. Стасюлевичем, в который вошли выбранные, видимо, самим автором стихотворения (Рб подготовлено практически без каких-либо изменений по Ст 1873–1874 и ПП, оно представляет некоторый

интерес тем, что все стихотворения в нем датированы по указанию Некрасова). Эти издания и претендуют на то, чтобы иметь решающее значение при определении основного текста некрасовских произведений. Следование этому базовому принципу научной текстологии в случае текстов Некрасова осложняется целым рядом факторов.

Прежде всего, в советской текстологии со времен работ К. Чуковского [11] и подготовленных им изданий (в первую очередь, ПСС 1948–1953) господствовала традиция «реконструировать», «восстанавливать» некрасовские тексты либо по более ранним (чаще всего журнальным) изданиям, либо по автографам (иногда и по признававшимся авторитетными спискам). Этой проблеме, тесно связанной с вопросом о цензурных и автоцензурных «искажениях» некрасовских текстов в прижизненных изданиях, посвящена наша статья, готовящаяся к печати в журнале «Русская литература» (2021. № 4). Во-вторых, статус Ст 1873–1874 и ПП как наиболее авторитетных источников ставится под вопрос наличием посмертного издания, четырехтомного собрания стихотворений 1879 г., задуманного сестрой поэта А.А. Буткевич и подготовленного под ее идейным руководством библиографом С.И. Пономаревым (Ст 1879). Это издание дает немало разночтений по сравнению с последними прижизненными изданиями. Собственно, статус этих разночтений представляет существенную проблему, которой и посвящена данная статья. Специалистам история подготовки и характер пономаревского издания хорошо известны (см., например: [5; 6]), однако для тех, кто меньше погружен в тонкости некрасовской текстологии, необходимы некоторые предварительные пояснения, которые мы постараемся сделать максимально лаконичными.

В последний год жизни Некрасов работал над новым полным исправленным собранием стихотворений: эта работа выразилась в поправках, дополнениях и примечаниях, а также датировках (тексты в будущем собрании предполагалось подчинить хронологическому порядку), которые поэт делал на принадлежавшем ему экземпляре Ст 1873–1874. Этот экземпляр, ныне не сохранившийся, оказался после смерти брата в распоряжении А.А. Буткевич. Хорошо знавшая Некрасова, его сестра, принимаясь за посмертное собрание стихотворений поэта, поставила привлеченному в качестве редактора С.И. Пономареву задачу реализовать авторский план, то есть не просто переиздать Ст 1873–1874, но учесть те изменения и дополнения, которые Некрасов хотел внести в будущее издание, опираясь на его пометы (при этом не ставилась задача сверки текстов с рукописями и автографами, Пономарев их в подавляющем большинстве случаев

не имел, весь круг источников ограничивался фактически только печатными изданиями некрасовских текстов, имевшимися у него практически во всей полноте, и пометами в Ст 1873–1874). Именно в таком духе Буткевич инструктировала Пономарева (жившего в Конотопе), которому прислала «педантически верную» копию этих помет. Буткевич писала 12 июля 1878 г. в разгар работы над изданием: «Теперь же я Вас прошу, Степан Иванович, признать мое решение, высказанное в последнем письме, за неизменное; я не буду его повторять, чтобы не утомлять Вас, и прибавлю только мою задушевную мысль: я бы хотела, при настоящем издании, как можно меньше мудрствования с нашей стороны; я бы хотела, чтобы все заметки и указания брата вошли в издание; я бы хотела не затереть, а напротив выдвинуть до последних мелочей его личное последнее участие в издании его стихотворений» [6, с. 178].

Этот же принцип декларирован А.А. Буткевич в самом издании: «Основным текстом для посмертного издания послужило издание 1873 года, последнее — сделанное самим автором. Незадолго до своей смерти, он, по-видимому, был занят мыслью приготовить текст нового издания; после него сохранился экземпляр, который он перечитывал, исправлял, местами сокращал, изменял год, когда было написано то или другое стихотворение, делал примечания и т. д. Но эта работа, к сожалению, осталась неоконченной» (Ст 1879, т. 1, с. VII). «Самый текст стихотворений, — пишет далее Буткевич, — местами исправлен самим поэтом, некоторые строфы им выпущены; все эти исправления и выпуски сделаны в настоящем издании» (Там же, с. IX). Само приглашение библиографа Пономарева Буткевич объясняет тем, что правка и изменения не были завершены: в пятой и шестой частях корпуса стихотворных текстов (3 и 4 тома в издании Краевского, Ст 1873–1874) не оказалось никакой правки: «Из шести частей своего полного собрания автор успел пересмотреть только первые четыре части, которые и снабжены им примечаниями; смерть не позволила ему сделать того же для последних двух частей. Поэтому я обратилась к С.И. Пономареву, который обязательно взял на себя закончить, насколько возможно, работу, предпринятую автором» (Ст 1879, т. 1, с. VII–VIII).

К сожалению, практика Пономарева и Буткевич не полностью соответствовала этим декларациям. Из той же переписки мы узнаем, что в некоторых случаях последняя воля поэта была сознательно нарушена издателями Ст 1879. Так, по требованию Буткевич было снято посвящение поэмы «Дедушка» будущей жене поэта, к которой его сестра относилась крайне неприязненно [6, с. 177, 179], но зато

включено в состав «Мороза, Красного носа» посвящение ей самой (печатавшееся во всех прижизненных собраниях стихотворений отдельно от основного текста поэмы) [6, с. 176]. Конечно, такие случаи «личной заинтересованности» издательницы очень редки — даже чувствуя себя задетой, Буткевич стремилась следовать последней воле брата: она была удивлена перепосвящением поэмы «Мать», первоначально посвященной ей самой, О.В. Лихачевой, однако предпочла посвящение сохранить [6, с. 172, 176]. Важно в данном случае не только наличие исправлений, не соответствующих последней воле поэта, не опирающихся на его прямые указания, но и непоследовательность и неясность их комментирования: в случае посвящения «Мороза, Красного носа» в примечаниях говорится, что оно «ныне помещается на своем месте (т. е. в начале поэмы. — М.М.), по указанию автора» (Ст 1879, т. 4, с. LXVI), при этом под «указанием автора» в данном случае имеется в виду не помета Некрасова на его экземпляре Ст 1873–1874, а само название этого текста — «Сестре (из посвящения к поэме “Мороз, красный нос”»)» (так оно было напечатано отдельно в Ст 1873–1874, т. 2, ч. 4.). В случае же «Дедушки» в примечаниях вообще не имеется никакой оговорки о сделанном издателем «исправлении». Такая непоследовательность и неточность в целом свойственна Пономареву-комментатору (на примере проставленных в Ст 1879 датировок это прослежено в [7]). Она заставляет поставить вопрос о том, нет ли среди разночтений, встречающихся в Ст 1879, других не задокументированных исправлений, принадлежащих издателю и основывающихся уже не на простом произволе (мы уверены, что двумя названными случаями такой произвол практически исчерпывается), но на каких-то его редакторских принципах.

На то, что представления Пономарева о правильности и точности печатаемого текста были несколько более широкими, чем допускает современная научная текстология, указывает его статья «Копеечная свечка в память о Некрасове» [9], напечатанная еще до того как он получил предложение А.А. Буткевич. В этой работе, включающей библиографию статей о Некрасове и информацию о его портретах, рисунках к его стихотворениям, переводах на другие языки, посвященных ему стихотворениям, пародиях на его произведения, а также некрологах и музыке, написанной на некрасовские тексты, Пономарев сформулировал свои пожелания будущим издателям собрания стихотворений Некрасова. Среди них есть и пожелание «исправить грубейшие опечатки, которые вкрались в последнее издание, опечатки иногда, по-видимому, не изменяющие смысла, но

нарушающие размер, а иногда искажающие и самый смысл стиха» [9, с. 101]. Приводимые далее примеры таких «опечаток» заслуживают внимательного разбора, поскольку именно они позволяют понять, что считал Пономарев верным воспроизведением текста, а в чем был готов видеть требующее исправления повреждение текста¹.

Среди этих примеров есть несколько, что называется, «смысловых» опечаток (отметим при этом неточность Пономарева — большинство из них присутствовали не в Ст 1873–1874, а в более ранних изданиях, в последнем прижизненном издании они уже были исправлены). Три из них совершенно бесспорны: 1. «Ч. 3, стр. 46, вместо представился — преставился». Эта опечатка находится на указанной странице в Ст 1864 (стихотворение «Орина, мать солдатская»). В Ст 1873–1874 (с. 96) опечатка исправлена; 2. «Ч. 3, стр. 134, вместо пороков — пророков». Эта опечатка есть опять же на указанной странице, но в Ст 1869–1873, а в Ст 1873–1874 (с. 132) опечатка также исправлена; 3. «Ч. 6, стр. 268, вместо “с рукой долой”, должно быть: “с рук долой”». — В указанном месте такая опечатка имеется и совершенно справедливо исправлена и в Ст 1879 и в последующих научных изданиях. Однако среди примеров Пономарева есть и такой, который не всеми некрасоведами признавался в качестве опечатки. Речь идет о чтении строки в стихотворении «Поэт и гражданин»: «ч. 2, стр. 90, “Но благородны”, надо — “не благородны”» [9, с. 101]. Эта строка в Ст 1873–1874 действительно напечатана в таком виде (с «но»). Более того, она печаталась так во всех прижизненных изданиях, кроме первой публикации — в Ст 1856 (где она звучит как «Не благородны и обидны»). Предложенная Пономаревым конъектура делалась во всех послевоенных научных изданиях, однако и у чтения «Но благородны и обидны» также имелись свои сторонники [12, с. 283–284; 4, с. 200–204].

Менее очевидны случаи, в которых Пономарев признает некоторое чтение опечаткой на основании нарушения правильного размера². Среди них есть один, где нарушение размера, видимо, действительно является результатом опечатки: «Ч. 1, стр. 182, “Громом в стаде убило” — тут нет стиха (дактиля); надо — во стаде, или при стаде» [9, с. 101]. (Такая опечатка находится на указанной странице в Ст 1864 и Ст 1869–1873, а также на с. 155 в Ст 1863, на с. 216

¹ Об этих «предложениях» несколько беглых замечаний сделал Б.Я. Бухштаб [1, с. 256].

² Редактор вообще очень озабочен правильностью размера и правильностью чтения (в частности, из-за этого в Ст 1879 часто встречаем прибавленные издателем в сложных, с его точки зрения, случаях ударения, впрочем, об этом он пишет и в разбираемой статье).

в Ст 1861; в Ст 1873–1874 она исправлена). Однако два других уже не выглядят так очевидно. Первый касается поэмы «Современники»: «В “Последних Песнях”, стр. 95, “Сколько вы выдали...”, слово *вы* вовсе не нужно: оно нарушает размер стиха — анапеста и т. д.» [9, с. 101–102]. Аргументом в пользу понимания этого чтения как опечатки в Ст 1873–1874 может служить то, что в первопечатном тексте в «Отечественных записках» данная строка читается как «Сколько выдали...»), однако, несомненно, что в этом случае мы имеем дело с субъективным редакторским представлением о том, как должно быть у Некрасова. С точки зрения научной текстологии, в таком случае требуются аргументы в пользу авторитетности самого источника, а не правильности размера. Другой пример выглядит особенно сомнительным: на том же основании (нарушение размера) Пономарев считает опечаткой следующее чтение строки из «Песни убогого странника» в поэме «Коробейники»: «Ч. 2, стр. 219, “Что ты бабу бьешь?” — опять нет стиха (анапеста), должно бы быть: что ты бабу-то бьешь?» [9, с. 101]. Такого чтения нет ни в одном прижизненном издании, и такая конъектура не может быть принята³.

О том, что Пономарев мог требовать от текста правильности, выходящей за пределы стихосложения, говорит еще один его пример, касающийся строки из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»: «Ч. 6, стр. 199, “На Афонские всходила высоты”»: это уже не опечатка, а обмолвка поэта, который забыл, как видно, что женщинам отнюдь нельзя бывать на Афоне, запрещение это существует уже лет 800, и потому стих можно (и должно — по ходу речи) исправить, нисколько не изменяя размера, таким образом: на Фаворские всходила высоты» [9, с. 101]. Нельзя не заметить, что это наблюдение Пономарева не лишено проницательности и остроумия, оно выглядит как интересная гипотеза, место которой, разумеется, не в основном тексте, а в комментарии или статье. Нужно добавить, что все эти исправления (включая и особенно вопиющие «фаворские высоты»), предложенные Пономаревым еще до того, как он познакомился с пометами Некрасова в его экземпляре Ст 1873–1874, вошли в Ст 1879, очевидно, с согласия Буткевич, видимо, разделявшей столь широкое толкование понятия исправного текста Некрасова (сама она писала Пономареву, что именно его статья вызвала ее сочувствие и заставила обратиться к нему с предложением стать редактором посмертного собрания [6, с. 182–183]).

³ Ее энергично оспорил еще Н.Г. Чернышевский: «Некрасов не по недосмотру, а преднамеренно сделал последнюю стопу стиха двусложною; это дает особенную силу выражению. Поправка портит стих» [10, с. 751].

Не вызывает сомнения, что такая недокументированная правка, сделанная Пономаревым исходя из собственных, далеко не всегда соответствующих требованиям современной текстологии, представлений о правильности текста, скорее всего, не исчерпывается приведенными в его статье примерами и скрытно соседствует в Ст 1879 с документированной и недокументированной правкой по пометам Некрасова в его экземпляре Ст 1873–1874. Возможность того, что то или иное исправление инициировано самим редактором, заставляет относиться к пономаревскому изданию осмотрительно, ни в коем случае не перенося автоматически встречающиеся там разночтения в основной текст. Это, однако, не отменяет того, что значительная часть этих исправлений сделана по указанию поэта. Поэтому при установлении основного текста некрасовских стихотворений Ст 1879 не может быть игнорировано, любое разночтение, встречающееся в нем по сравнению с прижизненными изданиями, должно быть принято во внимание и отвергнуто только при наличии аргументации в пользу его принадлежности не поэту, а редактору. К сожалению, редакторы всех трех послевоенных научных изданий Некрасова не придерживались последовательно этого принципа, обращались к Ст 1879 «эпизодически». В заключительном разделе нашей статьи мы хотим обсудить несколько случаев игнорирования Ст 1879 в этих изданиях. В некоторых из них оно приводит к прямому искажению последней авторской воли и публикации в качестве основного такого текста, который ей не соответствует, в некоторых, более сложных, — к игнорированию текстологической проблемы, которая не может быть разрешена однозначно, но способна продвинуть нас в понимании поэзии Некрасова.

2

Конечно, редакторы всех трех послевоенных собраний стихотворных текстов Некрасова к Ст 1879 обращались и во многих случаях его учитывали. Например, во всех прижизненных изданиях (включая Ст 1873–1874) в стихотворении «Влас» после стиха 52 (здесь и далее — нумерация ПСС) имелось такое четверостишие:

Сочтены дела безумные...
Но всего не описать —
Богомолки, бабы умные
Могут лучше рассказать...

За строкой 76 следовали следующие строки:

Словом истины Евангельской
Собирая Богу дань,
Побывает и в Архангельской,
Проберется и в Рязань...

Обе эти строфы исключены из основного текста только в Ст 1879 (они напечатаны в в примечаниях с указанием на то, что они были Некрасовым «выброшены»). Во всех трех изданиях 1940–1980-х гг. эта правка учтена — «Влас» печатается без этих четверостиший. Это решение следует признать совершенно естественным и правильным: никаких сомнений в том, что исключение двух строф соответствует последней воле автора, быть не может.

На этом фоне вызывает недоумение судьба стихотворения «Филантроп» в советских изданиях. В тексте этого произведения, вообще довольно долго правившегося Некрасовым, в Ст 1879 имеется ряд существенных разночтений с предыдущими изданиями. Прежде всего, это касается строк 131–134, которые здесь напечатаны так:

Под влиянием прошедшего,
В лоб ударив кулаком,
Взвыл я вроде сумасшедшего
Пред сиятельным лицом.

Во всех прижизненных изданиях (а также в так называемой Солдатенковской тетради (РГБ), которая, впрочем, Пономареву не могла быть известна) эти строки читаются так:

Под влиянием прошедшего,
Кулаком удара в лоб,
Взвыл я в роде сумасшедшего
Пред особой из особ!..

При этом ни само наличие расхождения с прижизненными изданиями, ни его происхождение редактором никак в примечаниях не оговариваются. Встает вопрос, откуда, собственно, мог взяться такой текст? Очень близкий вариант присутствует только в автографе ИРЛИ, в котором первая, третья и четвертая строки читаются так же, как у Пономарева, а вторая имеет небольшое разночтение: «В грудь ударив кулаком». Тем не менее, даже теоретически Пономарев с этим

автографом не мог быть знаком, поскольку он принадлежал М.Н. Лонгинову и с самого начала находился в его коллекции (собственно, этот автограф и был написан для Лонгинова — перед текстом здесь имеется торжественное и одновременно ироническое посвящение ему). Очевидно, таким образом, что Пономарев в данном случае воспроизвел правку самого Некрасова, сделанную им в авторском экземпляре Ст 1879 и выражающую его последнюю волю.

Это разночтение игнорируется во всех трех советских изданиях, где «Филантроп» печатается по Ст 1873–1874 (в ПССт 1967 в соответствии с правилами серии «Библиотека поэта» — по Ст 1861, как последнему изданию, в котором были сделаны существенные изменения) с исправлением обсуждаемого четверостишия по автографу ИРЛИ, как «свободному от цензурных искажений» (ПСС, т. 1, с. 611). Факт наличия в этих строках цензурного вмешательства или автоцензуры не доказан, редакция ПСС 1948–1953 тем не менее полагает, что «Некрасову пришлось изменить все стихи, указывавшие на графский титул филантропа, на его генеральский чин, на принадлежность самого рассказчика к чиновникам и т. д.» (т. 1, с. 547). Эти аргументы принимаются и в двух других изданиях. Соответственно, «нецензурным» в этих строках является словосочетание «сиятельным лицом». Если и принять предположение о цензурном или автоцензурном характере исправлений, то очевидно, что в своем экземпляре Некрасов от этого вмешательства избавился сам. При этом поэт внес исправление (поменяв *грудь* на *лоб*), которое цензурой объяснить невозможно. Непрошенная помощь «в борьбе с царской цензурой» привела только к искажению авторской воли, к замене последнего прижизненного текста его ранним вариантом.

Сознательное или совершенное по недосмотру игнорирование вариантов Ст 1879 приводит и к другим ошибкам в основном тексте «Филантропа». Изменения, сделанные Некрасовым в строках 131–134, показывают, что сам поэт не считал в это время упоминание «сиятельного лица» чем-то опасным в цензурном отношении. Как показывает текст Ст 1879, он не внес исправления в другие строки, где ранее встречалось то же «нецензурное» слово. Это строки 109–112, которые в Солдатенковской тетради и во всех прижизненных изданиях читались в следующем виде:

Чу!.. идут! Остановились...
Я сробел, чуть жив стою,
Замер дух, виски забилися
И забыл я речь свою...

Точно в таком виде эти строки напечатаны в Ст 1879. В ПСС 1948–1953 и ПСССт 1967 воспроизводится текст прижизненных изданий, и с этим решением нельзя не согласиться — оно соответствует последней воле автора. Между тем в ПСС редактор А.М. Гаркави принял решение и эти строки напечатать по автографу ИРЛИ:

Вот идет Его Сиятельство, —
Я сробел, чуть жив стою;
Впал в тупое замешательство
И забыл всю речь свою.

Это решение, конечно, ошибочное, приводящее к ничем не обоснованной контаминации источников.

Игнорируя Ст 1879, А.М. Гаркави в ПСС искажает последнюю авторскую волю еще в одном случае, даже более спорном, чем предыдущий. Строки 86–89 во всех прижизненных изданиях и Солдатенковской тетради читались как

Не пустил... Я в номера...
На пролет всю ночь Угоднику
Мы молились... Со двора
Вышел я чуть свет. Дорогою,

Так же они напечатаны в Ст 1879, что говорит о том, что никаких изменений в текст Некрасов не вносил. В ПСС 1948–1953 и ПСССт 1967 воспроизводится текст прижизненных изданий и посмертного, что совершенно правильно. Между тем в ПСС и в этом случае Гаркави предпочел включить в основной текст вариант автографа ИРЛИ:

Не пустил – ступай в трактир!..
Помолился я угоднику,
Поначистил свой мундир,
И пошел... Путем-дорогою,

Почему в данном случае предпочтен ранний автограф, не совсем понятно. Возможно, Гаркави исходил из того, что в последней строке употребляется слово «мундир», из-за которого «цензура могла усмотреть “оскорбление” чиновничества» (ПСС, т. 1, с. 611).

Во многих отношениях, таким образом, текст «Филантропа», напечатанный в ПСС 1948–1953 и ПСССт 1967, точнее отражает по-

следную авторскую волю, чем текст ПСС. Игнорирование Ст 1879, однако, приводит все три издания к еще одной вопиющей ошибке. Речь идет о строках 49–52, которые печатаются во всех трех послевоенных собраниях:

Славен не короной графскою,
Не приездом ко Двору,
Не короной Станиславскою,
А любвию к добру.

Судьба этого четверостишия сложна. Оно имеется в автографе ИРЛИ, но отсутствует в более позднем автографе Солдатенковской тетради, в первой публикации (Современник. 1856. № 2) и в первом переиздании (Ст 1856), как утверждает во всех трех обсуждаемых изданиях, из-за «давления цензуры». В Ст 1861 эти стихи были Некрасовым восстановлены и печатались в составе «Филантропа» во всех последующих прижизненных изданиях (включая Ст 1873–1874). Напечатаны они и во всех трех советских изданиях. Между тем, в Ст 1879 это четверостишие было исключено. При этом в данном случае Пономарев сделал недвусмысленное примечание: «В прежнем издании после стихов: “Сердца ангельски незлобного и умнейшей головы” — следовал куплет, опущенный ныне по указанию автора», и далее приведено обсуждаемое четверостишие (Ст 1879, т. 4, с. XXXV). О причинах этого исключения Пономарев, разумеется, не сообщает, и о них можно только делать предположения. Портрет «филантропа» вообще представляет собой наиболее динамическую часть текста, на разных этапах существования подвергавшегося наиболее серьезным изменениям, в том числе, с целью избежать слишком явного сходства с реальными лицами, послужившими ему прототипами (см. об этом, например: [2, с. 3–55; 3, с. 84–86]). Вряд ли, однако, это как-то связано с цензурой — исключены строки, пять (!) раз напечатанные в таком виде (стоит заметить, что это исключение, сделанное в 1877 г., заставляет сомневаться в том, что и первоначально оно было сделано «под цензурным давлением»). В любом случае не вызывает сомнения, что ошибка должна быть исправлена и обсуждаемое четверостишие должно быть исключено из основного текста стихотворения (что и сделано в новом научном издании стихотворений Некрасова: [8]).

Случай «Филантропа» предельно ясен как в отношении того, как на самом деле должен печататься его основной текст, так и в отношении того, почему он был напечатан во всех послевоенных изданиях

в разной степени искаженным. Имеются, однако, случаи, когда редактор демонстрирует знакомство с разночтениями в Ст 1879, однако они почему-то ставят его в тупик. Примером этого могут послужить строки 43–46 поэмы «Рыцарь на час». Во всех прижизненных изданиях (полного автографа окончательной редакции не сохранилось) они печатались в таком виде:

Что по воздуху тихо плывут, —
Всё отчетливо видно: далече
Протянулись полосы гречи,
Красной лентой по скату бегут...

Однако в Ст 1879 фрагмент напечатан иначе (к сожалению, без какого-либо комментария Пономарева):

Что как иней к земле прилегли —
Всё отчетливо видно: далече
Протянулись полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли...

Поскольку вряд ли можно предположить, что эти строки сочинил сам Пономарев, в ПСС 1948–1953 и ПСССт 1968 (здесь «Рыцарь на час» был подготовлен В.Э. Вацууро) текст был напечатан именно в таком виде (с указанием, что стихотворение печатается по Ст 1879). Несмотря на то что решение выглядит очевидным и бесспорным, в ПСС этот фрагмент напечатан по Ст 1873–1874, а строки 43 и 46 — в разделе «Другие редакции и варианты», среди вариантов прижизненного и посмертного изданий «Стихотворений» (ПСС, т. 2, с. 294). Чем руководствовалась О.Б. Алексеева, готовившая этот текст, из комментариев к стихотворению понять нельзя, и гадать мы не будем. Во всяком случае, этот казус наглядно показывает невозможность относиться к Ст 1879 всего лишь как к одному из источников.

Приведем несколько примеров, в которых мы сталкиваемся со случаями, входящими, так сказать, в «серую зону» — недокументированными изменениями, сделанными в Ст 1879, которые могут принадлежать как поэту, так и редактору, и которые также игнорировались в послевоенных изданиях Некрасова. Один из ярких случаев — строки 127–128 стихотворения «Поэт и гражданин» (которое предстает перед современным читателем как контаминация, «собранный» в советских изданиях из трех источников). В первой публикации (Ст 1856) они читаются так:

Умрешь не даром... Дело прочно,
 Когда под ним струится кровь.

Во всех остальных прижизненных изданиях эти строчки снимались. В Ст 1861 — вместе с восемью предшествующими были заменены двумя рядами точек. Во всех последующих, начиная с Ст 1863, они имели такой вид:

Умрешь не даром...

Во всех советских научных изданиях эти строки, разумеется, восстанавливаются по Ст 1856. Между тем, кажется, никто из составителей не обратил внимание на то, что эти строки восстановлены уже в Ст 1879 (опять же без какого-либо комментария). Этот случай, однако, более сложный, чем те, о которых говорилось до сих пор. Дело в том, что Пономарев мог восстановить их не только по пометам Некрасова (если они имелись в данном случае), но и по первой публикации. Такое исправление также соответствует тем принципам, которые обозначены редактором в статье «Копеечная свечка...»: «Желательно было бы, во 2-х, дополнить, по возможности, места, обозначенные точками; некоторые из них в первом издании (М., 1856) были напечатаны вполне», — пишет будущий редактор Ст 1879 [9, с. 101]. Таким образом, в этом случае невозможно однозначно сказать, сделано исправление самим поэтом или редактором по раннему изданию. В пользу того, что исправление сделано все-таки самим Некрасовым, может свидетельствовать «выборочность» применения Пономаревым этого принципа в данном случае. Если он восстановил по Ст 1856 строки 127–128, то почему не сделал того же в отношении стихов 187–192, также напечатанных в первом сборнике «настоящих» стихов Некрасова и во всех последующих изданиях замененных всего одной строкой: «И ты с собой его равнял!)?» Если в случае стихов 127–128 Пономарев ввел исправление прямо в текст, то стихи 187–192 напечатал только в комментарии. Возможно, причина заключается в том, что в строках 127–128 пропуск прямо обозначен рядами точек, а в случае со строками 187–192 в печатном тексте указания на пропуск нет (хотя за таковое можно теоретически принять, скажем, своеобразное положение строки «И ты с собой его равнял!)?» на странице — она во всех изданиях отделена от предыдущей и следующей пропущенными строками), и для Пономарева эти

случаи имели разный статус: в первом он мог посчитать, что просто восстанавливает «правильный» текст, во втором же боялся исказить последнюю волю поэта. Возможно, однако, что в своем выборе Пономарев руководствовался наличием / отсутствием пометы самого Некрасова. Как бы то ни было, присутствие в Ст 1879 строк 127–128 может служить пусть и небольшим, но аргументом в пользу того, что эти строки должны быть восстановлены в основном тексте «Поэта и гражданина».

В заключение два примера (из поэмы «Мороз, Красный нос») того, как разночтения в Ст 1879 по сравнению с прижизненными изданиями могут восприниматься и как правка по указанию поэта, отражающая его последнюю волю, и как опечатка, продукт недосмотра, невнимательности редактора (или корректора). Строка 412 в поэме во всех прижизненных изданиях читается как «Прогнала советчика прочь». Так она напечатана и во всех советских изданиях. Между тем, в Ст 1879 она напечатана как «Прогнала советника прочь». Отмети это разночтение как заведомую опечатку (которых, по нашему опыту, в пономаревском издании на самом деле очень мало — оно в этом отношении очень аккуратное) не позволяет то, что слово «советник» употреблено в поэме в похожем случае (строка 292: «Родителям был ты советник»). Исключить возможность того, что слово исправлено самим Некрасовым в его экземпляре Ст 1873–1874, нельзя. Как кажется, такое исправление выглядит как «улучшающая правка», делающая язык фрагмента ближе к народному.

Второе разночтение представляется особенно серьезным. Во всех прижизненных изданиях, а также в правленной корректуре (ОР РНБ) вторая часть поэмы имеет название, повторяющее название всего произведения, — «Мороз, Красный нос». Однако в Ст 1879 (на что, кажется, опять же до сих пор никто не обратил внимания) эта часть не имеет названия. Его нет ни в самом тексте (здесь просто указано «Часть вторая»), ни в оглавлении, ни в алфавитном указателе произведений. Никак не отражено это в комментариях. Обусловлено это изменением наличием пометы Некрасова на его экземпляре Ст 1873–1874, или оно просто результат недосмотра редактора (или корректора), удивительного в свете того, что «Мороз, Красный нос» вызвал пристальное внимание А.А. Буткевич (выше говорилось о ее заинтересованности в том, чтобы посвящение ей было включено в состав поэмы), а следовательно и самого С.И. Пономарева, — видимо, останется навсегда загадкой.

Литература

1. *Бухи́таб Б.Я.* Заметки о текстах стихотворений Некрасова // Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта». М.: Искусство, 1963. С. 235–266.
2. *Бухи́таб Б.Я.* Некрасов. Проблемы творчества. Л.: Сов. писатель, 1989. 352 с.
3. *Гин М.М.* От факта к образу и сюжету. О поэзии Н.А. Некрасова. М.: Сов. писатель, 1971. 303 с.
4. *Груздев А.И.* Из наблюдений над текстом стихотворения Н.А. Некрасова «Поэт и гражданин» // Русская литература. 1960. № 2. С. 198–204.
5. *Краснов Г.В.* Первое посмертное издание «Стихотворений» // Краснов Г.В. Н.А Некрасов в кругу современников. Коломна: [б.и.], 2002. С. 197–207.
6. К истории посмертного издания собрания сочинений Некрасова: Письма А.А. Буткевич к С.И. Пономареву / публ. М. Панченко // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 53–54: Н.А. Некрасов. Кн. III. С. 163–191.
7. *Макеев М.С.* Опыт реконструкции утраченных помет Н.А. Некрасова // Могут ли тексты лгать? К проблеме работы с недостоверными источниками. Материалы Четвертых Лотмановских дней в Таллинском университете (8–10 июня 2012 г.). Таллин: Изд-во ТЛУ, 2014. С. 134–163.
8. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. стихотворений: в 3 т. / под общ. ред. М.С. Макеева. СПб.: Пушкинский Дом; Вита Нова, 2021. Т. 1. 688 с.
9. *Пономарев С.И.* Копеечная свечка в память о Некрасове // Отечественные записки. 1878. № 3. С. 100–110.
10. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: ГИХЛ, 1939. Т. 1. 870 с.
11. *Чуковский К.И.* От дилетантизма к науке. Заметки текстолога // Новый мир. 1954. № 2. С. 232–254.
12. *Чуковский К.И.* Мастерство Некрасова. 3-е изд., испр. М.: Сов. писатель, 1959. 726 с.

Research Article

Textual Studies of Nekrasov's Poetry

© 2021, Mikhail S. Makeev

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Abstract: The article discusses some complex issues of N.A. Nekrasov's poetry textual criticism, which the author had to solve in the course of preparing a new three-volume edition in the "Poet's Library" series. The status of the so-called "Posthumous

edition” (1879) of Nekrasov's poems edited by S.I. Ponomarev, who used the now lost copy with the author's notes and revisions, is discussed. The textual critic is faced with the task of separating copyright editing from Ponomarev's conjectures, which he resorted to. The authoritative Soviet editions of Nekrasov did not take into account the versions of the “Poems” of 1879, which was sometimes erroneous, as is demonstrated in the article on the example of individual readings of such works as “Vlas”, “Philanthropist” and others.

Keywords: textual criticism, N. Nekrasov, Russian classic literature edition, author's will, editor's research, Russian 19th-c. poetry.

Information about the author: Mikhail S. Makeev — DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5798-6892>. E-mail: mmakeev@icloud.com.

For citation: Makeev, M.S. “Textual Studies of Nekrasov's Poetry.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 228–245. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-228-245>

References

1. Bukhshtab, B.Ia. “Zametki o tekstakh stikhotvorenii Nekrasova” [“Notes on Nekrasov's Poetry”]. *Izдание klassicheskoi literatury. Iz opyta “Biblioteki poeta”* [Classic Literature's Edition. From the Experience of “Poet's Library”]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1963, pp. 235–266. (In Russ.)
2. Bukhshtab, B.Ia. *Nekrasov. Problemy tvorchestva* [Nekrasov. Problems of His Art]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 352 p. (In Russ.)
3. Gin, M.M. *Ot fakta k obrazu i suzhetu. O poezii N.A. Nekrasova* [From a Fact to an Image and a Plot]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1971. 303 p.
4. Gruzdev, A.I. “Iz nabliudeniĭ nad tekstom stikhotvoreniiia N.A. Nekrasova ‘Poet i grazhdanin’.” [“From Notes on Nekrasov's Poetry ‘Poet and Citizen’.”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 1960, pp. 198–204. (In Russ.)
5. Krasnov, G.V. “Pervoe posmertnoe izdanie ‘Stikhotvorenii’.” [“1st Posthumous Edition of ‘Poems’.”]. Krasnov, G.V. *N.A. Nekrasov v krugu sovremennikov* [N.A. Nekrasov and His Contemporaries]. Kolomna, 2002, pp. 197–207. (In Russ.)
6. “K istorii posmertnogo izdaniia sobraniia sochinenii Nekrasova: Pis'ma A.A. Butkevich k S.I. Ponomarevu” [“To the History of Posthumous Edition of Nekrasov's Collected Work: A. Butkevich's Letters to S. Ponomarev”], publ. by M. Panchenko. *Literaturnoe nasledstvo. [Literary Heritage]*, vol. 53–54: N.A. Nekrasov, book III. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1949, pp. 163–191. (In Russ.)
7. Makeev, M.S. “Opyt rekonstruktsii utrachennykh pomet N.A. Nekrasova” [“An Experience of Nekrasov's Lost Notes Reconstruction”]. *Mogut li teksty lgat'? K probleme raboty s nedostovernymi istochnikami. Materialy Chetvertykh Lotmanovskikh dnei v Tallinnskom universitete (8–10 iunია 2012)* [Can lyrics lie? To the problem of working with unreliable sources. Proceedings of the Fourth Lotman Days at Tallinn University (8-10 June 2012)]. Tallinn, Tallin University Publ., 2014, pp. 134–163. (In Russ.)

8. Nekrasov, N.A. *Polnoe sobranie stikhotvorenii: v 3 t.* [*Complete works: in 3 vols.*], vol. 3, ed. by M.S. Makeev. St. Petersburg, Pushkinskii Dom; Vita Nova Publ., 2021. 688 p. (In Russ.)

9. Ponomarev, S.I. “Kopechnaia svechka v pamiat' o Nekrasove” [“A Little Candle in Honour of Nekrasov”]. *Otechestvennye zapiski*, no. 3, 1878, pp. 100–110. (In Russ.)

10. Chernyshevskii, N.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 15 t.* [*Complete works: in 15 vols.*], vol. 1. Moscow, GIKhL Publ., 1939, 870 p. (In Russ.)

11. Chukovskii, K.I. “Ot diletantizma k nauke. Zametki tekstologa” [“From Amateurism to the Science”], *Novyi mir*, no. 2, 1954, pp. 232–254. (In Russ.)

12. Chukovskii K.I. *Masterstvo Nekrasova* [*Nekrasov's Artistry*]. 3rd ed., rev. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1959. 726 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.07.2021

Одобрена после рецензирования: 01.08.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 04.07.2021

Approved after reviewing: 01.08.2021

Date of publication: 25.09.2021

Литературный факт.
2021. № 3 (21)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (21), 2021

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-246-260>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Тип беспокойного человека в русской литературе

© 2021, С.А. Фомичев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу типа персонажей русской классической литературы, для обозначения которого автор предлагает определение «беспокойный человек» (по аналогии с «лишним» и «маленьким человеком»). По наблюдениям автора статьи, «прозвище беспокойного человека» впервые было формульно применено к герою одной из повестей В.И. Даля (1842). Подобный тип (тип Дон Кихота), ярко проявившийся в образе Чацкого из «Горя от ума» А.С. Грибоедова, стал довольно распространенным в прозе и драматургии XIX в. В статье рассматриваются черты, свойственные данному типу литературных персонажей, у героев А.Н. Островского, Н.С. Лескова и др., анализируется восприятие этого типа в русской критике, рефлексия его писателями, И.С. Тургеневым, Ф.М. Достоевским, Максимом Горьким.

Ключевые слова: беспокойный человек, русская литература XIX–XX вв., типы литературных героев, Чацкий, Дон Кихот, В. Даль, «Горе от ума».

Информация об авторе: Сергей Александрович Фомичев — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9299-5612>. E-mail: safomichev@mail.ru

Для цитирования: Фомичев С.А. Тип беспокойного человека в русской литературе // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 246–260. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-246-260>

В историко-литературной науке и критике обычно принято прослеживать бытование лишнего человека и маленького человека в русской литературе XIX в. Но столь же заметным типом в российской жизни, а вслед за ней и в литературе, стал — вплоть до нынешних времен — *человек беспокойный*. Тем более что и лишний человек, и маленький человек нередко были не чужды беспокойства.

«В образах, созданных самим Пушкиным, — заметил Н.А. Добролюбов, — действительно, можно видеть некоторые затаенные мысли, очень гармонирующие с его настроением вечного, неудовлетворяемого беспокойства. Его Онегин не просто светский фат; это человек с большими силами, человек, понимающий пустоту той жизни, к которой призван он судьбою, но не имеющий довольно силы характера, чтобы из нее выбраться. Его Алеко — тоже своего рода Онегин, бежавший от света к цыганам с тем же похвальным намерением, с каким крыловский волк бежал в Аркадию...»¹. Гоголь в образе маленького человека фактически обозначил потрясение властного, бюрократического статуса — самозабвенного чиновничьего служения. Мечта о новой шинели рождает неожиданное беспокойство в душе Акакия Акакиевича Башмачкина, чреватое, в конечном счете, непоправимым крахом и бунтом.

Впервые же тип беспокойного человека был прямо назван лишь в повести В.И. Даля² «Вахх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном житье-бытье за первую половину жизни своей» (1842), где герой признавался:

Всякая несправедливость казалась мне дневным разбоем, и я выступал против нее с такою же решимостью и отчаяньем, как противу человека, который бы душил подле вас кого-нибудь, ухватив его за горло: где кричат караул, туда я бросался со всех ног. Но я большею частью оставался в дураках, заслужил только прозвище беспокойного человека, а горю помогал очень редко. В Алтынове требовали, чтобы вы проходили спокойно своим путем и не мешались не в свое дело, то есть не заботились бы о том, если подле вас режут другого, а только оберегали бы свой кадык и свою голову. Управа наша, при каждом удобном случае, ожидала от меня свой

¹ Добролюбов Н.А. Собр. соч. М.: ГИХЛ, 1950. Т. 1. С. 111.

² Даль и сам по натуре был *беспокойным* человеком. Закончив служебную карьеру в чине действительного статского советника и кавалером многих орденов, он, однако, как писатель неоднократно попадал под служебные нахлобучки.

обычный азиатский пишкеш³, ожидала и со дня на день становилась нетерпеливее, и, как видно было по всем приемам ее, искала случая показать мне, что долготерпение ее истощилось.

Я был в самом плохом расположении духа и раскаивался уже почти в избранном мною звании; я мечтал принести столько пользы человечеству, а вместо этого сидел теперь над срочными донесениями всех родов, и сводил всеми неправдами концы, отписывался и огрызался, как мог, на придирки, замечания и выговоры — на важные донесения свои по разным предметам, требующим немедленных и самых деятельных мер, не получал вовсе ответов, а по пустым, которые не стоили и полулиста бумаги, заводились огромные дела и нескончаемая переписка⁴.

Возможно, Даль вспоминал здесь о грибоедовском герое⁵, фактически открывшем в русской литературе галерею беспокойных людей, — ср. характеристику его антипода:

С о ф и я

Чудеснейшего свойства

Он, наконец: уступчив, скромн, тих,

В лице ни тени беспокойства

И на душе проступков никаких;

Чужих и вкривь и вкось не рубит, —

Вот я за что его люблю.

Ч а ц к и й (в сторону)

Шалит, она его не любит⁶.

В заключительных главах повести «Вакх Сидоров Чайкин» повествовалось о нелепом устройстве различных крестьянских дел: при расследовании обнаруженного мертвого тела, при прививке от оспы, при межевании земель, при приемке рекрут, при требовании крестьянами замены барщины оброком. Счастливым же избавлением героя от тягот казенной службы оказалась дружба с благодетелем: с уездным стряпчим Негуровым, который был назначен просвещен-

³ «**ПЕ(И)ШКЕШ** *орн. астрх.* гостинец, подарок, подачка, поклон, взятка, поборы» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Издатель М.О. Вольф, 1882. Т. 3. С. 109).

⁴ Даль В.И. Полн. собр. соч.: в 8 т. СПб.: Издатель М.О. Вольф, 1861. Т. 5. С. 161.

⁵ Не потому ли возникло созвучие в фамилиях героев: Чайкин — Чацкий?

⁶ Грибоедов А.С. Полн. собр. соч. СПб.: Нотабене, 1995. Т. 1. С. 65–66.

ным петербургским вельможей управителем его провинциальных имений. Негуров со товарищи, в частности, основал для крестьян больницу, отдав ее под начало Вакху Чайкину. На вершине своей жизни Вакх Сидоров женился на свояченице благодетеля-полковника, Грушеньке, и встретился с отцом, которого всегда считал погибшим. Тут уже ощущался явный перебор — недаром Тургенев усматривал в произведении черты «булгарщины». Однако и длинноты, и «благонамеренность» далевского произведения были особого свойства. В. Порудоминский уместно по этому поводу вспоминает тургеневскую оценку творческой манеры Даля: «Он, как говорится, смотрит невиннейшим человеком и добродушным сочинителем в мире, вдруг вы чувствуете, что вас поймали за хохол, когти запустили острые... и вы оглядываетесь — автор стоит перед вами как ни в чем не бывало... “Я, — говорит он, — сторона, а вы как поживаете?”» [6, с. 166].

В.И. Даль оценивается обычно как писатель «второго ряда»⁷. Повести его просты по фабуле и, как правило, имеют счастливый финал. Но сюжетно они перегружены попутными очерками, в которых этнограф как бы боролся с беллетристом. И часто именно в этих «отступлениях» впервые были запечатлены целые пласты отечественной действительности.

Пытливое внимание Даля к глубинным проблемам российской жизни объясняет одну из разительных черт его художественного наследия, где таилось немало типов и коллизий, которые впоследствии легли в основу художественных полотен классической русской литературы. Так, город Малинов в повести «Бедовик» воплотил в себе замшелые провинциальные нравы. Именно в таком качестве его воспринял А.И. Герцен, в литературном дебюте которого («Записки молодого человека», 1840–1841) была помещена специальная часть под названием «Патриархальные нравы города Малинова». Традиционно принято считать, что Герцен выступает здесь как писатель гоголевского направления. Однако одним из зачинателей того направления в русской литературе, которое получило впоследствии название гоголевского, был именно Даль (см.: [8, с. 201–202]). «Этого писателя я уважаю потому, — признавался Гоголь, — что от него всегда заберешь какие-нибудь сведения положительные о разных проделках в России»⁸.

⁷ Даль и сам признавался, что не ценит «высоко сочинений своих, по художественному их достоинству, но полагает, что они могут быть полезны, по направленности своему и по языку, особенно позднейшие» (Даль В.И. Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 2. С. 1).

⁸ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 13. С. 211.

Внимательными читателями литературного наследия Даля оставались многие русские писатели, развившие намеченные им коллизии национального бытия. За год до смерти Даль опубликовал в журнале «Русская старина» несколько преданий о Павле I⁹, одно из которых развито в повести Ю.Н. Тынянова «Поручик Киже», где стремительно возрастающий чин начисто заменил живого человека. А позже сходный сюжет предельно трагически был развит в колымском рассказе Варлама Шаламова «Берды Онже». Повесть же Даля «Серенькая» откликнулась в «Фальшивом купоне» Л.Н. Толстого. Столь же продуктивным стала разработка Далем типа беспокойного человека.

Неоднозначность понятия «беспокойный» была отмечена еще в «Словаре Академии Российской». Ср.:

- 1) Причиняющий некоторую досаду, неудовольствие.
- 2) Находящийся в смущении, в беспокойствии, в некотором волнении духа от страха, от нерешимости или неизвестности. *Он взирает на сие с беспокойным духом.*
- 3) Рождающий беспокойство, волнение в душе чьей; тревожащий.
- 4) Сварливый, вздорливый, неугомонный, мятежливый. *У него самого беспокойный нрав, с ним трудно ужиться. Заводчики сей крамолы суть некоторые беспокойные головы, беспокойные люди¹⁰.*

Нетрудно заметить здесь отрицательные коннотации данного понятия, принципиально иначе истолкованного самим Далем:

беспокойный человек, неуживчивый, недовольный. **Беспокойный**, кто или что лишает покоя, тревожит, вещественно или нравственно, или кто сам себя тревожит.

Беспокойная жизнь, беспокойная дорога, езда. Беспокойный человек. Последнее означает также человека правдивого, но резкого, идущего наперекор неправде и беспокоящего ее покровителей¹¹.

А.Н. Островский обнаружил подобный тип в среде разночинцев. Свои убеждения герою пьесы «Доходное место» (1856) приходится защищать честной жизнью труженика, заполненной повседневными

⁹ Русская старина. 1870. Т. II. № 9. С. 294–296.

¹⁰ Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. IV. С. 951.

¹¹ Даль В. Словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989. Т. 1. С. 70.

заботами о хлебе насущном. Но есть в Жадове и неуживчивость, причину которой Вышневецкая объясняет его «нетерпимостью»:

— Одно меня беспокоит: ваша нетерпимость. Вы постоянно наживаете себе врагов.

— Да, мне все говорят, что я нетерпим, что от этого я много теряю. Да разве нетерпимость — недостаток? Разве лучше равнодушно смотреть на всех Юсовых, Белогубовых, на все мерзости, которые постоянно вокруг тебя делаются? От равнодушия недалеко до порока...¹²

Гораздо более ярким обличителем и спорщиком представлен внесценический персонаж Любимов, о котором Вышневецкая ностальгически вспоминает:

В то время я встретила в обществе Любимова, вы его знали. Помните его открытое лицо, его светлые глаза, как умен и как чист был он сам! Как горячо он спорил с вами, как смело говорил про всякую ложь и неправду! <...> Я видела потом, как вы губили его, как мало-помалу достигали своей цели. То есть не вы одни, а все, кому это нужно было. Вы сначала вооружили против него общество, говорили, что его знакомство опасно для молодых людей, потом твердили постоянно, что он вольнодумец и вредный человек, и восстали против него его начальство; он принужден был оставить службу, родных, знакомства, уехать отсюда...¹³

А. Григорьев замечал: «Тень Чацкого (это одно из высоких вдохновений Островского) проходит перед нами в воспоминаниях Вышневецкой о Любимове, и жалко перед этой тенью ее обмелевшее отражение — Жадов»¹⁴. Такое противопоставление едва ли справедливо. Ведь Любимова — в отличие от Жадова — мы видим не непосредственно, а глазами влюбленного в него человека. Для Вышневецкого же Любимов — все тот же Жадов, непрактичный, а потому никчемный чиновник; соперничество с ним не может не унижать Вышневецкого в собственном представлении. Жадов же не преувеличивает своих сил. «Что с мельницами-то сражаться», — восклицает он в трудную минуту. Но, пережив невольную слабость, он находит в себе силы восстать: «Уж теперь я не изменю себе. Если

¹² *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1973. Т. 2. С. 95.

¹³ Там же. С. 106–107.

¹⁴ *Время.* 1862. № 8. С. 50.

судьба приведет есть один черный хлеб — буду есть один черный хлеб. Никакие блага не соблазнят меня, нет! Я хочу сохранить за собой дорогое право глядеть всякому в глаза прямо, без стыда, без тайных угрызений...»¹⁵.

Система действующих лиц «Доходного места» аналогична той, которую мы находим в «Горе от ума» А.С. Грибоедова, что было тотчас же замечено современниками и неоднократно останавливало внимание исследователей творчества Островского [1, с. 44–45; 3, с. 171–173; 4, с. 72–74]¹⁶. Но в каждом случае такого уподобления содержались оговорки (более или менее резкие) о противоположности бескомпромиссного Чацкого и сломленного обстоятельствами жизни Жадова. Не принять этих утверждений нельзя, однако необходимо объяснить причину такого противопоставления.

В сюжете и проблематике «Горя от ума» ощущается та незавершенность, которую позже Э.-М. Вогюэ объявит характернейшей приметой русского романа, что, кстати говоря, обуславливает особую форму освоения традиций классических произведений русской литературы — в виде возвращения новых поколений художников к одним и тем же «проклятым вопросам», решение которых исторически затянулось. Так и с Грибоедовым: почти каждая новая эпоха находила свое «горе от ума». Были времена непонимания Грибоедова, даже неприятия.

Таким неприятием, как известно, был вдохновлен разбор комедии Белинским в период так называемого его «примирения с действительностью». Отсюда, в конечном счете, — его резкая и несправедливая оценка Чацкого («Это новый Дон-Кихот, мальчик на палочке верхом, который воображает, что сидит на лошади»¹⁷), повлиявшая на критический разбор всей комедии. И вслед за Белинским в последующей критике утвердилось подчеркивание якобы иронической трактовки Чацкого в пьесе, что, несомненно, не отражало авторского замысла.

Философская мысль комедии концентрируется в ее заглавии: «Горе от ума» (первоначально «Горе уму») — в ней отражено противоречие, обнаруженное эпохой кризиса просветительских идей. Для просветительской философии понятия «ум» и «счастье» синонимичны, ибо — согласно этому учению — овладение истиной

¹⁵ *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 2. С. 109.

¹⁶ Кроме цитированной статьи А.А. Григорьева «По поводу нового издания старой вещи» (Время. 1862. № 8), см. также: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 60. С. 56.

¹⁷ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. Т. 3. С. 481.

и предопределяет счастье как отдельного человека, так и общества в целом: «Ум подготавливает счастье, которое добродетель завершает»¹⁸. «Умный человек,— замечал, однако, философ — часто слывет сумасшедшим у того, кто его слушает, ибо тот, кто слушает, имеет перед собою альтернативу считать или себя глупцом, или умного человека сумасшедшим,— гораздо проще решиться на последнее»¹⁹.

Наиболее проницательные мыслители начинали понимать, что силам разума действительно предстоят тяжелые испытания. «Доказать, — считал П.Я. Чаадаев, — что одни глупые могут быть счастливы, есть, кажется мне, прекрасное средство отвратить некоторых от пламенного искания счастья»²⁰. В чем-то этот парадокс близок к раздумьям Грибоедова, хотя он сумел удержаться на грани безудержного пессимизма.

Грибоедов оставлял своего героя на распутье, когда, оборвав все привычные человеческие связи, он собирается в путь. Куда? Достоевский в «Зимних заметках о летних впечатлениях» утверждает: «Чацкий — это совершенно особый тип нашей русской Европы, это тип милый, восторженный, страдающий, всё зывающий и к России, и к почве, а между тем всё-таки уехавший опять в Европу, когда надо было сыскать, “Где оскорбленному есть чувству уголок”, — одним словом, тип, бесполезный теперь и бывший полезным когда-то»²¹.

Эта мысль была не чужда и Пушкину. В его «Путешествии из Москвы в Петербург» герой ронял такое замечание: «Горе от ума есть уже картина обветшавшая, печальный анахронизм. Вы в Москве уже не найдете ни Фамусова, который *всякому, ты знаешь, рад* — и князю Петру Ильичу, и французу из Бордо, и Загорецкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, <...> Хлестова — в могиле; Репетиллов — в деревне. Бедная Москва!..»²²

Несомненно, здесь подразумевалась и невольная реакция читателя: а Чацкий ныне где? — не на сибирской ли каторге? Широкий спектр трактовок феномена Чацкого (см.: [7]) открывал возможность многообразного развития фигуры подобного героя. Разработка образов «будущих Чацких» предполагала формирование качественно новых типов, от героического — и вплоть до сатирического щедринского:

¹⁸ Гельвеций К.-А. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1974. Т. 2. С. 573.

¹⁹ Там же. С. 577.

²⁰ Чаадаев П.Я. Сочинения и письма. М.: Путь, 1913. Т. I. С. 147.

²¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 61–62.

²² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 12. С. 17.

В то время департамент «Государственных Умопомрачений» учрежден был, а Александр Андреич туда директором назначение получил <...> А этот департамент Александр Андреич даже сам для себя и проектировал. Ведь он, после того как из Москвы-то уехал — в историю попал, в ухах года с полтора высидел, а как выпустили его потом на все четыре стороны, он этот департамент и надумал. У нас, говорит, доселе по простоте просвещали: возьмут заведут школу, дадут в руки указку — и просвещают. Толку-то и мало выходит. А я, говорит, так надумал: просвещать посредством умопомрачений. Сперва помрачить, а потом просветить <...> настоящего-то успеху пожалуй что и не достиг. Последовательности в нем не было, строгости этой. То вдруг велит науки прекратить, а молодых людей исключительно с одними сонниками знакомить, а потом, смотришь, сонники в печку полетели, а науки опять в чести сделались. Все, знаете, старинное московское вольнодумство в нем отрыгалось. Ну, и вышло, что ни просветил, ни помрачил! <...> Всего годков с десять директором посидел. А под конец даже опустился совсем. «Противело!» — говорит. Придешь, это, бывало, с докладом, а он: «Ах, говорит, как все мне противно!» Или вдруг монолог: «Уйду, говорит, искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок!» И что ж бы вы думали! — на одиннадцатом году подал-таки в отставку!²³

Тип же беспокойного человека обычно сопоставлялся с сервантесовским героем, как это было уже отмечено выше. И.С. Тургенев размышлял:

...что выражает собою Дон-Кихот? Веру прежде всего; веру в нечто вечное, незыблемое, в истину, одним словом, в истину, находящуюся вне отдельного человека, нелегко ему дающуюся, требующую служения и жертв, — но доступную постоянству служения и силе жертвы. Дон-Кихот проникнут весь преданностью к идеалу, для которого он готов подвергаться всевозможным лишениям, жертвовать жизнью; самую жизнь свою он ценит настолько, насколько она может служить средством к воплощению идеала, к водворению истины, справедливости на земле. Нам скажут, что идеал этот почерпнут расстроенным его воображением из фантастического мира рыцарских романов; согласны — и в этом-то состоит комическая сторона Дон-Кихота; но самый идеал остается во всей своей нетронутой чистоте. Жить для себя, заботиться о себе — Дон-Кихот

²³ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М.: Худож. лит., 1971. Т. 12. С. 34–35 («Господа Молчалины», 1874).

почел бы постыдным. Он весь живет (если так можно выразиться) вне себя, для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам — волшебникам, великанам — то есть притеснителям <...> Дон-Кихот может показаться то совершенным безумцем, потому что самая несомненная вещественность исчезает перед его глазами, тает, как воск от огня его энтузиазма <...> Дон-Кихот энтузиаст, служитель идеи и потому обвеян ее сиянием²⁴.

Именно в соотношении с Дон Кихотом трактует В.Е. Багно героя романа Лескова «Соборяне» Савелия Туберозова [2, с. 368–371]. Но с самого начала в Туберозове было отмечено высокое подвижническое начало, чуждое всякого намека на комическое:

Отец Туберозов высок ростом и тучен, но еще очень бодр и подвижен. В таком же состоянии и душевные его силы: при первом на него взгляде видно, что он сохранил весь пыл сердца и всю энергию молодости. Голова его отлично красива: ее даже позволительно считать образцом мужественной красоты <...> Глаза у него коричневые, большие, смелые и ясные. Они всю жизнь свою не теряли способности освещаться присутствием разума; в них же близкие люди видали и блеск радостного восторга, и туманы скорби, и слезы умиления; в них же сверкал порою и огонь негодования, и они бросали искры гнева — гнева не суетного, не сварливого, не мелкого, а гнева большого человека. В эти глаза глядела прямая и честная душа протопопа Савелия, которую он, в своем христианском уповании, верил быть бессмертною²⁵.

В тексте романа Савелий Туберозов лишь единожды, походя назван беспокойным человеком: «А отец Савелий беспокойный человек, — пошутил Туганов»²⁶. Но это определение недаром было замечено прижизненной критикой. Ср.: «Роман г. Лескова “Соборяне”, в котором автор взялся рассказать жизнь русского священника посреди разных жизненных напастей, между равнодушием общества, между поляками и нигилистами, окончен. Как ни симпатичен иногда поп Савелий, несмотря на его беспокойный характер, но автор потщился идеализировать его до приторности»²⁷. Этот «граж-

²⁴ Тургенев И.С. Собр. соч. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 10. С. 252.

²⁵ Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 4. С. 5–6.

²⁶ Там же. С. 188.

²⁷ Биржевые ведомости. 1872. № 296, 31 октября.

данин в рясе» постоянно стремится утвердить христианскую любовь к страждущим, но в конфликте с мирскими и церковными властями терпит поражение и умирает, оставаясь «под подозрением». «Впрочем, смерть протоиерея Туберозова была большим событием и для всего города: не было ни одного дома, где бы ни молились за усопшего»²⁸.

Размышляя о своем герое, князе Мышкине, Ф.М. Достоевский замечал:

Чем сделать лицо героя симпатичным читателю?

Если Дон-Кихот и Пиквик как добродетельные лица симпатичны читателю и удались, так это тем, что они смешны.

Герой романа Князь если не смешон, то имеет другую симпатичную черту: он **невинен!**²⁹

Это авторское противопоставление и определение «невинен» все не исключало Мышкина из числа беспоконных героев, напротив того. «Чацкий, — считал философ В.Н. Ильин, — и есть один из славной и благородной плеяды “дон-кихотов” русской литературы, где на первом месте стоит их центральное солнце — князь Мышкин (в “Идиоте” Достоевского)» [5, с. 209]³⁰.

В соответствии с основной темой нашей статьи отметим лишь публицистическое вступление к третьей части романа «Идиот»:

Поминутно жалуются, что у нас нет людей практических; что политических людей, например, много; генералов тоже много; разных управляющих, сколько бы ни понадобилось, сейчас можно найти каких угодно — а практических людей нет. По крайней мере все жалуются, что нет <...> Изобретатели и гении почти всегда при начале своего поприща (а очень часто и в конце) считались в обществе не более как дураками, — это уж самое рутинное замечание, слишком всем известное <...> даже у наших нянек чин генерала считался за предел русского счастья и, стало быть, был самым популярным национальным идеалом спокойного, прекрасного блаженства. И в самом деле: посредственно выдержав экзамен и прослужив тридцать пять лет, — кто мог у нас не сделаться наконец генералом и не скопить известную сумму в ломбарде? Таким образом, русский человек, поч-

²⁸ Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. Т. 4. С. 285.

²⁹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 9. С. 239.

³⁰ См. там же статью А.Л. Бема «Горе от ума» в творчестве Достоевского» [5, с. 137–163].

ти безо всяких усилий, достигал, наконец, звания человека дельного и практического. В сущности, не сделаться генералом мог у нас один только человек оригинальный, другими словами, беспокойный³¹.

Любопытно, что беспокойные люди попадались и в недрах властной системы, как это было замечено в «Истории моего современника» В.Г. Короленко:

Прокурор был человек, как уже сказано, «беспокойный». Он был из праведов и обладал наружностью, которая заставляла удивляться, как он пал в якутские Палестины. И, главное, не только попал, но и застрял здесь. Про него говорили, что он в чиновничьем мире держит себя высокомерно и беспокойно, как крупный шершень, попавший среди мух. Одно время предпочитал даже неблагонадежное общество политических. Вот этот беспокойный прокурор потребовал к себе секретаря и заставил его изложить все свои разоблачения письменно. Тот сгоряча согласился. Прокурор отправил «донос» в Иркутск, и судья впредь до разбирательства потерял место.

Чиновничья среда нашла, что это уже слишком. Когда к нам приезжали «заседатели» и мы иронически заговаривали с ними об этом, они (даже самый добродушный них, Слепцов) делали холодные лица и старались змять разговор. Мы видели, что прокурор восстановил против себя всю чиновничью среду³².

Короленковского прокурора вскоре «подставили» и уволили. Беспокойные люди всегда выламывались из своей среды, которая спешила их обозвать сумасшедшими, дураками, идиотами. Судьба их трагична, но их подвижничество стало бродилом светлого будущего — хотя и всегда для них недостижимого... Такой герой был ограничен для русской литературы, что не без иронии отметил Максим Горький в фельетоне «О беспокойной книге» (1900):

Смотрю — у моей кровати стоит книга. Сухая, тощая, на тонких длинных ножках, она качает одобрительно маленькой головкой и тихим шелестом страниц говорит мне:

— Рассуждай правильно...

Лицо у нее какое-то длинное, свирепо-тоскливое, и глаза мучительно ярко сверкают и сверлят мне душу <...>

³¹ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 8. С. 268–270.

³² *Короленко В.Г.* Собр. соч. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 7. С. 362.

— Люди страдают, чего-то хотят, к чему-то стремятся, а ты служишь... Чему ты служишь? Для чего? Какой смысл в этой службе? И сам ты не находишь в ней удовольствия, и другим ничего не дает она... Зачем ты живешь?..

Эти вопросы кусали меня, грызли, я не мог спать. А человек должен спать, сударь мой!

Со страниц книги смотрели на меня лица ее героев и спрашивали: — Зачем живешь? <...>

Чем это кончилось? Очень просто-с. Я, знаете, поутру встал с постели злой, как черт, взял эту книгу и отнес ее к переплетчику.

А он мне ее пе-ре-пле-л! Переплет крепкий, тяжелый. Она стоит на нижней полке моего книжного шкафа, и, когда мне весело, я, тихонько дотронувшись до нее носком сапога, спрашиваю ее:

— Что, взяла, а?³³

Литература

1. *Алферов А.* Грибоедов и его пьеса. Изд. 2-е. М.: Сотрудник школ, 1910. 47 с.
2. *Багно В.Е.* Дорогами «Дон Кихота». М.: Книга, 1988. 450 с.
3. *Варнеке Б.В.* К вопросу об источниках Островского // Русский филологический вестник. 1913. № 1. С. 153–180.
4. *Кашин Н.П.* Этюды об Островском. М.: И.Н. Кушнерев и К°, 1912. 351 с.
5. Лицо и гений. Зарубежная Россия и Грибоедов / сост. М. Филлин. М.: Русский мир, 2001. 320 с.
6. *Порудоминский В.И.* Даль. М.: Молодая гвардия, 1971. 384 с. («Жизнь замечательных людей»)
7. *Проскурина В.Ю.* Диалоги с Чацким // «Столетия не сотрут...»: Русские классики и их читатели. М.: Книга, 1989. С. 55–84.
8. *Строганова Е.Н.* «Миниатюрный мир» русской провинции в русской прозе 1830-х – начале 1840-х гг. // Русская провинция: миф — текст — реальность. М.; СПб.: Тема, 2000. С. 196–205.

³³ *Горький М.* Собр. соч. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1950. Т. 4. С. 420–421.

Research Article

“Restless Man” in Russian Literature

© 2021. Sergey A. Fomichev

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is devoted to the analysis of the type of characters in Russian classical literature, for which the author proposes the definition of “restless person” (by analogy with “superfluous” and “little man”). According to the observations of the author, “the nickname of a restless person” was first formally applied to the hero of one of the stories by V.I. Dahl (1842). A similar type (the type of Don Quixote), clearly manifested in the image of Chatsky from “Woe from Wit” by A.S. Griboyedov, became quite common in prose and drama of the 19th century. The article examines characteristic features of this type of literary characters in the heroes of A.N. Ostrovsky, N.S. Leskov and others, analyzes the perception of this type in Russian criticism, reflection by its writers, I.S. Turgenev, F.M. Dostoevsky, Maxim Gorky.

Keywords: “restless man”, 19th-century Russian literature, literary types, Chatsky, Don Quixote, V. Dal, “Woe from Wit”.

Information about the author: Sergey A. Fomichev — DSc in Philology, Director of Research, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9299-5612>. E-mail: safomichev@mail.ru

For citation: Fomichev, S.A. “‘Restless Man’ in Russian Literature”. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 246–260. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-246-260>

References

1. Alferov, A. *Griboedov i ego p'esa [Griboedov and his Play]*. 2nd ed. Moscow, Sotrudnik shkol Publ., 1910. 47 p. (In Russ.)
2. Bagno, V.E. *Dorogami “Don Kikhota” [By the Roads of “Don Quixote”]*. Moscow, Kniga Publ., 1988. 450 p. (In Russ.)
3. Varneke, B.V. “K voprosu ob istochnikakh Ostrovskogo” [“To the Question of Ostrovsky’s Sources”]. *Russkii filologicheskii vestnik*, no. 1, 1913, pp. 153–180. (In Russ.)
4. Kashin, N.P. *Etiudy ob Ostrovskom [Sketches about Ostrovsky]*. Moscow, I.N. Kushnerev i K^o Publ., 1912. 351 p. (In Russ.)

5. *Litso i genii. Zarubezhnaia Rossiia i Griboedov* [Face and Genius. Russian Émigré Writers and Griboedov], comp. M. Filin. Moscow, Russkii mir Publ., 2001. 320 p. (In Russ.)
6. Porudominskii, V.I. *Dal' [Dahl]*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1971. 384 p. (In Russ.)
7. Proskurina, V.Iu. "Dialogi s Chatskim" ["Dialogues with Chatsky"]. *'Stolet'ia ne sotrut...': Russkie klassiki i ikh chitateli* [Russian Classics and their Readers]. Moscow, Kniga Publ., 1989, pp. 55–84. (In Russ.)
8. Stroganova, E.N. "“Miniatiurnyi mir’ russkoi provintsii v russkoi proze 1830-kh – nachale 1840-kh gg.” ["Miniature World” of the Russian Province in Russian Prose of the 1830s – early 1840s]. *Rusaskaia provintsiiia: mif — tekst — real'nost'* [Russian Province: Myth — Text — Reality]. Moscow, St. Petersburg, Tema Publ., 2000, pp. 196–205. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.05.2021

Одобрена после рецензирования: 15.07.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 29.05.2021

Approved after reviewing: 15.07.2021

Date of publication: 25.09.2021

Из истории «Северного вестника» Комментарий к комментарию

© 2021, М.В. Строганов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: История литературных объединений, в том числе и история любого журнала, является в первую очередь историей отношений людей друг с другом. В этой истории личные симпатии и антипатии играют самую существенную роль. В достаточно короткой истории журнала «Северный вестник» издательницы Л.Я. Гуревич (1891–1898) этот закон личных симпатий и антипатий проявляет себя весьма выразительно. В статье предлагаются существенные дополнения комментариев к опубликованным текстам по истории журнала. А.Л. Вольнский и Н.К. Михайловский проявили в своей полемике равную резкость и неделикатность, однако современники практически единодушно встали на сторону Михайловского как более старого и заслуженного писателя. Вольнский приобретает репутацию нечистоплотного человека, вследствие чего вокруг его имени начинают собираться сплетни. В истории с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус Вольнский продемонстрировал недопустимую нескромность и использование чужого материала, граничащие с плагиатом. Но самое главное — изобразил в сюжетной части книги о Леонардо да Винчи свои личные отношения с Мережковским и Гиппиус и свою трактовку отношений между ними. Кроме этого, он изгнал Мережковского из журнала «Северный вестник», что закрыло перед Мережковским возможность опубликовать его роман о Леонардо да Винчи.

Ключевые слова: журнал «Северный вестник», литературный быт, А.Л. Вольнский, Л.Я. Гуревич, Н.К. Михайловский, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус.

Информация об авторе: Михаил Викторович Строганов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7618-7436>. E-mail: mvstroganov@gmail.com.

Для цитирования: *Строганов М.В.* Из истории «Северного вестника». Комментарий к комментарию // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 261–277. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-261-277>

В недавней статье Н.А. Богомолова и М.М. Павловой об истории журнала «Северный вестник» опубликованы написанные после 1917 г. мемуарные записки Л.Я. Гуревич [11], весьма ценные в фактологическом отношении. Но, как и всякие иные мемуарные источники, эти воспоминания требуют проверки и сопоставления с другими материалами. И поскольку в настоящее время в связи с подготовкой тома «Литературного наследства», посвященного истории журнала «Русское богатство»¹, мы располагаем таковыми, трудно избежать соблазна не поделиться ими с коллегами.

1

Важнейшим моментом в истории «Северного вестника» было идейное размежевание с теми кругами литературной общественности, лидером которых был Н.К. Михайловский. Поэтому в ситуации после 1917 г., когда Михайловский назывался однозначно народником и представителем «мелкобуржуазной» идеологии, Гуревич, сопоставляя Михайловского с Николаем II, придает его личности самые негативные коннотации:

«Большие вечные вопросы, вопросы философии, этики, поэзии мучили нас. А Михайловский говорил, что волнующие нас вопросы — “праздные вопросы”. Это возмущало не менее, чем в свое время, позже, пресловутые “бессмысленные мечтания” в устах Николая II. Позитивизм, утилитаризм, натурализм — это было уже ветхо и мертво» [11, с. 16]; «Волынский уже бросил вызов Михайловскому заметкою о нем в первом № журнала за этот год, — и бой начался» [11, с. 19].

Комментируя эти фрагменты, авторы статьи справедливо называют ее истоком статью Волынского «Талант и “искра Божия” — о романе Михайловского “Карьера Оладушкина”». К приводимым ими материалам следует сделать существенное дополнение. Критикуя Михайловского как устаревшее культурное явление, Волынский опрометчиво употребил выражение «новая мозговая линия», дав тем самым в руки своего оппонента прекрасный козырь. Михайловский восемь раз использовал это на самом деле неудачное выражение в своих подписанных и одной анонимной статье для дискредитации Волынского [16; 8; 9]. Волынский отвечал ему как минимум четыре раза при жизни Михайловского [11, с. 40], а один раз и после его

¹ Литературное наследство. Т. 107: Журнал «Русское богатство» Н.К. Михайловского. Из переписки членов редакции, авторов и современников. 1890–1903. В 2 кн. Кн. 1: 1890–1899 / сост. М.Г. Петрова, М.В. Строганов. (В печати.)

смерти². Так что обе стороны были в известной мере равны в своей нетерпимости к оппоненту.

Однако современники практически единодушно встали на сторону Михайловского [7, с. 10–11]. После опыта совместной работы с Волинским в журнале «Северный вестник» Глинский назвал его «злым, завистливым и трусливым» «маньяком»: «Если взять на себя неблагодарный труд проследить всю деятельность за последнее время г. Волинского, то убедишься, что вся его критико-философская деятельность вертится на оси зависти, где с одной стороны положена ненависть к г. Михайловскому, а с другой — к г. <Вл.> Соловьеву»³.

Д.С. Мережковский писал: «Едва ли не самый низменный и уродливый из человеческих пороков — неблагодарность. К сожалению надо сознаться, что этот порок свойственен русским современным публицистам.

Увы! мы имели еще недавно случай наблюдать классический образчик неблагодарности в отношении одного молодого и смелого рецензента (имени его я не буду называть) к Н.К. Михайловскому. Когда переступается известный предел полемической злобы, люди всех партий, всех направлений соединяются в чувстве нравственного возмущения. Видя, как молодой человек, случайный пришлец, поднимает руку на человека, постаревшего в литературе, на деятеля безукоризненного, вся жизнь которого отмечена печатью высшего рыцарского благородства, все испытали это непреодолимое чувство нравственного возмущения»⁴.

Наконец, мнение из противоположного лагеря, из самого «Русского богатства», мнение А.Г. Горнфельда: «Отношение мое к его направлению, к этой борьбе с шестидесятью годами, которую вел здесь фактический редактор журнала, было двойственное. <...> Волинский во многом был хоть и не оригинален, однако прав. Но он вел так бестактно, он с такой грубостью нападал на людей, к деятельности которых я относился с глубоким уважением, — таковы были не только Белинский, но Салтыков и Михайловский, — что самая правота его казалась неприятной. Он был свой, он был боец своего лагеря, однако компрометирующий “святое дело”»⁵.

² *Волинский А.Л.* Ответ «Русскому богатству» // Волинский А. Книга великого гнева: Критические статьи. Заметки. Poleмика. СПб.: Труд, 1904. С. 523–524.

³ *Глинский Б.Б.* Болезнь или реклама? // Исторический вестник. 1896. № 2. С. 654.

⁴ *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1893. С. 73.

⁵ *Горнфельд А.Г.* Тридцать лет назад // Памяти Акима Львовича Волинского. Л.: Всероссийский союз писателей, 1928. С. 35.

2

Может быть, только одна издательница «Северного вестника» Любовь Гуревич оставалась верна Волынскому в этой литературной перепалке. И тут завязывается второй важный в истории «Северного вестника» узел, в котором ее имя сплелось с именами фактического редактора журнала Акима Волынского и сотрудницы журнала Зинаиды Гиппиус. Гуревич была настолько фанатично влюблена в Волынского, что и после расставания с ним считала его всегда и во всем правым, о чем свидетельствуют ее мемуары. Гиппиус играла в любовь, но иногда заигрывалась так, что начинала и сама верить в достоверность своей игры, о чем свидетельствуют ее письма к Волынскому [13; 5, с. 51–60]. Отношения эти порождали слухи в среде современников.

16 февраля 1896 г. В.Г. Короленко писал Е.С. Короленко из Петербурга:

В нашем литерат<урном> мирке — эпизод из скандальной хроники. В «Сев<ерном> вестнике» напечатаны в феврале воспоминания Огаревой-Тучковой, и в них разоблачены любовные истории Шелгуновой. Шелгунова теперь жива, ее сыновья все это читают, вообще гадость необыкновенная. Один из этих сыновей явился в редакцию и спросил Флексера. Вышла m-lle Гуревич и сказала, что его нет, а она может ответить за него. Тогда Шелгунов плюнул ей в лицо! Конечно, напечатана гадость ужасная, но и этой бедняге Гуревич досталось в чужом пиру похмелье, — ее положение ужасно: у нее от Волынского двое детей, а этот негодяй, говорят, уехал за границу с женой Мережковского, декадентской писательницей Гиппиус, которая недавно в разговоре с интервьюэром одной петерб<ургской> газеты заявила, что она — не женщина и стоит выше своего пола. Этот кружок вообще — это положительный сумасшедший дом. Теперь представь себе положение этой бедняги Гуревич, оплеванной в буквальном смысле, с двумя детьми и разоренным журналом на руках. «Сев<ерный> в<естни>к», говорят, совсем не идет, а долгов куча. Вот каков гусь оказался этот проповедник философского идеализма в применении к фактам реальной действительности. И представь, что это по наружности — плюгавейший субъект. О женщины! — сказал, как известно, Шекспир⁶.

⁶ РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 3. Ед. хр. 47. Л. 10–11.

Вообще Короленко сплетником не был, и более того — он известен как человек незапятнанной репутации. Об истории с пощечиной, которую сын Шелгуновой нанес Гуревич, сохранилось много свидетельств, и о ней существует уже специальная литература [10]⁷.

Но сообщение Короленко в данном письме, что «у нее <Гуревич> от Волынского двое детей», — очень похоже на сплетню, потому что не подтверждается никакими фактами. Вместе с тем, поскольку известно, что у А.Л. Флексера от брака с Темой Угер были сын, который умер в младенчестве, и дочь Мэри (в замужестве Зеликина, 1887–1953) [11, с. 14]⁸, можно предположить, что до Короленко докатились слухи именно о законных детях, действительно оставленных Флексером в период его «увлечения» то Гуревич, то Гиппиус.

В этом же письме Короленко сообщает о некотором путешествии Гиппиус и Волынского. Речь идет о путешествии четы Мережковских и Волынского по Италии и Франции в феврале–апреле 1896 г., во время которого роман Гиппиус с Волынским, начатый в 1895 г., развивался полным ходом. И к этой поездке мы еще вернемся.

Но в 1897 г. между Гиппиус и Волынским произошел разрыв, и задним числом Гиппиус преувеличивает свою идиосинкразию по отношению к «языку» и манерам Волынского. Что же ее и Мережковского так возмутило, что прервало все отношения между ними на всю оставшуюся жизнь? (Единственное письмо Гиппиус к Волынскому от 12 августа 1916 г. в ответ на его предложение печататься в редактируемых им «Биржевых ведомостях» не может быть признано фактом общения: это был отказ в мягкой форме.)

Известный свет на причину этого проливает письмо А.Г. Горнфельда к П.П. Перцову от 21 января 1898 г.: «Об истории Вол<ынского> с Мережк<овским> ничего не знаю, кроме указания на факт. Говорят, украл, больше ничего. Но зато слышал от знающих людей, что его статьи о Леонардо — нахальство и скандал»⁹.

«Статьи о Леонардо» — это беллетризованная в первой части книга Волынского «В поисках за Леонардо да Винчи», которую он напечатал в «Северном вестнике» в сентябре–декабре 1897 г.¹⁰ В этой

⁷ См. также комментарий М.М. Павловой к публикации «Милых воспоминаний» Л.Я. Гуревич в настоящем номере «Литературного факта».

⁸ См. также комментарий М.М. Павловой к публикации «Милых воспоминаний» Л.Я. Гуревич в настоящем номере «Литературного факта».

⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 7 об. — 8 об.

¹⁰ В дальнейшем Волынский продолжил печатание своей книги, но уже без этого беллетризованного элемента: Волынский А. Леонардо да Винчи, его жизнь и научно-философские труды. Статья первая // Северный вестник. 1898. № 1; Статья

книге очень много рассуждений о творчестве Леонардо да Винчи, и их следовало бы сопоставить как с суждениями предшественников и современников Волинского, так и (в первую очередь) с тем, что писал о да Винчи Мережковский. Но это была бы иная работа и с иной целью. Мы в дальнейшем рассмотрим беллетризованную часть повествования, которая имеет особый интерес для нашего комментария, а сейчас только процитируем заключающие книгу Волинского слова: «Леонардо да Винчи невольно внушил своим почитателям любовь к бесплодной роскоши, заразил их своею аристократическою изысканностью, своим горделивым отчуждением от простых восприимчивых людей»¹¹. Заимствовав материал Мережковского или, во всяком случае, познакомившись с собранным им материалом, Волинский создал иную, конечно, концепцию, опровергающую Мережковского. Плагиатом это не назовешь. Но оценка Горнфельда «нахальство и скандал» как нельзя более точно определяет литературное поведение Волинского: узнав от коллеги его замысел и его материалы, он быстренько слепил свою концепцию, перехватив пальму первенства.

Все это и объясняет резкий перелом в отношениях Гиппиус к Волинскому. Последнее ее «любовное» письмо написано в сентябре 1897 г. [13, с. 333–334]. Правда, Мережковский еще 6 июля сообщал П.П. Перцову: «Знаете ли, что с Флексером мы совсем не видимся. Он надоел З.Н. своей риторикой и ложью, а мне уже давно опостылел» [14, с. 164].

А 2 октября 1897 г. появляется совершенно новое отношение и новое письмо Гиппиус, в котором она пишет о себе в третьем лице, избавляя себя, таким образом, от необходимости как-либо обращаться к адресату: «Зинаида Николаевна Мережковская-Гиппиус желала бы знать, когда она сможет получить свои портреты и письма, взамен возвращенных? Может быть, следует обратиться к посреднику? Вопросительным знаком было выражено желание узнать время напечатания стихов — ввиду скорого выхода книжки» [13, с. 334].

Совершив один неблагоприятный поступок, Флексер уже с большой легкостью совершил и другой. 6 ноября 1897 г. Мережковский писал П.П. Перцову: «Кстати, Флексер... не предупредив, исключил мое имя и З.Н. <Гиппиус> из списка сотрудников... это после того, как он воспользовался всем моим материалом для статей о Леонардо да Винчи.

вторая // Северный вестник. 1898. № 2; Статья третья // Северный вестник. 1898. № 3; Статья четвертая // Северный вестник. 1898. № 4; Статья пятая // Северный вестник. 1898. № 5. Спустя два года труд вышел отдельным изданием: [3].

¹¹ Северный вестник. 1898. № 5. С. 187.

Смердяковская у него сущность» [14, с. 172]. Как видим, это в более мягкой форме говорит о том же, что резко и прямо сформулировал Горнфельд. Однако публично Мережковский никогда не выступал против Волынского. В марте 1898 г. В. Буренин напечатал в «Новом времени» (1898. № 8275, 12 (24) марта. С. 2) письмо за подписью Доброжелатель, в котором Волынский открыто был обвинен в плагиате. Комментируя это письмо и считая его автором самого Мережковского, Буренин посоветовал ему прямо заявить об этом. Но Мережковский не написал ни анонимного, ни подписанного обвинения, он писал роман. Да он и понимал, что в прямом смысле плагиатом это не назовешь, ведь его собственный роман еще не был напечатан, а частью не был еще и написан.

Но П.П. Перцов (с учетом того, что писал ему Мережковский) был совершенно точен, когда сообщал В.В. Розанову 3 декабря 1897 г., что редакторство Волынского «приобретено не литературными правами, а посторонними обстоятельствами». <...> Разрыв его с Мережковскими, т. е. характер этого разрыва с *его* стороны (вычеркивание их из состава сотрудников без их ведома — после стольких лет дружбы!), меня *не* удивил. В нем нет нравственного чужья вообще... И вообще “Северный вестник” диаметрально противоположен “Русскому богатству”: насколько у этих гг. либералов все подчинено принципу, настолько здесь во всем проявляются личные счета-расчеты “хозяина”» [12, с. 405].

3

Теперь нам придется вернуться к самой книге Волынского о Леонардо.

Эта поездка Мережковских и Волынского была связана с задуманным Мережковским романом «Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи», который он планировал опубликовать в «Северном вестнике». Вполне естественно, что Мережковский делился со своими спутниками замыслами. Гиппиус вспоминала:

Д.С., когда был занят предварительной работой, имел обыкновение рассказывать о ней мне очень подробно (и красноречиво). А так как Флексер был с нами, то слушал все это и он. И однажды Д.С. сказал: «Вы бы, А.Л., занялись своей какой-нибудь темой, вот, например, Макиавелли». Он как бы согласился, и стал ездить на прогулку с толстым томом Макиавелли в руках. <...> Ранее разрыва нашего, должно быть в 1895 году, в конце (точно не помню), я наконец совсем, и резко, отказалась печататься в «Северном вестнике» из-за

отвращения к уродливым статьям Флексера. Может быть, это было глупо, но его язык оскорблял мое эстетическое чувство. Тут был первый шаг к разрыву [6, с. 202, 204].

Рассказчик «в поисках за Леонардо да Винчи» (очень характерный для Волынского оборот, не хуже, чем «новая мозговая линия») совершает путешествие по Европе, и ему рекомендуют познакомиться с одним специалистом по живописи эпохи Ренессанса. Знакомство происходит, и специалист, названный «старым энтузиастом», говорит автору: «Вы знаете, я несколько лет изучаю Леонардо да Винчи и могу сказать — объехал всю Европу в поисках за Леонардо да Винчи. Я обыскал все углы, все музеи, знакомился с специалистами, пил кианти с простыми крестьянами в том самом домике в Анкиано, где родился Леонардо да Винчи — у подножия Альбанских гор... И вот что я скажу вам: Леонардо да Винчи — почти миф, легенда, завлекательный образ, за который хватаются люди современной эпохи, еще неспособные к великому умственному перерождению. <...> Нельзя найти Леонардо да Винчи ни в одном из его творений. Есть великая легенда могущественного художника — почти одна легенда и ничего другого, потому что неотразимая, неоспоримая красота в искусстве всегда держится на этой тончайшей черточке, на этой благоуханной сердечности. Она должна быть в произведении, потому что она должна быть в художнике, какие бы диалектические бури ни клочкотали в его душе. Но Леонардо да Винчи, этот великий инженер, архитектор, математик, скульптор и живописец и даже музыкант — не показал именно этой тончайшей черточки, может быть, потому, что ему нужно было употребить весь свой огромный гений, чтобы навеки скрыть от людей мрачные, болезненные тайны своей души, которые были болезнью целой эпохи»¹². Потом «старый энтузиаст» рассказывает об «одном юноше, тонко чувствительном к природе, немножко болезненном», о том, как «они шли вместе несколько часов подряд, и старик иногда брал в свои руки его худенькие пальцы и растирал их, потому что они мертвели в холодной атмосфере этих гор, воспитавших хищный гений Леонардо да Винчи. Они познакомились в одной из флорентийских церквей, где старик в сотый раз изучал фрески Джиготто. Юноша сразу вошел в душу старика, как голубь в теплое гнездо. Уже три года, как они не виделись, потому что юноша, восприняв горячие лучи его энтузиазма, увлекся и поехал изучать искусство по большим и малым городам Европы. Они

¹² *Волынский А.* В поисках за Леонардо да Винчи. набросок первый // Северный вестник. 1897. № 9. С. 185.

изредка переписываются. Старик направляет его путь, посылая ему от времени до времени советы и трудные задачи. Но пришел момент, когда свидание между ними кажется уже сердечною необходимостью. Они не могут жить в разлуке, и каждый вечер, когда по равнине проносится свисток приближающегося поезда, он с бьющимся сердцем отправляется на станцию. Вот-вот он придет, он — возрожденная мечта его юности, его самая пылкая, живая любовь, как и его любовь к искусству.

— Как бы я хотел, чтобы он приехал именно сегодня, — сказал старик. — Вы увидели бы мою красоту — теплую, нежную, чистую»¹³.

На этом заканчивается часть, опубликованная в сентябрьском номере. В октябрьском номере «юноша, которого ожидал старый энтузиаст, действительно приехал. В суете вокзала и по пути в гостиницу, при темноте вечера, я не разглядел его физиономии. Какой-то худенький мальчик в дорожной вязаной шапочке, из-под которой ниспадали длинные волосы, шел рядом с стариком неспешною, неуверенною, чуть слышною походкою. Кроме двух-трех незначительных слов, он ничего не сказал. Старик вел его под руку и, казалось, ожидал минуты, когда они останутся наедине. Я пробовал отставать от них, но старик любезно протестовал, говоря, что я их не стесняю, что через короткое время мы все трое будем как одна душа»¹⁴. «Эти два человека волновали меня так, как никогда еще не волновала меня чужая жизнь. Все забылось, впечатления долгого и разнообразного путешествия с интересными встречами, беседами и занятиями в лучших художественных галереях Европы стали расплываться, уступая место новым ощущениям. Я знал, что в это самое время за моею стеною совершается нечто важное, раскрывается многозначительная драма, хотя не имел при этом никаких доказательств, никаких данных для правильной догадки. Душа моя волновалась, замирала в тревожной тишине, наполнялась чуть слышными отражениями далеких, чужих бурь и страстей. Старик и юноша овладели всем моим сознанием. Мне было жутко за них, за этих людей, которые вели за стеною величественную беседу об искусстве, наверное, перемешанную с печальными признаниями бессильного человеческого сердца»¹⁵. Рассказчик засыпает, посреди ночи он просыпается. «Я приподнимаю голову и опять вслушиваюсь: теперь для меня

¹³ Там же. С. 194–195.

¹⁴ *Волынский А.* В поисках за Леонардо да Винчи. набросок второй // Северный вестник. 1897. № 10. С. 193.

¹⁵ Там же. С. 194.

несомненно, что, в самом деле, кто-то плачет. За моею стеною, там, где я оставил старого энтузиаста с белокурым мальчиком, слышны тяжелые, медленные шаги и тонкий нервный плач»¹⁶. На следующий день внешне отношения «старого энтузиаста» и «юноши» выглядят спокойными, но то и дело прорываются тревожные ноты, омрачающие их отношения.

В ноябрьском номере рассказчик отдельно от «старого энтузиаста» и «юноши» съездил в Париж, чтобы посмотреть «Джоконду». По возвращении он заводит разговор о ней, и рассуждения «старого энтузиаста» вызывают интерес «юноши». Впрочем, «в это время по коридору раздались тяжелые шаги и стук в дверь. Юноша насторожился и, когда в полуоткрытой двери показался почтальон, он быстро пошел ему навстречу, взял письмо в длинном узком конверте, вернулся к окну и, распечатав, торопливо пробежал его глазами. Лицо его изменилось, губы слегка побледнели. Старик с испугом в глазах посмотрел на юношу, который напрасно старался подавить свое волнение. На минуту в комнате воцарилась тишина...»¹⁷ Потом уточняется, что это было «женское письмо в кокетливом конверте»¹⁸. В итоге рассказчик понимает: «Я видел внутреннее страдание старика и понимал, что белокурый юноша — его горячая любовь — отнят от него, отнесен от берега несильною, но предательскою волною современного прилива. Трудно было сказать что-нибудь в утешение старика. Задумчивое горе его представлялось мне столь же величественным, как и недавние его светлые надежды. Пусть свершится воля судьбы. Старый энтузиаст, вдохнувший жизнь вечных интересов в хрупкое немощное создание, должен найти в себе силы оплакать горе, с обычным вдохновением измерить свое разочарование и духовное лишение»¹⁹.

В декабрьском номере «сюжетная» часть отступает перед «интеллектуальной», но в самом конце «старый энтузиаст» сообщает рассказчику письмом, что «юноша» полюбил одну даму, которой поклялся умереть в день ее смерти, а поскольку дама смертельно больна, то и «юноша» скоро погибнет.

Как видим, «в поисках за Леонардо да Винчи» участвуют три героя. И в них трудно не узнать реальных путешественников 1896 г.: «старого энтузиаста» (Мережковского), «юношу» (Гиппиус, которая,

¹⁶ Там же. С. 197.

¹⁷ *Вольнский А.* В поисках за Леонардо да Винчи. набросок третий // Северный вестник. 1897. № 11. С. 235.

¹⁸ Там же. С. 236.

¹⁹ Там же. С. 254.

как известно, любила носить мужскую одежду) и самого Волынского, истинного ценителя искусства и журналиста, как выяснится к концу повествования: «Среди обычных журнальных занятий, перебиваемых мутными волнами газетных полемических передраг»²⁰. Правда, сам Флексер был самым старшим в этой компании: в 1896 г. ему было 35 лет, Мережковскому был 31 год, а Гиппиус 27 лет, — но Волынскому было удобнее иначе распределить возрасты персонажей, что отражало суть их взаимных отношений: «старый муж» (законный муж по определению старый), молодая жена (потому что красивая) и неизбежный Алеко.

В предисловии к отдельному изданию книги о Леонардо Волынский писал о «старом энтузиасте» так, как будто этот персонаж не имел прототипа, но это едва ли могло обмануть читателя: «Одному из этих трех лиц, которого я назвал Старым Энтузиастом, я хотел дать черты неутомимого искателя религиозной красоты в искусстве — новой красоты в духе нового богочеловеческого идеала. Если у не-художника могут быть минуты каких-нибудь художественных и поэтических подъемов, то именно в образе этого старика без определенных черт какой бы то ни было национальности, но проникнутого религией человеческого сердца, которая по существу своему всемирна, всечеловечна, — я пытался передать лучшие настроения, возникшие на пути моих критических исследований. Какую бы объективную цену ни имели бы мои исследования, я, во всяком случае, сознаю, что истинная суть книги, то, чем я сам больше всего дорожу, заключается в лекторских излияниях моего Старого Энтузиаста» [3, с. XII]²¹.

В 1920-е гг. Волынский примет имя Старого Энтузиаста на себя и подпишет им мемуарно-критические очерки о Гуревич и Гиппиус в составе цикла «Русские женщины» [4, с. 253, 264]. Но это будет уже совсем иной Старый Энтузиаст, совсем не похожий на «старого энтузиаста» из «В поисках за Леонардо да Винчи». В том же мемуарном цикле Волынский рассказывает о встречах с Лу Андреас-Саломе в 1897 г.: «Я прожил целое лето у нее в гостях на даче в баварских Альпах, дал ей сюжеты для некоторых работ по русской литературе и у нее же на даче набросал первые эскизные штрихи моего “Леонардо да Винчи”». Фигура Старого Энтузиаста представлена там

²⁰ *Волынский А.* В поисках за Леонардо да Винчи. Набросок четвертый // Северный вестник. 1897. № 12. С. 238.

²¹ В ряде случаев это издание, в выходных данных которого год не обозначен, датируется 1899 г. на основании даты цензурного разрешения иллюстративного материала на обороте титульного листа. Но предисловие автора подписано апрелем 1900 г., что и определяет выбор года издания.

в обстановке гостеприимной виллы, где я жил. Там же я познакомился с Райнером Мария Рильке, впоследствии столь прославившимся в новой немецкой литературе поэтом. С уточненного облика этого человека в стиле Пинтуриккио я и списал своего Юношу, опекаемого Старым Энтузиастом» [4, с. 273]. Сама Андреас-Саломе достаточно критично вспоминала Волынского: «...захаживал приехавший из Петербурга один русский (правда, недоброй памяти), который давал мне уроки русского языка» [2, с. 105]. Таким образом, здесь Старый Энтузиаст — это «старый муж» Фридрих Карл Андреас, но «юноша» — это не изменившая Земфира, а соперник, «цыган», Рильке. Главное — остается неизменным все тот же любовный треугольник, эта лучшая формула для любого сюжетного повествования. Но в 1900 г. в предисловии к отдельному изданию книги о Леонардо Волынский еще совершенно не предполагал толковать треугольник биографическим образом, все эти биографические применения даются задним числом, хотя эта традиция была очень устойчивой в литературной среде, и летом 1896 г. именно так была прочитана повесть Гиппиус «Златоцвет» [15]. К.М. Азадовский, а вслед за ним и Е.Д. Толстая трактуют «юношу» как Рильке, а его возлюбленную, отвлекшую его от прямых понятий о жизни, как Лу Андреас-Саломе; в таком раскладе «старый энтузиаст» — это на самом деле сам Волынский [1, с. 20; 17, гл. 5]. Но мы повторим еще раз: все подобные толкования делаются всегда задним числом и делаются для того, чтобы отвести глаза от главного. При наличии желания любую женскую фигуру можно истолковать как Земфиру, и любые двое мужчин около нее всегда сойдут за Алеко («старого мужа») и «молодого цыгана». Весной 1896 г. «старым энтузиастом» был Мережковский, «юношей» — Гиппиус, но Волынский отказался от роли «молодого цыгана» и бежал в Россию.

В 1900 г. в предисловии к отдельному изданию книги о Леонардо Волынский изобразил всю подготовительную работу и поездку в Италию не как реализацию плана Мережковского, а как собственную инициативу:

Чтобы понять такого человека, как Леонардо да Винчи, нужно видеть собственными глазами Италию — и не из окна вагона с быстрыми переездами из одного прославленного города в другой, а медленно пробираясь по всем тем местам, которые должны были действовать на его душу красками своей природы, характером своих горизонтов. Надо знать Тоскану — Флоренцию с ее окрестностями, Винчи, Анкиано, надо знать Ломбардию, надо изъездить

на лошадях дикую Романью и Умбрию, чтобы ощутить атмосферу, которой дышал этот итальянский гений. Может казаться издалека, что эти затруднительные путешествия не только по столичным, но и по захолустным итальянским городам не являются делом необходимости при изучении давно прошедшей эпохи. А между тем нельзя с достаточной силой определить всю важность этих непосредственных впечатлений от страны, которая, при всех своих исторических превращениях, неизменно сохраняет свой географический и национальный колорит. Изучаешь одновременно местную природу и душу художника, в их таинственных взаимодействиях, и получаешь какие-то безмолвные указания и намеки, дающие ключ к разгадке запутаннейших психологических и художественных задач. Уже расставаясь, может быть, навсегда с этой многолетней работой, я вспоминаю как о пережитом счастье эти мои скитания по Италии в поисках за Леонардо да Винчи. Там, как бы в невидимом присутствии одного из величайших чародеев искусства, рождались непередаваемые экстазы, которые здесь, при исполнении работы, отражались на бумаге уже побледневшими словами, но все еще питали живыми соками мою посильную логическую работу [3, с. VIII–IX].

Так Волынский «украл» у Мережковского тему (Леонардо как одно из первых воплощений темы богочеловека) и включил в той или иной форме в свою книгу многие реальные беседы с Мережковским. 5 сентября 1897 г., уже прочитав первый очерк Волынского, Мережковский писал П.П. Перцову: «...А Флексер пишет в С<еверном> В<естнике>» — «В поисках за Л<еонардо> да Винчи» — не упоминая, что это поиски по следам Д. Мережковского» [14, с. 168].

Уже одно это лишало Мережковского возможности напечатать его роман о Леонардо в «Северном вестнике», но Волынский к тому же исключил его из числа постоянных сотрудников. В итоге Мережковский опубликовал свой роман в журнале «Мир Божий» в 1900 г. Все это и заключено в словах Горнфельда «нахальство и скандал».

Но Волынский еще и рассказал всему свету, как Мережковский писал свой роман о Леонардо, как он собирал материал, какие отношения у него в это время были с «юношей» и истинным ценителем искусства. Историко-литературный комментарий к роману появился раньше, чем сам роман. И в этом комментарии рассказчик, отдавая должное познаниям и пониманию проблемы, которые проявлял «старый энтузиаст», вместе с тем все время подчеркивает, что этот «старый энтузиаст» высоко ценил точку зрения рассказчика, считая его единомышленником, и что его мнения совпадали с мнениями

«старого энтузиаста», а вовсе не зависели от них. Получилось то, что и предчувствовал Мережковский: «Флексер тоже пишет о Леонардо да Винчи — он от меня ни на шаг. И ведь будет наивно (— тоже *sancta simplicitas*) убежден, что это не я его, а он меня заинтересовал Леонардо» [14, с. 166].

Так и получилось. Но Волынский не только себя убеждал в своей оригинальности и самостоятельности, но и других пытался убедить в этом.

История любого журнала как литературного объединения является в первую очередь историей отношений людей друг с другом, в которой личные симпатии и антипатии играют самую существенную роль. В достаточно короткой истории журнала «Северный вестник» издательницы Л.Я. Гуревич этот закон личных симпатий и антипатий проявляет себя весьма выразительно. А.Л. Волынский и Н.К. Михайловский проявили в своей полемике равную резкость и неделикатность, однако современники практически единодушно встали на сторону Михайловского как более старого и заслуженного писателя. Волынский приобретает репутацию нечистоплотного человека, вследствие чего вокруг его имени начинают собираться сплетни. В истории с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус Волынский продемонстрировал недопустимую нескромность в использовании чужого материала, граничащую с плагиатом. Но самое главное — изобразил в сюжетной части книги о Леонардо да Винчи свои личные отношения с Мережковским и Гиппиус и свою трактовку отношений между ними. Кроме этого, изгнав Мережковского из журнала «Северный вестник», он лишил Мережковского возможности опубликовать его роман о Леонардо да Винчи.

Литература

1. *Азадовский К.М.* Рильке и Россия: Статьи и публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 432 с.
2. *Андреас-Саломе Лу.* Прожитое и пережитое. Воспоминания о некоторых событиях моей жизни. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 447 с.
3. *Волынский А.Л.* Леонардо да Винчи. [СПб.]: Изд. А.Ф. Маркса, [1900]. XVI, 706 с.
4. *Волынский А.Л.* Русские женщины / публ. А.Л. Евстигнеевой // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс. 1995. Вып. 17. С. 209–292.
5. *Гиппиус Зинаида.* Дневники: в 2 кн. / общ. ред., вступ. ст. и сост. А.Н. Николоюкина. М.: Интелвак, 1999. Кн. 1: [1893–1917 гг.] 733 с.
6. *Гиппиус З.Н.* Живые лица. Тбилиси: Мерани, 1991. Книга. 2: Воспоминания / [сост., предисл. и коммент. Е.Я. Курганова]. 383 с.

7. *Гречишкин С.С.* Архив Л.Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 3–28.

8. *Куприяновский П.В.* Журнал «Северный вестник» и литературное народничество // Страницы истории русской литературы: К 80-летию Н.Ф. Бельчикова. М.: Наука, 1971. С. 234–244.

9. *Куприяновский П.В.* Из литературно-журнальной полемики 90-х годов // Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Калуга, 1971. Сб. 3. С. 3–15.

10. *Павлова М.* «Этот пресловутый плевок в лицо...»: Из истории журнала Северный вестник // *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz* / ed. by Catherine Ciepela and Lazar Fleishman. Stanford, 2014. P. 117–137. (Stanford Slavic Studies. Vol. 45)

11. *Павлова М.М., Богомолов Н.А.* Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 8–60. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-8-60>

12. *Перцов П.П.* Литературные воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 491 с.

13. Письма З.Н. Гиппиус к А.Л. Волынскому / публ. А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкаревой // *Минувшее: Исторический альманах*. М.; СПб.: Atheneum, 1993. Вып. 12. С. 274–341.

14. Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову / публ. М.Ю. Кореновой // *Русская литература*. 1991. № 2. С. 156–181.

15. *Рыкунина Ю.А.* «Златоцвет» Зинаиды Гиппиус: материалы к комментарию // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2017. № 2. С. 122–140.

16. *Строганов М.В.* «Весёлыми ногами». Два эпизода из критических полемик Н.К. Михайловского // *Культура и текст*. 2020. № 4 (43). С. 103–125. DOI: 10.37386/2305-4077-2020-4-103-125

17. *Толстая Е.Д.* Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2013. 632 с.

Research Article

From the History of the Journal “Severny Vestnik”. Commentary to the Commentary

© 2021, Mikhail V. Stroganov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The history of literary associations, including the history of any journal, is primarily the history of people's relationships with each other. In such a history, personal likes and dislikes play the most essential role. This law of personal sympathies and antipathies manifests itself very expressively in a rather short history of the journal “Severny Vestnik”, published by L.Ya. Gurevich (1891–1898). The

article offers significant additions to comments to published texts on the history of the journal. A.L. Volynsky and N.K. Mikhailovsky showed equal harshness and indelicacy in their polemics, but their contemporaries almost unanimously sided with Mikhailovsky as an older and deserved writer. Volynsky acquired a reputation as an unscrupulous person and gossip begins to gather around his name. Volynsky demonstrated unacceptable immodesty towards D.S. Merezhkovsky and Z.N. Gippius and allowed himself to use of someone else's material, bordering on plagiarism. But most importantly, in the plot of the book about Leonardo da Vinci, he depicted his personal relationship with Merezhkovsky and Gippius and his interpretation of the relationship between them. In addition, he expelled Merezhkovsky from the journal "Severny Vestnik", which closed for him the opportunity to publish his novel about Leonardo da Vinci.

Keywords: "Severny Vestnik", literary life, A.L. Volynsky, L.Ya. Gurevich, N.K. Mikhaylovsky, D.S. Merezhkovsky, Z.N. Gippius.

Information about the author: Mikhail V. Stroganov, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7618-7436>. E-mail: mvstroganov@gmail.com.

For citation: Stroganov, M.V. "From the History of the Journal "Severny Vestnik". Commentary to the Commentary." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 261–277. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-261-277>

References

1. Azadovskii, K. *Ril'ke i Rossiia. Stat'i i publikatsii* [*Rilke and Russia. Essays and Publications*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 432 p. (In Russ.)
2. Andreas-Salome, Lu. *Prozhitoe i perezhitoe. Vospominaniia o nekotorykh sobytiakh moei zhizni* [*Lived and Experienced. Memoirs about Certain Events of my Life*]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2002. 447 p. (In Russ.)
3. Volynskii, A.L. *Leonardo da Vinchi* [*Leonardo da Vinci*]. St. Petersburg, Izdanie A.F. Marksa, 1899. XVI, 706 p. (In Russ.)
4. Volynskii, A.L. "Russkie zhenshchiny" ["Russian Woman"], publ. by A.L. Evstigneeva. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [*The Past. Historical Almanac*], issue 17. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1995, pp. 209–292. (In Russ.)
5. Gippius, Zinaida. *Dnevnik: v 2 t.* [*Diaries: in 2 vols.*], vol. 1: 1893–1917, introd. and comp. by A.N. Nikoliukin. Moscow, Intelvak Publ., 1999. 733 p. (In Russ.)
6. Gippius, Z.N. *Zhivye litsa* [*Real faces*], vol. 2: Vospominaniia [Memoirs], comp., introd. and comm. by E.Ia. Kurganov. Tbilisi, Merani Publ., 1991. 383 p. (In Russ.)
7. Grechishkin, S.S. "Arkhiv L.Ia. Gurevich" ["L.Ya. Gurevich Papers"]. *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1976 god* [*Pushkin House Manuscript Department Annual for 1976*]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 3–29. (In Russ.)
8. Kupriianovskii, P.V. "Zhurnal 'Severnyi vestnik' i literaturnoe narodnichestvo" ["The journal "Severny Vestnik" and literary populism"]. *Stranitsy istorii russkoi literatury: K 80-letiiu N.F. Bel'chikova* [*Pages of Russian Literature's History: To the 80th Anniversary of N.F. Belchikov*]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 234–244. (In Russ.)

9. Kupriianovskii, P.V. Iz literaturno-zhurnal'noi polemiki 90-kh godov [From the literary and journal polemics of the 90s]. *Russkaia literatura XX veka. Dooktiabr'skii period* [20th Century Russian Literature. The Period until October], issue 3. Kaluga, 1971, pp. 3–15. (In Russ.)

10. Pavlova, M.M. “‘Etot preslovutyi plevok v litso...’: Iz istorii zhurnala ‘Severnyi vestnik’.” [“‘This Notorious Spit in the Face...’: From the History of the Journal ‘Severnyi Vestnik’.”]. Ciepla, Catherine, and Lazar Fleishman, editors. *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*. Stanford, 2014, pp. 117–137. (In Russ.)

11. Pavlova, M.M., Bogomolov, N.A. “Iz vospominanii L.Ia. Gurevich o zhurnale ‘Severnyi vestnik’. Stat'ia pervaiia” [“From Lyubov Gurevich’s Memoirs About the Journal ‘Severnyi Vestnik’. Part One.”]. *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 1 (19), pp. 8–60. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-8-60> (In Russ.)

12. Pertsov, P.P. *Literaturnye vospominaniia* [Literary Memoirs]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 491 p. (In Russ.)

13. “Pis'ma Z.N. Gippius k A.L. Volynskomu” [“Z.N. Gippius’ Letters to A.L. Volynsky”], publ. by A.L. Evstigneeva and N.K. Pushkareva. *Minushee: Istoricheskii al'manakh* [The Past. Historical Almanac], issue 12. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., 1993, pp. 274–341. (In Russ.)

14. “Pis'ma D.S. Merezhkovskogo k P.P. Pertsovu” [“D.S. Merezhkovsky’ Letters to P.P. Pertsov”], publ. by M.Iu. Korenevaia. *Russkaia literatura* [Russian Literature], no. 2, 1991, pp. 156–181. (In Russ.)

15. Rykunina, Iu.A. “‘Zlatotsvet’ Zinaidy Gippius: materialy k kommentariiu” [“Zinaida Gippius’s ‘Zlatotsvet’. Materials for a Commentary”]. *Vestnik RGGU. Seriiia ‘Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*”, no. 2, 2017, pp. 122–140. (In Russ.)

16. Stroganov, M.V. “‘Veselymi nogami’. Dva epizoda iz kriticheskikh polemik N.K. Mikhailovskogo” [“‘Merry Feet’. Two Episodes from the Critical Polemics of N.K. Mikhailovsky”]. *Kul'tura i tekst*, no. 4 (43), 2020, pp. 103–125. DOI: 10.37386/2305-4077-2020-4-103-125 (In Russ.)

17. Tolstaia, E.D. *Bednyi rytsar': Intellektual'noe stranstvie Akima Volynskogo* [The Poor Knight: The Intellectual Journey of Akim Volynsky]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2013. 632 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.07.2021

Одобрена после рецензирования: 05.08.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 18.07.2021

Approved after reviewing: 05.08.2021

Date of publication: 25.09.2021

К истории русской зарубежной печати: идейный вектор журнала «Ухват» — неявное и очевидное

© 2021, Е.Р. Обатнина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: На основании ранее неизвестных архивных материалов в статье реконструирована история создания первого в эмиграции сатирического журнала «Ухват». Предметом исследования стали особенности идейной и литературной программы печатного органа, образованного по инициативе одного из представителей русского Монпарнаса — поэта Д.Ю. Кобякова, и при участии известных писателей — А.М. Ремизова и М.А. Осоргина. Они составили неформальную редакционную коллегию, которая фактически определяла программу издания. Статья содержит новые данные к творческой биографии руководителей журнала. Публикуемый материал позволяет проследить специфические нюансы программы журнала в контексте русской эмиграции и в интерпретации его редактора, вернувшегося в 1958 г. в СССР. В истории русской зарубежной печати «Ухват» остается изданием, в котором нашли отражение умонастроения представителей русского зарубежья, были опубликованы юмористические эскапады как известных мастеров литературы, так и авторов, скрывшихся под псевдонимами.

Ключевые слова: русская эмиграция, идеология литературы, периодическая печать, сатира, редакционная стратегия, Д.Ю. Кобяков, М.А. Осоргин, А.М. Ремизов.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>. E-mail: lena.eo@mail.ru

Для цитирования: Обатнина Е.Р. К истории русской зарубежной печати: идейный вектор журнала «Ухват» — неявное и очевидное // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 278–303. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-278-303>

В истории русского зарубежья 1926 г. оказался переломным для поколения творческой молодежи, обозначившей свое присутствие в контексте литературной жизни Парижа образованием новых периодических изданий. Даже заголовки учрежденных в тот год журналов сообщали читателю манифестацию программных установок, отличных от этико-эстетических и идеологических взглядов литературных корифеев — «Благонамеренный», «Ухват», «Версты», «Новый Дом». Однако стремление к самостоятельности, подтвержденное также основанием в 1925 г. Союза молодых поэтов и писателей, не исключало избирательных отношений со старшим поколением писателей.

Нам уже приходилось обращаться к описанию взаимосвязанных событий в редакционной жизни журналов «Благонамеренный» и «Версты», содержание которых формировалось при активном участии А.М. Ремизова [13]. Архивные материалы предоставляют факты, свидетельствующие о литературной «опеке» писателя и над малоизвестным журналом «Ухват», который оказался звеном в цепочке новообразованных печатных органов, существенно изменивших картину мира русской литературной эмиграции.

На исходе 1924 г. в ландшафте русского Монпарнаса проявился литературный профиль поэта Дмитрия Юрьевича Кобякова (1898–1978)¹. К этому времени творческий опыт двадцативосьмилетнего эмигранта был невелик: в 1923 г. в Югославии он инициировал издание журнала «Медуза», прекращенное после выхода первого номера [17, р. 248–249], а в период краткого пребывания в Праге (1923–1924), приобщившись к объединению «Скит Поэтов», подготовил к печати свой второй стихотворный сборник². Знакомство с русским Парижем Кобяков начал с визита на rue Mozart, где в это время проживал Ремизов, вошедший в узкий круг авторов недолговечной «Медузы»³. Наверняка, писатель, получив в качестве гонорара номер белградского журнала, обратил внимание на эмоциональную по тону программную статью, содержащую такие близкие его взглядам тезисы о редакционной политике эмигрантской печати, как свобода от партийности и взаимообогащение культурными ценностями с государствами, предоставившими временное, как хотелось надеяться, прибежище эмигрантам из России [7, с. 456–457].

¹ Биографические данные, собранные по архивным источникам, см.: [3, с. 226–232; 25, с. 141–145; 22, с. 713–716; 8, с. 128–129].

² *Кобяков Д.* Керамика: Тринадцать вещей 1924 года. Париж: «Птицелов», 1925. 13 с. В библиографии Кобякова зафиксирован также отсутствующий в отечественных книжных фондах первый по счету сборник «Осколки» (Б. м., 1921). О творческой биографии поэта в контексте пражского «Скита»: [3, с. 41].

³ Подробнее о истории отношений Ремизова и Кобякова см.: [9].

Ремизов и при личной встрече не потерял интереса к корреспонденту, внезапно прервавшему начатое два года назад эпистолярное знакомство. Писатель, поддерживающий дружеские отношения с весьма узким кругом старших представителей эмиграции, с которыми его связывали начальные годы творческой биографии (с Н.А. Бердяевым, Б.К. Зайцевым, М.А. Осоргиным, Л.И. Шестовым), был расположен к общению и сотрудничеству с молодежью. В течение 1925 г. в квартире писателя стали появляться начинающие литераторы, привлеченные обаянием и колоритом его творческой личности. Немногие из этих младших находили поощрение в редакциях известных толстых журналов и в откликах литературной критики. Для Ремизова же, как свидетельствует его переписка, идея воспитания учеников с каждым годом эмигрантской жизни обретала все большую актуальность: с ними он отчасти реализовал и свои творческие потребности, созвучные тенденциям европейской культуры [10, с. 460–480].

Одним из мотивов сближения представителей двух поколений стала потребность начинающих в образовании самостоятельных издательских проектов, необходимых для выражения тенденций современной литературы и мироощущения молодых писателей и поэтов. Ремизовские молодые друзья во многом воспроизводили позицию избранного ими наставника. Одни транслировали примирительную идею синтеза творческих тенденций русской литературы, возникающих независимо от политических убеждений и государственных границ. Другие стремились к ассимиляции с западноевропейскими культурными мейнстримами. В конце 1925 г. в доме Ремизова повстречались будущие редакторы новых журналов — Д.А. Шаховской, Д.П. Святополк-Мирский и П.П. Сувчинский.

Появившийся в Париже Дмитрий Кобяков привлек писателя не только своими издательскими амбициями, но и «необщим выраженьем» творческой личности, без оглядки на критиков, устремленной (в меру своего таланта) к пересмотру выразительных средств поэтического дискурса. Вскоре он стал, наравне с молодыми парижанами — Вадимом Андреевым, Брониславом Сосинским и Владимиром Диксоном, одним из литературных протеже Ремизова, рекомендованным редактору «Благонамеренного» князю Шаховскому в качестве потенциального автора и будущего союзника молодежной «коалиции», поставившей перед собой задачу противопоставить идеологическим постулатам парижских литераторов старшего поколения — беспартийные и внеидеологические критерии восприятия художественных произведений.

Деятельная натура Кобякова определенно вызывала ремизовские симпатии. По нашим предположениям, писатель, поддерживая его литературные начинания, старался направить безудержную энергию «завоевателя» Парижа на насущные проблемы современного момента. Неслучайно, именно Ремизов взял на себя полномочия в письме Шаховскому проанонсировать возникший летом 1925 г. спонтанный проект:

Вас будет просить о стихах для сборника Кобяков, — сообщал Ремизов своему молодому корреспонденту и соратнику. Этот сборник он делает на свои деньги, от своего тяжелого заработка, хочется ему хоть одну книжку листа в 2а. Главное будет молодых писателей две прозы <sic!> — Цебрикова и Сосинского.

А у остальных, — это будет большое испытание — у китов он попросит 1 стр.

Представляете себе, 2 года привыкшие писать по листам, и задача: 1 стр.! <...> [5, с. 221, письмо от 18 августа]

Подоплека добровольной миссии Ремизова отчасти была связана с личными надеждами на инициативу молодежи, направленную на расширение книжного рынка и периодических изданий, число которых в эмиграции к середине 1920-х гг. катастрофически не отвечало потребностям творческих профессий русской эмиграции. С другой стороны, солидаризация Ремизова с молодыми подразумевала идею создания сильной и независимой оппозиции парижским литературным «цензорам» и критикам, установившим регламент *quantum satis* по отношению к новой поэзии и прозе начинающих. Такой же прессинг испытывал и зрелый мастер, не раз встречавший негативную рецепцию его творческих экспериментов [12, с. 246–265]. Не случайно предложение к сотрудничеству в литературном сборнике, поступившее вскоре от Кобякова, брюссельские поэты восприняли как шаг солидаризации с «Благонамеренным». Осенью 1925 г. представитель редколлегии журнала Юрий Цебриков делился со своим парижским корреспондентом предложениями относительно целей нового молодежного издания:

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Михайлович!

Получил также от г. Кобякова карточку, в которой он просит меня по Вашему совету прислать рассказ для «Ухвата». Я сегодня послал рассказ «Письмо». Но что за Ухват? То ли, что предполагал Шаховской? Если да, то почему не воспользоваться одним из пяти

рассказов <...>, которые сейчас у Шаховского для приткновения <sic!> их куда-либо? Ну да все равно. Спасибо Вам опять-таки за ходатайство⁴.

Позаимствованное из ремизовского лексикона название «Ухват» подтверждает степень влияния писателя на издательские планы Кобякова⁵. Естественно, что едва забрезжила возможность выпустить сборник, будущий редактор уже продумал его структуру и в императивной форме сообщил писателю свое видение ближайшего будущего: «Вы будете редактировать отдел в “Ухвате” и “Обезвельволпал”» (Amherst. Series 1. Box 4. Folder 1a). Таким образом, Ремизову отводилась роль редактора раздела прозы и своя «вотчина» в виде рубрики, посвященной мифической деятельности Обезьяней Великой палаты, адаптация которой на страницах эмигрантской печати уже имела свои прецеденты [28].

Однако идея сборника оказалась эфемерной и через некоторое время стремительно преобразовалась в более долгосрочный формат молодежного журнала. В октябре переговоры с неким издателем, готовым на финансовую поддержку, чуть было не завершились изменением уже бывшего на слуху названия. Об этом Кобяков докладывал в срочно отправленной почтовой карточке:

21 октября <1925>. 9 ч. 20 м. вечера.

Дорогой Алексей Михайлович!

<...> Михаил Струве известил меня, что в пятницу вечером мне необходимо быть у Гладкого, чтобы договориться об издании журнала.

Журнал будет — но не «Ухват» — издатель не согласен. Хотите «Шатер»? Гумилев тут ни при чем, журнала такого еще не было — и название не очень плохое. Решайте Вы. Когда я разбогатею — издам «Ухват» сам, а сейчас, очевидно, нельзя.

Привет Серафиме Павловне.

Ваш Дмитрий Кобяков⁶.

⁴ Amherst. Series 1. Box 4. Folder 1.

⁵ В архиве Ремизова сохранились черновой автограф заметки для печати, посвященной мифическим периодическим изданиям, объединенных сходной семантикой названий:

Щипцы

Ухват, Бык и наконец Щипцы (Les tenailles) в руках приезжей в Париж Марины Цветаевой. Новое издательство предложено по преимуществу для выпуска стихов и краткой прозы. Предполагается печатание повести Ф.А. Степуна «Утопленник». (Amherst. Series 1. Box. 11. Folder 11). См. также примеч. 29.

⁶ Amherst. Series 1. Box 4. Folder 1a.

Решение о литературном направлении нового периодического издания оказалось в прямой зависимости от судьбы брюссельского «Благонамеренного», который закончил свое существование на втором номере (вышел из печати в конце апреля 1926 г.), вызвав в критике старшего поколения парижан прохладные и даже враждебные отклики. Недоброжелательным оппонентом Шаховского выступила З. Гиппиус, увидевшая в программной статье и авторском составе журнала идеологическую «ересь», выражавшуюся в принципиальном разграничении сфер политической и литературной деятельности. Хронология событий лета 1925 г., с очевидностью обнаруживает, что воинственный настрой авторитетного критика, призвавшего сторонников к решительному отпору инакомыслящим, подтолкнул Шаховского сделать выбор между дольным и горним [13, с. 14–26], а Кобякова и стоящего за ним Ремизова заставил пересмотреть тактику и обратиться к жанру сатиры в качестве отвлекающего маневра, для утверждения все тех же задач создания единого поля русской литературы, объединяющего как зарубежных, так и советских писателей. Кардинальная переориентация позволила задуманному журналу не только заполнить пустующую в эмигрантской периодике нишу, но и сохранить литературную и идейную независимость.

В феврале 1926 г. Кобяков и его товарищ — художник Александр Шем⁷, на выпуске первого номера разделившие между собой редакционные обязанности, занялись привлечением к сотрудничеству известных литераторов. Вполне вероятно, что Ремизов способствовал контактам Кобякова с М.А. Осоргиным, который уже 4 февраля получил нижеследующее письмо:

Paris, le 4 Février — <19> 26

Многоуважаемый Михаил Андреевич,

Завтра, 5-го февраля, от 12ти до ½ 1ого мы приедем к Вам и очень просим от имени Ухвата, принять нас, так как в совете и указаниях ваших мы сильно нуждаемся.

Дмитрий Кобяков
Александр Шем⁸.

⁷ Александр Павлович Шеметов (псевд. Шем; 1898–1981) — художник-график, иллюстратор, живописец.

⁸ РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 1. № 407. Л. 1. Письмо написано рукой Кобякова. Автор публикации выражает сердечную благодарность Л.И. Соболеву за неоценимую помощь в работе с письмами Кобякова, хранящимися в фондах РГАЛИ.

Встреча была плодотворной: журнал решили выпускать по принципу тематических номеров. Осоргин и Ремизов с этого времени становятся теневыми идейными руководителями и негласными сотрудниками «Ухвата». Обоих писателей характеризовала двойственная позиция по отношению к современной России, что в парижской литературной среде 1926 г. вызывало резкую критику в адрес Ремизова, а в отношении более нейтрального в своих печатных выступлениях Осоргина — кулуарные подозрения в идеологической неустойчивости. Политический прагматизм во взглядах на творчество как Ремизова, так и Осоргина прочитывается в редакционной переписке журнала «Современные записки», этого оплота эмигрантского антибольшевизма.

В декабрьском номере журнала за 1925 г. состоялась публикация рассказа Ремизова «По “бедовому” декрету» (Кн. 26. С. 183–194), основанного на автобиографических реалиях 1917–1921 гг. Близкий редакции А.А. Кизеветтер, высказался в связи с новым произведением и по поводу тенденций эмигрантского самосознания:

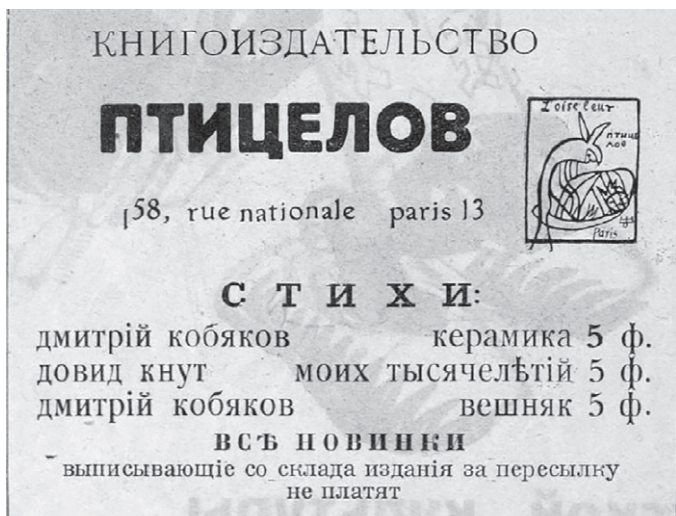
Очерки вроде ремизовского <...> очень полезны, независимо от степени их художественности. Нужно печатать побольше таких подлинных картин советской действительности. Ведь даже и сейчас, при живых свидетелях, <А.В.> Пешехонов и Осоргин пытаются идеализировать эту действительность, что же будет позднее, когда вступит в свои права психологический закон: «Что пройдет, то будет мило»?

[14, с. 474; письмо от 11 янв. 1926 г.]

Официальная и «теневая» редакция «первого в эмиграции двухнедельного сатирического журнала», «внепартийного» и «никем не субсидируемого», как подчеркивалось в редакционной заметке «Ухвата», вошедшего в литературный мир Парижа 31 марта 1926 г., несомненно, преследовали цель продемонстрировать альтернативный существующим периодическим изданиям нетипичный взгляд на эмигрантскую реальность образца 1926 г. Тема первого номера «Ухвата» звучала по меньшей мере провокационно — «Наша политическая физиономия».

Формально журнал выпускали с грифом издательства «Птицелов», первоначально учрежденного Кобяковым под публикацию собственных стихотворных тетрадей⁹. Графическую марку для этого

⁹ В июне 1925 г. в издательстве «Птицелов» также была выпущена книга стихов Д. Кнута «Моих тысячелетий».

Плакат издательства «Птицелов» с рисованной маркой работы А. Ремизова. 1926.
Опубл. в рекламных блоках номеров журнала «Ухват».

A poster of the "Birdcatcher" publishing house with a hand-drawn stamp by A. Remizov. 1926. Publ. in the advertising blocks of the issues of the "Ukhvat" magazine.

частного предприятия изготовил Ремизов¹⁰. Символика рисунка с изображением ушастого зверка, напоминающего зайца, который заботливо склонился над гнездом с птенцами, не оставляет сомнений в том, что в 1925–1926 гг. писатель не отделял Кобякова от своих учеников (таких не похожих на него), а его инициативу рассматривал в перспективе собственных творческих стратегий. Символика этой эмблемы имеет прямую взаимосвязь с двумя анонимными объявлениями об учреждении новых издательств, помещенными Ремизовым в газете «Дни»¹¹. Характерно, что мифическое издательство, анонсированное 8 февраля, называлось «Гнездо», а другое, появившееся 20 октября, как раз, когда решался вопрос о названии журнала с всемогущим Гладким (см. выше), — «Птицелов»¹². Символ «гнездо»

¹⁰ Марка, нарисованная, предположительно, в конце октября 1925 г., когда в типографии находился в производстве второй парижский сборник стихов Кобякова «Вешняк», впервые появилась именно на этом издании «Птицелова» в самом начале 1926 г. Издание также сопровождалось факсимиле «Обезьянней грамоты» Кобякова, подробнее см.: [9].

¹¹ Ср. письмо С.Я. Осипова — берлинского корреспондента Ремизова, державшего связь писателя с русскими издательствами в столице Германии, который еще в январе 1925 г. сообщал: «Информацию о "Птицелове" я переписал и отправил по Вашим указаниям» (Amherst. Series 1. Box 3. Folder 15).

¹² Заметим, что сама идея издательства была настолько актуальной, что его названия варьировались и вне интересующего нас семантического поля: 7 июня

объективирует ремизовскую модель творческой школы, основанной на идее преемственности писательского ремесла [10, с. 460–480]¹³.

Дебютный выпуск «Ухвата» сопровождался печатью небольшого тиража специального плаката, рекламирующего издательство «Птицелов» с ремизовской маркой в композиции.

В марте, когда первый номер «Ухвата» еще находился в производстве, уже полным ходом шла работа над вторым номером, посвященным теме «Charme Slave» — курьезным формам адаптации русской культуры и языка в европейском контексте.

Очевидно, что М.А. Осоргин вовлекся во все детали легализации и идейного наполнения номеров. Для учреждения издания понадобились поручители, имевшие французское гражданство. Кобяков и Шем уладили все формальности и остро нуждались в консультации профессиональных литераторов, хорошо владеющих политико-идеологической палитрой русского литературного Парижа. По всей вероятности, 19 марта «ухватцы» оповестили мэтра об очередном визите:

Пятница

Михаил Андреевич,

C gerant'ством все устроилось. Фамилия его г. Бесноватый <sic!> (на самом деле, не шучу — и он французский подданный)¹⁴.

В общем сохранен *couleur local*¹⁵.

Завтра мы уговорились с Дмитрием Юрьевичем <Кобяковым. — Е.О.> быть у Вас — к часу дня — поговорим спокойно о *Charme slave*.

Дм. Кобяков

А. Шем¹⁶.

в Литературной хронике того же печатного источника появилось объявление об издательстве «Башлык», которое якобы готовило к выпуску ремизовский «Воровской самоучитель» — собрание житейских максим, впоследствии опубликованное на страницах «Ухвата» (Ухват. 1926. № 5. 1 июля. С. 10; № 6. 20 июля. С. 11).

¹³ Об этом подробнее см. также: [9]. В этом символическом мотиве необходимо учитывать и ремизовскую автомифологию, которую он связывал с воспетой в южнорусских колядках птицей «ремез». См. также: [2, с. 224–228].

¹⁴ На последней странице журнала обозначалось имя взявшего на себя обязанности юридически ответственного лица: «Le Gérant: M. Bisnovaty». Марк Александрович Бисноватый не раз выступал «жераном» в эмигрантских изданиях (в частности, в издании «Ллойд-журнала». Париж; Берлин, 1931–1932), после окончания Второй мировой войны был редактором просоветской газеты «Русские новости» (Париж, 1945–1970). В 1954 г. в качестве верстальщика принимал участие в издании книги Ремизова «Огонь вещей» (изд. «Оплешник»).

¹⁵ Местный колорит (*фр.*)

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 1. № 407. Л. 3. Письмо написано рукой А. Шема.

Одновременно в двух мартовских письмах, адресованных Ремизову, Кобяков рассказывал о продвижении дел.

20 III 1926

Дорогой Алексей Михайлович!

Номер немного опаздывает — не успели сделать все клише. Мы приступили к набору второго №, чтобы его не задерживать. Будем очень рады; если Вы пришлете для Charmé Slave «Сливы» — Шем читал в «Днях»¹⁷, и еще некоторые <1 сл. нрзб.>. Но все равно думаем пустить их в 3ий номер. — И рисунки¹⁸.

«Юбилей» набраны — клише готовы — вышло хорошо¹⁹.

Что-то «Версты» — действительно выйдут ли?²⁰

Это Вы так?

Быть у Вас не могу, так как до 6-ти вечера на заводе, а потом в типографии до 12 — или дольше <?> — корректура да письма деловые.

Может быть, Вы все же ответите мне.

Плакат — повесьте у себя на стене.

Привет Серафиме Павловне.

Ваш ДмКобяков.

P.S. пишите по моему адресу на St. Jacques!²¹

Как следует из отчетов редактора, он, также как и Шаховской в Брюсселе, с нетерпением ждал тиража «Верст», для того чтобы обозначить единство трех журналов, своим появлением декларирующих новое видение задач современной русской литературы в условиях эмиграции. Далеко не случайным стал и тот факт, что первый номер «Ухвата», вышедший из печати 31 марта, уже 5 апреля продавался в помещении Клуба Союза молодых поэтов и писателей (79, rue

¹⁷ Здесь ошибочно назван источник первой публикации сказки «Сливы», которая в действительности была напечатана в газете «Последние новости» вместе с двумя другими литературными обработками записей фольклорных сказок, присланных Ремизову этнографом П.Г. Богатыревым («Басуркуны» и «Упырь»), под общим заголовком «Сказки Подкарпатской Руси: По материалам П.Г. Богатырева» (Последние новости. 1925. 23 июля. № 1608. С. 3).

¹⁸ Сказка «Сливы» появилась в «Ухвате» в сопровождении авторской иллюстрации.

¹⁹ Речь идет о миниатюре: Ремизов А. Три юбилея (1866–1926) // Ухват. 1926. № 1. С. 8.

²⁰ Первый номер журнала «Версты» был отпечатан в десятых числах июня. Об участии Ремизова в формировании первых номеров см.: [19; 13].

²¹ Amherst. Series 1. Box 4. Folder 3.

Denfert-Rochereau), где была устроена лекция Д. Мирского «Культура смерти в русской предреволюционной литературе», оставившая скандальный след в истории русского Парижа 1926 г.²² Наивный вопрос Кобякова, касающийся отсрочки выхода «Верст», является не только подтверждением ремизовского положения «тайного советника», но и штрихом к характеристике личных стратегий писателя, который, по-видимому, поддерживал свое status quo «руководителя» молодежных журналов в глазах редактора, еще мало ориентировавшегося в литературном мире. Два дня спустя в письмах к Ремизову хроника рождения «Ухвата» была продолжена:

22 Mars 1926

Дорогой Алексей Михайлович!

<...>

Устаю страшно — иногда хочется все бросить — ухвату на рога — но нужно сделать. Первый № еще не совсем такой, к<a>к я хотел бы. Потом выправится — пойдет лучше.

В «П<оследних> Н<овестях>» рассказывали, что много спрашивают журнал, газетчики не знают, где брать его. Постепенно налаживается все.

<рисунок: человек бежит, обняв большой ухват>.

<...>

Ваш ДмКобяков²³.

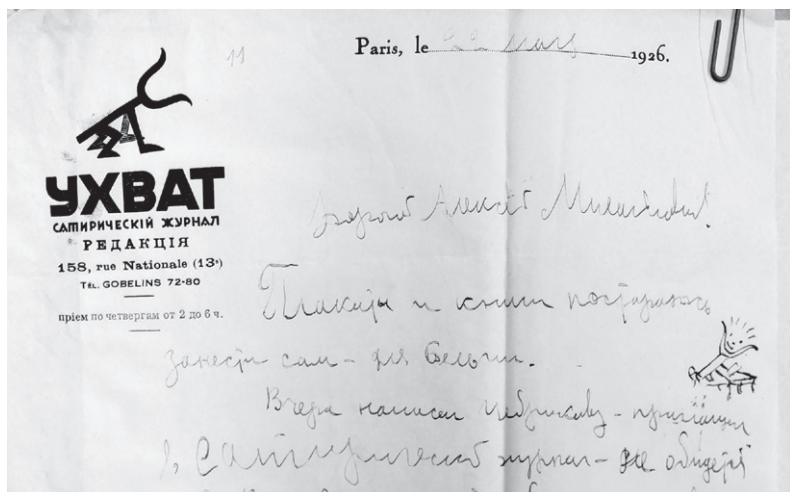
Самоотверженную преданность Кобякова своему издательскому детищу трудно переоценить, учитывая, что издание журнала осуществлялось за счет продажи тиража и, по-видимому, нередко на средства, заработанные самим редактором трудом сцепщика железнодорожных вагонов и заводского электромеханика. В краткие часы свободного времени он составлял тематические статьи, печатавшиеся в журнале анонимно; сочинял рассказы, пришлось упражняться и в стихосложении: юморески и сатирические вирши он подписывал псевдонимом «Елизавета Пинк»²⁴.

Тайная редакция с методической регулярностью совещалась то в эпистолярном диалоге, то в личных беседах Кобякова с Ремизовым и Осоргиным. Остроты и природная ироничность писателей, далеких от жанра сатиры, получили заслуженное признание в дружеских литературных кругах. В опубликованных без авторских подписей

²² См. упоминание: [27, с. 24–25].

²³ Amherst. Series 1. Box 4. Folder 3.

²⁴ О псевдонимах Кобякова см.: [24, с. 14].

Фрагмент Письма Д.Ю. Кобякова А.М. Ремизову. Париж. 1926. 22 мая. На фирменном бланке журнала «Ухват» с рисунком Кобякова. (Amherst).

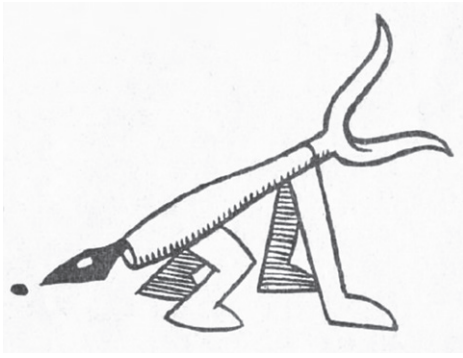
Fragment of D.Yu. Kobayakov's Letter to A.M. Remizov. Paris. 1926. 22 May. On the letterhead of the "Ukhvat" magazine with a drawing by Kobayakov. (Amherst).

заметках угадывается стиль или авторская «тема» этих двух тайных патронов журнала. В отличие от Осоргина, печатавшегося в журнале под псевдонимом «Робкий человек»²⁵, Ремизов скрывал свое присутствие лишь в единичных случаях, подстраиваясь под общий стиль современной журналистики, играя с формой газетного объявления, литературной хроники и житейской «мудрости»²⁶. Если Осоргин был мастером сатирической стилизации, раскрывающей особенности обывательского сознания русского эмигранта, то Ремизов явно акцентировал направление литературной ревизии, выявляющей уязвимые стороны современной печати, критики, журналистики, художественной литературы. Художник Шем практически буквально отобразил ремизовскую идею в символическом значке «Ухвата», соединившем в один инструмент перо и известный предмет народной утвари, с которым связана определенная сказочная парадигма функционального применения в диапазоне от прямой расправы до «пропекания»²⁷.

²⁵ Раскрытие псевдонима и известный иронический стиль общения Осоргина были обыграны в шуточном интервью Д. Кобякова, опубликованном без подписи под названием «Как живет и работает М.А. Осоргин» (Ухват. № 4. 15 июня. С. [6]).

²⁶ См. перечень его произведений, опубликованных в «Ухвате»: [1].

²⁷ По всей вероятности, логотип, изображенный на бланке с грифом журнала, был выполнен по рисунку Д. Кобякова, сопровождавшего свои письма к Ремизову похожей версией «оживленного» предмета.

А. Шем. Символ журнала «Ухват». 1926.
Опубл.: Ухват. 1926. № 1. 31 марта. С. 1.

*A. Shem. The symbol of the "Ukhvat" magazine.
1926. Publ.: Ukhvat. 1926. No. 1. March 31. P. 1.*

По нашему предположению, собственно ремизовское влияние сказалось и в заголовке раздела «Отдел насекомоядных». Помещенные здесь анонимные заметки по своей нацеленности на курьезные примеры из современной литературы, сходны с рубриками «Щуп и цапля» и «Цапля», которые помещались на страницах журнала «Своими путями» в 1926 г. и «Новой газеты» в 1931-м без указания имени автора [18, т. 14, с. 208–212, 220–223]²⁸. Не без ремизовской игровой эстетики Обезьяньей великой и вольной Палаты появилась и идея звания «кавалера ордена почетного Ухвата», которое ожидало «политических и общественных деятелей, писателей, ученых, лицах всех профессий» — «за наиболее плоские, пошлые и нелепые выступления в печати» (Ухват. № 1. С. 1).

Мастер мистификации, несомненно, был идейным вдохновителем нескольких остроумных шуток в собственный адрес. В первом номере журнала совсем в его стиле был помещен список вымышленных произведений современных писателей, в том числе и приписанный Ремизову сказ «Курдулак» (Ухват: № 1. С. 9)²⁹. Во втором номере в разделе «Литературные новости» сообщалось:

А.М. Ремизов ищет новых знакомых, так как обо всех старых уже не раз упоминал и во сне их больше не видит (Ухват. № 2. С. 9).

²⁸ Архив писателя сохранил оставшиеся вне печати адресные реплики Ремизова под общим названием «Ухват», написанные в связи с высказываниями на страницах повременной печати 1926 г. Дона-Аминадо, Вл. Ходасевича, М.А. Алданоаа и др. (Amherst. Series 1. Box. 11. Folder 23).

²⁹ Ср. анонимное объявление: «Переехавшая на постоянное жительство в Париж поэтесса Марина Цветаева становится во главе ежемесячного журнала «Щипцы». Журнал будет посвящен, главным образом, печатанью стихов, но в первом номере появится новая повесть Ф. Степуна «Утопленник» (Последние новости. 1925. 12 ноября. № 1704. С. 4). См. также примеч. 5. В литературном окружении Ремизова его авторство не требовало доказательств. Ср. письмо К. Мочульского Дм. Шаховскому: «Марина Цветаева в Париже, но к «Щипцам» никакого отношения не имеет, ибо Щипцы, конечно, выдумал Ремизов, хотя и отрицает» [5, с. 242].

Тенденция язвительных заметок, обращенных на творчество известного писателя, была усилена в четвертом номере:

«Асыкины» произведения Алексея Ремизова. В настоящее время переводятся самим автором на русский язык. Ввиду многих излюбленных Ремизовым словесных загогулин. Перевод продвигается крайне туго (Ухват. № 4. С. 13).

Такая литературная «провокация», на наш взгляд, имела целью создать резонанс вокруг прецедентов негативной критики и цензуры в парижской периодической печати, направленных на три авторские темы — увлечение редкими диалектизмами, «Обезвельволпал» и литературные сновидения. Именно на страницах «Ухвата» Ремизов развернул свою борьбу с преследованием литературных снов и использованием реальных имен в его художественных текстах [11].

Илл. 4. N. d'Haine. Алексей Ремизов. Шарж. <1925>. Опубл.: Ухват. 1926. Ухват. 1926. № 6. С. 11.

Fig. 4. N. d'Haine. Alexey Remizov. Cartoon. <1925>. Publ.: Ukhvat. 1926. Grasp. 1926. No. 6. P. 11.

Нашлись даже защитники писателя, обычно выступавшие со строгими оценками творческого эксперимента писателя в эмиграции. Так, почтенный критик Юлий Айхенвальд, вероятно, обратил внимание на приведенные выше «анти-ремизовские» заметки и, рецензируя журнал, решил попенять молодежи за несоблюдение литературной субординации:

«Ухват». Сатирический журнал. Издательство «Птицелов»

Он издается в Париже. Внешность его и многое в содержании напоминает собою стиль «Сатирикона». Но это все — в эмигрантском издании, т.е. не исправленном и дополненном, а, наоборот, ущербленном. Рисунки нуждались бы в гораздо большей четкости и, так сказать, убедительности. Так как «Ухват» начал свою насмешливую деятельность еще во время Зарубежного съезда, то он и ухватился за него — очень цепко и крепко. Но и «Возрождению» достается от журнала не меньше, чем «Последним Новостям», и вообще расточа-

ет он всем сестрам по серьгам. И даже собственные его сотрудники, как, например, Алексей Ремизов, не освобождены от невежливых ухваток «Ухвата»...³⁰

Как литературный, так и политический вектор сатирической публицистики журнала отличался неуловимой неопределенностью и приводил потенциальных оппонентов в затруднение. В первом номере редакция позиционировала свое издание как принципиально «молодежное» и обозначила пунктирную взаимосвязь с опытом бесславно завершившегося журнала «Благонамеренный». Между тем среди постоянных авторов «Ухвата» оказались в большинстве своем представители старшего поколения: Тэффи, Дон-Аминадо, Саша Черный, образовавшие преемственность «Ухвата» традиции петербургского «Сатирикона» (1908–1913), а также яростный противник советской власти фельетонист-политик Александр Яблоновский. Двойственная «послушность» и «лицемерие» пронизывали уверения редакционной заметки, мотивирующей тему первого выпуска. По предположению Айхенвальда, она была ориентирована на предстоящее в начале апреля основное событие эмигрантской жизни — Российский зарубежный съезд, на который были приглашены представители русских диаспор из 26 стран. Номер, как уже упоминалось, назывался «Наша политическая физиономия». Редакция, в сущности, состоявшая из одного Кобякова и его оставшихся в тени «направляющих» Осоргина и Ремизова, демонстративно следовала наставлениям главного блюстителя идеологии эмигрантской литературы — Зинаиды Гиппиус, уничтожившей журнал «Благонамеренный» за отказ от политики как таковой. В связи с этой печальной историей ликвидации нового молодежного журнала редакционная статья первого номера «Ухвата» начиналась эпиграфом в стиле редакционного примечания: *«просят критиков не читать»*.

Интрига программных установок состояла в заведомой дезориентации критически настроенных читателей: редакция, как будто выкладывая все «козыри», заявляла о своей политической и литературной незрелости и заранее расписывалась в полной безнадежности издания сатирического журнала на пространстве русского зарубежья, которое также неприкрыто называлось «эмигрантским болотом». Практически каждый пассаж «ухватовского» манифеста был обращен к проблеме кризиса отношений старшего и младшего литературных поколений. «Выпустив первый номер, такой скучный для нас самих, мы даем себе слово впредь политической физиономии

³⁰ Рувль. 1926. 20 окт. № 1789. С. 5.

не касаться и быть, как положено молодым и неопытным, благовоспитанными*»³¹, — писала редакция «Ухвата», при помощи отсылки (*не смешивать с «благонамеренными») недвусмысленно намекая на произведенную Гиппиус расправу с журналом Дм. Шаховского³².

Между тем тенденция к освещению советской действительности в сатирических тонах посредством перепечаток из советских сатирических изданий рассказов М.М. Зощенко, Н.А. Карпова, Б.М. Левина, стихов В.И. Лебедева-Кумача не предоставляла отчетливых поводов зачислить журнал Кобякова в число евразийский проектов, к которым незаслуженно был причислен «Благонамеренный» и справедливо отнесен журнал «Версты». Подобная «антисоветчина» «Ухвата» мало отличалась от московского «Крокодила» и парижской «Иллюстрированной России». В редакции журнала искусно выдерживалась линия политического нейтралитета или даже двойственности позиции, которая не создавала конфликта взглядов. Формулу виртуозной игры мнениями, на наш взгляд, вобрала в себя опубликованная в журнале загадка: «Почему Саша Черный — белый, а Андрей Белый — красный?» (Ухват. 1926. № 1. С. 9). Силлогизм не только предполагал заведомо известные ответы, но и объективировал неприемлемый для редколлегии журнала идеологический ракурс в оценках творчества известных представителей современной русской литературы.

Пристальное наблюдение за содержанием пяти номеров журнала в конце концов не вызвало у Гиппиус, поднявшей факел борьбы с эмигрантскими «большевиантами», серьезных нареканий. Она даже благосклонно упомянула об «Ухвате» в одном из писем к своему младшему коллеге — Г. Адамовичу, отличавшемуся взыскательностью и строгим отношением к качеству новой эмигрантской литературы. Неожиданно мнение ее *vis-à-vis* оказалось категорически противоположным. Одно только имя редактора нового журнала прозвучало для критика, изучившего уже поэтическую манеру Кобякова на вечерах Союза молодых писателей и поэтов, в унисон с пущенным Вл. Ходасевичем определением «кобяковщина», которое стало использоваться как назывное обобщение фиктивной, по сути, деятельности: «Я, конечно, верю Вашим честным отзывам об “Ухвате”, — отвечал Адамович Гиппиус, — но “помоги моему неверию”. Ведь там Кобяков — заправила!» [15, с. 441]³³.

³¹ Ухват. № 1. С. 1.

³² См. также: [25, с. 142–143].

³³ В конце года бурная деятельность поэта и редактора привлекла внимание Вл. Ходасевича, который 24 декабря отметил в личных записях событие редакционных будней газеты «Дни» — «разговор о Кобякове» [26, с. 79]. Ср. также воспоминания Ю. Софиева: «Вл. Ходасевич с присущей ему злостью ввел термин “кобяковщина”,

Тем временем Кобяков самоотверженно боролся за печатную жизнь «Ухвата». И все же содержание уже четвертого номера предвещало скорый конец. О плачевном состоянии дел отчаявшийся редактор писал Осоргину:

Дорогой Михаил Андреевич, <...> № 4, кажется, будет отвратительным. Боюсь думать о нем.

Передовую написал сам — больной, лежа в постели. Насекомоядный отдел — тоже.

<Саша — Е.О.> Черный дал дрянь — но пустить пришлось, так к<a>к не было уже времени, хотя его вещи я и смягчил — но все же... Видел сегодня Аминадо: он никак не ожидал, что я посмею не взять его вещи <—> отказался сотрудничать. Художники орут со всех сторон↓— требуют денег — а где их взять? Плохо.

Теперь — если можете, помогите. S.O.S. P.C.F.C.P. Не знаю, что еще!

Присылайте передовицу — можно о купальном сезоне и прочем таком.

Тэффи <я — Е.О.> написал. Яблоновский обещал.

Вас же прошу — передовицу <...>. Г. Ландау³⁴ дал слабую вещь³⁵.

В те же дни Ремизов получил письмо сходного содержания, хотя и менее подробное, что, очевидно, соответствовало степени его участия в редакционных делах:

характеризующий весьма отрицательное и малодостойное литературное явление, сведя все его поэтическое творчество — к «неумному и безобразному подражанию Пастернаку» [23, с. 110–111]. См. также упомянутый штрих к характеристике Кобякова, объясняющий причины, по которым осенью 1925 г. Кобяков был исключен из Союза молодых поэтов и писателей. Ср. запись от 1 ноября 1925 г., оставленную невестой Софиева, начинающей поэтессой Ириной Кнорринг: «В понедельник, за обедом Папа-Коля дает мне “Возрождение” <...>. Читаю в Хронике, что издательство “Птицелов” готовит к печати сборники Кобякова, Монашева и Ирины Кнорринг: “Стихи”. Я поняла, от кого исходит заметка, т.к. за такие-то самочинные выступления Кобяков и был исключен из Союза <...> оказывается, в “Днях” тоже была такая же заметка, даже с именем Терапиано» [6, с. 513–514].

³⁴ На первый взгляд неожиданным в ряду писателей-сатириков может показаться имя *Григория Адольфовича Ландау* (1877–1941) — журналиста, критика, публициста, жившего в это время в Германии. См. о нем: [16, с. 79–94]. Между тем авторский жанр остроумных афористических высказываний Григория Ландау давал основания для привлечения его в «Ухват». Содержание шестого номера «Ухвата» обнаруживает публикацию фельетона некоего А. Ландау под названием «Бенефис» (1926. № 6. 20 июля. С. 26). Стиль этого сочинения не ассоциируется с философским дискурсом Г.А. Ландау. «Рифму» в сюжет привлечения Григория Ландау в журнал вносит совпадение его фамилии и инициалов с именем писателя, в прошлом «сатириконововца», Георгия Александровича Ландау (1883–1974), оставшегося в России и в 1920-х гг. отошедшего от сатиры.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 1. №. 407. Л. 2.

Paris, le 23 mai 1926

Дорогой Алексей Михайлович!

Получил обе Ваши открытки.

Был около Вас — не зайти не смог.

Занят все время страшно — и работаю, почти, впусую: денег нет и выпуск каждого номера — подвиг.

Все еще не теряю надежды выпустить 4 № к 1му июня. Зий № я Вам послал.

Хотите — напишите об инвалидах — немного³⁶. Пойдет в четвертый №.

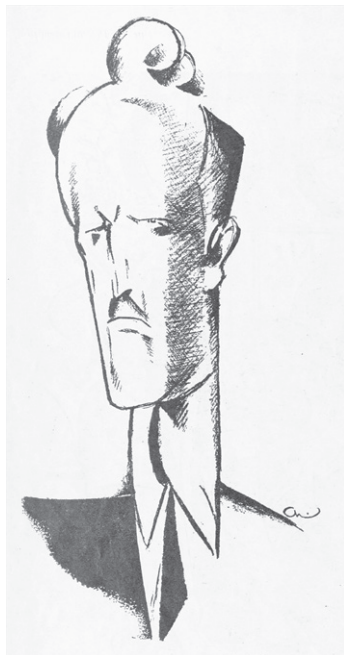
Отсутствие Осоргина сильно дает себя чувствовать.

Привет Серафиме Павловне.

Ваш ДмКоб.

P.S. М<ожет> б<ыть> зайду в понедельник вечером. <...>³⁷

Переписка редактора с тайной редколлегией показывает, что журнал испытывал как финансовые трудности, так и проблемы с литературными материалами. Фактически последний, шестой номер «Ухвата» вышел в свет 20 июля 1926 г. Слабая надежда на возобновление потерявшего ритм выпусков двухнедельника еще теплилась поздней осенью. Кобяков в это время безуспешно пытался добыть денег, поступления которых в значительной степени зависели от продаж тиража, но ввиду неаккуратности распространителей журнала издание терпело значительные убытки. Например, обязанности генерального представителя «Ухвата» в ЧСР взял на себя писатель А.А. Воеводин, член редколлегий нескольких пражских органов печати. К нему у Кобякова накопился большой долговой счет, требовать уплаты по которому он решился при поддержке такого авторитетного лица, как В.Ф. Булгаков, в 1925–1927 гг. выполнявшего обязанности председателя Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. В Прагу было направлено прошение:

А. Шем. М.А. Осоргин. Шарж. 1926. Опубл.: Ухват. 1926. № 4. 15 июня. С. [6].

A. Shem. M.A. Osorgin. Cartoon. 1926. Publ.: Ukhvat. 1926. No. 4. June 15. P. [6].

³⁶ На страницах «Ухвата» размещался призыв: «Помогите инвалидам-эмигрантам!!». Предложение Ремизовым не было принято.

³⁷ Amherst. Series 1. Box 4. Folder 3.

4 ноября <19> 26 г. Париж

Многоуважаемый Валентин Феодорович <sic!>!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой воздействовать на члена Союза Писателей в Праге А.А. Воеводина (Negudova 48, Vinogrady), чтобы он возвратил свой долг «Ухвату». На письма Воеводина не отвечает — иного способа к<a>к Ваше моральное воздействие к<a>к Председателя Союза — я не вижу.

Простите за беспокойство, но я сам сейчас работаю, и мне важно вернуть хоть часть денег истраченных на издание журнала.

По последнему отчету Воеводина — еще от 15 июня — за ним числится 25 экз<емпляров>, т.е. *на сумму 321 фр<анк> 25 сантим<и-мов>*. Эту сумму он должен мне выслать. Воеводину были предоставлены самые льготные условия, денег добиться всегда было трудно, а теперь, когда нет угроз прекращения высылки журнала — он не только не вернул денег, но даже перестал отвечать на письма.

А «Ухват»! — все же выйдет! В декабре.

Еще раз прошу прощения.

Жду ответа от Вас.

Искренно уважающий Вас,

ДмКобяков³⁸.

Деньги так и не были получены. Смирившись, Кобяков переключился на поэтическое творчество, готовя к печати второй свой сборник стихов под названием «Горечь». В январе он даже подумывал устроить литературные поминки собственному издательскому детищу. Развивая свою идею, он делился с Осоргиным тайными помыслами:

18 января 1927 г.

Дорогой Михаил Андреевич!

Не о вечере типа Аминады <sic!> мечтал я. Не корыстную цель преследовал.

Просто хотелось вызвать милую тень Ухвата — и вспомнить о том, чего не было. Собралось бы несколько избранных и посвященных, м<ожет> б<ыть> кто-нибудь и улыбнулся, и запомнил бы вечер. Вот и все. <...>. Неужели совсем никак нельзя достать денег? Но, хоть на один №! Михаил Андреевич...³⁹

В истории периодики русского зарубежья «Ухват» остается редким собранием неизвестных имен и нераскрытых псевдонимов. На страницах

³⁸ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. № 746. Л. 2–3.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 1. № 407. Л. 4.

этого издания гипотетически и фактически было возможно соседство имен советских сатириков и, например, дадаиста Сергея Шаршуна, очевидно, попавшего в журнал с легкой руки Ремизова, поэта тифлисской школы авангардистов Георгия Евангулова и публициста Григория Ландау (возможно, привлеченного Осоргиным). С точки зрения истории эмигрантского графического искусства журнал представляет собой кладезь сатирической графики известных художников русского Парижа — Александра Шема, Федора Рожанковского и Роберта Пикельного.

В биографии Кобякова 1926 г., проведенный в сотрудничестве с тайной редколлегией «Ухвата», стал временем интенсивного литературного ученичества и самоопределения в эмигрантском литературном и общественном пространстве. Принятая под руководством негласных идейных вдохновителей стратегия журнала, направленная на политический нейтралитет, социокультурные проблемы человека русского зарубежья и задачи русской литературы, оказалась шире сатирического жанра, точность оптики которой довольно быстро разбалансировалась. Возможно, это случилось и потому, что выбранная позиция внутренне не удовлетворяла редактора. Уже в 1927 г. он был захвачен планами по учреждению «Общества духовного общения с современной Россией», мотивируя в письме Ремизову необходимость такой институции: «Даже те, кто ненавидят Россию (как будто нельзя отделить власть от страны) должны изучать своих врагов» (Amherst. Series 1. Box. 4. Folder 10). После 1927 г. встречи бывшего редактора с Ремизовым стали редкими, а отношения с Осоргиным, напротив, несколько лет спустя приобрели новое наполнение, когда в начале

А. Шем. Д.Ю. Кобяков. Шарж. 1926. Опул.: Ухват. 1926. № 4. 15 июня. С. [6].

A. Shem. D. Yu. Kobayakov. Cartoon. 1926. Publ.: Ukhvat. 1926. No. 4. June 15.

1930-х гг., очевидно, не без участия известного писателя-масона Кобяков приобрелся к ордену вольных каменщиков и даже проявил на этом поприще личную инициативу, создав ложу «Гамаюн» [21, с. 173]. Тайные собрания эмигрантских братств посвящались умозрительным концепциям спасения отечества, его настоящему и будущему [21, с. 170–173]⁴⁰.

В 1958 г. Кобяков вернулся в СССР. Публичная деятельность новообращенного советского гражданина требовала редукации и редактирования эмигрантского прошлого. Только в 1962 г. он позволил себе воспоминания о парижской жизни 1920-х гг. В его рассказе «Резистанс», предложенном в алма-атинский журнал «Простор», появилось краткое упоминание о Ремизове и «Ухвате». Рассказ так и не был напечатан. Прочитавший рукопись Юрий Софиев, который разделил с Кобяковым судьбу репатрианта, был потрясен грубым искажением фактов, очевидцем которых ему довелось быть. В своем дневнике он сохранил фрагмент советской мемуаристики бывшего парижанина:

В это время (это 20–30 гг.) в Париже издавалось много советских журналов, я редактировал “Ухват”, в нем печатались А.М. Ремизов, Вас. Шушаев⁴¹, А.О. <sic!> Анненков (и еще какие-то имена, которые я узнал у Ю.С. <Ю.Б. Софиева>)... [23, с. 51].

Возмущенный «забывчивостью» друга, Софиев записал разговор, состоявшийся при личной встрече:

- Митя, какие советские журналы?
- Ну, «Парижский вестник» (?)⁴², ну, вообще и другие «просоветские» ...
- Так что же твой «Ухват» без контекста тоже, выходит, был советским журналом?
- Ну, просоветским [23, с. 51].

⁴⁰ Ср. воспоминания стороннего наблюдателя: «...у Осоргина по понедельникам как раз и собирались масоны, среди которых, действительно, было немало и литературной молодежи. Беседы велись на “душеспасительные масонские” темы, которые очень скоро всем надоели, уступая место литературным сплетням, спектаклям, и вообще литературным событиям. Осоргин приглашал по преимуществу литераторов, входивших и в другие ложи. Татьяна Алексеевна приготавливала чай, бутерброды и удалялась в свою комнату» [23, с. 82]. См. также: [20].

⁴¹ Подмена имени Александра Яковлева, предоставившего журналу одну графическую композицию (Ухват. 1926. № 2. С. 3), именем его друга Василия Шушаева, вернувшегося в СССР в 1935 г. и дважды прошедшего советские лагеря.

⁴² Ежедневная газета «Парижский вестник» (1925–1926) — советское издание в Париже [7, с. 590].

Литература

1. Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2017) / авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко. URL: <http://pushkinskiydom.ru/remizov/pages/II.%20Critical%20articles.html> (дата обращения: 01.08.2021).
2. *Безродный М.В.* Об одной подписи Алексея Ремизова // Русская литература. 1990. № 1. С. 224–228.
3. «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / вступ. ст. Л.Н. Белошевой; сост., биографии Л.Н. Белошевой, В.П. Нечаевой. М.: Русский путь, 2006. 768 с.
4. *Гиппиус З.* Письма к Берберовой и Ходасевичу / ed. by E. Freiburger Sheikholelami. Ann Arbor: Ardis, 1978. 120 p.
5. *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Биография юности: Установление единства. Париж: YMCA-PRESS, 1977. 420 с.
6. *Кнорринг И.* Повесть из собственной жизни: Дневник: в 2 т. / подгот. текста Н.Н. Кнорринга, Н.М. Черновой; вступ. ст., коммент. И.М. Невзоровой. М.: Аграф, 2009. Т. 1. 608 с.
7. *Кудрявцев В.Б.* Периодические и неперіодические коллективные издания русского зарубежья (1918–1941): Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: Опыт расширенного справочника: в 2 ч. М.: Русский путь, 2011. Ч. 1. 936 с.
8. *Марьин Д.В.* Русская этимология и лексикография в исследованиях Д.Ю. Кобякова // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 128–135.
9. *Обатнина Е.* «Птицелов» из ремизовского «гнезда»: к эмигрантской биографии поэта Дмитрия Кобякова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. № 9. С. 85–95.
10. *Обатнина Е.* Дмитрий Солунский и Алексей человек Божий о литературных «чадах» (новонайденные дополнения к истории эпистолярных контактов Д.В. Философова и А.М. Ремизова) // Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Н.А. Богомолова / под ред. А.Ю. Сергеевой-Клятис, М.Ю. Эдельштейна. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 460–480.
11. *Обатнина Е.Р.* А.М. Ремизов в борьбе за «сон»: материалы к творческой биографии // Русская литература. 2021. № 1. С. 161–168. DOI: 10/31860/0131-6095-2021-1-161-169
12. *Обатнина Е.Р.* Алексей Ремизов: между рецепцией и авторефлексией: (избранные страницы альбома «Зарубежная цензура». 1923–1931) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 4. С. 246–265. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-246-265>
13. *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстето-разложенец» // Литературный факт. 2020. № (3) 17. С. 8–53. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-8-53>
14. Письма А.А. Кизеветтера Н.И. Астрову, В.И. Вернадскому, М.В. Вишняку / публ. М. Раева // Новый журнал. 1988. Кн. 172–173. С. 462–526.
15. Письма Г.В. Адамовича к З.Н. Гиппиус. 1925–1931 / вступ. ст., публ., коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. СПб.: Феникс, 2002. Вып. III. С. 435–535.
16. *Поляков Ф.* Тень окрыленной мысли. Памяти Григория Ландау // Ландау Г. Эпиграфы (Берлин, 1927 — Париж, 1930) / ред. и послесл. Ф. Полякова. М.: Пробел, 1997. С. 79–94.
17. *Поляков Ф.* Югославянские контакты Алексея Ремизова в 1920-е – 1930-е годы // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. 2015. N.F. 3. P. 248–249.

18. *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.; СПб.: Русская книга; Ростов, 2000–2003, 2015–.
19. «...с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / публ. Р. Хьюза // *Дiaspora: Новые материалы*. V. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2003. С. 335–401.
20. *Серков А.И.* М.А. Осоргин и его масонское наследие. М.: Ганга, 2018. 424 с.
21. *Серков А.И.* Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. Век XX. М.: Ганга, 2020. Т. II. 676 с.
22. *Соболев А., Тименчик Р.* Венеция в русской поэзии. Опыт антологии. 1888–1972. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 1104 с.
23. *Софиев Ю.* Вечный юноша. Дневник. Алматы: Седьмая верста, 2012. 160 с.
24. *Тименчик Р.* Об эмигрантских ложноименах // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 9–19.
25. *Устинов А.* Стихотворение, содержащее аллегорию, или последняя публикация Бориса Божнева // *Toronto Slavic Quarterly*. 2013 (Winter). No. 43. P. 137–148. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/> (дата обращения: 01.06.2021).
26. *Ходасевич Вл.* Камер-фурьерский журнал / вступ. ст., подгот. текста, указатели О.Р. Демидовой. М.: Эллис Лак, 2002. 478 с.
27. *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения / вступ. ст. П. Алешковского. М.: Книга, 1991. 319 с.
28. *Veyer T.R.* Бюллетени Дома Искусств (Берлин) // *Rossica*. 1997. № 1. С. 97–103.

Research Article

To the History of the Russian Foreign Press: “Ukhvat” Magazine

© 2021, Elena R. Obatnina

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: The publication was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no 20-18-00007.

Abstract: Based on previously unknown archival materials, the article reconstructs the history of the creation of the first emigrant satirical magazine “Ukhvat”. The subject matter were peculiarities of the printed organ’s ideological and literary program, formed on the initiative of the Russian Montparnasse’s representative — the poet D.Yu. Kobyakov, and with the participation of A.M. Remizov and M.A. Osorgin which were well-known writers. They formed an informal editorial board, which actually determined the publication’s program. The article contains new data for the creative biography of the journal’s leaders. The published material allows us to trace the specific nuances of the journal’s program in the context of the Russian emigration and in the interpretation of its editor Kobyakov, who returned to the USSR in 1958. In the history of the Russian foreign press, “Ukhvat” remains a publication that reflects

the mentality of representatives of the Russian diaspora, humorous escapades of both famous literary masters and authors hiding under pseudonyms were published.

Keywords: Russian emigration, ideology, periodical press, satire, editorial strategy, D.Y. Kobayakov, M.A. Osorgin, A.M. Remisov, literary continuity.

Information about the author: Elena R. Obatnina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Embankment, 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>. E-mail: lena.eo@mail.ru

For citation: Obatnina, E.R. “To the History of the Russian Foreign Press: ‘Ukhvat’ magazine.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 278–303. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-278-303>

References

1. Aleksei Mikhailovich Remizov: *Bibliografiia (1902–2013)* [Alexey Mikhailovich Remizov: *Bibliography (1902–2013)*], comp. E. Obatnina, E. Vakhnenko. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2016. 834 p. (In Russ.) URL: <http://pushkinskiydom.ru/remizov/pages/II.%20Critical%20Articles.html> (Accessed 01 August 2021). (In Russ.)
2. Bezrodnyi, M.V. “Ob odnoi podpisi Alekseia Remizova” [“One Signature by Alexei Remizov”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 1990, pp. 224–228. (In Russ.)
3. “Skit”. *Praga 1922–1940: Antologiiia. Biografii. Dokumenty* [“Skit”. *Prague 1922–1940: Anthology. Biographies. Documents*], introd. by L.N. Beloshevskaiia; comp. comm. by V.P. Nechaeva. Moscow, Russkii put’ Publ., 2006. 768 p. (In Russ.)
4. Gippius, Z. *Pis'ma k Berberovoi i Khodasevichu* [Letters to Berberova and Khodasevich], ed. by E. Freiburger Sheikholelami. Ann Arbor, Ardis, 1978. 120 p. (In Russ.)
5. Ioann (Shakhovskoi), archbishop. *Biografiia iunosti: Ustanovlenie edinstva* [Biography of Youth: *Establishing Unity*]. Paris, YMCA-PRESS, 1977. 420 p. (In Russ.)
6. Knorring, I. *Povest' iz sobstvennoi zhizni: Dnevnik: v 2 t.* [The Tale of Personal Life: *The Diary: in 2 vols.*], vol. 1, prep. by N.N. Knorring, N.M. Chernova; introd., comm. by I.M. Nevzorova. Moscow, Agraf Publ., 2009. 608 p. (In Russ.)
7. Kudriavtsev, V.B. *Periodicheskie i neperiodicheskie kollektivnye izdaniia russkogo zarubezh'ia (1918–1941): Zhurnalistika. Literatura. Iskusstvo. Gumanitarnye nauki. Pedagogika. Religiiia. Voennaia i kazach'ia pechat': Opyt rasshirennoho spravochnika: v 2 ch.* [Periodical and Non-recurrent Collective Editions of Russian Abroad (1918–1941): *Journalism. Literature. Art. Humanities. Pedagogy. Religion. Military and Cossack Press: Experience of the Extended Handbook: in 2 Parts*], part 1. Moscow, Russkii put’ Publ., 2011. 936 p. (In Russ.)
8. Mar'in, D.V. “Russkaia etimologiia i leksikografiia v issledovaniiah D.Iu. Kobiakova” [“Russian Etymology and Lexicography in the Studies of D.Iu. Kobayakov”]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2, 2009, pp. 128–135. (In Russ.)
9. Obatnina, E. “‘Ptitselov’ iz remizovskogo ‘gnezda’: k emigrantskoi biografii poeta Dmitriia Kobiakova” [“‘The Bird Catcher’ from Remizov’s ‘Nest’: to the Paris Biography of the Poet Dmitry Kobayakov”]. *Vestnik NGU. Serii: Istoriia, filologiia*, no. 9, 2021, pp. 85–95. (In Russ.)
10. Obatnina, E. “Dimitrii Solunskii i Aleksii chelovek Bozhii o literaturnykh ‘chadakh’ (novonaidennye dopolneniia k istorii epistoliarnykh kontaktov D.V. Filosofova i A.M. Remizova)” [“Dimitri Solunsky and Alexii, Man of God about Literary ‘Childrens’ (New Found Additions to the History of Epistolary Contacts D.V. Philosophov and A.M. Remisov)”].

Russkii modernizm i ego nasledie: Kollektivnaia monografiia v chest' 70-letia N.A. Bogomolova [Russian Modernism and his Heritage: Collective Monograph in Honor of N.A. Bogomolov's 70-th Anniversary], ed. by A.U. Sergeeva-Klitis, M.U. Edelstein. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 460–480. (In Russ.)

11. Obatnina, E.R. “A.M. Remizov v bor'be za ‘son’: materialy k tvorcheskoi biografii” [“A.M. Remizov and His Struggle for ‘Dream’: Materials to Biography]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2021, pp. 161–168. DOI: 10/31860/0131-6095-2021-1-161-169 (In Russ.)

12. Obatnina, E.R. “Aleksi Remizov: mezhdu retseptsei i avtorefleksiei: (izbrannye stranitsy al'boma ‘Zarubezhnaia tsenzura’. 1923–1931)” [“Alexey Remizov: between Reception and Self-Reflection (The Chosen Pages of the Scrapbook ‘Foreign Censorship’. 1923–1931)”. *Studia Litterarum*, vol. 5, no. 4, 2020, pp. 246–265. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-246-265> (In Russ.)

13. Obatnina, E.R. “Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: 1926–1927 gg. Chast' pervaja: ‘Esteto-razlozhenets’.” [“Studies on A.M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 1. ‘Aesthete-Degenerate’.”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 8–53. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-8-53> (In Russ.)

14. “Pis'ma A.A. Kizevettera N.I. Astrovu, V.I. Vernadskomu, M.V. Vishniaku” [“A.A. Kizevetter's Letters to N.I. Astrov, V.I. Vernadskii, M.V. Vishniak”], publ. by M. Raev. *Novyi zhurnal*, vol. 172–173, 1988, pp. 462–526. (In Russ.)

15. “Pis'ma G.V. Adamovicha k Z.N. Gippius. 1925–1931” [“G.V. Adamovich's Letters to Z.N. Gippius. 1925–1931”], introd., publ., comm. by N.A. Bogomolova. *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora: New Materials], issue 3. Paris, St. Petersburg, Athenaeum Publ., Feniks Publ., 2002, pp. 435–535. (In Russ.)

16. Poliakov, F. “Ten' okrylennoi mysli. Pamiati Grigoriia Landau” [“The Shadow of Inspired Thought. To the Memory of Gregory Landau”]. Landau G. *Epigrafy (Berlin, 1927 — Paris, 1930)* [Epigraphs (Berlin, 1927 — Paris, 1930)]. Moscow, Probel Publ., 1997, pp. 79–94. (In Russ.)

17. Poliakov, F. “Jugoslavijskie kontakty Alekseia Remizova v 1920-e–1930-e gody” [“The Yugoslav Contacts of Alexey Remisov in the 1920s and 1930s”]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* [Vienna Slavic Yearbook], N.F. 3, 2015, pp. 248–262. (In Russ.)

18. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, St. Petersburg, Russkaia kniga Publ., Rostok Publ., 2000–2003, 2015– (In Russ.)

19. “...s Vami beda — ne perevesti”: Pis'ma D.P. Sviatopolk-Mirskogo k Remizovu (1922–1929)” [“...You Are the Awkward One — Untranslatable’: D.P. Sviatopolk-Mirski's Letters to A.M. Remizov (1922–1929)”], publ. by R. Hughes. *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora: New Materials], issue 5. Paris, St. Petersburg, Athenaeum Publ., Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)

20. Serkov, A.I. *M.A. Osorgin i ego masonskoe nasledie* [M.A. Osorgin and his Mason's Heritage]. Moscow, Ganga Publ., 2018. 424 p. (In Russ.)

21. Serkov, A.I. *Rossiiskie masony. 1721–2019. Biograficheskii slovar'. Vek XX* [Russian Masons. 1721–2019. Biographical dictionary. 20th century], vol. 2. Moscow, Ganga Publ., 2020. 676 p. (In Russ.)

22. Sobolev, A., Timenchik, R. *Venetsiia v russkoi poezii. Opyt antologii. 1888–1972* [Venice in Russian Poetry. An Anthology Publishing Experience. 1888–1972]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 1104 p. (In Russ.)

23. Sofiev, I. *Vechnyi iunosh. Dnevnik* [Eternal Youth. Diary]. Almaty, Sed'maia versta Publ., 2012. 160 p. (In Russ.)

24. Timenchik, R. “Ob emigrantskikh lozhnoimenakh” [“About Pseudonyms of Emigrants”]. Shrubina, M., and O. Korostelev, editors. *Pseudonimy russkogo zarubezh'ia:*

Materialy i issledovaniia [Russian Émigré Writers Pseudonyms: Materials and Research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, pp. 9–19. (In Russ.)

25. Ustinov, A. “Stikhotvorenie, sodержashchee allegoriiu, ili posledniaia publikatsiia Borisa Bozhneva” [“A Poem Containing an Allegory or a Recent Publication by Boris Bozhnev”]. *Toronto Slavic Quarterly*, no. 43, 2013 (Winter), pp. 137–148. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/>. (In Russ.)

26. Khodasevich, Vl. *Kamer-fur'erskii zhurnal [Chamber Fourier Journal]*, introd., text prep., indexes by O.R. Demidova. Moscow, Ellis Lak Publ., 2002. 478 p. (In Russ.)

27. Shakhovskaia, Z. *V poiskakh Nabokova. Otrazheniia [In Search of Nabokov. Reflections]*, introd. by P. Aleshkovsky. Moscow, Kniga Publ., 1991. 319 p. (In Russ.)

28. Beyer, T.R. “Biulleteni Doma Iskusstv (Berlin)” [“Art Center Bulletins (Berlin)”]. *Rossica*, no. 1, 1997, pp. 97–103. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.06.2021

Одобрена после рецензирования: 10.07.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 18.06.2021

Approved after reviewing: 10.07.2021

Date of publication: 25.09.2021

«“Жизнь Арсеньева”, конечно, — прежде всего поэзия»: Г.В. Адамович о романе И.А. Бунина (1929–1952)

© 2021, А.В. Бакунцев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
Москва, Россия

Аннотация: В статье на материале публикаций Г.В. Адамовича в эмигрантской периодике затрагивается проблема критической рецепции романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» в конце 1920-х – начале 1950-х гг. Бунин в 1928–1939 гг. печатал свой роман частями. При этом появление в журнале «Современные записки» (Париж) каждой из входящих в состав романа пяти книг и выход отдельных книжных изданий предварялись обнародованием фрагментов «Жизни Арсеньева» в эмигрантских газетах. Этим объясняется сравнительно большое количество откликов Адамовича на бунинский роман. Критик не выпускал «Жизнь Арсеньева» из поля своего зрения со времени опубликования в «Современных записках» (1929) ее третьей книги и вплоть до выхода первого полного издания романа в нью-йоркском Издательстве имени Чехова (1952). В статье прослеживается, как с годами корректировалось отношение Адамовича к бунинскому произведению, как в итоге изощренная придирчивость сменилась безоговорочным восхищением. Эмпирический материал сгруппирован с учетом хронологии опубликования «Жизни Арсеньева». В качестве методов исследования использованы принцип историзма и сравнительный анализ.

Ключевые слова: Г.В. Адамович, И.А. Бунин, «Жизнь Арсеньева», критика, русское зарубежье.

Информация об авторе: Антон Владимирович Бакунцев — кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 9, 125009 г. Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7087-3235>. E-mail: auctor@list.ru

Для цитирования: Бакунцев А.В. «“Жизнь Арсеньева”, конечно, — прежде всего поэзия»: Г.В. Адамович о романе И.А. Бунина (1929–1952) // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 304–325. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-304-325>

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01410-П). Автор выражает сердечную благодарность за помощь, оказанную при подготовке статьи, сотрудникам Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), а также С.Н. Морозову (ИМЛИ РАН) и С.Р. Федякину (Литературный институт им. А.М. Горького).

В обширном критическом наследии Г.В. Адамовича имя И.А. Бунина встречается едва ли не чаще, чем имена других русских писателей конца XIX – первой половины XX вв. Начиная с 1924 г. редкий обзор эмигрантской (а порой — и советской) литературы, принадлежавший перу Адамовича, обходился без упоминания имени Бунина, чье творчество для «первого критика эмиграции» было не только образцом русской прозы, но и чем-то вроде «камертона», которым он как бы поверял «звучание» разбираемых произведений¹. Причем исключением в этом смысле не были и писания самого Бунина: Адамович явно не забывал о пушкинском завете судить художника «по законам, им самим над собою признанным», хотя и оставлял за собой право толковать эти «законы» на свой собственный, иногда подчеркнуто субъективный лад. Очевидно, именно поэтому, признавая Бунина непревзойденным мастером слова, Адамович тем не менее был далек от слепой идеализации его достижений². Критик оценивал их, полагаясь главным образом на свой вкус и вместе с тем стремясь быть предельно честным. На практике — по крайней мере, в межвоенный период — это выражалось в том, что Адамович указывал не только на то, что считал творческими удачами, но и на то, что казалось ему срывами. После войны он проявлял по отношению к Бунину куда большую дипломатичность, неизменно высказываясь о писателе только с похвалой и находя оправдание даже тому, что у других критиков русского зарубежья вызывало отторжение³.

Роман «Жизнь Арсеньева» — как раз одно из тех буниных произведений, которые — во всяком случае, на первых порах — пробуждали в Адамовиче «смешанные» чувства.

Непосредственно «Жизни Арсеньева» Адамович посвятил девять публикаций — и не раз упоминал этот роман à propos в других своих критических текстах⁴. Такая «частотность» объясняется в первую очередь особенностями обнародования бунинского романа. Дело в том, что «Жизнь Арсеньева» далеко не сразу приобрела тот

¹ Наиболее полную библиографию публикаций Адамовича о Бунине см. на сайте «Академический Бунин» (<http://ivbunin.ru/bibliografiya>). См. также: [5, с. 8–9]. Несомненный интерес представляют и неопубликованные работы критика о писателе — их автографы хранятся в Отделе рукописей РГБ (Ф. 754. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 10–14).

² О непростом отношении Адамовича к Бунину см.: [5, с. 8–11; 4].

³ См., например: *Адамович Г.* Литературные заметки: Ив. Бунин — «Темные аллеи» // Русские новости. Париж, 1947. 3 янв. (№ 36). С. 6; *Адамович Г.* «Воспоминания» Бунина // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1950. 22 окт. (№ 14058). С. 2.

⁴ См., например: [1]. См. также: *Адамович Г.* Лица и книги // Современные записки. Париж, 1933. № 53. С. 324–334.

облик, который известен нам сегодня. В 1927–1939 гг. роман печатался частями: в виде целого ряда отрывков — в газетах «Россия» (Париж), «Дни» (Париж), «Последние новости» (Париж), в еженедельнике «Иллюстрированная Россия» (Париж); в виде пяти книг, увидевших свет по отдельности в журнале «Современные записки» (Париж); наконец, в виде трех отдельных изданий. Первое из них было выпущено издательством «Современные записки» (Париж) в 1930 г., второе — издательством «Петрополис» (Берлин) в 1935 г. как 11-й том бунинского Собрания сочинений. Оба издания имели подзаголовок «Истоки дней», включали первые четыре книги романа и считались его первым томом. Третьим изданием, вышедшим в 1939 г. под заглавием «Лица» и при этом обозначенным как второй том «Жизни Арсеньева», стала пятая, существенно переработанная и дополненная книга романа. Ее также выпустил «Петрополис», перебравшийся к тому времени в Брюссель.

Полный текст «Жизни Арсеньева», заново отредактированный автором, был опубликован лишь в 1952 г. Издательством имени Чехова (Нью-Йорк).

Адамович, в отличие от других критиков эмиграции, откликнувшихся только на журнальную и на книжные версии «Жизни Арсеньева», обратил внимание еще и на один из фрагментов романа, помещенный в конце 1932 г. в «Последних новостях» (см. об этом ниже).

По отзывам Адамовича можно проследить, как с течением времени и под влиянием некоторых факторов частного свойства менялось его отношение к «Жизни Арсеньева». В конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. Адамович еще не принадлежал к числу безоговорочных почитателей «Жизни Арсеньева» (он стал таковым значительно позже — в преддверии Второй мировой войны), и его тогдашние печатные высказывания об этом произведении не раз задевали авторское самолюбие Бунина (подробнее об этом см. ниже).

Тем не менее решительно на всех этапах создания и обнародования «Жизни Арсеньева» Адамович питал к ней неподдельный интерес. Для критика художественная значимость этого произведения была *в принципе* неоспорима. Недаром в 1929 г., в рецензии на № 39 «Современных записок», он писал следующее, сетуя — как бы от лица всей эмиграции — на перерыв в печати бунинского романа: «...из номера в номер читатели ждут продолжения бунинской “Жизни Арсеньева”. Неужели Бунин оборвал ее. Неужели мы так и не прочтем этого прекрасного повествования? / Размах его был такой, что оно должно было стать главным произведением Бунина.

Писать его Бунин будет, вероятно, очень долго, — то оставляя его для других вещей, то опять к нему возвращаясь. Поэтому и хочется думать, что теперешний перерыв не есть окончание, и если до сих пор мы познакомились только с “детством, отрочеством и юностью” Арсеньева, то нам доведется еще прочесть и записи его... по середине странствия земного»⁵.

«Плач об исчезнувшей России»

В дискуссию вокруг «Жизни Арсеньева» Адамович вступил с некоторым запозданием (но зато и участвовал в ней дольше, чем все прочие критики русского зарубежья). Рецензий на первые две книги бунинского романа, появившиеся соответственно в № 34 и 35 «Современных записок», Адамович не писал, хотя обе книги ему в целом понравились. Своими впечатлениями от них критик делился с З.Н. Гиппиус 23 августа 1928 г.: «Знаете, я прочел наконец “Жизнь Арсеньева” очень внимательно — это прелесть, и я не понимаю, почему было некоторое “неодобрение”⁶. Мне лично не по сердцу это “прощание с погибшей Россией”, т<ак> к<ак> меня оно не трогает, и я могу “распроститься” легче. Но именно Бунин должен был такое

⁵ Адамович Г. Литературная неделя: «Современные записки», кн. XXXIX. — «Клоп» Влад. Маяковского // Иллюстрированная Россия. Париж, 1929. № 30 (20 июля). С. 16.

⁶ Вероятно, Адамович имел в виду первые рецензии на «Жизнь Арсеньева» (в частности, М.О. Цетлина и Ю.И. Айхенвальда), в которых наряду с достоинствами отмечались и «недостатки» романа. Так, Цетлин в особенностях бунинской манеры письма видел — «с точки зрения толстовского построения рассказа» — «какую-то отсталость, движение назад», хотя в то же время не исключал вероятности того, что «Жизнь Арсеньева» является «смелым приближением к некоторым самым новейшим, самым последним исканиям европейской прозы» (Цетлин М. «Современные записки» кн. 34-я: Литературный отдел // Последнюю новости. 1928. 1 марта (№ 2535). С. 2). Айхенвальд оценил «Жизнь Арсеньева» еще строже. В частности, критик усмотрел «какой-то анахронизм», в том, что Алексей Арсеньев уже в детские годы обладал «высоким мастерством слова», «исключительным любовным вниманием к природе и погоде», т. е. «позднейшими свойствами и позднейшей наблюдательностью взрослого». Не пришлось Айхенвальду по вкусу и бунинское «злоупотребление» пейзажами: «он [автор] ими больше интересуется, чем его читатель, здесь нет совпадения интересов, и поэтому радуешься, когда он переходит к людям, которые все и всегда интересны». Характерную для «Жизни Арсеньева» «переплетенность двух планов, психологического и фактического, внутреннего и внешнего» критик нашел «не всегда пропорциональной и гармонической» и эту особенность бунинского романа, в сочетании «с медлительным темпом изложения, останавливающегося на одной детали за другой», счел главной причиной того, что «“Жизнь Арсеньева” не легко, не самотеком проникает в наше сознание». Айхенвальд не вполне одобрил и язык «Жизни Арсеньева»: говоря о нем как о «поистине драгоценной словесной ткани», Айхенвальд в то же время трижды назвал эту «ткань» «тяжелой» и признался, что ему в бунинском романе «недостает “легкого дыхания”» (Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. Берлин, 1928. 14 марта (№ 2219). С. 2).

славословие сочинить, и, право, было бы все-таки обидно за “матушку-Русь”, если бы никто ей хорошей отходной не пропел. Это национальный монумент, и мне жаль, что я не могу об этом написать: 1) автор непременно обидится, 2) читатели непременно скажут, “опять подлизывается к Б<унину>” и т. д.» [8, с. 508].

После опубликования третьей книги «Жизни Арсеньева» (в № 37 «Современных записок») Адамович все-таки взялся за перо. Смысловым центром своей рецензии он сделал как раз ту самую мысль, которую высказал в процитированном письме к Гиппиус.

Отмечая некоторое сходство «Жизни Арсеньева» с «Митиной любовью» («не только по теме, но и по самому духу, хотя в “Митиной любви” тон был острее и горестнее»), Адамович отмечал, что «эти прекрасные, иногда необыкновенно-прекрасные главы представляют собой “плач об исчезнувшей России” — гораздо больше, чем биографию какого-то мальчика». В интерпретации Адамовича Бунин своим романом «как будто “пропел отходную” старой России». «Можно не все в ней любить, — рассуждал критик, — не обо всем с сожалением вспоминать. Можно найти в себе силы, чтобы эту утрату, — да и все подобного рода утраты, — стойко и твердо перенести. Но все-таки было бы обидно за “матушку Русь”, если бы над развалинами и обломками ее, над “останками Руси великой” никто даже и не помянул ее достойным поминовением. Бунин, так кровно связанный с родиной, должен был это сделать, и хорошо, что он, не судя и не разделяя, этот свой долг любви и верности исполнил»⁷.

В своей рецензии Адамович особенно выделил «эпизод со смертью и погребением Писарева»: «По силе письма ему не уступают и другие части, но эти страницы более других одухотворены, они напряженнее и драматичнее»⁸.

Этот отзыв не на шутку рассердил Бунина. В.Ф. Ходасевичу писатель жаловался 14 января 1929 г.: «...помилуйте, уж будто бы я только и сделал в этом самом “Арсеневе”, что “воспел хвалу *матушке* России, о которой, покойнице, лучше все-таки (при всех ее грехах) доброе слово молвить в конце концов”» [6, с. 189]. Однако самому Адамовичу Бунин сделал соответствующий «выговор» значительно позже — уже после того, как критик выпустил одну из двух своих рецензий на № 40 «Современных записок», в котором была опубликована четвертая книга «Жизни Арсеньева».

⁷ Адамович Г. «Современные записки» кн. XXXVII: Часть литературная // Последние новости. 1929. 10 янв. (№ 2850). С. 2.

⁸ Там же.

Эта часть бунинского романа озадачила и публику, и критику. Многих, включая Адамовича, в особенности изумил финал, в котором действие внезапно, прихотью автора, переносилось из России 1890-х гг. на юг Франции конца 1920-х, к гробу великого князя Николая Николаевича-младшего, и так же внезапно обрывалось.

Отношение Адамовича к заключительным (как тогда казалось читателям) главам «Жизни Арсеньева» было весьма противоречивым.

В частности, с точки зрения композиции, финал бунинского романа представлялся критику не вполне оправданным. «По всей вероятности, — писал Адамович в первой своей рецензии (для «Последних новостей»), — это отступление является лишь вольностью в ходе повести, а не ее заключением. Похороны великого князя в качестве заключения всей “Жизни Арсеньева” — это было бы слишком неожиданно, слишком насильственно по отношению к главной линии замысла». Однако при известном условии Адамович готов был принять такой финал и даже признать его символичным. Говоря об этом условии, Адамович снова прибегал к метафоре, которая так рассердила Бунина: «“Жизнь Арсеньева” — это долгий, протяжный “плач о погибшей России”, великолепная “отходная” всему тому, что Бунин в России любил: укладу, строю, устоявшемуся спокойствию и картинному благолепию ее, — и что в прежнем облике никогда не удастся никакими силами воскресить: уж кто-кто может на этот счет обольщаться, только не Бунин»⁹. При подобном истолковании замысла бунинского романа «погребение последнего “вождя”», по мысли Адамовича, как бы символизировало «окончательный конец трехсотлетней династии»¹⁰.

В то же время, с точки зрения чисто эстетической, критик находил, что «по силе одушевления “великокняжеский” эпизод, пожалуй, самый замечательный»: «Бунин вплетает в него описание южной зимней ночи, со стремительным мистралем и черно-вороненым небом, “в белых, синих и красных пылающих звездах”. Он как будто не жалеет никаких средств, чтобы дать картину обреченности и непрочности всего сущего в нашем мире и достигает высокого пафоса»¹¹.

⁹ Спустя годы Адамовичу печатно возражал Ф.А. Степун: «В “Жизни Арсеньева” нет никаких приукрашений прошлого и плача о нем, никаких реставрационно-дворянских тенденций и, главное, нет уже и проклятий революции. Все это, поскольку оно иной раз звучало у Бунина, отошло на задний план, перегорело» (Степун Ф. И.А. Бунин и русская литература // Возрождение. Париж, 1951. Тетр. 13. С. 172).

¹⁰ Адамович Г. «Современные записки»: Книга XL. Часть литературная // Последние новости. 1929. 31 окт. (№ 3144). С. 2.

¹¹ Там же.

Адамовичу определенно не пришлось по душе бунинское изображение провинциальных революционеров, однако свое неодобрение критик постарался выразить максимально деликатно. По мнению Адамовича, в своем неприятии русской революционной интеллигенции Бунин сходилась со столь нелюбимым им Достоевским. Главы о харьковских статистиках в «Жизни Арсеньева», написанные «едко и блестяще, хочется сказать “антологически”», напомнили критику страницы «Бесов» «с незабываемой политической вечеринкой в них»: «Тон и природа насмешки и там и здесь одинаковы». Признавая, что в этих главах Бунин коснулся «темы чрезвычайно значительной в судьбах России и притом в наши дни чрезвычайно “болезненной”», Адамович тем не менее отмечал: «Многое можно было бы ему возразить, но это требует и места, и времени. Самое простое и короткое возражение такое: все эти непримиримые революционеры из харьковского статистического бюро — все это ведь плоть от плоти России, русские из русских. “Отрицание ее прошлого и настоящего”, — как пишет Бунин, — этому нисколько не противоречит, и приходится или принять всю Россию, какова бы она ни была, не только со “Словом о полку Игореве”, несказанной красотой которого Бунин так основательно в своем романе восхищается, но и с провинциальными революционными статистиками, которых он не совсем основательно презирает, — или найти в себе силы спокойной и с учетом последствий от нее отречься»¹².

«Намерения мои были самые лучшие»

Реакция Бунина на процитированный отклик Адамовича не заставила себя ждать. 18 ноября 1929 г. Бунин писал критику: «Конечно, дорогой Георгий Викторович, Ваша заметка причинила мне некоторую грусть. Одно это чего стоит: “великокняжеский эпизод”! <...> Потом опять это упорное утверждение, будто бы цель “Арсеньева” — “плач о погибшей России”... И наконец, самое неожиданное: Ваше возмущение за революционеров. Господи, что Вам до них! И чем я виноват, что молодому Арсеньеву было многое в них несносно? И ужели это несносное выдуманно мною? И почему “нужно и их принимать, раз принимаешь Россию”? А что же Вы не принимаете большевиков, “Чайный Союз Русского народа”, еврейские погромы?» [5, с. 17].

В ответном письме от 3 декабря 1929 г. Адамович одновременно рассыпался в извинениях и старался отстоять свою точку зрения:

¹² Там же.

«Я не думал, что моя заметка о “С<овременных> з<аписках>” может Вас огорчить. Самое большое, я предполагал вызвать у Вас “неудовольствие”, и скорей политическое, чем другое. Простите, если вышло не так. Намерения мои были самые лучшие, правда, — как и всегда, впрочем. Но к одним только восторгам, без рассуждений и возражений, у меня душа не лежит, и, по-моему, они никому не нужны. Я скорей даже ищу, к чему бы придраться. <...> Насчет же нигилистов я, конечно, подпустил гражданского пафоса нарочно. Очень их уж обижают теперь, а были это, кажется, люди недалекие, но и неплохие, — как и вся Россия, хотелось бы мне сказать, если бы это не отдавало “афоризмом”» [5, с. 18–19].

Тем не менее критик, несомненно, учел высказанные ему писателем претензии и во второй своей рецензии на № 40 «Современных записок» (для «Иллюстрированной России») разобрал главы «Жизни Арсеньева» о харьковских революционерах и великом князе Николае Николаевиче, заметно смягчив тон и сместив акценты.

В частности, бунинские «удивительные по художественной силе и меткости страницы о русской революционной интеллигенции конца прошлого века» критик комментировал теперь так: «Трудно согласиться с его оценкой интеллигенции. <...> После всего, что с Россией случилось, каждому русскому хочется найти виновников наших общих несчастий. <...> Бунин к интеллигенции беспощаден. Надо, впрочем, заметить, что он ее судит главным образом с эстетической точки зрения. Бунин, как известно всем, любит природы цельные, гармонические, щедрые, всякая “юродивость” ему ненавистна, а, разумеется, в мелких служащих провинциального статистического бюро, “задыхающихся от произвола”, юродивость была, в изображении же Бунина она прямо разительна»¹³.

Финал бунинского романа с описанием похорон великого князя критик теперь тоже находил мотивированным. «Внушены ли эстетическим отношением к жизни заключительные страницы “Жизни Арсеньева” <...>? — вопрошал Адамович и тут же сам себе отвечал: — Это вовсе не так невозможно, как на первый взгляд кажется»¹⁴.

Явно стремясь угодить писателю и в силу этого как бы перечеркивая собственные недавние суждения о смысле финала «Жизни Арсеньева», Адамович в рецензии для «Иллюстрированной России» сосредоточил внимание на впечатлениях главного героя (которого он фактически отождествлял с автором) от первой «встречи» с великим

¹³ Адамович Г. Литературная неделя: «Современные записки», книга XL // Иллюстрированная Россия. 1929. № 50 (7 дек.). С. 16.

¹⁴ Там же.

князем — на вокзале в Орле, в начале 1890-х гг.: «Идейного сочувствия будущему “вождю” здесь еще нет и в помине. А восторг есть, как всегда является у Бунина восторг перед всем удачливым, удалским, сильным, бодрым, благородным, — да, именно благородным в самом прямом и точном значении слова»¹⁵.

Свой отзыв Адамович заканчивал не только дежурной похвалой, но и чем-то вроде «исторического анекдота» (в пушкинском вкусе), который определенно должен был порадовать Бунина: «Написана глава о великом князе с необыкновенным воодушевлением и мастерством. Один убежденный эсер, непримиримейший из непримиримых, с чем-то похожим на раздражение говорил мне, что над последними страницами “Жизни Арсеньева” он прослезился. Достичь большего Бунин, вероятно, и не желал»¹⁶.

Критик окончательно отказался от своего взгляда на бунинский роман как на «плач по погибшей России» после выхода «Жизни Арсеньева» первым отдельным изданием (Париж, 1930). Из рецензии Адамовича на эту книгу видно, что критик слышал в тексте романа уже не этот «плач», а «напряженно-ровный, страстный и вместе с тем спокойный голос человека, вспоминающего свою прошлую жизнь и думающего о жизни, которая ему еще предстоит, о жизни вообще, о всем мире, о всех людях», «монолог человека перед лицом судьбы и Бога», «восторженное славословие». По мнению критика, «Бунин мог бы поставить эпиграфом к своему роману» лермонтовскую строчку «За все Тебя благодарю я», «дав ей иной, чем у Лермонтова, смысл». «Как все очень редкие книги, в которых действительно есть любовь, — заключал Адамович, — “Жизнь Арсеньева” оставляет в сознании след более длительный и глубокий, чем если бы это было просто “мастерское беллетристическое произведение”. Она — мастерское произведение. Но она и больше этого»¹⁷.

«Жаль, что нельзя всего процитировать»

После 1930 г. публика, по выражению Адамовича, «заждалась» продолжения бунинского романа. Явно «заждался» такого продолжения и сам критик: об этом, в частности, свидетельствует его отклик на один из фрагментов «Жизни Арсеньева», которые с конца 1932 г. снова стали появляться в «Последних новостях».

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Адамович Г. Литературная неделя: «Жизнь Арсеньева» Бунина. — Сын великого отца. — «Игра в любовь» Гумилевского // Иллюстрированная Россия. 1930. № 10 (1 марта). С. 14.

В своем отзыве для «Иллюстрированной России» Адамович отметил, что этот «отрывок — на обычной бунинской высоте» и что «обрадовал он всех не столько сам по себе, сколько как доказательство, что Бунин по-прежнему полон сил и роман свой не оставит незаконченным». «“Жизнь Арсеньева”, — писал далее Адамович, — одна из тех книг, которая в истинной своей прелести и значении раскрывается не сразу. За эти годы она как будто выросла. Никто не знает, каков будет суд будущего. Но если гадать все-таки позволено, то, кажется, Бунина оно должно будет, во всяком случае, принять, — после всех проверок, после всех “переоценок”. / “Митина любовь” и “Жизнь Арсеньева” созданы не только большим художником, но и большим человеком»¹⁸.

Однако полная версия первых 14 глав пятой книги «Жизни Арсеньева», напечатанных в № 52 «Современных записок», критика явно разочаровала.

По мнению Адамовича, новая часть бунинского романа в художественном отношении уступала предыдущим, критик не находил в ней «былого одушевления»: «Будто пропала у Бунина охота к “Жизни Арсеньева”, подчиняясь какой-то внешней необходимости, он к своей повести вернулся, но без страсти и без радости. По привычке он берет страстно-радостный, безотчетно-восторженный, былой арсеньевский тон, — но тут же обрывает его или длит, так сказать, “машинально”, привлекая на помощь все готовые свои слова и приемы, мобилизуя свою творческую память. Это делается с таким умом и художественным тактом, что едва-едва заметно, — но все-таки это заметно»¹⁹.

¹⁸ Адамович Г. Литературная неделя: Бунин // Иллюстрированная Россия. 1933. № 3 (14 янв.). С. 18.

¹⁹ Адамович Г. «Современные записки», кн. 52: Часть литературная // Последние новости. 1933. 1 июня (№ 4453). С. 3. Любопытно, что ряд других, столь же профессиональных и требовательных читателей придерживался прямо противоположного мнения о начале пятой книги «Жизни Арсеньева». Например, П.М. Бицилли писал В.В. Рудневу 7 июня 1933 г.: «Эта часть — на мой вкус — самое гениальное, что только было написано Буниным, да и вообще, величайший и совершеннейший образец художественной прозы. После этого — самых прославленных нынешних французских мастеров по этой части просто невозможно читать» [10, с. 521]. См. также восторженное письмо Н.Н. Берберовой к Бунину, написанное в середине июня 1933 г.: «Иван Алексеевич, я просто сапог, последний сапог, вместе со всеми, пишущими, рядом с Вами!! Ведь это до того замечательно, что мне кажется, что даже Вы сами, первый свой читатель, не знаете, что Вы написали! Ведь каждое слово — как стихи, можно читать без конца, наслаждение идет какими-то толчками, от которых сердцу больно. Между прочим, эти самые толчки (не знаю, не глупое ли слово?) я уже давно заметила — это Ваше свойство затолкать читателя в какое-то безысходное блаженство, но на этот раз это все просто получилось чудовищно великолепно» [7, с. 45].

Впрочем, критик воздерживался от вынесения окончательного «вердикта», допуская, что его впечатление «случайно»: «...попадают ведь всюду, даже и в великих литературных созданиях, страницы сравнительно бледные, а другие более напряженные. Построение вещи порой даже требует смены взлетов и спусков»²⁰.

Тем не менее кое-что в новых главах «Жизни Арсеньева» Адамовичу все-таки понравилось: «Как всегда у Бунина, рассказ тянется, тянется, — и вдруг попадают в нем такие две-три строчки, такой эпитет или такое описание, будто вспыхнула молния; все сразу становится видно». При этом критик утверждал, что «автор оживает, главным образом, в отступлениях от хода фабулы», и в качестве примера приводил «страницу, посвященную театру и актерам» («Эта страница, кстати сказать, подлинно “просится в антологию”. Сколько убийственной меткости, сколько иронии и зоркости!»), и «несколько слов о провинциальной знаменитости, выступающей в роли гоголевского сумасшедшего»²¹.

«Жаль, что нельзя всего процитировать, — сокрушался Адамович. — Эти отрывки не потускнели бы и рядом с толстовскими (чудовищными, но изумительными) страницами, посвященными Шекспиру и Вагнеру, — причем в них гораздо больше правоты. Художник примиряется с театром на высших его ступенях, — но рядовые “священные подмостки”, рядовой “храм искусства” слишком грубо и карикатурно искажают сущность творчества, чтобы он мог все это не презирать и не ненавидеть. Антитеатралы, — вроде покойного Айхенвальда <...>, — поймут Бунина с полуслова»²².

Высказывал ли Бунин свое недовольство этой рецензией ее автору, неизвестно. Однако в отзыве о второй части пятой книги «Жизни Арсеньева», увидевшей свет в № 53 «Современных записок», Адамович явно снова пытался оправдаться перед писателем, а заодно и перед публикой: «Разумеется, когда бунинская “Жизнь Арсеньева” будет закончена и выйдет отдельным изданием, никому не придет в голову разбирать ее по отрывкам. Все сольется, все окажется проникнуто одним замыслом, озарено одним светом, — и откроется, вероятно, необходимость той смены подъемов и разряжений, без

²⁰ Адамович Г. «Современные записки», кн. 52: Часть литературная // Последние новости. 1933. 1 июня (№ 4453). С. 3. В вырезке с этой рецензией, хранящейся в личном фонде Бунина в РГАЛИ, процитированные строки отчеркнуты сбоку на полях и прокомментированы: «Очень глупо! Ив. Б.» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 146. Л. 21).

²¹ Адамович Г. «Современные записки», кн. 52: Часть литературная // Последние новости. 1933. 1 июня (№ 4453). С. 3.

²² Там же.

которой нет творчества. Но сейчас мы об этой необходимости только догадываемся. Каждые три месяца мы читаем по одному отрывку “Жизни Арсеньева”... Трудно удержаться, чтобы не оценивать их как отдельные, почти независимые друг от друга создания, — и сознавая шаткость такого суждения, каждый раз приходится оговариваться, что с настоящим, основательным разбором надо бы повременить»²³.

Далее — точь-в-точь как в 1929 г., — словно забыв о том, что он писал в своей предыдущей рецензии, и, очевидно, нимало не смущаясь непоследовательностью своих суждений, Адамович на все лады расхваливал «новые страницы “Жизни Арсеньева”», отмеченные, по его словам признаками «одушевления», которого Бунин «давно уже не испытывал»: «По содержанию они мало отличаются от других: те же переходы от грусти к восторгу, те же любовные мечты, та же безотчетная тревога... Но каждое слово полно прелести, притом без всякой условно-поэтической “дымки” или вялой расплывчатости: в каждом слове — острота, точность, безошибочная меткость»²⁴.

В этом отзыве Адамович едва ли не впервые высказал мысли, которые впоследствии еще не раз так или иначе повторил в других своих работах о Бунине (включая мемуары): «...пожалуй, это и правда “последний цветок уходящей помещичьей культуры”, как утверждают большевики, — последний, ибо как же не развеяться в наш “машинный”, торопливый век этому легкому и тончайшему мастерству, да и кто переймет и сумеет продолжить это хрупкое очарование? Бунин болезненно ощущает свое творческое одиночество в современном мире. По существу, оно непоправимо. На Бунине обрывается та полоса нашей словесности, в которой еще есть природная, животворящая свежесть, есть какая-то влага, поднимающаяся от земли... Другие писатели пишут иногда очень хорошо. Но пишут сухо, как будто без воздуха и без неба»²⁵.

«Одно с другим сливается в целое»

За годы, минувшие после опубликования в «Современных записках» пятой книги «Жизни Арсеньева», Адамович заметно «вырос» как критик, стал серьезнее, вдумчивее. Он уже не выискивал в текстах разбираемых произведений, «к чему бы придраться», а стремился осмыслить их в целом. Об этом, среди прочего, свидетельствует его рецензия на «Лику» (Брюссель, 1939), которая в эмигрантской

²³ Адамович Г. «Современные записки», кн. 53-я: Часть литературная // Последние новости. 1933. 2 нояб. (№ 4607). С. 2.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

печати анонсировалась как «новый роман Ив. Бунина»²⁶. В этой рецензии от прежней придирчивости (а иногда и чисто мальчишеской задиристости) Адамовича не осталось следа: критик очень спокойно, взвешенно делился с читателем той новой «эстетической радостью», которую доставило ему бунинское детище.

При чтении «нового» бунинского романа Адамович пришел почти к тем же выводам, что и некоторые его коллеги, распознавшие еще в первых книгах «Жизни Арсеньева» нечто большее, чем просто историю взросления некоего частного лица²⁷, и теперь сам писал: «На титульном листе указано, что это “Жизнь Арсеньева”, вторая часть. Можно было бы слово “Арсеньев” зачеркнуть, оставив только “жизнь”. Впечатление только этим словом и удалось бы выразить». Далее, приводя соответствующие выдержки из «Лики», Адамович разъяснял, что под словом «жизнь» он разумеет весь сложный комплекс чувствований, представлений, устремлений бунинского героя, для которого жажда странствий неотделима от жажды любви и творческого самовыражения, а человек неотделим от природы: «...одно с другим сливается в целое, где составных элементов не различить. Это вообще одна из особенностей Бунина: у него нет типов, самодовлеющих описаний, самостоятельно живущих сцен. У него все сплетено»²⁸.

Так же как ряд других критиков, откликнувшихся на «Лику» (в частности, М.А. Алданов, В.В. Вейдле, Ю.В. Мандельштам, П.М. Пильский), Адамович считал, что «история, рассказанная в ней, печальна», и готов был согласиться, что «она, скорее, должна бы настроить на мысли о бренности и шаткости всего земного, чем вызвать спокойствие и радостную бодрость». Однако наряду со скорбью Адамович видел в «Лике» и нечто прямо противоположное: «...независимо от фабулы, порой даже вопреки ей, в книге столько восхищения бытием, признательности за него, какой-то неутолимой жадности к нему, что не поддаться ее духу невозможно». Эта черта бунинского произведения позволила критику причислить писателя к «художникам толстовско-гетевского склада», «как бы настолько

²⁶ Эмигрантская критика (включая Адамовича) не удостоила вниманием второе книжное издание «Жизни Арсеньева», вышедшее в виде 11-го тома бунинского Собрания сочинений (Париж, 1935), — вероятно, потому, что сочла его аналогом первого издания.

²⁷ См.: *Зайцев К.* «Бунинский» мир и «сириинский» мир // Россия и славянство. Париж, 1929. 9 нояб. (№ 50). С. 3; *Пильский П.* Иван Бунин: О новой книге Ив. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Сегодня. Рига, 1930. 21 февр. (№ 52). С. 3.

²⁸ *Адамович Г.* Литературные заметки: И.А. Бунин. — «Лица» // Последние новости. 1939. 4 мая (№ 6611). С. 3.

дружных с миром, настолько согласных с его основным строем, что, нравится или не нравится им обстановка их личного существования, они ищут не избавления от него, а объяснения ему и его несовершенству». Заочно полемизируя с Антоном Крайним (З.Н. Гиппиус), с его толкованием сути «трагедии Бунина», который будто бы одновременно принимал и не принимал мир²⁹, Адамович утверждал, что бунинское творчество, «особенно позднее, теперешнее», «как бы соединяет восторг с горечью, с сознанием всего жестокого и страшного, входящего в ткань жизни»³⁰.

В «Лике», которую, к слову, Адамович считал не романом, а повестью, критика главным образом занимал ее «нерв», ее ключевой конфликт, который казался ему «родственным» одному из конфликтов в «Анне Карениной».

«“Лика”, — утверждал Адамович, — повесть о страстном стремлении к любви и о невозможности одной любовью, только любовью, удовлетвориться. В этом смысле книга эта очень мужская, родственная тому, что отражено в размовке Вронского с Анной Карениной: Вронский ведь любит Анну, а заставляет ее страдать только потому, что для него жизнь не исчерпывается любовью, как хотела бы Анна. У Бунина Арсеньев перед Ликой виноват, пожалуй, больше. Арсеньев эгоистичен и мало внимателен к любящей его женщине, и кое в чем ее обида основательна. Лика неслучайно в прощальном письме желает ему быть счастливым “в новой, уже совсем свободной жизни”. Она чувствует, что свобода ему нужна, по меньшей мере, так же, как ее любовь, и сколько бы ни горевал он после ее ухода, природы своей ему не изменить. Ей, Лике, нужен он, — и больше ничего. Ему, Арсеньеву, нужна она, — и что-то еще»³¹.

По мнению критика, «все в Лике наводит на мысль, что эта любовь двадцатилетнего мальчика есть томление о женщине вообще, безотчетное, безымянное, и что она могла бы быть обращена к другой. В этом, между прочим, одно из свидетельств глубокой правдивости бунинского замысла». Развивая далее мысль о случайности любого возникающего чувства и обманчивости веры в «бессмертную любовь», Адамович находил, что именно противоречие между этой верой и тем, что он считал истинным положением вещей, «в “Лике”

²⁹ См.: *Крайний А. [Гиппиус З.Н.] Литературные размышления // Числа. Париж, 1930. № 1. С. 148.*

³⁰ *Адамович Г. Литературные заметки: И.А. Бунин. — «Лика» // Последние новости. 1939. 4 мая (№ 6611). С. 3.*

³¹ Там же.

разительно» и что «оно-то и придает повести ее пронзительный, ее “щемящий” привкус»³².

Так же как в одной из своих первых рецензий на «Жизнь Арсеньева», Адамович сравнивал «Лику» с «Митиной любовью», делая акцент на «разнице в темах обеих книг, при некотором внешнем сходстве их». Митиной страсти — по версии критика, безысходной, «прямо, можно даже сказать логически» приводящей к смерти и, «как бы ни была ничтожна Катя», исключаяющей «мысль о ее замене», несмотря на «эпизод с деревенской бабой», который эту безысходность только усугубил, — Адамович противопоставлял арсеньевское «влечение ко всему миру, ко всем женщинам, и способность найти непрочное, недолгое счастье всюду»³³.

Особой похвалы со стороны критика удостоились описания путешествий Арсеньева по России и бунинское «чувство древней Руси». То, что Арсеньев «видит в своих странствиях, передано не “хорошо” или “удачно”; это передано волшебю. Дело не в стиле, не в блестяще подобранных эпитетах, а в каком-то таком погружении в раскрывающийся перед нами мир, которое неожиданно придает безупречному реализму сказочные, призрачные черты. <...> Читаешь в Париже, с трудом отрываясь от властно всех захвативших теперешних тревог и забот, и вдруг ловишь себя на том, что все забыто, и остается только “какой-то темный, дикий, зимний день, какой-то бревенчатый Кремль с деревянными церквями и черными избами, снежные сугробы, истоптанные конными и пешими в овчинах и лаптях”»³⁴.

И, словно вспомнив давнюю полемику между М.О. Цетлиным и К.И. Зайцевым о соотношении в «Жизни Арсеньева» гетевских категорий «Dichtung» и «Wahrheit»³⁵, Адамович резюмировал: «В этой

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ «Dichtung und Wahrheit» («Поэзия и правда, 1811–1831) — автобиографическое сочинение И.-В. Гете. В рецензии на первую книгу «Жизни Арсеньева», опубликованную в № 34 «Современных записок», Цетлин, в частности, писал: «“Жизнь Арсеньева” и отдаленно не похожа ни на одну из знакомых нам автобиографических повестей, ни на “Dichtung und Wahrheit” Гете, ни на толстовское “Детство” и “Отрочество”», признавая в то же время, что «эта вещь дает ценнейший материал для понимания личности и творчества Бунина» (Цетлин М. «Современные записки» кн. 34-я: Литературный отдел // Последние новости. 1928. 1 марта (№ 2535). С. 2). Как бы возражая Цетлину, К. Зайцев заявлял, что не станет «долго раздумывать о том, есть ли новое большое произведение Бунина “Жизнь Арсеньева” <...> роман или воспоминания, и какое слово, Wahrheit или Dichtung, нужно поставить раньше для характеристики этого произведения». Критик был убежден, что «в “Жизни Арсеньева” Бунин в форме романа (“Dichtung”) пишет о себе, т. е. описывает пережитую Wahrheit своей жизни (Зайцев К. Детство печального счастливица: «Жизнь Арсеньева» Ив. Бунина // Россия. Париж, 1928. 14 апр. (№ 34). С. 2).

книге нет разделения между “поэзией” и “правдой”, в ней одно становится другим»³⁶.

«До чего это несравненно хорошо написано!»

Адамович был единственным из прежних, довоенных критиков, откликнувшимся на первое полное издание «Жизни Арсеньева» (Нью-Йорк, 1952). С выходом этой книги у Адамовича наконец появилась возможность подвергнуть ее тому «настоящему, основательному разбору», о котором он мечтал еще в 1933 г., рецензируя вторую часть пятой книги бунинского романа, напечатанную в № 53 «Современных записок». Однако теперь критика уже не волновал вопрос о «необходимости той смены подъемов и разряжений, без которой нет творчества»³⁷. Теперь он воспринимал и оценивал книгу Бунина в ее целостности, стремясь не столько «разобрать» ее, сколько поделиться вызванными ею впечатлениями.

Думается, для самого Адамовича его статья о «Жизни Арсеньева» (именно статья, а не рецензия или критический очерк, что особо подчеркнуто в ее начальных строках) для нью-йоркской газеты «Новое русское слово» была не просто очередным славословием Бунину. Несмотря на свой внешне-непринужденный, чисто газетный тон, она была выражением искреннего восхищения перед Художником. Об этом можно говорить с уверенностью благодаря письму Адамовича к Бунину от 13 августа 1952 г., которое пронизано тем же чувством: «А еще хочу я Вам написать, что вчера я начал перечитывать “Жизнь Арсеньева” (для статьи) — и читаю ее с чувствами, которые трудно и как-то неловко мне Вам выразить. До чего все хорошо! Я сейчас, только что прочел главы о Ростовцеве <...> — оттого и захотелось мне Вам написать. Как будто мало сказано, а сказано на деле так много, что невозможно не остановиться, чтобы “передохнуть”, — и о России, и о всем, вообще. Простите, я не имею права делать Вам комплименты, но Вы действительно единственный писатель, который был у нас после Толстого, да и неизвестно, будет ли когда-нибудь такой еще» [5, с. 101–102]³⁸.

³⁶ Адамович Г. Литературные заметки: И.А. Бунин. — «Лица» // Последние новости. 1939. 4 мая (№ 6611). С. 3.

³⁷ Адамович Г. «Современные записки», кн. 53-я: Часть литературная // Последние новости. 1933. 2 нояб. (№ 4607). С. 2.

³⁸ Нечто подобное тому, что сказано в последних строках процитированного послания, Бунину писал Алданов еще 2 января 1930 г.: «Вы наш первый писатель и, конечно, у нас такого писателя, как Вы, не было со времени кончины Толстого, который “вне конкуренции”» [9, с. 280].

В своей статье, написанной с необыкновенным тактом, критик сразу давал читателю «Нового русского слова» понять, что речь идет не просто о первоклассном произведении, но о подлинном шедевре: «Начал я перечитывать “Жизнь Арсеньева” как повествование знакомое, собираясь более или менее рассеянно перелистать книгу и, как говорится, “освежить ее в памяти”. Но, еще не успев по-настоящему вникнуть в ее содержание, я был поражен: до чего это несравненно хорошо написано, до чего верно, точно, метко, остро, правдиво в каждом слове! <...> Прочтите, например, <...> рассказ о приезде молодого Арсеньева вечером в незнакомый ему Витебск, сказать, что это отличное описание — значит не сказать ничего. Это воспроизведение, воскрешение, трудно подобрать подходящее слово. Несомненно только то, что подобное “описание” граничит с волшебством»³⁹.

Как видно из процитированного выше письма Адамовича к Бунину, новое издание «Жизни Арсеньева» окончательно уверило критика в непохожести ее автора на классиков русской литературы, с которыми его любили сравнивать. И эту уверенность Адамович, вслед за М.О. Цетлиным, П.М. Пильским, Ю.Л. Сазоновой⁴⁰, высказал наконец во всеуслышание, притом в весьма радикальной форме: «И вот

³⁹ Адамович Г. «Жизнь Арсеньева» // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1952. 12 окт. (№ 14778). С. 8.

⁴⁰ Цетлин первым среди критиков русского зарубежья попытался «вписать» «Жизнь Арсеньева» в контекст европейской и классической русской литературы. Но, в противоположность своим коллегам, искавшим и находившим в бунинской «вещи» влияние Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.-В. Гете, Ж.-Ж. Руссо, М. Пруста, Цетлин, по существу, отрицал всякое «внешнее влияние» на Бунина. В частности, не соглашаясь признавать «Жизнь Арсеньева» романом, Цетлин указывал на то, что это произведение «резко отклоняется от путей, по которым шло развитие художественного повествования, путей, означенных великими именами Стендала и Толстого» (см.: Цетлин М. «Современные записки» кн. 34-я: Литературный отдел // Последние новости. 1928. 1 марта (№ 2535). С. 2). Гораздо радикальнее насчет того, кому «наследовал» автор «Жизни Арсеньева», высказался Пильский: «Ив. Бунин — совершенно обособленное явление русской литературы. Совсем невозможно сказать, откуда и от кого он идет. Такой ясности, соединенной с глубиной, изящества, сродненного с простотой, слияния интеллигентности и самобытности, городских наслоений и деревенских чувствований, природы и книги, тончайшей поэзии и тончайшей реальнейшей прозы не было ни у кого, мы не знаем примера: это — наследство, полученное им ни от кого, это сын без родителей, потомок без предков, ученик без учителя, но <...> это именно — русский писатель, лишь отшлифованный европейскими влияниями, последний дворянин в литературе, пронесший в себе заветы и предания погасшего усадебного духа, овеянный дуновением родных полей, художник созерцания, но и понимания» (Пильский П. Новая книга «Современных записок» // Сегодня. Рига, 1929. 11 янв. (№ 11). С. 3). Сазонова по-своему вторила своим предшественникам: «Сколько было в русской литературе помещичьих усадеб, дворянских гнезд, картин “оскудения”, семейных преданий и описаний детства и юности от Аксакова и Льва Толстого до наших дней. Но не было в этом ничего близкого к бунинской эпопее рождения человека среди страшного великолепия России. По своему замыслу и исполнению “Жизнь Арсеньева” стоит особняком, создавая новое отношение к технике письма

что следовало бы, наконец, единодушно признать, вот до чего можно было бы без лишних споров договориться: никто никогда в русской литературе не писал так, как пишет Бунин. Чувствую на расстоянии читательское недоумение, вижу воздетые к небу руки — “да он с ума сошел! А Пушкин, а Лермонтов, а Толстой, а Гоголь?!” — и поэтому тороплюсь объясниться. Находясь в здравом уме и твердой памяти, я вовсе не собираюсь утверждать, что не было в русской литературе книги, равной “Жизни Арсеньева”. Большие произведения, взятые в целом, вообще не поддаются сравнениям и не терпят их. <...> Не в таком сопоставлении дело, а в том — и только в том, что бунинского словесного совершенства, его стилистической полноты, свободы, выразительности и роскоши ни у кого из русских писателей нет. Не “Жизнь Арсеньева” в целом, нет, но одна отдельная страница “Жизни Арсеньева” есть пример и образец русского писательского мастерства. <...> Бунин именно развил, именно усовершенствовал то, чему научился он у Лермонтова, у Толстого, у Тургенева или Чехова⁴¹.

Критик как бы подытоживал все, что он прежде писал о «Жизни Арсеньева» и при этом по-новому расставлял акценты — в соответствии с тем новым пониманием бунинского произведения, которое пришло к нему еще в конце 1930-х гг.

«“Жизнь Арсеньева”, — писал Адамович, — книга о России, о русских людях, о русской природе, об исчезнувшем русском быте, о русском характере, о всем том безмерно сложном и даже таинственном, что содержит в себе географическое название страны. Но как ни богато повествование этим национальным содержанием, как в этой плоскости ни горестно оно по тону, истинная тема “Арсеньева” — иная. За Россией у Бунина — весь мир, вся не поддающаяся определению жизнь, с которой Арсеньев чувствует свое родство и связь. “Все во мне и я во всем”, можно было бы повторить знаменитую тютчевскую строку. <...> “Жизнь Арсеньева”, конечно, — прежде всего поэзия, от случайного и временного уходящая к постоянному и беспредметному, как все, что словом “поэзия” действительно достойно именоваться»⁴².

Бунин и его жена горячо поблагодарили Адамовича за эту публикацию. Так, В.Н. Бунина писала критику 20 октября 1952 г.: «Недавно прочли Вашу статью о И<ване> А<лексеевиче>. Мне было очень

романа, хотя как будто обращаясь к прошлому» (Сазонова Ю. Жизнь Арсеньева // Новое русское слово. 1952. 28 сент. (№ 14764). С. 8).

⁴¹ Адамович Г. «Жизнь Арсеньева» // Новое русское слово. 1952. 12 окт. (№ 14778). С. 8.

⁴² Там же.

приятно читать ее. Вы очень тонко почувствовали в ней “Ж<изнь> А<рсеньева>”, И<ван> А<лексеевич> сам Вам о ней напишет. / Вообще в настоящее время не только хвалят, а на мой слух очень тонко и проникновенно понимают это произведение, например, статья Сазоновой — в “Н<овом> р<усском> с<лове>”» [5, с. 103]⁴³. Бунин сделал приписку: «Обнимаю и целую. И очень благодарю за прекрасную статью об “Арсеньеве”» [5, с. 104].

* * *

Роман «Жизнь Арсеньева» явился важнейшей вехой не только в творческой биографии его создателя, но и в истории всей русской литературы XX в. Сам Бунин считал, что Нобелевскую премию по литературе он получил главным образом именно за это произведение.

Уже первые фрагменты романа, печатавшиеся в эмигрантской периодике, заслуженно привлекли к себе внимание критики и читательской аудитории. И по мере обнародования все новых и новых частей «Жизни Арсеньева» интерес к ней в эмигрантской среде неизменно и закономерно возрастал.

Помимо Адамовича, на появление бунинского романа откликнулось еще, по меньшей мере, 27 критиков русского зарубежья (ряд имен упомянут в настоящей статье; см. также обзоры критических отзывов о «Жизни Арсеньева»: [2; 3, с. 368–396]).

Несмотря на то, что наряду со славословиями в адрес автора романа временами звучали и упреки (как мы видели, некоторые из них были высказаны Адамовичем), критики эмиграции, за редким исключением, сходились в том, что «Жизнь Арсеньева» — «вершинное достижение писателя» [3, с. 369].

Для Адамовича, при всей относительной независимости, а иногда и явной противоречивости его критических суждений о бунинском романе, это тоже было более чем очевидно.

Литература

1. *Адамович Г.* Одиночество и свобода: Литературно-критические статьи. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 317 с.

2. *Вязмитинова Л.Г., Цуканов А.Л.* «Жизнь Арсеньева: Юность» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 3: Книги. С. 109–111.

⁴³ См.: *Сазонова Ю.* Жизнь Арсеньева // Новое русское слово. 1952. 28 сент. (№ 14764). С. 8.

3. Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е – 1950-е годы): Антология / под общ. ред. Н.Г. Мельникова. М.: Книжница; Русский путь, 2010. 928 с.

4. *Коростелев О.* «Смерти нет!»: Г.В. Адамович о И.А. Бунине // *Русская литература*. 2020. № 3. С. 105–111. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-105-111.

5. Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // *И.А. Бунин: Новые материалы*. М.: Русский путь, 2004. Вып. I / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. С. 8–164.

6. Переписка И.А. и В.Н. Буниных с В.Ф. Ходасевичем (1926–1939) / публ. Дж. Малмстада // *И.А. Бунин: Новые материалы*. М.: Русский путь, 2004. Вып. I / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. С. 165–219.

7. Переписка И.А. Бунина с Н.Н. Берберовой (1927–1946) / публ. М. Шраера, Я. Клоца и Р. Дэвиса; вступ. ст. М. Шраера // *И.А. Бунин: Новые материалы*. М.: Русский путь, 2010. Вып. II / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. С. 8–108.

8. Письма Г.В. Адамовича к З.Н. Гиппиус. 1925–1931 / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова // *Диаспора: Новые материалы*. СПб.: Феникс, 2002. Вып. 3. С. 435–535.

9. Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным / публ. М.Э. Грин // *Новый журнал*. 1965. № 80. С. 258–287.

10. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4 т. / под ред. О. Коростелева и М. Шрубь. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. 976 с.

Research Article

“*The Life of Arsenyev, of Course, Is Primarily Poetry*”: Georgy Adamovich on Ivan Bunin’s Novel, 1929–1952

© 2021. Anton V. Bakuntsev

Lomonosov Moscow State University,
A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The study was carried out at the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 17-18-01410-P). The author expresses his heartfelt gratitude to the staff of the Russian State Archive of Literature and Art, as well as to S.N. Morozov (IWL RAS) and S.R. Fedyakin (Gorky Literary Institute) for their assistance in the preparation of the article.

Abstract: The article uses the material of G.V. Adamovich’s publications in emigrant periodicals to address the problem of critical reception of I.A. Bunin’s novel “The Life of Arsenyev” in the late 1920s – early 1950s. Bunin in 1928–1939 published his novel in parts. At the same time, the appearance in the magazine “Sovremennye zapiski” (Paris) of each of the five books included in the novel and the release of individual book editions were preceded by the publication of fragments of “The Life of Arsenyev” in emigrant newspapers. This explains the relatively large

number of Adamovich's responses to Bunin's novel. The critic did not let "The Life of Arsenyev" out of his field of view from the time of the publication of her third book in "Sovremennye zapiski" (1929) until the first complete edition of the novel was published in the New York Chekhov Publishing House (1952). The article traces how Adamovich's attitude to Bunin's work was adjusted over the years, and how, as a result, sophisticated pickiness was replaced by unconditional admiration. The empirical material is grouped taking into account the chronology of the publication of "The Life of Arsenyev". The research methods used are the principle of historicism and comparative analysis.

Keywords: G.V. Adamovich, I.A. Bunin, "The Life of Arsenyev", the criticism, the Russian Abroad.

Information about the author: Anton V. Bakuntsev, PhD in Philology, Associate Professor, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaia street, 125009 Moscow, Russia; Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7087-3235>. E-mail: auctor@list.ru

For citation: Bakuntsev, A.V. "The Life of Arsenyev, of Course, Is Primarily Poetry": Georgy Adamovich on Ivan Bunin's Novel (1929–1952)." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 304–325. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-304-325>

References

1. Adamovich, G. *Oдиночество и свобода: Литературно-критические стат'и* [*Loneliness and Freedom: Literary Critical Articles*]. New York, Izdatel'stvo im. Chekhova Publ., 1955. 317 p. (In Russ.)
2. Viazmitinova, L.G., Tsukanov, A.L. "Zhizn' Arsen'eva: Iunost'" ["The Life of Arsenyev: Youth"]. *Literaturnaia entsiklopediia Russkogo Zarubezh'ia. 1918–1940* [*Literary Encyclopedia of the Russians Abroad. 1918–1940*], vol. 3: Knigi [Books]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002, pp. 109–111. (In Russ.)
3. Mel'nikov, N.G., editor. *Klassik bez retushi: Literaturnyi mir o tvorchestve I.A. Bunina: Kriticheskie otzvyvy, esse, parodii (1890-e – 1950-e gody): Antologiiia* [*Classic without Retouching: The Literary World about the Work of I.A. Bunin: Critical Reviews, Essays, Parodies (1890s–1950s): Anthology*]. Moscow, Knizhnitsa Publ., Russkii put' Publ., 2010. 928 p. (In Russ.)
4. Korostelev, O. "Smerti net!": G.V. Adamovich o I.A. Bunine" ["There's No Death!: G.V. Adamovich on I.A. Bunin"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2020, pp. 105–111. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-105-111 (In Russ.)
5. "Perepiska I.A. i V.N. Buninykh s G.V. Adamovichem (1926–1961)" ["Letters between I.A. and V.N. Bunin and G.V. Adamovich"], publ. by O. Korostelev and R. Devis. Korostelev, O.A., and R. Devis, editors. *I.A. Bunin: Novye materialy* [*I.A. Bunin: New Materials*], issue 1. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, pp. 8–164. (In Russ.)
6. "Perepiska I.A. i V.N. Buninykh s V.F. Khodasevichem (1926–1939)" ["Letters between I.A. and V.N. Bunin and V.F. Khodasevich"], publ. by D. Malmstad.

Korostelev, O.A., and R. Devis, editors. *I.A. Bunin: Novye materialy* [*I.A. Bunin: New Materials*], issue 1. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, pp. 165–219. (In Russ.)

7. “Perepiska I.A. Bunina s N.N. Berberovoi (1927–1946)” [“Letters between I.A. Bunin and N.N. Berberova (1927–1946)”], publ. by M. Shraer, Ia. Klots and R. Devis; introd. by M. Shraer. Korostelev, O.A., and R. Devis, editors. *I.A. Bunin: Novye materialy* [*I.A. Bunin: New Materials*], issue 2. Moscow, Russkii put' Publ., 2010, pp. 8–108. (In Russ.)

8. “Pis'ma G.V. Adamovicha k Z.N. Gippius. 1925–1931” [“G.V. Adamovich's Letters to Z.N. Gippius. 1925–1931”], introd. note, text prep. and comm. by N.A. Bogomolov. *Diaspora: Novye materialy* [*Diaspora: New Materials*], issue 3. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, pp. 435–535. (In Russ.)

9. “Pis'ma M.A. Aldanova k I.A. i V.N. Buninym” [“M.A. Aldanov's Letters to I.A. and V.N. Bunin”], publ. by M.E. Grin. *Novyi zhurnal*, no. 80, 1965, pp. 258–287. (In Russ.)

10. Korostelev, O.A., and M. Schrubá, editors. “*Sovremennye zapiski*” (*Parizh, 1920–1940*). *Iz arkhiva redaktsii: v 4 t.* [“*Contemporary Annals*” (*Paris, 1920–1940*). *From the Archive of the Editorial Department: in 4 vols.*], vol. 2. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 976 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.03.2021

Одобрена после рецензирования: 10.04.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 18.03.2021

Approved after reviewing: 10.04.2021

Date of publication: 25.09.2021

Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой: К немецкой речи

© 2021, Р.Д. Тименчик

Еврейский университет, Иерусалим, Израиль

Аннотация: Статьи из авторского цикла «Из Именного указателя к “Записным книжкам” Ахматовой» демонстрируют опыт экстенсивного комментария к ахматовским рабочим записям, организованного вокруг имен персонажей, занесенных на страницы ее блокнотов, своеобразной вольной ахматовской энциклопедии, где в ономастике совмещены разные времена ее долгой жизни. Данная (по счету пятьдесят первая в цикле) статейная подборка организована вокруг «немецкой темы» и посвящена 80-летию выдающегося филолога Константина Азадовского и касается персонажей, так или иначе затронутых в его научных работах. Это поэты-германофоны (В. Зубов, Р.М. Рильке), переводчики ее стихов на немецкий (И. фон Гюнтер, Феликс Зелинский, Франс Лешницер, Максимилиан Шик), немецкий визитер (Генрих Бёльль).

Ключевые слова: Анна Ахматова, записные книжки, перевод, немецкий язык, Константин Азадовский, Валентин Зубов, Райнер Мария Рильке, Ганс Гюнтер, Феликс Зелинский, Франц Лешницер, Максимилиан Шик, Генрих Бёльль.

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик — кандидат филологических наук, профессор, Еврейский университет, НУЛІ, 901905 г. Иерусалим, Израиль. E-mail: suzirom@gmail.com

Для цитирования: Тименчик Р.Д. Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой: К немецкой речи // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 326–351. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-326-351>

Есть между нами похвала без лести

О. М.

Нынешняя выборка комментариев к именам, названным в рабочих блокнотах Ахматовой, примыкающая к полусотне разрозненных публикаций, в том числе и на страницах «Литературного факта», сосредоточена на нескольких персонажах из истории русско-немецких литературных отношений. Каждый из них в той или иной мере попадал в сферу научных интересов Константина Марковича Азадовского, и наше сегодняшнее знание о них неотделимо от того, что наблюдало и сформулировано в его работах с присущими им корректностью, элегантностью соблюдения протокола старой школы и толчками к новым исследованиям. В подборке мы встретим одного великого поэта, одного поэта-любителя, одного знаменитого визитера и несколько переводчиков русской поэзии на немецкий язык.

К своим переводам на этот язык Ахматова была особенно внимательна, с сожалением констатируя неполноту знания этого языка, особенно в сравнении с языками романскими. Наталья Горбаневская рассказывала нам, что в разговоре с ней Ахматова сетовала на то, что дважды забывала немецкий, и говорила, что это свойство языка еще Пушкин заметил, сказав Ксенофону Полевому: «Только с немецким не могу я сладить. Выучусь ему и опять все забуду: это случилось уже не раз»¹. В 1964 г. она говорила немецкому интервьюеру: «Французские, итальянские, английские переводы своих стихов она находит почти несносными. “По-немецки удастся, пожалуй, скорее почуять дыхание русского поэта”»².

Далеко не все из немецких переводов (см. по указателю в: [21]) были ей известны. Был знаком, например, перевод поэмы «У самого моря», сделанный чешским филологом Отто Баблером (см.: [12, с. 41–45]), — оттиск с выписанным переводом стихов «Он никогда не придет за мной, он никогда не вернется, Лена»:

Nie kommt es, Lena, her zu mir
und niemals kehrt es mehr zurück,

¹ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л.: Academia, 1935. С. 23.

² *Бонгардт В.* Встреча с Ахматовой / перевел Н.Н. // Новое русское слово. [Нью-Йорк], 1965. 28 февраля.

— Ахматова подарила Н.Н. Пунину 21 мая 1931 г. [18, с. 321]; о другом переводе первой главки этой поэмы, выполненном Рейнгольдом фон Вальтером³, судя по рассеянным материалам к автобиографии в ее фондах, Ахматова не знала или забыла. Знала она переводы Вольфганга Грегера, приведенные в рецензии Саши Черного на «Подорожник» в немецкой части журнала «Жар-птица» (1921, № 1)⁴ и получившие одобрение в печати⁵.

Особо необходимо отметить переводы, выполненные на родине Ахматовой, только редко обретавшие печатную форму⁶. Здесь — помимо известного Ахматовой как переводчика Василия Васильевича Гельмерсена (Wilhelm Paul Christian Nikolai von Helmersen; 1873–1937), бывшего библиотекаря дворцовой библиотеки Николая II, художника-силуэтиста, заключенного в лагере на Соловках с 1930 г., где он был вторично осужден, расстрелян в 1937 г. и захоронен на территории современного мемориального кладбища Сандармох⁷, — назовем, например, филолога Сергея Игнатьевича Бернштейна (1892–1970)⁸, в бумагах которого сохранились его переводы, которые, пользуясь случаем, хотелось бы обнародовать («Венеция», «Двадцать первое. Ночь. Понедельник», «Данте», «9 декабря 1913», «Муза»):

³ *Achmatowa A. Am Meer. Deutsch von Reinhold von Walter // Der Querschnitt. 1924. Bd. 4. S. 134–136.*

⁴ «Просыпаться на рассвете» (In der Dämmerung erwachen), «Проплывают льдины звеня» (Eisschollen schwimmen vorbei), «От любви твоей загадочной» (Deine Liebe, die umprankende), «Покинув рощи родины священной» (Der heiligen Heimat Haine waren ferne), «Мурка» (Sitzt ein Kätzchen, grauer Murr).

⁵ *Ирецкий В. Вержболово-Рейн // Литературные записки. 1922. № 1. С. 8; Severus. [Рец. на кн.:] Жар-птица. 1921. № 1 // Новый путь. (Рига). 1921. 17 декабря.*

⁶ Например, опыты школьницы Тамары Сильман (*Сильман Т., Адмони В. Мы вспоминаем. Роман. СПб.: Композитор, 1993. С. 285*), подтекстовки Д.С. Усова в нотных изданиях музыки В.Я. Шебалина («Я спросила у кукушки», «Сразу стало тихо в доме», «Я окошка не завесила», 1927) и В.В. Нечаева («Я на солнечном восходе», 1929) (*Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...» / сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Т.Ф. Нешумовой. М.: Эллис Лак, 2011. Т. 1: Стихи; Переводы; Статьи. С. 519, 524*).

⁷ В 1923 г. он читал свои переводы из Ахматовой на вечере в пользу реставрации Медного всадника (Последние новости. 1923. 15 октября), а в 1927 г. — в Институте истории искусств (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 36) и на вечере Ахматовой в Союзе писателей [11, с. 245]; тетрадь с его переводами 50 стихотворений Ахматовой была подарена ею П.Н. Лукницкому [11, с. 324].

⁸ См. о нем: *Богатырева С. Серебряный век в нашем доме. М.: АСТ, 2019. С. 98–169.*

VENEDIG

Goldener Taubenschlag nah am Wasser,
Das so zärtlich ist und warm und grün.
Es verwischt ein Wind, ein salzig nasser
Der Gondeln Spuren, die vorüberziehn.

Die Leute freundlich, wo den Quai ich suche.
In den Buden Spielzeug schön und bunt.
Der Löwe auf der Säule mit dem Buche
Und auf Kissen auch auf blauem Grund.

Wie auf ausgebleichner Leinwand, strenge
Strahlt der Himmel kühl und bleich und blau.
Doch es ist nicht eng in dieser Enge,
Und die Hitze ist nicht schwül, nur lau.

Der Einundzwanzigste. Montag und Nacht.
Nebel die schlummernde Hauptstadt trübt.
Irgend ein Taugenichts hat es erdacht,
Dass es auf Erden hier Liebe gibt.

Teils dann aus Faulheit, weil Langweile riet,
Glaubten ihm alle mit leichtem Gemüt,
Wünschten Begegnung, da Abschied schon zieht,
Singen laut alle das Liebeslied.

Manchen jedoch das Geheimnis ward klar.
Doch die Erkenntnis bleibt ohne Dank.
Zufällig kam ich darauf, wie es war,
Aber seit jenem fühl ich mich krank.

DANTE

...mio bel San Giovanni
Inferno

Auch nach seinem Tod kehrt er nicht wieder
Nach Florenz, von wo er einsam flieht.
Und beim Weggehn schaute er nicht nieder
Hin zur Stadt. Ihm singe ich mein Lied.

Wild das Schicksal brüllt jenseits der Schwelle,
 Fackeln, Nacht, ein letzter Abschiedskuss.
 Seinen Fluch schickt er ihr aus der Hölle,
 Der im Himmel sich' noch sehnen muss.

Doch er ging nicht durch geliebte Gassen,
 Weder barfuß, noch ein Büßerhemd,
 Seiner Stadt Florenz, die er soll hassen:
 Treu- und schamlos, und doch nicht kann lassen...

9 DEZEMBER 1913

Die Tage, die so dunkel und hart,
 Müssen nun lichtig werden.
 Ich find zum Vergleich nichts auf Erden,
 Wie deine Lippen, so zart.

Nur wage nicht, mich anzuschauen,
 Verschone du mein Leben,
 Deine Augen wie Veilchen blauen,
 Doch mir den Tod sie geben.

Es braucht kein Wort in diesen Fällen
 Unbeschwert sind Zweige im Schnee...
 Vogelfänger die Netze stellen
 Dort am Flusse ich seh.

DIE MUSE

Wenn ich sie nächstens zu Besuch erwarte,
 Mein Leben, scheint mir, hängt an einem Haar.
 Was sind mir Ehren dann, das Jugendzarte
 Vor diesem Gast mit seiner Flöte klar.

Sie kommt, nimmt ab den Schleier, der sie zierte,
 Und aufmerksam betrachten tut sie mich.
 Ich frag: "Bist du's, die Dante einst diktierte
 Der Hölle Zeilen? " Sie zur Antwort: "Ich" ⁹.

⁹ Сообщено Габриэлем Суперфином. Мелкие неточности исправлены по замечаниям Манфреда Шрубы — обоим им нижайшая благодарность. Г.Г. Суперфин сообщил нам также помету о словах Ахматовой в картотеке С.И. Бернштейна за 22 апреля 1920 г.: «необходимо проверять на слух — иначе может получиться Бог знает, какая какофония».

Немецкая тема в записях «рукой Ахматовой» представленными справками не исчерпывается — как принято говорить, «Fortsetzung folgt».

Бёлль (Böll) Генрих (1917–1985) — немецкий писатель, пользовавшийся у молодых русских читателей 1960-х гг. чрезвычайной популярностью, — герой Василия Аксенова говорил о себе: «Хемингуэй и Белль назубок»¹⁰.

Запись от 17 августа 1965 г.: «Днем Белль с супругой, сыновьями. Адмони и Копелевы» [8, с. 655]; в списке адресатов дарения «Бега времени» [8, с. 680] и в перечне знаменитых иностранных визитеров 1965 г. — «Это ему Ахм<атова> сказала: “Поэт это тот, у кого ничего нельзя отнять и кому ничего нельзя дать”» [8, с. 691]. По воспоминаниям Льва Копелева:

Владимир Григорьевич Адмони и Тамара Иса[а]ковна Сильман предлагают повезти его к Ахматовой в Комарово. С утра я спешу рассказать Бёллю про Ахматову. Он очень внимательно слушает, переспрашивает. Я пытаюсь объяснить особенности ее поэзии. Из этого возникает вовсе «посторонний» разговор о том, почему в современной русской поэзии преобладают рифмованные мелодические стихи, а в немецкой они почти исчезли.<...>

Анна Андреевна в нарядной шали, держится чопорнее, чем обычно,— «принимает» иноземного гостя. <...> Анна Андреевна говорит по-французски. Бёлль отвечает по-французски с трудом. Потом они переходят на английский, это ей нелегко. Тогда мы с Владимиром Григорьевичем становимся толмачами.

Оказывается, Бёлль читал ее стихи и по-немецки, и по-английски. Сказал, что ему немецкие переводы нравятся больше, чем английские. Немецкий язык по духу, по степени свободы ближе русскому, чем английский. <...>

Кто-то говорит, что в этом году Нобелевская премия будет присуждена Ахматовой. Она царственно: «И хлопотно, и не нужно, и один швед сказал, что не дадут». Мы вопросительно глядим на Бёлля: «Кто знает, кто знает...»

Анне Андреевне нравится замысел фильма «Достоевский и Петербург». Нравится, что Генрих хочет возможно больше текстов Достоевского и образы Петербурга. <...>

Она расспрашивала, что Бёлль уже видел, где побывал.

¹⁰ Аксенов В. Звездный билет // Юность. 1961. № 7. С. 65.

— И про Сенную площадь не забыли?

Бёлль рассказывает о внучке Достоевского — ленинградском инженерере. Выйдя на пенсию, он стал неутомимым, дотошным исследователем и биографом деда. Нас он заставлял считать шаги от «дома Раскольников» до «дома процентщицы», показывал дверь, за которой был спрятан топор. Посетовал, что несколько обнаруженных им квартир Мармеладовых не совпадают с описаниями, и доверительно сказал: «Вероятно, в романе квартира, так сказать, синтетическая...»

Бёлль ответил ему вполне серьезно:

— Вы, конечно, правы. Писатели иногда делают такие синтезы. Анна Андреевна смеялась.

Прощаясь, Бёлль поцеловал ей руку. Такое мы увидели впервые. И совсем необычно для него торжественно сказал:

— Я очень рад, очень горжусь, что увидел главу русской литературы. Достойную главу великой литературы.

Анна Андреевна говорила потом:

— А он, пожалуй, лучший из иностранцев, которых я встречала. Они ведь почти все — дикари. А он удивительно милый человек¹¹.

3 сентября 1965 г. Ахматова сообщила Нике Глен: «Что Надя [Мандельштам]? Как ее дела, квартира, здоровье. Бёлль сказал мне, что его друг перевел Мандельштама, но про все это знает Копелев»¹²; 15 сентября Бёлль писал Владимиру Адмони: «Часто вспоминаю нашу совместную поездку к Анне Ахматовой, замечательной женщине» [1, с. 289].

По свидетельству М.В. Баньковской — со слов С.С. Гитович — перед визитом Бёлля Ахматова сказала последней: «Не люблю немцев»¹³. Другое свидетельство, видимо, тоже от Сильвии Гитович: «Она принципиально и воинственно не устраивала свой быт. Когда к ней приехал Генрих Бёлль, она уселась на поломанный стул, чтобы знаменитый гость не сел на него случайно и не свалился»¹⁴. В комаровской «Будке» присутствовали жена и сыновья Бёлля — в 2009 г. Рене Бёлль писал нам: «Yes, I and my brother Raimund we were in Komarovo visiting Anna Akhmatova. It was a short visit, because

¹¹ Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. 1956–1980. М.: Книга, 1990. С. 289–290.

¹² Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / сост. О.С. и М.В. Фигурновы. М.: Наталис, 2001. С. 462.

¹³ Белодубровский Е. Авторитет простых воспоминаний, или разговоры об Анне Ахматовой // Вечерний Санкт-Петербург. 1997. 9 июня.

¹⁴ Друскин Л. Спасённая книга. Воспоминания, London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1984. С. 189.

Mrs. Akhmatova was not well. I don't remember details only that it was very impressive to meet her». Наконец, присутствовала и сотрудница Иностранной комиссии Союза писателей И.Ф. Огородникова (1923–2008), которая доложила в совместном с М.М. Кияткиным «Отчете о работе с западногерманским писателем Генрихом Бёллем»: «Бёлль имел краткие встречи с писателями и критиками Ахматовой, [Д.А.] Граниным, [Т.Л.] Мотылевой, [Л.В.] Гинзбургом, [И.Д.] Константиновским, [З.С.] Паперным, [К.Н.] Озеровой <...> С искренней и неподдельной симпатией говорил он о книгах Паустовского, Виктора Некрасова, Солженицына, Солоухина и В. Аксенова. Он знает и современную русскую поэзию в немецких переводах. <...> Он проявил интерес к советской литературе и искусству, в том числе к писателям и художникам, подвергавшимся критике в советской печати (Евтушенко, Вознесенский, Аксенов и др.). Он интересовался также делом Бродского, о котором так много пишут на Западе, и сообщил о своем намерении обратиться с письмом в Союз писателей, т.к. его беспокоит шумная кампания, продолжающаяся в ФРГ вокруг этого имени. Он считает, что эта история наносит ущерб нашему престижу»¹⁵.

Гюнтер (Guenther) Иоганн фон (Ганс; 1886–1973) — немецкий поэт, переводчик, прозаик, мемуарист. Из его ахматовских переводов названа в записи для автобиблиографии от 11 июля 1965 г. [8, с. 611] составленная им «женская антология»¹⁶, озаглавленная переименованной строчкой финала стихотворения «Любовь» («И страшно ее угадать в еще незнакомой улыбке» — *Doch schrecklich, wenn mann sie errät / In Lächeln noch unbekannt gestern*). «10 июля 1965. (Для памяти) <...> Переписать нем<е>цкие переводы (Гюнтера)» [8, с. 636] — т. е., по-видимому, перечислить для автобиблиографии стихотворения, каковыми были «Любовь», «Песня последней встречи», «Я сошла с ума, о мальчик странный», «Муза-сестра заглянула в лицо», «Как велит простая учтивость», «Перо задело о верх экипажа», «После ветра и мороза было», «Я научилась просто, мудро жить», «Гость», «Вместо мудрости — опытность, пресное...», «Есть в близости людей заветная черта», «О тебе вспоминаю я редко», «Перед весной бывают дни такие», «Широк и желт вечерний свет», «О, есть

¹⁵ *Земляной С.* «Целесообразно проявлять холодность»: Генрих Бёлль под надзором советских писателей // Политический журнал. 2005. № 23 (74). 27 июня. С. 78–81.

¹⁶ *Dein Lächeln noch unbekannt gestern. Verse russischen Frauen.* Heidelberg: Rothe, 1958. 86 S.

неповторимые слова», «В каждых сутках есть такой», «Я окошка не завесила», «Чем хуже этот век предшествующих? Разве...», «Течет река неспешно по долине», «Когда в тоске самоубийства», «Не с теми я, кто бросил землю», «Над озером луна остановилась», «Все расхищено, предано, продано», «Кое-как удалось разлучиться», «Пока не свалюсь под забором», «На пороге белом рая», «Заплаканная осень, как вдова», «Ива», «Муза». Ср. запись посетительницы о разговоре 8 июля 1965 г.: «Показала книгу на немецком языке, недавно изданную, “Русские женщины-поэты”. Там несколько имен: Ахматова, Мирра Лохвицкая, Гиппиус, Поликсена Соловьева, две-три другие мне неизвестны. А.А. говорит, что очень хороший перевод»¹⁷. Запись июля 1965 г. о подготовке обязательных материалов для диссертации английской славистки об Ахматовой: «Что Аманде: (1965 — июль — Ленингр<ад>) <...> Из статьи Иоганнеса фон Гюнтера» [8, с. 608]. Имеется в виду пассаж в послесловии (Nachwort. S. 83–84):

Анна Ахматова, увенчанная поэтическим венком еще в храме символизма, стала первой пророчицей постсимволистской школы гуманистичности, столь же непритязательной, сколь и глубокой. В лице Ахматовой Россия и мир получили ученицу Сапфо, одну из величайших поэтесс любви. Подобных звуков никто не находил до нее, то, что превратилось у нее в бессмертную музыку, никогда со времен Сапфо, способной петь похожим образом, не звучало со столь потрясающей простотой и человечностью. Новая азбука любви, понятная каждому и трогающая до глубины, была дарована русскому миру, и он подхватил ее с затаенным дыханием. Разве могло подобное подойти конвейеру диалектического материализма с его четко вымеренными стандартами для каждого душевного порыва? Хотя Анна Ахматова осталась в России и не эмигрировала, кремлевское папство отвернулось от нее с содроганием. Разумеется, Ахматову заставили замолчать, как это умеют делать в тех местах самым «демократическим» образом. Тем не менее, у каждого способного слышать не может быть сомнения в том, что короткие волны из сердца, начавшие звучать однажды, неспособны замолкнуть. Так и Сапфо вынуждена была ждать порой столетиями, чтобы быть услышанной вновь. Поэзия старше философии и долговечнее политики, поэзия — младшая сестра религии.

¹⁷ Любимова А.В. «Дорога не скажу куда...». Дневниковые записи о встречах с А.А. Ахматовой, 1944–1965 гг. СПб.: Агат, 2004. С. 56.

Это место послесловия выписано еще раз в библиографию: «Гюнтер Ганс: В сборнике женских стихов переводы и критическая справка (стр. ...)» [8, с. 658] и помянуто в критике вступительной статьи Глеба Струве к американскому изданию: «Неплохо было бы этому видному калифорнийцу также посмотреть <...> отзывы вроде Гюнтера в книге женских русских стихов). (См. стр. ...)» [8, с. 699]; см. также: «Ганс Гюнтер: В сборнике женских (Гиппиус, Цветаева и т.д.) переводных стихов. Стр. ...» [8, с. 695]; «Йоганнес фон Гюнтер в сб<орнике> дамских стихов» [8, с. 736]. Об этой антологии А.С. Эфрон писала 27 декабря 1962 г. И.Г. Эренбургу, и в неупоминании Ахматовой можно видеть отголосок давнего соперничества двух поэтесс: «Сегодня я получила книгу, к<отор>ая называется “Dein Lächeln noch unbekannt gestern” (Verse russischer Frauen) Johannes von Guenther, Wolfgang Dothe-Verlag, Heidelberg, 1958 — там Каролина Павлова! Мирра Лохвицкая! Гиппиус! Черубина де Габриак! Тэффи! Шагинян и др. Большой раздел маминых стихов. Знаете ли эту книжечку? Очень занятая. А некот<орые> переводы просто очень хороши»¹⁸.

Гюнтер фигурирует в сводных списках переводчиков на немецкий: [8, с. 347, 609, 624]. Не упомянуты его переводы в книге, о которой Ахматова могла знать из отзыва советской печати: «Поэтическая трибуна предоставлена таким более чем сомнительным величинам, как Георгий Иванов, Г. Адамович, Л. Вил[ь]кина, И. Одоевцева, Б. Поплавский, В. Набоков. Очень раздут раздел русской поэзии начала XX века — тут и Бальмонт, и Мережковский, и Гиппиус, и Соловьева-Аллегро. А вот в советском разделе нет ни А. Твардовского, ни А. Прокофьева, ни М. Светлова, ни А. Суркова, ни С. Щипачева, ни М. Алигер, ни О. Берггольц. <...>. Стихи <...> подобраны так, словно бы их создатели и не жили в советское время и ничем не были связаны с советской действительностью. <...> Весьма примечательно, что на страницах антологии, вышедшей в наши дни в Западной Германии, совершенно обойдена антифашистская тема, занимающая столь важное место в новейшей русской поэзии. В подборке стихов Анны Ахматовой читатель не найдет ни одного из ее широко известных прекрасных стихотворений, посвященных борьбе советского народа с гитлеровскими захватчиками»¹⁹: Ср.: «Хорошо также <как

¹⁸ Я слышу всё...: Почта Ильи Эренбурга, 1916–1967 / изд. подгот. Б.Я. Фрезинский. М.: Аграф, 2006. С. 516–517. — В сборнике Гюнтера также были представлены Ю. Жадовская, Л. Вилькина, Л. Столица, А. Радлова, И. Одоевцева.

¹⁹ Мотылева Т. Неблагожелательный нейтралитет // Иностранная литература. 1961. № 12. С. 242.

и Блока» перевел он Ахматову. Ему вообще удаются переводы стихов “напевного” характера (Lieder, голос крови Шубертов и Шуманов)»²⁰. Речь идет о книге: *Neue Russische Lyrik. Herausgegeben und übersetzt von Johannes von Guenther. Mit einer Einleitung von Juri Semjonow. Frankfurt a/M, 1960.* Во вступлении слависта Юрия Семенова (1894–1977) говорилось: «...петербургский неоклассицизм проявляется у Ахматовой очень ярко. Возможно, что со времен Сапфо не было более сильного специфически женского поэтического дарования. Любовь является ее исконной темой. Но разве поэты, а в особенности поэтессы, до нее воспевали что-то иное? Конечно, но не так как она, иначе. Томики ее стихов немногочисленны и невелики по объему, но в своей совокупности они наглядно демонстрируют эволюцию большого поэта. Ранние грациозно простые, порой немного манерные, любовные песни углубляются и усложняются в горькие мотивы любви, смерти и лишений. Стилистический фон Петербурга сменяется душевной реальностью Родины и народа. Религиозное переживание перестает быть просто “мотивом”, становясь естественным завершением земной любви. Стих твердеет, слово плотнеет и приобретает новые смыслы. При всей своей музыкальности, стихи Ахматовой подходят для декламации, а не для пения. Ее стихи опираются на коренные свойства слова».

Не очевидно, что Ахматова отождествляла немецкого переводчика и поклонника с тем, кого она встречала в Петербурге перед первой мировой войной и к которому у нее были большие претензии — в 1927 г. она рассказывала об истории дуэли Волошина и Гумилева 1909 г.: «И Макс играл тут не очень красивую роль. <...> а особенно какой-то Гюнтер» [4, с. 349, 374–375]; в 1960-е гг. она рассказывала эту историю А.Г. Найману: «и еще был при этом какой-то немчик» [15, с. 7–8]. Ирина Одоевцева, вспоминая свое посещение Гюнтера в 1967 г., преувеличивала любовь Ахматовой к нему: «Из рассказов Гумилева о нем я знала, что он отличается редкой способностью превращать всех своих знакомых в друзей. С ним дружили все, без исключения, даже враждовавшие между собой, поэты. Его любили Блок, Гумилев, Ахматова, Андрей Белый, Кузмин и так далее. Я знала, что он был умен и остроумен, красив, строен — и, конечно, — как тогда полагалось — изысканный эстет.... <...> И вот, мне уже кажется, что в его кабинете, кроме него, его жены, его кота и меня — еще

²⁰ Шерман О. Антология «Новая русская лирика» // Русская мысль. 1961. 11 февраля.

и Блок, и Гумилев, и Андрей Белый, и Ахматова, и Мандельштам. Все они тут. Все они разговаривают со мной»²¹.

Уже после смерти Ахматовой увидели свет его воспоминания, которые раньше бытовали в его устных рассказах. Так, Д. Кленовский (Крачковский) писал Б.А. Филиппову 6 декабря 1963 г.: «С Гюнтером у меня зашел разговор о семейной жизни Гумилева и Ахматовой, и он, по своим воспоминаниям, полагает, что в ней не было благополучно. Ахматова любила флиртовать (была в частности по уши влюблена в поэта Князева, любовника ее подруги Глебовой-Судейкиной), и Гумилев был весьма влюбчив. Оба к тому же изрядно выпивали. Гюнтер вспоминает, что когда Ахматова рожала Левушку, Гумилев весь в слезах бегал по ресторанам и рассказывал всем, что ребенок... не от него. Не знаю, где здесь правда и где выдумка!»²². В своей книге Гюнтер дописал к этому рассказу: «Левушка, ставший после тяжелейших испытаний известным историком, с годами все больше и больше походит на Гумилева, так что ни у кого не остается сомнений, что он сын поэта. Сама Анна Ахматова никогда не говорила об этом. Она была и остается самой прославленной и любимой поэтессой нации. Однако она не сохранила верность своему поколению. Всех нас, помогших ей взойти на трон, который так ее красил, она по истечении времени наградила ненавистью или презрением. Об этом у меня скопилось немало заслуживающих доверия сообщений. Но что в том, довольствуемся главным: она была, и мы должны быть благодарны за то, что она была и что из этой золушки сотворилась чудеснейшая легенда» [6, с. 336]. В мемуарной книге он рассказывал о первом знакомстве с Ахматовой:

Кто только не выступал на этой маленькой эстраде! Шаляпин, Собинов, Блок, Брюсов, Сологуб, Белый и многие другие русские поэты; Герман Банг, Эмиль Верхарн, Маринетти и другие заезжие, — это были незабываемые вечера искусства. Выступали потом и молодые: Ахматова, Мандельштам, Игорь Северянин; мне тоже пришлось прочесть до сотни стихов Стефана Георге, Гете, фон Моргенштерна, а также и свои. <...> Здесь же, в «Бродячей собаке», я увидел Ахматову, когда она уже полгода была замужем за Гумилевым. Он знал, как талантлива была Анна Андреевна — и делал все, чтобы оставить ее в пустыне неизвестности. Вознесенный на высоту, он плохо отзы-

²¹ *Одоевцева И.* К 85-летию Иоганна фон Гюнтера // Русская мысль. 1971. 17 июня.

²² Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University. Boris Fillipov Papers. GEN MSS 334. Box 4, f.108; сообщено А.А. Долинным.

вался о ее стихах, издевался над ними, обижал и оскорблял поэтессу [7, с. 342, 347].

Уже по этому фрагменту видно, как ненадежна память вспоминающего: Герман Банг был в России незадолго до открытия «Бродячей собаки», Блок, Андрей Белый, Шалапин там не выступали, сведения о небывшем там выступлении Верхарна заимствованы из мемуаров Георгия Иванова и Ю.П. Анненкова [13]; через полгода после женитьбы Гумилева и Ахматовой Гюнтер действительно физически мог видеть Ахматову — см. сообщение в газетной хронике: «В Петербург приехал известный немецкий поэт и драматург Гюнтер» (Биржевые ведомости. 1910. 18 октября), но Гумилев в это время находился в Африке, поэтому эпизод встречи с молодоженами в редакции «Аполлона» не мог иметь места, а до открытия «Бродячей собаки» оставалось больше года. Рассказ о дебюте Ахматовой на Башне Вяч. Иванова очевидно пересказывает «Петербургские зимы» Г. Иванова. Как сказано в предисловии Ю.И. Архипова к первому русскому, к сожалению, некомментируемому изданию его мемуаров, «принимать за чистую монету показания мемуариста нельзя. Свидетель сей лжет — как всякий свидетель. Лжет, то есть говорит свою, одностороннюю, правду. Излагает события так, как они виделись — или запомнились — ему. А о себе любимом, как правило, запоминается все самое лучшее, нередко — в сильном преувеличении собственных заслуг и достоинств. <...> Однако подобные преувеличения естественны, от любых воспоминаний неотъемлемы. Пытливый читатель и сам догадается провести — с помощью многих других документальных источников — “феноменологическую редукцию”, то бишь корректировку смысла описываемых явлений, необходимую для поиска истины» [6, с. 9]. Об этом же мягче было написано ранее К.М. Азадовским: «В его суждениях немало субъективного; местами и память подводит мемуариста. (Видимо, желая избежать неточностей, Гюнтер использовал в работе над книгой и ряд материалов, обнародованных в более позднее время)» [9, с. 338].

Первая справка о нем в советской печати — заметка А.Е. Парниса «Гюнтер Й.» [10, т. 9, стб. 254]; из ряда новейших публикаций укажем: [20; 23; 17].

Зелинский Феликс Фаддеевич (1886–1970) — ботаник, преподаватель природоведения в шондорфской гимназии; в указателе к [8, с. 795] раскрыт неверно как Фаддей Францевич — его отец Ф.Ф. Зелинский (1859–1944), филолог-классик. Помета марта (?) 1962 года: «Из записей Лукн<ицкого> 13 июня 1924 г. (13 июня) Дата письма

переводчика Ф. Зелинского (из Шондорфа, Верх<няя> Бавария), (14 стих<отворений> переведены на нем<ецкий> яз<ык>» [8, с. 152]. В библиографии переводов Ахматовой на немецкий — наряду с М. Шиком, Лешницером, С. Вейнбергом, А. Мэтро, Иоганнесом фон Гюнтером [8, с. 624]. «Шандорф» <так!> — в списке городов, из которых Ахматова получала письма [8, с. 513].

В дневниках П.Н. Лукницкого зафиксировано с опиской в цифрах года: «1913 г. 13 июня. Дата письма переводчика стихов АА на немецкий язык Ф. Зелинского к АА из Шондорфа (Верхняя Бавария). В письме перечислены четырнадцать стихотворений, переведенных на немецкий язык» [11, с. 325]; как пояснение описки Лукницкого — повторение даты в ахматовской записи.

Феликс Зелинский в 1919 г. на лыжах по льду залива бежал из Петрограда в Финляндию, а в 1920 г. обосновался в Баварии. Ахматовой он писал:

Милостивая Государыня,

Вдали от родины, как никогда раньше, пленила меня прелесть ее новейшей поэзии. И вот я принялся переводить все то, что мне особенно нравилось — и что не слишком казалось трудным — на немецкий язык. Переводов набралось уже довольно много, а т.к. среди читающей немецкой публики интерес к русской культуре чрезвычайно велик, то я думаю, что будет некоторая даже заслуга, если мой сборник вышел бы в печать.

В числе других (А. Блока, Бальмонта, Сологуба, Белого, Брюсова, Минского, Городецкого, В. Иванова, Кузмина, Гумилева и некот<орых> др<угих>) я перевел и целый ряд Ваших стихотворений, а именно:

*Сжала руки под темной вуалью

*Сероглазый король

Как невеста получаю

Мы не умеем прощаться

Для того ль тебя носила

Молитва

Где, высокая, твой цыганенок

Бесшумно ходили по дому

Так раненого журавля

Буду тихо на погосте

*Памяти 19 июля 1914 г.

Широк и желт вечерний свет

Я не знаю ты жив или умер

О, есть неповторимые слова

Помеченные (*) я нашел частью в сборнике «Русский Парнас» (Insel verlag), частью в антологии, составленной Мельниковой-Папоушковой (Прага), остальные — в «Белой Стая» изд. Алконост.

Уверен, что перечисленными стихотворениями не ограничусь, т.к. на днях достались мне «Четки» и «Anno Domini». Пока упиваюсь всем, но многое — особенно из последней книги — уже наметил себе для перевода.

Вот и обращаюсь к Вам с просьбой разрешить мне переводить и впредь, а переведенное печатать. Если Вам угодно подробнее узнать, кто я таков, то — кроме меня самого — сведений обо мне сможет Вам дать близкий мой родственник и друг Адриан Иванович Пиотровский (Каменоостр. просп. 19).

Примите уверение в глубоком моем уважении и готовности ко всяким услугам.

Ф. Зелинский.

Прошу прощения, что не мог в точности узнать Вашего отчества. (ИРЛИ. Коллекция П.Н. Лукницкого. Альбом X. № 22).

Упомянуты: Русский Парнас. Сост. Александр и Давид Элиасберг. Leipzig, 1920 («19 июля 1914 г.»); Антология русской поэзии XX столетия. Сост. Н.Ф. Мельникова-Папоушкова. Том II. Прага, 1920 («Сероглазый король», «Сжала руки под темной вуалью»); Адриан Иванович Пиотровский (1898–1937) — внебрачный сын Фаддея Францевича Зелинского, несколько раз писал об Ахматовой: *Пиотровский А.* Бург-фриден // Жизнь искусства. 1921. 27 декабря; *Пиотровский А.* Петербург-Париж // Жизнь искусства. 1922. 1 августа и др. Следов публикации переводов Феликса Зелинского мною не обнаружено.

Зубов Валентин Платонович, граф (1884–1969) — искусствовед, поэт. Внесен в предположительный список парижских обитателей среди иностранных адресатов рассылки сборника «Бег времени» в октябре 1965 г.: «Мако<вский И.С.>, Зуб<ов>, Вейдле» ([8, с. 97]; в цитируемом издании не раскрыт и в именном указателе не отражен) — после июньской встречи в Париже (см. подробнее: [14, т. 1, с. 459–460; 14, т. 2, с. 588–590]). Он — автор сборника выпущенных под криптонимом немецких стихов: «Глубокоуважаемой Анне Андреевне Ахматовой на добрую память. В. Зубов. Петербург, 2 дек. 1912» — на книжке: V.Z. Gedichte (Gedruckt in hundert mit der Hand numerierten Exemplaren. Dieses Exemplar trägt die Nr 52) [11, с. 29]; в сборник входит цикл «Святая Русь» («Паломник», «Отшельник»,

«Монах», «Пилот» (авиатор, сравниваемый с альбатросом и Фаэтоном), «Оставьте с мыслями наедине...», «Себе воздвиг прекрасные чертоги...»); он же персонаж «донжуанского списка» Ахматовой [11, с. 284], — в период означенного «донжуанства» был уже разведен со своей первой женой Софьей Иппа, от которой имел дочь Анастасию [16, с. 590, 666, 791, 792].

См. запись беседы Ю.П. Иваска с ним в 1960 г.: «Граф Зубов часто бывал в “Бродячей Собаке” Пронина. Дружил с Анной Ахматовой. Слышал Маяковского: по своему словотворчеству Маяковский стоит почти наряду с Пушкиным и лучше всего выражает свою эпоху. О стихах Г. Иванова “В пышном доме графа Зубова...”. Но Г. Иванов у меня в доме не бывал... это его пышная фантазия» [3, с. 509]. Речь идет о стихотворении, написанном в 1940-е гг.:

В пышном доме графа Зубова
О блаженстве, о Италии
Тенор пел. С румяных губ его
Звуки, тая, улетали и

За окном, шумя полозьями,
Пешеходами, трамваями,
Гаснул, как в туманном озере,
Петербург забываемый.

...Абажур зажегся матово
В голубой, овальной комнате.
Нежно глядя пса лохматого,
Предсказала мне Ахматова:
— “Этот вечер вы запомните”²³.

Под своим именем он был выведен Сергеем Волконским (себя назвавшим «Конинский») в автобиографическом романе:

— А! Валик, здравствуй!

Вошел молодой человек, маленький с маленькими у ушей бачками, с юркими, неприятными глазами, вида незначительного, но с намерениями значительности. Это был граф Валентин Зубов,

²³ *Иванов Г.* Стихотворения / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.Ю. Арьева. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2010. С. 293–294. Тут же — попытка усомниться в заявлении В.П. Зубова (С. 626).

затевавший в своем доме на Исакиевской площади устроить Институт Истории Искусств.

— Ох, Валик, как ты важен сегодня, — воскликнул Врангель, — сейчас видно, что директор будущего института... Вот и в «Речи» статья о будущем твоём заведении. Прочитай.

— Я «Речь» не могу сейчас читать, я забыл перчатки дома.

— Какая же связь? — спросил Андрей.

— Я «Речь» не могу без перчаток читать... Га, га, га!... — засмеялся он своим странным смехом, похожим на глумительный лай.

— Для чего же перчатки?

— Чтобы не запачкаться о свободомыслие. Га, га, га!...

— Что же вы в таком случае читаете? То есть что читаете без перчаток?

— В том-то и дело, что скоро нечего будет читать...

— Ну, прощайте, — сказал Врангель, собирая свой битком набитый портфель. — Может быть, сегодня у Раушей встретимся? <...>

Известный скульптор барон Рауш фон Траубенберг, мастер конных статуэток, жил на Английском проспекте в одном из новых домов, на самом верху, в квартире, отделанной «по-николаевски», — с темно-синего цвета гостиной, белые колонны, карельская мебель. Он и его жена очень радушно и гостеприимно принимали. Врангель уже сидел за чайным столом и потешал хозяев рассказом о том, как Зубов читает газеты.

— Нет, Вы представьте, вы представьте, для каждой газеты у него другие перчатки, другого цвета, другой «салисабельности». «Новое время» читается в лайковых серых, «Речь» читается в кожаных рукавицах, непроницаемых, «Русские ведомости» в зеленых!..

Все расхохотались: «Это почему?»

— Потому что краснота газеты зеленою перчаткой нейтрализуется, и получается белое... — толстые губы Врангеля сжались в розовых складках, и он обвел присутствующих таким взглядом, который говорил: «Как вам это нравится?» — Ну, а «Московские ведомости» читает в белых перчатках, — эти не пачкают. <...>

— Что вы сегодня вечером делаете? — спросил Врангель.

— Иду в «Бродячую собаку».

— Скучно.

— Скучно. А где не скучно?

— Да, по-моему, не скучно только в тех местах, которые не для веселья созданы. <...>

Под размалеванными сводами, с которых глядели на них какие-то рожи, птицы и цветы, на диване, сливающимся со стеной под

кусками пестрых материй и подушек, перед мудреным подсвечником из витого железа, в котором горела, дымила и таяла толстая короткая свеча, сидели Нина с Андреем. Со сводов и из разных углов двойного помещения, разделенного арками, струился несуразный свет из лампочек, завешанных цветными лоскутами таинственной полупрозрачности. Нина и Андрей сидели в той части помещения, которая была на три, четыре ступени выше большой комнаты, в которой были подмостки и стояло фортепьяно. Сквозь одну из арок они видели большую эстраду и часть публики. <...> Чтец на эстраде заливался, — жидким голосом разводил какую-то словесную певучесть.

— Отчего он так неестественно напевает, этот «юноша-поэт»? — осведомилась Нина, обращаясь к Конинскому.

— Это уж их манера. В этом выражается избранность натур. <...>

— А скажите, кто вон в том углу сидит, красивая, строгая, с таким четким профилем?

— Не знаете? Анна Ахматова.

Нина засмотрелась на прекрасное лицо:

— Ассирийская царица, — сказала она. — И рядом с ней маленький Зубов! Это точно в какой-нибудь фантастической книге Уэльса, где перемешаны все века и все людские поколения.

— Вы не находите, что это облегчает понимание вечности, такие сближения?

— Да? Вы больше чувствуете вечность, когда она вам преподносится в конденсированном виде?

— Совершенно верно. Хотя Гейне и говорит —

Ewigkeit, wie bist du lang,

Länger noch als tausend Jahre?²⁴

О Зубове того периода, когда произошло знакомство с Ахматовой и когда затевался Институт истории искусств, вспоминал его приятель граф Б.Г. Берг:

Он снял свой стилизованный костюм, стал курить трубку и изображать немецкого ученого профессора. По поводу этой перемены Врангель еще сочинил вздорные стихи:

Наш Валя был всегда беспутен,

Влеком к пороку и козлу;

²⁴ Волконский С. Последний день. Роман-хроника. Берлин, 1925. С. 339–350. *Салисабельность* (salissable, фр.) — маркость; «вечность, как ты долга, длиннее, чем тысяча лет...» — парафраз Гейне немецкой народной песни.

Ему был мил Гри Гри Распутин
 И уважаемый Дю Лу.
 Но все прошло. В дворце барокко,
 Где некогда царил порок,
 Где был директор Врангель — Кока,
 Там — добродетели пророк,
 Сняв стилизованные брюки
 И запечатав погреб вин,
 Соорудил там храм науки —
 Преображенный Валентин²⁵.

В.А. Стравинская в 1918 г. записала в дневнике: «Потом приходит Сережа [Судейкин], и так как у нас разговор об Анне Ахматовой, то я прошу его рассказать о ней подробно. Он рассказывает о любовных неудачах ее (Князев, граф Зубов, Блок, Лурье)»²⁶. Судейкин, вероятно, был осведомленным вестовщиком — памятником флирта с ним осталось помеченное «С.С.» в экземпляре, подаренном В.С. Срезневской, стихотворение «Безумно пощады просят...» (1913), о котором Ахматова, в опровержение читательских чаяний, видевших адресатом Блока, сказала И.Н. Розанову в 1923 году: «О Блоке и о строч<к>е “Короткое звонкое имя”. “Имя было вовсе не короткое: в 3 слога”» [4, с. 345]. Покойный М.М. Кралин внес в свой комментарий высказанное мной ему предположение, что короткое имя — это — «Пим», как называла С.С. О.А. Глебова-Судейкина²⁷, на каком-то предположении я давно не настаиваю, а в свете розановской записи нахожу слово «Судейкин» вполне звонким именем.

См. о нем: [15, с. 238–241].

Лешнитцер (Leschnitzer) Франц (1905–1967) — немецкий литературовед и переводчик, живший в СССР с 1933 по 1959 г. (потом вернулся в ГДР), преподаватель Института иностранных языков. В списках переводов Ахматовой на немецкий [8, с. 347, 510, 623, 736]; «Переводы Лешницера — 40-ые годы. “Художнику”...» [8,

²⁵ Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета США. — Шарль (Карл Юльевич) Дю-Лу, получивший в прессе прозвище «половой гурман», преподаватель французского языка в Александровском лицее, Пажеском корпусе, Училище правоведения, Морском кадетском корпусе и других учебных заведениях, в июне 1908 года обвиненный в растлении малолетних, приговоренный к шести годам каторги, помилованный в 1910 году и высланный за пределы России без права возвращения.

²⁶ Судейкина В. Дневник: 1917–1919 (Петроград — Крым — Тифлис) / изд. подгот. И.А. Миньшова. М.: Русский путь, 2006. С. 203.

²⁷ Ахматова Анна. Соч.: в 2 т. / сост. М.М. Кралин. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 374.

с. 609]. Этот перевод из Ахматовой входил в антологию «Wort und Gestalt. Gedichte und Bilder» (Dresden: Verlag der Kunst, 1958).

Лев Гинзбург в рецензии на антологию советской поэзии отнес переводы Ф. Лешнитцера из Ахматовой к «хорошим», наряду с другими в этой книге — «гениальными», «удивительными», «прекрасными», «великолепными» [5, с. 230].

Во время войны Лешнитцер был эвакуирован в Ташкент (вернулся в Москву в 1948 г.), где, может быть, встречался с Ахматовой. См. воспоминания его ташкентской знакомой: «Франц Лешнитцер в молодости был учеником Карла Крауса, эстетом и немного снобом. Литературу он любил фанатично, очень интересовался тем как все написано, говорил, что не к месту поставленное тире причиняет ему физические страдания. Непонятно почему и зачем он вступил в Германии в коммунистическую партию, и когда Гитлер пришел к власти — эмигрировал в Советский Союз. Он был евреем и коммунистом, и его гибель в Германии была неминуема, но и в “давшем ему приют” Советском Союзе ему пришлось очень несладко. В Союзе пыльным цветом процветали шпиономания и бдительность, иностранцев, а уж особенно немецких эмигрантов, арестовывали почти поголовно, и жить было страшно <...> Он всегда очень хотел есть и курить, а это было невозможно: денег у него не было, на работу никто не брал, да и как можно было прийти в любой сектор кадров с документами, где прямо было написано, что он немецкий подданный. К тому же он говорил с сильнейшим немецким акцентом, и, когда он произносил слова “товарищ” или “пачка папирос”, любого советского гражданина “неудержимо тянуло” потащить его в кутузку»²⁸.

«По бессмертному определению проживавшего одно время у нас немецкого поэта Франца Лешнитцера, Союз советских писателей это “Союз пузателей и пивателей”»²⁹.

Рильке (Rilke) Райнер Мария (1875–1926) — австрийский поэт. Как одно из дополнений в теоретически мыслимом переиздании сборника «Вечер» в 1959 г. — перевод его стихотворения [8, с. 21]; ср. запись от 1 июня 1927 г.: «АА когда-то (очень давно) перевела с немецкого стихотворение Рильке “Одиночество” (первая строка:

²⁸ Пуриц Е. Воспоминания // Семь искусств. 2017. № 10 (91) // <https://7i.7iskusstv.com/2017-nomer10-puriz> (дата обращения: 01.07.2021).

²⁹ Любимов Н.М. Неувядаемый цвет: книга воспоминаний. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. 3. С. 179.

“...золотое одиночество...”» [11, с. 262]. Стихотворение впервые напечатано В.М. Жирмунским (Новый мир. 1969. № 5. С. 53):

Одиночество (из Рильке)

О святое мое одиночество — ты!
И дни просторны, светлы и чисты,
как проснувшийся утренний сад.
Одиночество! Зовам далеким не верь
и крепко держи золотую дверь,
там, за нею, желаний ад.

1910. Царское Село.

Ср. оригинал, посвященный датскому писателю Йенсу Петеру Якобсену (1847–1885):

Du meine heilige Einsamkeit,
du bist so reich und rein und weit
wie ein erwachender Garten.
Meine heilige Einsamkeit du —
halte die goldenen Turen zu,
vor denen die Wunsche warten³⁰.

Ахматовская датировка, как и в некоторых других случаях у нее, здесь означает, возможно, не «1910 год», а «1910-е годы». Кто был посредником и вдохновителем перевода — пока неясно, можно предположить кого-нибудь из знатоков, входивших в круг журнала «Аполлон» и Общества ревнителей художественного слова, скажем, Валериана Чудовского или Сергея Радлова, который писал (20 декабря 1912) о своих трудах сестре Н.Э. Казанской: «Рильке что-то не преуспевает»³¹. Предмет переводного стихотворения отвечал задаче юной поэтессы — подключиться к сквозным мотивам русской лирики от романтиков до символистов (см.: [22]).

Тема Рильке занимала не вовсе последнее место в разговорах Ахматовой, в отличие от того, как это сформулировал в разговоре В.С. Муравьев: «Она как раз к Рильке была глубоко равнодушна. Читать его по-русски нет никакого толку, стихи вообще надо в оригинале читать, а по-немецки, в общем-то, она почти не читала»³².

³⁰ *Rilke, Rainer Maria*. Advent. Leipzig, 1898. S. 10.

³¹ ОР РНБ. Ф. 1073. № 1100. Л. 30.

³² Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / сост., коммент. О.Е. Рубинчик. СПб.: Невский диалект,

Ср. запись ее слов: «Это был сложный поэт. И у нас его переводили мало и плохо. Рильке — это немецкий Блок»³³.

Нуждается в комментировании запись в беглом конспекте беседы с Ахматовой 7 февраля 1945 г.: «Рильке <так> — греческие мифы сквозь арийство: к Марине Цветаевой»³⁴.

Шик Максимилиан Яковлевич (1884–1968) — немецкий поэт, переводчик, живший в Москве. В автобиблиографии Ахматовой — в перечнях немецких переводов [8, с. 347, 609, 623, 736]. См. его письмо к Ахматовой от 27 января 1957 г.: «Лет 11 тому назад я послал Вам мой перевод Вашего стихотворения “Маяковский в 1913”. Недавно я надумал его вновь напечатать вместе с Вашей “Музой” и чудесными Вашими стихами “Борис Пастернак”. Увы! Редакция “убоялась” печатать “славословие” Борису Леонидовичу и поместила вместо него Ваши ленинградские стихи в переводе Лешницера, который, по моему скромному мнению, не почувствовал внутреннего ритма Ваших стихов. <...> Если мне еще суждено познакомиться с Вами (мне уже 73 года), то почитаю Вам мои переводы Брюсова и Блока. Когда Вы в последний раз читали у нас в Москве в Союзе, Вы так быстро покинули нас, что я не мог к Вам подойти. А жаль, ведь наша лучшая поэтесса Вы»³⁵.

Ефим Эткинд считал эти переводы одним из первых открытий поэзии Анны Ахматовой на немецком языке, в частности, стихотворение «Муза» (1960) [19, с. 228].

О нем см.: [2].

2001. С. 66. См. там же корректирующую сводку комментатора (С. 191–192).

³³ Готхарт Н. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Время и мы. 1989. № 106. С. 267.

³⁴ ОР РНБ. Ф. 1448. № 173. [Л. 1 об.]; неполностью: Островская С.К. Дневник. М., 2013. С. 681 — точный текст сообщил К.М. Азадовский.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 1073. № 1056. Приложен перевод «Boris Pasternak» (“Im Pferdenaug begegnete Verwandten...”); речь идет о выступлении Ахматовой в клубе СССР 2 апреля 1946 г.

Литература

1. *Азадовский К.М.* Генрих Бёльль и советские «диссиденты» // Азадовский К. Сюжеты и судьбы. Немецко-русские отражения. М.: Литфакт, 2019. С. 284–301.
2. *Азадовский К.М.* Максимилиан Шик и его письма из Германии (1903–1907) // Азадовский К. Сюжеты и судьбы. Немецко-русские отражения. М.: Литфакт, 2019. С. 140–167.
3. *Богомолов Н.А.* Вокруг «Серебряного века»: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 708 с.
4. *Богомолов Н.А.* Сбиратель. Иван Никанорович Розанов и его время. М.: Азбуковник, 2021. 688 с.
5. *Гинзбург Л.* [Рец. на кн.:] *Sternenflug und Apfelblüte. Russische Lyrik von 1917 bis 1962.* Berlin, 1963 // Вопросы литературы. 1964. № 2. С. 229–230.
6. *Гюнтер И. фон.* Жизнь на восточном ветру: Между Петербургом и Мюнхеном / пер. с нем., предисл., коммент. Ю. Архипова. М.: Молодая гвардия, 2010. 488 с.
7. *Гюнтер И. фон.* Под восточным ветром / пер. с нем. Т. Петровской // Мосты. (Мюнхен). 1970. Т. 15. С. 329–348.
8. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; науч. консульт., вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996. 849 с.
9. Иоганнес фон Гюнтер и его воспоминания / статья, публ., примеч. и перевод К.М. Азадовского // Литературное наследство. М.: Наука, 1993. Т. 92. Кн. 5. С. 330–361.
10. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Сов. энциклопедия, 1962–1978.
11. *Лукницкий П.Н.* Асупиана: Встречи с Анной Ахматовой. Париж; М.: YMCApress; Русский путь, 1997. Т. II: 1926–1927 гг. 372 с.
12. *Тименчик Р.* Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 7: к 120-летию со дня рождения поэта. Симферополь: Крымский Архив, 2009. С. 37–82.
13. *Тименчик Р.* Из Именного Указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Эмиль Верхарн // Пространство безграничной словесности: Сб. статей к 70-летию Всеволода Евгеньевича Багно. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 437–447.
14. *Тименчик Р.* Последний поэт: Анна Ахматова в 60е годы. Изд. 2-е, испр. и расширенное. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим. 2014. Т. 1–2.
15. *Тименчик Р.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; Москва: Мосты культуры, 2008. 686 с.
16. *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения / изд. подгот. К. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 864 с.
17. *Чабан А.* Антология Иоганнеса фон Гюнтера «Новый русский Парнас» в контексте литературных дискуссий начала 1910-х годов // Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Николая Богомолова. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 304–340.
18. *Черных В.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 2016. 943 с.
19. *Эткинд Е.* «...Как Феникс из пепла». Поэзия Анны Ахматовой на Западе. Германия и Франция // Иностранная литература. 1989. № 6. С. 226–232.
20. *Masing-Delic, Irene.* Visiting Johannes von Guenther // Скрещения судеб: Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen: A Festschrift for Fedor B. Poljakov / Ed.by Lazar Fleishman, Stefan Michael Newerkla, Michael Wachtel. Berlin, Peter Lang Publ., 2019. S. 707–709. (Stanford Slavic Studies, Vol. 49)

21. *Perelmuter, Ilya*. Russische Poesie in deutschen Übersetzungen: Bibliographie ausgewählter Werk. Vienna, Danzig & unfried, 2020. 452 S.

22. *Rakusa, Ilma*. Studien zum Motiv der Einsamkeit in der russischen Literatur: Abhandlung. Luzern und Frankfurt/M.: Verlag C.J. Bucher, 1973 178 S. (Slavica Helvetica)

23. *Wachtel, Michael*. Zum Nachleben des russischen Symbolismus in Deutschland: Fedor Stepun und Johannes von Guenther // Скрещения судеб: Литерарische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen: A Festschrift for Fedor B. Poljakov / Ed.by Lazar Fleishman, Stefan Michael Newerkla, Michael Wachtel . Berlin, Peter Lang Publ., 2019. S. 680–706. (Stanford Slavic Studies, Vol. 49)

Research Article

From the Name Index to Akhmatova's Notebooks: To German

© 2021. Roman D. Timenchik

Hebrew University
Jerusalem, Israel

Abstract: Articles from the author's cycle "From the Name Index to Akhmatova's Notebooks" demonstrate the experience of extensive commentary on Akhmatova's working notes, organized around the names of characters entered on her notebooks' pages. It is a kind of free Akhmatova encyclopedia, where the onomasticon combines different times of her long life. This (fifty-first in the cycle) article is organized around the "German theme" and is dedicated to the 80th anniversary of the outstanding philologist Konstantin Azadovsky and concerns the characters, one way or another, touched upon in his scientific works. These are poets-Germanophones (V. Zubov, R.M. Rilke), translators of Akhmatova's poems into German (I. von Gunther, Felix Zelinsky, Frans Leschnitzer, Maximilian Schick), a German visitor (Heinrich Böll).

Keywords: Anna Akhmatova, Notebooks, translation, German, Konstantin Azadovsky, Valentin Zubov, Rainer Maria Rilke, Hans Gunther, Felix Zelinsky, Franz Leschnitzer, Maximilian Schick, Heinrich Böll.

Information about the author: Roman D. Timenchik — PhD in Philology, Professor Emeritus, Hebrew University, Mt. Scopus, 91905 Jerusalem, Israel. E-mail: suzirom@gmail.com

For citation: Timenchik, R. "From the Name Index to Akhmatova's Notebooks: To German." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 326–351. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-326-351>

References

1. Azadovskii, K.M. "Genrikh Bell' i sovetskie 'dissidenty'." ["Heinrich Böll and the Soviet 'Dissidents'."] Azadovskii, K. *Siuzhety i sud'by. Nemetsko-russkie otrazheniia [Plots and Destinies. German-Russian Reflections]*. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 284–301. (In Russ.)
2. Azadovskii, K.M. "Maksimilian Shik i ego pis'ma iz Germanii (1903–1907)" ["Maximilian Schick and his letters from Germany (1903–1907)"]. Azadovskii, K. *Siuzhety i sud'by. Nemetsko-russkie otrazheniia [Plots and Destinies. German-Russian Reflections]*. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 140–167. (In Russ.)
3. Bogomolov, N.A. *Vokrug "Serebriianogo veka": Stat'i i materialy [Around the "Silver Age": Articles and Materials]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 708 p. (In Russ.)
4. Bogomolov, N.A. *Sobiratel'. Ivan Nikanorovich Rozanov i ego vremia [The Collector. Ivan Nikanorovich Rozanov and His Time]*. Moscow, Azbukovnik Publ., 2021. 688 p. (In Russ.)
5. Ginzburg L. Rets. na kn. [Rev. of] *Sternenflug und Apfelblüte. Russische Lyrik von 1917 bis 1962. Berlin, 1963. Voprosy literatury*, no. 2, 1964, pp. 229–230. (In Russ.)
6. Giunter I. fon. *Zhizn' na vostochnom vetru: Mezhdü Peterburgom i Miunkhenom [Life on the East Wind: Across St. Petersburg and Munich]*, trans. from German, introd. and comm. by Iu. Arkhipov. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2010. 488 p. (In Russ.)
7. Giunter I. fon. "Pod vostochnym vetrom" ["Under the East Wind"], trans. from German by T. Petrovskaia. *Mosty. (Miunkhen) [Bridges. (Munich)]*, vol. 15, 1970, pp. 329–348. (In Russ.)
8. *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966) [Notebooks of Anna Akhmatova (1958–1966)]*, comp. and prep. by K.N. Suvorova, introd. by E.G. Gershtein, scientific adv., introd., indexes by V.A. Chernykh. Moscow, Torino, Einaudi Publ., 1996. 849 p. (In Russ.)
9. "Iogannes fon Giunter i ego vospominaniia" ["Johannes von Gunther and His Memoirs"], essay, publ., ref. and trans. by K.M. Azadovskii. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92, book 5. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 330–361. (In Russ.)
10. *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia: v 9 t. [Brief Literary Encyclopedia: in 2 vols.]*. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1962–1978. (In Russ.)
11. Luknitskii, P.N. *Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi [Acumiana: Meetings with Anna Akhmatova]*, vol. II: 1926–1927. Paris, Moscow, YMCA press, Russkii Put' Publ., 1997. 372 p. (In Russ.)
12. Timenchik, R. "Iz Imennogo ukazatel'ia k Zapisnym knizhkam Akhmatovoi" ["From the Name Index to Akhmatova's Notebooks"]. *Anna Akhmatova: epokha, sud'ba, tvorchesvo: Krymskii Akhmatovskii nauch. sb. Vyp. 7: k 120-letiiu so dnia rozhdeniia poeta [Anna Akhmatova: Era, Fate, Work: Crimean Akhmatova scientific collection. Issue 7: To the 120th Anniversary of the Poet's Birth]*. Simferopol', Krymskii Arkhiv Publ., 2009, pp. 37–82. (In Russ.)
13. Timenchik, R. "Iz Imennogo Ukazatel'ia k 'Zapisnym knizhkam' Akhmatovoi: Emil' Verkharn'" ["From the Name Index to Akhmatova's 'Notebooks': Emile Verharn"]. *Prostranstvo bezgraničnoi slovesnosti: Sb. statei k 70-letiiu Vsevoloda Evgen'evicha Bagno [Space of Boundless Literature: Collection of Essays for the 70th Anniversary of Vsevolod Evgenievich Bagno]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2021, pp. 437–447. (In Russ.)
14. Timenchik, R. *Poslednii poet: Anna Akhmatova v 60e gody [The Last Poet: Anna Akhmatova in the 60s]*. 2nd ed., rev. and add., vol. 1. Jerusalem, Moscow, Gescharim Publ., Mosty kultury Publ., 2014. 592 p. (In Russ.)

15. Timenchik, R. *Chto vdrug: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka* [What's up? Essays on Russian Literature of the Last Century]. Jerusalem, Moscow, Gesharim Publ., Mosty kultury Publ., 2008. 686 p. (In Russ.)

16. Fidler, F.F. *Iz mira literatorov: kharaktery i suzheniia* [From the World of Writers: Characters and Judgments], prep. by K. Azadovskii. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 864 p. (In Russ.)

17. Chaban, A. "Antologiiia Iogannesa fon Giuntera 'Novyi russkii Parnas' v kontekste literaturnykh diskussii nachala 1910-kh godov" ["Anthology of Johannes von Gunther 'New Russian Parnassus' in the Context of Literary Discussions at the Beginning of the 1910s"]. *Russkii modernizm i ego nasledie: Kollektivnaia monografiia v chest' 70-letiiia Nikolaiia Bogomolova* [Russian Modernism and its Heritage: Collective Monograph in Honor of the 70th Anniversary of Nikolai Bogomolov]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 304–340. (In Russ.)

18. Chernykh, V. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi. 1889–1966* [Chronicle of the Life and Work of Anna Akhmatova. 1889–1966]. 3rd ed., rev. and add. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 943 p. (In Russ.)

19. Etkind, E. "…Kak Feniks iz pepla". Poeziia Anny Akhmatovoi na Zapade. Germaniia i Frantsiia ["Like a Phoenix from the Ashes". Anna Akhmatova's Poetry of in the West. Germany and France"]. *Inostrannaia literatura*, no. 6, 1989, pp. 226–232. (In Russ.)

20. Masing-Delic, Irene. Visiting Johannes von Guenther. *Skreshcheniia sudeb: Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen: A Festschrift for Fedor B. Poljakov*, ed. by Lazar Fleishman, Stefan Michael Newerkla, Michael Wachtel. Berlin, Peter Lang Publ., 2019, pp. 707–709. (Stanford Slavic Studies, Vol. 49). (In English)

21. Perelmutter, Ilya. *Russische Poesie in deutschen Übersetzungen: Bibliographie ausgewählter Werk*. Vienna, Danzig & unfried Publ., 2020. 452 p. (In German)

22. Rakusa, Ilma. *Studien zum Motiv der Einsamkeit in der russischen Literatur: Abhandlung. Luzern und Frankfurt*. München, C.J. Bucher Publ., 1973. 178 p. (Slavica Helvetica). (In German)

23. Wachtel, Michael. "Zum Nachleben des russischen Symbolismus in Deutschland: Fedor Stepun und Johannes von Guenther". *Skreshcheniia sudeb: Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen: A Festschrift for Fedor B. Poljakov*, ed. by Lazar Fleishman, Stefan Michael Newerkla, Michael Wachtel. Berlin, Peter Lang Publ., 2019, pp. 680–706. (Stanford Slavic Studies, Vol. 49). (In English)

Статья поступила в редакцию: 08.06.2021

Одобрена после рецензирования: 01.08.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 08.06.2021

Approved after reviewing: 01.08.2021

Date of publication: 25.09.2021

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

Литературный факт.
2021. № 3 (21)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (21), 2021

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-352-392>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

**Журнал «Русские записки»
(Париж; Шанхай, 1937–1939):
Роспись содержания**

© 2021, Манфред Шруба

Миланский государственный университет, Италия

Аннотация: Работа представляет собой библиографическое описание содержания полного комплекта печатавшегося в Париже журнала «Русские записки» (1937–1939), «толстого» литературно-общественного ежемесячника, в котором публиковались крупнейшие писатели, ученые и публицисты «первой волны» русской эмиграции. Во вступительной статье дана общая характеристика издания и представлен издатель журнала М.Н. Павловский, обозначена роль М.В. Вишняка и П.Н. Милокова, руководивших редакционной работой. Рассмотрены основные вехи истории журнала, четко разделяющейся на два различных периода с разными составами редакции. Излагаются также особенности ежедневной редакционной работы в условиях проживания издателя в Шанхае, а членов редакции в Париже. Роспись включает 420 номеров — учтены материалы всех 19 книжек (21 №) «Русских записок».

Ключевые слова: русская эмиграция первой волны, периодические издания русской эмиграции, библиография, М.Н. Павловский, П.Н. Милоков, М.В. Вишняк.

Информация об авторе: Манфред Шруба — доктор филологических наук, профессор, Università degli Studi di Milano, Dipartimento di Scienze della Mediazione Linguistica e di Studi Interculturali (Миланский государственный университет, Отдел наук по лингвистической медиации и межкультурным исследованиям), Piazza Indro Montanelli 1, 20099 Sesto San Giovanni (MI), Италия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9174-2998>. E-mail: manfred.schruba@unimi.it.

Для цитирования: Шруба М. Журнал «Русские записки» (Париж; Шанхай, 1937–1939): Роспись содержания // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 352–392. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-352-392>

Журнал «Русские записки», как справедливо отмечает Ю.А. Азаров, «в последнее время все чаще привлекает внимание исследователей и оценивается как второй по значению литературный журнал зарубежья, внесший значительный вклад в развитие его культуры» [1, с. 147] (как первый по значению журнал подразумеваются, конечно же, «Современные записки»)¹. И действительно, шанхайско-парижский журнал достоин внимания в силу ряда обстоятельств. Это, не в последнюю очередь, общекультурная значимость издания, измеряемая весом участвовавших в нем авторов. Среди постоянных сотрудников журнала были, чтобы указать лишь наиболее известные имена, Г. Адамович, М. Алданов, В. Андреев, П. Бицилли, В. Вейдле, Г. Газданов, Б. Зайцев, Д. Кнут, А. Ладинский, В. Набоков, М. Осоргин, М. Цветаева, Л. Шестов, В. Яновский. Если же учесть еще и авторов, появлявшихся в журнале окказионально, к списку сотрудников следует прибавить таких писателей, как И. Бунин, З. Гиппиус, Д. Мережковский, А. Ремизов, Тэффи, Г. Федотов, И. Шмелев. Литературный уровень авторов, печатавшихся в «Русских записках», сопоставим разве что с кругом сотрудников «Современных записок».

На фоне других эмигрантских периодических изданий второй половины 1930-х гг. «Русские записки» выделяются и другими признаками. Речь не только об уникальном характере выходных данных, объединяющих два центра русской диаспоры двух различных частей света, Париж и Шанхай. В нищенских, как правило, жизненных условиях русской эмиграции это был один из немногих журналов, который — опять-таки наряду с «Современными записками» — выплачивал сотрудникам авансы и гонорары (речь именно о литературных журналах; газеты и иллюстрированные еженедельники не в счет).

Однако и вовсе исключительный статус придает «Русским запискам» признак ежемесячной периодичности: это был единственный регулярно выходящий ежемесячник среди литературно-общественных журналов русской эмиграции второй половины 1930-х гг. Да и в периодике первой волны в целом подобных изданий раз-два и обчелся. Указать можно разве еще на пражскую «Волю России» (1922–1932) и на чисто литературный парижский журнал «Встречи»

¹ Имеющаяся литература о «Русских записках» указана, наряду с другими сведениями библиографического типа, в онлайн-справочнике emigrantica.ru, основанном О.А. Коростелевым (<http://emigrantica.ru/item/russkie-zapiski-parizh-shanghai-19371938-parizh-19381939>). Кроме процитированной выше статьи Ю.А. Азарова [1] следует упомянуть также статью М.Г. Павловца в известном справочнике о периодике русской эмиграции [7]. О журнале писал в последние годы неоднократно автор настоящей работы [10, с. 112–115; 11; 13; 14; 15].

(1934), выходявший тощими тетрадами по 50 страниц и прекратившийся на шестом номере. «Русские записки» же просуществовали с лета 1937 г. по осень 1939 г., в ежемесячном режиме выходя с апреля 1938 г.; за все это время был выпущен 21 номер (в том числе два двоенных).

Следует подчеркнуть, что в истории «Русских записок» четко выделяются два различных периода. Они отличаются друг от друга не только составом редакции, но в значительной степени также набором авторов, отчасти структурой издания и, наконец, декларируемыми в заявлениях «От Редакции» целями и задачами журнала. Основные константы (если не считать самого названия «Русские записки» и продолжающейся нумерации) наблюдаются, во-первых, в участии М.В. Вишняка в редакционной работе обоих периодов, а во-вторых, в личности издателя журнала, почти полностью финансировавшего предприятие, притом сохраняя анонимность на всем протяжении существования издания.

Инициатором и спонсором журнала был Михаил Наумович Павловский (1889–1963), бывший эсер, оказавшийся в эмиграции в Китае и развивший там крупномасштабную предпринимательскую деятельность в области коммуникационной техники и железнодорожного дела. Павловский был еще со студенческих лет знаком с будущим председателем Уфимской директории Н.Д. Авксентьевым. В 1918 г. служил при Директории снабженцем Народной армии [11, с. 99]. Во второй половине 1930-х гг. Павловский возобновил знакомство с Авксентьевым, в то время (номинальным) соредактором «Современных записок», выразив свою готовность к финансовой помощи изданию. В результате его сближения с редакторами журнала было решено основать наряду с «Современными записками» еще один литературно-общественный журнал, получивший название «Русские записки». Круг редакторов — Н.Д. Авксентьев, И.И. Фондаминский, М.В. Вишняк, В.В. Руднев — полностью соответствовал составу редакции «Современных записок» [3, с. 225–226].

Первый номер нового журнала вышел из печати в августе 1937 г. Как отмечала литературная критика, «Русские записки» совпадали с «Современными записками» не только составом редакции, но и структурой издания, равно как кругом авторов. Единственным нововведением по сравнению с собратом был отдел «Дальневосточное обозрение».

В августе 1937 г. Павловский приехал из Шанхая во Францию [10, с. 113] и оставался в Париже почти полгода. М.В. Вишняк вспоминал: «Не без основания нашел он, что “Русские записки” во

многих отношениях дублируют “Современные записки” — стали как бы “Современными записками” второго порядка или журналом “для бедных”, для читателей меньшей образованности и культуры» [3, с. 226]. Павловский сделал свои выводы и решил на месте поменять состав редакции. В качестве нового заведующего был приглашен почти восьмидесятилетний редактор «Последних новостей» П.Н. Милюков. Из первоначальной группы редакторов журнала был оставлен один лишь М.В. Вишняк, принявший должность секретаря редакции. В штат возобновленных «Русских записок» вошел также И.Н. Коварский в должности управляющего конторой. Под редакционное помещение была снята комната при редакции «Последних новостей» (51, rue Turbigo). Павловский покинул Париж в феврале 1938 г. и вернулся месяц спустя в Китай. Под старой редакцией вышли между тем еще два номера «Русских записок»: второй — в декабре 1937 г., третий — в марте 1938 г.

Первый номер возобновленных «Русских записок» (по порядку четвертый) вышел в апреле 1938 г.; пятый следовал в мае, и так далее. Как сообщалось в заявлении «От Редакции», журнал ориентировался на французскую периодику тех лет: «От типа традиционного “толстого” журнала старого времени — традиция, которая доблестно и успешно поддерживается нашим собратом — “Современными записками”, ежемесячные “Русские записки” предполагают перейти к типу, приближающемуся к обычным иностранным Revues с подбором статей преимущественно актуального и информационного характера» (Русские записки. 1938. Апр. № [4]. С. 3).

На практике изменения — в сопоставлении с прежними «Русскими записками» — оказались не столь уж велики. Если объем каждого из первых трех номеров переваливал за 300 страниц, то для ежемесячных выпусков было отведено строго по 208 страниц (13 тетрадок по 16 страниц). Первые 100 страниц заполнялись — вполне традиционно — беллетристикой (изредка драматургией) и поэзией. За изящной литературой шел блок воспоминаний, где в первую очередь — с первого (т. е. по общему счету четвертого) номера вплоть до последнего № 20/21 — публиковались мемуары Милюкова «Роковые годы» о событиях 1904–1906 гг. Далее следовали статьи публицистического, литературно-критического или философского характера. Новостью был отдел «Хроника» объемом в 10–20 страниц, посвященный актуальным вопросам, с постоянной рубрикой «Важнейшие события» за каждый истекший месяц. Издание завершалось отделом «Библиография», отсутствовавшим в первых трех номерах «Русских записок», но опять-таки вполне традиционным для русских «тол-

стных» журналов (и имевшемся, естественно, также в «Современных записках»).

Примечательно, что, в отличие от первых номеров, выпущенных старой редакцией, где был заведен особый отдел «Дальневосточное обозрение», под редакцией Милюкова дальневосточная проблематика не играла сколько-нибудь значительной роли; встречаются лишь отдельные статьи и рецензии о Китае, в первую очередь, четыре работы самого шанхайского издателя (Павловский и здесь строго сохранял свою анонимность, печатаясь под непрозрачными псевдонимами «Л.О.» и «L.»).

Если об истории первоначального этапа «Русских записок» известно немного (имеющиеся сведения и их оценка опираются практически исключительно на соответствующие страницы воспоминаний М.В. Вишняка [3, с. 225–228; 4, с. 183–189]; ср. также [5, с. 839]), то второй, «милюковский», период поддается реконструкции (по архивным материалам Гуверовского института в Стэнфорде) вплоть до мельчайших подробностей: «Хранящийся в Гуверовском институте личный фонд М.В. Вишняка представляет собой по части довоенных материалов фактически редакционный архив журнала» [14, с. 483].

Так как Павловский жил в Шанхае, а Милюков и Вишняк — в Париже, то почти все деловые — административные, технические, финансовые, а порой и редакционные — вопросы приходилось обсуждать в переписке. В архиве Вишняка отложились не только письма шанхайского издателя, но и машинописные копии (отпуски) его собственных писем Павловскому, равно как его переписка с Милюковым и Коварским конца 1930-х гг.² «Непосредственное отношение к истории “Русских записок” имеют письма за период с начала 1938 г. до весны 1940 г. (около двухсот, в том числе очень длинных, писем), где освещен буквально каждый сколько-нибудь значительный вопрос редакционной жизни журнала» [15, с. 178]³.

* * *

Настоящая роспись представляет собой библиографическое описание содержания полного комплекта журнала «Русские записки»⁴. Работа выполнена с учетом тех же принципов, которыми мы

² Hoover Institution Archives. Stanford University (USA). Mark V. Vishniak papers. Box 6. Folder 18 (Kovarsky); Box 7. Folder 76–78 (Milioukov); Box 8. Folder 57–65 (Pavlovsky).

³ Редакционная переписка «Русских записок» в настоящее время готовится к публикации.

⁴ Комплект журнала доступен в интернете в виде pdf-файлов на сайте Эмигрантика.ru (<http://emigrantika.imli.ru/rusparis/341-pom>). Следует отметить, что

руководствовались при составлении росписи содержания журнала «Современные записки» [2]. Формальным образцом как для предыдущей, так и для настоящей росписи послужил, в свою очередь, подготовленный в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург) «Сводный каталог» русской периодики первой четверти XIX в. [9].

В соответствии с принципами этого издания, позиции росписи содержания включают рубрику «сведений об ответственности». Таким образом, отдельные записи состоят из следующих элементов: 1) сквозной номер записи; 2) нормативная форма имени автора (полужирным шрифтом); 3) заглавие журнальной публикации; 4) «ответственность», т. е. данные об авторе в той форме, в какой они встречаются в самом журнале (после косой черты /); 5) первая и последняя страница публикации (например: «10. **Бердяев Н.А.** О фанатизме, ортодоксии и истине / Николай Бердяев. — С. 180–191»).

В начало записи вынесена нормативная форма имени: фамилия и инициалы. В случаях, когда журнальная публикация подписана псевдонимом или криптонимом, нормативная форма в виде настоящего имени автора приводится в квадратных скобках (например: «21. [**Набоков В.В.**] Озеро, облако, башня: [Рассказ] / В. Сирин. — С. 33–42»). Если автор более известен под псевдонимом, чем под настоящим именем, в качестве нормативной формы оставлен псевдоним («**Алданов М.А.**»); настоящее имя приведено в именном указателе («наст. фам. Ландау»).

Расшифровка ряда употребленных в журнале псевдонимов была проведена на основе упомянутых выше архивных материалов Гуверовского института. Эти сведения использованы также в нашем «Словаре псевдонимов русского зарубежья» [12]. Для информации об отдельных атрибуциях (обоснование, источники) отсылаем к соответствующим записям этого издания.

Роспись в большинстве случаев не аннотирована. Минимальными аннотациями в виде добавлений к заглавию в квадратных скобках снабжены лишь те немногочисленные позиции, жанровая природа или тематика которых не явствует из самого названия произведения.

Содержание номеров, равно как рекламные модули на последних страницах отдельных выпусков, в перечень материалов не включались. Для всех публикаций журнала в целом применена сквозная

некоторые из помещенных там номеров дефектны или отсканированы с пробелами. Для составления настоящей росписи был использован полный комплект «Русских записок» из библиотеки Рурского университета в Бохуме (Ruhr-Universität Bochum), шифр ZGB 2315.

нумерация; к ней отсылают позиции именного указателя. Номера с авторскими позициями выделены там полужирным шрифтом; обычный шрифт номеров в указателе отсылает к лицам, упоминаемым в соответствующих позициях. Записи именного указателя приведены с указанием фамилии, имени, отчества, дат жизни и информации об употребленных в журнале псевдонимах.

Литература

1. *Азаров Ю.А.* «Русские записки»: «столица» и «провинция» // Литература русского зарубежья, 1920–1940 / под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2013. Вып. 5. С. 147–176.
2. Аннотированная роспись содержания журнала «Современные записки» / сост. М. Шруба // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сб. статей и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 297–483.
3. *Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. 2-е изд. / вступ. ст. Л. Аллена. СПб.: Логос; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 234 с.
4. *Вишняк М.В.* Годы эмиграции / под ред. Л.М. Суриса. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 437 с.
5. Внутриредакционная переписка / публ. и примеч. М. Шрубы // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. С. 133–917.
6. *Кузнецова Т.В.* Русская книга в Китае (1917–1949). Хабаровск: Дальневосточная гос. научная библиотека, 2003. 252 с.
7. *Павловец М.Г.* «Русские записки» // Литературная энциклопедия Русского зарубежья 1918–1940. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 381–386.
8. Русские поэты XX века. Материалы к библиографии / сост. Л.М. Турчинский. М.: Знак, 2007. XIV, 706 с.
9. Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825) / РНБ; РГБ; Б-ка РАН; ГПИБ [и др.]. СПб.: Изд-во РНБ, 1997–2015. Т. 1: Журналы (А–В) — Т. 4: Журналы (Н–П). С росписью содержания.
10. *Шруба М.* История журнала «Современные записки» в свете редакционной переписки // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. С. 37–131.
11. *Шруба М.* «Меценат изумительный!»: Издательская деятельность М.Н. Павловского // Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.): Сб. науч. тр. / отв. ред. П.А. Трибунский. М.: Дом русского зарубежья, 2017. С. 97–135.
12. *Шруба М.* Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945). М.: Новое литературное обозрение, 2018. 1064 с.
13. *Шруба М.* Вадим Андреев в журнале и издательстве «Русские записки» // Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts: Essays in Honor of Vladimir Khazan / ed. by L. Fleishman and F. Poljakov. Berlin [et al.]: Peter Lang, 2018. С. 499–534. (Stanford Slavic Studies; Vol. 48).

14. Шруба М. О редакционном архиве журнала «Русские записки» // *Emigrantica et cetera*: к 60-летию Олега Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, М. Шруба. М.: Дмитрий Сечин, 2019. С. 482–499.

15. Шруба М. Иван Бунин и «Русские записки» // Иван Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 176–190 (Академический Бунин; вып. 3) (в печати).

Research Article

The Journal “Russian Annals” (Paris; Shanghai, 1937–1939): Table of Contents

© 2021, Manfred Schruba

Università degli Studi di Milano, Italy

Abstract: The paper gives a bibliographical description of a full set of the first wave emigré journal “Russian Annals” contents. The introduction provides a general characteristic of the periodical and briefly presents the journal’s editor M.N. Pavlovskii. It draws a sketch of the journal’s history main landmarks, which can be neatly divided in two divergent periods with different editorial boards. The foreword describes also the particularities of the everyday editorial business under the circumstances of the publisher’s residence in Shanghai and the editorial board members’ habitation in Paris. Finally, the table of contents’ structure features are displayed.

Keywords: Russian emigration of the first wave, periodicals of the Russian emigration, bibliography, M.N. Pavlovskii, P.N. Miliukov, M.V. Vishniak.

Information about the author: Manfred Schruba — Prof. Dr. phil. habil., Professore Associato di Slavistica, Università degli Studi di Milano, Dipartimento di Scienze della Mediazione Linguistica e di Studi Interculturali, Piazza Indro Montanelli 1, 20099 Sesto San Giovanni (MI), Italia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9174-2998>. E-mail: manfred.schruba@unimi.it.

For citation: Schruba, Manfred. “The Journal ‘Russian Annals’ (Paris; Shanghai, 1937–1939): Table of Contents.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 352–392. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-352-392>

References

1. Azarov, Iu.A. “‘Russkie zapiski’: ‘stolitsa’ i ‘provintsiia.’” [“‘Russian Annals’: ‘Capital’ and ‘Province.’”]. Mikhaïlov, O.N., editor. *Literatura russkogo zarubezh'ia, 1920–1940* [*The Literature of the Russians Abroad, 1920–1940*], issue 5. Moscow, IWL RAS Publ., 2013, pp. 147–176. (In Russ.)
2. “Annotirovannaiia rospis' soderzhaniia zhurnala ‘Sovremennye zapiski’” [“Annotated Table of Contents of the Journal ‘Contemporary Annals.’”], comp. by M. Schrubá. Korostelev, O., and M. Schrubá, editors. *Vokrug redaktsionnogo arkhiva “Sovremennykh zapiskov” (Parizh, 1920–1940): Sbornik statei i materialov [Around the Editorial Archive of the “Contemporary Annals” (Paris, 1920–1940): Collection of Essays]*. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2010, pp. 297–483. (In Russ.)
3. Vishniak, M. “‘Sovremennye zapiski’: Vospominaniia redaktora [“‘Contemporary Annals’: The Memoirs of an Editor]”, 2nd ed., introd. by L. Allen. St Petersburg, Logos Publ.; Düsseldorf, Goluboi Vsadnik Publ., 1993. 234 p. (In Russ.)
4. Vishniak, M. *Gody emigratsii [The Years of Emigration]*, ed. by L.M. Suris. Moscow, Berlin, Direkt-Mediia Publ., 2016. 437 p. (In Russ.)
5. “Vnutriredaktsionnaia perepiska” [Editorial Correspondence], publ. and notes by M. Schrubá. Korostelev, O., and M. Schrubá, editors. “‘Sovremennye zapiski’” (*Parizh, 1920–1940*). *Iz arkhiva redaktsii [“Contemporary Annals” (Paris, 1920–1940). From the Archive of the Editorial Department]*, vol. 1. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2011, pp. 133–917. (In Russ.)
6. Kuznetsova, T. *Russkaia kniga v Kitae (1917–1949) [The Russian Book in China (1917–1949)]*. Khabarovsk, Dal'nevostochnaia Gosudarstvennaia Nauchnaia Biblioteka Publ., 2003. 252 p. (In Russ.)
7. Pavlovets, M.G. “‘Russkie zapiski.’” [“‘Russian Annals.’”]. *Literaturnaia entsiklopediia Russkogo zarubezh'ia 1918–1940. Periodika i literaturnye tsentry [Literary Encyclopedia of the Russians Abroad 1918–1940. Periodicals and Literary Centres]*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, pp. 381–386. (In Russ.)
8. *Russkie poety XX veka. Materialy k bibliografii [Russian 20th Century Poets. Materials for a Bibliography]*, comp. by L.M. Turchinskii. Moscow, Znak Publ., 2007. XIV, 706 p. (In Russ.)
9. *Svodnyi katalog serial'nykh izdaniï Rossii (1801–1825) [Cumulative Catalogue of Serial Editions in Russia (1801–1825)]*, vol. 1. Periodicals (A–V) — vol. 4. Periodicals (N–P). *S rospis'iu soderzhaniia [With Table of Contents]*, ed. by RNB; RGB; RAN Library; GPIB [et al.]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RNB Publ., 1997–2015. (In Russ.)
10. Schrubá, Manfred. “Istoriia zhurnala ‘Sovremennye zapiski’ v svete redaktsionnoi perepiski” [“History of the Journal ‘Contemporary Annals’ in the Light of the Editorial Correspondence”]. Korostelev, O., and M. Schrubá, editors. “‘Sovremennye zapiski’” (*Parizh, 1920–1940*). *Iz arkhiva redaktsii [“Contemporary Annals” (Paris, 1920–1940). From the Archive of the Editorial Department]*, vol. 1. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2011, pp. 37–131. (In Russ.)
11. Schrubá, Manfred. “‘Metsenat izumitel'nyi!': Izdatel'skaia deiatel'nost' M.N. Pavlovskogo”. [‘A Marvellous Maecenas!': The Publishing Activity of M.N. Pavlovskii]. Tribunskii, P.A., editor. *Izdatel'skoe delo rossiiskogo zarubezh'ia (XIX–XX vv.): Sbornik nauchnykh trudov [Publishing Activity of the Russians Abroad (19th–20th Century): A Collection of Scientific Essays]*. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ia Publ., 2017, pp. 97–135. (In Russ.)

12. Schrub, Manfred. *Slovar' psevdonimov russkogo zarubezh'ia v Evrope (1917–1945)* [*Dictionary of the Pseudonyms of the Russians Abroad in Europe (1917–1945)*]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2018. 1064 p. (In Russ.)

13. Schrub, Manfred. “Vadim Andreev v zhurnale i izdatel'stve ‘Russkie zapiski’.” [“Vadim Andreev in the Journal and the Publishing House ‘Russian Annals’.”]. Fleishman, L., and F. Poljakov, editors. *Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts: Essays in Honor of Vladimir Khazan*. Berlin [et al.], Peter Lang Publ., 2018, pp. 499–534. (Stanford Slavic Studies; Vol. 48) (In Russ.)

14. Schrub, Manfred. “O redaktsionnom arkhive zhurnala ‘Russkie zapiski’.” [“On the Editorial Archive of the Journal ‘Russian Annals’.”]. Ponomarev, E.R., and M. Schrub, editors. *Emigrantica et cetera: K 60-letiiu Olega Korosteleva* [*Emigrantica et Cetera: On the 60th Anniversary of Oleg Korostelev*]. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2019, pp. 482–499. (In Russ.)

15. Schrub, Manfred. “Ivan Bunin i ‘Russkie zapiski’.” [“Ivan Bunin and the ‘Russian Annals’.”]. Dviniatina, T.M., and S.N. Morozov, editors. *Ivan Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriia tvorchestva* [*Ivan Bunin and His Times: The Contexts of the Fate — the History of the Creative Work*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 176–190 (Akademicheskii Bunin; issue 3) (In print). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.07.2021

Одобрена после рецензирования: 15.08.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 01.07.2021

Approved after reviewing: 15.08.2021

Date of publication: 25.09.2021

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Журнал «Русские записки» (Париж; Шанхай, 1937–1939):
Роспись содержания**

Annales russes — Русские записки: Общественно-политический и литературный журнал / При ближайшем участии: Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова [Фондаминского], М.В. Вишняка, В.В. Руднева. — Париж; Шанхай, 1937–1938. — № 1–3.

**1937. № 1
(12 августа)**

1. **[Федотов Г.П.]**¹ От Редакции. — С. 5–8.
2. **Алданов М.А.** Линия Брунгильды: Пьеса в шести картинах с эпилогом / М. Алданов. — С. 9–92.
3. **Бунин И.А.** Из книги «Освобождение Толстого» / Ив. Бунин. — С. 93–129.
4. **Ладинский А.П.** Поэма о дубе (I. «Тростник в зефире вдохновенья...»; II. «Предпочитаю гибель дуба...»; III. «Душа, ты счастье, гибель муки...»; IV. «Наш климат — музы и стихии...») / Ант. Ладинский. — С. 130–133.
5. **Кнут Д.** [Стихотв.:] Разлука (I. «Ты меня никогда не забудешь...»; II. «Как в море — корабли... Как волны в океане...») / Довид Кнут. — С. 133–134.
6. **Кельберин Л.И.** [Стихотв.:] I. «Все как надо. Вещая прохлада...»; II. «Смерть на дудочке играет...»; III. «День сгорел. Еще на небе пламя...» / Л. Кельберин. — С. 135–136.
7. **Софиев Ю.Б.** [Стихотв.:] 1. «Нас тешит память — возвращая снова...»; 2. «Чем сердце жило? Было чем согрето?...»; 3. «Был я смелым, честным и гордым...»; В.М. З[ензинов]у («О, сколько раз за утлюю кормой...») / Юрий Софиев. — С. 136–139.
8. **Несмелов А.И.** [Стихотв.:] Песни об Уленспигеле (I. «По затихшим фландрским селам...»; II. «С толстым другом, с другом верным...»; III. «С дудкой, с бубном, с арбалетом...»; IV. «Гей, палач, не жди, не мешкай...»; V. «Уленспигель, Уленспигель...») / Арс. Несмелов. С. 139–143.
9. **Давыдов К.Н.** Перелеты птиц / К. Давыдов. — С. 144–179.
10. **Бердяев Н.А.** О фанатизме, ортодоксии и истине / Николай Бердяев. — С. 180–191.

¹ Ср.: «Проект редакционного заявления Фондаминский негласно попросил составить Федотова, которого считал непревзойденным стилистом. Тот, действительно, отлично справился с задачей, и мы единодушно одобрили текст его заявления» [3, с. 226].

11. **Осоргин М.А.** Убийство по суду / Мих. Осоргин. — С. 192–204.
12. **[Португейс С.О.]** Се-Же-Тэ и французская демократия / Ст. Иванович. — С. 205–225.
13. **[Шерман С.Г.]** Линияние мира. I. Испанская трагедия / С. Савельев. — С. 226–243.
14. **Вишняк М.В.** Двадцать лет спустя / М.В. Вишняк. — С. 244–258.
15. **Федотов Г.П.** Год борьбы / Г. Федотов. — С. 259–277.
16. **Зензинов В.М.** «Молодежь идет в Арктику!»... / В. Зензинов. — С. 278–303.

Дальневосточное обозрение

17. **Меди Н.П.** События в Северном Китае / Н.П. Меди. — С. 304–310.
18. **Лидин Н.** Русская эмиграция на Д[альнем] В[остоке] / Н. Лидин. — С. 311–321.
19. **И. Ф.** Эмигрантские писатели на Д[альнем] В[остоке] / И.Ф.² — С. 322–330.

1937. № 2

(2 декабря)

20. **Мережковский Д.С.** Жизнь Данте / Д.С. Мережковский. — С. 5–32.
21. **[Набоков В.В.]** Озеро, облако, башня: [Рассказ] / В. Сирин. — С. 33–42.
22. **Яновский В.С.** Двойной нельсон: [Рассказ] / В.С. Яновский. — С. 43–58.
23. **Ладинский А.П.** Борисфен, река скифов...: [Рассказ] / Ант. Ладинский. — С. 59–71.
24. **Зуров Л.Ф.** Дозор: [Рассказ] / Л. Зуров. — С. 72–98.
25. **Волков Б.** Степной ворон: [Рассказ] / Б. Волков. — С. 99–113.
26. **Гиппиус З.Н.** [Стихотв.:] Сиянья («Сиянье слов... Такое есть-ли?...») / З. Гиппиус. — С. 114.
27. **Мамченко В.А.** [Стихотв.:] «Разверзается небо и падают в ночь...»; «Настигли сумерки холодною тропой...» / Виктор Мамченко. — С. 114–115.

² В посвященных журналу статьях криптоним «И.Ф.» приписывается И.И. Фондаминскому [7, с. 382; 1, с. 156, 159 и др.]. Данная атрибуция ничем необоснована и неубедительна. Фондаминский, насколько известно, русской литературной жизнью на Дальнем Востоке не занимался и едва ли мог иметь о ней сколько-нибудь определенное понятие. К тому же в начале подписанной криптонимом «И.Ф.» статьи повторно употребляется выражение «здесь, на Востоке» (с. 322), что, на наш взгляд, свидетельствует именно о дальневосточном, а не парижском, местопребывании автора статьи. В нашем словаре псевдонимов данный криптоним включен поэтому в раздел «Нераскрытые псевдонимы», причем запись снабжена неуверенной догадкой «И. Фурман?» [12, с. 981] (единственный известный нам дальневосточный писатель с подходящими инициалами — поэт, опубликовавший в 1919 г. в Харбине сборник стихов [6, с. 24; 8, с. 561]).

28. **Мандельштам Ю.В.** [Стихотв.:] «Поля без конца, без предела...» / Юрий Мандельштам. — С. 116–117.
29. **Ставров П.С.** [Стихотв.:] «Порт незнакомый. Фонари...» / П. Ставров. — С. 117.
30. **Терапиано Ю.К.** [Стихотв.:] Командарм («Командарм под стражей, под замком...») / Ю. Терапиано. — С. 118–119.
31. **Цветаева М.И.** [Стихотв.:] Стенька Разин («Ветры спать ушли с золотой зарей...») / Марина Цветаева. — С. 119–122.
32. **Штейгер А.С.** [Стихотв.:] «Неужели навеки врозь?...»; «Все может быть... Быть может есть — не рай...» / А. Штейгер. — С. 119–122.
33. **Шестов Л.И.** О «перерождении убеждений» у Достоевского / Л. Шестов. — С. 125–154.
34. **Цветаева М.И.** Пушкин и Пугачев / Марина Цветаева. — С. 155–189.
35. **Давыдов К.Н.** Тяга вальдшнепов / К. Давыдов. — С. 190–205.
36. **Адамович Г.В.** Памяти советской литературы / Георгий Адамович. — С. 206–213.
37. **Зензинов В.М.** Перековка / В. Зензинов. — С. 214–236.
38. **Берлин П.А.** Советская распутица / П. Берлин. — С. 237–250.
39. **[Португейс С.О.]** Опыт Блюма и социализм / Ст. Иванович. — С. 251–273.
40. **[Шерман С.Г.]** Линия мира. II. За океаном / С. Савельев. — С. 274–295.

Дальневосточное обозрение

41. **Остроумов Б.В.** Китай, развитие его национальной мощи и постройка новых железных дорог / Б. Остроумов. — С. 296–307.
42. **Лидин Н.** Русская эмиграция в Шанхае / Н. Лидин. — С. 308–319.

1938. № 3

(10 марта)

43. **Мережковский Д.С.** Жизнь Данте: [Оконч.] / Д.С. Мережковский. — С. 5–35.
44. **Цветаева М.И.** Повесть о Сонечке / М. Цветаева. — С. 36–103.
45. **[Анненков Ю.П.]** Тяжести: (Отрывок из романа) / Б. Темиряев. — С. 104–145.
46. **Фатеев А.Н.** Секретное венчание Екатерины II / Ар. Фатеев. — С. 146–158.
47. **Ладинский А.П.** [Стихотв.:] Александр («Восторженное щебеганье...») / Ант. Ладинский. — С. 159–161.
48. **[Кузьмина-Караваева Е.Ю.]** [Стихотв.:] 1. «Средь этой мертвенной пустыни...»; 2. «Ты по-разному откинул всех...»; 3. «Вечно

громоздить на встречу встречу...»; 4. «Вижу одежды сияющий край...» / Мон. Мария. — С. 161–164.

49. **Терапиано Ю.К.** [Стихотв.:] Стихи о границе (1. «Бьется челнок одинокий...»; 2. «Хмуρο надвинув наличник...»; 3. «Ветром холодным, снежным...»; 4. «Россия! С тоской невозможной...») / Ю. Терапиано. — С. 164–166.

50. **Цветаева М.И.** [Стихотв.:] Стихи к Сонечке (1. «Кто покинут — пусть поет!...»; 2. «Пел в лесочке птенчик...»; 3. «В мое окошко дождь стучится...»; 4. «Заря малиновые полосы...»; 5. «Маленькая сигарера!...»; 6. «Твои руки черны от загару...») / Марина Цветаева. — С. 166–171.

51. **Штейгер А.С.** [Стихотв.:] 1. «Здесь мы могли бродить с тобою вместе...»; 2. «Не верю, чтобы не было следа...»; 3. «Если правда, что там есть весы...»; 4. «Бывает чудно, но бывает раз...»; [5.] «Здесь главное, конечно, не постель...»; Сентябрь («Я выхожу из дому неспеша...») / А. Штейгер. — С. 172–175.

52. **Ростовцев М.И.** Индия и ее искусство / М. Ростовцев. — С. 176–195.

53. **Шестов Л.И.** Киркегард — религиозный философ / Лев Шестов. — С. 196–221.

54. **Гиппиус З.Н.** Загадка Некрасова / З.Н. Гиппиус. — С. 222–231.

55. **Бердяев Н.А.** О современном национализме / Н. Бердяев. — С. 232–238.

56. **Федотов Г.П.** Письма о русской культуре. I. Русский человек / Г. Федотов. — С. 239–260.

57. **Алексеев Н.Н.** Плененная культура / Н.Н. Алексеев. — С. 261–280.

58. **Керенский А.Ф.** После выборов без выборов / А.Ф. Керенский. — С. 281–292.

Дальневосточное обозрение

59. **Добровольский С.** К вопросу об экономической реконструкции Китая / С. Добровольский. — С. 293–308.

Annales russes: Revue mensuelle — Русские записки: Ежемесячный журнал / Под ред. П.Н. Милокова. — Париж, 1938–1939. — № [4]–20/21.

1938. Апрель. [№ 4]

60. [Милоков П.Н.]³ От Редакции. — С. 3–4.

61. **Шмелев И.С.** Иностранец: [Роман] / Ив. Шмелев. — С. 5–42.

³ Ср.: «Задачи журнала были намечены в заявлении “От Редакции”, отлично составленном единолично Милоковым и напечатанном в апрельском номере 1938 года» [4, с. 187].

62. **[Набоков В.В.]** Событие: Драматическая комедия в трех действиях / В. Сирин. — С. 43–104.
63. **Кнорринг И.Н.** [Стихотв.:] «Лета не было в этом году...» / Ирина Кнорринг. — С. 105.
64. **Кнут Д.** [Стихотв.:] Из палестинского цикла (1. «Среди бесплодных дел и тучного безделья...»; 2. «Звезды светят...», [3.] «Возвращается ветер в стотысячный раз...») / Довид Кнут. — С. 106–107.
65. **Ладинский А.П.** [Стихотв.:] Анна («Как мяча среди черных ненастий...») / Ант. Ладинский. — С. 108.
66. **Милюков П.Н.** Роковые годы: (Из воспоминаний). 1. «Плеве убит» / П. Милюков. — С. 109–118.
67. **Лифарь С.М.** Мои первые шаги в «Русском балете» Дягилева / Сергей Лифарь. — С. 119–129.
68. **Алданов М.А.** Роже Мартэн дю Гар / М. Алданов. — С. 130–140.
69. **[Вольский Н.В.]** Изменения социальной структуры СССР / Е. Юрьевский. — С. 141–160.
70. **Суварин Б.К.** Признания в Москве / Б. Суварин. — С. 161–170.

Хроника

71. **[Милюков П.Н.]** Международное положение / П. М. — С. 171–179.
72. **[Павловский М.Н.]** Этапы тихоокеанской проблемы / Л. О. — С. 179–189.
73. **Петрищев А.Б.** Дрейф папанинской льдины / А. Петрищев. — С. 190–193.
74. **[Б.п.]** Важнейшие события начала года. — С. 193–197.

Библиография

75. **Бицилли П.М.** [Рец. на кн.:] Бунин И.А. Освобождение Толстого. Париж: YMCA-Press, 1937 / П. Бицилли. — С. 198–200.
76. **Вишняк М.В.** [Рец. на кн.:] Plisnier Ch. Faux passeports. Paris: R.A. Corrêa, 1937 / М. Вишняк. — С. 200–201.
77. **[Вишняк М.В.]** [Рец. на кн.:] Mann Th. Avertissement à l'Europe. Paris: Gallimard, 1937 / М. В. — С. 201–202.
78. **Авксентьев Н.Д.** [Рец. на кн.:] Bilan du communisme. Paris: La Librairie technique et économique, 1937 (Cahiers économiques et sociaux / Publiés sous la direction de H. Peyret) / Н. Авксентьев. — С. 203–205.
79. **[Павловский М.Н.]** [Рец. на кн.:] Bienstock G. La lutte pour le Pacifique. Paris: Payot, 1938 / Л. — С. 205.

1938. Май. [№ 5]

80. **Шмелев И.С.** Иностранец: [Роман: Продолж.] / Ив. Шмелев. — С. 3–39.
81. **Костецкий В.Г.** Иаков: [Рассказ] / Владимир Костецкий. — С. 40–59.

82. **Ладинский А.П.** На балу: [Рассказ] / Ант. Ладинский. — С. 60–72.
83. **[Оцуп Г.А.]** [Стихотв.:] «Сгорбились прямые плечи...» / Георгий Раевский. — С. 73.
84. **Софиев Ю.Б.** [Стихотв.:] «Поговорим вполголоса о жизни...» / Юрий Софиев. — С. 74.
85. **Струве М.А.** [Стихотв.:] «Рыболов на берегу реки...» / М. Струве. — С. 75.
86. **Андреев В.Л.** Повесть об отце / Вадим Андреев. — С. 76–90.
87. **Кнут Д.** Альбом путешественника / Довид Кнут. — С. 91–108.
88. **Милюков П.Н.** Роковые годы: (Из воспоминаний). 2. Балканы / П. Милюков. — С. 109–119.
89. **Лифарь С.М.** Мои первые шаги в «Русском балете» Дягилева: [Продолж.] / Сергей Лифарь. — С. 120–136.
90. **Адамович Г.В.** Андрей Белый и его воспоминания / Георгий Адамович. — С. 137–149.
91. **[Поляков С.Л.]** Ф.И. Шаляпин (набросок портрета) / С. Поляков-Литовцев. — С. 150–162.
92. **[Милюков П.Н.]** Трагедия Австрии / П. М. — С. 163–174.

Хроника

93. **[Раппопорт А.Ю.]** Сталинская конституция в теории и на практике / Л. Торопецкий. — С. 175–195.
94. **[Б.п.]** Важнейшие события: Апрель. — С. 195–197.

Библиография

95. **Бицилли П.М.** [Рец. на кн.:] Зайцев Б.К. Путешествие Глеба. Тетралогия, Ч. 1: Заря. Берлин: Петрополис, 1937 / П. Бицилли. — С. 198–199.
96. **Петрищев А.Б.** [Рец. на кн.:] Грузенберг О.О. Вчера: Воспоминания. Париж: Б.и., 1938 / А. Петрищев. — С. 199–200.
97. **[Берхин М.Ю.]** [Рец. на кн.:] Maurois A. La machine à lire les pensées. Paris: Gallimard, 1937 / М. Бенедиктов. — С. 200–202.
98. **Алданов М.А.** [Рец. на кн.:] Herriot É. Lyon n'est plus. Paris: Hachette, 1938 / М. Алданов. — С. 202–204.
99. **Вишняк М.В.** [Рец. на кн.:] Serge V. Destin d'une révolution. U.R.S.S. 1917–1937. Paris: Grasset, 1937; Yvon M. L'U.R.S.S. telle qu'elle est. Paris: Gallimard, 1938 / М. Вишняк. — С. 204–206.

1938. Июнь. [№ 6]

100. **Газданов Г.И.** Бомбей: [Повесть] / Гайто Газданов. — С. 3–50.
101. **Тэффи Н.А.** Старинный романс: [Пьеса] / Тэффи. — С. 51–64.
102. **Осоргин М.А.** Детство / Мих. Осоргин. — С. 65–89.
103. **Белоцветов Н.Н.** [Стихотв.:] «Как рыболов в углу своем один...» / Николай Белоцветов. — С. 90.

104. **Кнорринг И.Н.** [Стихотв.:] «От женских слез — до нежности мужской...» / Ирина Кнорринг. — С. 91.
105. **Ратгауз Т.Д.** [Стихотв.:] Посвящение (Моей матери) («Тихи и темноглазы облака...»); На рыбную ловлю («Мы поднимаемся на рассвете...») / Татьяна Ратгауз. — С. 92.
106. **Андреев В.Л.** Повесть об отце: [Продолж.] / Вадим Андреев. — С. 93–114.
107. **Милюков П.Н.** Роковые годы: (Из воспоминаний). 3. «Освобождение». — Париж. — Петербург / П. Милюков. — С. 115–131.
108. **Лифарь С.М.** Нижинский — живой миф / Сергей Лифарь. — С. 132–139.
109. **Берлин П.А.** «Дорогое правительство» / П. Берлин. — С. 140–152.
110. **Мейснер Д.И.** Трудные дни Чехословакии / Д. Мейснер. — С. 153–162.
111. **Бенуа А.Н.** Александр Яковлев: [Некролог] / Александр Бенуа. — С. 163–173.

Хроника

112. **[Б.п.]** После Австрии — Чехословакия? — С. 174–178.
113. **[Полидоров К.П.]** На новом этапе [о Японо-китайской войне] / К. П. — С. 178–189.
114. **[Б.п.]** Важнейшие события: Май. — С. 189–192.
115. **[Милюков П.Н.]** «Индекс» папы Пия XI / П. М. — С. 193.

Библиография

116. **[Милюков П.Н.]** Трагедия демократа-социалиста [Рец. на кн.: Иванович Ст. [Португейс С.О.]. А.Н. Потресов. Опыт культурно-психологического портрета. Париж: Б.и., 1938; Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Николаевский Б.И. А.Н. Потресов: Опыт литературно-политической биографии. Париж: Б.и., 1937] / П. М. — С. 194–197.
117. **Бицилли П.М.** [Рец. на кн.:] Maulnier Th. Au delà du nationalisme. Paris: Gallimard, 1938 / П. Бицилли. — С. 197–199.
118. **Вишняк М.В.** [Рец. на кн.:] Ciliga A. Au pays du grand mensonge. Paris: Gallimard, 1938 / М. Вишняк. — С. 199–201.
119. **[Вольский Н.В.]** [Рец. на кн.:] Gauthier B. La C.G.T. soviétique. Paris: Bureau d'éditions, 1938 / Е. Ю-ский. — С. 201–202.
120. **[Милюков П.Н.]** [Рец. на кн.:] Библиография русской революции и гражданской войны (1917–1921): Из каталога библиотеки Р[усского] З[аграничного] И[сторического] Архива / Под ред. и с предисл. Я. Славика; Сост. С.П. Постников. Прага: Б.и., 1938 / П. М. — С. 202–203.
121. **[Милюков П.Н.]** [Рец. на кн.:] Soloveytchik G. Potemkin. Soldier, lover, statesman, consort of Catherine of Russia. London, 1938 / П. М. — С. 203–204.

122. [Миллюков П.Н.] [Рец. на кн.:] Rossi A. La naissance du fascisme. L'Italie de 1918 a 1922. Paris: Gallimard, 1938 / М. — С. 204–205.

123. [Берхин М.Ю.] [Рец. на кн.:] Tardieu A. La profession parlementaire. Paris: Flammarion, 1937 / М. Бенедиктов. — С. 205–206.

1938. Июль. [№ 7]

124. Алданов М.А. Пуншевая водка: (Сказка о всех пяти земных счастьях) / М. Алданов. — С. 3–57.

125. Осоргин М.А. Детство: [Продолж.] / Мих. Осоргин. — С. 58–77.

126. Зайцев Б.К. Андрей Белый (воспоминания, встречи) / Бор. Зайцев. — С. 78–94.

127. Гребенщиков И.С. [Стихотв.:] Мы («Чем дальше — тем ближе! Мы много видали...») / Игорь Гребенщиков. — С. 95.

128. Прегель С.Ю. [Стихотв.:] «На свете нет торжественней и проще...» / София Прегель. — С. 96.

129. [Кроткова Х.П.] [Стихотв.:] «Ты от меня улетишь, как осенняя птица...»; Перелет («Замедля свой бег, тяжелело уставшее лето...») / К. Франкфурт. — С. 97–98.

130. Андреев В.Л. Повесть об отце: [Продолж.] / Вадим Андреев. — С. 99–112.

131. Кнут Д. Альбом путешественника: [Продолж.] / Довид Кнут. — С. 113–125.

132. Миллюков П.Н. Роковые годы: (Из воспоминаний). 4. Нью-Йорк — Бостон — Чикаго. — Пробел в книге. — «Красное воскресенье» / П. Миллюков. — С. 126–136.

133. [Юделевский Я.Л.] Проблема рождаемости / Ю. Делевский. — С. 137–156.

134. [Вольский Н.В.] О классовом и демографическом составе СССР / Е. Юрьевский. — С. 157–175.

Хроника

135. Адамович Г.В. Литература в СССР / Георгий Адамович. — С. 176–190.

136. [Павловский М.Н.] Год войны на Дальнем Востоке / Л. О. — С. 190–194.

137. [Б.п.] Важнейшие события: Июнь. — С. 194–198.

Библиография

138. [Вейдле В.В.] [Рец. на кн.:] Roberts M. The modern mind. London: Faber & Faber, 1937 / В. В. — С. 199–200.

139. **Вишняк М.В.** [Рец. на кн.:] Guernier E. L. Le destin des continents: trois continents, trois civilisations, trois destins. Paris: Félix Alcan, 1936 / М. Вишняк. — С. 200–202.
140. **Берлин П.А.** [Рец. на кн.:] Lavergne B. Essor et décadence du capitalisme. Paris: Payot, 1938 / П. Берлин. — С. 202–203.
141. **[Берхин М.Ю.]** [Рец. на кн.:] Londonderry Ch., Marquess of. Ourselves and Germany. London: Hale, 1938 / М. Бенедиктов. — С. 203–205.
142. **[Милюков П.Н.]** [Рец. на кн.:] Drabovitch W. Intellectuels français et le bolchévisme. La Ligue des droits de l'homme. Le néo-marxisme universitaire. Quelques grands intellectuels: André Gide, Romain Rolland et certains autres. Paris: Libertés françaises, 1938 / П. М. — С. 205–206.
143. **[Милюков П.Н.]** [Рец. на кн.:] Десять лет жизни РООВА. 1926–1936. Нью-Йорк: Издание Русского объединенного общества взаимопомощи, 1936 / П. М. — С. 206–207.

1938. Август–Сентябрь. № 8–9

144. **[Набоков В.В.]** Истребление тиранов: [Рассказ] В. Сирин. — С. 3–29.
145. **[Макеев А.Н.]** Ревун-камень: [Рассказ] / А. Сотников. — С. 30–38.
146. **Алданов М.А.** Пуншевая водка: (Сказка о всех пяти земных счастьях): [Оконч.] / М. Алданов. — С. 39–84.
147. **Гальской В.Л.** [Стихотв.:] «Не проклинайте нас, отцы и деды...» / Владимир Гальской. — С. 85.
148. **Гроссе Л.В.** [Стихотв.:] Аквилон («С невидимых морей вселенной...») / Л. Гроссе. — С. 86.
149. **Смагин Б.** [Стихотв.:] «Неистовый, как пьяная любовь...» / Борис Смагин. — С. 87.
150. **Шаховская З.А.** [Стихотв.:] «Счастья нет, счастья нет...» / Зинаида Шаховская. — С. 88.
151. **Андреев В.Л.** Повесть об отце: [Продолж.] / Вадим Андреев. — С. 89–107.
152. **Милюков П.Н.** Роковые годы: (Из воспоминаний). 5. Возвращение «домой». — «Лицо» и «имя». — Политическая обстановка к моему возвращению. — Новое лицо Москвы. — Апрельская работа в области конституции, аграрного и национального вопросов / П. Милюков. — С. 108–124.
153. **Литвин Я.Л.** Берлин и Вена / Я. Литвин. — С. 125–143.
154. **Кускова Е.Д.** В поисках права и справедливости / Ек. Кускова. — С. 144–155.
155. **Левин И.О.** Внутренние проблемы Японии / И.О. Левин. — С. 156–173.
156. **Хмара Г.М.** К.С. Станиславский / Григорий Хмара. — С. 174–185.

Хроника

157. **[Б.п.]** «Чрез военные авантюры к международному беззаконию». — С. 186–191.
158. **[Б.п.]** Важнейшие события: Июнь–Июль–Август. — С. 191–196.

159. [Б.п.] Карта 1886 года [заметка с воспроизведением карты российско-китайской границы в районе озера Хасан]. — С. 197.

Библиография

160. Бицилли П.М. [Рец. на кн.:] Бем А.Л. Достоевский. Психоаналитические этюды. Прага: Петрополис, 1938 / П. Бицилли. — С. 198–199.

161. [Милюков П.Н.] [Рец. на кн.:] Крыжановский С.Е. Воспоминания: Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. Berlin: Petropolis, 1938 / П. М. — С. 199–202.

162. Вишняк М.В. [Рец. на кн.:] Шульгин В.В. Аншлусс и мы! Белград: Н.З. Рыбинский, 1938 / М. Вишняк. — С. 202–203.

163. Байков А.М. [Рец. на кн.:] Brutzkus V. U.R.S.S., terrain d'expériences économiques. Paris: Librairie de Médecis, 1938 / А.М. Байков. — С. 204–205.

164. Берлин П.А. [Рец. на кн.:] Paléologue M. Les précurseurs de Lénine. Paris: Plon, 1938 / П. Берлин. — С. 205–207.

1938. Октябрь. № 10

165. [Милюков П.Н.]⁴ А.И. Куприн: [Некролог]. — С. 3–6.

166. Осоргин М.А. Юность / Мих. Осоргин. — С. 7–47.

167. Эсколь И. [Стихотв.:] «Раздвинув кружево кустов...» / И. Эсколь. — С. 47.

168. Яновский В.С. Портативное бессмертие: [Роман] / В.С. Яновский. — С. 48–89.

169. Голенищев-Кутузов И.Н. [Стихотв.:] «В моих последних, татарских...» / Илья Голенищев-Кутузов. — С. 90.

170. Струве М.А. [Стихотв.:] Три года (I. «За то, что, неверены в себе...»; II. «За то, что, как свеча пред алтарем...»; III. За легкую поступь и гордую речь...»; IV. За то, что три века...») / М. Струве. — С. 91–92.

171. Андреев В.Л. Повесть об отце: [Продолж.] / Вадим Андреев. — С. 93–119.

172. Таубер Е.Л. [Стихотв.:] «Наш маленький домик под сенью шумящего дуба...» / Екатерина Таубер. — С. 119.

173. Лифарь С.М. Детские и отроческие годы Дягилева / Сергей Лифарь. — С. 120–127.

174. Милюков П.Н. Роковые годы: (Из воспоминаний). 6. Земский съезд в Москве. — Проповедь в дворянском особняке, студенческой мансарде и купеческом дворце. — Декадентское интермеццо. — Где мой пробел? — Монополисты революции / П. Милюков. — С. 128–138.

175. Вейдле В.В. Об английской литературе последних лет / В. Вейдле. — С. 139–147.

⁴ См. в письме М.В. Вишняка к М.Н. Павловскому от 18 сентября 1938 г.: «пришло уже не письмо, а статейка от П.Н. [Милюкова] страниц в 4–5, которую мы поместим без подписи в самом начале октябрьской книжки» (Hoover Institution Archives. Mark V. Vishniak papers. Box 8. F. 60).

176. **Бассехес Н.** Австрия под знаком свастики / Николай Бассехес. — С. 148–167.

177. **[Раппопорт А.Ю.]** Чехарда / Л. Торопецкий. — С. 168–181.

Хроника

178. **[Б.п.]** Пожертвованный союзник и «Новая Европа». — С. 182–188.

179. **[Б.п.]** Важнейшие события: Сентябрь. — С. 188–191.

Библиография

180. **[Андреев В.Л.]** [Рец. на кн.:] Смоленский В.А. Наедине: Вторая книга стихов. Париж: Современные записки, 1938; Терапиано Ю.К. На ветру: [Стихи]. Париж: Современные записки, 1938; Гиппиус З.Н. Сияния: [Стихи]. Париж: Современные записки, 1938 / Сергей Осокин. — С. 192–194.

181. **Газданов Г.И.** [Рец. на кн.:] Алданов М.А. Бельведерский торс: Роман. Париж: Русские записки, 1938 / Г. Газданов. — С. 194–195.

182. **[Шерман С.Г.]** [Рец. на кн.:] Сирин В. [Набоков В.В.] Соглядатай. Париж: Русские записки, 1938 / С. Савельев. — С. 195–197.

183. **Бицилли П.М.** [Рец. на кн.:] Тэффи Н.А. О нежности. Париж: Русские записки, 1938 / П. Бицилли. — С. 197–198.

184. **Кнут Д.** [Рец. на кн.:] Берберова Н.Н. Без заката: [Роман]. Париж: Дом книги, 1938 / Д. Кнут. — С. 198–199.

185. **Вишняк М.В.** [Рец. на кн.:] Fribourg A. La victoire des vaincus. Paris: Depeol, 1938 / М. Вишняк. — С. 199–201.

186. **[Милюков П.Н.]** [Рец. на кн.:] Werner M. Der Aufmarsch zum zweiten Weltkrieg. Strasbourg: Sebastian Brant Verlag, 1938 / П. М. — С. 201–205.

187. **[Милюков П.Н.]** [Рец. на кн.:] Dupuy R.E., Fielding Eliot G. Si la guerre éclatait (If war comes). Paris: Payot, 1938 / П. М. — С. 205.

188. **Левин И.О.** [Рец. на кн.:] Vompard M. Mon ambassade en Russie (1903–1908). Paris: Plon, 1937 / И.О. Левин. — С. 205–207.

1938. Ноябрь. № 11

189. **[Набоков В.В.]** Изобретение Вальса: Драма в трех действиях / В. Сирин. — С. 3–62.

190. **Хмелева Е.** [Стихотв.:] Желтое солнце («Снова злые ветры завывли...») / Е. Хмелева. — С. 63.

191. **Ратгауз Т.Д.** [Стихотв.:] «Я — случайная гостя в веселой студенной стране...» / Татьяна Ратгауз. — С. 63.

192. **Газданов Г.И.** Хана: [Рассказ] / Гайто Газданов. — С. 64–98.

193. **Кнорринг И.Н.** [Стихотв.:] Окно в столовой («Снова ночь, и лето снова...») / Ирина Кнорринг. — С. 99–100.

194. **Софиев Ю.Б.** [Стихотв.:] «Твое короткое, простое имя...» / Юрий Софиев. — С. 100.
195. **Андреев В.Л.** Повесть об отце: [Продолж.] / Вадим Андреев. — С. 101–116.
196. **[Манухина Т.И.]** «Друг человечества» (М. Горький) / Т. Таманин. — С. 117–134.
197. **Милюков П.Н.** Роковые годы: (Из воспоминаний). 7. Мое место среди двух петербургских течений. — «Коалиционный съезд» и «Союз Союзов». — Раскол на отношении к Булыгинской Думе. — Мой арест / П. Милюков. — С. 135–149.
198. **[Кузьмина-Караваева Е.Ю.]** Расизм и религия / Монахиня Мария. — С. 150–157.
199. **Лещинский Я.** Ликвидация германского еврейства / Я. Лещинский. — С. 158–166.
200. **Хмара Г.М.** Шаляпин: (Отрывки из воспоминаний) / Григорий Хмара. — С. 167–180.
Хроника
201. **Лазерсон М.Я.** Революция или эволюция в СССР? / Проф. М. Лазерсон. — С. 181–188.
202. **[Б.п.]** После Мюнхена. — С. 188–193.
203. **[Б.п.]** Важнейшие события: Октябрь. — С. 193–196.
Библиография
204. **[Андреев В.Л.]** [Рец. на кн.:] Поплавский Б.Ю. В венке из воска: Четвертая книга стихов. Париж: Дом книги; [Современные записки], 1938 / Сергей Осокин. — С. 197–198.
205. **Вейдле В.В.** [Рец. на кн.:] Ладинский А.П. Голубь над Понтом. Таллинн: Русская книга, 1938 / В. Вейдле. — С. 198–199.
206. **Бицилли П.М.** [Рец. на кн.:] Мережковский Д.С. Франциск Ассизский. [Берлин]: Петрополис, 1938 / П. Бицилли. — С. 199–200.
207. **Вишняк М.В.** [Рец. на кн.:] Suarez G. Briand. 1. Le révolté circonspect. 1862–1904. Paris: Plon, 1938 / М. Вишняк. — С. 200–202.
208. **[Евзеров (Эйзер) А.Э.]** [Рец. на кн.:] Monroe E. The Mediterranean in politics. London: Oyford University Press, 1938 / Ал. Э. — С. 202–204.
209. **[Милюков П.Н.]** [Рец. на журн.:] La Revue de Prométhée, consacrée a l'étude des problèmes nationalitaires de l'Est européen, de l'Asie centrale et septentrionale. 1938. Т. 1. № 1 / П. М. — С. 204–205.
210. **[Милюков П.Н.]** [Рец. на кн.:] Славинский М.А. Национально-государственная проблема в СССР. Paris: Б.и., 1938 / П. М. — С. 205–206.
211. **Берлин П.А.** [Рец. на кн.:] 20 лет ВЧК–ОГПУ–НКВД. М.: Государственное издательство политической литературы, 1938 / П. Берлин. — С. 206–207.

1938. Декабрь. № 12

212. **Крестовская Л.А.** Черный ветер: [Роман] / Лидия Крестовская. — С. 3–58.
213. **Штейгер А.С.** [Стихотв.:] «Всегда платить за все. За все платить сполна...»; «Опять Сентябрь. Короткий промежуток...» / А. Штейгер. — С. 59–60.
214. **Рябинин Р.** [Стихотв.:] «В пролетах лунных — то поля...» / Роман Рябинин. — С. 60.
215. **Матусевич И.А.** Чакона Баха: [Рассказ] / Иосиф Матусевич. — С. 61–79.
216. **Прегель С.Ю.** [Стихотв.:] «Лошадиные трупы и морды...» / София Прегель. — С. 79.
217. **Голенищев-Кутузов И.Н.** [Стихотв.:] Ментенон («Ты помнишь ли те полдни? Голоса...») / Илья Голенищев-Кутузов. — С. 80–82.
218. **Кнут Д.** Дам из Монте-Карло: [Рассказ] / Довид Кнут. — С. 83–95.
219. **Струве М.А.** [Стихотв.:] Южные стихи («Все звенели осы золотые...») / М. Струве. — С. 95.
220. **Андреев В.Л.** Повесть об отце: (Окончание) / Вадим Андреев. — С. 96–115.
221. **Милюков П.Н.** Роковые годы: (Из воспоминаний). 8. Тюремный режим. — Революция «ширится», но не «углубляется». — Большевики формулируют новые задачи революции. — Колебания польского съезда. — Диапазон настроений к. д. перед образованием партии и мои реплики / П. Милюков. — С. 116–125.
222. **Шестов Л.И.** Памяти великого философа (Эдмунд Гуссерль) / Л. Шестов. — С. 126–145.
223. **[Вольский Н.В.]** Народный доход советского союза / Е. Юрьевский. — С. 146–165.
224. **Левин И.О.** Новая транс-иранская дорога и русские интересы / И.О. Левин. — С. 166–170.
225. **Берлин П.А.** Карл Каутский и русская революция / П. Берлин. — С. 171–177.

Хроника

226. **[Б.п.]** Поправки к Мюнхену. — С. 178–180.
227. **[Б.п.]** Важнейшие события: Ноябрь. — С. 181–183.
228. **[Адамович Г.В.]** Из мира литературы / Г. А. — С. 183–187.
228. **[Ратнер Е.В.]** Из «мира науки» / В. Ин. — С. 187–191.

Библиография

229. **[Андреев В.Л.]** [Рец. на кн.:] Рабинович Д. Сердце настуж: Стихи. Шанхай: Б.и., 1938; Львов Л. Венок: Стихи, 1937–1938. Париж: Б.и., 1938 / Сергей Осокин. — С. 192–193.

230. [Шерман С.Г.] [Рец. на кн.:] Осоргин М.А. Повесть о некоей девице: Старинные рассказы. Таллинн: Русская книга, 1938 / С. Савельев. — С. 193.
231. Бицилли П.М. [Рец. на кн.:] Шкловский В.Б. Заметки о прозе Пушкина. М.: Советский писатель, 1937 / П. Бицилли. — С. 194–195.
232. Вейдле В.В. [Рец. на кн.:] Rüdiger H. Wesen und Wandlung des Humanismus. Hamburg: Hoffmann & Campe, 1937 / В. Вейдле. — С. 195–196.
233. [Берхин М.Ю.] [Рец. на кн.:] Вишняк М.В. Доктор Вейцман. Париж: Б.и., 1939 / М. Бенедиктов. — С. 197–198.
234. [Яновский В.С.] [Рец. на кн.:] Щербинский Б.Н. Post Scriptum: [Роман]. Париж: Б.и., 1938 / В. Я-ский. — С. 198–199.
235. Вишняк М.В. [Рец. на кн.:] Halévy É. L'ère des tyrannies: Etudes sur le socialisme et la guerre. Paris: Gallimard, 1938 / М. Вишняк. — С. 199–200.
236. [Вишняк М.В.] [Рец. на журн.:] Wschód. Orient: Kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. Warszawa, 1938. Rok IX. № 2, 3 / М. В. — С. 200–202.
237. Марков А.П. [Рец. на кн.:] Reithinger A. Visage économique de l'Europe. Paris: Payot, 1937 / А. Марков. — С. 202–204.
238. [Николаевский Б.И.] [Рец. на кн.:] Blank R. Adolf Hitler, ses aspirations, sa politique, sa propagande et les "Protocoles des Sages de Sion". Paris: Beresniak, 1938 / Б. Н-ский. — С. 204–205.

1939. Январь. № 13

239. Алданов М.А. Могила воина: (Сказка о мудрости) / М. Алданов. — С. 3–65.
240. Таубер Е.Л. [Стихотв.:] «Канун войны. Беспамятство. Предел...» / Екатерина Таубер. — С. 65.
241. Крестовская Л.А. Черный ветер: [Роман: (Продолж.)] / Лидия Крестовская. — С. 66–104.
242. Головина А.С. [Стихотв.:] «Течение городской реки...» / Алла Головина. — С. 104.
243. Червинская Л.Д. [Стихотв.:] «Жить в трезвости и в созерцании...»; «Свободны мысли от гипноза...»; «Ни сил, ни надежд, ни желаний...» / Л. Червинская. — С. 105–106.
244. Шестов Л.И. Памяти великого философа (Эдмунд Гуссерль): [Оконч.] / Л. Шестов. — С. 107–116.

245. **Милюков П.Н.** Роковые годы: (Из воспоминаний). 9. Контуры кадетской конституции и партии к.-д. — Подготовка к открытию партии на сентябрьском съезде. — Политическая обстановка при открытии учредительного октябрьского съезда. — Мой вступительный доклад. — Отношение к Манифесту 17 октября. — Обыватель «литературного кружка» и Никитской улицы / П. Милюков. — С. 117–128.

246. **Когбетлиянц Э.** Влияют ли солнечные пятна на ход исторических событий? / Эрванд Когбетлиянц. — С. 129–146.

247. **Иванов Н.П.** Современная воздушная угроза тылам и населению и борьба с нею / Полк. Н. Иванов. — С. 147–158.

248. **Бассехес Н.** Польша и украинская проблема / Николай Бассехес. — С. 159–176.

249. **Воленберг Э.** Красная армия после «чистки» / Эрих Воленберг. — С. 177–182.

Хроника

250. [Б.п.] От Охотских берегов до Корсики. — С. 183–188.

251. [Б.п.] Мир и война на французском социалистическом съезде. — С. 188–189.

252. [Б.п.] Кого судили в процессе Плевицкой? — С. 189–191.

253. [Б.п.] Важнейшие события: Декабрь. — С. 191–193.

254. [Адамович Г.В.] Из мира литературы / Г. А. — С. 193–197.

Библиография

255. [Андреев В.Л.] [Рец. на кн.:] Сирин В. [Набоков В.В.]. Приглашение на казнь: Роман. Париж: Дом книги, 1938 / Сергей Осокин. — С. 198–199.

256. [Берхин М.Ю.] [Рец. на кн.:] Répin E. Le panaméricanisme. Paris: Armand Colin, 1938 / М. Бенедиктов. — С. 199–200.

257. **Вишняк М.В.** [Рец. на журн.:] Кавказ: Орган независимой национальной мысли. 1938. Ноябрь. № 11/50; Le Caucase: Organe de la pensée nationale indépendante: Revue mensuelle. 1938. Novembre. № 11/18 / М. Вишняк. — С. 200–201.

258. [Вольский Н.В.] [Рец. на кн.:] Варга Е. Капитализм и социализм за 20 лет. М.: Партиздат, 1938 / Е. Юрьевский. — С. 202–204.

259. **Берлин П.А.** [Рец. на кн.:] История всесоюзной коммунистической партии. М.: Госиздат, 1938 / П. Берлин. — С. 204–206.

260. **Левин И.О.** [Рец. на кн.:] Weill G. L'Europe de XIXe siècle et l'idée de nationalité. Paris: Albin Michel, 1938 / И.О. Левин. — С. 206–207.

1939. Февраль. № 14

261. [Набоков В.В.] Лик: (Рассказ) / В. Сиринов. — С. 3–27.
262. Закович Б.Г. [Стихотв.:] «Несправедливо мучимые роком...»; «Есть непонятная улада...»; «Я узнаю подчас на глубине...» / Б. Закович. — С. 27–28.
263. Крестовская Л.А. Черный ветер: [Роман:] (Оконч.) / Лидия Крестовская. — С. 29–72.
264. Присманова А.С. [Стихотв.:] Пепел (1. «Напрасно нас преследует язык...»; 2. «Кто простит нас влезать в глаза слепых?...»; 3. «Скорее на скале созреет нива...») / А. Присманова. — С. 73–74.
265. Мочульский К.В. «Повесть о капитане Картузове» Достоевского / К. Мочульский. — С. 75–98.
266. Н.А. Герцен (Отрывки неизданных писем) / Ред. [Предисл.] — С. 99–100; Родичев Ф.И. Вместо введения: (Из статьи Ф.И. Родичева о Герцене). — С. 101–103; [Герцен Н.А., Астракова Т.А.] [Письма Н.А. Герцена к Т.А. Астраковой и к М.К. Рейхель; письма Т.А. Астраковой к Н.А. Герцен; копия предсмертной записки Н.А. Герцена] — С. 104–119.
267. Милоков П.Н. Роковые годы: (Из воспоминаний). 10. 17 октября и личность Витте. — Витте и царь. — Витте и конъюнктура. — Витте и русская общественность. — Витте и делегация съездов. — Мой разговор с Витте. — Уступки ноябрьского съезда к.-д. / П. Милоков. — С. 120–134.
268. [Вольский Н.В.] Черты социальной эволюции советской деревни / Е. Юрьевский. — С. 135–152.
269. [Павловский М.Н.] Дальневосточная трагедия / Л. О. — С. 153–160.
270. Иванов Н.П. Современная воздушная угроза тылам и населению и борьба с нею: (Оконч.) / Полк. Н. Иванов. — С. 161–175.
271. Рапопорт Ю. К. Балканская проблема / Ю.К. Рапопорт. — С. 176–186.

Хроника

272. [Б.п.] Положение проясняется. — С. 187–192.
273. [Б.п.] Важнейшие события: Январь. — С. 193–195.
274. [Ратнер Е.В.] Из мира науки / В. Ин. — С. 195–198.

Библиография

275. [Андреев В.Л.] [Рец. на кн.:] Серебренникова А.Н., Серебренников И.И. Цветы китайской поэзии. Тяньцзинь: Изд. авт., 1938 / Сергей Осокин. — С. 199–200.
276. Вейдле В.В. [Рец. на кн.:] Газданов Г.И. История одного путешествия: Роман. Париж: Дом книги, 1938 / В. Вейдле. — С. 200–201.
277. Яновский В.С. [Рец. на кн.:] Kafka F. Le Château. Paris: Gallimard, 1938 / В.С. Яновский. — С. 201–202.

278. **Вишняк М.В.** [Рец. на кн.:] Suarez G. Briand. 2. Le faiseur de calme. 1904–1914. Paris: Plon, 1938 / М. Вишняк. — С. 202–204.

279. **Бицилли П.М.** [Рец. на кн.:] Seignobos Ch. Essai d'une histoire comparée des peuples de l'Europe. Paris: Rieder, 1938 / П. Бицилли. — С. 204–206.

280. **[Милоков П.Н.]** [Рец. на кн.:] Simpson J.H. The refugee problem. Report of a survey. London: Oxford University Press, 1939 / П. М. — С. 206.

281. **[Берхин М.Ю.]** [Рец. на кн.:] Demangeon A., Mauco G. Documents pour servir à l'étude des étrangers dans l'agriculture française. Paris: Hermann et Cie, 1939 / М. Б. — С. 207–208.

1939. Март. № 15

282. **Алданов М.А.** Могила воина: (Сказка о мудрости): [Продолж.] / М. Алданов. — С. 3–36.

283. **Андреев В.Л.** [Стихотв.:] Иней в лесу (1. Упавший лист [«Осенний вихрь им забавлялся вволю...»]; 2. Письмо [«Еще в тени белеет тонкий иней...»]; 3. Лесной пруд [«Угрюмый пруд в лесной, суровой чаще...»]; 4. Срубленный дуб [«Вот он упал, подмяв стволом орешник...»]) / Вадим Андреев. — С. 37–39.

284. **Яновский В.С.** Портативное бессмертие: Роман / В.С. Яновский. — С. 40–62.

285. **Струве М.А.** Стихи о Шевченко (1814–1939) (I. «Веет ветер из киргизской дали...»; II. «Петербург. Неземное величие...»; III. «— Милый брат, я слов своих не рушу...»; IV. «Есть в мире страшное слово — “поздно”...») / М. Струве. — С. 62–64.

286. **Евангулов Г.С.** Товарищ Ушаков: [Рассказ] / Георгий Евангулов. — С. 65–73.

287. **Вер А.** Хуа-Бау-Бау: [Рассказ] / Александр Вер. — С. 74–88.

288. **[Потресов С.В.]** Переоценка ценностей / Сергей Яблоновский. — С. 89–100.

289. **Милоков П.Н.** Роковые годы: (Из воспоминаний). 11. Процесс дифференциации партии к.-д. с друзьями и союзниками слева. — Разрыв с Союзом Освобождения. — Внутренние разногласия в Союзе: «благоразумные» и «буйные». — Лутугин и Соколов. — Мотивировка отхода от «кадетов». — «Суд». — К.-д. и народ. — Мои отношения к Союзу Союзов. — Его полевение и переустройство в октябрьские дни / П. Милоков. — С. 101–112.

290. **[Юделевский Я.Л.]** Кризисы идеи прогресса / Ю. Делевский. — С. 113–130.

291. **Лосский Н.О.** Лев Шестов как философ / Н. Лосский. — С. 131–146.

292. [Раппопорт А.Ю.] Поворот к интеллигенции / Л. Торопецкий. — С. 147–157.
293. Марков А.П. Что получит Германия в случае овладения Югом России? / А. Марков. — С. 158–174.

Хроника

294. [Б.п.] Меры предосторожности. — С. 175–181.
295. [Б.п.] Важнейшие события: Февраль. — С. 181–183.
296. [Адамович Г.В.] Из мира литературы / Г. А. — С. 184–190.
297. Вейдле В.В. Из жизни искусства / В. Вейдле. — С. 190–194.

Библиография

298. [Андреев В.Л.] [Рец. на кн.:] Ладинский А.П. Пять чувств: Четвертая книга стихов. Париж: YMCA-Press, [1938] / Сергей Осокин. — С. 195–196.
299. Газданов Г.И. [Рец. на кн.:] Одоевцева И.В. Зеркало: Роман. Брюссель: Петрополис, 1939 / Г. Газданов. — С. 196–197.
300. Яновский В.С. [Рец. на кн.:] Осоргин М.А. Происшествия зеленого мира. София: Б.и., 1938 / В.С. Яновский. — С. 197–198.
301. Вейдле В.В. [Рец. на кн.:] Mahler E. Michail Nesterow, ein Maler des gläubigen Russlands. Luzern: Vita Nova Verlag, 1938 / В. Вейдле. — С. 198–199.
302. Швыров А.В. [Рец. на кн.:] Littlepage J.D. In search of soviet gold. New York: Harcourt Brace, 1938 / А. Швыров. — С. 199–200.
303. Николаевский Б.И. [Рец. на кн.:] Архів Михайла Драгоманова. Т. 1. Листування Київської Старої Громади з М. Драгомановим (1870–1895 р.). Варшава: Украинский Научный Институт, 1938 / Б. Николаевский. — С. 200–203.
304. Вишняк М.В. [Рец. на кн.:] La bataille pour la paix. Messages, déclarations et discours des chefs de gouvernement. Principaux documents officiels. Paris: Impr. du “Temps”, 1938; La crise internationale de septembre 1938. Paris: Joue, 1938 (Cahiers d’informations françaises; № 1); Lavergne B. Munich, déroute de la France et des démocraties. Paris: F. Alcan, 1938 / М. Вишняк. — С. 203–205.
305. Берлин П.А. [Рец. на кн.:] Озолс К.В. Мемуары посланника. Париж: Дом книги, 1938 / П. Берлин. — С. 205–206.

1939. Апрель. № 16

306. [Вишняк М.В.]⁵ П.Н. Милокову ко дню его 80-летия / «Русские письма». — С. 3.
307. Алданов М.А. Могила воина: (Оконч.) / М. Алданов. — С. 5–59.
308. Гингер А.С. [Стихотв.:] «Эстафетный бег являет взором...» / Александр Гингер. — С. 59–61.
309. Газданов Г.И. Вечерний спутник: [Рассказ] / Гайто Газданов. — С. 62–89.
310. Ладинский А.П. Стихи (1. «Я думал: жалкий человек...»; 2. «Все тяжелее с каждым годом воз...»; 3. «Как две планеты, — два огромных мира...») / Ант. Ладинский. — С. 90–92.
311. Зайцев Б.К. «Чайка» [А.П. Чехова] / Бор. Зайцев. — С. 93–97.
312. [Манухина Т.И.] Е.И. Замятин / Т. Таманин. — С. 98–108.
313. Бенуа А.Н. Воспоминания о балете. 1. Мир искусства / Александр Бенуа. — С. 109–126.
314. Милоков П.Н. Роковые годы: (Из воспоминаний). 12. Тактика Троцкого. — Происхождение «Совета рабочих депутатов» и переход его в руки с. д. — Мое первое газетное крещение и отклики «Биржевки», превращенной в орган к. д. — Отклики на московское вооруженное восстание. — Подготовка избирательного закона 11 декабря. — Мои первые процессы печати. — Лейтенант Шмидт / П. Милоков. — С. 127–139.
315. Дубнов С.М. Пробуждение мировой совести и участь еврейства (К 150-летию великой французской революции) / С. Дубнов. — С. 140–147.
316. [Вольский Н.В.] О третьей пятилетке / Е. Юрьевский. — С. 148–164.
317. Берлин П.А. Тоталитарная экономика / П. Берлин. — С. 165–177.
318. Лазерсон М.Я. Временное правительство и права национальностей / Проф. М. Лазерсон. — С. 178–187.

Хроника

319. [Б.п.] «Дух Мюнхена умер» (?). — С. 188–194.
320. [Б.п.] Важнейшие события: Март. — С. 195–198.

Библиография

321. [Андреев В.Л.] [Рец. на кн.:] Адамович Г.В. На Западе: [Стихи]. Париж: Дом книги, 1939 / Сергей Осокин. — С. 199–200.
322. [Андреев В.Л.] [Рец. на кн.:] Емельянов В.Н. Свидание Джима: Роман. Париж: Дом книги, 1939 / Х. Попов. — С. 200.

⁵ См. в письме М.В. Вишняка к М.Н. Павловскому от 15 февраля 1939 г.: «будьте добры просмотреть прилагаемое письмо-адрес, который я составил от имени “Русск[их] зап[исок]”» (Hoover Institution Archives. Mark V. Vishniak papers. Box 8. F. 62).

323. **Яновский В.С.** [Рец. на кн.:] Зайцев Б.К. Москва. Париж: Русские записки, 1939 / В. С. Я. — С. 200–201.

324. **Бицилли П.М.** [Рец. на кн.:] Лежнев А.З. Проза Пушкина. М.: Гослитиздат, 1937 / П. Бицилли. — С. 201–202.

325. **Полонский Я.Б.** Южно-русская помпея [Рец. на кн.: Белов Г.Д. Раскопки Херсонеса в 1934 году. Симферополь: Гос. изд-во Крым. АССР, 1936; Белов Г.Д. Музей и раскопки Херсонеса: Путеводитель. Симферополь: Гос. изд-во Крым. АССР, 1936; Жебелев С.А. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1938; Херсонесский сборник. Севастополь: Херсонесский музей, 1926–193. Вып. 1–3] Як. Б. Полонский. — С. 203–205.

326. **Б. Г-р.** [Рец. на кн.:] Muret M. Grandeur des élites. Paris: Albin Michel, 1939 / Б. Г-р. — С. 205–206.

327. **Вишняк М.В.** [Рец. на кн.:] Sidobre A. Les problèmes ukrainiens et la paix européenne. Paris: Jouve, 1939 (Cahiers d'informations françaises; № 2) / М. Вишняк. — С. 206–207.

1939. Май. № 17

328. **Зайцев Б.К.** Гофмейстер [Рассказ] / Бор. Зайцев. — С. 3–9.

329. **Евангулов Г.С.** [Стихотв.:] «Уж пала на небо вечерняя роса...» / Георгий Евангулов. — С. 9.

330. **Пиотровский В.Л.** [Стихотв.:] «Непрочное апрельское тепло...» / Вл. Пиотровский. — С. 10–11.

331. **Андреев В.Л.** Художник Ершов: [Рассказ] / Вадим Андреев. — С. 12–31.

332. **Ставров П.С.** [Стихотв.:] «За стеной мы как в крепости оба...»; «Крутится, вертится шар голубой...» / П. Ставров. — С. 32.

333. **Яновский В.С.** Портативное бессмертие: Роман: [Продолж.] / В.С. Яновский. — С. 33–74.

334. **Прегель С.Ю.** [Стихотв.:] «Поезда войсковые шипели...»; «Угрюмого неба милость...» / София Прегель. — С. 75–76.

335. **Бенуа А.Н.** Воспоминания о балете. 2. «Павильон Армиды» / Александр Бенуа. — С. 77–105.

336. **Милюков П.Н.** Роковые годы: (Из воспоминаний). 14 [так!]. Положение в начале 1906 года. — Настроения партий перед выборами. — Партия к. д. на втором съезде. — Неожиданный успех на выборах. — Третий съезд к. д. — «Холодный расчет» и горячие настроения. — Для разъезда. — «Основные законы» / П. Милюков. — С. 106–120.

337. **Ростовцев М.И.** Эллинский мир и вера в загробную жизнь / М.И. Ростовцев. — С. 121–141.

338. [Раппопорт А.Ю.] От диктатуры партии к единодержавию (Итоги 18-го съезда ВКП) / Л. Торопецкий. — С. 142–154.

339. Иванов Н.П. Что и как должно быть подготовлено в каждом доме на случай внезапного воздушного нападения? / Н. Иванов. — С. 155–165.

340. Неманов Л.М. Сербо-хорватская проблема / Л. Неманов. — С. 166–180.

341. [Милюков П.Н.] Драма русского гения: [М.П. Мусоргский] / П. М. — С. 181–186.

Хроника

342. [Б.п.] Расстановка фигур. — С. 187–193.

343. [Б.п.] Важнейшие события: Апрель. — С. 193–196.

344. Бицилли П.М. По поводу писем Н.А. Герцен / П. Бицилли. — С. 196–198.

Библиография

345. [Андреев В.Л.] [Рец. на кн.:] Туроверов Н. Стихи. Безансон: Б.и., 1939; Хандрова Л. Стулени: Стихи 1931–1938 гг. Харбин: Изд. В.В. Плотникова, 1939; Ачаир А. Тропы: Стихи. Харбин: Изд. В.В. Плотникова, 1939; Жемчужный А. Северные отблески: 3-я книга стихов. Тяньцзинь: Б.и., 1938 / Сергей Осокин. — С. 199–200.

346. [Вейдле В.В.] [Рец. на кн.:] Belloc H. Pour mieux comprendre l'Angleterre contemporaine. Paris: Desclée de Brouwer, [1939] / В. В. — С. 200–201.

347. [Вишняк М.В.] [Рец. на кн.:] Grzesinski A. Inside Germany. New York: Dutton, 1939 / М. В. — С. 201–202.

348. Швыров А.В. [Рец. на кн.:] Beals C. The coming struggle for Latin America. Philadelphia: Lippincott, 1938 / А. Швыров. — С. 202–204.

349. [Вакар Н.П.] [Рец. на кн.:] Barmine A. Vingt ans au service de l'URSS: (Souvenirs d'un diplomate soviétique). Paris: Albin Michel, 1939 / Н. П. В. — С. 204–205.

350. Вишняк М.В. [Рец. на кн.:] Еврейский мир: Ежегодник на 1939 год. Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, 1939 / М. Вишняк. — С. 205–207.

351. [Вольский Н.В.] [Рец. на кн.:] Финансы и кредит СССР: Учебное пособие для финансово-экономических институтов. М., 1938 / Е. Юрьевский. — С. 207–208.

1939. Июнь. № 18

352. Газданов Г.И. Полет: [Роман] / Гайто Газданов. — С. 3–61.

353. Пиотровский В.Л. [Стихотв.:] День («Нас обошли и жали с тыла...») / Вл. Пиотровский. — С. 61.

354. **Матусевич И.А.** Опустошение: [Рассказ] / Иосиф Матусевич. — С. 62–84.
355. **Ачаир А.** Стихи одного дня: Стихи без слов («Ни слова о тайне...»); Золотая пряд; («Я только поэт, не купец и не нищий...»); Птичка («Много есть прекрасного на свете...»); Черный лебедь («Черный лебедь, черный лебедь...») / Алексей Ачаир. — С. 85–88.
356. **Бенуа А.Н.** Воспоминания о балете. 3. Русские балеты в Париже / Александр Бенуа. — С. 89–110.
357. **Милюков П.Н.** Роковые годы: (Из воспоминаний). 15. Противуположные оценки первой Думы. — Моя роль в Думе. — Кокошкин и Винавер. — Беседы с крестьянами-трудовиками. — Аладьин. — Критика автономистов. — Опасная тактика большевиков и моя поддержка меньшевиков в полемике с ними / П. Милюков. — С. 111–121.
358. **Паскаль П.** По следам протопопы Аввакума в СССР / П. Паскаль. — С. 122–140.
359. **Ремизов А.М.** [Послесловие к статье П. Паскаля] / Алексей Ремизов. — С. 140.
360. **Вейдле В.В.** Тютчев и Россия / В. Вейдле. — С. 141–157.
361. **Гурвич Г.Д.** Социологическое наследие Л. Леви-Брюля / Г.Д. Гурвич. — С. 158–170.
362. **Бассехес Н.** Внешняя политика советского союза / Николай Бассехес. — С. 171–180.

Хроника

363. **[Б.п.]** Переход инициативы. — С. 181–189.
364. **[Б.п.]** Важнейшие события: Май. — С. 189–193.

Библиография

365. **[Андреев В.Л.]** [Рец. на кн.:] Гингер А.С. Жалоба и торжество. Третья книга стихов. Париж: Дом книги, 1939 / Сергей Осокин. — С. 194–195.
366. **Вейдле В.В.** [Рец. на кн.:] Бунин И.А. Жизнь Арсеньева: Роман. II. Лица. Брюссель: Петрополис, [1939] / В. Вейдле. — С. 195–196.
367. **Бицилли П.М.** [Рец. на кн.:] Алданов М.А. Начало конца. Ч. 1. Париж; [Шанхай]: Русские записки, 1939 / П. Бицилли. — С. 196–198.
368. **[Яновский В.С.]** [Рец. на кн.:] Ходасевич В.Ф. Некрополь: Bruxelles: Les Editions Petropolis, 1939 / В. С. Я. — С. 198–199.
369. **Даманская А.Ф.** [Рец. на кн.:] Diebold V. Das Reich ohne Mitte: Roman. Zürich [et al.]: Oprecht, 1938 / А. Даманская. — С. 199–200.
370. **Бицилли П.М.** [Рец. на кн.:] Oudiette J. L'opinion américaine et la France. Paris: Hartmann, 1938 / П. Бицилли. — С. 201.
371. **[Вишняк М.В.]** [Рец. на журн.:] Oifn Scheideweg. Au Carrefour: Cahiers publiés sous la direction de E. Tsherikower et I. Jefroykin. Paris, 1939. № 1. Avril / М. В. — С. 201–203.

372. [Вольский Н.В.] [Рец. на кн.:] Piettre A. La politique du pouvoir d'achat devant les faits: expérience américaine et expérience française. Paris: Librairie de Médicis, 1938 / Е. Юрьевский. — С. 203–204.

373. Б. Г-р. [Рец. на кн.:] Labrouquère A. Capitalisme japonais. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1939 / Б. Г-р. — С. 205–206.

374. [Бицилли П.М.] [Рец. на кн.:] Reed D. Insanity Fair. London: Jonathan Cape, 1938 / М. К. — С. 206–207.

375. Берлин П.А. [Рец. на кн.:] Документы великой пролетарской революции. Т. 1 / Под ред. И. Минца. М: Гос. изд-во «История гражданской войны», 1938 / П. Берлин. — С. 207–208.

1939. Июль. № 19

376. Ремизов А.М. Лунатики: [Рассказ] / Алексей Ремизов. — С. 3–12.

377. Андреев В.Л. [Стихотв.:] Счастье (I. «Мой невод заброшен смоленый...»; II. «Я в море сегодня не вышел...»; III. «Вдоль тинистых, топких излучин...»; IV. «Шумела в ночи непогода...»; V. «И ночь опустилась как камень...») / Вадим Андреев. — С. 13–16.

378. Газданов Г.И. Полет: [Роман] / Гайто Газданов. — С. 17–62.

379. Светланин М. Два стихотворения («Вот и скрылись солнечные горы...»; «На юг не пройти — на юге тайга...») / Мих. Светланин. — С. 63.

380. Евангулов Г.С. Пчеловод: Рассказ / Георгий Евангулов. — С. 64–77.

381. Барт С. [Стихотв.:] «Из пустоты, из темноты...»; «Тобой жил. Тобой болел...» / С. Барт. — С. 77–78.

382. Бенуа А.Н. Воспоминания о балете. 4. Петрушка / Александр Бенуа. — С. 79–103.

383. Милюков П.Н. Роковые годы: (Из воспоминаний). 16. Конечная думской «идиллии». — «Адрес» Думы, ответ Горемыкина и думская резолюция «недоверия». — Роспуск или «кадетское министерство»? — Моя беседа с Д.Ф. Треповым; мои условия и его план. — Моя беседа с Ермоловым. — Министерский список Трепова. — Колебания царя и роль В.Н. Коковцева. — Моя беседа со Столыпиным. — [А.]П. Извольский. — Решение царя. — Вопрос о роспуске Думы вступает в последнюю фазу / П. Милюков. — С. 104–120.

384. Бассехес Н. Исчезнувшие советские дипломаты / Николай Бассехес. — С. 121–138.

385. [Вольский Н.В.] Крестьянин, колхоз и государство / Е. Юрьевский. — С. 139–156.

386. Вишняк М.В. Перечитывая Гитлера... / М.В. Вишняк. — С. 157–166.

387. **Иванов Н.П.** Что и как должно быть подготовлено в каждом доме на случай внезапного воздушного нападения? 2. — Для борьбы сильных / Полк. Н.П. Иванов. — С. 167–178.

388. **Алданов М.А.** В.Ф. Ходасевич: [Некролог] / М. Алданов. — С. 179–185.

Хроника

389. [Б.п.] Бег на месте. — С. 186–195.

390. [Б.п.] Важнейшие события: Июнь. — С. 195–198.

391. [Б.п.] «Мирные» завоевания Гитлера. — С. 199.

Библиография

392. [Андреев В.Л.] [Рец. на кн.:] Амари (М. Цетлин). Кровь на снегу: (Стихи о декабристах). Париж: Дом книги; Современные записки, 1939 / Сергей Осокин. — С. 200.

393. [Сосинский В.Б.] [Рец. на кн.:] Замятин Е.И. Бич Божий: Роман. Париж: Дом книги, [1938] / Б. С. — С. 200–202.

394. **Бицилли П.М.** [Рец. на кн.:] Оцуп Н.А. Беатриче в аду: Роман. Париж: Дом книги, 1939 / П. Бицилли. — С. 202–203.

395. **Яновский В.С.** [Рец. на кн.:] Гущик В.Е. Забытая тропа: Четвертый сборник рассказов. Берлин: Петрополис, [1939] / В. С. Я. — С. 203–204.

396. **Вейдле В.В.** [Рец. на кн.:] Рерих: [Альбом]. Ч. 1 / Текст: В.Н. Иванов, Э.Ф. Голлербах. Rīgā: Rēriča muzejs, 1939 / В. В. — С. 204.

397. **Рапопорт Ю. К.** Истоки национал-социализма [Рец. на кн.:] Vermeil E. Doctrinaires de la révolution allemande. Paris: Fernand Sorlot, 1938] / Ю. Р. — С. 204–206.

398. **В. Д–н.** [Рец. на кн.:] Suarès A. Vues sur l'Europe. Paris: Grasset, 1939 / В. Д–н. — С. 206–207.

1939. Август–Сентябрь. № 20–21

399. **Газданов Г.И.** Полет: [Роман: Продолж.] / Гайто Газданов. — С. 3–62.

400. **Одоевцева И.В.** [Стихотв.:] «Жизнь моя — вечная тяжба с судьбой...»; «Из счастья не вышло ничего...» / Ирина Одоевцева. — С. 63.

401. **Присманова А.С.** [Стихотв.:] Шарлотта Бронте («К погостам Англии подходят сливы...») / Анна Присманова. — С. 64–65.

402. **Федоров А.М.** Жемчужина: [Рассказ] / А. Федоров. — С. 66–79.

403. **Кнорринг И.Н.** [Стихотв.:] «С каждым годом — все дальше и дальше...»; «Мне холодно. Мне хочется согреться...»; «Я — человек второго сорта...» / Ирина Кнорринг. — С. 79–81.

404. **Бенуа А.Н.** Воспоминания о балете. 5. Заключение / Александр Бенуа. — С. 82–95.

405. **Миллюков П.Н.** Роковые годы: (Из воспоминаний). 17. Столыпин приглашает Шипова возглавить кабинет роспуска. — Шипов защищает перед царем кадетский кабинет Муромцева и Миллюкова. — Неделя оптимизма и поворот 4 июня. — Моя попытка предупредить аграрное обращение Думы. — Зигзаги и слухи. — Моя роль в Выборгском манифесте. — Депутаты в Выборге / П. Миллюков. — С. 96–111.

406. **Гольденвейзер А.А.** Американский нейтралитет (Письмо из Нью-Йорка) / А.А. Гольденвейзер. — С. 112–121.

407. **[Вольский Н.В.]** От национального хозяйства к мировому / Е. Юрьевский. — С. 122–132.

408. **Вишняк М.В.** 1780 — 1917 — 1939 / М. Вишняк. — С. 133–145.

409. **[Берлин П.А.]** Тайная экономика (К 20-летию монополии внешней торговли) / П. Карин. — С. 146–159.

410. **Гейден К.** Несчастный человек (Портрет Адольфа Гитлера) / Конрад Гейден. — С. 160–170.

411. **Бицилли П.М.** Пушкин и Россия в польском литературоведении / П. Бицилли. — С. 171–178.

Хроника

412. **[Б.п.]** Перед войной (Словесная дуэль и решительные шаги). — С. 179–195.

413. **[Б.п.]** Важнейшие события: Июль; Август. — С. 195–199.

Библиография

414. **[Андреев В.Л.]** [Рец. на кн.:] Прегель С.Ю. Полдень: Третья книга стихов. Париж: Дом книги; Современные записки, 1939; Вега М. Мажор в миноре. Париж: Товарищество объединенных издателей, 1938; Никонов И. Путешествие на Джербу: Стихи. Париж: Société Parisienne d'Impressions, 1939 / Сергей Осокин. — С. 200–201.

415. **[Сосинский В.Б.]** [Рец. на кн.:] Гефтер А.А. Игорь и Марина: Роман. Bruxelles: Petropolis, 1939 / Б. С. — С. 201–202.

416. **[Яновский В.С.]** [Рец. на кн.:] Максимов С.К. Чудо Рюмина: Роман. Париж: Дом книги, 1939 / В. С. Я. — С. 202.

417. **[Лецинский Я.?] [Рец. на кн.:] Мережковский Д.С. Данте.** Bruxelles: Petropolis, 1939. Т. 1–2 / Я. Л. — С. 203–204.

418. **В. Д–н.** [Рец. на кн.:] Duhamel G. Mémorial de la Guerre blanche 1938. Paris: Mercure de France, 1939 / В. Д–н. — С. 204–205.

419. **[Вишняк М.В.]** [Рец. на кн.:] Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938 / М. В. — С. 205–207.

420. **Берлин П.А.** [Рец. на кн.:] Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М: Госпланиздат, 1939 / П. Берлин. — С. 207–208.

**Указатель имен к росписи содержания
журнала «Русские записки»**

- Аввакум Петров (1620–1682) 358
 Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) 78
 Адамович Георгий Викторович (псевд. Г.А.; 1892–1972) 36, 90, 135, 228, 254, 296, 321
 Аладьин Алексей Федорович (1873–1927) 357
 Алданов (наст. фам. Ландау) Марк Александрович (1886–1957) 2, 68, 98, 124, 146, 181, 239, 282, 307, 367, 388
 Алексеев Николай Николаевич (1879–1964) 57
 Андреев Вадим Леонидович (псевд. Сергей Осокин; Х. Попов; 1902–1976) 86, 106, 130, 151, 171, 180, 195, 204, 220, 229, 255, 275, 283, 298, 321, 322, 331, 345, 365, 377, 392, 414
 Анненков Юрий Павлович (псевд. Борис Темиряев; 1889–1974) 45
 Астракова Татьяна Алексеевна (1814–1892) 266
 Ачаир (наст. фам. Грызлов) Алексей Алексеевич (1896–1960) 345, 355
- Б. Г–р 326, 373**
 Байков Александр Михайлович (1899–1963) 163
 Барт С. (наст. Соломон Веньяминович Копельман; ок. 1885–1941) 381
 Бассехес Николай (Nikolaus Basseches; 1895–1961) 176, 248, 362, 384
 Белов Григорий Дмитриевич (1898–1979) 325
 Белоцветов Николай Николаевич (1892–1950) 103
 Белый Андрей (наст. имя Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934) 90, 126
 Бем Альфред Людвигович (1886–1945) 160
 Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) 111, 313, 335, 356, 382, 404
 Берберова Нина Николаевна (1901–1993) 184
 Бердяев Николай Александрович (1874–1948) 10, 55
 Берлин Павел Абрамович (псевд. П. Карин; 1877–1962) 38, 109, 140, 164, 211, 225, 259, 304, 317, 374, 409, 420
 Берхин Михаил Юрьевич (псевд. М. Бенедиктов; М. Б.; 1885–1952) 97, 123, 141, 233, 256, 281
 Бицилли Петр Михайлович (псевд. М. К.; 1879–1953) 75, 95, 117, 160, 183, 206, 231, 279, 324, 344, 367, 370, 374, 394, 411
 Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) 3, 75, 366
- В. Д–н 398, 418**
 Вакар Николай Платонович (псевд. Н. П. В.; 1894–1970) 349
 Варга Евгений Самойлович (1879–1964) 258
 Вега Мария (Мария Николаевна Ланг (Нижерадзе); урожд. Вольтинцева; 1898–1980) 414
 Вейдле Владимир Васильевич (псевд. В. В.; 1895–1979) 138, 175, 205, 232, 276, 297, 301, 346, 360, 366, 396
 Вейцман Хаим (1874–1952) 233
 Вер Александр 287
 Винавер Максим Моисеевич (1863–1926) 357
 Витте Сергей Юльевич (1849–1915) 267
 Вишняк Марк Вениаминович (псевд. М. В.; 1883–1976) 14, 76, 77, 118, 139, 162, 185, 207, 233, 235, 236, 257, 278, 304, 306, 327, 347, 350, 371, 386, 408, 419
 Волленберг Эрих (Erich Wollenberg; 1892–1973) 249
 Волков Б. 25
 Вольский Николай Владиславович (псевд. Е. Юрьевский; Е. Ю–ский; 1879–1964) 69, 119, 134, 223, 258, 268, 316, 351, 372, 385, 407
- Газданов Гайто (Георгий Иванович; 1903–1971) 100, 181, 192, 276, 299, 309, 352, 378, 399
 Гальский Владимир Львович (1908–1961) 147
 Гар Роже Мартэн дю (Roger Martin du Gard; 1881–1958) 68
 Гейден Конрад (Konrad Heiden; 1901–1966) 410
 Герцен Александр Иванович (1812–1870) 266

- Герцен Наталия Александровна (1844–1936) 266, 344
Гефтер Александр Александрович (1885–1956) 415
Гингер Александр Самсонович (1897–1965) **308, 365**
Гиппиус (в замуж. Мерещковская) Зинаида Николаевна (псевд. Антон Крайний; 1869–1945) **26, 54, 180**
Гитлер Адольф (Adolf Hitler; 1889–1945) 238, 386, 391, 410
Голенищев-Кутузов Илья Николаевич (1904–1969) **169, 217**
Голлербах Эрих Федорович (1895–1942) 396
Головина (урожд. баронесса Штейгер) Алла Сергеевна (1909–1987) **242**
Гольденвейзер Алексей Александрович (1890–1979) **406**
Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) 383
Горький Максим (наст. имя Алексей Максимович Пешков; 1868–1936) 196
Гребенщиков Игорь Сергеевич (1912–1986) **127**
Гроссе Лев Викторович (1906 — после 1950) **148**
Грузенберг Оскар Осипович (1866–1940) 96
Гурвич Георгий Давыдович (1894–1965) **361**
Гуссерль Эдмунд (Edmund Husserl; 1859–1938) 222, 244
Гущик Владимир Ефимович (1892–1947) 395
- Давыдов Константин Николаевич (1877–1960) **9, 35**
Даманская Августа Филипповна (1875–1959) **369**
Данте (Dante Alighieri; 1265–1321) 20, 43, 417
Добровольский С. **59**
Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) 33, 160, 265
Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895) 303
Друбнов Семен Маркович (1860–1941) **315**
Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) 89
- Евангулов Георгий Сергеевич (Саркисович; 1894–1967) **286, 329, 380**
Евзеров (Эйзер) Александр Эммануилович (псевд. Ал. Э.; 1895–1973) **208**
Емельянов Виктор Николаевич (1899–1963) 322
Ермолов Алексей Сергеевич (1847–1917) 383
- Жебелев Сергей Александрович (1867–1941) 325
Жемчужный Александр Александрович (1882–1976) 345
- Зайцев Борис Константинович (1881–1972) 95, **126, 311, 323, 328**
Закович Борис Григорьевич (1907–1995) **262**
Замятин Евгений Иванович (1884–1937) 312, 393
Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) 7, **16, 37**
Зуров Леонид Федорович (1902–1971) **24**
- И. Ф. **19**
Иванов Всеволод Никанорович (1888–1971) 396
Иванов Николай Петрович (1877–1964) **247, 270, 339, 387**
Извольский Александр Петрович (1856–1919) 383
- Каутский Карл (Karl Kautsky; 1854–1938) 225
Кельберин Лазарь Израилевич (1907–1975) **6**
Керенский Александр Федорович (1881–1970) **58**
Кнорринг Ирина Николаевна (1906–1943) **63, 104, 193, 403**
Кнут Довид (наст. имя Давид Миронович Фиксман; 1900–1955) **5, 64, 87, 131, 184, 218**
Когбетлиянц Эрванд (Ervand Kogbetliantz; 1888–1974) **246**
Кокорцев (Кокорцов) Владимир Николаевич (1853–1943) 383
Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) 357
Костецкий Владимир Григорьевич (1900–1962) **81**
Крестовская (урожд. Ратнер) Лидия Александровна (Альбертовна; 1889–1957) **212, 241, 263**

- Кроткова (в замуж. Франкфурт) Христина (Кристина) Павловна (1904–1965) **129**
 Крыжановский Сергей Ефимович (1863–1935) **161**
 Кузьмина-Караваева (урожд. Пилленко, во втором браке Скобцова) Елизавета Юрьевна
 (в монашестве мать Мария; с подп.: Монахиня Мария; Мон. Мария; 1891–1945) **48, 198**
 Курприн Александр Иванович (1870–1938) **165**
 Кускова (урожд. Есипова, в замуж. Ювеналиева, затем Прокопович) Екатерина Дмитриевна
 (1869–1958) **154**
- Ладинский Антонин Петрович (1896–1961) **4, 23, 47, 65, 82, 205, 298, 310**
 Лазерсон Максим Яковлевич (1887–1951) **201, 318**
 Леви-Брюль Люсьен (Lucien Lévy-Bruhl; 1857–1939) **361**
 Левин Исаак Осипович (1876–1944) **155, 188, 224, 260**
 Лежнев Абрам Захарович (1893–1938) **324**
 Лещинский Яков (Jacob Lestchinsky; псевд. Я. Л.[?]; 1876–1966) **199, 417**
 Лидин Н. **18, 42**
 Литвин Яков Л. (1897–1984) **153**
 Лифарь Сергей Михайлович (1905–1986) **67, 89, 108, 173**
 Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) **291**
 Лутугин Леонид Иванович (1864–1915) **289**
 Львов Лоллий Иванович (1888–1967) **229**
- Макеев Александр Николаевич (псевд. А. Сотников; ? — 1962) **145**
 Максимов Сергей К. (1917–1967) **416**
 Мамченко Виктор Андреевич (1901–1982) **27**
 Мандельштам Юрий Владимирович (1908–1943) **28**
 Манухина Татьяна Ивановна (псевд. Т. Таманин; 1885–1962) **196, 312**
 Марков Александр Порфирьевич (1886–1973) **237, 293**
 Матусевич Иосиф Александрович (1878 — не ранее 1940) **215, 354**
 Меди Николай Петрович (1901–?) **17**
 Мейснер Дмитрий Иванович (1899–1980) **110**
 Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941) **20, 43, 206, 417**
 Милоков Павел Николаевич (псевд. М.; П. М.; 1859–1943) **60, 66, 71, 88, 92, 107, 115, 116, 120, 121, 122, 132, 142, 143, 152, 161, 165, 174, 186, 187, 197, 209, 210, 221, 245, 267, 280, 289, 306, 314, 336, 341, 357, 383, 405**
 Минц Исаак Израилевич (1896–1991) **375**
 Мочульский Константин Васильевич (1892–1948) **265**
 Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) **405**
 Мусоргский Модест Петрович (1839–1881) **341**
- Набоков Владимир Владимирович (псевд. В. Сирин; 1899–1977) **21, 62, 144, 182, 189, 255, 261**
 Наполеон (Napoléon Bonaparte; 1769–1821) **419**
 Неманов Лев Моисеевич (1873–1952) **340**
 Несмелов Арсений (наст. имя Арсений Иванович Митропольский; 1889–1945) **8**
 Нижинский Вацлав Фомич (1889–1950) **108**
 Николаевский Борис Иванович (псевд. Б. Н-ский; 1887–1966) **238, 303**
 Никонов Илья **414**
- Одоевцева Ирина Владимировна (наст. имя Ираида Густавовна Гейнике; 1895–1990) **299, 400**
 Озолс Карл Вильямович ((Kārlis Ozols; 1882–1941) **305**
 Осоргин (наст. фам. Ильин) Михаил Андреевич (1878–1942) **11, 102, 125, 166, 230**
 Остроумов Борис Васильевич (1879–1944) **41**
 Оцуп Георгий Авдеевич (псевд. Георгий Раевский; 1897–1963) **83**
 Оцуп Николай Авдеевич (1894–1958) **394**
- Павловский Михаил Наумович (псевд. Л. О.; Л.; 1889–1963) **72, 79, 136, 269**
 Паскаль Пьер (Pierre Pascal; 1890–1983) **358, 359**
 Петрищев Афанасий Борисович (1872–1951) **73, 96**

- Пиотровский (Корвин-Пиотровский) Владимир Львович (1891–1966) **330, 353**
 Плевницкая Надежда Васильевна (1884–1940) 252
 Полидоров Константин Порфирьевич (псевд. К. П.; 1882–1960) **113**
 Полонский Яков Борисович (1892–1951) **325**
 Поляков (псевд. Поляков-Литовцев) Соломон Львович (1875–1945) **91**
 Поплавский Борис Юлианович (1903–1935) 204
 Португейс Семен Осипович (псевд. Ст. Иванович; 1880–1944) **12, 39, 116**
 Постников Сергей Порфирьевич (1883–1965) 120
 Потресов Александр Николаевич (1869–1934) 116
 Потресов (псевд. Яблоновский) Сергей Викторович (1870–1953) **288**
 Прегель София Юльевна (1894–1972) **128, 216, 334, 414**
 Присманова (наст. фам. Присман) Анна Семеновна (в замуж. Гингер; 1892–1960) **264, 401**
 Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742–1775) 34
 Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) 34, 231, 411
- Рабинович Давид Михайлович (1899–1979) 229
 Разин Степан Тимофеевич (1630–1671) 31
 Рапопорт (Раппопорт) Юрий Константинович (псевд. Ю. Р.; 1893–1972) **271, 397**
 Раппопорт Александр Юрьевич (псевд. Л. Торопецкий; 1879–1973) **93, 177, 292, 338**
 Ратгауз Татьяна Даниловна (1909–1993) **105, 191**
 Ратнер Евсей Владимирович (псевд. В. Ин.; 1893–1970), **228, 274**
 Рейхель Мария Каспаровна (1823–1916) 266
 Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) **359, 376**
 Рерих Николай Константинович (1874–1947) 396
 Родичев Федор Измайлович (1854–1933) **266**
 Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) **52, 337**
 Рябинин Роман **214**
- Светланин Михаил **379**
 Серебrenников Иван Иннокентьевич (1882–1953) 275
 Серебrenникова Александра Николаевна (1883–1975) 275
 Славик Ян (Jan Slavik; 1885–1978) 120
 Славинский Максим Антонович (1868–1945) 210
 Смагин Борис **149**
 Смоленский Владимир Алексеевич (1901–1961) **180**
 Соколов Николай Дмитриевич (1870–1928) 289
 Сосинский Владимир Брониславович (псевд. Б. С.; 1900–1987) **393, 415**
 Софиев (наст. фам. Бек-Софиев) Юрий Борисович (1900–1975) **7, 84, 194**
 Ставров Перикл Ставрович (1895–1955) **29, 332**
 Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) 383, 405
 Струве Михаил Александрович (1890–1949) **85, 170, 219, 285**
 Суварин Борис Константинович (1895–1984) **70**
- Тарле Евгений Викторович (1875–1955) 419
 Таубер (в замуж. Ставрова) Екатерина Леонидовна (1903–1987) **172, 240**
 Терапиано Юрий Константинович (1892–1980) **30, 49, 180**
 Толстой Лев Николаевич, гр. (1828–1910) 3
 Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906) 383
 Троцкий (наст. фам. Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) 314
 Туроверов Николай Николаевич (1899–1972) 345
 Тэффи (урожд. Лохвицкая, по мужу Бучинская) Надежда Александровна (1872–1952) **101, 183**
 Тютчев Федор Иванович (1803–1873) 360
- Фатеев Аркадий Николаевич (1872–1952) **46**
 Федоров Александр Митрофанович (1868–1949) **402**
 Федотов Георгий Петрович (1886–1951) **1, 15, 56**
 Франциск Ассизский (Francesco d'Assisi; наст. фам. Giovanni Bernardone; 1182–1226) 206

- Хайндрова Лидия Юлиановна (1910–1986) 345
 Хмара Григорий Михайлович (1878–1970) **156, 200**
 Хмелева Е. **190**
 Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) 368, 388
- Цветаева Марина Ивановна (1892–1941) **31, 34, 44, 50**
 Цетлин Михаил Осипович (псевд. Амари; 1882–1945) 392
- Червинская Лидия Давидовна (1906–1988) **243**
 Чехов Антон Павлович (1860–1904) 311
- Шаляпин Федор Иванович (1873–1938) 91, 200
 Шаховская Зинаида Алексеевна, кн. (1906–2001) **150**
 Швыров Александр Васильевич (1879–1945) **302, 348**
 Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861) 285
 Шерман Савелий Григорьевич (псевд. С. Савельев; 1894–1948) **13, 182, 230**
 Шестов (наст. фам. Шварцман) Лев Исаакович (1866–1938) **33, 53, 222, 244, 291**
 Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920) 405
 Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) 231
 Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950) **61, 80**
 Шмидт Петр Петрович (1867–1906) 314
 Штейгер Анатолий Сергеевич (1907–1944) **32, 51, 213**
 Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) 162
- Щербинский (наст. фам. Беляев) Борис Никандоривч (1880–1956) 234
- Эсколь И. **167**
- Юделевский Яков Лазаревич (псевд. Ю. Делевский; 1868–1957) **133, 290**
- Яковлев Александр Евгеньевич (1887–1938) 111
 Яновский Василий Семенович (псевд. В. С. Я.; В. Я–ский; 1906–1989) **22, 168, 234, 277, 284, 300, 323, 333, 368, 395, 416**
- Barmine Alexander (Александр Григорьевич Бармин; 1899–1987) 349
 Beals Carleton (1893–1979) 348
 Belloc Hilaire (1870–1953) 346
 Blank Ruben (Рувим Маркович Бланк; 1868–1954) 238
 Bompard Maurice (1857–1935) 188
 Briand Aristide (1862–1932) 207, 278
 Brutzkus Boris (Бер Давидович Бруцкус; 1874–1938) 163
- Catherine II (Екатерина II; Sophie Friederike Auguste von Anhalt-Zerbst; Екатерина Алексеевна; 1729–1796) 121
 Ciliga Ante (Анте Цилига; 1896–1992) 118
- Demangeon Albert (1872–1940) 281
 Diebold Bernhard (1886–1945) 369
 Drabovitch Wladimir (1885–1943) 142
 Duhamel Georges (1884–1966) 418
 Dupuy Richard Ernest (1887–1975) 187
- Fielding Eliot George (1894–1971) 187
 Fribourg André (1887–1948) 185
- Gauthier Bertrand 119
 Gide André (1869–1951) 142

- Grzesinski Albert (1879–1947) 347
Guernier Eugène Léonard (1882–1973) 139
- Halévy Élie (1870–1937) 235
Herriot Édouard (1872–1957) 98
- Jeffroykin Israel (1884–1954) 371
- Kafka Franz (1883–1924) 277
- Labrouquère André (1903–1950) 373
Lavergne Bernard (1884–1975) 140, 304
Lénine V. (Владимир Ильич Ленин; наст. фам. Ульянов; 1870–1924) 164
Littlepage John D. (1894–1948) 302
Londonderry Charles, Marquess of (1878–1949) 141
- Mahler Elsa (1882–1970) 301
Mauco Georges (1899–1988) 281
Maulnier Thierry (1909–1988) 117
Maurois André (1885–1967) 97
Monroe Elizabeth (1905–1986) 208
Muret Maurice (1870–1954) 326
- Nesterow Michail (Михаил Васильевич Нестеров; 1862–1942) 301
- Oudiette Jacques (1906–1983) 370
- Paléologue Maurice (1859–1944) 164
Pépin Eugène (1887–1988) 256
Piettre André (1906–1994) 372
- Reed Douglas (1895–1976) 374
Reithinger Anton (1898–?) 237
Roberts Michael (1902–1948) 138
Roland Romain (1866–1944) 142
Rossi A. (наст. имя André Leroux; 1892–1960) 122
Rüdiger Horst (1908–1984) 232
- Seignobos Charles (1854–1942) 279
Serge Victor (наст. имя Виктор Львович Кибальчич; 1890–1947) 99
Sidobre André (наст. имя Maurice Schumann; 1911–1998) 327
Simpson John Hope (1868–1961) 280
Soloveychik George (1902–1982) 121
Suarès André (1868–1948) 398
Suarez Georges (1890–1944) 207, 278
- Tardieu André (1876–1945) 123
Tsherikower Elias (1881–1943) 371
- Vermeil Edmond (1878–1964) 397
- Weill Georges (1865–1944) 260
Werner Max (наст. имя Александр Михайлович Шифрин; 1901–1951) 186
- Yvon M. (наст. имя Robert Guiheneuf; 1899–1986) 99

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2021 № 3 (21)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская

Подписано в печать 25.09.2021

Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 24,5
Тираж 500 экз.